З. 90
Ш. 21
П. 4
№ 1

40.21 3.1

2-1459

Безплатное приложеніе къ журналу „Родина“.

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ „РОДИНЫ“

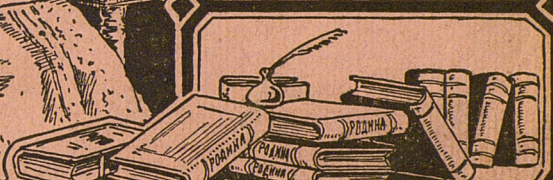
[ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ]

1907 г. — № 1.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

СОЛНЦЕ ВСТАНЕТЪ.

Романъ.



ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель А. Каспари. Редакторъ Н. Каспари.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

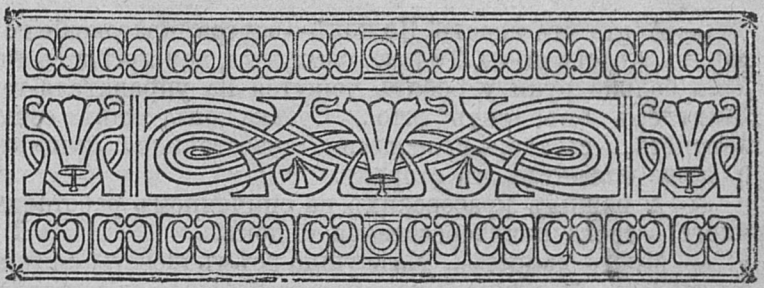
СОЛНЦЕ ВСТАНЕТЪ.

РОМАНЪ.

Изданіе А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари),
Спб., Литовская ул., соб. д., № 114.



Солнце встанетъ!

Романъ *)

I.

Трясясь и подпрыгивая, тарантасъ катился по пыльной дорогѣ. Возница безнадежно-унылымъ голосомъ ободрялъ лошадей, лѣниво тащившихся, благодаря нестерпимо удушливому іюльскому полдню. Сидѣвшій въ тарантасѣ плотный и широкоплечій человѣкъ съ лицомъ, наполовину скрытымъ огромной соломенной шляпой, съ нетерпѣніемъ поглядывалъ по сторонамъ.

— Скоро-ли доѣдемъ, братецъ?—срывалось съ его губъ полный томительнаго нетерпѣнія возгласъ.

Возница только плечами поводилъ вмѣсто отвѣта да взмахивалъ кнутомъ больше для острастки, и снова принимался понукать лошадокъ тѣмъ уныло-скорбнымъ тономъ, который присущъ русскому мужику. Проѣхавъ версты двѣ съ небольшимъ такимъ образомъ, онъ вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ повернулся на козлахъ и проговорилъ:

— А у Строгановыхъ на фабрикѣ, слышь ты, неспокойно... Нонѣ наши красовскіе сказывали, што спичешники рядились управителя побить... И слышь ты, управитель-то въ Питеръ посылалъ къ хозяину. Хозяинъ сынка своего рядилъ прислать.

— Когда-жъ онъ пріѣдетъ?—заинтересовался сѣдокъ.

*) Настоящій романъ, представляя собою вполнѣ самостоятельное произведеніе, является въ то-же время продолженіемъ романа «Къ солнцу», напечатаннаго въ январской книжкѣ приложеній къ «Родинѣ» за 1906 годъ.

— А кто его знаетъ! Не нонѣ—завтра, красовскіе говорятъ, будетъ сюды. Только, слышь ты, зря пріѣдетъ-то. Ужъ больно руки у робятъ чешутся на управителя-то. Живодеръ онъ, вотъ што... Собака онъ, какъ есть, нехристь... собака,—неожиданно ожесточился ямщикъ и даже сплюнулъ въ сторону.

— А вашихъ красовскихъ на спичечномъ работаетъ много?—снова поинтересовался сѣдокъ.

— Много нашихъ... Хлѣбушко всѣмъ жевать, слышь ты, надоть. И наши есть, и колотовскіе, что подлѣ Нескучнаго, съ низины, и рябовскіе тожъ...

— Какъ? Какъ ты сказалъ?.. Нескучное?—вдругъ разомъ встрепенулся сѣдокъ и даже въ волненіи сдвинулъ шляпу на затылокъ.

Теперь его можно было разглядѣть вполнѣ. На плечахъ этого настоящаго по виду русскаго богатыря покоилась крупная голова съ необычайно добродушнымъ круглымъ румянымъ лицомъ, заканчивающимся курчавой бородкой, съ цѣлой копной густыхъ русыхъ кудрей и съ такимъ дѣтски-прекраснымъ свѣтлымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, которымъ могутъ только обладать цѣльныя, чистыя, недюжинныя натуры.

Теперь эти глаза съ пытливой тревогой поднялись на лицо возницы.

— Нескучное, говоришь ты? Нескучное?—ронялъ онъ какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ.—Что-же это Нескучное? Имѣніе чье-нибудь?

— Хуторъ... енерала одного помершаго... хуторъ. Богатый былъ енералъ... важнѣющій. Только давно померъ... А сама-то за другого, слышь ты, вышла. Тому годовъ съ пятокъ будетъ. Раньше-то живала на хуторѣ сама-то, по вдовству своему, значитъ, послѣ енераловой смерти-то, а апосля долгое время тамотка и людей не видать было, а нонѣ...

— Живетъ тамъ кто-нибудь?—вырвалось какимъ-то новымъ нетерпѣливымъ звукомъ изъ груди пріѣзжаго, и, если-бы возница былъ чуточку посмышленнѣе, онъ почуялъ-бы, что волненіе охватило его сѣдока.

Но возница не обладалъ тонкимъ чутьемъ и не къ чему ему было заниматься настроеніемъ пріѣзжаго. Съ тѣмъ-же унылымъ видомъ онъ прикрикнулъ на пристяжную, дернулъ возжею и уже, совсѣмъ обернувшись лицомъ къ сѣдоку, проговорилъ:

— Нонѣ тамъ-то, въ Нескучномъ, то есть, енеральская дочка, барышня, съ теткой ейной живутъ... Ужъ, почитай, два года... Хорошая барышня... Ее и красовскіе, и колотовскіе, и рябовскіе всѣ знаютъ. Золото, а не барышня. Лучше фелшара али даже дохтура тебѣ всякаго отъ разной, слышь ты, болѣзни вылечитъ... И ребятъ тоже, слышь ты, учитъ, и въ больницѣ она, и на фабрикѣ, и гдѣ тебѣ хошь... повсюду. И цѣлый-то день въ работѣ. Гдѣ силушки беретъ только... Сама-то хлябоватая такая, въ чемъ душа держится, а въ трудѣ взрослому мужику не уступитъ... Нонѣ фелшаръ Гараськѣ Вихрову руку рѣзалъ; сказывалъ, огневица у Гараськи приключиться могла, такъ фелшаръ убѣгъ, сдержать, слышь ты, не могъ Гараськи-то, а она, барышня-то наша, ему рученьку свою на плечо положила да и говоритъ: „Смотри на меня, Гараська, легче будетъ!“. И впрямь легче. Далъ руку себѣ по локоть отхватить и не пикнулъ даже. Вотъ она, барышня-то, у насъ какая!—съ замѣтной гордостью заключилъ свою рѣчь мужикъ.

Сѣдокъ съ жадностью ловилъ каждое слово возницы. Неопредѣленная улыбка блуждала по его румянымъ губамъ. „Она! Она это! И никто больше! Она! Лика! Ангелъ Божій! Сокровище мое!“ — выстукивали его сердце, мысль, всѣ фибры его существа. Нѣтъ другой такой дѣвушки на свѣтѣ, нѣтъ другого такого ангела на землѣ. Онъ узнаетъ ее изъ тысячи, изъ милльона, изъ цѣлаго милліарда дѣвушекъ узнаетъ онъ ее, потому что она единственная, и другой подобной ей нѣтъ.

И какъ странно складывается его судьба? Та, которая запретила ему искать ее, та, которая ушла отъ него и отъ общества, и отъ цѣлаго міра въ глубокія дебри Россіи, та снова случайно попадается на его пути! Онъ не искалъ ея, нѣтъ, нѣтъ... Онъ не смѣлъ ослушаться ея приказанія, онъ слишкомъ уважалъ ее для этого. Виноватъ-ли онъ, что сама судьба сводитъ ихъ снова?..

И голубые глаза богатыря-атлета лучисто сіяли, а плотная широкоплечая фигура часто вздрагивала подъ макинтошемъ, накинутымъ на его сильныя плечи.

— Слушай-ка, дядя,—неожиданно обратился онъ къ возницѣ,—а отъ Красовки къ Нескучному большой крюкъ дать надо въ сторону? А?

— Отъ Красовки къ Нескучному три версты будетъ только,—отвѣтилъ возница.—А тебѣ на што?

— Три версты! Три версты только отдѣляютъ ихъ фабрику отъ того земного рая, гдѣ поселился этотъ ангелъ... И онъ не зналъ этого, когда вмѣстѣ съ отцомъ-милльонщикомъ пріѣзжалъ покупать эту фабрику полгода тому назадъ у ея прежняго владѣльца. И онъ не зналъ, онъ, Сила Строгановъ, что его ангелъ, о которомъ онъ робко мечталъ, ютится тутъ, около, почти рядомъ!.

Внезапный приливъ могучаго, остраго, почти нестерпимаго желанія увидѣть любимую дѣвушку хотя-бы издали, услышать ея голосъ, этотъ чудесный въ душу вкрадывающійся ея голосъ, такъ властно заполонилъ все существо молодого человѣка, что онъ уже не могъ противиться ему.

— Правь на Нескучное, братецъ!—неожиданно произнесъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

— Што-жъ такъ? Аль знакомые будете?—разомъ оживился возница.—Хорошая барышня, на рѣдкость!—добавилъ онъ и, помолчавъ минуту, вдругъ, словно воспрянувъ духомъ, изо всей силы ударилъ возжей по спинѣ коренной и гаркнулъ:—эй, вы вывози, пустобрюхіе!—и онъ молодецки выпрямился на своемъ сидѣньѣ.

„Какъ ее любятъ! Боже мой, какъ любятъ!—продолжало все пѣть въ душѣ Строганова.—Простой ямщикъ, жалкій мужиченка, и тотъ радуется, что увидитъ свою благодѣтельницу“. И онъ, Сила Строгановъ, увидитъ ее. Что онъ ей скажетъ, чѣмъ сумѣетъ оправдать свое ослушаніе наложеннаго на него запрета видѣть ее? Онъ ничего не знаетъ... Онъ знаетъ только одно, что бѣлый ангелъ, именуемый Ликой, здѣсь близко и что онъ увидитъ его, да, увидитъ его! Скоро... сейчасъ...

II.

На террасѣ небольшого одноэтажнаго чисто оштукатуреннаго, съ яркой зеленой крышей, окруженнаго огромнымъ садомъ, тѣнистымъ и запущеннымъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны прилегающимъ къ степи, сидѣла пожилая дама съ сильною просѣдью въ черныхъ волосахъ, съ черными усиками надъ тонкими, энергично сжатыми губами, маленькая, юркая, подвижная. Она держала въ рукахъ газету, которую быстро пробѣгала разсѣяннымъ взглядомъ. Ея губы

насмѣшливо поджимались и глаза поминутно презрительно щурились на черныя точки печатныхъ строкъ.

— Аграрные безпорядки... — шептала она чуть слышно, не отрывая взора отъ газеты.—„Сто человѣкъ крестьянъ изъ деревни Сидоровки, собравшись за околицей, нестройной толпой двинулись къ дорогѣ, къ имѣнію князя Бубенцова. Управляющій встрѣтилъ толпу на полудорогѣ, уговаривая разойтись, но, въ отвѣтъ его благому предложенію, были пущены камни изъ толпы. Управляющій не преминулъ благоразумно скрыться. Толпа прослѣдовала до самаго хутора, разграбила и уничтожила все богатое имущество князя, не пощадила стариннаго саксонскаго сервиза, прорвала и обезобразила картины стариннаго византійскаго письма, до которыхъ князь былъ большой охотникъ, и, опустошивъ роскошныя комнаты княжескаго дома, ушла назадъ. Въ имѣніе были вызваны казаки“...

Маленькая женщина съ энергичными губами, вооруженными усиками, презрительно отшвырнула газету.

— Вотъ она, матушка, святая Русь!—произнесла она, брезгливо поджимая губы и морщась, словно отъ боли. —И „эти“ хотятъ добиться желаемаго!.. Почему европейскій крестьянинъ не сжегъ-бы и не ограбилъ-бы? Потому что онъ сытъ. Въ своемъ маленькомъ уголкѣ онъ сытъ. У него есть кусокъ сыра и бутылка кислаго бордо, у него есть и умная, разсудительная башка на плечахъ. Онъ знаетъ, что уничтоженіемъ и бойней онъ не достигнетъ ничего. А этотъ бѣдный темный народъ думаетъ... Нѣтъ, прежде чѣмъ дать ему хлѣба, надо вскормить его мозгъ, надо вскормить его душу принципами гуманности и уваженія къ себѣ самому и своему праву. Да, надо научить его сумѣть признавать это право не въ силу громящаго разбойничьяго инстинкта, а въ силу доблестнаго сознанія того, что онъ—сила великая, сила необходимая для огромнаго мірового атома, который зовется Россія; что вмѣстѣ съ караваемъ хлѣба ему необходимо принять въ себя дозу европейской цивилизаціи, иначе онъ заглохнетъ и одеревенѣетъ и будетъ слѣпо слѣдовать за своими вожаками, которые поведутъ его ради собственнаго влеченія и наживы на темныя и грязныя дѣла. Ахъ, какъ слаба еще Россія, какъ много еще надо ей, чтобы достигнуть общеевропейскаго роста, чтобы заглушить тѣ

стоны нищеты и нужды, которые то и дѣло слышатся во всѣхъ углахъ и закоулкахъ!

Маленькая женщина на минуту задумалась. По ея лицу промелькнула недовѣрчивая улыбка.

— И Лика думаетъ пересоздать ихъ, думаетъ освѣтить тьму и пополнить ее солнечными лучами,—проговорила она чуть слышно.—Но, вѣдь, такихъ, какъ Лика, были тысячи и они гибли въ борьбѣ. Господь да сохранитъ мою дѣвочку, но задача непосильна ея слабому, хрупкому существу. Натуры болѣе сильныя складывали оружіе и преклонялись предъ неизбѣжнымъ, а моя Лика...

Маленькая женщина смолкла на мгновеніе и долго смотрѣла на небо. Потомъ ея взоръ упалъ на дорогу, прихотливо извивавшуюся сѣрой змѣей между двумя рядами золотистой рѣки. Легкое облачко, стлавшееся по межѣ, привлекло вниманіе маленькой женщины.

„Кто-то ѣдетъ,—мысленно произнесла она, прищуривъ свои близорукіе глаза.—Неужели Лика? Не случилось-ли чего? На спичечной Строгановыхъ неспокойно, красовскіе совсѣмъ близко отъ этой спичечной... А что если и между красовскими уже началось броженіе? И что если Лика тамъ? Господи! И когда все это кончится только... Хотѣли найти тихій миръ и забвеніе въ этомъ пустынномъ уголку, а нашли“...

Маленькая женщина чуть замѣтно перекрестилась подъ своей полосатой англійской вѣткой. Потомъ ея глаза снова обратились на дорогу и она стала смотрѣть на приближающееся облако пыли. Вотъ, наконецъ, уже можно различить и тарантасъ, и лошадей, и возницу, и чью-то сильную, коренастую фигуру, занявшую собою все сидѣнье брички.

Зинаида Владиміровна Горная, такъ звали маленькую женщину, долго всматривалась, прищуривъ глаза, и вдругъ по лицу ея пробѣжала радостная улыбка.

— Сила Романовичъ, вы-ли это?—вскрикнула она громко, бодрымъ, разомъ помолодѣвшимъ голосомъ.

Въ мигъ тарантасъ, гремя и громыхая, подкатилъ къ террасѣ. Широкоплечій сѣдокъ-богатырь на-ходу выпрыгнулъ изъ него и, сорвавъ съ головы свою соломенную шляпу, съ низкимъ поклономъ склонился предъ маленькой женщиной.

— Сила Романовичъ! Вы? Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! Вотъ пріятный сюрпризъ!—весело говорила

Зинаида Владиміровна, пожимая огромныя руки нежданн[illegible]го [illegible]

— Не прогоните-съ? Я мимоходомъ... задержу не долго-съ. Изволите видѣть, у насъ спичечники балуются, такъ отецъ меня сюда и прислалъ... командировки въродѣ. Ѣхалъ я туда на спичечную и къ вамъ завернулъ... васъ и Лидію Валентиновну провѣдать-съ. Не прогоните, сдѣлайте милость, Зинаида Владиміровна!— ронялъ радостно взволнованнымъ голосомъ пріѣзжій.

— Прогнать васъ?! Да Богъ съ вами, голубчикъ!.. Да мы здѣсь голоса людского не слышимъ. Ужъ такъ рада, что хоть одного прежняго знакомаго вижу, что и сказать немогу. И Лика рада будетъ. Вотъ увидите...—отвѣтила Горная.

— Лидія Валентиновна строго воспретили ихъ здѣсь безпокоить, какъ уѣзжали,—разомъ упавшимъ голосомъ произнесъ Строгановъ.

— Ахъ, что знала Лика!—съ досадой, махнувъ рукою, отвѣтила Зинаида Владиміровна.—Вы помните, при какихъ обстоятельствахъ тогда мы уѣзжали въ деревню?—и глаза маленькой женщины робко погрузились въ дѣтски-чистые глаза ея собесѣдника.

— Помню-съ!—чуть слышно проронилъ тотъ.

— Ну, вотъ видите,—снова оживленно подхватила Горная.—И не мудрено, что тогда ей хотѣлось забыться. Ее скомпрометтировали достаточно. Вамъ я могу сказать это, вы—другъ Лики, она часто отзывалась о васъ, какъ о другѣ, все это время...

— Да неужто вспоминали онѣ меня, Зинаида Владиміровна, Лидія Валентиновна вспоминали? Господи Боже мой! Да чѣмъ-же я заслужилъ такое счастье?— разомъ встрепенулся Строгановъ, и лицо этого взрослаго ребенка запылало такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ, что Горная не могла ласково не улыбнуться.

— Ну, вотъ видите-ли,—съ тою-же сочувственной улыбкой произнесла она снова,—тогда Ликѣ было очень тяжело; это неудавшееся сватовство князя, навязанное ей родными, ея отказъ и дѣло пріюта достаточно порастрепали нервы такой чуткой и впечатлительной натуры, какою она обладаетъ, и не мудрено, что ей не хотѣлось никого видѣть изъ тѣхъ прежнихъ, кто окружалъ ее... Увѣряю васъ, что если она и вспоминаетъ кого-нибудь, такъ это только своего брата, васъ и маленькую Бэтси... Не вѣрите? Такъ спросите ее самое.

Вотъ она, кажется, идетъ по дорогѣ изъ Красовки по степи, глядите!

Едва только Горная успѣла произнести эти послѣднія слова, какъ вся огромная фигура богатыря Силы встрепенулась, какъ былинка отъ дуновенія вѣтра. Даже румяныя щеки его чуть поблѣднѣли, а глаза, живо обратившіеся къ степи, засіяли лучистымъ свѣтомъ.

— Позволите-съ навстрѣчу Лидіи Валентиновнѣ пойти?—робкими звуками сорвалось съ его губъ.

— Идите, идите, голубчикъ!.. Не со мной-же, старухой, вамъ болтать!—ласково усмѣхаясь, проговорила Горная.

Но ея послѣднія слова едва-ли достигли до ушей Строганова. Позабывъ весь міръ, онъ быстро сбѣжалъ со ступеней террасы, миновалъ желтую площадку, раскинутую предъ домомъ, и очутился за высокимъ тыномъ, отдѣляющимъ садъ отъ широкой, привольной степи. По узкой межѣ двигалась тонкая фигура женщины, одѣтой во что-то свѣтлое съ бѣлымъ платкомъ на головѣ.

„Она!“—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Силы Романовича при видѣ женской фигуры и онъ ускорилъ шаги, крѣпко нажавъ рукою сердце, чтобы какъ-нибудь утишить его быстрое, невѣрное біеніе. За десять шаговъ до приближающейся къ нему свѣтлой фигуры онъ остановился, сорвалъ шляпу съ головы и ждалъ. Палящіе лучи солнца играли на его русыхъ волосахъ, дѣлая ихъ золотыми. Блаженная улыбка застыла на лицѣ.

— Лидія Валентиновна! Не велите казнить—велите миловать!—произнесъ онъ негромко, опасаясь испугать молодую дѣвушку, которая приближалась теперь къ нему съ задумчиво опущенной головою.

Она вздрогнула, подняла глаза...

Съ минуту они стояли молча другъ предъ другомъ. Строгановъ машинально теребилъ рукою усатые колосья, выросшіе на краю межи. И вдругъ ласковая улыбка тронула нѣжныя розовыя губки дѣвушки. Протягивая обѣ руки навстрѣчу гостю, она произнесла:

— Сила Романовичъ! Милый! Вотъ пріятная-то встрѣча! Ахъ, Господи!

Въ двѣ секунды онъ былъ подлѣ нея. Онъ готовъ былъ упасть предъ ней на колѣна, ползать въ ныли и цѣловать край ея платья и говорить ей, говорить безъ конца о томъ, какъ онъ думалъ о ней всѣ эти два года, какъ жаждалъ встрѣчи съ нею и не смѣлъ

искать ее даже, потому что она запретила ему это. Но онъ не упалъ на колѣна, не бросился къ ея ногамъ и не цѣловалъ ея одежды. Онъ былъ робокъ и стыдливъ, какъ женщина, этотъ богатырь-ребенокъ. Онъ только нѣжно и осторожно пожалъ своей огромной лапищей ея хрупкую ручку, которая вся потонула въ его большой ладони, и застѣнчиво произнесъ:

— Не извольте гнѣваться, Лидія Валентиновна, что я посмѣлъ ваше приказаніе нарушить. Но видите-ли...

И онъ путанно и сбивчиво сталъ говорить ей о томъ, что сосѣдняя съ Нескучнымъ фабрика теперь принадлежитъ имъ, и про то, что на фабрикѣ „балуютъ“ и что отецъ послалъ его осмотрѣться и „столковаться“ съ народомъ.

Они шли теперь оба рядомъ по узкой межѣ, между двумя стѣнами колосьевъ и Сила Романовичъ могъ вдоволь налюбоваться тою, чей образъ онъ нѣжно и долго лелѣялъ въ своей душѣ. Лика очень измѣнилась въ два года разлуки. Когда она сняла платокъ съ головы, чтобы обвѣять имъ пылающее отъ жары лицо, онъ сразу замѣтилъ, что она точно выросла и возмужала. Прежнее дѣтское выраженіе навсегда исчезло съ ея красиваго, молодого лица. Какія-то горькія складки оттянули книзу углы ея нѣжныхъ, привѣтливыхъ губъ. Въ сѣрыхъ глазахъ, жизнерадостныхъ прежде, теперь залегло горькое выраженіе не то укора, не то пытливаго вопроса, неразрѣшеннаго никѣмъ. Легкая морщинка врѣзалась между черными тонкими бровями и придавала выраженіе сосредоточенности и скорби всему ея тонкому, худощавому личику, значительно тронутому степными вѣтрами и солнечнымъ загаромъ. Свои чудесные золотистые волосы она остригла и теперь они прихотливо вились, какъ у мальчика, вокругъ ея смуглаго отъ загара лица. Отъ прежней нѣжной, розовенькой хрупкой барышни въ Ликѣ не осталось и слѣда; это была новая Лика, но едва-ли не болѣе притягательная и прекрасная, съ этимъ лицомъ мученицы-фанатички, съ этимъ неуловимымъ выраженіемъ готовности къ борьбѣ въ прекрасныхъ скорбныхъ глазахъ.

— Что смотрите на меня? Не узнаете? Состарилась я, подурнѣла?—спросила она, видя, какъ Строгановъ робко оглядываетъ ее сбоку, идя рядомъ съ нею.—Очень постарѣла я, Сила Романовичъ, а?

— Ахъ, нѣтъ!—вырвалось у него порывистѣе и пря-

модушнѣе, нежели онъ этого хотѣлъ,—возмужали вы, это вѣрно, Лидія Валентиновна, и старше стали какъ-будто, но... такая-же красавица, какъ и были, если не лучше еще...—заключилъ онъ пылко.

— Ну, ужъ этого я и не ожидала отъ васъ, Сила Романовичъ, я здѣсь отъ петербургскихъ комплиментовъ вовсе отвыкла. И не вамъ ихъ говорить, и не мнѣ слушать!—произнесла съ какимъ-то гордымъ, вызывающимъ выраженіемъ въ лицѣ молодая дѣвушка.

Сила сконфузился.

„Подѣломъ тебѣ! Подѣломъ, мужичина сиволапый!—произнесъ онъ мысленно съ какимъ-то злорадымъ торжествомъ,—нечего тебѣ, сѣрому мужиченку, лапотнику, съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ тесаться... Тоже комплиментщикъ какой выискался! Обидѣлъ ее, какъ есть обидѣлъ... Генеральская дочка и вдругъ отъ купца-аршинника комплиментъ какой!“

А Лика, между тѣмъ, и забыла даже о томъ, что слышала отъ своего спутника за минуту. Она шла серьезная, сосредоточенная, вся ушедшая сама въ себя. Ей было о чемъ подумать. Въ Красовкѣ начинался тифъ, занесенный съ фабрики, очевидно. И ни средствъ для борьбы съ заразой, ни рукъ, ни медикаментовъ не было. Бытъ фабрики тоже немало угнеталъ ее. Тамъ работали дѣти въ узкихъ, маленькихъ камерахъ, насыщенныхъ вредными, ядовитыми парами. Фабричная больница была набита биткомъ. Лика не имѣла права идти туда безъ разрѣшенія хозяевъ, однако, водила туда какъ-то Герасима Вихрова ампутировать руку, перерубленную въ дракѣ, и ей довелось увидѣть всѣ тѣ прорѣхи и недочеты, которые въ голосъ кричали о себѣ. Она отлично понимала, что спичечники волновались не зря. Ихъ заработокъ далеко не покрывалъ ихъ жизненныхъ условій, они работали сверхъ нормы, надсаживая здоровье и силы. Она давно знала, что спичечная фабрика куплена Строгановыми и что ей легче, чѣмъ кому-либо другому, обратиться съ просьбою къ Силѣ улучшить бытъ сѣрой массы: написать ему все, какъ обстоитъ дѣло на фабрикѣ, въ чемъ именно необходима реорганизація и какое улучшеніе можно сдѣлать въ жизни тѣхъ голодныхъ, истерзанныхъ душою и тѣломъ десятковъ людей, которые продаютъ свое жалкое существованіе за мелкіе гроши. Но она боялась

сдѣлать это, боялась напомнить о себѣ и снова зажечь погасшее уже, можетъ быть, чувство въ сердцѣ молодого милльонера. Теперь-же судьба, какъ-бы нарочно, посылала на ея пути этого человѣка и она чувствовала, что уже не сумѣетъ удержать въ себѣ то, что копилось въ ея душѣ.

— Сила Романовичъ, милый,—начала Лика,—хорошо вы осмотрѣли фабрику, да?

— Когда осмотрѣлъ-съ? Теперь-съ? Да я еще и не былъ тамъ, Лидія Валентиновна. Я прямо съ поѣзда туда поѣхалъ да по дорогѣ къ вамъ свернулъ... Ужъ простите-съ! —произнесъ онъ съ чистосердечно-виноватымъ видомъ.

— Вы хотѣли меня видѣть? Да?—ласково произнесла Лика.

— Ужасно! — искреннимъ, восторженнымъ звукомъ вырвалось прямо изъ груди Строганова.

Лика нахмурилась и ея лицо приняло строгое, почти суровое выраженіе. И вдругъ она улыбнулась снова. Улыбка у нея осталась та-же, что и. два года тому назадъ, и въ этой улыбкѣ, казалось, воскресала прежняя Лика. Сила самъ невольно просіялъ при видѣ этой улыбки.

— А, вѣдь, вашъ братецъ Анатолій былъ правъ, когда говорилъ, что вы ему напоминаете эту француженку святую...—началъ онъ робко, ободренный ея лаской.

— Француженку святую?—разсмѣялась Лика и стала уже совсѣмъ прежней въ эту минуту.—Ахъ, да,—спохватилась она, мило краснѣя,—Толя говорилъ часто, что я ему святую Женевьеву напоминаю...

— Вотъ, вотъ, именно-съ!—обрадовался ея неожиданному смѣху Строгановъ.

— А что онъ, какъ? счастливъ?

— Анатолій Валентиновичъ съ моей двоюродной сестрицей весело живутъ. Тятенька имъ ихъ свадьбу съ убѣгомъ простилъ и молодыхъ наградилъ порядочно. Жить можно хорошо, а...а...

— А только имъ все не хватаетъ!—засмѣявшись снова, подхватила Лика.

— Вотъ то-то и дѣло, что не хватаетъ!—подтвердилъ Строгановъ,—ужъ очень шибко живутъ. А вамъ пріютскіе кланяются,—неожиданно произнесъ онъ,—и Федюша, и остальные. Федя ужъ совсѣмъ большой малецъ сталъ. Его въ гатчинскій институтъ хочу помѣстить... способный парнишка.

— А вы часто тамъ бываете въ нашемъ пріютѣ?— умышленно подчеркивая слово „нашемъ", спросила Лика.

— Почитай что каждый день, Лидія Валентиновна, заѣзжаю провѣдать!

— Ахъ, вы, милый!—искренне и нѣжно вырвалось изъ груди молодой дѣвушки.—Ахъ, вы, добрый, хорошій, славный Сила Романовичъ! Спасибо вамъ!

И она протянула ему обѣ руки, которыя онъ, не осмѣлясь поцѣловать, легонько пожалъ.

И тотчасъ-же мысль подсказала Ликѣ: если этотъ большой прямодушный человѣкъ такъ добръ къ ней и къ тому маленькому дѣлу ихъ пріюта, то къ своему личному дѣтищу—къ фабрикѣ—онъ долженъ отнестись вдвое гуманнѣе и лучше. И, уже не колеблясь больше, она сказала:

— Сила Романовичъ, видите-ли, я на васъ разсердиться была готова, что вы вмѣсто того, чтобы на фабрику поѣхать, къ намъ завернули, а, вѣдь, вы—сама доброта. Помните два года тому назадъ, когда послѣ моей болѣзни вы пріѣхали ко мнѣ и меня, полную апатіи къ цѣлому міру, воскресили къ жизни, напомнивъ о томъ, что я необходима среди темныхъ, бѣдныхъ, невѣжественныхъ людей, которымъ такая, какъ я, можетъ принести пользу? И я съ жадностью накинулась на любимое дѣло. И я счастлива. Правда, здѣсь нѣтъ того глухого медвѣжьяго угла, о которомъ я мечтала. Въ нашемъ округѣ и фабрика, и село, и школа, и больница, но я рада, что здѣсь я еще болѣе необходима, пожалуй, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Я могу помогать всѣмъ и въ школѣ, и въ больницѣ, и сознаю, да, сознаю вполнѣ, что не служу помѣхой, напротивъ... И вы, и вы... Сила Романовичъ, можете помочь, если захотите. Отецъ вамъ не далъ широкихъ полномочій, не правда-ли?

— Оно, собственно говоря, такъ, Лидія Валентиновна, отецъ велѣлъ столковаться съ народомъ... пощупать... и...

— Ага! пощупать!—съ какимъ-то неожиданнымъ раздраженіемъ произнесла Лика, и Сила Романовичъ не узналъ въ этомъ разомъ окрѣпшемъ, властномъ голосѣ прежнихъ нѣжныхъ звуковъ дѣвичьяго голоса.—Ага, пощупать!—повторила еще ожесточеннѣе Горная.—

Да знаете-ли вы, что, пока вы съ хозяйскимъ видомъ станете „нащупывать“, десятки ребятишекъ сгніютъ въ зловонныхъ камерахъ, а старые рабочіе надорвутся, имѣя одиннадцатичасовой трудовой день... Господи! Что тамъ за ужасы, Сила Романовичъ! Милый! Если-бъ вы только повидали, голубчикъ. Со стороны жуть беретъ. Честное слово! Они волнуются! да... Становой валитъ все дѣло на агитаторовъ. Но это—абсурдъ! Агитаторовъ тамъ ровно столько-же, сколько рисуетъ полиціи ея напуганное воображеніе. Тамъ просто проснулся голодный рабочій инстинктъ, просто человѣкъ понялъ, что не заслуживаетъ той собачьей доли, какою его наградила судьба и которую вы, господа капиталисты, бросаете имъ изъ милости съ тѣхъ поръ, какъ желѣзное царство воцарилось надъ царствомъ человѣческаго труда, этимъ царствомъ сгорбленныхъ спинъ, вытянутыхъ съ натуги, царствомъ потухшихъ отъ ядовитыхъ кислотъ глазъ и пр., и пр. Сила Романовичъ! Вы—другъ мнѣ, или нѣтъ?—неожиданно вскинула Лика на него свой взоръ и тотчасъ-же продолжала снова:—если нѣтъ, то пишите съ мѣста письмо губернатору, требуйте взводъ драгунъ, сотню казаковъ, оцѣпите фабрику, закуйте въ кандалы воображаемыхъ агитаторовъ и вожаковъ и... и... словомъ, дѣйствуйте такъ, какъ дѣйствуютъ ваши доблестные собратья, кулаки-милльонщики, которые трясутся надъ своими прочно сколоченными грошами. Слѣдуйте ихъ примѣру, Сила Романовичъ, но тогда... тогда...

Лика закрыла лицо руками, и вдругъ тихое, чуть слышное рыданье поразило слухъ Строганова.

— Лидія Валентиновна! Барышня милая!—зашепталъ онъ.—Лидія Валентиновна! Богъ съ вами... Не печальтесь! Не кручиньтесь! Все сдѣлаю, что могу. Больше, чѣмъ могу, сдѣлаю даже! Слово вамъ даю... И пусть я буду подлецъ, если... А теперь туда... на фабрику... къ нимъ... чтобы съ мѣста, значитъ, не теряя минуты... Вы это истину сказали... святую истину!.. барышня... на пуховыхъ перинахъ мы зажирѣли и не видимъ, не чуемъ. Эхъ-ххъ! Когда-бы не поздно только... Прощайте, Лидія Валентиновна! Пора! Давно пора!

И, мѣшковато поклонившись, онъ быстрой походкой пошелъ по направленію къ хуторскому дому, выглянувшему изъ-за зелени деревьевъ.

— Лика, что-же онъ уѣхалъ, не отдохнувъ, не пообѣдавъ?—встрѣтивъ племянницу на ступеняхъ террасы, обратилась къ ней совсѣмъ изумленная Зинаида Владиміровна.

— Ахъ, тетя, милая! онъ далъ мнѣ слово...—воскликнула Лика, мигомъ вбѣгая на крыльцо и повиснувъ на шеѣ тетки.

Горная даже назадъ отшатнулась при видѣ этого необычайнаго оживленія племянницы.

„Неужели-же, Господи? Вотъ-бы хорошо было! Пускай онъ не нашего круга, но при такомъ капиталѣ всего достичь можно!“ — произнесла она мысленно и вдругъ, глубоко заглянувъ въ глаза молодой дѣвушки, проговорила:

— Онъ любитъ тебя, Лика? Онъ пріѣзжалъ дѣлать тебѣ предложеніе, да?

Въ слѣдующую-же минуту маленькая женщина раскаялась въ своихъ словахъ. Лицо молодой дѣвушки осунулось и какъ-то разомъ постарѣло. Что-то скорбное и безнадежное прошло по ея поблѣднѣвшимъ чертамъ и она тоскливо произнесла:

— Тетя! Родная моя! Вы понимаете меня больше всего міра и все-таки въ основѣ никогда не поймете меня... Развѣ я могу быть чьей-нибудь женою? Ахъ, тетя, тетя!

И Лика глубоко задумалась, уронивъ на плечо Горной свою красивую стриженную головку.

III.

Медлительно и плавно подползла короткая жгучая лѣтняя ночь. Все уснуло на хуторѣ. Нескучное погрузилось въ глубокій и сладкій сонъ... Тамъ, гдѣ густо тѣснилась группа бѣлоствольхъ березъ и стройныхъ тополей въ углу сада, стояла, не шевелясь, гибкая дѣвичья фигура. Въ своемъ свѣтломъ платьѣ, съ блѣднымъ лицомъ, приподнятымъ навстрѣчу лунѣ, вся посеребренная ея нѣжнымъ матовымъ сіяніемъ, Лика Горная олицетворяла собою статую раздумья въ этотъ тихій полуночный часъ. Внезапный пріѣздъ Силы Строганова въ ихъ благословенную глушь взволновалъ ее. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она съ теткой пріѣхала сюда, въ это милое, тихое и одинокое Нескучное; тетя Зина съ ея неисправи-

нымъ скептицизмомъ ко всему русскому, больнымъ скептицизмомъ, навѣяннымъ самою жгучею любовью истинной патріотки, и она, Лика, съ разбитымъ сердцемъ, на осколкахъ котораго, однако, сумѣло укрѣпиться одно сильное и смѣлое чувство любви къ ея темному народу. Гордое, изнѣженное дитя свѣта, Лика смѣло бросила свой вызовъ обществу и ушла отъ него, ушла отъ тьмы къ свѣту, потому что задыхалась во тьмѣ.

Да, она задыхалась. И сейчасъ, когда Лика вспомнила о томъ, что пришлось пережить ей тамъ, въ ея недавнемъ и въ то-же время страшно отъ нея отчужденномъ теперь прошломъ, дрожь ужаса прошла по стройнымъ членамъ молодой дѣвушки. Предъ ней медленно поднимались призраки прошлаго изъ серебряной какъ расплавленный металлъ, лунной ночи. Вотъ-вотъ они снова предъ ней, эти жгучія воспоминанія...

Тихо и значительно плещутъ синія воды вѣчно юной, вѣчно пѣвучей и радостной Адріатики. Тамъ далеко неслышно скользятъ огромныя суда, кажущіяся здѣсь малюсенькими чайками. Она, шестнадцатилѣтняя Лика, стоитъ на балконѣ вся бѣлая, чистая, юная и хорошенькая, и предъ ней ея учитель—синьоръ Виталіо съ звучною мандолиной въ рукахъ. Лика поетъ, а синьоръ Виталіо чуть дышитъ, прислушиваясь къ молодымъ, сочнымъ звукамъ этого едва окрѣпшаго дѣвичьяго голоса. Синьоръ Виталіо—совсѣмъ особенный учитель. Онъ самъ—музыкантъ, великій музыкантъ и не признанный людьми композиторъ. Онъ презираетъ деньги, то желчное, блѣдное, больное подергивающееся въ судорогахъ божество, которому люди сумѣли отлить драгоцѣннѣйшій пьедесталъ. Онъ не продаетъ своихъ пѣсенъ, звуковъ своей скрипки и своей мандолины этому Ваалу. Онъ понимаетъ искусство ради искусства, ради него одного. Искусство и родина—вотъ два несокрушимыхъ идеала престарѣлаго маэстро, альфа и омега всей его жизни. Онъ поетъ ради искусства и слагаетъ дивныя пѣсни для своего народа, онъ кормитъ этотъ народъ своими звуками, своими струнами..

Богатая аристократія—эта вымирающая, истлѣвшая въ собственномъ разгулѣ среда—не пойметъ его. Онъ имъ смѣшонъ, этимъ дѣтямъ балованнаго свѣта, онъ, сѣдовласый идеалистъ Виталіо съ его пылкими пѣсен-

ками и не менѣе ихъ пылкими рѣчами. Зато бѣдняки, оборванные, босоногіе, опаленные безжалостнымъ солнцемъ, бѣдняки съ мускулистыми членами, коричневыми отъ загара—эти поймутъ его. Когда они, закинувъ поутру сѣти, не найдутъ въ нихъ подъ вечеръ того желаннаго улова, который долженъ прокормить ихъ на завтра, они идутъ къ синьору Виталіо, къ ихъ „amico—синьору“ и смѣло, какъ у друга, просятъ у него помощи. И тогда онъ выступаетъ со своею скрипкой и играетъ такъ, что вся Генуя, весь гнилой Римъ, съ его порочной золотой молодежью и похотливострастными синьорами замираетъ отъ восторга. Теперь онъ чаще играетъ и рѣже поетъ. У него пропадаетъ голосъ, и все назойливѣе и назойливѣе закрадывается мысль въ сердце одинокаго старика—мысль о преемникѣ, который замѣнилъ-бы его, который поднялъ-бы знамя свѣтлаго искусства такъ высоко, чтобы люди не могли захватать его грязными, алчными руками.

И она, Лика Горная, явилась предъ нимъ и олицетворила въ себѣ все то, на что робко надѣялся старый пѣвецъ-музыкантъ...

Золотое солнце жжетъ знойно, настойчиво и тепло. Небо голубѣетъ высоко-высоко и нѣтъ предѣла этой ясной глубинѣ. Миндаль въ самомъ цвѣту. Деревья, какъ бѣлыя невѣсты, стоятъ высоко надъ горою...

Лика поетъ. Эту пѣсню сочинилъ самъ маэстро. Эта пѣсня такъ славно отвѣчаетъ и его, и ея стремленью. Тамъ говорится о всесиліи добра и братства, тамъ говорится о непосильномъ трудѣ одинокихъ, о царствѣ голода и труда. Завтра она споетъ эту пѣсню зачерствѣвшимъ въ порокахъ и страстяхъ, пресыщеннымъ и усталымъ аристократамъ, и—кто знаетъ?—можетъ быть, ея сочный, молодой, чистый, какъ хрусталь, голосъ проникнетъ имъ до самыхъ сердецъ и они помогутъ семьямъ тѣхъ неаполитанскихъ рыбаковъ, которые нѣсколько дней тому назадъ нашли свою могилу въ морѣ. И эта мысль такъ вдохновляетъ самое пѣвицу, что ея голосъ звучитъ тѣми страстными, глубоко прочувствованными нотами, которыми нельзя замѣнить никакое bel-canto. Даже тетя Зина, привлеченная необыкновеннымъ подъемомъ въ пѣніи Лики, вышла на веранду ихъ маленькой и веселой виллы.

— Какъ она поетъ, какъ она поетъ, наша дѣвочка!

Не правда-ли, синьоръ Виталіо, изъ нея выйдетъ что-то?—тихо шепчетъ она на-ухо сѣдому маэстро.

Синьоръ Виталіо ничего не отвѣчаетъ и, лишь когда замираетъ послѣдняя трель, онъ поднимается со своего мѣста, подходитъ къ Ликѣ и, кладя ей руку на плечо, вдохновенно говоритъ:

— Богъ далъ вамъ величайшее изъ богатствъ мірозданья. Онъ далъ вамъ голосъ, дитя мое, рѣдкій голосъ и рѣдкую душу. Сумѣйте-же утилизировать ихъ. Отдайте то и другое на служеніе бѣднымъ, сирымъ и угнетеннымъ. Вы богаты, Лика, и затрудненій въ этомъ случаѣ не можетъ быть. Клянитесь-же мнѣ, что вашъ талантъ и вашу душу вы отдадите на служеніе слабымъ! Клянитесь, что отнынѣ солнцемъ вашимъ будетъ цѣль облегченія нуждъ несчастныхъ, клянитесь мнѣ!

— Клянусь!—страстно вырвалось тогда изъ молодой дѣвичьей груди.—Клянусь, милый, дорогой учитель, и сдѣлаю все, чтобы улыбались вокругъ меня тѣ, кто до сихъ поръ не умѣлъ улыбаться. Отнынѣ я служу людямъ, учитель!—пылко заключила свою рѣчь глубоко потрясенная и взволнованная дѣвушка.

И Лика пѣла на другой день, пѣла ради бѣдняковъ съ хмурыми лицами и коричневыми отъ солнца тѣлами... И какъ она пѣла, Боже Великій! Генуя плакала, та самая Генуя, которая привыкла топить золото въ бушующей лавѣ своихъ страстей. Генуя плакала при видѣ трогательно-нѣжной и чистой, какъ цвѣтокъ ландыша, русской дѣвушки, почти ребенка, смѣло указывавшей имъ, пресыщеннымъ и усталымъ богачамъ, на скорби и нужды большого міра...

Новое воспоминаніе вихремъ пронеслось въ мысляхъ Лики.

Ее требуютъ домой, ее, отданную маленькой дѣвочкой на попеченіе „заграничной“ тети, убѣжавшей отъ снѣжныхъ равнинъ и голодныхъ деревень ея родины потому только, что смѣлой и энергичной женщинѣ было тяжело оставаться безсильной свидѣтельницей того мертваго засосавшаго ея родину болота, въ которомъ безнадежно гибли лучшіе люди страны. И вотъ ее, Лику, отбираютъ, какъ вещь, отъ любимой тетки, научившей ее не менѣе старика Виталіо любить людей, страдающихъ и несчастныхъ, а еще больше любить русскихъ людей, больную, израненную родину, этого

„недоношеннаго ребенка“, по выраженію тети Зины, искалѣченнаго еще въ утробѣ матери. Изъ своего прекраснаго далека, изъ страны, залитой солнцемъ, съ миндальнымъ ароматомъ и голубыми волнами Адріатики, она, Лика, сумѣла, благодаря той-же теткѣ, полюбить и черныя, закоптѣлыя избы, и цѣлые поселки безъ школъ и больницъ, и долготерпѣливую, упорную и жутко-покорную натуру русскаго крестьянина. Ее тянуло отъ волнъ солнца, моря и свѣта въ дикія, болотныя трущобы, гдѣ между покрившимися закоптѣлыми избушками россійскихъ деревень твердо и прочно воздвигъ свой тронъ всесокрушающій царь-голодъ!

Италія съ ея звучными пѣснями и пестрой толпой наскучила ей. Ей хотѣлось иныхъ пѣсенъ, иной толпы, которую такъ вдохновенно и скорбно описывала ей тетя Зина, рано понявшая свое безсиліе и уѣхавшая изъ Россіи потому только, что помочь ей, этой толпѣ, она не могла. Нѣтъ, нѣтъ надо было жить тамъ, страдать вмѣстѣ съ ними! Лика почти обрадовалась, когда запоздалое письмо матери позвало ее на родину.

— Къ солнцу! Къ солнцу!—твердила она, какъ безумная,—туда, въ Нескучное (Нескучное было ихъ имѣніе на берегахъ Волги, далеко въ глуши Россіи), къ закоптѣлымъ избамъ, къ голоднымъ крестьянамъ, къ безпріютнымъ дѣтямъ! Учить ихъ, кормить, лечить, утѣшать.

Лика, наглядѣвшаяся на торжество цивилизаціи европейскаго міра во время своихъ путешествій съ тетей Зиной, сумѣла понять всю цѣлесообразность обязательнаго школьнаго образованія и всю непригодность россійской умственной тьмы. Она помнила, что въ далекомъ дѣтствѣ, пока ея еще не взяла къ себѣ заграничная тетя, ей приходилось видѣть весь ужасъ крестьянскаго нищенства. И тогда-то и залегла первая чуткая искра міровой печали въ нѣжную душу девятилѣтней дѣвочки, которую горячо раздули въ ней впослѣдствіи синьоръ Виталіо и тетя Зина.

Но на первыхъ-же порахъ жуткое разочарованіе постигло Лику. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Нескучное къ сѣрымъ людямъ и къ жгуче-трепещущей дѣятельности, она очутилась въ самомъ водоворотѣ пестрой столичной жизни. Ея мать, вполнѣ свѣтская женщина, влюбленная въ вѣковыя традиціи общества, сумѣла

на первыхъ порахъ затянуть Лику въ это бушующее, клокочущее море. Но не долго молодая дѣвушка вела эту праздную, далеко не отвѣчающую ея нравственнымъ запросамъ жизнь. Она не могла довольствоваться тѣмъ, чѣмъ обыкновенно довольствуются свѣтскія барышни съ ихъ незначительнымъ, узкимъ кругозоромъ.

И вотъ въ то самое время, когда все ея существо такъ жадно тянулось къ тѣмъ острымъ впечатлѣніямъ, къ той страстно желаемой плодотворной дѣятельности на пользу человѣчества, появился „онъ“...

Лика вздрогнула какъ-бы отъ холода при одномъ воспоминаніи объ этомъ человѣкѣ. Онъ пришелъ къ ней неожиданно, какъ принцъ въ сказкѣ, и позвалъ ее на большое, свѣтлое дѣло.

„Большое дѣло!“—Лика ядовито усмѣхнулась...

И она повѣрила ему! Она повѣрила, что этотъ высокій, красивый человѣкъ съ холоднымъ взглядомъ насмѣшливыхъ глазъ исповѣдуетъ одну религію съ нею, что онъ—носитель тѣхъ-же идей, которыми полно все ея молодое существо, что и онъ задыхается среди пустоты суетнаго свѣта и жаждетъ приносить пользу и добро. Онъ предложилъ ей быть его помощницей... За неимѣніемъ большаго, за невозможностью уѣхать въ дебри „Нескучнаго“ и приносить пользу тѣмъ, „другимъ“, Лика охотно согласилась принять на себя дѣло по устройству дѣтскаго питомника — „его питомника. И вотъ ея новая дѣятельность закипѣла“.

Лика была счастлива, какъ дитя, видя предъ собою радостныя дѣтскія личики пригрѣтыхъ ею и имъ сиротъ. Князь Всеволодъ Гаринъ — такъ звали этого гордаго, красиваго, ко всему скептически относящагося человѣка, — самъ горячо увлекся идеей дѣтскаго питомника и заботился о маленькихъ призрѣваемыхъ, какъ самый нѣжный отецъ. Имъ удалось привлечь къ ихъ общему дѣлу и богача милльонера Силу Романовича Строганова, на двоюродной сестрѣ котораго женился братъ Лики, блестящій гвардеецъ Анатоль. И этотъ добрый, чуткій, прямодушный, какъ ребенокъ, Сила едва-ли не болѣе самого князя Всеволода предался дѣлу пріюта.

Такъ шло до тѣхъ поръ, пока въ одинъ день или, вѣрнѣе, въ одну ночь не рухнуло все разомъ. Идеалъ Лики почернѣлъ, какъ чистая позолота отъ прикосновенія

къ ней ядовитаго раствора, и молодая дѣвушка пробудилась отъ своего сладкаго, розоваго сна. Но какъ поздно, какъ ужасно поздно наступило пробужденіе! Она обманулась въ немъ, въ этомъ искателѣ приключеній, въ этомъ холодномъ аристократѣ, эгоистѣ-баринѣ, принявъ его филантропическую дѣятельность за истинную любовь къ человѣчеству; а, между тѣмъ, это былъ лишь эффектный выходъ талантливаго актера, лишняя красивая ставка въ жизненной игрѣ. Лика поняла тогда, что Гаринъ не способенъ на высокое, чистое, прекрасное чувство ко всему человѣчеству, не способенъ отдать себя на служеніе людямъ и ихъ нуждамъ и что если онъ эффектно задрапировался въ красивую тогу благороднаго дѣятеля, то ради того только, чтобы успѣшнѣе завладѣть ею, Ликой. И онъ завладѣлъ ею.

О, какъ она помнитъ эту ужасную, роковую для нея ночь!.. Они катались на тройкѣ, она, Сила Романовичъ, братъ Анатоль со своей невѣстой Бэтси Строгановой и „онъ“—„онъ“, котораго она любила больше жизни и которому посвятила всю свою кроткую дѣвичью любовь. Лика, какъ сейчасъ, видитъ предъ собой снѣжную гладкую, какъ паркетъ, зимнюю дорогу. Троечные бубенцы звенятъ, переливаясь въ ушахъ... Снѣжная пыль кружится въ воздухѣ и обсыпаетъ ихъ серебряными блестками, садясь на темномъ бобрѣ мужскихъ шинелей и шапокъ, на свѣтломъ сукнѣ изящныхъ шубокъ ея и Бэтси.

И потомъ этотъ переходъ изъ тьмы къ свѣту, залитый потоками электричества отдѣльный кабинетъ, съ его преступной атмосферой, наполнившей, казалось, и алые бархатные диваны, и тяжелыя драпри, и хрусталь, и бронзу, уставившіе столъ... И, наконецъ, волшебное пѣніе соединеннаго цыганскаго хора, смуглая, худая-красавица цыганка съ ея въ душу просящимся, жгучимъ взоромъ, и „его“ пѣснь, пѣснь князя, мастерски исполненная съ настоящимъ цыганскимъ пошибомъ. О!.. А потомъ все завертѣлось, закружилось въ одномъ общемъ круговоротѣ, и Лика помнитъ только одно — ихъ обратный путь, ея заѣздъ къ „нему“ и страстные, нѣжащіе душу глаза Всеволода, его покоряющія сердце рѣчи и поцѣлуи, и ласки безъ конца.

И теперь, вспоминая о нихъ, она страстно вздраги-

ваетъ всѣмъ тѣломъ. Неужели она еще любитъ его? Нѣтъ, нѣтъ! То прошло, миновало безвозвратно, вернуться къ прошлому невозможно!

Когда она ушла отъ него навсегда, узнавъ, что онъ дѣлилъ ея любовь съ любовью другой женщины, купленной рабыни, маленькой дикарки, привезенной имъ ради прихоти съ Востока, Лика ясно поняла, что любовь этого человѣка ничтожна и пуста и что она была для него лишь блестящей игрушкой и только.

Разрывъ съ родными, которымъ она смѣло бросила въ лицо правду о своемъ паденіи, глубокое разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ надломили тогда силы Лики. Она опасно заболѣла, а когда вырванная заботами тети Зины, прилетѣвшей изъ-за границы, чтобы ухаживать за ея любимицей, Лика встала, прежняго стремленія къ борьбѣ и жизни на пользу людямъ уже не ощущалось въ ней. Какая-то жуткая апатія овладѣла всѣмъ существомъ молодой дѣвушки. Жизнь представлялась ей теперь сплошнымъ и тоскливымъ прозябаніемъ. И вотъ тогда-то и появился тотъ славный богатырь Сила. Онъ пришелъ и сказалъ ей о солнцѣ, о ея быломъ солнцѣ, которое было померкло для нея. Онъ напомнилъ ей о томъ времени, когда она настойчиво и смѣло рвалась къ этому солнцу, когда она вся горѣла желаніемъ раздавать улыбки и счастье вокругъ себя, и всколыхнулъ ее всю однимъ словомъ. И снова чудный міръ раскрылся предъ Ликой. Уныніе и апатію какъ рукой сняло. Она убѣдила тетю Зину ѣхать въ милое Нескучное, вокругъ котораго затерялись крошечныя закоптѣлыя лачуги голодныхъ крестьянъ. И вотъ уже два года она здѣсь. Два года благословляютъ ее крестьяне. Она выстроила школу въ Колотаевкѣ, устроила воскресныя чтенія въ Красовкѣ, на свои личныя средства соорудила пріемный покой въ Рябовкѣ. А сколько одинокихъ, осиротѣвшихъ крестьянскихъ ребятишекъ гащивало у нихъ въ Нескучномъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не удавалось устроить гдѣ-нибудь въ столичномъ пріютѣ!

— Святая наша барышня, какъ есть святая!—убѣжденно говорили о Ликѣ красовскіе, рябовскіе и другіе крестьяне, съ какимъ-то благоговѣніемъ глядѣвшіе на молодую дѣвушку.

— Не надорвись, Лика!—часто предостерегала Зи-

панда Владиміровна свою не въ мѣру усердствовавшую племянницу, когда та возвращалась поздно ночью изъ избы какой-нибудь умиравшей бобылки.

— Ахъ, не мѣшай мнѣ!—говорила Лика,—я только и живу этимъ, тетя!

И она ни мало не кривила душой, говоря такъ. Ея жизнь состояла въ работѣ для другихъ.

О князѣ Гаринѣ, который поступилъ съ нею предательски, Лика не думала больше. Иногда, правда, мысль о немъ возвращалась къ ней, но она упорно гнала ее отъ себя; она старалась вполнѣ отрѣшиться отъ того омута, въ который когда-то ее было забросила судьба. И это вполнѣ удалось ей. Лика почти забыла то, что составляло мучительную язву ея жизни, какъ вдругъ прежнее воспоминаніе при появленіи Силы снова вспыхнуло въ ней.

Вѣдь, Сила зналъ все. Весь ея короткій и такъ безжалостно опошленный ея героемъ романъ происходилъ на глазахъ его, Силы Строганова. Съ его появленіемъ здѣсь появилось у нея острое, какъ сверлящій буравъ, воспоминаніе. Двое мужчинъ, двумя молчаливыми призраками, встали предъ нею: онъ—этотъ Сила Романовичъ Строгановъ, великодушный, чуткій альтруистъ, любившій ее самоотверженно и покорно, вѣрный песъ, готовый ежеминутно слѣдовать по пятамъ за своей госпожею, и тотъ холодный, эгоистичный человѣкъ, любившій себя больше цѣлаго міра и готовый бросить весь міръ къ своимъ аристократическимъ ногамъ...

Эти два призрака двухъ діаметрально противоположныхъ людей упорно стояли теперь предъ Ликой въ полутьмѣ іюньской ночи и невольно ея мысленные взоры устремлялись къ нимъ. Прежняя волна, прежняя жажда быть снова преданно и нѣжно любимой заговорила въ дѣвушкѣ. Вѣдь, она еще молода, вѣдь, ей едва минулъ двадцать одинъ годъ, и она имѣетъ право взять свою долю счастья у судьбы. То дѣло, которому она отдалала себя,—безспорно великое, огромное дѣло; но и для личнаго счастья, для ея маленькаго дѣвичьяго счастья ей хотѣлось-бы чего-то еще. Вѣдь, не умерло-же въ ней сознаніе своей красоты и молодости. Правда, она почти забыла о нихъ, но сегодня краснорѣчиво-влюбленные глаза Силы сказали ей, что она

попрежнему молода и прекрасна и имѣетъ право на счастье, огромное счастье. И зачѣмъ только появился здѣсь Сила? Зачѣмъ? Она хорошо, просто и трезво чувствовала себя со своими мужиками и ихъ ребятишками, съ простыми, рано состарѣвшимися въ борьбѣ русскими женщинами-крестьянками, съ малыхъ лѣтъ признавшими инстинктомъ одинъ великій девизъ: „отдавать всю себя за любимыхъ“. И нужно-же было послѣ двухъ лѣтъ появиться сюда Силѣ и разбудить такъ крѣпко уснувшую было въ ней силу ея молодости!

Знойная, жгучая іюньская ночь обжигала Лику; въ ней было что-то тлетворное, въ этой, пропитанной запахомъ левкоя и меда, ночи. Чьи-то глаза блеснули близко-близко отъ Лики. Она узнала ихъ сразу. Въ ихъ холодномъ, темномъ пресыщенномъ взглядѣ сквозили нестерпимая жажда и власть. Лика вздрогнула.

—Что это? Галюцинація? — беззвучно прошептали ея губы.

И тотчасъ-же она невольно усмѣхнулась надъ своей трусостью. Такіе глаза не принадлежали одному князю Гарину, которому два съ небольшимъ года тому назадъ она, гордая и чистая Лика, беззавѣтно отдала себя всю. У Брауна, новаго машиниста на фабрикѣ, были такіе-же жуткіе и холодные глаза, тотъ-же темный, прожигающій душу каждаго и холодный самъ по себѣ взглядъ. И всякій разъ, какъ только Лика встрѣчала Брауна, чувствовала на себѣ взглядъ его странныхъ глазъ, ея мысль вызывала другой образъ, далеко не похожій на образъ фабричнаго машиниста, но, тѣмъ не менѣе, обладающій подобными-же глазами. И сейчасъ мысль Лики сказала ей, что здѣсь Браунъ.

Въ этомъ не было ничего необычайнаго, такъ какъ одинъ изъ красовскихъ крестьянъ, за которымъ она долго ходила, умиралъ въ фабричной больницѣ и Лика съ минуты на минуту ждала извѣстія оттуда.

— Браунъ, вы?—звонко крикнула въ темноту Лика.

Но никто не отозвался. Только тѣ-же темные глаза неотвязно стояли предъ Ликой, обжигая ее своимъ фосфорическимъ огнемъ.

Тогда она ощутила какой-то суевѣрный страхъ; онъ колючимъ холодкомъ пробѣжалъ по всему тѣлу молодой дѣвушки и, зябко кутаясь въ платокъ, она тихо и безшумно тѣнью скользнула по дорогѣ къ балкону.

Уже около самыхъ ступеней террасы Лика машинально подняла голову и глянула по направленію Красовки. Громкій крикъ вырвался изъ груди дѣвушки. Небо алѣло заревомъ пожара, крайнія избы, тѣ, которыя стояли ближе къ фабрикѣ, пылали въ огнѣ.

IV.

Первою-же мыслью Лики было бѣжать. Тамъ, въ слободѣ (Красовка была слободою, тѣсно прилегающей къ фабрикѣ), могли быть слабые, больные старики и дѣти, о которыхъ, конечно, позабудутъ въ суматохѣ пожара, и Богъ знаетъ, что можетъ случиться съ ними.

И Лика бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, трепеща въ своемъ волненіи. Огромный пустырь до лѣса въ нѣсколько минутъ остался далеко позади за нею. Теперь она неслась, какъ птица, по знакомой межѣ между двумя рядами колосьевъ, по той самой межѣ, на которой она сегодня пристыдила Силу, пославъ его на фабрику.

Мысль о Строгановѣ живо перекинула ее на иную мысль. Невольная догадка молніей блеснула въ головѣ молодой дѣвушки.

Пожаръ на концѣ Красовки, тамъ, гдѣ живутъ эти... Веревкинъ и Маркуловъ. Неужели-же? неужели красовскіе выполнили свою давнишнюю угрозу и пустили „краснаго пѣтуха“ двумъ отщепенцамъ, которыхъ дружно ненавидѣли всею слободою, считая ихъ за доносчиковъ и шпіоновъ, состоящихъ негласными помощниками управляющаго.

Лика знала, что большую часть спичечниковъ составляли слобожане. Они задыхались въ тяжелыхъ условіяхъ фабричной жизни точно такъ-же, какъ задыхались и въ зловредныхъ испареніяхъ бѣлаго фосфора, находящаго себѣ примѣненіе на этой фабрикѣ, вопреки распоряженію губернской администраціи. Фосфорные, сѣрнистые пары, наполнявшіе воздухъ камеръ, убійственно вліяли на обоняніе и зрѣніе рабочихъ.

Лика знала весь ужасъ фосфорнаго отравленія. Не говоря уже о постоянномъ разстроенномъ питаніи, бронхитѣ, воспаленіи легкихъ и туберкулозѣ, фосфорное отравленіе вліяло еще на челюсти и полость рта, поражая и вызывая опухоль десенъ.

Примитивное устройство купленной Строгановыми

фабрики, ея скученныя отдѣленія, перегороженныя лишь слабыми стѣнами отъ ядовитыхъ камеръ, все это говорило за широкое скопленіе вредныхъ бациллъ. Ликѣ не разъ приходилось слышать жалобы слобожанокъ-матерей изъ Красовки на то, что ихъ дѣти, посылаемыя на фабрику, жалуются на зубную боль и опухоль десенъ, которыя въ самомъ непродолжительномъ времени переходятъ въ гнойное воспаленіе надкостницы, заканчивающееся пораженіемъ челюсти, спеціальною болѣзнью спичечниковъ.

Она давно хотѣла серьезно и обстоятельно переговорить съ управляющимъ фабрики о томъ, какъ-бы уговорить хозяина перенести лабораторію въ другое помѣщеніе и упрочить стѣны между сушильной и мокальной, чтобы вредные пары не переходили изъ одного отдѣленія въ другое. Но управляющій Бобруковъ, сухой, черствый человѣкъ, всячески избѣгалъ этого разговора съ Ликой. Онъ былъ нанятъ еще прежнимъ хозяиномъ фабрики и цѣнился имъ за умѣнье беречь хозяйскую копейку. Зато рабочіе дружно ненавидѣли этого жестокаго и черстваго человѣка. И теперь волненія между красовскими рабочими были вызваны исключительно имъ, его безпрестанными взысканіями и штрафами, его безсердечнымъ отношеніемъ къ рабочему люду. Лика неоднократно заговаривала съ нимъ о непосильной тяжести трудового дня, объ антигигіеничныхъ условіяхъ фабрики, но на всѣ доводы получала одинъ отвѣтъ:

— Полноте, барышня! зря только волнуетесь! У насъ рабочіе, какъ въ раю. То-ли еще бываетъ!

Однако, спичечники, вволю натерпѣвшіеся, наконецъ, не вынесли этого рая, и ропотъ поднялся между ними.

Бобруковъ встрепенулся. Боязнь за собственную шкуру заставила его тотчасъ написать въ Петербургъ. Результатомъ этого письма и оказался пріѣздъ Силы.

Лика давно знала о броженіи на фабрикѣ, знала, что этому броженію хитрый Бобруковъ силится придать политическую окраску, чтобы скрыть экономическіе прорѣхи и недочеты. Знала она и то, что среди красовскихъ есть шпіоны, которые за ничтожное вознагражденіе готовы донести управляющему на своихъ-же товарищей. Двоихъ изъ бобруковскихъ наушниковъ она знала въ лицо; это были Маркуловъ и Веревкинъ, избы которыхъ и пылали теперь на краю Красовки. Очевидно,

красовскіе накрыли управительскихъ шпіоновъ и рѣшили раздѣлаться съ ними по-своему.

Теперь Лика летѣла стрѣлой прямо къ тому мѣсту, гдѣ исполинскій костеръ указывалъ на мѣсто пожара. Двѣ избы были сплошь охвачены пламенемъ. До ушей молодой дѣвушки доносились смутный гулъ голосовъ, женскіе крики и визгъ, плачъ ребятъ и мычанье испуганнаго скота.

Лика остановилась, чтобы перевести духъ неподалеку отъ фабрики, мимо которой ей надлежало пройти, чтобы попасть въ Красовскую слободку, а затѣмъ ускорила шаги и очутилась у самыхъ воротъ. Огромная толпа народа запрудила всю внутренность фабричнаго двора, преграждая всякій доступъ къ деревнѣ. Толпа кричала, шумѣла и волновалась, ни мало не обращая вниманія на горѣвшія избы, откуда неслись стоны и вопли о помощи.

До Лики доносились отдѣльные голоса, выкрики, фразы.

— Душегубъ онъ, братцы...—кричалъ хорошо знакомый Ликѣ звонкій теноръ Гараськи Вихрова, того самаго, которому еще такъ недавно въ ея присутствіи ампутировали руку,—какъ есть душегубъ. Што ему въ сушильнѣ вентиляціи понадѣлать, а то отъ фосфора не передохнешь вовсе. Покедова рамки сдѣлаешь—задохнешься.

— Вѣрно, братцы, онъ это вѣрно, Безрукій, говоритъ,—послышался другой голосъ, нервный и вздрагивающій отъ натуги.—Старики наши вонъ говорятъ, что николи такъ народъ не меръ, какъ съ той поры, что фабрику здѣсь приспособили.

— А дѣти наши!—неистово взвизгнула худая, какъ скелетъ, бабенка,—мой Митяга кашлемъ заходится. Къ земскому дохтуру возила, въ чахотку его вогнали, сердешнаго...—и баба заголосила, неистово покрывая собою гулъ толпы.

— Смѣту сколько времени обѣщалъ послать... въ Питеръ къ хозяину, живодеръ окаянный, а что сдѣлалъ?

— Онъ все больше насчетъ политики... все агитаторовъ ищетъ!—послышался въ толпѣ полуинтеллигентный окликъ одного изъ „образованныхъ“ рабочихъ.

— Вотъ мы ему и покажемъ агитаторовъ. Тутъ не

въ смутьянствѣ дѣло, а въ томъ, что жрать нечего!— озлобленно воскликнулъ пожилой мрачнаго вида мужикъ и погрозилъ кулакомъ по направленію управительскаго дома.

— А Веревкинъ съ Маркуловымъ дотла, братцы, испепелятся,—послышался чей-то нерѣшительный голосъ въ толпѣ.

— А тебѣ жаль, што-ли? Добра ихъ жалко? А мало по ихъ милости насъ гибло отъ безработицы, когда по ихъ наговору треклятому управитель нашего брата расчитывалъ? Такъ имъ и надо, собакамъ. И Бобрукову того-же надоть-бы.

— И Бобрукову того-же, и управителю того-же... Пущай собака погрѣется хорошенько! Мало, што-ли, выпилъ крови христіанской? — подхватило нѣсколько голосовъ.

Гулъ ихъ становился теперь все громче и страшнѣе, наростая съ каждой минутой. Угрозы ежеминутно вырывались изъ той или другой возбужденной и надсаженной горечью груди.

Лика, затерянная, никѣмъ не замѣченная среди этихъ озлобившихся, взволнованныхъ людей, слушала съ напряженнымъ вниманіемъ то, что происходило въ толпѣ. Вдругъ рѣзкій одиночный крикъ поразилъ слухъ молодой дѣвушки:

— Веревкинъ и Маркуловъ за наушничанье, а ему, собакѣ, за притѣсненье того-же подпустимъ!

Лика вздрогнула и встрепенулась. Ей слишкомъ хорошо былъ понятенъ этотъ призывъ рабочаго.

И она испугалась возможности его осуществленія. Поджечь домъ Бобрукова—значило-бы сжечь всю фабрику, значило-бы оставить безъ хлѣба сотни семействъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ своемъ слѣпомъ порывѣ мщенія отказывались слушать голосъ разсудка.

— Остановитесь, безумные! Что вы хотите дѣлать! Фабрика сгоритъ, вы останетесь нищими!—вырвалось помимо воли изъ груди дѣвушки, но ея слабый голосъ былъ покрытъ и задавленъ новымъ гуломъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, и тутъ-же толпа ринулась по направленію управительскаго домика, стоявшаго очень неподалеку отъ рабочихъ камеръ.

Лика кинулась слѣдомъ за толпою, беззвучно крича что-то и махая руками.

— Остановитесь! Остановитесь!—рвалось стонами и воплями изъ ея души.

Она бросилась впередъ, стараясь протискаться какъ можно ближе къ главарямъ толпы.

Но вдругъ чья-то сильная рука схватила за руку Лику. Она быстро вскинула свой взоръ и подалась назадъ. Предъ ней стоялъ высокій, худощавый мужчина съ длинной черной бородой, съ блѣднымъ лицомъ и душу прожигающимъ, острымъ взглядомъ. На немъ была широкая темная блуза, подпоясанная ремнемъ. Темные волосы падали на высокій лобъ и придавали суровое выраженіе его угрюмому лицу.

— Барышня... Лидія Валентиновна... Куда вы?— услышала Лика надъ собою глухой, но не лишенный пріятности голосъ.

— Ахъ, это—вы, Браунъ!—словно во снѣ, прошептала Лика. — Пустите меня! Развѣ вы не видите, что они безумствуютъ?

— Настолько, что вамъ, слабой женщинѣ, не остановить ихъ,—прервалъ ее машинистъ, и его холодные глаза пронзили Лику страннымъ блескомъ.

Но Лика рванулась снова впередъ, крича въ толпу умирающими, тутъ-же на мѣстѣ заглушенными звуками. И снова сильныя руки Брауна удержали ее.

— Пустите меня, пустите!—билась въ этихъ сильныхъ рукахъ Лика,—они сожгутъ домъ, сожгутъ фабрику. Я должна остановить ихъ, пустите меня!

— Они не послушаютъ васъ... Они оскорбятъ вашъ слухъ, Лидія Валентиновна... Они невмѣняемы... Всякое заступничество можетъ только сильнѣе разжечь ихъ страсти. Поручите это дѣло мнѣ. Я въ данномъ случаѣ сильнѣе васъ.

И, прежде чѣмъ она могла отвѣтить что-либо, высокая фигура Брауна замѣшалась въ толпу. Энергично работая локтями вправо и влѣво, онъ опередилъ Лику и, поспѣшно вбѣжавъ на крыльцо управительскаго дома, закричалъ своимъ сильнымъ голосомъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ прямо въ народъ:

— Стой, братцы! Не стоитъ изъ-за одной паршивой овцы погибать всему стаду. Спалить кануру кровопійцы-собаки легко, но огонь можетъ перейти на фабрику— и тогда все пропало. Сотни безработныхъ пойдутъ съ протянутыми руками, во имя Христа... Стоитъ-ли онъ

этого, братцы? Подумайте! Возмездіе должно быть.. Онъ виноватъ предъ нами и я, германскій подданный Германъ Браунъ, первый стою за то, чтобы управляющій понесъ кару. На крупныхъ европейскихъ и россійскихъ заводахъ въ рабочихъ уставахъ, ставшихъ традиціонными, есть одинъ прекрасный обычай—вывозить недостойнаго администратора въ тачкѣ за ворота фабрики. Позорное клеймо такого наказанія не смоется никогда. А я, со своей стороны, постараюсь оповѣстить столичныя газеты, что рабочіе спичечной фабрики господъ Строгановыхъ вывезли на тачкѣ управляющаго за его недостойное поведеніе съ ними. Такъ-ли я разсудилъ, братцы, а?

— Такъ, такъ!—загалдѣли рабочіе.

И вмигъ новый гулъ покрылъ все остальное. Что-то зловѣщее слышалось теперь въ этомъ гулѣ.

Лика невольно содрогнулась отъ одной мысли о томъ, чѣмъ можетъ окончиться инцидентъ съ тачкой, въ случаѣ если Бобруковъ задумаетъ сопротивляться. Озлобленные красовскіе готовы были на все. Объ этомъ наглядно свидѣтельствовали теперь двѣ сожженныя избы приверженцевъ Бобрукова.

Но больше всего остального Лику мучила участь Силы. Гдѣ онъ? Куда онъ скрылся? Почему его нѣтъ здѣсь, на мѣстѣ волненія? Судя по времени, онъ давно долженъ былъ быть на фабрикѣ. Что-же могло задержать его? Или...

Послѣдняя мысль бросала дѣвушку то въ жаръ, то въ холодъ. Что, если озлобившіеся на всю фабричную администрацію рабочіе встрѣтили по дорогѣ Силу и... и... расправились съ нимъ?.. Но въ такомъ случаѣ она уже давно узнала-бы объ этомъ. Нескучное и Красовка—ближайшіе сосѣди, и ничто не могло-бы укрыться отъ взора обитателей хутора. И тутъ-же Лика не могла не сознаться самой себѣ, что она умышленно убаюкиваетъ свой страхъ.

Однако, думать объ этомъ много ей не приходилось. Въ домѣ управляющаго замелькалъ огонь. Очевидно, тамъ догадались о грозящей опасности, и все поднялось на ноги.

Герасимъ Безрукій и еще четыре заправилы фабричныхъ энергично шагнули впередъ, быстро взобрались на крыльцо и отчаянно забарабанили въ дверь.

— Дмитрій Кузьмичъ, выходи! — закричалъ одинъ изъ этихъ рабочихъ, Иванъ Дурдинъ, надорванный работой мужикъ.—Народъ пришелъ до тебя, говорить надо. Выйди на минутку! Дюже надо повидать тебя.

Но никто не откликался изъ дома на громкій призывъ рабочаго. Только мелькающій огенекъ перешелъ изъ одного освѣщеннаго окна къ другому, и снова все погрузилось во тьму. Тогда крики рабочихъ сдѣлались настойчивѣе и громче. Женскіе голоса присоединились къ нимъ.

— Выходи, Каинъ, выходи, убійца! хуже будетъ, если сами придемъ за тобою.

Этотъ послѣдній аргументъ подѣйствовалъ сильнѣе всего остального. Бобруковъ, очевидно, сообразилъ, что выдти болѣе безопасно, нежели быть насильно вытащеннымъ расходившейся толпой. Дверь скрипнула, пріотворилась, и фигура въ халатѣ поверхъ нижняго бѣлья, съ короткостриженными щетиной сѣдѣющими волосами, появилась на порогѣ, держась за притолку дверей.

— Что за сборище, братцы? расходись!—началъ нетвердымъ голосомъ управляющій,—нашли тоже часъ людей безпокоить...

Онъ трусилъ, но всѣми силами старался скрыть это. Его лицо, уже блѣдное до этого, замѣтно поблѣднѣло еще, когда онъ повернулъ голову по направленію къ горящимъ избамъ.

— Горитъ! Горитъ въ Красовкѣ, православные!— крикнулъ онъ, словно обрадовавшись предлогу повернуть въ другую сторону мысли „бунтарей“, какъ онъ называлъ всѣхъ безъ исключенія фабричныхъ.

— Горитъ, вѣстимо, горитъ! То и горитъ, что надо!—послышались изъ толпы насмѣшливые голоса,— чему не надо, вѣстимо, не загорится. Избы, вишь ты, наши далеко отъ пожара. Бояться нечего. Да и парни остались тамъ, чтобы за нашимъ добромъ слѣдить. А ты, Дмитрій Кузьмичъ, какъ про то думаешь?

— Веревкинъ горитъ...: Маркуловъ... они съ самаго края слободы... Поджигатели! Бунтари! Разбойники! Убійцы! — неожиданно завопилъ Бобруковъ, забывая осторожность, топая ногами и грозя кулаками толпѣ.

— Эхъ, братъ! Вотъ ты какъ съ нами? Бери его, ребята!—зазвенѣлъ красивый теноръ Герасима Безру-

каго, и вся толпа, какъ-то тихо ахнувъ, придвинулась къ крыльцу.

Четыре рослыхъ парня схватили Бобрукова за руки, за ноги и стащили съ крыльца. Въ ту-же минуту чьи-то руки выдвинули ручную тачку изъ толпы, другія руки накинули на страшно извивавшагося Бобрукова рогожный мѣшокъ, впихнули его туда, несмотря на крикъ, отчаянное сопротивленіе и угрозы, и, взваливъ этотъ живой, шевелящійся мѣшокъ на тачку, со свистомъ, гиканьемъ и криками покатили за ворота.

Кто-то по дорогѣ ударилъ по мѣшку кулакомъ, что было силы, кто-то повторилъ маневръ и въ ту-же минуту удары посыпались за ударами, вызывая крики злобы, боли и отчаянія изъ глубины мѣшка.

— Въ рѣку его, братцы, въ рѣку!—послышался голосъ одного изъ фабричныхъ.— И то дѣло! Вали его въ рѣку вмѣстѣ съ тачкой, ребята!

— Хозяйскаго добра не жалко,—вторилъ другой голосъ и черезъ секунду-другую уже ничего не было слышно въ общемъ гулѣ и шумѣ голосовъ.

Участь Бобрукова была рѣшена. Сильныя руки катили его прямо къ рѣкѣ по скату, и черезъ минуту-другую холодныя струи рѣки поглотили-бы его, но вдругъ, неожиданно, въ тотъ мигъ, когда тачка была уже на самомъ берегу, изъ небольшой фабричной пристройки вышла или, вѣрнѣе, выбѣжала рослая богатырская фигура, въ простой мужицкой рубахѣ, безъ шапки, съ развѣянными кудрями и стремительно кинулась наперерѣзъ толпѣ.

— Стойте, православные! Стойте! Не губите души христіанской!—послышался мощнымъ окликомъ слишкомъ хорошо знакомый Ликѣ голосъ.

Она такъ и подалась впередъ навстрѣчу кричавшему, сразу узнавъ Силу и инстинктивно чуя возможность найти въ немъ защитника несчастнаго Бобрукова.

Рабочіе, катившіе тачку, остановились. Кое-кто призналъ хозяйскаго сына и снялъ шапку, другіе-же враждебно поглядывали на не въ пору появившагося пришлеца.

Сила быстро очутился между рѣкой и толпою.

— Кого везете, ребята?—сильнымъ, мощнымъ голосомъ крикнулъ онъ въ толпу.

На минуту воцарилось молчаніе, послѣ чего Гараська Безрукій выдвинулся изъ толпы и, дерзко окинувъ взоромъ всю фигуру Силы, крикнулъ:

— А тебѣ какое дѣло? Не мѣшайся! Прочь съ доро и! Не въ свое дѣло не суйся, братъ!

— Да это—молодой хозяинъ, робята, — послышался новый нерѣшительный голосъ изъ толпы.

— А шутъ съ нимъ, съ хозяиномъ. Мы сами себѣ хозяева!—закричали новые голоса.

— Нечего глядѣть на него, расправляйся, братцы, съ Каиномъ нашимъ!—подхватили другіе, и нѣсколько рукъ протянулись къ тачкѣ, подняли мѣшокъ съ барахтавшимся въ немъ и кричавшимъ изо всѣхъ силъ Бобруковымъ и стали мѣрно раскачивать его надъ водою.

Лика въ ужасѣ закрыла лицо руками. На ея глазахъ долженъ былъ совершиться возмутительнѣйшій изъ актовъ самоуправства. Она тихо, скорбно застонала...

— Уйдите отсюда, барышня! Не мѣсто вамъ здѣсь!—послышался надъ нею мужской голосъ и, оберпувшись, она увидѣла склоненное надъ ея плечами лицо Брауна.

— Вы!.. Зачѣмъ вы... посовѣтовали имъ это?—съ укоромъ могла только прошептать дѣвушка.

— Я имъ ничего не совѣтовалъ!—хладнокровно пожалъ плечами машинистъ.—Желая спасти это глупое стадо, я навелъ ихъ на лучшій исходъ, а эти звѣри...

Онъ не докончилъ своей рѣчи, оборвавъ ее на полусловѣ и впиваясь взоромъ въ то, что представилось его глазамъ.

Сила Романовичъ стоялъ теперь, плотно окруженный толпою самыхъ отчаянныхъ фабричныхъ. Съ его круглаго добродушнаго лица сбѣжало его обычное кроткое выраженіе. Губы нервно подергивались. Сильныя руки сжались въ кулаки.

— Развязать мѣшокъ и выпустить его на свободу!—властнымъ голосомъ приказалъ онъ толпѣ.

На одинъ мигъ водворилось молчаніе. И вотъ, какъ-бы въ отвѣтъ на его слова, выступилъ изъ толпы бородатый фабричный изъ столичныхъ, Кирюкъ, видавшій виды и особенно притѣсняемый Бобруковымъ.

— Какъ-же, держи карманъ шире! Ишь ты, какой прыткій! Захотѣлъ больно многаго, господинъ купецъ. Довольно этотъ Каинъ кровь нашу сосалъ. За каждую

малость штрафами мучилъ, въ гнилыхъ камерахъ морилъ, дѣтей нашихъ, какъ щенятъ, гноилъ... Ладно-же, и онъ получитъ по заслугамъ. Не мѣшай, купецъ... покуда и тебѣ самому малую толику не влетѣло.

— Вѣрно, вѣрно, поостерегись, купецъ! — загудѣло въ разныхъ направленіяхъ въ толпѣ.

— Мы ему, собакѣ, законныя требованія выставляли,—снова съ особымъ жаромъ подхватилъ Кирюкъ,— мы у него фортки да вентиляціи въ сушильняхъ просили вдѣлать да двери поплотнѣе изъ камеры въ камеру приладить, чтобы, значитъ, вредные пары изъ зараженныхъ отдѣленій въ здоровыя не проникали, а онъ что на это отвѣтилъ? въ полицію далъ знать, что красовскіе мутятъ, молъ, бунтуютъ... А мы, ей-ей, ни однимъ глазомъ ни противъ Царя, ни противъ власти. Только что жизни просимъ, только что по-людски жить хотимъ...

Сила задумался на мгновеніе. Потомъ по его лицу пробѣжала тѣнь. Спокойные глаза почернѣли, въ нихъ отразилась буря, переживаемая душой.

А кругомъ толпа уже гудѣла снова:

— Что его слушать, братцы?.. Чего стоите? Бросай въ воду и вся недолга!

— Не смѣть!—пронесся, подобно громовому раскату, крикъ Строганова, и въ одну минуту онъ кинулся къ рабочимъ, вырвалъ изъ ихъ рукъ жертву, въ одну минуту сорвалъ веревку съ мѣшка и выпустилъ изъ него на смерть перепуганнаго Бобрукова.

Брань, женскіе визги, крики и проклятія повисли въ воздухѣ. Толпа грозно надвинулась къ самому Силѣ. Сжатые кулаки, исковерканныя злобою лица замелькали предъ молодымъ человѣкомъ. Всѣ эти люди напоминали теперь хищное чудовище, изъ пасти котораго только что вырвали намѣченную имъ жертву.

— Каинъ Каина отбилъ, одинъ другого стоитъ... Всѣ они на одинъ ладъ. Всѣ жилы наши тянутъ... — слышались полные бѣшенства и злобы крики и вопли.

— Ишь ты, заступникъ какой!.. Видно, самъ съ нимъ заодно. Вотъ и его-бы въ мѣшокъ да въ воду... А ну-ка, братцы, обоихъ-то сподручнѣе будетъ, а? Неужто все имъ спускать, окаяннымъ?

Послѣдняя фраза особенно тонкимъ фальцетомъ зазвенѣла въ воздухѣ... Это была уже не простая

угроза. Это былъ вызовъ, брошенный толпѣ. И толпа приняла его. Съ суровыми, поблѣднѣвшими лицами притиснулись передніе ряды къ Силѣ, стараясь, не глядя на него, подвинуться къ нему какъ можно ближе.

Лика видѣла со своего мѣста, какъ Строгановъ выпрямился на своемъ мѣстѣ, скрестилъ свои могучія руки на груди и поднялъ голову. И никогда еще молодая дѣвушка не видѣла такого лица у кроткаго Силы. Что-то чужое и страшное было теперь въ грозно сдвинутыхъ бровяхъ и плотно стиснутыхъ губахъ молодого человѣка. Его глаза метали молніи и трудно было узнать въ этихъ разомъ почернѣвшихъ глазахъ прежній ясно-голубой взоръ Силы.

Въ двухъ шагахъ отъ него, впереди толпы находился Кирюкъ. Онъ стоялъ предъ самымъ лицомъ Силы, исподлобья, косымъ взглядомъ поглядывая на него. Такъ дѣлаетъ стойку надъ дичью охотничій песъ.

Такъ длились минуты двѣ, не больше. Толпа молчала, приготовляясь къ чему-то страшному, роковому, что должно было совершиться сію-же секунду.

Вся кровь отхлынула отъ сердца Лики, и бѣдная дѣвушка едва держалась теперь на ногахъ. Если-бы она могла бѣжать теперь на помощь къ этому славному, доброму Силѣ, увести его какъ можно дальше отсюда, приказать разойтись этой страшной, жестокой толпѣ... Но эта самая толпа стиснула ее такъ сильно, что не давала возможности двинуться ни впередъ, ни назадъ. И голосъ не повиновался ей, упавъ до шепота.

— Пустите! Пустите меня!—молила она сосѣдей чуть слышнымъ шепотомъ и вся трепетно рвалась впередъ.

И словно молотомъ ударило ее по сердцу, когда она увидѣла рослыя фигуры Дурдина и Кирюка въ одинъ мигъ подскочившія къ Силѣ.

Не успѣла ахнуть молодая дѣвушка, какъ сильнымъ быстрымъ движеніемъ молодой Строгановъ отбросилъ отъ себя ближайшаго изъ нападающихъ, который безжизненнымъ комкомъ покатился по скату прямо въ рѣку. Дурдинъ при видѣ участи, постигшей товарища, отступилъ добровольно и спрятался за спиной главарей толпы; толпа мгновенно стихла.

Лика смотрѣла и не могла теперь оторвать глаза отъ рослой фигуры, неподвижнымъ изваяніемъ стоявъ-

шей на берегу. Онъ былъ одинъ противъ озвѣрѣвшей толпы, этотъ Сила, и каждую минуту толпа могла уничтожить его, стереть съ лица земли.

Лика ждала съ секунды на секунду катастрофы, и ея сердце сжималось отъ ужаса. И вдругъ сильный голосъ внезапно нарушилъ тишину ночи.

— Смирно, ребята! Слушай, что я буду говорить,— ясно до малѣйшаго звука донеслось до ушей молодой дѣвушки. — Слушай, ребята! Я пріѣхалъ къ вамъ по приказанью отца разслѣдовать ваши нужды, узнать по истинѣ, въ чемъ притѣсняютъ васъ. Ваша правда, братцы, живется вамъ скверно. Съ вечера провѣрялъ я заводскія книги, нарочно втихомолку пріѣхалъ, чтобы, прежде чѣмъ съ вами сговариваться, все досконально и точно узнать. Просмотрѣлъ я книги, говорю, и увидѣлъ, братцы, что ваше дѣло — дрянь. Самъ знаю, и что натуживаютъ васъ черезъ мѣру, и что штрафные платите тоже черезъ край, и условія жизни у васъ вредныя. Фабрику переустроить надобно, и вентиляціи, и двери, и все прочее. За малолѣтними особый надзоръ установить, не давать имъ работать во вредныхъ камерахъ. Все это я отцу завтра-же отпишу. Только, братцы, напрасно вы своимъ судомъ и расправой Бобрукова погубить хотѣли, Веревкина и Маркулова подпалили. За это дѣло васъ по головѣ не погладятъ.

— Именно не погладятъ, Сила Романовичъ... Я этого не прощу... я исправнику жаловаться буду... становому... губернатору!—ввернулъ свое слово вынырнувшій было изъ-за спины Строганова Бобруковъ.

— Ну, ты молчи, парень! Благодари, что такъ легко отдѣлался! — грубо осадилъ его Строгановъ и, презрительно окинувъ глазами безтолково топчущуюся предъ его носомъ фигуру управляющаго, снова заговорилъ съ толпою: — а управителя я вамъ другого дамъ, братцы, потому этотъ не подойдетъ. Вмѣсто того, чтобы наши интересы соблюсти, онъ, видишь ты, муть напустилъ, въ губернскій городъ далъ знать, что у насъ безпорядки, бунтуютъ. Хорошо еще, что я станового встрѣтилъ и сказалъ, чтобы не трудился сюда солдатъ присылать, а то-бы... Управителя я вамъ другого дамъ, говорю, и вы мнѣ сами поможете выбрать изъ своей среды его, ребята!

— Поможемъ, Сила Романовичъ, ваше степенство!— загалдѣли со всѣхъ сторонъ фабричные.

Лика слушала и не вѣрила своимъ глазамъ. Та-ли это толпа? Тѣ-ли это люди, которые нѣсколько минутъ тому назадъ готовы были растерзать этого самаго человѣка, съ самымъ неподдѣльнымъ смиреніемъ выслушиваютъ его теперь? Какою-же могучею силой обладаетъ этотъ по виду кроткій и тихій богатырь Сила, чтобы подчинить этого жаждущаго крови звѣря?

А, между тѣмъ, точно позабывъ о томъ ужасѣ, которому онъ могъ подвергнуться нѣсколько минутъ тому назадъ, Строгановъ уже самымъ мирнымъ образомъ разговаривалъ теперь съ толпою.

Теперь всѣ головы были обнажены. Фабричные, то и дѣло, неловко переступали съ ноги на ногу, вертя шапки въ рукахъ.

Кирюкъ, съ видомъ мокрой собаки, отряхивался на берегу, съ трудомъ вылѣзши на берегъ по крутому скату. Многіе изъ фабричныхъ уже тѣшились на его счетъ.

Русскій мужикъ добродушенъ и не злобенъ и того-же требуетъ отъ другихъ. Строгановъ зналъ эту особенность русскаго человѣка и самъ старался по мѣрѣ силъ и возможности забыть только что происшедшее. Поэтому онъ былъ очень радъ, когда кто-то крикнулъ изъ толпы, давъ иное направленіе разговору:

— А кого ты намъ дашь въ управители, хозяинъ?

Этимъ вопросомъ толпа давала понять Силѣ, что безспорно подчинялась его авторитету.

— А кого сами выберете, братцы, тому и быть!—веселымъ откликомъ раздался отвѣтъ Силы.

Толпа загудѣла, зашумѣла снова. Слышались имена болѣе или менѣе видныхъ фабричныхъ, „вожаковъ“, имѣвшихъ безспорное вліяніе на остальныхъ.

Должность управляющаго спичечной фабрики Строгановыхъ не требовала ни особенныхъ хитрыхъ знаній, ни интеллигентности. Простой фабричный, хорошо ознакомленный съ дѣломъ, могъ легко справиться съ подобнымъ назначеніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, трудно было остановиться на какомъ-либо выборѣ. Назвать одного—значило-бы обидѣть остальныхъ.

Шапки усиленно мялись вспотѣвшими руками. На лицахъ выражалось самое краснорѣчивое смущеніе. И

вдругъ звонкій теноръ Герасима Безрукаго выкрикнулъ черезъ головы:

— Брауна намъ въ управители. Дай намъ управителемъ Брауна, хозяинъ! Онъ много больше всѣхъ насъ знаетъ, въ заграницахъ былъ и все прочее, понатерся. Вотъ его намъ и дай!

— Слышите, Браунъ?—крикнулъ, въ свою очередь, Сила,—васъ выбираютъ. Здѣсь вы, что-ли? Выходите впередъ!

Прошла минута напряженнаго молчанія, показавшаяся безконечной всѣмъ этимъ людямъ. Наконецъ, высокая фигура съ черной бородою и со спущенными на самые глаза волосами раздвинула передніе ряды и очутилась предъ Силой.

— Слишкомъ большая честь, хозяинъ!—произнесъ Браунъ, выступая впередъ.

— Васъ просятъ, Браунъ.

Нѣмецъ поклонился. Если-бы Лика не была занята образомъ Силы, съ котораго не спускала теперь благодарнаго взгляда, отъ нея не ускользнулъ-бы, при начинающемъ брезжить разсвѣтѣ, торжествующій огонь въ острыхъ глазахъ машиниста. Но Лика была вся сосредоточена на словахъ Силы, который теперь ласково и мягко говорилъ:

— Грѣшно отказываться, Браунъ, въ такое время. Лучшіе отзывы о васъ фабричныхъ говорятъ уже за нашъ выборъ. Вы поможете намъ съ отцомъ... Вѣдь, вы, какъ я слышалъ, работали на лучшихъ фабрикахъ за границей.

— Въ Пруссіи и въ Вѣнѣ, хозяинъ.

— Ну, вотъ видите. Значитъ, спичечное дѣло вамъ знакомо досконально... Примите-же выборъ и помогите намъ въ полномъ преобразованіи фабрики.

— Слушаю, хозяинъ!—покорно склонивъ свою кудлатую голову, произнесъ машинистъ.

— Спасибо вамъ, Браунъ, большое русское спасибо,—проговорилъ Строгановъ,—вѣкъ не забуду, раздолжили, родной!—и Сила протянулъ свою широкую ладонь Брауну.

Тотъ крѣпко пожалъ ее своей небольшой сильной рукою.

— Качать, братцы, новаго управляющаго, качать!—загалдѣли снова притихшіе было фабричные.

И, прежде чѣмъ кто-либо ожидалъ этого, высокая фигура Брауна заколыхалась въ воздухѣ на рукахъ рабочихъ.

Лика воспользовалась сумятицей и выскочила изъ толпы.

IV.

Раннее утро забрезжило надъ лѣсомъ. Солнце еще не вставало, но красавица-заря охватила полнеба своимъ розовымъ пожаромъ. Птицы уже проснулись и безпокойно шуршали въ кустахъ, короткимъ чириканьемъ привѣтствуя утро.

Лика шла по влажной отъ росы травѣ, вся полная мыслью о только что происшедшемъ. Эта ночь переродила ее, давъ новое направленіе мыслямъ молодой дѣвушки. Сегодня воочію ей пришлось убѣдиться въ томъ, какъ низко въ нравственномъ и умственномъ уровнѣ стоитъ еще русская крестьянская толпа, какъ дико проявляются въ ней страсти и какъ необходимо поднять нравственный и духовный ростъ этихъ лишенныхъ культуры дикарей. Острая жалость, горячая привязанность и какое-то почти материнское чувство къ этимъ нецивилизованнымъ взрослымъ дѣтямъ, сильно нуждающимся въ прочномъ нравственномъ руководствѣ, наполнили душу молодой дѣвушки.

„Надо будетъ уговорить Силу устроить читальню для рабочихъ и столовую“,—мысленно произнесла молодая дѣвушка, и вдругъ внезапный румянецъ алымъ заревомъ разлился по ея лицу.

Одно воспоминаніе о Силѣ дало совершенно новый оборотъ мыслямъ молодой дѣвушки. Вмигъ предъ ея мысленнымъ взоромъ предстали, какъ по мановенью волшебнаго жезла, рослая, богатырская фигура, хмурое лицо, сжатыя брови, сурово сверкающіе глаза и скрещенныя на груди могучія руки; все это какъ-бы снова воочію увидѣла Лика.

Силой и мощью, безстрашьемъ и удалью вѣяло отъ этой рослой фигуры, беззавѣтной смѣлостью дышала она. Одинъ на одинъ, безоружный, онъ не побоялся выдти къ этой толпѣ и вырвать изъ ея рукъ намѣченную ею жертву. Онъ не побоялся идти ей наперекоръ и говорить съ нею трезвымъ, здоровымъ голосомъ разсудка, заставившимъ подчиниться эту толпу, обуре-

ваемую одною страстью—страстью разрушенія. Сколько-же нравственной мощи скрывалось въ этомъ человѣкѣ!

И онъ принадлежалъ ей душою, этотъ чудный человѣкъ. На протяженіи трехъ лѣтъ принадлежалъ ей, Ликѣ, всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ. Когда она выступала съ благотворительной цѣлью въ одномъ изъ петербургскихъ общественныхъ залъ со своими „неаполитанскими“ пѣсенками, онъ первый сумѣлъ оцѣнить ея искусство чисто и хорошо, какъ ребенокъ. Его подвели къ ней, растерянаго, смущеннаго въ его дѣтскомъ восторгѣ, навѣянномъ ею, съ робкими восхваленіями ея таланту. И тогда она, къ стыду своему, почти не обратила вниманія на этого огромнаго ребенка, потому что ея мысли были уже заняты другимъ. Но позднѣе она оцѣнила его, оцѣнила его безкорыстное, свѣтлое чувство, когда оба они работали въ пріютѣ. Онъ не смѣлъ ей заикнуться о своей любви, но и безъ словъ она понимала, какое огромное значеніе имѣютъ одинъ ея взглядъ, единое слово для этого сильнаго, прекраснаго человѣка.

А когда онъ ее, нравственно умирающую въ ея безвременной апатіи, воскресилъ къ жизни, развѣ онъ не былъ преданнѣйшимъ другомъ изо всѣхъ людей. А сейчасъ? Сегодня? Видѣла-ли она когда что-либо подобное? Нашелся-ли-бы какой другой человѣкъ на свѣтѣ, который-бы такъ смѣло вышелъ противъ разъяренной толпы? Нѣтъ, положительно нѣтъ.

Богатырскимъ эпосомъ, старыми былинами, типами Ильи и Добрыни повѣяло на Лику при одномъ воспоминаніи о статномъ богатырѣ, стоявшемъ на береговой насыпи предъ толпою. И эти могучія руки, эти развѣянныя кудри, это разомъ измѣнившееся лицо, ставшее вдругъ изъ покорнаго и кроткаго страшно и дивно-прекраснымъ!

Лика опустилась, какъ подкошенная, на траву. Ея сердце билось усиленно и неровно. Въ головѣ шумѣло и отъ усталости, и отъ безсонной ночи. Ноги ныли отъ продолжительной ходьбы. Но она не чувствовала ни боли, ни усталости. Ея лицо сіяло. Глаза блестѣли. Она безцѣльно смотрѣла на зеленую траву, наполненную безъ умолка трещавшими ранними кузнечиками, и блаженно улыбалась. Этотъ человѣкъ, этотъ сказочный богатырь, этотъ современный представитель народнаго

эпоса любилъ ее, любилъ покорно и робко, нѣжно и свѣтло, какъ ребенокъ. Онъ не смѣлъ помыслить объ обладаніи ею и только любилъ ее, любилъ ее, конечно, во сто разъ больше „того“, кому она отдала душу и тѣло.

И впервые мысль о „томъ“ недостойномъ ея человѣкѣ не провела царапины въ душѣ Лики. Казалось, сильная фигура Силы, неотступно стоявшая предъ нею, вытѣснила аристократическую фигуру Гарина. Какая-то тихая, блаженная теплота охватила все тѣло молодой дѣвушки. Сладкая истома разлилась по всѣмъ членамъ. Не будучи болѣе въ состояніи бороться съ нею, Горная упала на траву, и тотчасъ-же та-же сладкая теплота сковала сонные глаза дѣвушки.

— Сила! Сила!—помимо желанія и воли, шепнула она и тотчасъ-же уснула съ дѣтски-счастливой улыбкой.

* *
*

Солнце стояло высоко на небѣ, когда Лика проснулась отъ своего неожиданнаго сна. Она быстро вскочила на ноги и удивленно озиралась кругомъ. Было уже поздно и первою мыслью молодой дѣвушки было бѣжать скорѣе домой, гдѣ тетя Зина извелась, конечно, отъ страха за нее,

Торопливо оправивъ на себѣ платье и волосы, Горная поспѣшно зашагала по направленію къ Нескучному. Она разомъ припомнила, что сегодня праздникъ, работъ на фабрикѣ нѣтъ, и что Сила Романовичъ могъ пріѣхать къ нимъ въ послѣобѣденное время. И снова ея лицо порозовѣло, а въ сердцѣ ощутилась пріятная теплота при одной мысли о томъ, что она увидитъ его.

Прибавивъ шага, Горная стала пробираться густымъ кустарникомъ, ближайшимъ путемъ къ усадьбѣ. Сдѣлавъ шаговъ двадцать, Лика разомъ остановилась, какъ вкопанная. Сильный мужской голосъ, раздавшійся по ту сторону кустарника, привлекъ ея вниманіе.

Лика сразу узнала этотъ голосъ: говорилъ Браунъ.

Этотъ странный человѣкъ невольно возбуждалъ общее любопытство къ своей особѣ. Онъ пріѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на фабрику, предложивъ свои услуги въ качествѣ машиниста, и сразу сумѣлъ завоевать положеніе среди администраціи и

рабочихъ. Всегда сосредоточенный, сдержанный, начитанный и смѣлый, онъ рѣзко выдѣлялся среди сѣрой толпы. Къ нему шли, съ нимъ совѣтовались, его чуточку боялись даже за острый, прозорливый умъ. Никто не зналъ прошлаго этого удивительнаго человѣка, но, что въ его прошломъ крылась какая-то тайна, въ этомъ не сомнѣвался никто. Недаромъ-же онъ искалъ уединенія, не даромъ-же избѣгалъ общества рабочихъ-товарищей и даже администраціи въ лицѣ Бобрукова, школьнаго учителя и другихъ, успѣвшихъ отличить и выдѣлить его изъ общаго строя. Съ начальствомъ Браунъ держалъ себя, какъ равный, и это-то и придавало ему особый вѣсъ среди рабочаго люда. Это была едва-ли не самая интересная личность на фабрикѣ, занимавшая умы. Въ первое время его пребыванія здѣсь становой и исправникъ усиленно приглядывали за нимъ. Германъ Браунъ показался имъ европейскимъ соціалистомъ-эмигрантомъ. Но всѣ ихъ старанія „накрыть“ Брауна не привели ни къ чему. Онъ жилъ, казалось, внѣ соціальныхъ условій и такъ-же мало, повидимому, интересовался политикой, какъ и всѣмъ остальнымъ.

Однѣ машины, одна профессія, казалось, способны были увлечь его. Онъ съ первымъ гудкомъ появлялся на фабрикѣ и послѣдній уходилъ съ нея. Онъ не жилъ ни въ Красовкѣ, ни въ Колотаевкѣ, ни въ окрестныхъ деревняхъ, а снималъ въ пяти верстахъ отъ спичечной небольшой домикъ у управляющаго большой покинутой усадьбы какихъ-то разорившихся графовъ. Объ этой усадьбѣ говорилось много таинственнаго и чудеснаго. Говорили, что въ большомъ старомъ домѣ появляются иногда души ея усопшихъ владѣтелей. Таинственный Браунъ поселился въ этомъ обвѣянномъ тайной темныхъ преданій гнѣздѣ, и этого было достаточно, чтобы еще болѣе увеличить ореолъ таинственности, окружавшій все существо машиниста.

Лика часто встрѣчала его и сама невольно поддавалась странному вліянію этого необычайнаго человѣка. Она не могла не выдѣлить его изъ общей среды, и все, касающееся страннаго машиниста, не могло, какъ и всѣхъ прочихъ, не интересовать ея.

И сейчасъ этотъ голосъ, властный и мало похожій на голосъ простого рабочаго, заставилъ ее насторожиться.

Браунъ не былъ одинъ. За густою листвою кустарниковъ мелькало ярко-красное платье женщины. Лика знала это платье и эту женщину. Дочь Бобрукова, Анна, работала въ „складочной“ спичечной фабрики по настоянію своего скупого, жаднаго до заработка отца, хотя дочери управляющаго не было никакой надобности гнуть спину и дышать вредными парами, выходящими изъ сосѣдней со складочной лабораторіи.

Анна Бобрукова была сильная, рослая дѣвушка съ энергичнымъ, своеобразно красивымъ лицомъ, со вздернутымъ носомъ и такими яркими губами, что на первый взглядъ онѣ казались смоченными кровью. По своему существу эта дѣвушка была смѣла, дерзка и отважна. Она горѣла желаніемъ выдѣлиться изъ той мрачной среды, въ которую попала, жаждала знанія, и все свое свободное время проводила за чтеніемъ книгъ. Ея завѣтной мечтой было попасть въ столицу, поступить на медицинскіе курсы, добиться аттестата и стать „важной“ ученой барыней, какъ она съ необъяснимо-бравурнымъ цинизмомъ говорила о себѣ. И не ради пользы человѣчеству хотѣла она достичь этого, нѣтъ. Просто Анну Бобрукову точилъ червь тщеславія. Она никого не любила, менѣе всего ту сѣрую среду, которая окружала ее, но ей хотѣлось „утереть носъ“, какъ она выражалась, отцу, насильно взявшему ее изъ четвертаго класса гимназіи, такъ какъ онъ нашелъ, что ученье лишь мутитъ голову и что куда полезнѣе будетъ его Анюткѣ поступить на спичечную.

Здѣсь Бобрукова не пришлась ко двору ея товарищамъ и подругамъ по ремеслу. Заносчивая, гордая, она могла возбуждать къ себѣ только ненависть и непріязнь. И она гордилась этимъ и рисовалась тѣмъ отрицательнымъ чувствомъ, которое возбуждала.

Сейчасъ Анна стояла въ обществѣ Брауна, заслоненная однимъ кустарникомъ отъ Лики.

Браунъ говорилъ, Анна слушала. Очевидно, это было продолженіемъ разговора, начатаго ими ранѣе.

— Ты сама находишь, что тебѣ нельзя болѣе оставаться здѣсь послѣ инцидента съ отцомъ,—говорилъ, словно бросалъ, своимъ металлическимъ голосомъ Браунъ.—Уѣзжай. Все равно тебѣ житья здѣсь не будетъ. Дочь Каина, кровопійцы, какъ они называли твоего отца, не можетъ внушить къ себѣ уваженіе.

— Плевать мнѣ на ихъ уваженіе!—рѣзко произнесъ голосъ Анны. — Плевать я хочу на всѣхъ ихъ...

— Очень хорошо,—снова зазвучалъ голосъ Брауна, невозмутимо-спокойными нотами,—все-таки тебѣ тутъ рѣшительно незачѣмъ оставаться. Тебѣ надо уѣхать. Молчи, не перебивай меня! Тебѣ надо уѣхать въ Петербургъ. Поѣзжай, учись, работай. Я тебѣ дамъ денегъ на это.

— Денегъ? Слышите-ли? онъ мнѣ дастъ денегъ!— рѣзко и дико расхохоталась Анна.—Да знаешь-ли ты, что никогда никто въ жизни не покупалъ за деньги Анны Бобруковой? Пусть она—дочь подлеца, негодяя и кровопійцы, сама жадна и корыстна, но никогда она не продавала своихъ ласкъ, и если полюбила тебя, то полюбила всѣмъ сердцемъ, безъ задней мысли, безъ корысти. Помнишь? И теперь мнѣ ни за что не разстаться съ тобою... Не гони меня! Я люблю тебя, словно безумная. Я и мысли выкинула объ ученьѣ и обо всемъ прочемъ. Только-бы тебя видѣть, только-бы съ тобою встрѣчаться. Даромъ что я въ гимназіи училась въ губернскомъ городѣ; мой дѣдъ простой мужикъ-пахотникъ былъ, и сама я—мужичка, грубая, простая. И тебя-то я еще больше за то люблю, что въ тебѣ мужика не видно, ты—точно баринъ. Что у васъ, въ Германіи, всѣ такіе? Вонъ у тебя ручка какая! бѣлая, тонкая, барская... И красивый ты, и манеры у тебя хорошія. Слушай, Германъ! Я прежде дура была, рвалась къ свѣту, въ Питеръ, хотѣла учиться, чтобы всѣ на меня глядѣли и дивились: вонъ какова, молъ, Бобрукова Анна! изъ грязи, изъ тьмы чѣмъ стала. А теперь ничего не хочу, ничего не надо. Только люби ты меня!

Лика чувствовала себя очень неловко. Оставаться и слушать далѣе чужія тайны ей болѣе чѣмъ не хотѣлось, а уйти—значило выдать себя и сконфузить влюбленную пару. Она стояла растерянная не зная, что сдѣлать, что предпринять. И вдругъ снова задрожалъ своимъ металлическимъ звукомъ голосъ Брауна:

— Не глупи, Анна, поѣзжай! Теперь тебѣ ужъ совсѣмъ не мѣсто здѣсь оставаться. Отецъ лишился должности, тебя со свѣта сживутъ... Къ тому-же теперь, когда меня выбрали въ управляющіе, мы не можемъ оставаться близкими. Понимаешь? нехорошо!

— Недовко? Нехорошо? — какъ безумная, выкрикнула Анна.—Неловко! Нехорошо! И ты мнѣ говоришь это! Зачѣмъ-же тогда? Зачѣмъ?.. Подлецъ ты, подлецъ!—высокимъ фальцетомъ закончила она.

— Молчи! Я не люблю грубостей! — строго остановилъ Браунъ.

— Ага! Не любишь грубостей!.. А мои ласки любишь? Помнишь, когда мы были здѣсь въ тотъ вечеръ, какъ ты всю опалилъ меня? Что ты мнѣ говорилъ тогда, Браунъ? Помнишь, мы провожали тогда нескучневскую барышню изъ школы... Въ тотъ-же вечеръ она читала и пѣла съ ребятами хоромъ. Мы еще провожать ее пошли, а потомъ...

— Молчи! То былъ мигъ безумія. Я уже раскаялся въ немъ,—глухо произнесъ Браунъ.—Тогда была душная, ароматная ночь, какъ у насъ, въ Саксоніи, бываютъ. Медомъ пахло въ воздухѣ. Ты шла рядомъ, сильная, горячая, молодая, ты обвилась вокругъ меня змѣею... Ты говорила, что любишь меня... И я принялъ тебя за другую, видя въ тебѣ другую, понимаешь?—ту дѣвушку, которую я когда-то любилъ, единственную въ мірѣ, я, Германъ Браунъ, скептикъ и эгоистъ, и которую потерялъ навѣки. И въ тебѣ въ ту ночь я видѣлъ ее... Поняла теперь? Вѣдь, мои ласки потомъ не повторялись? Кто-же виноватъ, что ты, какъ собака, привязалась ко мнѣ и преслѣдуешь меня всюду? Прощай!

Голосъ замолкъ. Слышалось только усиленное дыханіе двухъ паръ человѣческихъ грудей, дыханіе, поднятое разнородными и мучительными ощущеніями.

И вдругъ Анна вскрикнула страннымъ, нечеловѣческимъ крикомъ.

— Негодяй! — четко послышалось въ душистомъ лѣсномъ воздухѣ.—Я не прощу тебѣ этого, негодяй!— и громкое рыданіе огласило лѣсъ.—Да, да, не прощу,— срывалось съ трепещущихъ губъ дѣвушки.—Я проклинаю тебя и сумѣю излить тебѣ на голову всю мою мстительную ненависть къ тебѣ. Слышишь ты меня? Отнынѣ мы—враги, враги на всю жизнь! а на фабрикѣ я останусь. Ты не смѣешь лишить меня куска хлѣба. И тебѣ, да и ей я отомщу. Я ее знаю.

— Знаешь?—голосъ Брауна дрогнулъ несвойственнымъ ему волненіемъ. — Знаешь?

— Знаю! — какимъ-то злораднымъ шипѣніемъ про-

изнесла работница, — знаю. Или ты думаешь, что я слѣпа, чтобы не видѣть тѣхъ горячихъ взглядовъ, какими ты слѣдишь за нею при встрѣчахъ? А въ ту ночь, когда я возвращалась съ тобою по лѣсу и, отуманенная страстью, кинулась тебѣ на грудь, чье имя сорвалось съ твоихъ губъ, заглушенное поцѣлуемъ? Да, я знаю ее! И знаю еще, что ты — лгунъ, да, лгунъ. Не далекую германскую дѣвушку любишь ты, а нескучневскую барышню — Лидію Горную. Да!

— Молчи! Молчи! Не смѣй произносить это святое имя!—послышался снова его трепетный голосъ,—или...

— Что „или“? — какимъ-то злораднымъ вызовомъ вскрикнула Анна.—Ужъ не грозишь-ли ты мнѣ? Такъ помни: я не боюсь угрозъ, я ничего не боюсь. Мнѣ терять нечего послѣ того какъ ты все, все отнялъ отъ меня! Помни и то, что я не прощу тебѣ обмана и рано или поздно заставлю каяться въ немъ. Увидишь!

Она замолкла. Замолкъ и Браунъ. Воцарилась полная тишина. Слышно было только, какъ кузнечики трещатъ въ травѣ да высоко въ небѣ пробуетъ свою трель молодой жаворонокъ.

Лика осторожно поднялась съ травы и съ сильно бьющимся сердцемъ неслышно скользнула въ чащу.

Что-то жуткое, необычайное почудилось ей въ этой невольно подслушанной тайнѣ. Этотъ странный, загадочный человѣкъ любитъ ее... Она смутно догадывалась о его чувствѣ и раньше, но боялась признаться въ этомъ самой себѣ. Онъ былъ ей страшенъ, этотъ человѣкъ съ его странной внѣшностью, съ его острыми, прожигающими глазами, съ пеленой таинственности, окружающей его имя. И потомъ онъ напоминалъ ей „того“, другого... И при мысли о „томъ“ снова дрожь слегка прошла по тѣлу Лики. Она прибавила хода и быстро скрылась въ зеленой чащѣ.

V.

Сила Романовичъ сдержалъ свое слово. Не прошло и трехъ недѣль со дня его пріѣзда на спичечную, какъ произошла полная реорганизація фабрики. Въ мокальномъ отдѣленіи, гдѣ вслѣдствіе фосфорныхъ газовъ всегда стояла вредная, удушливая атмосфера, были сдѣланы особенныя вентиляціи и входъ изъ мокальной въ наборную герметически запирался подъем-

ной дверью. Лабораторію перенесли въ отдѣльный флигель, такъ какъ этого просили рабочіе. Устроены были баня и столовая артели. Особенное вниманіе было обращено на малолѣтнихъ. Дѣти на фабрикѣ при прежнемъ управляющемъ допускались во всѣ камеры, считая даже и лабораторію, гдѣ они растирали зловредные порошки. Теперь имъ только давали работу въ коробочной и упаковочной, гдѣ готовились спичечныя коробки и наклеивались бандероли. Въ отдѣленіи изготовленія зажигательной массы не было одного постояннаго состава рабочихъ: они чередовались, чтобы не отравляться постепенно вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія здѣсь выдѣленіями фосфорнаго вещества, обильно напитывающаго атмосферу камеры.

И на больницу было обращено особенное вниманіе со стороны Силы. Онъ пригласилъ лишняго фельдшера, подговорилъ земскаго врача чаще заглядывать въ его „логовище“, какъ онъ шутя называлъ фабрику. Кромѣ того, Сила учредилъ эмеритурную книжку, по образцу большихъ столичныхъ заводовъ, и всячески старался облегчать бытъ тѣхъ бѣдныхъ тружениковъ, жизнь и благополучіе которыхъ цѣликомъ легли теперь на его совѣсть.

Новый управляющій блестяще оправдалъ возложенныя на него надежды. Онъ всюду поспѣвалъ своимъ прозорливымъ окомъ, помогая по мѣрѣ силъ и возможности молодому хозяину.

Цѣлые дни молодой хозяинъ и его помощникъ были на ногахъ. Можно было съ утра до ночи видѣть рослаго богатыря Силу, мелькающаго изъ одной камеры въ другую, и за нимъ гибкую, тонкую, эластичную фигуру, мало похожую на фигуру простого машиниста, Брауна. Бобрукова давно удалили съ фабрики и онъ переселился въ губернскій городъ, а домъ управляющаго былъ взятъ подъ артель, такъ какъ Браунъ упорно отказался отъ предложенія Силы переселиться изъ его „Забытой усадьбы“ и продолжалъ отмахивать по десять верстъ въ день, посѣщая фабрику.

Отъ прежняго управляющаго осталось лишь одно непріятное воспоминаніе въ образѣ его дочери, Анны, работавшей на фабрикѣ. Но и Анна стала теперь неузнаваема. Прежняя заносчивая, дерзкая дѣвушка превратилась въ послушную овечку. Ея голоса не было

слышно въ камерѣ. Очевидно, несчастье съ отцомъ отразилось и на ней. Анна притихла, и только ея большіе черные глаза съ горячимъ, злымъ огонькомъ останавливались подолгу на фигурѣ Брауна, когда онъ, сопутствуя молодому хозяину, посѣщалъ наборную.

Было утро. Первый гудокъ гулко прозвучалъ въ воздухѣ. Отъ Колотаевки и Красовки потянулись длинныя вереницы худыхъ, тощихъ фигуръ. Это были спичечники, спѣшившіе поспѣть къ началу работы. Изъ небольшого домика, стоявшаго по сосѣдству съ артелью, появилась богатырская фигура Силы. Строгановъ взглянулъ на небо, перекрестился и свѣтло улыбнулся.

„Погодка-то, погодка какая! — мысленно произнесъ онъ. — Въ Питерѣ объ эту пору такого денька не дождешься. Славно здѣсь, вѣкъ-бы остался! Только-бы“...

Тутъ быстрая, какъ молнія, мысль промелькнула въ головѣ Силы. Краска бросилась ему въ лицо. Глаза мягко увлажнились и засіяли.

„Только-бы видѣть ее почаще... — докончила его мысль.—Хоть изрѣдка видѣть ее, милую, чудную, святую, только-бы хоть однимъ глазкомъ видѣть“...

Съ той роковой ночи Сила Романовичъ не встрѣчался съ Ликой. Правда, часто издали онъ видѣлъ ея стройную, гибкую фигурку, пробирающуюся узкой межой по направленію Рябовки, гдѣ она сама лично учительствовала, но онъ не рѣшался подойти къ ней, заговорить съ нею. Она пристыдила его въ Нескучномъ, упрекнула его въ недостаточномъ вниманіи къ фабричному люду, и теперь онъ не явится къ ней до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ до конца возложенной на него миссіи. Онъ докажетъ ей, этой святой дѣвушкѣ, что если и неизмѣримо выше стоитъ она, то все-таки всѣ усилія его души стремятся къ тому, чтобы подняться въ ея глазахъ. Онъ и не хочетъ большаго. Ему-бы только немного стать человѣкомъ въея глазахъ!

Мысль о Ликѣ такъ захватила Силу, что онъ и не замѣтилъ, какъ неслышно приблизилась къ нему знакомая фигура. Браунъ подошелъ къ крыльцу и, съ достоинствомъ приподнявъ фуражку, поклонился хозяину, какъ равный равному.

— А-а! Германъ Васильевичъ, здравствуйте! — радушно произнесъ Сила, протягивая руку бывшему ма-

шинисту.—Экъ, вы въ эдакую рань пришли! Шутка-ли, пять верстъ отмахать! И сколько-то разъ я говорилъ вамъ, голубчикъ: перебирайтесь сюда, я вамъ флигельчикъ мой велю очистить, чѣмъ такъ-то почву трамбовать каждое утро. А?

— Нѣтъ, ужъ увольте, хозяинъ! Привыкъ я тамъ, да и... — нахмурясь произнесъ онъ и запнулся.

Сила Романовичъ сочувственно взглянулъ на него.

— Ну, какъ знаете! Какъ знаете!—заторопился онъ сказать. — Стѣснять васъ не стану. Ну, а деньженокъ не возьмете-ли отъ меня, чтобы лошадку купить, шарабанчикъ? Все-же удобнѣе будетъ ѣздить.

Доброе, дѣтски-простосердечное лицо Силы приняло моляцее выраженіе. Ему было болѣзненно жаль этого гордаго человѣка и хотѣлось облегчить его участь.

Но, очевидно, душѣ Брауна были чужды проявленія такого чувства. Онъ вскинулъ на молодого хозяина надменнымъ взглядомъ и холодно произнесъ:

— Благодарю васъ, но не въ моихъ привычкахъ принимать подарки. Вы платите мнѣ ровно столько, сколько этого заслуживаетъ хорошій управляющій, и сверхъ нормы я не возьму ничего. А что касается лошади, то она мнѣ не нужна. Я люблю дѣлать продолжительныя прогулки. Иначе я давно пріобрѣлъ-бы ее, такъ какъ располагаю достаточными средствами, пріобрѣтенными моимъ прежнимъ заработкомъ въ Вѣнѣ и на прочихъ европейскихъ фабрикахъ. Но я не считаю нужнымъ сдѣлать это. И ужъ если дѣлать пріобрѣтеніе, то скорѣе я-бы ужъ пріобрѣлъ себѣ „Забытую усадьбу“, благо ея владѣтели отдадутъ ее за безцѣнокъ.

— Ну вотъ, ну вотъ и отлично! — обрадовался Сила.—И если вашихъ сбереженій не хватитъ, то смѣло располагайте моими суммами для этой цѣли... заимообразно!—добавилъ онъ со своей обычной деликатностью.

— Еще разъ благодарю, хозяинъ, но, по всей вѣроятности, моихъ сбереженій хватитъ,—произнесъ Браунъ.—А сколько вы думаете пробыть здѣсь?

— А что?—встрепенулся Строгановъ.

Одна мысль объ отъѣздѣ приводила его въ отчаяніе. Онъ не могъ себѣ представить, какъ онъ уѣдетъ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ хотя изрѣдка онъ видитъ плѣнительный образъ Лики, гдѣ все дышитъ ею, гдѣ всюду ступаетъ ея маленькая ножка.

„Уѣхать отсюда! Такъ скоро? Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть отецъ ведетъ свое дѣло ситцевой мануфактуры одинъ въ столицѣ, покамѣстъ я останусь здѣсь... Это мнѣ необходимо, какъ воздухъ“.

— А что?—произнесъ онъ еще разъ тѣмъ-же испуганнымъ голосомъ.

— Да лучше вамъ-бы остаться здѣсь, хозяинъ, пока совсѣмъ не реорганизуется наша фабрика,—произнесъ Браунъ, устремляя на Строганова свой пронзительный взглядъ,—а то наши оппоненты Веревкинъ, Маркуловъ уже начинаютъ проявлять себя. Да и Кирюкъ мутитъ что-то... Да и Бобруковъ еще уняться не можетъ и дѣйствуетъ издалека на своихъ приверженцевъ. Имъ хочется снова водворить стараго управляющаго и...

— Этого не будетъ!—произнесъ Сила рѣшительнымъ, упорнымъ тономъ, котораго было трудно ожидать отъ него. — Я доволенъ вами, Браунъ, и не хочу никого другого. И рѣчи не можетъ быть объ этомъ больше! Я не знаю, какой силой вы привлекли народъ къ себя но помните, рабочіе выбрали васъ единогласно и...

— Это — панургово стадо. Они всегда привыкли дѣйствовать гуртомъ, какъ стадо свиней,—жестко произнесъ управляющій.

— Что?—лицо Силы приняло разомъ недоумѣвающее выраженіе, — какъ вы странно сказали это, Браунъ... Не жалуете вы ихъ, что-ли, этотъ народъ? А я думалъ, что вы твердо стоите за свободу, равенство и благополучіе этихъ людей....

— Вы — законченный и просвѣщенный европеецъ, а говорите, какъ ребенокъ, извините меня,—отвѣчалъ тотъ, и его тонкое лицо освѣтилось усмѣшкой. — Я — врагъ насилія, потому что оно претитъ принципамъ мірозданія... Богъ создалъ міръ, чтобы поселить въ немъ свободнаго царя-человѣка. ,Но люди пожелали власти и кровью покупали ее. Одинъ бациллы пожирали другія... Выше всякихъ основъ стояла прочная основа права сильнѣйшаго. Сила хороша, но надо знать, надъ кѣмъ проявлять ее. Вѣдь, подчиняя себѣ извѣстную силу, можно уронить, обезцвѣтить себя, если эта сила своей некультурностью заставитъ запачкать руки своего побѣдителя. Я борюсь только съ равными и борюсь навѣрняка, зная, что останусь побѣдителемъ, иная борьба меня не влечетъ.

— Ну, а уравненіе пролетаріата съ буржуазнымъ классомъ? Какъ вы смотрите на это дѣло, Браунъ?

— На это я отвѣчу однимъ, хозяинъ. Вашъ народъ выросъ и поднялся въ послѣднее время. Рабочій классъ подавленъ какъ въ своемъ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ ростѣ. Въ этомъ его болѣзнь. У васъ рабочій—мужикъ, сѣрая скотина, въ Европѣ онъ—единица, индивидуумъ съ широкимъ горизонтомъ. Узкость положенія вашего рабочаго дѣлаетъ его одностороннимъ даже въ его влеченіи къ свободѣ. Это—уже не борьба за право, а борьба за существованіе. Бросьте ему каравай хлѣба, кошель съ деньгами, онъ набьетъ свой животъ, нарядится по-господски, пойдетъ въ трактиръ, будетъ пить, какъ извозчикъ, и слушать скверную музыку, и онъ счастливъ, сытъ, ему нѣтъ дѣла до тѣхъ подлыхъ условій, въ какія попала его родина. Нѣтъ, такихъ борцовъ я не признаю. Ихъ надо сжать клещами и задушить въ нихъ малѣйшее влеченіе къ революціи. Только сытые, сильные, смѣлые люди, люди, не зависящіе отъ ихъ безжалостнаго властелина-голода, должны идти во главѣ освободительнаго движенія. Я-бы сказалъ, что бюрократическія сферы должны первыя принципіально выдвинуться въ борьбѣ за свободу, а народъ и пролетаріатъ уже пойдетъ за ними, какъ стая покорныхъ овецъ. Но нужно всегда помнить, что власть должна быть, но власть не бичующая, а могуче-великодушная, красивая власть... Вѣдь, прежній древній Римъ былъ силенъ властью, а...

Браунъ разомъ запнулся. По его лицу пробѣжало странное, не отвѣчающее его рѣчамъ, выраженіе. Глаза приковались къ одной точкѣ.

Сила Романовичъ невольно перевелъ свой взоръ по направленію взгляда управляющаго и замеръ на мѣстѣ. Къ воротамъ фабрики подъѣзжала грохоча телѣга; въ ней сидѣла Лика, съ блѣднымъ лицомъ, съ расширенными отъ страха глазами. Она на-ходу выпрыгнула изъ своего своеобразнаго экипажа и бѣгомъ направилась къ обоимъ собесѣдникамъ.

— Сила Романовичъ! Голубчикъ!—кричала она еще издали, протягивая руки,—въ Рябовкѣ несчастье случилось. Авдотьи, прежней старостихи, Андрюша въ колодецъ свалился. Ради Господа, за докторомъ пошлите, а мнѣ фельдшера дайте и позвольте Андрюшу

перевезти въ вашу больницу, хотя онъ въ рабочихъ и не числится. Мальчикъ о срубъ голову проломилъ... Ужасъ... Ради Бога, скорѣе, голубчикъ!..

Не помня себя, Лика роняла слова за словами, крѣпко вцѣпившись руками въ руку Силы. Взоры ея глазъ, полныхъ слезъ, впивались въ него. Выраженіе муки застыло въ ея красивомъ лицѣ. Но вдругъ точно трепетъ прошелъ по тѣлу дѣвушки. Она почувствовала на себѣ чей-то пристально обращенный въ ея лицо взглядъ. И вмигъ все это лицо покрылось краской. Лика инстинктивно стиснула руку Силы, какъ-бы прося у него помощи, и снова прерывисто, взволнованно заговорила:

— Ѣдемте со мною, голубчикъ, пожалуйста, поскорѣе! И фельдшеру прикажите тоже. Только ради Бога скорѣе, а то Андрюша умретъ... можетъ быть, и умеръ уже... безъ меня. Жалко, вѣдь, такой славный мальчишка и притомъ одинъ сынъ у матери! Всѣ тамъ растерялись, заметались. Вотъ мнѣ и пришлось ѣхать... самой. Скорѣе, скорѣе, голубчикъ!

Но Силу уже не надо было торопить. Волненіе Лики невольно передалось ему. Взволнованнымъ голосомъ приказалъ онъ тотчасъ-же позвать фельдшера, потомъ попросилъ Брауна отрядить немедленно верхового за земскимъ врачомъ и, покончивъ со всѣмъ этимъ, помогъ Ликѣ вскарабкаться на телѣгу.

— Ну, вотъ и ладно, теперь ужъ полдѣла сдѣлано!— произнесъ онъ ободряющимъ голосомъ, усаживаясь подлѣ молодой дѣвушки и приказавъ фельдшеру помѣститься тутъ-же.

Сѣрый, невзрачный мужиченка задергалъ возжами, и телѣга, громыхая, поскакала по направленію Рябовки.

Браунъ долго и пристально смотрѣлъ вслѣдъ, потомъ медленно сунулъ руку въ карманъ, вынулъ изъ него портъ сигаръ, закурилъ папиросу и глубоко, глубоко задумался.

— Что? Промо ргалъ свою лапушку? И знать тебя не хочетъ генеральская дочка!—послышался за нимъ насмѣшливый шепотъ.

Браунъ быстро обернулся. Предъ нимъ въ своемъ обычномъ яркомъ, пестромъ нарядѣ, выгодно оттѣняющемъ ея рѣзкую красоту, стояла Анна Бобрукова. Ея черные глаза насмѣшливо сверкали, ротъ кривился.

При видѣ этого задорно поднятаго къ нему лица, вся кровь кинулась въ голову Брауна. Что-то грозное

сверкнуло въ его черныхъ пронзительныхъ глазахъ, и, прежде чѣмъ дѣвушка могла опомниться, онъ схватилъ ее за плечи и произнесъ тихо и внушительно:

— Слушай ты, тварь, слушай меня хорошенько! Если ты когда-либо посмѣешь произнести имя этой святой дѣвушки, я размозжу тебѣ голову о стѣну камеры, хотя не привыкъ быть грубымъ ни съ одной женщиной въ мірѣ. А теперь ступай и чтобы ты не попадалась мнѣ больше на моемъ пути никогда! слышишь?

И съ силой оттолкнувъ отъ себя Анну, онъ спокойнымъ шагомъ двинулся по направленію воротъ фабрики.

VI.

Въ маленькой избенкѣ бывшей старостихи Анисьи было нестерпимо душно. Въ углу на лавкѣ въ полусидячемъ положеніи сидѣла сама Анисья, изможденная горемъ и нуждою женщина, и крѣпко спала въ самой неудобной позѣ, въ какой обыкновенно спятъ измученные недавней встряской люди. За ситцевой занавѣской на несложной крестьянской постели охалъ ребенокъ. Фельдшеръ вышелъ „покурить“ и Лика одна осталась у постели больного Андрюши.

Уже четвертую ночь сидитъ Лика такъ около больного мальчика. Проломъ черепной кости повлекъ за собою воспаленіе мозга, во время котораго больного нельзя было ни подъ какимъ видомъ перевезти въ фабричную больницу, и Лика Горная водворилась въ избѣ Аксиньи, съ цѣлью во что-бы то ни стало выходить Андрюшу.

Дни ночи проводила она теперь здѣсь, уходя домой для того лишь, чтобы вымыться и переодѣться, да перекинуться двумя,-тремя словами съ тетей Зиной. Каждый день сюда навѣдывался Сила. Онъ осторожно, беззвучно входилъ своей тяжеловатой обычно походкой и освѣдомлялся о здоровьѣ Андрюши. И каждый разъ по его уходѣ Лика должна была сознаться, что она ждетъ этого посѣщенія, что оно доставляетъ ей радостное удовлетвореніе.

Сегодня Сила еще не былъ, и молодая дѣвушка, смѣняя ледъ на головѣ больного, обтирая уксусомъ его горячее тѣльце, думала о Силѣ. Онъ представлялся ей теперь не иначе, какъ окруженный разбушевавшейся фабричной толпою, готовой растерзать его заодно съ Бобруковымъ; идеаломъ русскаго богатыря и въ то-же время рыцаремъ безъ страха и упрека представлялся

онъ ей. Она знала только двоихъ такихъ людей, мощныхъ духомъ: синьора Винталіо и Силу, и къ обоимъ имъ рвалась ея молодая, горячая душа.

Андрюша застоналъ на своемъ ложѣ, и Лика разомъ встрепенулась и, съ трудомъ отогнавъ отъ себя постороннія мысли, занялась больнымъ.

До 11-ти часовъ она могла оставаться здѣсь; въ одиннадцать за ней должна была прислать лошадь тетя Зина. Сегодняшнюю ночь Лика рѣшила провести дома, положась на слова доктора, сказавшаго ей утромъ, что опасность болѣе или менѣе миновала. Ей надо было къ тому-же собраться съ мыслями, обсудить кое-что, что волновало ея чуткую душу.

Сегодня ей пришлось встрѣтиться со школьнымъ учителемъ Красовки. Это былъ ярый соціалистъ, и съ восторгомъ отмѣчалъ каждую черточку соціальной эволюціи. И сегодня онъ сообщилъ ей, что красовскіе „просыпаются“, что на спичечную проникли агитаторы, и не сегодня—завтра начнется открытое броженіе, на этотъ разъ уже внѣ экономической цѣли. Лика мелькомъ уловила имена Бобруковой, Кирюка... Кирюкъ былъ опасный оппортюнистъ, та гнойная язва пролетаріата, которая умѣла распространять вокругъ себя зловоніе и заразу. Лика знала, что Кирюкъ и Анна Бобрукова—единственный недовольный элементъ на фабрикѣ, хотя Анна и притворялась подъ шкурой овечьей скромности, а Кирюкъ на время прикусилъ свой ядовитый языкъ.

Кирюкъ былъ едва-ли не самый сознательный изъ рабочихъ. Судьба забросила его въ эту глушь изъ самыхъ нѣдръ соціально-пролетарской жизни. Онъ говорилъ красно и умѣло и всегда дѣйствовалъ на толпу какою-то задорной бравурой. Кирюкъ былъ на „замѣчаніи“ въ губерніи, и это нѣсколько пріостанавливало этого яраго соціалиста. Ивановъ (фамилія учителя) передалъ Ликѣ, что Кирюкъ съ той самой исторіи точитъ зубъ на молодого хозяина, и Лика рѣшила во что-бы то ни стало предупредить Силу. Самъ по себѣ Кирюкъ не былъ опасенъ, но онъ умѣлъ возбуждать и растравлять умы, и этого было достаточно, чтобы чувствовать кое-какія опасенія по отношенію къ нему.

Лика, принципіально стоявшая всегда за народъ и презиравшая его угнетателей, не могла не почувствовать всей гадости возмутительной тактики Кирюка.

Вѣдь, Сила шелъ навстрѣчу сѣрому люду, вѣдь, онъ сдѣлалъ все зависящее отъ себя, чтобы улучшить бытъ фабрики. Ужели-же онъ достоинъ подобнаго отношенія людей, въ дружбу и преданность которыхъ онъ началъ было вѣрить, какъ ребенокъ?

Да, да, она сегодня-же предупредитъ его обо всемъ. Только-бы скорѣе, скорѣе ей увидѣть его.

Вошелъ фельдшеръ и прервалъ мысли Лики.

— За вами прислали лошадь, Лидія Валентиновна,— произнесъ онъ.—Я разбужу Анисью и мы почередуемся у больного... А вы съ Богомъ.

— Да, я ѣду, Василій Парменовичъ!—какимъ-то упавшимъ голосомъ произнесла Лика и мысленно добавила отъ себя:„А его нѣтъ, онъ не ѣдетъ. Онъ не пріѣдетъ сегодня!“.

Анисья проснулась. Андрюша безпокойно заметался на постели. Лика осторожно наклонилась надъ нимъ и поцѣловала горячую щеку ребенка, потомъ накинула на плечи платокъ и вышла на крыльцо.

Звѣзды... Звѣзды... Звѣзды... Цѣлый міръ звѣздъ, цѣлое море золотого сіянія.

„Когда я вижу звѣздное небо“, — невольно вспомнила Лика слова Канта,—то чувствую лучшія и высшія стороны своего естества“.

Старый философъ былъ искрененъ, какъ всегда. Звѣзды—это совѣсть неба, которая всегда чиста и прекрасна и является вѣчнымъ напоминаніемъ міру о его стремленіи къ совершенству.

Лика взглянула на небо, и вся ея душа всколыхнулась и словно запѣла, но запѣла тою пѣснью, которой нѣтъ мѣста на небесахъ. Ликѣ снова захотѣлось любви, захотѣлось чувства, сильной мужской свѣтлой, любящей ласки, которая, казалось, не была создана для нея. Ее потянуло въ невѣдомую сладкую и жуткую даль... Ей захотѣлось услышать горячія, преданныя рѣчи, захотѣлось почувствовать біеніе сердца, бившагося для нея. Невольныя слезы обожгли ей глаза.

— Одинока... одинока... одинока!—произнесла она съ какою-то горькой, болѣзненной настойчивостью.—Одинока и никому нѣтъ дѣла до меня!—и, подавивъ въ себѣ вздохъ, она медленно сошла съ крыльца и направилась къ тарантасу.

— Лидія Валентиновна! На одну минутку-съ!—послышался за нею сильный, хорошо знакомый голосъ.

Лика вздрогнула, обернулась. Предъ нею въ полутьмѣ обрисовалась атлетическая фигура Строганова.

Жгучая радость вспыхнула полымемъ въ сердцѣ Лики. Его беззавѣтная любовь къ ней свѣтлой, умиротворяющей грезой дѣйствовала на нее, а теперь, въ эту ночь, когда одиночество остро и болѣзненно захватило молодую дѣвушку, она болѣе чѣмъ когда-либо обрадовалась его приходу.

— Какъ я рада васъ видѣть!—вырвалось у нея.

Въ одну минуту Сила былъ подлѣ Лики. Свѣтъ луны набрасывалъ свой серебристый покровъ на его богатырскую фигуру, на широкое лицо и русыя кудри, и эти лицо и фигура казались теперь чѣмъ-то фантастически-крупнымъ и значительнымъ на фонѣ ночи.

„Точно и не прежній Сила, какимъ я его знала три года назадъ, а другой кто-то, сказочный и чудный“,—невольно подумала Лика, и этотъ другой сразу-же властно занялъ мѣсто въ ея душѣ.

Протянувъ ему дрожащія руки, Лика проговорила:

— За мной тетя Зина лошадь прислала. Только я пройтись хочу. Пусть Артемъ впередъ ѣдетъ, а мы сдѣлаемъ прогулку. Хотите, Сила Романовичъ?

— Хочу-ли я?—такимъ горячимъ, юношескимъ звукомъ вырвалось изъ груди Строганова, что Лика почувствовала разомъ всю огромную любовь этого большого человѣка.—Да я-бы теперь, кажется, до утра вотъ тутъ простоялъ, ожидая вашего выхода изъ избы.

Лика тихо пожала протянутую ей сильную руку, въ которой ея собственная ручка утонула совсѣмъ. Потомъ она взяла Силу подъ руку и зашагала своей легкой походкой подлѣ Строганова.

— Какъ пойдемъ? Лѣсомъ или пустырью прикажете-съ?—спросилъ онъ молодую дѣвушку.

— Лѣсомъ! Конечно, лѣсомъ!—весело воскликнула та,—если вы не боитесь!—произнесла она съ невольнымъ женскимъ лукавствомъ.

— Лидія Валентиновна, храбростью я не хвалюсь,—произнесъ Строгановъ,—а ежели, къ примѣру сказать, кто-нибудь на вашемъ пути подвернется, чтобы обидѣть васъ — не приведи, Господи!—тому я—ужъ простите меня за рѣзкость, мужика сиволапаго!—тому я по-простецки голову сверну!

И такой мощью, такимъ горячимъ убѣжденіемъ вѣры

въ правоту своихъ словъ повѣяло отъ словъ Силы, что Лика вся сжалась, какъ цвѣтокъ отъ грозы, вся разомъ стала маленькая и робкая. Ей вдругъ стало смертельно жалко потерять любовь этого огромнаго благороднаго человѣка, который такъ сумѣлъ-бы заступиться за нее, и въ то-же время гдѣ-то въ душѣ пробуждалось сознаніе, что она не имѣетъ права на это чувство, на эту любовь, она, опозоренная навѣки.

Чтобы какъ-нибудь сдвинуть съ себя всю тяжесть горечи, овладѣвшую ею, она поторопилась перевести разговоръ на другую тему.

— А Кирюкъ что-то мудритъ, Сила Романовичъ,— проговорила Лика съ трепетомъ въ голосѣ.

— Мудритъ-съ? Ну?—простодушнымъ звукомъ откликнулся Строгановъ.—А я, признаться, думалъ, что купанье у него навѣки отбило охоту „мудровать“.

И онъ звучно разсмѣялся своимъ сочнымъ голосомъ. Разсмѣялась и Лика.

Теперь они шли по лѣсной дорогѣ, съ двухъ сторонъ которой высились огромныя лиственныя деревья, посеребренныя сказочнымъ сіяніемъ луны.

— Во всякомъ случаѣ, надо принять мѣры, Сила Романовичъ, — снова произнесла помолчавъ Лика,—а то, вѣдь, за Кирюкомъ пойдутъ остальные и... и..

— Да... да... Браунъ тоже мнѣ что-то насчетъ Кирюка говорилъ, да я, признаться, не хорошо его слушалъ. Онъ и насчетъ расчета того-же Кирюка совѣтовалъ. А мнѣ жаль его гнать, признаться. Вѣдь, дуракъ-человѣкъ, съ жира бѣсится. Вѣдь, все я для нихъ сдѣлалъ, что могъ, такъ нѣтъ-же, онъ, видите-ли, мутитъ теперь народъ, что, дескать, имъ собранія какія-то устраивать надо по вечерамъ. А мнѣ становой по поводу этихъ собраній строго-настрого наказывалъ: „Не допускайте вы ихъ, Христомъ Богомъ, Сила Романовичъ, наплачетесь! Вѣдь, въ случаѣ чего солдаты опять... стрѣльба... тюрьмы“. Я народъ люблю, Лидія Валентиновна, и для его блага всѣмъ, чѣмъ могу, пожертвую. Только разумнаго требуйте... Расшибусь — сдѣлаю. Во мнѣ буржуазнаго эгоизма, ей-ей-же, не много. Съ гимназіи въ меня это всосалось прочно. Вѣдь, во тьмѣ я теперь, а искалъ свѣта когда-то, ближе къ природѣ стремился. Ботаникомъ я быть хотѣлъ, а тятенька мой—кремень-человѣкъ, ну, и того...

вырвалъ изъ ученья. А только души моей онъ не вырвалъ. Вѣдь, я—только по натурѣ купецъ-буржуй, а душа моя такъ и трепещетъ отъ желанія слиться съ народомъ, раскусить его вполнѣ, идти съ нимъ рука объ руку... Ахъ, Господи! Да вы знаете-ли, когда наши финансисты на собраніи своего союза говорить стали о томъ, что пролетаріатъ придушить надо въ корень, задавить его голосъ, заставить замолчать, я что имъ отвѣтилъ? Вы отца моего спросите. Онъ послѣ того со мною мѣсяцъ не разговаривалъ. Вотъ и теперь желѣзнымъ, машиннымъ трудомъ они всѣ хотятъ задавить трудъ рабочій, а того не знаютъ, что прогрессъ-то ихъ культурной финансовой цивилизаціи къ полному упадку поведетъ. Пролетарій создаетъ финансиста, а не мертвая машина съ ея автоматическимъ выполненіемъ. Взгляните на Англію, Лидія Валентиновна. Бывалъ я въ Лондонѣ. Такъ, Господи Боже мой! Отъ нищихъ прохода нѣтъ! И все больше рабочіе, выбитые изъ фабричной жизни. Нѣтъ, не диво снискать себѣ силу финансовую и упиваться ею, простите великодушно-съ, какъ боровъ, уснувшій на отрубяхъ!.. Если ты силенъ, какъ человѣкъ и единица, дай помощью почувствовать эту силу пигмеямъ, которые зависятъ отъ твоего блага. Видѣлъ я Фонвизина пьесу какъ-то зимою; тамъ Стародумъ славно говоритъ: „Имѣй душу, имѣй сердце и будешь человѣкомъ во всякое время!“. Вотъ въ этомъ-то и кроется красота!

— Красота!—эхомъ повторила Лика,—красота—лучшая гармонія вселенной.

И вдругъ ей невольно припомнилось другое опредѣленіе красоты другого человѣка—князя Гарина. Тотъ искалъ красоты въ красивыхъ положеніяхъ и женщинахъ, тотъ не любилъ народа и чуждался его...

Она встрепенулась вся и невольно прижалась къ Силѣ. Мохнатыя деревья точно протянулись къ ней, звѣзды замигали сильнѣе. Какой-то острый колючій холодокъ пробѣгалъ по тѣлу.

— Мнѣ страшно!—произнесла она чуть слышно.

— Лидія Валентиновна, голубушка, почему-же? Вѣдь, не одна вы, съ провожатымъ!—весь такъ и заволновался Строгановъ.—Прикажете, можетъ, Артема кликнуть?.. Ахъ, нервы-то, нервы вамъ андрюшкина болѣзнь расшатала!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не то это, не первы... И не отъ чего-нибудь опредѣленнаго мнѣ страшно, Сила Романовичъ!—мигомъ овладѣвъ собою, произнесла Лика:—а почему-то жутко на душѣ у меня, ахъ, какъ жутко! Помните-ли вы, какъ я къ свѣту стремилась? къ солнцу? Помните, какъ всю мою жизнь передѣлала, убѣжала изъ общества, скрылась сюда? Я думала здѣсь приносить пользу, уйти вся въ ту ошеломляющую работу, а работы такой нѣтъ. Здѣсь нельзя забыться! Тутъ и помимо меня дѣятелей много—и учителя, и фельдшера, и больница. Экая невидаль, подумаешь, за больнымъ поухаживать или ребятишекъ добровольно учить, или воскресныя чтенія устраивать!.. У меня все-таки и свободнаго времени много, и не утомляюсь я настолько, насколько-бы хотѣла. Раньше мнѣ лучше было: я съ фабрикой вашей общалась, въ больницѣ помогала доктору и читала рабочимъ по праздникамъ, и пѣнія хоровыя устраивала, а теперь, когда все улучшилось съ вашимъ пріѣздомъ, мнѣ дѣлать нечего. Ребятишекъ выдѣлили, въ больницѣ—два фельдшера безсмѣнно, а насчетъ духовной пищи, этихъ чтеній я... я...

— Неужто изъ-за меня вы ихъ прекратили, Лидія Валентиновна?—почти съ ужасомъ вырвалось у Силы.

Легкій кивокъ стриженой головки, посеребренной луною, былъ ему отвѣтомъ.

— Какъ? изъ-за меня? И я, дуракъ, мужикъ неотесанный, помѣшалъ вамъ?—тѣмъ-же испуганнымъ звукомъ вырывалось изъ могучей груди Силы.

— Да, видите-ли... мнѣ было неловко подводить васъ... Администрація могла подумать, что у васъ на фабрикѣ нелегальныя собранія, могла набросить тѣнь на имя Строганова, а я не хочу этого, Сила Романовичъ, голубчикъ!—пылко заключила свою рѣчь Лика.

— Да черта-ли мнѣ до администраціи и ея придирокъ, Лидія Валентиновна!—забывая всю свою обычную сдержанность, воскликнулъ Сила.—Да если они о васъ заикнуться посмѣютъ, такъ я къ губернатору и... и...

Онъ задохнулся. Его грудь бурно вздымалась, рука, на которую опиралась Лика, дрожала. Потомъ, переведя духъ черезъ минуту, онъ заговорилъ невольно трепетнымъ и молящимъ голосомъ:

— Умоляю васъ, Лидія Валентиновна, барышня золотая, Христа ради, осчастливьте меня вы и не забы-

вайте моей фабрики! А если мѣшаю я—прикажите уѣхать! Ей Богу, не только уѣду, а умру, сгину по одному вашему слову, Лидія Валентиновна...

Онъ запнулся, закрылъ лицо руками и, прежде чѣмъ Лика могла вымолвить слово, этотъ огромный человѣкъ упалъ къ ея ногамъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Все его сильное тѣло конвульсивно вздрагивало, голова билась на травѣ у самыхъ ногъ Лики. Не плачъ, а стоны рвали ему грудь, оглашая лѣсъ своими душу потрясающими звуками.

Три года таилъ Сила въ себѣ это могучее чувство, лелѣялъ его, какъ святыню, ограждая отъ всѣхъ непроницаемой стѣною алтарь своей любви на высокомъ пьедесталѣ, посреди котораго стояло его божество—Лика, и теперь не вынесъ... Встрѣча съ нею, почти потерянной изъ вида для него, ея замѣтное расположеніе къ нему, его переходъ отъ скорбной сладкой тоски по ней къ свѣтлой, радостной встрѣчѣ—все это надломило недюжинныя силы Строганова. Теперь онъ рыдалъ, какъ слабый, измученный, безсильный ребенокъ.

Потрясенная, взволнованная стояла Лика, не зная, что сдѣлать, что предпринять. Сладкое, невыразимо пріятное чувство властно говорило въ ея сердцѣ. Она гордилась этимъ человѣкомъ, рыдавшимъ отъ любви у ея ногъ. Вся ея душа рвалась къ нему навстрѣчу. Ей хотѣлось дать огромное счастье этому свѣтлому, большому ребенку. Она положила руку на плечо Строганова, а другую опустила на его кудрявую голову.

— Сила! Опомнитесь!—послышался въ тишинѣ ночи ея мягкій, вздрагивающій голосъ.—Опомнитесь, Сила! Взгляните на меня!

Точно электрическій токъ прошелъ по тѣлу Строганова. Онъ поднялъ голову и, все еще стоя на колѣнахъ предъ Ликою, взволнованно заговорилъ:

— Простите... Христа ради... Лидія Валентиновна... Я—дуракъ, мужикъ. Я не смѣлъ безпокоить... пугать васъ. Вы—генеральская дочка, бѣлая косточка, Лидія Валентиновна, а я—сиволапый буржуй, купецъ... И какъ я смѣлъ оскорбить вашъ слухъ, вашу гордость? Простите! Простите меня!

Лика вспыхнула, выпрямилась. Гордостью повѣяло отъ ея лица, глаза заблестѣли.

— Глядите на меня!—произнесла она значительно.—

Видите ли вы мое лицо, мои глаза, Сила? Глядите въ нихъ хорошенько, глядите, они плачутъ. Не оскорбили вы меня, нѣтъ, нѣтъ! Дивнымъ, яркимъ счастьемъ повѣяло на меня отъ вашей любви. Вѣдь, я знала, что вы любите меня давно, давно, Сила... съ той первой встрѣчи въ концертѣ, когда я пѣла мои пѣсенки предъ публикой. Тогда-же я поняла то впечатлѣніе, которое произвела на васъ. Какъ-же вы можете думать, что такая любовь оскорбитъ меня? Сила! Сила! Я горжусь ею, если вы хотите знать это, да, я горжусь вашей любовью. Нѣтъ здѣсь ни бѣлыхъ косточекъ, ни буржуевъ, ни пролетаріевъ, а есть люди, есть два друга, два брата, два существа, сродныя по духу естества, два борца, стремящіеся использовать свои силы для блага человѣчества. И что можетъ быть прекраснѣе такой любви!

Лика замолкла. Ея глаза смѣло поднялись къ небу, къ ласковымъ звѣздамъ, мигающимъ издалека. Ея поблѣднѣвшее лицо было вдохновенно красиво.

— Сила!—снова проговорила она,—если ваше счастье заключается въ сознаніи чувства, пробужденнаго во мнѣ вами, то не гоните этого сознанія отъ себя. Братъ мой! другъ мой, Сила! Я люблю васъ, какъ друга, какъ брата... Да, я люблю васъ!

Тихій крикъ пронесся по лѣсу. Строгановъ вдругъ очутился на ногахъ. Жгучее счастье опалило его.

— Лидія Валентиновна! Храни васъ Господи за это!— прошепталъ онъ чуть слышно.—Смѣю-ли я? Смѣю-ли я? Но вы сами-съ, сами-съ сказали, что нѣтъ пролетаріевъ и бюрократовъ, нѣтъ буржуазіи... это—условныя градаціи... есть только люди-съ. Вы слишкомъ прекрасны, слишкомъ велики, Лидія Валентиновна, святая вы; но, какъ милости, какъ нищій, молю васъ: не откажите позволить мнѣ всю мою жизнь посвятить вамъ, быть вашимъ псомъ, собакой, рабомъ, слугою. Будьте моей владычицей и женой, Лидія Валентиновна! Удостойте, осчастливьте-съ! Мужикъ я, буржуй, но я всѣ силы употреблю на самосовершенствованіе. И положенія добьюсь, и чиновъ. Съ деньгами все можно-съ, только вы... Или убейте меня, убейте сейчасъ-же за дерзость!..

Его глаза съ мольбою впились въ замѣтно поблѣднѣвшее лицо Горной. Робкая надежда мелькала въ его широко раскрытомъ взорѣ. Онъ слѣдилъ за каждой

черточкой, за каждымъ движеніемъ ея прелестнаго личика и ждалъ приговора.

Обѣ руки Лики упали на плечи Силы. Потомъ она сжала его крупную, сильную голову ладонями и, радостно смѣясь одними глазами, произнесла

— Глупенькій! Развѣ-же не видите вы, что я согласна?

Она хотѣла еще прибавить что-то, и вдругъ точно молотъ ударилъ ей по душѣ. Огненная мысль вонзилась въ мозгъ и колючими змѣйками побѣжала къ сердцу. Сердце разомъ захолодѣло и все наполнилось той ужасной, потрясающей пустотой, какую она ощущала уже не разъ въ себѣ.

„Ты не можешь быть ничьей женой, ты опозорена навѣки!“ — выстукивало рядомъ потрясающихъ ударовъ это опустошенное мракомъ женское сердечко, и въ одинъ мигъ она рѣзко оттолкнула отъ себя Силу и глухо прошептала, закрывая лицо руками:

— Нѣтъ! Нѣтъ, это невозможно, я не имѣю права быть ничьей женой...—и обезсиленная опустилась на траву.

Въ одинъ мигъ Сила очутился подлѣ нея.

— За что? За что? Лидія Валентиновна? Да, да, не стою я!.. Знаю... Зазнался я... знаю... Простите!—лепеталъ онъ, какъ ребенокъ, то хватаясь за голову, то припадая къ ногамъ Лики.

— Нѣтъ, не то... не то!—воскликнула она,—не то! Господи, что за пытка такая!—Она заложила за голову свои хрупкія руки и хрустнула ими.—Вы—золото! Вы—сокровище, Сила. Вы—тотъ свѣтлый идеалъ человѣка, которому даже не надо совершенствоваться, а я... я... я опозорена... навсегда...—съ трудомъ вымолвила она роковое слово и послѣ минутной паузы проговорила съ мучительно-злораднымъ смѣхомъ:—или вы не знали, что ваша чистая Лика была любовницей князя Всеволода Гарина? Вы не знали этого, Сила?

Наступила мучительная пауза.

И вдругъ что-то горячее коснулось безсильно опущенныхъ рукъ Лики. Вотъ еще, еще и еще. Сила Романовичъ припалъ губами къ этимъ безсильнымъ ручкамъ и цѣлый градъ поцѣлуевъ полился на нихъ.

— Все, все знаю,—послышался его шепотъ,—Лидія Валентиновна, солнышко мое свѣтлое, и могу только

преклониться предъ вами и теперь. Какъ высшаго счастья, какъ величайшей чести, молю объ одномъ: снизойдите до меня, будьте моей женой! А что касается того... другого... онъ не могъ уронить васъ, душу вашу, не глядя ни на что... Ваше беззавѣтное чувство къ тому только подняло васъ еще выше, и подлецъ тотъ, кто посмѣетъ взглянуть на это иначе... Одно только жутко мнѣ: что ежели...—тутъ онъ замолкъ на минуту,— что ежели онъ живетъ еще въ вашей душѣ?

— Нѣтъ!—сильно вырвалось изъ груди Лики,—онъ погибъ для меня! Вы можете быть увѣрены въ этомъ, Сила! И если я вспоминаю съ трепетомъ о немъ, то съ трепетомъ ненависти и непріязни... Не бойтесь ничего! Я буду вамъ честной женою, Сила, а если тотъ, другой когда-либо появится на моемъ пути...

— То онъ погибнетъ за малѣйшую непочтительность къ вамъ!—произнесъ Строгановъ такимъ голосомъ, который всколыхнулъ все существо молодой дѣвушки.

Молча протянула она ему обѣ руки. Онъ прижался къ нимъ долгимъ поцѣлуемъ. Вся его душа вылилась въ этомъ поцѣлуѣ, вся несложная, но чудно-прекрасная душа.

— Господи! За что мнѣ это? Мнѣ—ничтожному аршиннику, недоучкѣ?—произнесъ онъ съ жаромъ.

— Милый! Вы лучшій изъ людей!—произнесла Лика, опираясь снова на его руку, чтобы продолжать путь.

Звѣзды попрежнему сіяли имъ съ неба. Деревья выростали, какъ стражи, по сторонамъ пути, словно привѣтствуя ихъ молодой союзъ. Но что-то новое было въ этомъ сіяніи звѣздъ и неба, новое для нихъ обоихъ.

— Хорошо!—сказала Лика и тихо сжала руку своего жениха.

Онъ коснулся этой руки поцѣлуемъ, тѣмъ поцѣлуемъ, который создаетъ женщину царицей въ одинъ мигъ, и взглянулъ на нее лучистымъ взоромъ.

Ликѣ казалось, что ея сердце выпрыгнетъ отъ счастья. Она нажала его рукою и ускорила шагъ.

Вдругъ дикій, пронзительный крикъ совы пронесся надъ лѣсомъ. Сила разомъ остановился. Лика послѣдовала его примѣру. Холодкомъ повѣяло на нихъ отъ этого крика.

— Вы вѣрите въ предчувствія?—произнесла молодая дѣвушка замѣтно побѣлѣвшими губами.

— Я вѣрю въ мое огромное незаслуженное счастье,— отвѣтилъ Строгановъ, не спускавшій съ нея все время влюбленныхъ глазъ.

— А я вѣрю!—тихо прошептала Лика, такъ тихо, чтобы даже онъ не могъ услышать ее, и вдругъ схватилась за руку своего спутника.—Что это? Что это?— проронила она, испуганно оглядываясь на деревья.

Темная тѣнь пересѣкла имъ путь и скрылась за деревьями.

— Какой-то человѣкъ,—спокойно произнесъ Сила— должно быть, подгулявшій рабочій, не посмѣвшій вернуться въ такомъ видѣ домой.

— Да, да, рабочій!—машинально произнесла Лика и прибавила шага.

— Рабочій!!—произнесъ кто-то за кустами,—именно рабочій, моя дорогая!—и, лишь только влюбленная пара удалилась, темная фигура выскочила изъ кустовъ и встала теперь посреди дороги, вся облитая сіяніемъ луны.

Блѣдное лицо незнакомца подергивалось судорогой, глаза мрачно горѣли. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту со своей черной бородой, покрывавшей почти до самыхъ глазъ его щеки, съ мрачнымъ взоромъ, отъ котораго вѣяло гибелью. Онъ поднялъ кулакъ и погрозилъ звѣздамъ, ласково мерцавшимъ ему издалека.

— Никогда! Слышите-ли, никогда, никто иной, кромѣ меня, не коснется ея. Она моя и выстрадана мною по праву!—глухимъ шипящимъ голосомъ произнесъ черный человѣкъ,—и моей и ничьей больше, клянусь, не будетъ моя Лика!

И, точно принявъ клятву чернаго человѣка, совсѣмъ выплыла изъ-за облака серебряная луна и освѣтила и гибкую эластичную фигуру, и блѣдное бородатое лицо страннаго человѣка, позволяя узнать его въ полутьмѣ лунной ночи. Германомъ Брауномъ звался этотъ странный человѣкъ.

VII.

Рядомъ съ отдѣленіемъ для просушки, уставленнымъ огромными деревянными ящиками на подобіе гробовъ безъ крышъ, находилось помѣщеніе наборной, или складочной, гдѣ въ особыя рамки укладывались сочомки для спичекъ. Въ наборной, или укладочной, ка-

мерѣ работали исключительно женщины. Ихъ занятіе не представляло никакой трудности. Работницы быстро проводили рукою по заполненной соломкою для спичекъ дощечкѣ, изрѣзанной углубленіями, съ тѣмъ, чтобы въ каждое изъ углубленій дощечки попадала соломка. Потомъ заполненную дощечку накладывали на стержни и принимались за другую, причемъ вторая дощечка нижнею своею стороною надавливала на соломку нижней, и все это прикрывали тонкой доской въ видѣ пресса. Въ каждой рамкѣ помѣщается 2200 — 2500 соломинокъ.

Ловкость работницъ этого отдѣленія спичечной фабрики много способствуетъ скорости выполненія работы, а легкость подобнаго труда не мѣшаетъ ихъ бодрости и жизнерадостности, особенно у молодежи. Наборная—это заповѣдная Ханаанская земля для несчастныхъ тружениковъ спичечнаго производства, это—рай, куда стремится каждый, работающій въ удушливой атмосферѣ мокальной, сушильной и другихъ отдѣленій фабрики.

Анна Бобрукова была въ числѣ этихъ счастливицъ, которыя работали въ наборной. Красивая, рослая, молодая, она выдѣлялась среди другихъ. Кромѣ того, ея происхожденіе и смѣлость, съ которой она пустилась въ „народъ“, давали ей большой вѣсъ среди наборщицъ-крестьянокъ окрестныхъ деревень, но она и не пользовалась ихъ расположеніемъ.

Сегодня Анна болѣе чѣмъ когда-либо выдѣлялась среди своихъ товарокъ какимъ-то особенно возбужденнымъ настроеніемъ. Она пришла задолго до фабричнаго гудка и ее видѣли у воротъ о чемъ-то таинственно совѣщающейся съ Кирюкомъ, работающимъ въ лабораторіи. Обычно прилежная и работающая, она сегодня едва-едва справлялась съ „урокомъ“, какъ сама называла положенное въ день комплектованіе рамокъ.

— Что съ Анюткой? вишь, сама не своя дѣвченка, — шепнула Дуня Козырина сосѣдкѣ, Марьѣ Косой.

Та только руками развела.

— А кто ее знаетъ... Нешто впервой? И всегда то она такая несуразная.

— Чего шепчетесь?—неожиданно оборвала ихъ Анна, чудомъ услыхавшая или, вѣрнѣе, угадавшая, что говорилось про нее.—А мнѣ то странно, что вы-то спокойны

сами. Точно овцы какія, прости Господи! Работаютъ, рукъ не покладая, и довольны своей судьбой.

— А чего-же намъ не быть довольными-то? — вступилась бойкая сѣроглазая Марфуша. — Свои четыре гривенника мы въ аккуратѣ получаемъ, и работа слава Богу! Ничего, жить можно!

— Дура ты! — внезапно набросилась на нее Анна. — „Жить можно!“ Да, вѣдь, и свиньи живутъ... Да какъ живутъ-то! Пойми это, дурища! Какъ живутъ-то! Вонъ Кирюкъ говоритъ, что на прочихъ спичечныхъ дѣвушки и бабы по полтинѣ въ день хватаютъ, да и восемь часовъ на работѣ, а не десять, какъ у насъ.

— Вретъ твой Кирюкъ! — обрѣзала Бобрукову Марфуша, — кабы такъ-то хорошо на другихъ фабрикахъ было, чего-же ему сюды тащиться занадобилось-бы? Каждый не дуракъ, ищетъ тамъ, гдѣ лучше!

— Вѣрно, вѣрно! — подхватили работницы.

Бобрукова только досадливо махнула рукою. Ея авторитетъ былъ поколебленъ, и это язвило самолюбіе гордой дѣвушки.

Въ эту минуту дверь изъ сосѣдней сушильной пріотворилась, и Браунъ вошелъ въ камеру.

— Ты что растрещалась, трещотка? — бросивъ суровый взглядъ на Анну, произнесъ онъ. — Мало того, что опоздала сегодня и съ Кирюкомъ проболтала гудокъ, и теперь, руки сложа, разсуждаешь? Вѣдь, у насъ не поштучно, а поденно, и хозяйское время не смѣй красть.

Анну передернуло и отъ этого „ты“, и отъ этой рѣзкой рѣчи. Несмотря на все свое дѣланное опрощеніе, она не могла никогда забыть свою интеллигентность, и умышленное обращеніе съ нею Брауна, какъ съ простой укладчицей, подняло ее всю.

Лицо Анны вспыхнуло, глаза метнули искры. Она гордо выпрямилась, быстрыми шагами подошла къ управляющему и кинула ему въ самое лицо:

— Чего вы придираетесь? Слопать меня хотите? Ладно! не придется! Отца моего вытѣснили своими-же кознями, а теперь за меня!

— Молчать! — грозно пронесся рѣзкій окрикъ по камерѣ, и Браунъ, не мѣняя своего спокойнаго лица, сверкнулъ глазами.

— Не очень-то я испугалась! — разомъ сатанѣя,

крикнула Анна,—не стану молчать! Хочется вамъ меня выгнать, знаю, да руки коротки, шалишь! Я къ самому хозяину пойду: такъ молъ и такъ, отъ управителя вашего покоя нѣтъ—то съ нѣжностями лѣзъ, а теперь какъ увидалъ, что взятки гладки, такъ и въ шею! Защиты ни отъ кого нѣтъ!

Анна задыхалась. Работницы-укладчицы бросили дѣло и съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдили за этой сценой. Сверкающіе глаза Анны, ея горящее багровымъ румянцемъ лицо и дрожащій голосъ не предвѣщали ничего хорошаго. Но странно: чѣмъ больше волновалась дѣвушка, тѣмъ спокойнѣе становился Браунъ. Ни одинъ мускулъ не вздрагивалъ въ его красивомъ лицѣ. Онъ медленно поглаживалъ свою густую черную бороду и насмѣшливо смотрѣлъ искрящимися глазами въ лицо Бобруковой. И, когда голосъ Анны замеръ на высокой звенящей нотѣ, Браунъ спокойно сказалъ:

— Вступать съ тобою въ споры и пререканія я не стану: ты—простая укладчица, я—твой начальникъ. Или потрудись дѣлать такъ, какъ я приказываю тебѣ, или я тебя вышвырну вонъ въ однѣ сутки!—и, круто повернувшись, отъ вышелъ изъ камеры.

Анна замерла отъ неожиданности, услышавъ эти слова; остальныя дѣвушки замерли вмѣстѣ съ нею. Такъ длилось съ минуту. Потомъ все заговорило, закричало, зашумѣло разомъ:

— Такъ нельзя... Выкидывать ни за что, ни про что на улицу... Управитель злобствуетъ. Не ладно это!

И вдругъ этотъ шумъ и гамъ были разомъ покрыты высокимъ, звонкимъ, сильнымъ голосомъ Анны.

— Товарищи-работницы! — произнесла она, и при первыхъ-же звукахъ этого голоса все стихло. — Что-же это? До какихъ поръ терпѣть? За хозяиномъ жить можно, а управитель—звѣрь. Выкинуть! Меня-то! Врешь, руки коротки и не тѣ времена теперь. Всѣ видали, какъ онъ на меня буркулы пялилъ намедни, а теперь не выгорѣло, такъ и на улицу!—цинично и злобно расхохоталась она.—Врешь, не уйду, тебя скорѣе выпру. Да! Неужели это—управитель? Неужели онъ въ нужды наши входитъ? Вонъ батька мой плохъ былъ, а и то зря человѣку не портилъ. А этотъ, прости Господи, аспидъ... Да и откуда онъ? Кто онъ такой? Откуда у него деньжищи? Вонъ слыхала я, что онъ Старую

усадьбу“ покупать хочетъ. Не приведи Богъ, не попасть-бы въ бѣду! Вонъ Кирюкъ многое такое выслѣдилъ. Онъ говорить съ нами хотѣлъ, собраться велитъ... Мы и соберемся, ужо потолкуемъ... Нѣмца намъ надъ собою имѣть не полагается. Пьетъ онъ кровь нашу зря...

— А твой отецъ не пилъ? — ехидно освѣдомилась Марья Косая.

— Дура! Такъ отецъ и получилъ за это: едва живъ остался, а Браунъ, глядишь, только денежки хозяйскія наживаетъ. И опять: ребятамъ не позволилъ работать, а, гляди, ребята съ голода мрутъ. Бѣлый фосфоръ для нихъ, слышите, вреденъ! А ты сдѣлай такъ, чтобы этого самаго бѣлаго фосфора тутъ и духа не было... Вѣдь, незаконно это, запрещено, а у насъ есть...

— Есть это, вѣрно! — подхватили работницы.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—обрадовалась Анна.—А потомъ, какое такое право онъ имѣетъ „тыкать“? Да онъ, можетъ, хуже меня, какъ ни на есть послѣдній.

— Да ты у насъ барышня, что и говорить!—не кстати вмѣшалась бойкая Марфуша.

Но Анна даже и не слышала ея. Она понизила голосъ до шепота и произнесла чуть слышно:

— И много, много вамъ еще Кирюкъ про него скажетъ всего. Завтра у него въ избѣ соберитесь. Только не всѣ, всѣхъ много. Макальщики придутъ, пильщики и другіе, такъ чтобы, чего добраго, до старосты не дошло. Послушаемъ. Эхъ, дѣвушки, сѣрота, вѣдь, вы, вамъ умныхъ-то рѣчей куда не мѣшаетъ послушать!..

Дѣвушки-работницы притихли какъ-то. Каждая изъ нихъ сознавала въ душѣ всю правоту словъ Анны, но нравственный голодъ, голодъ цивилизаціи, не особенно безпокоилъ ихъ. Красовскія работницы чувствовали болѣе рельефно иной голодъ, физическій, заставлявшій ихъ глотать вредную атмосферу фабрики и оставлять въ ней большую половину своего здоровья и силъ. Однако, онѣ молчаливымъ сочувствіемъ согласились съ Анной, а потомъ, пошептавшись другъ съ другомъ, рѣшили на завтра пойти „послушать“ умныхъ рѣчей, какъ выразилась Анна, въ избу Кирюка.

VIII.

„Лика, mon adorée [1])!

„Не могу выразить тебѣ мое счастье по поводу по-

лученнаго отъ тебя письма. Обѣими руками благословляю тебя, моя дѣвочка, ma chére petite Лика adorée [2]). Вѣдь, я не переставала любить тебя даже и тогда, когда свершилось это... ce malheur inattendu [3]), которое перевернуло вверхъ дномъ всю нашу жизнь. Вѣдь, и тогда я жаждала твоего возвращенія домой, ma chére enfant adorée [4]), но ты предпочла устроить иначе твою жизнь и мнѣ осталось только предать все на волю Божію. Но сердце мое, какъ и сердце petit papa [5]) принадлежитъ тебѣ, моя Лика. Поэтому я несказанно обрадовалась твоему счастью. Сила Романовичъ—отличный человѣкъ, при томъ, il t'aime tollement et te rendra heureuse, petite [6]). Я готова присягнуть въ этомъ. Certainement, qu'il n'est pas de notre bord [7]), но... его богатство даетъ ему право на все. Чины, ордена, дворянское достоинство, словомъ, за этимъ дѣло не постоитъ. А главное, онъ вытянетъ тебя изъ этой норы, куда ты забралась и гдѣ хочешь схоронить свою молодость. Жить для народа это хорошо, Лика, c'est une idée, qui tourne la tete [8]), но при твоей красотѣ, при твоей богатоодаренной натурѣ, ты могла-бы вести иную жизнь. Ты рождена, чтобы блистать яркой звѣздою на нашемъ великосвѣтскомъ небѣ, а не прятаться среди крестьянъ, грязи и нищеты. Меня удивляетъ только одно: почему не пріѣхать въ Петербургъ и à grand cris [9]) не отпраздновать свою свадьбу?

„Принцесса Е., предсѣдательница нашего общества „Защиты бѣдныхъ женщинъ отъ жестокаго обращенія мужей", велѣла мнѣ передать тебѣ свои лучшія пожеланія и намекнула, что выхлопочетъ твоему жениху завидную награду за его участіе въ нашемъ кружкѣ. Вѣдь, онъ состоитъ членомъ у насъ. Княгиня Дэви черненькая и княгиня Дэви рыженькая—обѣ поздравляютъ тебя. Petit papa, Ренъ, ея мужъ и Анатоль съ Бэтси шлютъ тысячу поцѣлуевъ. Послѣдняя напишетъ тебѣ. Entre nous soit dit [10]), эта пара, кажется, не такъ счастлива, какъ мы предполагали... Но кто-же счастливъ въ нынѣшнее время? Анатоль не созданъ для супружеской жизни, а Бетси слишкомъ требовательна. Вольно-же мучить себя! Намъ, женщинамъ, необходимо смотрѣть сквозь пальцы на невинныя слабости нашихъ мужей, если мы хотимъ имѣть абсолютное счастье. Ты, впрочемъ, гарантирована отъ этого, моя малютка, такъ

какъ Сила Романовичъ будетъ идеаломъ мужа, я готова держать пари. Reste toute tranquille et sois belle et jeueuse, chère petite Лика [11])!

„Шлю тебѣ тысячу поцѣлуевъ.

Твоя мама.

„А все-таки было-бы лучше отпраздновать свадьбу здѣсь, pour renfermer la bouche aux bavards [12])".

Лика докончила послѣднюю строчку и опустила письмо на колѣна. И вмигъ предъ ея мысленнымъ взоромъ выплылъ міръ давно позабытый, оставленный ею. Отъ этого письма, исписаннаго крупнымъ прямымъ, англійскимъ почеркомъ, вѣяло запахомъ „вера-віолетты", любимыми духами ея матери, и чѣмъ-то неуловимо тлетворнымъ и непріятно раздражающимъ, о чемъ она успѣла уже позабыть въ эти два послѣдніе года пребыванія ея здѣсь, въ Нескучномъ...

И снова на Лику повѣяло вмѣстѣ съ прянымъ, дурманящимъ ароматомъ пошлостью того огромнаго пустого міра, изъ котораго она вырвалась. Мать, съ ея искалѣченными взглядами на жизнь, съ ея боготвореніемъ mond'a *), съ ея жаднымъ стремленіемъ играть въ немъ выдающуюся роль, встала предъ нею, какъ живая. А около—сухой, черствый, вполнѣ казенный человѣкъ, ея отчимъ, помѣшанный на карьерѣ и томъ-же свѣтѣ, какъ и его жена. Они не погнушались отречься отъ нея, Лики, въ тяжелую минуту, когда она нуждалась въ добромъ сочувствіи, въ родственной ласкѣ. Они оттолкнули ее въ ту минуту, когда узнали о ея „грѣшномъ увлеченіи" княземъ Гаринымъ. А теперь, когда изъ ея коротенькаго, сухого письма они узнали, что милльонеръ Сила будетъ ея мужемъ, какою тревогою забились ихъ сердца!

Лика горько усмѣхнулась. „Il n'est pas de notre bord" **) вспомнила она фразу изъ письма матери о

---

[1]) Моя обожаемая. [2]) Моя дорогая маленькая обожаемая Лика. [3]) Это неожиданное несчастье. [4]) Мое дорогое обожаемое дитя. [5]) Маленькаго папы. [6]) Безумно любитъ тебя и сдѣлаетъ тебя счастливой. [7]) Конечно, онъ не нашего круга. [8]) Это—идея, которая кружитъ голову. [9]) Собственно: «съ большимъ крикомъ»—торжественно. [10]) Между нами говоря. [11]) Оставайся совершенно спокойной, будь красивой и радостной, дорогая маленькая Лика! [12]) Чтобы закрыть рты болтунамъ.

*) Свѣта.

**) Онъ не нашего круга.

Силѣ, и, между тѣмъ, это не помѣшало имъ протянуть ему объятія потому, что онъ богатъ, а богатство даетъ лучшую опору человѣку въ жизни.

Лика брезгливо поморщилась, взглянула мелькомъ на красиво исписанныя твердымъ, англійскимъ почеркомъ странички и разорвала письмо на мелкія части.

„Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Я не вернусь къ вамъ, мама! Ваша сутолочная, пустая, пошлая жизнь оскорбляетъ меня! Мнѣ хорошо здѣсь... Я нашла тутъ мое тихое, свѣтлое, хорошее счастье и никуда не уйду отсюда, никогда, ни за что!“—мысленно заключила молодая дѣвушка.

А Сила? Согласится-ли онъ на это? Пожелаетъ-ли онъ запереться здѣсь на всю жизнь, отдавать себя всего на служеніе людямъ, сѣрымъ и несчастнымъ? Сможетъ-ли онъ принести ей эту жертву, да и въ правѣ-ли она требовать ее отъ него? Вѣдь, у него свое огромное дѣло ситцевой мануфактуры, вѣдь, онъ—единственный наслѣдникъ своего милльонера-отца, отца довольно-таки крутого нрава, который цѣлью всей своей жизни опредѣлилъ наживу и только наживу. Захочетъ-ли Сила, найдетъ-ли въ себѣ мужество отрѣшиться отъ всего этого и дружно рука объ руку съ нею идти по выбранному ею пути?

Лика глубоко задумалась. Вокругъ нея голубѣлъ августовскій вечеръ, теплый и пахучій, розы на клумбахъ слали ей свой одуряющій ароматъ. Солнце садилось и послѣдней, предсмертной лаской цѣловало золотистую головку со стриженными кудрями.

— Лидія Валентиновна, вы здѣсь? А я думалъ, въ Рябовкѣ. Искалъ васъ на фабрикѣ — нѣтъ, въ Красовкѣ тоже. Ну, думаю, въ Рябовку къ Андрюшкѣ отправились, и рѣшилъ васъ здѣсь съ Зинаидой Владиміровной дождаться,—и огромная фигура Силы склонилась предъ дѣвушкой.

— Сила Романовичъ, милый! Какъ кстати!—искренне вырвалось изъ груди той, и, взявъ его обѣ руки, Лика усадила Силу подлѣ себя на скамью и сбивчиво и взволнованно повѣдала ему всѣ свои опасенія.

Строгановъ весь, казалось, превратился во вниманіе. Онъ жадно ловилъ каждое слово любимой дѣвушки, и по мѣрѣ того, какъ говорила Лика, его лицо принимало все болѣе и болѣе сосредоточенное выраженіе.

— Лидія Валентиновна!—произнесъ Строгановъ глубокимъ, прочувствованнымъ голосомъ, когда Лика кончила свою взволнованную рѣчь.—Одно вамъ скажу на это, одну истинную правду скажу. Господь съ вами! Какъ могли вамъ такія мысли на умъ придти? Да не только дѣла ситцевой мануфактуры, а всего себя брошу по одному вашему слову! Да неужели мой родитель хорошаго помощника себѣ не найдетъ? Вѣдь, и самъ-то онъ по этому дѣлу дока—всюду поспѣетъ, такъ и безъ меня можетъ справиться. А мнѣ и здѣсь дѣла довольно. Нѣтъ, Лидія Валентиновна, вы этого не бойтесь. Вы меня къ жизни воскресили, огромнымъ счастьемъ пожаловали, и теперь только понялъ я, что значитъ жить, существовать. Кому до насъ дѣло? Разгнѣвается отецъ—пускай его! Наслѣдства лишитъ—и на это согласенъ. Наймусь къ нему-же на фабрику управляющимъ, и не пропадемъ мы... Одного я хотѣлъ было раньше—всему міру о своемъ счастьѣ кричать, привезти въ Питеръ жену-красавицу, ангела Божьяго, и, всѣмъ показывая на нее, крикнуть: „глядите хорошенько, люди, другой такой нигдѣ не увидите“. Но потомъ одумался... Вы не любите общества, вамъ здѣсь пріятнѣе, и располагайте вы мною, какъ рабомъ—я вамъ только за это въ ножки кланяться буду!

Точно розовыя волны изъ солнца, тепла и свѣта укачивали Лику. Вотъ, вотъ оно, счастье, настоящее!—мысленно говорила себѣ молодая дѣвушка,—вотъ то, о чемъ она мечтала столько времени. Жизнь—путь къ добру и пользѣ объ руку съ избранникомъ-мужемъ, раздѣляющимъ ея взгляды и убѣжденія. И этотъ богатырь, этотъ чистый, свѣтлый, хорошій Сила дастъ ей все, чего смутно жаждала ея душа. И впервые въ жизни Лика почувствовала себя вполнѣ и сознательно счастливой.

— Тетя Зина!—звонко крикнула она черезъ плечо, не сводя съ жениха лукавствомъ сверкающаго взора.—Тетя Зина! Сюда! Сюда, скорѣе!—И, когда Зинаида Владиміровна поспѣшно подошла къ молодой парѣ, Лика съ тѣмъ-же лукавымъ блескомъ въ глазахъ, спросила:—ты видѣла когда-нибудь чудо, тетя?

Старшая Горная удивленно поморгала глазами.

— Да, да, чудо, милая, дорогая ты моя тетя Зина, ненавистница малѣйшаго тормаза прогресса и малю-

сенькой паузы въ ходѣ цивилизаціи! Ты видѣла и Хеопсову пирамиду, и великаго сфинкса пустыни, и часы въ Дрезденѣ, и соборъ Петра и Павла въ Римѣ. Ты видѣла Эйфелеву башню, тетечка, и слѣдила съ нее за орлинымъ полетомъ, но что всѣ твои произведенія царя человѣка въ сравненіи съ этимъ чудомъ, подобнымъ которому ты не могла никогда встрѣтить, клянусь тебѣ!—и Лика выдвинула впередъ густо раскраснѣвшагося при этихъ ея словахъ Силу.—Такого человѣка я еще не видѣла и такого человѣка даетъ мнѣ судьба. Теперь, я увѣрена, надъ Красовкой, фабрикой и Рябовкой поднимается настоящее солнце. Я увѣрена, что вы поможете, Сила, заставить народъ улыбаться счастливой улыбкой. И не только тутъ, а и дальше, отъ насъ далеко, тамъ, гдѣ ѣдятъ хлѣбъ съ мякиною и гдѣ люди гибнутъ въ невѣжествѣ и нищетѣ, блеснетъ солнышко, Сила. Вотъ вы шутя говорили какъ-то, что васъ разорить трудно, а, вѣдь, я, пожалуй, и разорю, Сила! Да, разорю, не на брилліанты и наряды, а на этихъ самыхъ бѣдныхъ, сѣрыхъ друзей. Не страшно вамъ это?

— Лидія Валентиновна, весь я вашъ и распоряжайтесь мною по вашему усмотрѣнію,—горячо отвѣтилъ Строгановъ, самъ весь захваченный пылкой рѣчью его невѣсты.

Тетя Зина молчала и улыбалась. Она была счастлива за Лику, счастлива тѣмъ, что ея дѣвочка попала въ хорошія руки и что завѣтное желаніе этой дѣвочки приводилось въ исполненіе по одному взмаху ея темныхъ рѣсницъ.

И вдругъ среди этихъ довольныхъ мыслей лицо тети Зины нахмурилось.

— Сила Романовичъ, а какъ-же съ петербургской-то фабрикой сдѣлать?—нерѣшительно произнесла она.—Вѣдь, вашъ батюшка не согласится, пожалуй, васъ отъ мануфактурнаго дѣла отставить.

— Эхъ, Зинаида Владиміровна, видно, вы моего родителя не знаете. Онъ меня и такъ пилилъ все, что я больше рабочіе интересы, чѣмъ наши личные, храню, ну, и того, значитъ, обижался. А теперь предлогъ хорошій отъ мануфактуры отдѣлаться! За спичечной, молъ, глаза да глаза нужны. А и устроимся-же мы тутъ на славу!—весело воскликнулъ Сила.—Въ первую

голову въ Рябовѣ больницу, въ Колотаевкѣ церковь улучшимъ, въ фабричную больницу доктора своего, чтобы земцу не пользоваться...

— Милый вы, милый!—прошептала Лика, протягивая обѣ руки жениху.—И за что мнѣ такое счастье?—замѣтила она чуть слышно.

Тетя Зина снова ушла на террасу. Лика и Строгановъ остались одни. Сумерки сгущались гармонично и красиво. Высоко зажглась первая вечерняя звѣзда, за нею другая, третья... Ночной караульщикъ затрещалъ свою ежедневную музыку. Далеко въ Красовкѣ залаяли собаки и все стихло. Ночь наступила.

Около часа сидѣли Сила и его невѣста на скамейкѣ подъ развѣсистой липой, тихо разговаривая о скоромъ будущемъ. Тетя Зина чуть-ли не въ десятый разъ звала пить чай молодую пару, но ни Лика, ни Сила не двигались съ мѣста. Они боялись нарушить гармонію этого вечера пошлой жизненной обстановкой.

— Народъ,—говорилъ Сила,—народъ достоенъ лучшей доли. Когда я вижу нужду рабочаго класса, всѣми силами прорывающаго себѣ путь не къ обогащенію, нѣтъ, а къ выходу изъ этой нужды безпросвѣтной, куда его толкнула судьба, мнѣ хочется къ нему присоединиться, Лидія Валентиновна, чтобы и самому отпить изъ этой скудной чаши. И стыдно мнѣ тогда и за свои милльоны, и за возможность чувствовать себя въ холѣ и довольствѣ. Эхъ, досадно мнѣ, что родился я Силой Строгановымъ, а не Гараськой Безрукимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! Вы радоваться должны!—горячо прервала его Лика,—радоваться, что есть на землѣ Силы, чтобы давать дышать такимъ Гараськамъ. Вѣдь, если-бы свѣтло, тепло, радостно и ярко было на землѣ, что-бы тогда оставалось дѣлать солнцу?

Внезапное молчаніе воцарилось на скамьѣ подъ старой липой. Глаза Силы, не покидая своего восторженнаго выраженія, впивались въ бѣлѣвшее во мракѣ лицо молодой дѣвушки. Но обычно застѣнчивая Горная не смущалась этого взгляда; въ немъ было столько чистой любви и преданности, что сердце Лики невольно забилось необычайно радостной гордостью и счастьемъ. Она прижалась къ сильной груди Строганова и вмигъ почувствовала себя такой слабенькой и хрупкой, какою еще не чувствовала себя никогда.

А Сила Романовичъ сидѣлъ, не шевелясь, боясь какимъ-либо неосторожнымъ словомъ или движеніемъ спугнуть такъ довѣрчиво прильнувшую дѣвушку.

И вотъ Лика подняла голову, ея глаза встрѣтились съ глубокимъ, любящимъ взоромъ Силы. Строгановъ не выдержалъ. Огонь пробѣжалъ по его жиламъ. Около него, совсѣмъ рядомъ, прижимаясь къ нему, сидѣла любимая имъ дѣвушка, которая черезъ недѣлю-другую должна была сдѣлаться его женою. Близость этой дѣвушки ударила ему въ голову, пробѣжала по всему тѣлу, затуманила мозгъ. Дрожащею рукою онъ охватилъ ея плечи.

— Дозвольте!—срывающимся шепотомъ вырвалось изъ его груди, и, прежде чѣмъ Лика могла отвѣтить что-либо, трепетныя губы прильнули къ ея губамъ.

Въ слѣдующую-же минуту Сила былъ у ея ногъ, весь сгорая отъ стыда и отчаянія.

— Прогоните меня... Прогоните... Дуракъ... я... Да какъ я осмѣлился!.. Лидія Валентиновна, святая, чистая, прекрасная, простите меня!

И онъ прижался губами къ подолу ея платья.

— Встань, милый!—произнесла Лика,—и не бойся, что оскорбилъ меня! Ты любишь меня, а гдѣ любовь тамъ нѣтъ оскорбленія. Ты видишь, я сама цѣлую тебя!—и она прильнула губами къ его лбу. Потомъ тихонько оттолкнула отъ себя со словами:—а теперь ступай. Къ тетѣ идти не надо. Пусть только одна природа будетъ свидѣтельницей нашего счастья. Ступай... Завтра я буду на фабрикѣ.

— Лидія Валентиновна! Лида!—послышался въ мракѣ задыхающійся отъ счастья голосъ Строганова.

— Лида!—эхомъ повторила Горная.—Лида! какъ это ново и красиво. Такъ еще никто не называлъ меня!.. Да, Лида... Для него одного я буду Лида!—проговорила она мысленно, прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ жениха.

Вотъ они дальше, дальше... Вотъ ихъ почти совсѣмъ не слышно. Какая-то мучительная боль одиночества сжала сердце Лики. Ее потянуло вдругъ броситься за Силой, задержать, заставить быть около себя. Какая-то странная пустота, какой-то непонятный страхъ наполнили разомъ ея душу. Тяжелое предчувствіе сжало сердце.

„Сила! Сила! Остановись! останься!“—хотѣла было крикнуть она и вдругъ замерла отъ неожиданности. Предъ ней стояла стройная мужская фигура. Блѣдное лицо, окруженое черной бородою, выступало во мракѣ.

— Браунъ!—вырвалось изъ груди Лики, и непонятный страхъ съ новой силой захватилъ ея сердце.

Браунъ стоялъ теперь въ полосѣ луннаго свѣта и улыбался. Что-то сатанински-злорадное было въ его смертельно-блѣдномъ лицѣ, въ глазахъ, горѣвшихъ теперь адскимъ пламенемъ. Онъ близко-близко подошелъ къ дѣвушкѣ, взялъ ее за руку и низко наклонилъ къ ея лицу свою красивую голову.

— Не бойтесь меня, мадемуазель Горная!—произнесъ онъ глухимъ голосомъ,—я пришелъ не со злымъ умысломъ, я явился сюда только поздравить васъ, только отъ души пожелать вамъ счастья. Чего вы такъ дрожите? Почему вы боитесь меня? Развѣ во мнѣ есть что-нибудь страшное? Но бросьте это... Вы счастливы до краевъ, Лидія Валентиновна, и никакому другому чувству не можетъ быть дано мѣсто въ вашей душѣ. Сейчасъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ вашего счастья. Вы поцѣловали вашего жениха... О, что это былъ за поцѣлуй! Я-бы охотно отдалъ за него цѣлую жизнь. И знаете-ли, что мнѣ онъ напомнилъ? Разсказъ одного моего пріятеля русскаго, который посѣтилъ нашу фабрику въ Вѣнѣ. Онъ любилъ русскую дѣвушку и она принадлежала ему... Да, она отдалась ему, несмотря на свое высокое положеніе въ свѣтѣ... И онъ ласкалъ ее точно такъ-же въ ту ночь... Вы можете себѣ представить такую ночь? Бѣлые снѣжные сугробы, бѣшеная тройка, цыгане, вина... и пѣсни, пѣсни безъ конца. У насъ, въ Германіи, не знаютъ ихъ подобныхъ, а потомъ снова тройка, и нѣжная золотокудрая дѣвушка, похожая на Мадонну... Восточная комната, тишина, бѣлый мѣхъ звѣрей, и такія ласки, какихъ не знали боги, клянусь вамъ. Васъ я спрашиваю, мадемуазель Лика, можете-ли вы себѣ представить такую ночь?

Глаза Лики широко раскрылись и почти безумнымъ, на смерть испуганнымъ взоромъ впились въ блѣдное, перекошенное лицо Брауна.

— Восточная комната... бѣлый мѣхъ... князь Всеволодъ... и ласки... — какъ сомнамбула, повторяла она безъ тѣни сознанія въ застывшемъ лицѣ.

Браунъ весь подался впередъ, схватилъ ея похолодѣвшую руку, заглянулъ въ эти безумные глаза.

— Мадемуазель Лика, что съ вами? Неужели этотъ разсказъ могъ повліять на васъ такъ удручающе? Вѣдь, это чуждо вамъ, какъ посторонняя, чужая повѣсть. Мой русскій пріятель разсказалъ мнѣ ее въ Вѣнѣ и съ тѣхъ поръ...

— Вашъ пріятель былъ тамъ?—тѣмъ-же страннымъ, какъ-бы закаменѣлымъ голосомъ спросила Лика.

— Онъ былъ всюду, гдѣ могъ! Онъ хотѣлъ забыть ту ночь, въ которую златокудрая дѣвушка отдала ему всю себя безъ изъятія, и не могъ. Онъ, какъ волшебникъ, превращался то въ одно лицо, то въ другое, черезъ силу создавая себѣ соціальные и общественные интересы; онъ учился, спеціализировался, преслѣдуя одну цѣль—встрѣчу съ той дѣвушкой, которую полюбилъ на всю жизнь. Онъ не брезговалъ никакой ролью, чтобы приблизиться къ ней, и... и... спрятавъ свою гордость, онъ рѣшился на рискованное дѣло...

— Молчите! Пощадите меня! Я ничего не хочу слышать!—простонала Лика, обезсиленная, чуть живая опускаясь на скамью.

— Мадемуазель Горная, что съ вами?—насмѣшливо прозвучалъ голосъ Брауна,—вы, такая безстрашная и сильная, трепещете, какъ былинка! Успокойтесь, бѣдное дитя! Германъ Браунъ не причинитъ вамъ зла. Можете не дрожать и не звать вашего жениха на помощь. Кстати, молодой хозяинъ—чудесный парень, но это—не мужъ для васъ, смѣю васъ увѣрить.

— Не мужъ!—эхомъ отозвалась Лика, замѣтно слабѣя съ каждой минутой подъ упорнымъ взглядомъ этихъ фосфорически горящихъ глазъ.

— Да, конечно, вы не можете быть его женою. Мой пріятель русскій назвалъ мнѣ ту дѣвушку, къ которой стремился всѣми своими помыслами, и эту дѣвушку, эту дѣвушку звали вашимъ именемъ... Лидію Горную любилъ мой пріятель русскій.

Лика тихо вскрикнула. Лицо Брауна было совсѣмъ близко отъ ея лица. Его глаза горѣли нестерпимо. Мучительное сознаніе чего-то рокового и страшнаго мелькало въ глубинѣ души Лики. „Вотъ-вотъ ударъ!“—смутно мелькало въ разгоряченномъ мозгу дѣвушки. Какой ударъ—она не знала, но догадывалась о немъ.

Этотъ человѣкъ съ его странными, душу пронизывающими глазами, съ его черной бородой и нерусскимъ акцентомъ такъ ярко напоминалъ ей того... другого, что порой ея мозгъ мутился, голова отказывалась работать. Теперь онъ, какъ прорицатель, развернулъ самую сокровенную страницу ея прошлаго и снова заставилъ съ мучительнымъ томленіемъ переживать ее. „Онъ встрѣтилъ Гарина... Гаринъ разсказалъ ему все. Что-жъ тутъ удивительнаго?“—тутъ-же пытливо вопрошала себя Лика, и снова острая, какъ ножъ, мысль пронизывала весь ея мозгъ.

А вдругъ Браунъ и Гаринъ... это... это...

Мысль Лики затмилась сразу, перестала работать. Блѣдное лицо склонялось надъ нею все ближе и ближе къ ея похолодѣвшему лицу. Страшная, непонятная власть этого человѣка сковывала ее невидимыми цѣпями. Его горящіе глаза двумя лезвеями впивались въ ея широко раскрытые взоры... Силы Лики падали, какое-то странное оцѣпенѣніе сковывало ее всю съ головы до ногъ. Трепетъ проходилъ колючими токами по всему тѣлу. А сердце замирало отъ какой-то нестерпимо-сладкой боли... Двѣ ярко горящія звѣзды, два палящіе глаза впились въ нее. И вдругъ темный нескучневскій садъ, освѣщенный въ отдаленіи балконъ, гдѣ все еще сидѣла за потухшимъ самоваромъ проглядывающая газеты тетя Зина—все исчезло... Восточная комната, бѣлые мѣха, набросанные на низкія турецкія тахты, портреты женщинъ на изящныхъ столикахъ и стройный изящный красавецъ встали предъ нею.

— Лика! Моя радость! Лика—мое счастье!—зазвенѣлъ въ ея ушахъ слишкомъ знакомый голосъ.

— Князь Всеволодъ! — рѣзкимъ крикомъ вырвалось изъ груди Лики и она упала на руки Брауна.

Онъ осторожно принялъ въ объятія ея хрупкую фигурку, легко приподнялъ съ земли и понесъ, понесъ изъ темноты къ свѣту, къ освѣщенному балкону, гдѣ сидѣла ея тетка.

— Вотъ,—произнесъ онъ своимъ спокойнымъ, металлическимъ голосомъ,—мадемуазель сдѣлалось дурно Я нашелъ ее въ глубокомъ обморокѣ въ саду.

— Боже мой, Лика! Господинъ Браунъ! Что съ нею? Она умерла! Лика моя! Лика!—сама не своя вскрикнула Зинаида Владиміровна, бросаясь къ племянницѣ.

— Повторяю, мадемуазель въ обморокѣ,—произнесъ еще спокойнѣе Браунъ. — Это скоро пройдетъ и все перейдетъ въ глубокій сонъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими явленіями. Къ утру мадемуазель будетъ здорова. А пока дайте мнѣ положить ее куда-нибудь и принесите вина..

Послѣднія слова Браунъ сказалъ уже на-ходу, внося Лику въ ея комнату.

Въ углу этой небольшой комнатки, облитой теперь луннымъ сіяніемъ, бѣлѣлась скромная дѣвичья кроватка. При видѣ этой комнаты, этой бѣлой узенькой кроватки, все всколыхнулось въ душѣ черноглазаго человѣка. Острая, мучительная жалость и безумное, нестерпимое желаніе не уходить отсюда, остаться здѣсь навсегда захватили его. Осторожно положилъ онъ на узенькую кроватку свою хрупкую ношу и направилъ взоръ на прелестное безчувственное личико.

И снова жгучая жажда обладанія этимъ исключительнымъ существомъ, этой хрупкой на видъ и сильной духомъ дѣвушкой заговорила въ немъ громче всѣхъ прочихъ побужденій. Жалости къ ней уже не было въ его душѣ. Злорадное торжество снова исказило его лицо сатанинской улыбкой.

— Спи, милая!—произнесъ онъ не то ласково, не то зловѣще,—а когда проснешься, въ твоей душѣ снова воцарится князь Всеволодъ Гаринъ.

И, не будучи въ состояніи сдержать себя, Браунъ быстро наклонился надъ безчувственной дѣвушкой и, какъ вампиръ, впился губами въ ея губы.

Легкій стонъ вырвался изъ груди Лики и она безпокойно заметалась на постели.

— Вотъ вино!— Зинаида вошла въ комнату.

Но Брауна уже не было тамъ. Онъ, заслышавъ приближающіеся шаги, выпрыгнулъ прямо въ садъ изъ окна спальной.

IX.

Онъ шелъ по лѣсной дорогѣ къ старой усадьбѣ и его мысль работала неустанно. Въ его головѣ воскресло недавнее прошлое — необычайное, почти сказочное, созданное имъ самимъ.

Около трехъ лѣтъ тому назадъ онъ, баловень и любимецъ свѣта, непобѣдимый, блестящій красавецъ-

князь, кумиръ женщинъ и ихъ злой геній, полюбилъ впервые. Онъ какъ сейчасъ видитъ эту дѣвушку съ золотыми кудрями, горячей рѣчью пылко защищающею интересы „низшей братіи“ на одномъ изъ филантропическихъ собраній, гдѣ оба они были записаны членами.

И съ той самой минуты эта дѣвушка заняла его мысли, его сердце, его душу... Онъ почти обманомъ овладѣлъ ею и это отбросило ихъ другъ отъ друга. До сихъ поръ онъ считалъ свои побѣды десятками жертвъ, но эта побѣда обошлась ему дорого, слишкомъ дорого... Она оттолкнула его въ ту минуту, когда онъ рѣшилъ отдать ей свою свободу, рѣшилъ жениться на ней, противъ собственнаго принципа. Но она уже поняла его, узнала всю пустоту, всю суетную мелочность его души и... они разстались.

Первая женщина въ мірѣ оттолкнула его... И онъ ушелъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Въ первыя минуты разрыва онъ думалъ, что оскорбленное самолюбіе мужчины говоритъ въ немъ, но потомъ онъ понялъ, что нѣчто болѣе глубокое и сильное овладѣло его душой. Онъ полюбилъ впервые и полюбилъ на всю жизнь. Это чувство вонзилось въ него, оно, какъ спрутъ, окружило его своими цѣпкими лапами и тутъ-же онъ далъ себѣ страшную клятву или овладѣть этой дѣвушкой, заставившей его мучиться или погибнуть.

Прежняя пустая свѣтская жизнь опостылѣла ему. Ему надо было заглушить боль работой, трудомъ безъ конца. Онъ изучалъ когда-то ради любопытства техническое дѣло и теперь подъ видомъ простого машиниста поступилъ на одинъ изъ германскихъ заводовъ. Здѣсь онъ работалъ, не покладая рукъ, жилъ, какъ простой рабочій, по чужому паспорту германскаго подданнаго Германа Брауна, пріобрѣтенному имъ за большія деньги. Трудъ помогалъ ему жить, но не усыплялъ его чувства. Образъ бѣлокурой дѣвушки носился предъ нимъ неустанно.

А тутъ еще подоспѣло рабочее движеніе. Князь Всеволодъ былъ убѣжденный консерваторъ и по принципу, и по рожденію. На рабочихъ и крестьянъ онъ смотрѣлъ, какъ на толпу безгласныхъ рабовъ, созданныхъ для труда и абсолютной покорности высшему классу. И борьба съ зарождающимся движеніемъ тѣ-

шила, занимала его. Подавить революцію, примять самое идею свободы рабочаго и крестьянскаго класса— это стало задачей князя Гарина. Онъ зналъ, что любимая имъ дѣвушка исповѣдуетъ діаметрально противоположные ему взгляды, и это еще болѣе, чѣмъ все остальное, поджигало князя на реакціонную борьбу съ цѣлымъ міромъ, съ нею самой, съ съ судьбою...

Онъ вѣрилъ, что останется побѣдителемъ, вѣрилъ, что рано или поздно завладѣетъ любимою дѣвушкою, заставитъ ее быть своей покорной, хотя-бы и безумно любимой рабой, и одновременно съ этимъ наставитъ тормазовъ, гдѣ только сможетъ, тому проявленію активной борьбы, которая закипала въ нѣдрахъ Россіи.

Такъ прошло два года скитаній по европейскимъ заводамъ, гдѣ онъ считалъ себя отщепенцомъ среди рабочаго, вѣчно борющагося за свои права класса. Онъ обросъ бородой, исхудалъ, подурнѣлъ, измѣнился, сталъ неузнаваемъ. Онъ сумѣлъ присвоить себѣ иностранный акцентъ, научился говорить глухимъ голосомъ простолюдина. Въ его черныхъ отросшихъ волосахъ засеребрилась ранняя сѣдина. Но его сердце билось попрежнему своей гордой, деспотической любовью. Вся его жизнь стремилась къ одной цѣли—найти ее, его Лику, его златокудрую фею и побѣдить ее. Онъ вернулся въ Россію. Никто не узналъ его здѣсь подъ его рабочей блузой съ этой отросшей бородой, съ безпокойно бѣгающимъ взглядомъ острыхъ глазъ.

Князь Всеволодъ Гаринъ исчезъ навѣки. Вмѣсто него жилъ и существовалъ машинистъ Германъ Браунъ. По наведеннымъ справкамъ, онъ узналъ о мѣстѣ нахожденія Лики. Поступить на спичечную фабрику было для него далеко не труднымъ дѣломъ. И онъ увидѣлъ ее, тоже не мало измѣнившуюся, но ставшую еще болѣе дорогою ему въ теченіе этого времени.

Онъ сталъ преслѣдовать ее. Всюду, гдѣ-бы ни появлялась „нескучневская барышня“, темной тѣнью онъ слѣдовалъ за нею. Это замѣтили на фабрикѣ. О немъ заговорили. И вотъ, чтобы усыпить подозрѣнія и дать себѣ возможность продолжать опасную игру, князь Всеволодъ снизошелъ до животнаго увлеченія Анной. Но ласки Бобруковой не могли вскружить ему голову, не могли затмить воспоминанія о другихъ чистыхъ, застѣнчивыхъ ласкахъ его Лики.

Весь охваченный своими воспоминаніями Германъ Браунъ, онъ-же князь Всеволодъ, незамѣтно подошелъ къ „Старой усадьбѣ“—его усадьбѣ. Онъ пріобрѣлъ ее недавно отъ прежнихъ владѣльцевъ. Длинный старинной архитектуры домъ глянулъ на него своими тускло блестящими отъ луннаго свѣта стеклами. Одно изъ нихъ, то, которое выходило въ чащу кустовъ жимолости, было освѣщено.

Браунъ не торопясь вошелъ на крыльцо по шаткимъ ступенямъ и вошелъ въ длинный темный корридоръ. Въ концѣ послѣдняго находилась дверь, въ щель которой проскальзывала полоса свѣта. Браунъ приблизился къ ней и широко распахнулъ ее.

Небольшая комната, сплошь увѣшанная коврами, была наполнена какимъ-то ароматичнымъ куревомъ. Ни признака мебели не замѣчалось въ ней. Только въ углу стояла курящаяся жаровня, распространявшая далеко вокругъ себя ароматичный дымокъ. Поверхъ ковровъ лежали мягкія подушки, служившія для сидѣнія. Вдоль восточной стѣны была придѣлана полка, обитая красивой штофной матеріей. Какія-то безобразныя фигуры стояли на ней. Это были изображенія буддійскихъ божковъ. Предъ каждымъ изъ нихъ лежали пучки засушенныхъ цвѣтовъ, стояли крошечныя разрисованныя чашечки съ дарами въ видѣ рисовыхъ зеренъ и крѣпкаго ароматичнаго чая. Одинъ изъ угловъ этой странной комнаты былъ отдѣленъ драпировкой. Ея край приподнялся при появленіи Брауна и изъ-за расписанной невѣдомыми цвѣтами шелковой ткани появилась крошечная малютка-женщина, казавшаяся по росту не старше десятилѣтняго возраста.

Ее прозрачно-блѣдное и худенькое личико съ крошечнымъ ротикомъ и изящнымъ маленькимъ носомъ, освѣщалось парой черныхъ сверкающихъ, точно пустыхъ и странно растерянныхъ глазъ съ нѣсколько косымъ разрѣзомъ, какой бываетъ у азіатскихъ женщинъ. Длинные черные волосы были зачесаны въ гладкую блестящую высокую прическу, какую носятъ японки, и въ нихъ сверкала масса золотыхъ шаровъ и булавокъ. Національный костюмъ жительницы Дай-Нипона *), состоящій изъ голубого атласнаго киримоно **), опоя-

*) Японія.
**) Родъ халата.

саннаго чернымъ шелковымъ оби *), удивительно шелъ къ этой кукольной фигуркѣ, скрадывая поразительную худобу этого не успѣвшаго еще расцвѣсти и уже отцвѣтшаго тѣла. Крошечная женщина имѣла очень болѣзненный видъ. Два огромныхъ багровыхъ пятна румянца вспыхнули на ея щекахъ, какъ только Браунъ появился предъ нею, вспыхнули и пропали. Смертельная блѣдность покрыла черезъ минуту это прозрачное личико, испещренное тонкими голубыми жилками... Отчаяніе и страхъ выражались въ глазахъ.

— Ты... опять ты, ужасный человѣкъ, —прошептала она ломанымъ русскимъ языкомъ, отстраняя маленькими ручонками приближающагося къ ней Брауна.— Зачѣмъ ты опять пришелъ мучить меня? Куда ты спряталъ, куда ты увелъ отъ Ханы ея Гари... Гдѣ онъ?

— Опомнись, Хана, малютка моя милая! Твой Гари здѣсь предъ тобою... — ласково произнесъ Браунъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты—не Гари... У Гари не было этой большой черной бороды!—почти съ ненавистью глядя въ лицо Брауна, шептала японка.—Я вижу, какъ сейчасъ, моего Гари... какъ тогда... давно... Былъ вечеръ и солнце тихо погрузилось въ воды океана. И океанъ, и небо были совсѣмъ золотые, какъ волосы свѣтлой Кванъ-Нанъ. **) Я вижу родную шаію въ предмѣстьѣ Іоширы... она самая нарядная изо всѣхъ... Самые знатные самураи и иностранцы-моряки посѣщаютъ ее. Они приходятъ слушать пѣсенки Ханы, подъ звуки ше***), смотрѣть ея пляску... Хана—дорогая жемчужина шаіи стараго Уоро... Хана—лучшая и красивѣйшая изъ маленькихъ гейшъ... Но Хана замѣтила Гари... Такой высокій Гари... такой гордый... красивый... И Хана, танцуя, бросила ему царственный цвѣтокъ хризантемы, бросила ему свое сердце вмѣстѣ съ нимъ... Стала его рабой Хана... поѣхала съ нимъ въ холодную страну, чтобы дарить ему ласки и счастье. Великій Будда, что это было за счастье! Но оно пропало, какъ солнечный лучъ заката, какъ бѣлый снѣгъ подъ весеннимъ лучомъ. Пѣсни и ласки Ханы наскучили Гари... и пришла дѣвушка съ волосами, какъ солнце, и вынула сердце

*) Широкій поясъ.
**) Богиня милосердія.
***) Музыкальный ящикъ.

изъ груди Гари... Умеръ Гари для Ханы, для всего міра... Вмѣсто него пришелъ ты, злой черный человѣкъ, и увезъ Хану далеко-далеко въ сѣрый городъ, гдѣ цѣлый день коптятъ трубы и гдѣ люди возятся надъ большими станками отъ зари до зари. И Хана плакала и скучала, и чахла, какъ цвѣтокъ лотоса, перенесенный со священныхъ полей Дай-Нипона въ сѣрую страну... А Хана была хороша когда-то и Хану хотѣлъ купить не одинъ знатный сумурай для своего дома. И гдѣ теперь красота Ханы? Гдѣ ея звонкія пѣсни? Хана гибнетъ безъ Гари! Отдай-же мнѣ Гари, злой человѣкъ! Верни его Ханѣ! Гдѣ ты, Гари, бѣлый лотосъ Дай-Нипона? Гдѣ ты, сладкая радость сердца бѣдненькой мусме? Гари мой! Гари! Гари!

Жалобнымъ, неизъяснимо-трогательнымъ голоскомъ заключила это женщина-птичка. Ея до сихъ поръ пустые черные глазки приняли выраженіе страданія.

Что-то похожее на сожалѣніе промелькнуло въ холодномъ, жестокомъ лицѣ Брауна. Онъ протянулъ руки къ японкѣ, привлекъ къ себѣ и сжалъ въ объятіяхъ.

Рѣзкій крикъ, похожій на крикъ болотной птицы, огласилъ восточную комнату. Съ быстротою лани Хана выскользнула изъ его рукъ и, забившись въ уголъ, кричала дикимъ, исполненнымъ животнаго страха голосомъ, глядя вокругъ себя безумными взорами.

— Не подходи къ Ханѣ, злой человѣкъ, не подходи къ Ханѣ... Хана видитъ Гари за твоей спиною... О, какъ блѣденъ Гари! какое у него лицо... Милостивая Кванъ-Нанъ и вы, свѣтлые и темные духи, какъ онъ страдаетъ... А эта дѣвушка съ золотыми волосами, какъ солнце, зачѣмъ она здѣсь? И народъ! Сколько народа! О чемъ они кричатъ? Что имъ надо? Зачѣмъ кровь на лбу у Гари?.. Зачѣмъ онъ падаетъ... Онъ умираетъ... Бѣдная Хана! Онъ умираетъ, Хана! Твой Гари ушелъ отъ тебя!

Маленькая женщина забилась въ конвульсивныхъ судорогахъ... Ея расширенные ужасомъ зрачки, ея дикій голосъ, ея перекошенное лицо—все дышало безуміемъ.

Брауну, привыкшему болѣе, чѣмъ кто другой, ко всякимъ случайностямъ, вдругъ стало жутко. Какою-то мистической правдою повѣяло отъ этого страннаго маленькаго существа. Онъ махнулъ рукою и, не глядя на помѣшанную, вышелъ изъ комнаты.

Въ темномъ корридорѣ его остановилъ его слуга.

— Господинъ Браунъ, васъ спрашиваютъ два рабочихъ со спичечной фабрики,—почтительно произнесъ онъ своему странному хозяину, который и для него былъ неразгаданной, темной загадкой.—Они у крыльца.

Браунъ кивнулъ головою и направился къ террасѣ.

Тамъ при свѣтѣ луны онъ различилъ двѣ фигуры фабричныхъ. Это были Веревкинъ и Маркуловъ, тѣ самые, у которыхъ около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ красовскіе спалили избы.

— Что вамъ, ребята?—обратился къ обоимъ фабричнымъ управляющій.

— Да мы до твоей милости, значитъ, Германъ Васильевичъ,—произнесли тѣ, какъ по командѣ, обнажая головы,—до тебя дѣльце есть.

— Просьба какая-нибудь? прибавки просите? Такъ вы къ мастеру обратитесь. Мастеръ мнѣ доложитъ.

— Зачѣмъ прибавки? Мы и такъ довольны!—заговорилъ рыжій рябой Маркуловъ.—При господинѣ Бобруковѣ довольны были, а при тебѣ еще лучше. Мы господину Бобрукову вѣрой и правдой служили. И за это пострадали, самъ знаешь,—уныло заключилъ онъ.

Браунъ презрительно усмѣхнулся. Онъ зналъ про ту нечистоплотную роль, которую играли эти два рабочіе. Доносчики, они, несмотря на месть товарищей, не измѣнили себѣ и теперь неоднократно доносили на товарищей при встрѣчѣ съ нимъ, Брауномъ.

— Зачѣмъ-же вы въ такой поздній часъ сюда явились? Что вамъ нужно отъ меня?—обратился онъ къ фабричнымъ.

— Предупредить тебя пришли, Германъ Васильевичъ... насчетъ ребятъ нашихъ... Сходка у нихъ... у Кирюка въ избѣ... Мы прослышали и къ твоей милости пришли... Худое что-то замышляютъ ребята... И Кирюкъ, да и Анна Бобрукова вмѣстѣ съ нимъ... Смотри, какъ-бы тебя, какъ и ея родителя, не того-бы...

— На тачкѣ, думаете? Ну, братцы, я не изъ таковскихъ, чтобы позволить себя на тачкѣ катать!—произнесъ, сверкнувъ глазами, Браунъ.—Это Бобрукова вашего они такимъ гостинцемъ угостить могли, а не меня.

— А все-бы губернатору дать знать не мѣшало, чтобы солдатиковъ для острастки прислать сюда,—почему-то шепотомъ произнесъ Маркуловъ.

Съ нескрываемой гадливостью Браунъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Это что-жъ такое? Товарищей своихъ продаете?

— Они насъ сожгли!—хмуро произнесъ Веревкинъ.

— Ну, ладно... коли сказали, такъ не глухъ я и слыхалъ...—произнесъ сурово Браунъ.—А теперь я скажу, въ свою очередь—меня слушайте. О вызовѣ солдатъ и думать не смѣйте... И, ежели вы по собственному произволу распорядитесь, я васъ прогоню съ фабрики въ ту-же минуту... Германъ Браунъ не можетъ бояться кучки глупыхъ барановъ, которыхъ онъ разсѣетъ въ одну минуту. А теперь убирайтесь и не смѣйте меня безпокоить въ другой разъ!—и онъ исчезъ на террасѣ, поставивъ втупикъ обоихъ мужиковъ.

— Дошлый парень!—произнесъ Маркуловъ, метнувъ взоромъ въ сторону уходящаго Брауна.

— Кремень!—въ тонъ ему подтвердилъ Веревкинъ.

— И нѣтъ того, чтобы сказать „спасибо“! Нѣтъ, при Бобруковѣ куда легче было. Слушалъ онъ насъ...

— И подносилъ, когда ежели... и на-чаишко...

— Ишь чего захотѣлъ отъ нѣмца-то! Чаишки да подносы!—презрительно свистнулъ Веревкинъ, и оба, нахлобучивъ шапки, поплелись изъ сада старой усадьбы.

А Браунъ прямо прошелъ въ свою комнату съ потрескавшимися обоями и старинными гравюрами, со слѣдами ветхости по стѣнамъ, съ запахомъ затхлости, присущей давно нежилому помѣщенію. Онъ быстро раздѣлся и легъ въ постель. На столикѣ у кровати стояла свѣча и лежалъ томикъ Ницше. Онъ быстро перелистадъ томикъ и его взоръ упалъ на строки Заратустры:

„Человѣкъ—это грязный потокъ... Надо быть моремъ, чтобы принять его и остаться чистымъ“...

— Да, чистота,—раздумчиво произнесъ Браунъ,—чистота—это высшая ступень красоты. Красота не всегда можетъ быть чистой, но чистота абсолютно прекрасна во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но гдѣ-же она, эта пресловутая чистота, чистота міра, надъ воплощеніемъ которой бились поэты съ Горація до Виктора Гюго, отъ Гейне до Лермонтова включительно? Ложь, предательство, мерзость и суета—вотъ что движетъ рычагомъ міра. Куда-же спряталась, куда-же исчезла чистота?

И вдругъ, словно въ облакѣ грезы, предъ нимъ предсталъ образъ бѣлокурой дѣвушки съ яснымъ взо-

ромъ и чистой улыбкой. Онъ говорилъ всѣмъ своимъ существомъ о томъ свѣтломъ, чистомъ и прекрасномъ, чего такъ пламенно желала душа Брауна.

— Лика моя!—произнесъ онъ, рѣзкимъ движеніемъ протягивая впередъ руки,—да, ты—сама чистота, но ты будешь моею, Лика.

Въ тотъ-же мигъ плачущіе, жалобные звуки послышались недалеко за дверью. Нѣжный, надтреснутый голосокъ вторилъ ему, старательно выводя каждое слово японской пѣсни:

„И алѣло заревомъ восточное небо... И жгучее солнце поднималось красное, какъ кровь... И бѣлые лотосы казались кровавыми... и все было красно отъ крови и весь великій Дай-Нипонъ, и океанъ, и Фузіяма краснѣли. И покраснѣло отъ гнѣва лицо богини милосердія. И милостивая Кванъ-Нанъ вспыхнула злобой“...

Пѣсня оборвалась... Чахоточная грудка не выдержала высокаго звука... Струны звякнули еще разъ и замолчали... Вмѣсто нихъ послышалось тихое, сдержанное рыданіе...

Это плакала маленькая помѣшанная Хана, плакала, сама не сознавая вполнѣ своего одинокаго, безысходнаго горя.

X.

Лика проснулась довольно поздно съ отяжелѣвшей головой и пустымъ сердцемъ. Что-то огромное и давящее, какъ камень, навалилось ей на душу, придавило ее. Что-то случилось съ нею роковое, значительное, но, что именно, она не могла дать себѣ отчета.

— Что съ тобою, дѣвочка?—тревожно обратилась съ вопросомъ Зинаида Владиміровна, когда блѣдная, со впалыми глазами Лика вышла къ чаю.

— Ничего, тетя! А что?—безучастнымъ голосомъ отозвалась она.

— Да на тебѣ лица нѣтъ... И вчерашній обморокъ...

— Развѣ я была въ обморокѣ?—изумилась Лика.

Судорога прошла по ея лицу... Она силилась вспомнить что-то и не могла.

— Ты совсѣмъ больна, дѣвочка!—тревожно вглядываясь въ окаменѣвшее лицо племянницы, продолжала Горная,—когда вчера Браунъ принесъ тебя...

Тихій, короткій стонъ вырвался изъ груди Лики.

Она покачнулась всѣмъ тѣломъ и была принуждена схватиться за столъ, чтобы не упасть.

Съ упоминаніемъ о Браунѣ мысль молодой дѣвушки разомъ прояснилась. Память вернулась къ ней. Лицо залило краской. И острый, мучительный приступъ страданія подступилъ къ ея сердцу. Предъ ней выплылъ, какъ живой, образъ человѣка съ пронзительнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ властнымъ голосомъ, во всемъ обаяніи его нравственной силы. Князь Всеволодъ всталъ, какъ живой, предъ Ликой и своей стройной, гибкой фигурой заслонилъ весь міръ предъ ней. Все исчезло, кромѣ одного яркаго, какъ солнце, воспоминанія. Ея прежняя любовь къ этому человѣку разомъ съ ужасающей силой воскресла въ ней.

Старшая Горная съ волненіемъ слѣдила за малѣйшимъ измѣненіемъ въ лицѣ племянницы. Лицо Лики жило теперь всѣми своими черточками, всѣми фибрами. Глаза разомъ ожили и заблестѣли... И при видѣ этого неестественнаго блеска, при видѣ этого лица, тетя Зина вся задрожала за свою любимицу...

— Лика! дѣвочка! Съ тобою случилось что-то! Ты должна мнѣ повѣдать это, Лика!—хватая молодую дѣвушку за руку, залепетала она.—Хочешь, я пошлю за Силой Романовичемъ... Хочешь доктора, Лика?

Но младшая Горная только головой покачала.

— Ни Силы... ни доктора не надо мнѣ, милая моя тетя!—произнесла Лика и что-то безнадежное послышалось въ звукахъ ея молодого голоса.

Тетя Зина только за голову схватилась, услышавъ этотъ тонъ, этотъ голосъ... Она уже знала его, слышала его когда-то, когда ея Лика встала послѣ тяжелой болѣзни, происшедшей послѣ нравственнаго потрясенія и разлуки съ княземъ два года тому назадъ... И тогда тетя Зина трепетала отъ одной мысли потерять Лику.

— Лика! Лика!—воскликнула она, обвивая шею племянницы и близко заглядывая ей въ глаза,—опомнись, что съ тобою? Ты не хочешь идти замужъ? Ты не любишь Силы?—съ инстинктомъ любящей матери угадывая ея настроеніе, прошептала Зинаида Владиміровна.—Если тебѣ тяжело, откажи ему, милая, откажи, Лика!

— Это невозможно, тетя!—глухо произнесла молодая дѣвушка,—не обыденная, мелкая привязанность сковы-

ваетъ насъ съ Силой... Мы оба—жрецы, тетя, жрецы огромнаго храма, который называется человѣчествомъ. Какъ женщина, я-бы могла сказать ему: „Уйди... я ошиблась въ себѣ, я не взвѣсила своихъ силъ, я не люблю тебя“... И я поступила-бы, какъ надо... Но есть высшая связь на свѣтѣ, нежели связь супруговъ и любовниковъ, и эта духовная связь и есть между нами. Моя душа тѣсно связана съ его душою... Мы исповѣдуемъ одну религію, одну вѣру... И меня можетъ не влечь къ нему, какъ къ мужчинѣ, я могу не чувствовать къ нему большой любви, но быть его женою, его другомъ, его сотрудникомъ въ дѣлѣ борьбы за народъ и его горести и нужды... я должна... и буду...

Умные глаза старшей Горной впились въ глаза ея племянницы. Она взяла похолодѣвшую отъ волненія ручку дѣвушки и отчетливо сказала:

— А то мѣсто въ сердцѣ, которое должно было быть занято у тебя, какъ у женщины, твоимъ избранникомъ... это мѣсто пусто, не правда-ли, Лика?

Честные сѣрые глаза Лики вскинулись, въ свою очередь, на лицо тётки и тотчасъ-же опустились...

Тяжелое молчаніе воцарилось въ комнатѣ...

И снова прозвучалъ голосъ тети Зины, болѣе настойчиво и сурово:

— Это мѣсто осталось пустымъ, не правда-ли, Лика?

Темныя рѣсницы затрепетали. Что-то жалобное, безпомощное, почти дѣтское отразилось на блѣдномъ личикѣ ея собесѣдницы.

— Что-бы ни было, тетя... что-бы ни было!—произнесла Лика срывающимся голосомъ,—но я должна скрасить жизнь Силы... Я не имѣю права губить его... Онъ живетъ мною... А главное, мы—жрецы, тетя... жрецы... Пойми меня!.. И что-бы ни было... вѣрь мнѣ... я буду любить Силу и буду ему вѣрной женою!

И она со стономъ отчаянія и муки бросилась въ объятія своего старшаго друга и воспитательницы.

XI.

Тихо, осторожно, точно призраки, пробирались фабричные къ избѣ Кирюка. Послѣдній жилъ гдѣ-то на самомъ краю деревни за оврагомъ. Его домишко, приноровленный изъ стараго сарая, казался больше остальныхъ деревенскихъ избъ и могъ вмѣстить въ себѣ

значительно большее количество народа. Въ десять часовъ все спало въ Красовкѣ и только фонарь у дороги яркимъ маякомъ указывалъ путь къ мѣсту сходки.

Когда Анна Бобрукова вошла въ избу, всѣ были уже налицо. Щеки дѣвушки такъ и пылали. Она была возбуждена и не старалась скрыть это.

— Староста ничего не знаетъ?—обратилась она мимоходомъ къ Кирюку.

Тотъ только плечами пожалъ.

— Наши не выдадутъ... а вотъ ежели штрейкбрехеры Веревкинъ да Маркуловъ.

— Нѣтъ, имъ батька строго-настрого запретилъ; онъ тутъ въ Рябовку проѣздомъ былъ и съ ними разговаривалъ въ трактирѣ... Вѣдь, въ руку Брауна сыграть имъ не слѣдъ! — также шепотомъ проговорила Анна и отошла къ женщинамъ.

Ихъ было человѣкъ двадцать не больше, частью укладчицы, частью коробочницы и изъ бандерольнаго отдѣленія. Онѣ чувствовали себя какъ-то не по себѣ и жались къ сторонкѣ. Зато мужчины-фабричные чувствовали себя вполнѣ независимо. Гараська Безрукій орудовалъ нѣсколько дней въ пользу Кирюка и успѣлъ объявить имъ всѣмъ, что собраться они должны во что-бы то ни стало, потому что нѣмецъ-кровопійца придумалъ такую штуку, отъ которой никому изъ нихъ не поздоровится. Опаски насчетъ сходки у нихъ не было никакой. Всѣмъ достовѣрно было извѣстно, что молодой хозяинъ Сила Романовичъ уѣхалъ за покупками къ свадьбѣ, которая должна была быть черезъ три недѣли, стало быть, съ этой стороны ничего страшнаго не представлялось. Къ тому-же староста — свой человѣкъ и не выдастъ. А вотъ ежели самъ Браунъ пронюхаетъ... Но насчетъ Брауна рабочіе боялись меньше всего. „Старая усадьба“ отстояла далеко и, пока нѣмецъ могъ нагрянуть, они уже успѣютъ переговорить обо всемъ.

Кирюкъ не разъ участвовалъ на митингахъ въ Петербургѣ и старался придать характеръ настоящей сходки ихъ рабочему сборищу.

Когда народа набралось достаточно и отъ спертаго дыханія стало душно въ избѣ, Гараська Безрукій живо протискался къ лежанкѣ, вскочилъ на нее и звонко крикнулъ оттуда:

— Иванъ Терентьичъ говоритъ со всѣми вами желаетъ, ребята.

Все стихло; всѣ глаза направились въ сторону Кирюка, который, въ свою очередь, поднялся на табуретъ и махнулъ рукою. Все подалось впередъ.

— Говори, Иванъ Терентьичъ!—загудѣли рабочіе.

Женщины молчали. Только одна Анна Бобрукова пробралась впередъ и жадно вперила въ лицо Кирюка свои, зоркіе, не мигающіе глаза.

— Товарищи!—началъ Кирюкъ,—товарищи, братцы! Такъ жить нельзя! вѣрное слово, нельзя. Кто былъ въ Питерѣ, тотъ пойметъ... Что народъ—мусоръ, что-ли? Или вьючное животное какое? Вотъ мы на Бобрукова Дмитрія Кузьмича обрушились. Былъ грѣхъ и съ моей стороны... Шутка-ли, какое оскорбленіе нанесли, можно сказать, человѣку интеллигентному. А, вѣдь, Бобруковъ—свой человѣкъ. Прижималъ когда старина, это вѣрно, да, вѣдь, свой-же онъ, съ нами сжился и сроднился, можно сказать... и на рабочаго, какъ на человѣка, глядѣлъ. Старъ человѣкъ, копилъ, извѣстное дѣло, на гробъ себѣ, ну, и прижималъ малость, а, чтобы человѣка съ грязью мѣшать, чтобы нашихъ дѣвушекъ обижать да концы въ воду хоронить... да насчетъ отказовъ опять да выговоръ — этого еще не бывало... Это, братцы мои, дрянь дѣло. И потомъ опять говорю: хозяинъ самъ, слышалъ, хлопочетъ на счетъ восьмичасового дня, а Браунъ, подлецъ, оттягиваетъ... отговариваетъ... И хуже, чѣмъ съ собаками, онъ...

— А сами выбирали!—послышался голосъ въ толпѣ, —когда не хорошъ, зачѣмъ-бы его выбирать было?

— Сгоряча выбрали! — внезапно выростая своей мощной фигурой подлѣ Кирюка, заоралъ Гараська,— сгоряча тогда рѣшали...

— Скопомъ рѣшали... Зря нечего говорить! — проговорилъ степенный „соломщикъ“ Трифоновъ.

— Да развѣ въ человѣка влѣзешь, братцы? — повышая голосъ, прокричалъ Кирюкъ —И опять тоже у него, у нѣмца то, своя линія была... Онъ тутъ двоихъ, троихъ горлановъ къ себѣ привернулъ. Ну, извѣстное дѣло, отсюда и пошло... А теперь онъ собачится надъ нами, разныя исправильности учиняетъ. Къ примѣру, помимо всего прочаго, что онъ при вступленіи на должность сказалъ? Самъ нашелъ, что отъ бѣлаго фос-

фора одна зараза и что, ежели его замѣнить, куда легче будетъ... что не торопясь все на шведское производство обернуть надо... чтобъ народу отдышаться безъ яда... И опять насчетъ восьмичасового дня хозяинъ почти рѣшился, а онъ, песъ эдакій, все дѣло тормазитъ. Да неужто-жъ, братцы, мы—ужъ никуды негодные людишки, такая мелочь, тля, что на насъ плевать надо? А кто, какъ не мы, народъ, матушку Русь поддерживаемъ? Кто, какъ не тотъ-же крестьянинъ да рабочій? Нужно денегъ въ казну—лупи съ податей и оброковъ, надо солдатъ — берите нашихъ сыновей да братьевъ, нужно руки рабочія—глядь, какъ грибъ, тебѣ пролетарій изъ-подъ земли выросъ... И сколько насъ гибнетъ, братцы? Сколько этого самаго чернаго пролетарія подъ машинкой калѣчится, въ котлахъ сваривается да, недалеко ходя, задыхается у насъ-же на фабрикѣ, сколько... Свобода теперь, слышьте, народу дана.. Всѣмъ лучше будто стало, вздохнули полегче, а нашъ братъ, главный-то зачинщикъ и помощникъ свободнаго движенія, мы на бобахъ остались... Мы отъ всякаго нѣмца-управителя по-старому зависимъ...

— Сами скопомъ выбирали!—снова послышался голосъ въ толпѣ.

— Такъ что-жъ, что выбрали? — демонстративнымъ, рѣзкимъ звукомъ пронесся по избѣ звонкій голосъ Анны Бобруковой, и она съ усиліемъ протискалась къ лежанкѣ и встала подлѣ Кирюка, поводя разомъ загорѣвшимися глазами.—Думали, лучше будетъ, а вышло не то... Отца моего чуть не утопили, дьяволы, за коршуна его сочли, а того не знаете, что не коршунъ опасенъ, а змѣя подколодная, которая изъ-подъ камня, сама притаившись, ужалить норовитъ. Вы такую змѣю на груди отогрѣли... Въ дураковъ сыграли! Кого поставили надъ собою за главнаго? Умъ въ васъ есть? Хозяинъ, слышали, поденные увеличить хотѣлъ, а что получили? Это разъ... Отецъ мой кралъ, говорите, да про эту кражу бабушка на-двое гадала, а у нѣмца откуда деньги вдругъ взялись, чтобы „Старую усадьбу“ купить? Самъ управитель Михѣевъ мнѣ хвасталъ, что новешенькими ассигнаціями пачечка къ пачечкѣ было ему уплачено, такъ-же точно, какъ изъ банка берутъ! А откуда это у него въ банкѣ деньги, братцы, взялись?

Легкій гулъ сдержанныхъ голосовъ пронесся по избѣ.

— А для какого рожна онъ, братцы, какъ кротъ, въ „Старую усадьбу“ спрятался и не при фабрикѣ живетъ?—звонко выкрикнулъ Гараська.

— Дѣло темное!—послышался голосъ.

— А кто его знаетъ? Нѣмца нешто скоро раскусишь? хитеръ нѣмецъ!—вздохнулъ кто-то въ углу.

— Ахъ, хитеръ! То-то и дѣло, что хитеръ!—какимъ-то злораднымъ голосомъ подхватила Анна, — то-то хитеръ... Такъ хитеръ, что васъ провелъ, дурьи вы головы. Васъ-то провелъ, а меня не проведетъ... Взгляните-ка повнимательнѣе на него, товарищи братцы, на управителя нашего, на машиниста-то... Видали такихъ-то? Руки у него, какъ у барина, лицо холеное, а глаза, какъ у волка. Сто дьяволовъ въ нихъ сидятъ. Онъ нелюдимъ и, какъ кротъ, въ своей норѣ прячется... Свѣта Божьяго боится онъ, что-ли? И отъ людей православныхъ сторонится, и отъ хозяина бѣжитъ. А деньги у него откуда? Трудомъ ихъ не наживешь.

— Вѣрно! Вѣрно! Не наживешь!

— А кто его знаетъ... Можетъ, въ заграницѣ у нихъ тамъ и законы, и плата другая! А баба со зла на своего обидчика брешетъ!—слабо вступился за Брауна кто-то изъ его сторонниковъ.

— Баба—бабой, а дѣло—дѣломъ! Почему бабы не послушать, коли баба резонно говоритъ?—поддержалъ Анну Кирюкъ.

— Товарищи-братцы,—снова заговорила Бобрукова,—товарищи! стыдно молчать теперь, когда вся Россія стремится къ освобожденію. Стыдно, братцы! Чтобы замазать намъ рты, самъ хозяинъ, какъ подачку собакамъ швырнулъ, сдѣлалъ намъ кой-какія улучшенія... Да, вѣдь, этого мало! И главное дѣло, опять-таки хозяинъ—капиталистъ-буржуй, онъ свою линію гнетъ. Имъ вѣрить нельзя. Они, аспиды, спятъ и видятъ, какъ рабочаго человѣка прижать и...

— Ну, это ты врешь! Ты хозяина не тронь... Хозяинъ—парень обходчивый!—послышался голосъ.

— Да до черта-ли онъ обходчивъ, коли нѣмецъ надъ нимъ такую власть взялъ? безъ нѣмца онъ ни шага!—мощно гаркнулъ Кирюкъ.

— Развѣ вы не видите куда гнетъ?—подхватила,

обрадовавшись подоспѣвшей поддержкѣ, Анна.—Все по-евонному дѣлается. Братцы! Слушайте меня! Всѣ слушайте! Я люблю васъ всѣхъ, какъ родныхъ! Общенія я съ вами ищу, дорогіе мои товарищи... Сердце такъ къ рабочему народу лежитъ, имъ однимъ бьется... за него кровью обливается... Вы думаете, не страдало оно, какъ отецъ васъ тѣснилъ? Не радовалась-ли я, когда вы отъ его гнета избавились? Только мы на радостяхъ-то не замѣтили, что хорька придавили, а змѣя въ его нору поселилась и оттуда шипитъ и жалитъ... Придавить и змѣю надо... Слышите-ли, братцы? Она вредъ одинъ принесетъ, вредъ, смерть и гибель, потому что не простая змѣя это, а ехидна, самая ядовитая, самая смертоносная... Слушайте всѣ меня!.. Вы думаете, вотъ поселился нѣмецъ-машинистъ деньгу набивать, свою утробу на русскій потъ и кровь русскую, что ему нажива только на умѣ? А выходитъ иное... Не машинистъ это, не управитель Браунъ, а злѣйшій изъ враговъ пролетаріата, братцы! Товарищи, это—провокаторъ! да, провокаторъ, хоть сейчасъ подъ присягу иду!

Послѣднее слово повисло въ воздухѣ. Если-бы Анна Бобрукова вмѣсто провокатора назвала черта, успѣхъ получился-бы не меньшій. Въ ихъ медвѣжьемъ углу, на отдаленнѣйшей и глухой фабрикѣ знали уже хорошо это слово и придавали ему должное значеніе. Что воръ-конокрадъ, что провокаторъ одинаково бурно зажигало кровь, одинаково успѣшно волновало страсти. Анна Бобрукова знала, чѣмъ можно заронить искру въ это море пепла.

— Онъ—провокаторъ!—подхватила она звонче прежняго,—онъ—не нѣмецъ и не Браунъ даже! Я не знаю его имени, но вѣрю, что онъ присланъ сюда, чтобы возбудить недовольство среди насъ, ъропотъ, бунтъ, а когда мы поднимемся, придавить насъ, задушить, уничтожить, какъ каплю, какъ кусочекъ того рабочаго пролетаріата, съ которымъ бюрократія, буржуи и капиталисты ведутъ свою неустанную войну...

Анна увлеклась, забылась... Она вышла изъ рамокъ того типа фабричной работницы, народницы, въ которыя добровольно втиснула себя. Въ ней задрожала жилка агитаторши—оратора, и она забыла отлично усвоенный себѣ народный говоръ. Предъ ошеломленной толпой подлѣ Кирюка стояла совершенно новая

Анна, съ пылающимъ лицомъ, съ вдохновленной рѣчью. И не повѣрить ей, не признать справедливости ея словъ нельзя. И ей повѣрили. И, когда она снова заговорила, десятки мрачно загорѣвшихся злобой глазъ пытливо впились въ лицо молодой дѣвушки.

— Товарищи! Онъ продастъ насъ! Онъ ловко дѣлаетъ свое дѣло!—повысила она свой голосъ, замѣтивъ произведенное ею на толпу впечатлѣніе,—недаромъ-же эти уступки со стороны молодого хозяина, чтобы послѣ сказать—„мы имъ дали все, а они недовольны. Не экономическихъ требованій хотятъ они, не ради хлѣба хлопочутъ, а просто стремятся свергнуть существующій строй государства, недовольны правительствомъ, какъ тысячи имъ подобныхъ борцовъ за освободительное движеніе“. И придется всѣмъ пропадать!.. А изъ-за кого? Изъ-за одного подлаго предателя, котораго на первой осинѣ вздернуть не жалко...

— Не жалко! не жалко!—загудѣли кругомъ:—коли правда это, не грѣхъ и расправиться съ нимъ!..

— Не правда, думаете, не правда? — взвизгнула Анна.—Можно было-бы сразу узнать, какая это неправда! Заявить полиціи и губернатору, что есть человѣкъ въ нашемъ краю, который живетъ по подложному паспорту. Вотъ вамъ и не долгая исторія. Но члены русскаго пролетаріата никогда не должны якшаться съ полиціей. Она—врагъ нашъ и общаго съ нею быть не можетъ. Да къ тому-же Браунъ—не нашъ братъ, простой труженикъ! Того и гляди, защиту ему дадутъ! Такъ неужели допускать до этого, братцы?

— Не допустимъ! Не допустимъ!—загудѣла толпа.—Лишь-бы опознать его хорошенько, а потомъ и къ отвѣту.

— Опознать можно!—снова возвысила голосъ Анна.—Я давно за нимъ слѣжу, примѣчаю. Злодѣй обхаживаетъ нескучневскую барышню, а она избѣгаетъ его... будто боится... Онъ волкомъ глядитъ на нее... По всему видать, что когда-то было промежъ нихъ что-то... встрѣча какая, когда онъ еще не надѣвалъ своей личины, либо другое что, не знаю. Только знаютъ они другъ друга. И мы черезъ нее должны допытаться.

— Въ Нескучное послать! Сейчасъ-же послать за барышней! Пусть Гараська бѣжитъ! Онъ всѣхъ скорѣе дѣло обдѣлаетъ!—зазвучали взволнованные голоса.

— Мнѣ бѣжать, што-ли, братцы?—и въ одинъ мигъ Гараська Безрукій протискался черезъ толпу.

— Тебѣ, тебѣ бѣжать! Бѣги скорѣе! Оповѣсти барышню и духомъ назадъ вмѣстѣ съ ней,—волновались рабочіе.

Послѣднія слова уже едва достигли ушей Гараськи—онъ былъ за дверью избы.

Въ это время Кирюкъ снова вскочилъ на лежанку.

— А когда придетъ барышня и подлинно намъ докажетъ, кто онъ, нѣмецъ проклятущій, мы всѣ къ нему огуломъ въ его змѣиное логовище и накроемъ въ немъ змѣю!—прокричалъ онъ зловѣщимъ голосомъ.

— Вѣстимо, за эдакія вещи по головкѣ не погладимъ!—мрачно сверкнувъ глазами, произнесъ одинъ изъ лабораторовъ, дюжій рабочій Семенъ Валицинъ.

— А по мнѣ, и ждать нечего!—вырвалось тоненькимъ фальцетомъ изъ груди плюгаваго мужиченки Сидоренкова, спичечнаго соломщика по профессіи.— По-мнѣ, сейчасъ его накрыть, братцы, накрыть и исколошмятить, подлеца, Іуду...

— Что колошмятить... Зря-то руки марать... Отлежится, мерзавецъ... Змѣи живучи!—выкрикнулъ мощный басъ Кирюка.—Просто прикончить его, собаку. И что тамъ ждать еще показаній? Бобруковой не выдумать было всего-бы! За ней правда, братцы... Сердце чуетъ, что правда... Да и самъ видишь, какой онъ машинистъ, какой рабочій. Баринъ онъ, по всему видать, бѣлоручка-баринъ. Бюрократическое отродье онъ... Іуда-предатель онъ! Не жить ему, братцы, такому! Много онъ народа перегубитъ, такъ ужъ лучше одного пришибить, чѣмъ всѣмъ намъ томиться. Идемъ, что-ли?

— Идемъ! Идемъ!—гаркнуло нѣсколько голосовъ.

— Завертится у насъ, собака.

— Пришибить его—сто грѣховъ съ души спустишь,

— Довольно надъ православными измываться ему, предателю!

— Покажемъ ему кузькину мать!—все громче, все настойчивѣе звучали отдѣльные возгласы.

Страсти накипали... И вдругъ все слилось въ одинъ сплошной стонъ:

— На „Старую усадьбу“, братцы! Сейчасъ-же, не медля! Нечего ждать! Идемъ, братцы! Идемъ!

И вся толпа ринулась къ двери. Кирюкъ собственнымъ тѣломъ надавилъ на нее... Дверь распахнулась. И одинъ короткій крикъ недоумѣнія вырвался изъ груди нѣсколькихъ человѣкъ. На порогѣ избы стоялъ въ своей обычной спокойной позѣ Браунъ.

XII.

Толпа тихо ахнула и отхлынула назадъ. Появленіе управляющаго было такъ неожиданно, такъ внезапно, что никто изъ присутствовавшихъ не нашелся въ первую минуту. Браунъ стоялъ, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ, скрестивъ руки на груди, и чуть замѣтная насмѣшливая улыбка змѣилась на его губахъ.

— Ну, что-же стали? Не ожидали гостя?—раздался послѣ минутной паузы его властный голосъ, и, помолчавъ еще немного, онъ добавилъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ:—сейчасъ-же разойтись, сію-же минуту! Сейчасъ-же прикажу сдѣлатьдо знаніе, кто –зачинщикъ сходки. Десятскихъ сюда!.. Старосту!

Толпа не двигалась, словно замерла и ждала. Взоры всѣхъ впились въ лицо управляющаго. По рядамъ рабочихъ прошелъ невнятный говоръ.

— Или оглохли?—снова металлическимъ звукомъ прозвенѣлъ голосъ Брауна,—вамъ я говорю, или нѣтъ?

Наступила недолгая пауза. Передніе ряды немного раздались и порѣдѣли. Кое-кто отошелъ въ сторону. На многихъ лицахъ выразилось полное недоумѣніе. Казалось, скажи этотъ энергичный, смѣлый человѣкъ еще одно слово—и вся эта за минуту до того волновавшаяся орава покорно послѣдовала-бы его приказанію.

И вдругъ рядомъ съ Брауномъ очутился Кирюкъ.

— Товарищи,—заоралъ онъ какимъ-то несвойственнымъ ему тонкимъ, почти женскимъ голосомъ.—Товарищи! Или вы забыли, куда шли мы и зачѣмъ? Идти не приходится. Нашъ врагъ предъ нами! Бей его!

— Бейте его! Безъ сожалѣнія бейте мучителя нашего!—взвизгнулъ голосъ Анны Бобруковой.

И, точно искра, брошенная въ пепелъ, подѣйствовалъ этотъ крикъ на толпу. Она ахнула, какъ вздохнула, и чуть замѣтно подвинулась впередъ. Лица рабочихъ приняли какое-то общее выраженіе сосредоточенности и недоумѣнія. Точно каждый изъ нихъ спрашивалъ внутри себя:

„Что-же дѣлать теперь? Когда начинать?“

Браунъ, попрежнему спокойный и насмѣшливый, смотрѣлъ на толпу, толпа на него... И вдругъ снова пронесся крикъ мучительный и чуткій:

— Что-же, братцы? Долго-ли онъ издѣваться будетъ?

— А-а-а!—въ тонъ простонала толпа.

Кулаки судорожно сжались. Глаза налились кровью. Передніе ряды подвинулись еще немного и въ двухъ шагахъ очутились предъ Брауномъ. И въ тотъ-же мигъ вся блѣдная, какъ смерть, вбѣжала въ сопровожденіи Гараськи Безрукаго въ избу Лика.

— Остановитесь, православные! Христосъ съ вами!—прокричала она, задыхаясь отъ волненія, не замѣчая присутствія Брауна.

Она бѣжала сюда, охваченная одною мыслью помѣшать этимъ людямъ идти на „Старую усадьбу“, и теперь готова была цѣною собственной жизни отклонить ихъ отъ этого.

— Нескучневская барышня! нескучневская барышня пришла!—пронеслось по избѣ.—Спросить ее! Ее спросить! На очную ставку свести ихъ съ Іудой!—послышались здѣсь и тамъ отдѣльные возгласы.

Анна Бобрукова пробралась впередъ къ Ликѣ, схватила ее за руки и, близко-близко придвинувъ къ ней пылающее лицо, закричала ей:

— Скажите намъ, кто онъ? Скажи, какъ на духу! Именемъ Господа Бога, правду скажи!

— Кто? Про кого сказать?—недоумѣвала Горная, и вдругъ точно кто толкнулъ ее обернуться назадъ.

Быстро повернула она голову и... два черныя лезвія впились въ ея глаза... Знакомое гордое лицо снова было въ двухъ шагахъ отъ нея.

Туманъ наполнилъ голову дѣвушкѣ, туманъ наполнилъ ея мозгъ. Точно отталкивая отъ себя страшное видѣніе, Лика, охваченная паническимъ ужасомъ, подалась назадъ, протянула руки.

— Всеволодъ! Всеволодъ!—вскрикнула она дикимъ голосомъ.—Уйди! Уйди! Оставь меня!—и тяжело рухнула на руки подоспѣвшей къ ней Анны.

Что-то неизъяснимое произошло вслѣдъ за этимъ. Этотъ выхваченный прямо изъ сердца крикъ дѣвушки разомъ наэлектризовалъ толпу.

— Слышали, братцы? Не нѣмецъ онъ, не Браунъ! Предатель Іуда! Провокаторъ!—проревѣлъ Кирюкъ дикимъ голосомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего человѣческаго, и въ одинъ мигъ очутился подлѣ Брауна, заботливо склонявшагося надъ тѣломъ безчувственной Лики.—Бей его!—еще болѣе дико закончилъ онъ и тяжелый кулакъ рабочаго поднялся надъ головой управляющаго.

Въ одну минуту тонкая, подвижная фигура Брауна выпрямилась, какъ стрѣла. Онъ отскочилъ къ порогу, запустилъ руку въ карманъ... Мигъ, другой—и дуло револьвера своимъ одинокимъ глазомъ впилось въ лицо Кирюка, разомъ ставшее бѣлѣе снѣга...

— Я уложу на мѣстѣ каждаго, кто сдѣлаетъ хоть одинъ шагъ ко мнѣ! — произнесъ спокойный металлическій голосъ.

Но вслѣдъ за нимъ раздался пронзительный окрикъ:

— Что-же стали, братцы? Онъ вамъ еще грозить смѣетъ, а вы хвосты поджали. Хватай его! Живо!

Кто-то ринулся къ двери, кто-то схватилъ за плечи Брауна. Грянулъ выстрѣлъ. Что-то тяжелое шарахнулось въ сторону. Жестяная висѣвшая на стѣнѣ лампочка потухла, задѣтая кѣмъ-то второпяхъ. Въ избѣ воцарилась темнота. Въ ней копошились люди, давя другъ друга. Слышался одинокій короткій стонъ... Всѣ тѣснились къ двери ощупью, намѣчая себѣ путь...

И вдругъ она широко распахнулась отъ удара сильной руки, и на фонѣ лунной ночи четко обрисовалась фигура Брауна. Онъ былъ не одинъ: одной рукой онъ обхватилъ станъ безчувственной Лики, лежавшей на его груди, другой плотно сжималъ револьверъ, устремленный дуломъ во внутрь избы.

— Перваго, кто станетъ преслѣдовать меня,—прозвенѣлъ его повелительный голосъ,—я уложу на мѣстѣ, какъ собаку!—и Браунъ исчезъ за дверью, унося съ собой свою добычу.

XIII.

— Гдѣ я?—широко раскрывая изумленные глаза, спросила Горная. Она лежала на низкомъ турецкомъ диванѣ въ неприглядной суровой на видъ, не уютной комнатѣ.—Гдѣ я?—еще разъ произнесла Лика, съ усиліемъ припоминая, что могло привести ее сюда.

И вдругъ ея глаза раскрылись еще шире, исполненные ужаса... Между окномъ и диваномъ, на которомъ она лежала, выросъ знакомый силуэтъ, весь облитый луннымъ сіяніемъ. Блѣдный, похожій скорѣе на призракъ, нежели на живого человѣка, Браунъ стоялъ предъ нею.

— Всеволодъ! Ты, снова ты! Всеволодъ! — прошептала Лика и протянула впередъ руки.

Въ одинъ мигъ онъ былъ подлѣ нея, упалъ на колѣна предъ диваномъ, обхватилъ ее, всю тоненькую и трепещущую, своими сильными руками и, тѣсно прижавшись сердцемъ къ сердцу, грудью къ груди, замеръ въ долгомъ, безконечномъ объятіи. Все свернулось въ одну кипучую, клокочущую пѣну... Два долгихъ года труда и мученій, борьба съ народомъ, потеря этой дѣвушки и только что свершившееся событіе — все минуло, кануло, исчезло... Двѣ звѣзды, чистыя, яркія— два любящіе свѣтлые глаза—сіяли предъ нимъ... Браунъ, холодный, спокойный, борецъ, скрылся безъ слѣда.

— Ты... ты... душа моя... жизнь моя!—шептали блѣдныя губы.—Ты... ты... здѣсь... мы опять... снова...

— Всеволодъ! Всеволодъ!—неслось отвѣтнымъ стономъ.

— Я... я... моя Лика... я, Всеволодъ Гаринъ, предъ тобою!—шепталъ ей въ ухо дрожащій голосъ, и снова они затихли оба, чтобы замереть безъ словъ, безъ признаній, уста въ уста, сердце къ сердцу.

Странное чувство наполняло сердце Лики. Она не думала ни о прошломъ, ни о будущемъ. Двухъ послѣднихъ лѣтъ не существовало. Она чувствовала себя тою прежней дѣвочкой, Ликой, которая съ нарядной эстрады пѣла свои неаполитанскія пѣсенки. И онъ, ея Всеволодъ, былъ теперь тѣмъ-же, прежнимъ. И прежняя любовь, безумная, жгучая, воскресла съ новой силой въ ея душѣ... Настойчивымъ призракомъ поднялась она изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ ея души и всю ее заполнила до краевъ. Прежняя, давно пережитая и дивная, какъ сказка, зимняя ночь воскресла снова... И снова онъ съ нею, и снова сжимаетъ ее, какъ тогда, въ своихъ горячихъ объятіяхъ и, какъ тогда, баюкаетъ ее на рукахъ, какъ ребенка... И, какъ тогда, какъ-будто море плещется вокругъ нихъ и кто-то поетъ сладко и заманчиво гдѣ-то далеко-далеко.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя!—шепчетъ Лика, и дѣ тонкія дѣвичьи руки обвиваются вокругъ шеи мнимаго машиниста.

— Лика! моя Лика! Моя вымученная радость! Моя гордая, гордая, милая дѣвушка! Я нашелъ, нашелъ тебя!—несется отвѣтнымъ звукомъ.

И снова молчаніе, жуткое, сладкое, какъ мечта.. Цѣлая нирвана блаженства и любви.

— Лика! счастье мое! Жена моя, Лика!

Что-то невѣроятное, дикое послышалось въ послѣднихъ трехъ словахъ молодой дѣвушкѣ. Быстрѣе молніи отпрянула она отъ груди князя и, схвативъ его за плечи, впилась въ него помутившимися взорами.

За плечами Гарина мгновенно выросъ предъ ней другой образъ. Простодушно и скорбно глянули изъ-за красивой фигуры Гарина чистые, дѣтскіе глаза Силы. Глубокимъ укоромъ сіяли они.

— Не могу! — простонала обезсиленная Лика, — не могу... Ты опоздалъ... Зачѣмъ ты пришелъ такъ поздно? Я не могу быть твоею... я—невѣста другого!..

— Невѣста другого! — разсмѣялся князь, и холодокъ прошелъ по тѣлу Лики отъ звуковъ этого страннаго смѣха.—Невѣста другого... Силы Романовича Строганова. Знаю. Его невѣста... Такъ что-жъ? Развѣ ты любишь его, а не меня! Неужели я не выстрадалъ тебя цѣною самыхъ жгучихъ страданій? Неужели я не завоевалъ тебя? Нѣтъ! Нѣтъ! Ты моя, моя! И ты поняла это... возврата нѣтъ. Я унесъ тебя оттуда, изъ этой толпы бунтующихъ крикуновъ, унесъ, какъ хищникъ уноситъ добычу... такъ неужели-же я сдѣлалъ это для того, чтобы вручить тебя будущему твоему мужу? этому простаку Силѣ, этому несмыслящему большому ребенку, къ которому тебя влечетъ одна только жалость, ошибочно принятая за любовь? Нѣтъ, ты будешь моею, исключительно моею, Лика! женою или подругой, чѣмъ хочешь. Безъ тебя нѣтъ жизни у меня. Я—консерваторъ во всемъ и въ моемъ чувствѣ консерваторъ. Ты—моя единственная, ты—мое все. Ты пойдешь со мною... Я отдамъ тебѣ жизнь, всю мою цыганскую, кочующую жизнь отдамъ я тебѣ. Я унесу тебя, Лика, къ счастью, которое тебѣ во снѣ не снится... Люблю тебя... люблю тебя... радость! Свѣтлая моя! Ребенокъ мой! Жизнь моя! Жизнь!

Послѣднія силы оставили Лику... Снова зашумѣли волны... снова запѣла пѣснь далекая, нѣжащая, сладкая, какъ мечта.

Колебаній больше не было. Этотъ человѣкъ унесъ ее изъ избы Кирюка, гдѣ была сходка, унесъ отъ людей, которые были ей близки, какъ родные. Сама судьба, значитъ, вмѣшалась въ это дѣло. Тьма прояснилась. Свѣтъ блеснулъ снова. Сомнѣнія исчезли. Сердце Лики точно выросло въ эти мгновенія. Болѣзненное ощущеніе исчезло изъ него, огромная радость затопила его до краевъ. Она поняла, что борьба безполезна. Всеволода Гарина она одного любила съ той минуты въ собраніи, когда увидѣла его въ первый разъ, и, значитъ, ему одному она должна принадлежать по праву. Жизнь коротка и далеко не сулитъ однѣ розы; такъ если розовый дождь льется на нее въ эти мгновенія, почему не ловить его обѣими пригоршнями?

— Да, да!—лепетала она, задыхаясь отъ счастья,— да, да... возьми меня! Унеси меня къ счастью! Всеволодъ мой! Радость моя! Милый! Милый!

И, какъ тогда, около трехъ лѣтъ тому назадъ, онъ легко и быстро поднялъ ее на руки и понесъ...

Безшумно распахнулась предъ нимъ дверь его комнаты, и маленькая фигурка вся въ бѣломъ, съ распущенными по плечамъ волосами, изсиня черными и блестящими, какъ сталь, предстала предъ ними.

— Хана!—вырвалось изъ груди князя и Лики.

— Тссс!—прошептала маленькая японка, прикладывая свой крошечный пальчикъ къ губамъ.—Тссс! тише. Хана видѣла странныя вещи... Хана видѣла сейчасъ Гари... онъ стоитъ тамъ на крыльцѣ... И весь садъ полонъ сѣрыми, грязными людьми. Они прячутся за деревьями и ищутъ тебя, черный, злой человѣкъ, и тебя, дѣвушка съ волосами, какъ солнце, тебя, златокудрая мусме. Они видѣли, какъ вы пришли сюда, и позвали Гари... И Гари всталъ изъ гроба и вышелъ къ нимъ. Злой человѣкъ, уйди, и ты, красавица мусме, уйди тоже!.. Здѣсь мѣсто Гари, здѣсь царство Гари... Наконецъ-то, Гари, твоя Хана дождалась тебя! Войди, Гари, съ именемъ милостивой Кванъ-Нанъ на устахъ!

И, сверкая своими безумными глазами, маленькая сумасшедшая протягивала впередъ руки и манила, и звала кого-то въ окно.

Князь Всеволодъ бережно опустилъ на ноги Лику, испуганную, потерявшуюся при видѣ маленькой японочки. Эта женщина, уже разъ сыгравшая роль въ ея жизни, снова появилась предъ ней.

Лика забыла о самомъ существованіи маленькой японочки и теперь при видѣ ея прежнее отчаяніе воскресло въ ея сердцѣ. Неужели снова ея Всеволодъ хотѣлъ обмануть ее?

Но спрашивать было некогда. Шумъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ привлекъ ея вниманіе. Въ саду замелькали тѣни быстро бѣгущихъ по всѣмъ направленіямъ людей. Вскорѣ весь домъ былъ окруженъ.

При мягкомъ лунномъ сіяніи Лика успѣла разглядѣть около самаго крыльца дома красное платье Анны Бобруковой, ярко выдѣлявшееся во тьмѣ. Кирюкъ былъ подлѣ и хриплымъ голосомъ отдавалъ приказанія. Герасимъ Безрукій сновалъ тутъ и тамъ и помахивалъ своимъ зловѣщимъ обрубкомъ съ пустымъ рукавомъ.

— Спряталась лисица въ нору, бѣду почуяла!—долетѣло до ушей Лики.

Внѣ себя схватила она за руку князя и, со скошеннымъ отъ страха лицомъ, проговорила, едва произнося слова отъ волненія:

— Спасайтесь... ради Бога... берите Хану и бѣгите. Я задержу ихъ, какъ умѣю. Я выйду къ нимъ...

— Вы желаете, чтобы я спрятался за вашу спину?— прозвучалъ насмѣшливый голосъ въ отвѣтъ.—Нѣтъ, Лика, мы уйдемъ оба... или я умру на твоихъ глазахъ!— и князь такъ сильно сжалъ пальцы Лики, что она вскрикнула отъ боли.

Съ испугомъ взглянула дѣвушка на Хану... Но поведеніе Гарина не произвело, казалось, никакого впечатлѣнія на маленькую японочку. Ея пустые глазки смотрѣли безучастно въ окно, а губы шептали что-то.

— Она ничего не понимаетъ,—поторопился пояснить князь Ликѣ.—Несчастная помѣшалась еще въ мою бытность въ Вѣнѣ... Она не узнаетъ меня и не слышитъ, что мы говоримъ. Лика, радость моя! Бѣжимъ со мною... съ нами... Я отвезу Хану на ея родину, обезпечу несчастную и сдамъ на руки ея роднымъ. Теперь я не нуженъ ей... Ея сердце полно тѣмъ Гари, которымъ я былъ когда-то и который къ ней уже не вернется никогда, никогда. А мы уйдемъ, Лика... Я дамъ тебѣ

счастье, я окружу тебя роскошью и лаской, я увезу тебя къ лучшимъ чудесамъ міра... Жена моя, дорогою женою ты будешь моей, Лика... Всю мою жизнь, всѣ мои чувства отдамъ я тебѣ... Радость моя! Идемъ-же отъ этихъ грязныхъ, сѣрыхъ людей, отъ этой затхлой обстановки, изъ этого отвратительнаго медвѣжьяго угла, гдѣ рабство хочетъ подняться изъ тьмы міра и создать себѣ царство независимости и свободы. Я презираю ихъ, потому что они слабы и борьба ихъ—борьба букашекъ, которыхъ однимъ проглотомъ можетъ уничтожить крупнѣйшее творенье. Они не добьются побѣды, потому что побѣда дается избраннымъ. Брось ихъ и иди за мною! На вѣчный праздникъ, на роскошь счастья поведу я тебя!—и князь Всеволодъ Гаринъ глубоко заглянулъ въ блѣдное, изможденное лицо Лики.

Дѣвушка вздрогнула подъ этимъ взглядомъ. Точно ударомъ хлыста обожгли ее эти слова князя.

— Они—мои братья! — произнесла она и гордо выпрямилась.—Я не вижу убожества въ ихъ стремленіи и борьбѣ. Я вижу влеченіе къ солнцу, свободѣ и лучшей долѣ и я не смѣю, не могу не поддержать ихъ. Они—мои братья, повторяю я вамъ, Всеволодъ, и я должна жить для нихъ! Исключительно для нихъ!

— И для Силы Строганова!—насмѣшливо произнесъ князь.

— Да, и для него... Онъ, какъ и они,—братъ мой. Милый братъ!—произнесла съ нѣжностью Лика.

— А я? Я что-же для васъ? Кто я вамъ?—желчно произнесъ Гаринъ и его острые глаза снова впились въ Лику.

И снова этотъ властный взглядъ заставилъ ее онѣмѣть... Снова туманъ поднялся съ глубины ея души и застлалъ мысль.

— Я люблю васъ! — прошептала чуть слышно дѣвушка.

— Такъ идемъ-же со мною!—вырвалось изъ самыхъ нѣдръ его сердца и онъ схватилъ ее въ свои объятія.

На минуту Лика потеряла голову. Розовый туманъ захлестнулъ ее. Она снова чувствовала на себѣ фатальные глаза этого человѣка, снова его сильныя руки сжимали ея плечи, а страстный шепотъ впивался въ уши:

— Пойдемъ! Пойдемъ!

И вдругъ пронзительный крикъ Ханы заставилъ

ихъ стро отпрянуть другъ отъ друга. Она стояла на подоконникѣ и, дико сверкая глазами, указывала рукою въ окно, крича:

— Гляди, гляди, злой человѣкъ!.. И ты гляди, златокудрая мусме... Оба глядите... Вонъ Гари, вонъ идетъ Гари, окровавленный Гари... Помогите ему! Онъ падаетъ, онъ истекаетъ кровью. Великій Духъ, покровитель Дай-Нипона! милостивая Кванъ-Нанъ, дайте ему жизнь! Дайте ему жизнь или возьмите ее у Ханы... Гари! Гари! Солнце дня моего! Бѣдный, любимый повелитель! Иду къ тебѣ!

Что-то яркое блеснуло въ лучахъ мѣсяца... Короткій, легкій крикъ и, какъ подкошенная, Хана упала съ окна на полъ.

Кинжалъ звонко брякнулъ на полъ. Темная змѣйка поползла по полу, тоненькая и быстрая, какъ ртуть.

— Кровь! Кровь!—въ ужасѣ прошептала Лика,—она зарѣзалась, Всеволодъ, она погибла!

Князь уже былъ на колѣнахъ подлѣ маленькой женщины, глядѣвшей на него во всѣ глаза. Зіяющая рана на груди истекала кровью. Одежда была залита ею.

— Несчастная!—прошепталъ Гаринъ, бережно поднимая малютку на руки и прижимая къ груди,—я не сумѣлъ углядѣть за нею.

— Можно еще спасти ее,—быстро проговорила Лика, прикладывая руку къ слабо бьющемуся сердечку японочки,—она еще жива. Бѣгите съ нею и укройтесь въ домѣ Силы, а оттуда въ городъ скорѣе... пока они всѣ не успокоятся! Я задержу ихъ здѣсь!

— Поздно, Лика! Или вы сами не чувствуете, что поздно? Вы слышите, они сейчасъ ворвутся въ домъ.

Дѣйствительно, крики въ саду усиливались съ каждой минутой и скоро перешли въ сплошной, несмолкаемый ревъ. Угрозы и ругательства гремѣли подъ самыми окнами. Отдѣльными выкриками звучали они, и эти выкрики не предвѣщали ничего хорошаго.

Неожиданно и гулко зазвенѣло что-то... Лика кинулась къ окну. Толпа была уже на крыльцѣ и подъ ея напоромъ рухнула и разбилась вдребезги стеклянная дверь веранды. Сотня ногъ загремѣла, застукала и защуршала на террасѣ.

— Выходи! Куда запрятался, собака Браунъ?—послышался совсѣмъ уже близко голосъ Кирюка.

— Блудливъ, какъ заяцъ, трусливъ, какъ кошка! У-у! проклятая нѣмчура! Вылѣзай къ отвѣту!—вторилъ голосъ Анны, охрипшій отъ злобы.

— Я покажу имъ, какой я трусъ! — прошепталъ, сжимая кулаки, князь Всеволодъ.—Я выйду къ нимъ и мой браунингъ достойно встрѣтитъ гостей.

— Ради Бога и этой несчастной дѣвушки не дѣлайте этого, Всеволодъ!—молящимъ голосомъ прошептала Лика.—Она умираетъ. Спасите ее! Дайте ей умереть спокойно. Уйдите отсюда другимъ ходомъ и спрячьтесь пока... А я уведу ихъ... Есть здѣсь гдѣ спрятаться?

— Есть... Старый бельведеръ за садомъ. Туда можно проникнуть черезъ дверь моей спальни и кухонный корридоръ. Но зачѣмъ мнѣ спасаться, когда... Я теряю васъ, не правда-ли, Лика?

— Вы должны спасти ее или дать ей послѣднюю минуту спокойствія. Вы должны подумать объ этомъ несчастномъ ребенкѣ!

— Но... потомъ, когда... все утихнетъ, Лика... Ты вернешься... ты моя? Вѣдь, да, да?

Жилы вздулись на блѣдномъ лбу князя... Его горячее дыханіе дошло до Лики, обжигая ее. Еще минута—и она забудетъ все—несчастную раненую, свой долгъ, совѣсть, свою любовь къ этимъ несчастнымъ, слѣпымъ братьямъ, которые готовы на преступленіе, на убійство въ своей слѣпотѣ. Онъ, этотъ человѣкъ, презирающій ихъ, врагъ всего того, что она считаетъ священнымъ, онъ ей дорогъ до безумія, до боли, до смерти... Онъ влечетъ ее за собою.

— Нѣтъ!—крикнула она дико, зажмуривъ глаза, чтобы не видѣть его душу сжигающихъ глазъ,—нѣтъ! Мы чужіе! Спасайте Хану или будетъ поздно... Прощайте, князь!

— До свиданія!—прозвучало въ отвѣтъ настойчивымъ звукомъ.—Мы еще увидимся съ тобою!—и, прижимая свою хрупкую, истекающую кровью ношу къ груди, князь Всеволодъ Гаринъ исчезъ.

XIV.

Шаги, крики и угрозы приближались. Дикая брань висѣла въ воздухѣ. Страсти разошлись и все слилось въ одно общее стремленіе толпы: убить, уничтожить во что-бы то ни стало. Дверь спальни, закрытая на за-

движку, вся вздрагивала подъ ударами сильныхъ мужицкихъ кулаковъ.

— Отопри, нѣмецкая гадина!—слышался грубый голосъ,—отопри добромъ, не то худо будетъ...

Лика хотѣла отвѣтить—и не могла, хотѣла сдѣлать шагъ къ дверямъ—и тоже не могла. Она стояла, не шевелясь, вся блѣдная, не будучи въ состояніи двинуть ни рукой, ни ногою. Вся ея мысль сосредоточилась на одномъ: Всеволодъ въ безопасности, Всеволодъ успѣлъ скрыться и унести Хану.

— Эй, ты! долго-ли шутки шутить съ нами будешь? А и мы-же пошутимъ... Дай только добраться до тебя, ехидна треклятая!—звучали еще съ большимъ озлобленіемъ голоса за дверью.

Потомъ дверь вдругъ сразу поддалась, и люди ворвались въ комнату, опьянѣвшіе отъ злобы и ненависти, но сразу остановились на порогѣ.

— Кто это?—дико вскрикнулъ одинокій голосъ Анны Бобруковой и она метнулась въ ту сторону, гдѣ бѣлѣло свѣтлымъ пятномъ платье Лики.

— Хозяйская невѣста! Нескучневская барышня!—послышались голоса рабочихъ.—Братцы! Да какъ-же она сюды-то попала?

Лика чувствовала, что ея силы уходятъ, падаютъ съ каждой минутой

— Братцы!—дѣлая невѣроятное усиліе надъ собою, проговорила она, выступая впередъ,—я пришла сюда, чтобы предупредить ужасное, звѣрское дѣло. Вы отвѣтили-бы за него и Богу, и закону. Братцы! самъ Господь отвелъ вашу руку. Машинистъ Германъ Браунъ узналъ отъ меня объ угрожающей ему опасности и бѣжалъ изъ нашихъ мѣстъ навсегда... Забудьте о немъ!

— Улизнулъ-таки, собака!

— Вотъ-бы догнать и, какъ слѣдуетъ, поздравить его съ отъѣздомъ...—сострилъ Гараська Безрукій.

Кто-то засмѣялся въ отвѣтъ... И этотъ смѣхъ разомъ разрѣшилъ до нельзя сгущенную атмосферу.

— Да какъ-же ты здѣсь-то очутилась? Вѣдь, ты, Лидія Валентиновна, у Кирюка въ избѣ совсѣмъ сомлѣла, какъ Чуркина Васютку ранилъ этотъ дьяволъ окаянный?—обратился одинъ изъ рабочихъ къ Ликѣ.

Но Лика не отвѣчала. Послѣднія силы покинули ее, она тяжело опустилась на подоконникъ.

Тотчасъ-же Анна Бобрукова подбѣжала къ ней.

— Лидія Валентиновна, вамъ домой надо. Я провожу васъ, пока они тутъ Брауна искать будутъ. Не успѣлъ, вѣдь, злодѣй скрыться, какъ Богъ святъ! Чуетъ сердце мое.

Временная слабость мгновенно покинула Лику.

— Искать Брауна? Зачѣмъ?—вырвалось не то крикомъ, не то стономъ изъ ея груди.

— Извѣстно, зачѣмъ! Пришибить его, собаку, надо, не то онъ крови еще православной на своемъ вѣку немало выпьетъ!

Гараська Безрукій, словно призракъ, выросъ предъ Ликой. Подлѣ него стоялъ Василій Чуркинъ, юноша, почти мальчикъ, съ изможденнымъ отъ непосильной съ дѣтства фабричной работы лицомъ, съ окровавленной кистью руки, куда попалъ зарядъ Гарина.

— Руку мнѣ, подлецъ, попортилъ! Куды я теперь съ такой-то рукой дѣнусь? Хошь какъ у Гараськи отхватывай!—жалобно пронылъ онъ.

— Вотъ-бы и его такъ-то искалѣчить... Убить не убить, а помять такъ, чтобы ноги волочилъ!—предложилъ кто-то.

Вся кровь прихлынула къ сердцу Лики... Звѣрь, притихшій было подлѣ нея, просыпался снова. Не было сомнѣнія, что эти люди бросятся на поиски Всеволода, отыщутъ и искалѣчатъ его. При одной мысли объ этомъ мозгъ Лики холодѣлъ отъ ужаса.

„Помѣшать! Удержать ихъ во что-бы то ни стало!“— вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ, и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произойдетъ сейчасъ, собравъ послѣднія силы, она вскочила на кресло, стоявшее посреди комнаты, и, прижимая руку къ сильно бьющемуся сердцу, проговорила внезапно окрѣпшимъ голосомъ:

— Братцы! Вы добиваетесь спокойствія и болѣе свѣтлой жизни. Вамъ нужно облегченіе труда, нужно человѣческое отношеніе начальства, нужна здоровая атмосфера на фабрикѣ, нуженъ короткій восьмичасовой день, нужна свобода, какъ ее принято понимать въ человѣческомъ смыслѣ. Всѣ люди—братья и должны стоять другъ за друга. Браунъ не держался этого закона въ силу своихъ убѣжденій... Но Браунъ могъ заблуждаться, какъ можетъ заблуждаться каждый человѣкъ. Неужели за простое человѣческое заблужденіе

надо карать смертью? Товарищи, братья! Я никогда не шла противъ васъ, наоборотъ, всей моей душой я стремилась къ вамъ навстрѣчу. Я ушла сюда отъ роскоши и богатства, чтобы дышать однимъ воздухомъ съ вами, чтобы прислушиваться къ вашимъ нуждамъ и всячески помогать вамъ по мѣрѣ силъ и возможности. Именемъ моей любви къ вамъ, умоляю васъ, оставьте Брауна, не ищите его, забудьте его, не берите на душу грѣха! И я обѣщаю всю мою жизнь положить вамъ на пользу! Какъ мать можетъ заботиться о дѣтяхъ, я буду заботиться о васъ... Сила Романовичъ и я отдадимъ все, что имѣемъ, чтобы улучшить вашу жизнь... А за это вы должны оставить въ покоѣ человѣка, который неумышленно, по слѣпотѣ своей, причинилъ вамъ зло.

— Это безполезно, Лидія Валентиновна, — послышался въ дверяхъ знакомый спокойный голосъ,—она безполезна, ваша блестящая рѣчь! Хана скончалась сію минуту тамъ, въ бельведерѣ, и я могу отдаться теперь въ руки этихъ глупцовъ!—добавилъ онъ тихо.

Лика ахнула. Ахнули и всѣ остальные. На порогѣ комнаты стоялъ Браунъ. Его всклоченные волосы, дико блуждающіе взоры и блѣдное лицо напоминали собою обликъ сумасшедшаго. Почти съ паническимъ ужасомъ смотрѣли на него рабочіе. Но вотъ изъ толпы, расталкивая ее, вытиснулась Анна. Она быстро подскочила къ Брауну и дернула его за плечо.

— Что-же вы стоите, братцы? Не видите развѣ? нашъ кровопійца самъ пожаловалъ на судъ и расправу?—закричала она,—что-же вы стоите?

Ея глаза загорѣлись, какъ у тигрицы.

Она заглядывала въ самое лицо князя, готовая ежеминутно, какъ кошка, вцѣпиться въ него.

— Уйдите! Что вы дѣлаете, безумный! — внезапно очутившись по другую сторону Гарина, прошептала Лика,—они убьютъ васъ!

— Хана умерла, вы не идете за мною! Что-же мнѣ оставалось дѣлать?—беззвучно произнесъ онъ.

— Примириться съ ними! Служить ихъ интересамъ! Жить для нихъ!—прозвучалъ подлѣ него вдохновенный голосъ.

— Жить для этихъ животныхъ?—было отвѣтомъ и, обернувшись къ толпѣ, Гаринъ крикнулъ вызывающе:— что-же вы медлите? Убивайте меня!

Толпа издала какой-то звукъ не то одобренія, не то колебанія. Василій Чуркинъ очутился предъ спокойно стоявшимъ въ прежней позѣ Гаринымъ и снова затянулъ ноющимъ голосомъ:

— Пошто мнѣ руку испортилъ? Куды я съ рукой такой дѣнусь? Убить тебя надо собаку, да!

Какая-то рѣшимость снова охватила толпу.

И вдругъ точно брызнуло свѣжей и прохладной струею въ эти волнующіеся умы и сердца.

— Если кто-либо осмѣлится коснуться его пальцемъ,—отчетливо и звонко прозвучалъ голосъ Лики,—весь рабочій составъ фабрики будетъ распущенъ и вы всѣ останетесь безъ хлѣба.

Мощью и гнѣвомъ повѣяло отъ всей хрупкой фигурки дѣвушки, когда она произнесла эти слова. Явная рѣшимость отразилась на ея лицѣ, освѣщенномъ сіяніемъ мѣсяца. И рабочіе поняли это. Поднялся гулъ, въ которомъ можно было разобрать только:

— Неладное дѣло затѣяли, братцы... смертное, уголовщина! Барышня права... зачѣмъ народъ убивать?.. кому охота тундры топтать въ Сибири?.. Идемъ-ка по-добру по-здорову... Отъ грѣха дальше...

— И то идемъ. Мѣсто здѣсь точно нечисто. Недаромъ молва идетъ про усадьбу-то. Ну его къ шуту, Брауна... Выгнали — и дѣлу конецъ... Айда, братцы, домой!

— Черти! Дурни! кого слушаетесь, дьяволы? Да она—его люб...—прокричалъ было и сорвался голосъ Анны: Кирюкъ увѣсистой ладонью закрылъ ей ротъ.

— Про барышню нашу не смѣй такъ! Харю сворочу, если про барышню... Святая она, Лидія Валентиновна! Слышишь, не тебѣ чета!—произнесъ онъ сурово.

Бобрукова хотѣла отвѣтить что-то, но толпа увлекла ее за собою.

Комнаты „Старой усадьбы“ опустѣли. Рабочіе бевшумно, точно сконфуженные чѣмъ-то, вошли на крыльцо, сошли въ садъ и двинулись по дорогѣ...

Лика и Гаринъ снова остались одни. Точно свинцомъ налитыя ноги Лики не могли двигаться слѣдомъ за толпою. Она стояла, опираясь на косякъ двери, не отрывая взгляда отъ Гарина, словно чувствуя, что въ послѣдній разъ видитъ его, а потомъ, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, проговорила:

— Я ухожу, Всеволодъ. Прощайте. Мы—люди разныхъ полюсовъ. Иначе быть не можетъ. Страна рабовъ и господства—вашъ несокрушимый идеалъ навѣки... Мой девизъ—жизнь за сѣрыхъ братьевъ. Прощайте! Мы не увидимся никогда больше!

Она съ усиліемъ подняла руку и протянула ее князю. Но онъ не принялъ руки... Онъ посмотрѣлъ на нее безумными глазами и глухо произнесъ:

— Ложь! Ложь! Мы увидимся снова. На горе себѣ вы спасли меня, Лика! Не протягивайте-же мнѣ руки! Мы—враги, да, враги, и всѣ силы моей души я направлю на то, чтобы побѣдить моего злѣйшаго врага—васъ, Лика! Любимаго, безумно любимаго врага,—добавилъ онъ тихо и вдругъ снова произнесъ убѣжденнымъ, пророческимъ голосомъ: — да, мы увидимся. Но Германъ Браунъ исчезъ навѣки. Князь Всеволодъ Гаринъ выступаетъ вашимъ врагомъ отнынѣ и рано или поздно побѣдитъ васъ, непобѣдимую!

Вдалекѣ пронесся звукъ колокольчика.

— Это Сила возвращается съ пристани. Онъ ѣздилъ въ городъ,—вздрагивая, прошептала Лика и снова послѣднимъ прощальнымъ, движеніемъ протянула руки къ князю.—Одно слово! Всеволодъ! — прошептала она,—одно слово предъ разлукой на всегда.

— Оставь ихъ, иди со мною! Они родились для рабства, труда и нужды въ угоду избраннымъ! Оставь ихъ! Ты—дитя праздника и солнца! Идемъ со мною!—произнесъ надъ нею тяжелый, металлическій голосъ.

И снова черные глаза жгли ее своимъ взглядомъ. Она снова теряла силу подъ нимъ, а звуки бубенцовъ становились все слышнѣе со стороны дороги...

— Нѣтъ!—крикнула Лика, отталкивая князя,—никогда! Мое солнце будетъ тускло и мертво, если надъ ними не встанетъ оно яркое, золотое! И оно встанетъ... Народъ вздохнетъ свободно подъ его лучами и вы, „избранные слѣпцы“, о, какъ пожалѣете вы то время, когда не понимали этого сѣраго міра.

— Ты бредишь, дитя! Оставь свои грезы, пока не поздно... Вѣдь, ты любишь меня!—снова залепеталъ ей на-ухо страстный голосъ.

Лика замерла на минуту подъ тяжелымъ, упорнымъ, магнетическимъ взглядомъ князя.

„Уснуть... забыться... отдаться ему навѣки и чер-

пать блаженство безъ края, безъ конца!—мелькала гдѣ-то внутри ея задурманенная мысль.—А тѣ? Твои братья? Что скажутъ они? Предательницей, измѣнницей ты будешь предъ ними!"—властно заглушая все остальное, поднялся трезвый голосъ со дна ея души.

— Прощайте, Всеволодъ! Я не могу быть вашей!—вырвалось изъ груди Лики и, выскользнувъ изъ рукъ князя, она, какъ безумная, метнулась на крыльцо, оттуда въ садъ и на дорогу, прямо навстрѣчу заливающимся во весь голосъ бубенцамъ.

— Сила! Сила! Спаси меня!—простонала Лика и понеслась навстрѣчу летѣвшей по дорогѣ брички.

Черезъ минуту-другую она сидѣла уже подлѣ на смерть испуганнаго Строганова и передавала ему все случившееся на фабрикѣ и въ „Старой усадьбѣ".

Ни однимъ словомъ, конечно, не обмолвилась Лика о томъ, что Всеволодъ Гаринъ и управляющій Браунъ были одно лицо. Тайна Германа Брауна была ея тайной, которую она схоронила въ своей душѣ навѣки.

XV.

— Моя! Моя! Моя! живая или мертвая, но моя навѣки!—глухо произнесли запекшіяся губы чернаго человѣка, въ то время какъ свѣтлое платье Лики мелькнуло ему черезъ окно.

Потомъ онъ провелъ рукою по волосамъ и медленной, усталой походкой переступилъ порогъ роковой для него комнаты, миновалъ корридоръ, кухню и черезъ заднее крыльцо спустился въ садъ. Тамъ на концѣ его своимъ единственнымъ оконцемъ, зловѣще сверкавшимъ въ лучахъ луны, глянулъ высокій бельведеръ.

Князь прибавилъ шага и очутился у входа, заслоненнаго приставною дверью, давно сорванною съ петель. Онъ отшвырнулъ ее ногою, какъ ненужную ветошь, и она тяжело рухнула въ море лопуха и крапивы, густо разросшихся въ этомъ пустынномъ уголку. Сыростью и затхлостью пахнуло на Гарина, когда онъ вошелъ въ крошечную, сырую, похожую на каморку, комнату, всю залитую таинственнымъ свѣтомъ луны. На деревянной скамьѣ лежала крошечная фигурка.

Гаринъ быстро подошелъ къ ней, опустился на колѣна и глянулъ въ красивое мертвое личико.

Черты Ханы еще не успѣли заостриться. Обычно узкіе глаза какъ-то увеличились у мертвой и съ яв-нымъ вопросомъ смотрѣли прямо въ лицо Гарина. Ему показалось даже, что вотъ-вотъ сейчасъ откроется по-мертвѣвшій ротикъ и Хана спроситъ его:

— Это—ты, Гари? Наконецъ-то, ты! Не правда-ли, ты пришелъ, Гари, милый?

Сознаніе вернулось къ ней здѣсь въ бельведерѣ за минуту до смерти. И она узнала его, обрадовалась и заплакала, и засмѣялась, и, трепеща, какъ птичка, въ своей предсмертной агоніи, шептала ему слова любви и умерла, какъ птичка, прижавшись къ его груди.

Что-то похожее на жалость закопошилось и заныло въ груди князя.

Эта мертвая женщина-малютка любила его безко-нечно, любила покорною, рабскою любовью купленной собственности, и все-же любила. Она не перенесла его серьезной измѣны, потеряла разсудокъ, потеряла и са-мое жизнь ради своей любви... Зачѣмъ онъ погубилъ ее, эту минутную свою прихоть чисто животнаго муж-ского влеченія? Зачѣмъ увезъ ее отъ лотосовыхъ нивъ и садовъ царственныхъ хризантемъ ея священнаго Дай-Ницона? Маленькая гейша умѣла любить не на шутку и свою жизнь отдала за своего Гари. Сердце князя заныло острѣе.

Онъ быстро наклонился къ Ханѣ и взглянулъ въ ея мертвое лицо. Теперь онъ ясно видѣлъ, что мерт-вое лицо улыбалось.

Князь не былъ суевѣренъ, но оставаться наединѣ съ мертвой вдали отъ всего живого было слишкомъ тяжело. Онъ поискалъ глазами вокругъ себя и уви-дѣлъ въ углу каморки сложенныя орудія для сада, когда-то оставленныя здѣсь при прежнихъ владѣте-ляхъ. Видъ лопаты далъ новое направленіе его мыс-лямъ.

— Надо похоронить ее!—произнесъ онъ, а затѣмъ взялъ лопату, тяжелую и неуклюжую, и, держа ее обѣими руками, вышелъ изъ бельведера.

Между лопухами и крапивой онъ отмѣрилъ про-странство и быстро-быстро сталъ рыть могилу. Вы-копавъ яму въ аршинъ глубиною, князь снова вошелъ въ бельведеръ и, осторожно приподнявъ со скамьи мертвую Хану, вынесъ ее въ садъ и положилъ на

краю могилы. Потомъ онъ быстро склонился надъ нею и заглянулъ въ послѣдній разъ ей въ лицо. Положительно, мертвое лицо Ханы улыбалось, какъ живое.

— Бѣдная крошка!—произнесъ князь, и, не отдавая себѣ отчета, быстрымъ поцѣлуемъ прижался къ губамъ мертвой японочки.

— Гари! Гари! Гари!

Онъ еще разъ бережно приподнялъ ее, опустилъ въ черную яму и, нарвавъ лопуховъ и крапивы, усыпалъ ими тѣло покойницы.

— Прощай, маленькая завядшая роза Японіи! прости меня, бѣдное дитя!—прошепталъ онъ чуть слышно и сталъ быстро, быстро набрасывать комки рыхлой земли на мертвое тѣло.

Скоро яма сравнялась съ землею. Князь утопталъ землю, далеко отшвырнулъ отъ себя лопату, отеръ крупныя капли пота, выступившія у него на лбу, и, опустившись на колѣна, произнесъ глухо:

— Спи, бѣдная птичка! Спи, моя крошка, единственная женщина, любившая меня беззавѣтно! Не бѣлые лотосы, не царственныя хризантемы покроютъ твою могилу, а снѣжные сугробы запушатъ твою сѣверную могилу и вопль метелицы будетъ баюкать твой вѣчный сонъ. Прости мнѣ это, Хана, прости, что не верну родинѣ твой бѣдный прахъ, восточная милая птичка!— Потомъ онъ простеръ руку по направленію Нескучнаго.— Одною изъ помѣхъ стало меньше для нашего союза, Лика!—проговорилъ онъ съ насмѣшливой горечью.— Теперь остается побѣдить послѣднее препятствіе, вырвать тебя изъ рукъ тѣхъ, кому ты отдалась въ своемъ заблужденіи. И рано или поздно я добьюсь этого!

XVI.

Фабричный гудокъ звонко прорѣзалъ свѣжій сентябрьскій воздухъ. Что-то веселое слышалось въ этомъ привѣтѣ, посланномъ огромной трубой навстрѣчу перваго утренника.

Несмотря на разстояніе трехъ верстъ, казалось, что гудокъ былъ тутъ-же рядомъ, въ Нескучномъ. Лика проснулась отъ этого звука. Она плохо спала ночь. Она мало спала, впрочемъ, все это время съ той роковой ночи, которая бросила снова на ея пути страннаго, властнаго человѣка, унесшаго ея сердце. Были

минуты, когда Ликѣ хотѣлось кинуться къ Силѣ и разсказать ему все: свое вновь воскресшее влеченіе къ Гарину, свою вновь вспыхнувшую любовь къ нему. Но тутъ-же здравый смыслъ удерживалъ ее отъ этого. Выдать князя значило его погубить. Человѣкъ, скрывающійся подъ чужимъ именемъ, является уже преступникомъ предъ закономъ. Къ тому-же этотъ человѣкъ не былъ вполнѣ чужимъ душѣ Лики; ее влекли къ нему болѣзненная склонность сердца, безуміемъ навѣянное чувство, ее сковывала власть этихъ магнетическихъ глазъ. И только теперь, когда они не сверкали предъ нею, ей не такъ душно, не такъ тяжело. Но, появись онъ снова, и снова путы, тяжелыя, какъ свинецъ, скуютъ ея душу. Разсказать все Силѣ значило сбросить въ безпросвѣтную тьму этого добраго, совершеннаго, безупречнаго человѣка. Къ тому-же Лика не знала даже, кто изъ двоихъ дороже ей: князь или Сила. Князь, притягивая къ себѣ все существо дѣвушки, наполнялъ въ то-же время ея умъ ужасомъ своихъ взглядовъ, воззрѣній, принциповъ. Сила не то: Сила—ея братъ по духу, братъ по родству съ человѣчествомъ. Она твердо знала, что общее дорогое дѣло, захвативъ ихъ обоихъ, сблизитъ ихъ.

Къ тому-же князь Всеволодъ исчезъ отсюда безвозвратно. Уже болѣе трехъ недѣль машинистъ Браунъ покинулъ спичечную и о немъ не было ни слуха ни духа. А въ эти двѣ недѣли сколько радости принесъ Сила ихъ фабрикѣ! Рѣшили не брать новаго управляющаго. Самъ Строгановъ непосредственно сталъ управлять своимъ спичечнымъ дѣломъ. Рабочіе вздохнули свободнѣе. Фабричная больница еще болѣе усовершенствовалась съ водвореніемъ въ ней врача, приглашеннаго Силой. Восьмичасовой рабочій день завершилъ собою торжество спичечниковъ.

— Благодѣтель нашъ! Отецъ родной! — говорили рабочіе, встрѣчая Силу. — Вѣкъ не забудемъ того, что ты сдѣлалъ для насъ!

— Не я это сдѣлалъ, братцы, не меня благодарите... Одна золотая душа научила меня заботиться о васъ, быть вашимъ братомъ. Ее благодарите!—отвѣчалъ онъ, весь сіяя счастьемъ.

Спичечники знали, кто была эта „золотая душа“, и при встрѣчѣ съ Горной быстро обнажались головы

рабочихъ, а глаза зажигались такимъ привѣтливымъ свѣтомъ, что Лика могла смѣло расчитывать на вѣрную службу и неподкупную любовь этихъ людей.

И она любила ихъ и думала о нихъ, постоянно, а сегодня мысль объ этихъ людяхъ болѣе, чѣмъ когда-либо, преслѣдовала ее. Съ сегодня она становилась еще ближе къ нимъ. Ея связь съ ними закрѣплялась еще однимъ лишнимъ звеномъ. Сегодня назначена была ея свадьба съ Силой.

Лика чувствовала себя теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, принадлежащей своимъ милымъ сѣрымъ братьямъ. Фабрика являлась теперь ея родиной, ея раемъ, гдѣ она чувствовала забвенье, мѣстомъ успокоенія всѣхъ ея былыхъ невзгодъ. Она даже мало взволновалась отъ пріѣзда матери, которая вмѣстѣ съ братомъ Анатоліемъ и его женой Бэтси, кузиной Силы, пріѣхали къ нимъ. Не особенно досадило и знакомство съ отцомъ и матерью жениха, богачами-фабрикантами.

Это были люди стараго закала, какіе уже выводятся теперь въ нашъ вѣкъ, такъ сказать, послѣдніе могикане купеческаго міра. Они смотрѣли подозрительными глазами на „генеральскую дочку“, сумѣвшую закрутить голову ихъ „молодцу“, и нескрываемое изумленіе сквозило въ ихъ глазахъ при видѣ худенькой, издерганной, нервной Лики, съ ея короткими кудрями, съ ея глазами, дѣлавшими ее похожей на святую Женевьеву.

Анастасія Лаврентьевна Строганова долго приглядывалась къ Ликѣ, потомъ отвела сына въ сторону и проговорила съ выраженіемъ краснорѣчиваго страха:

— Силушка, милый ты мой! да она у тебя не изъ курсистокъ-ли тѣхъ, что безъ толку по Петербургу мокрые хвосты треплютъ?

— Не бойтесь, мамаша, не курсистка Лидія Валентиновна!—поторопился успокоить мать Сила.

— А не больна она у тебя?.. Вѣдь, глядѣть не на что! Худа, какъ щепка!

— Нѣтъ, здорова, мамаша,—едва удерживая улыбку, отвѣчалъ Сила.

— То-то, смотри!.. Охъ, не радостна мнѣ твоя свадьба, Силушка! То-ли-бы дѣло изъ нашего общества купеческаго выбралъ... А то слава одна, что генеральская дочка, а ни приданаго за нею особеннаго, ни красоты не видать...

— Ну, ужъ вы это молчите, мамаша! Лидія Валентиновна—красавица, какихъ мало, а душа у нея—бриллiантъ!—горячо возразилъ Сила.

Лика случайно услышала этотъ разговоръ и только улыбнулась въ душѣ.

Приданое, красота, здоровье... какими дикими, какими странными казались ей эти слова... Причемъ тутъ красота, здоровье, деньги, когда ея душа тѣсно прилегла къ душѣ Силы и обѣ ихъ души ждутъ появленія сверкающаго солнца народнаго благополучія?

Строгановъ-отецъ произвелъ на нее болѣе отталкивающее впечатлѣніе, нежели его недалекая супруга. Онъ своими рысьими глазками умѣлъ живо разглядѣть всѣ преобразованія и усовершенствованія на фабрикѣ.

— Баловство это, братъ,—сердито хмурясь, произнесъ онъ по адресу сына,—распустилъ народъ, поблажки однѣ... Нашихъ фабричныхъ во какъ держать надо,—сжимая свой огромный кулакъ, добавилъ онъ,—тогда только они поймутъ, что они въ капиталистахъ нуждаются, а не мы въ нихъ.

Все это вспомнилось дѣвушкѣ, пока она лежала, пробудившись въ постели. Новый гудокъ на фабрикѣ заставилъ ее быстро подняться... Было восемь часовъ и всѣ спали еще въ нескучневскомъ домѣ. Только съ кухни доносился стукъ ножей да въ гостиной возилась горничная съ уборкой комнаты.

Весь домъ какъ-бы преобразился съ пріѣздомъ гостей. Вмѣстѣ съ появленіемъ Маріи Александровны, матери Лики, появились и шелестъ шелковыхъ юбокъ, и одуряющій ароматъ духовъ „вера - віолетта“, и французская непринужденная болтовня. Братъ Анатоль привезъ съ собою безразличное отношеніе къ „дикимъ идеямъ“ Лики и великолѣпныя розы.

Внезапная мысль при видѣ цвѣтовъ бросила въ краску лицо Лики. Она быстро взглянула на часы.

Четверть девятаго. До „Старой усадьбы“ всего три версты. Она успѣетъ сходить туда и положить въ старомъ бельведерѣ эти розы. Она не знаетъ, куда увезъ тѣло Ханы князь, но мѣсто кончины маленькой японочки она покроетъ цвѣтами. Пусть эти цвѣты скажутъ другому бѣдному увядшему цвѣтку Востока, что его искренне оплакиваетъ златокудрая дѣвушка. И, быстро одѣвшись, Лика пустилась въ дорогу.

XVII.

Всѣ были уже въ сборѣ, когда раскраснѣвшаяся, порозовѣвшая отъ быстрой ходьбы Лика вошла въ столовую.

Ея мать лежала въ шезъ-лонгъ и читала газету. Ея чуть подрисованное лицо могло сойти за молодое при тускломъ освѣщеніи сентябрьскаго дня. Невѣстка Карской, маленькая толстенькая женщина въ блузѣ-распашонкѣ, какія обыкновенно носятъ беременныя женщины, была далеко не авантажна со своимъ одутловатымъ лицомъ и безучастнымъ взглядомъ усталыхъ апатичныхъ глазъ. Лика невольно вспомнила другую, Бэтси, какою та была года три тому назадъ, бойкую, веселую хохотушку, и ея сердце болѣзненно сжалось. Зато Анатолій остался тѣмъ-же. Отъ замѣны военнаго платья штатскимъ отставной корнетъ не проигралъ нисколько. При видѣ Лики онъ быстро пошелъ ей навстрѣчу.

— Наконецъ-то! А я чуть-чуть не умеръ съ тоски... Смотрѣлъ въ окно... на красную рябину и вспоминалъ, что сегодня маленькій Рагозинъ долженъ пріѣхать со своей Нинеттой изъ Парижа и какую шикарную встрѣчу закатятъ ему на вокзалѣ наши друзья!

— Анатоль!—съ ужасомъ протянула Карская и сдѣлала испуганные глаза въ сторону Бэтси.

— Ахъ, пожалуйста!—недовольно протянула та,—я не ревнива... Не стѣсняйся, Анатоль! — насмѣшливо бросила она въ сторону мужа.

Тотъ только поклонился ей чуть замѣтнымъ поклономъ и продолжалъ:

— Лика... Надѣюсь, ты не послѣдуешь примѣру моей дражайшей половины и не станешь допекать Силу своей ревностью. Не рекомендую... Честное слово, это не способствуетъ семейному счастью.

— Чѣмъ меньше требованій, тѣмъ больше счастья!—томно проговорила Карская.

— Да, maman, неправда-ли? — съ чуть замѣтной усмѣшкой произнесла Бэтси,—оттого-то я и не слишкомъ требовательна къ моему Анатолю.

— Бэтси искала совершенства и увѣряетъ меня, что я обманулъ ея ожиданія...—насильственно смѣясь, произнесъ Горный. — Но, вѣдь, я не лгалъ ей, ни-

сколько, я ничуть не причислялъ себя къ идеалу мужа.

— А что касается идеала, — отозвалась со своего мѣста Бэтси,—то я придаю ему надлежащую цѣну; найти идеалъ такъ-же трудно, какъ и прожить жизнь безъ супружеской лжи.

— Это—маленькій философъ въ юбкѣ, и она права,— подтвердила Карская.—Идеальныхъ мужей нѣтъ... кромѣ petit papa, конечно.

— И Силы!—улыбнулась Лика.

— Ликушка вѣрно сказала. Сила Романовичъ—золото!—вмѣшалась въ разговоръ Зинаида Владиміровна.— Такихъ людей, какъ Сила, днемъ съ огнемъ не сыщешь. За нихъ я спокойна.

— Ручаться нельзя ни за кого...—устало проговорила Бэтси.

— Милая, ты не здорова и все тебѣ кажется въ мрачномъ свѣтѣ. Конечно, надо принять во вниманіе твое положеніе... напрасно ты пустилась въ такой долгій путь!—безстрастно произнесла Карская.

— Я хотѣла полюбоваться на ея счастье. Милая Лика, вѣдь, вы ничего не имѣете противъ этого! — и толстенькая женщина протянула руки Ликѣ.

Та порывисто бросилась къ ней, схватила эти маленькія ручки и сжала ихъ въ своихъ. Чутьемъ догадывалась Лика, какъ глубоко несчастна бѣдная невѣстка, и всей душой сочувствовала ей.

— Милая Бэтси!— прошептала она чуть слышно на ушко молодой женщинѣ, отчего блѣдныя щеки послѣдней окрасились мгновеннымъ румянцемъ. —Вы одѣнете меня къ вѣнцу, не правда-ли, милая Бэтси? Послѣ обѣда мы пойдемъ одѣваться... Вѣнчаніе назначено въ восемь. А пока—что говорится въ сегодняшнихъ газетахъ, мама?

— Безпорядки всюду и вездѣ... Въ вашемъ городѣ еще спокойно?

— Вполнѣ... — мотнувъ головой, сказала Зинаида Владиміровна.

— Я не понимаю, чего хотятъ эти люди? Пожаръ народнаго движенія охватилъ половину Россіи... А эти забастовки, эти волненія на фабрикахъ... эти митинги и сходки, къ чему приводятъ они?—и Карская нервно подернула плечами.

— Милая мама, вы спрашиваете, чего хотятъ эти люди? Хотятъ имѣть свою человѣческую долю, въ которой отказано имъ. Хотятъ сознательнаго равенства съ вами, поставленными въ болѣе благопріятныя условія,—горячо произнесла Лика.

— То есть, хотятъ быть господами, хочешь ты сказать?—прищурившись на дочь, спросила Карская.

— Сознаніе господства должно жить въ каждомъ человѣкѣ,—еще горячѣе подхватила Лика.—Человѣку опредѣлено быть царемъ животнаго и растительнаго міра, и если-бы Творецъ хотѣлъ господства однихъ и рабства другихъ, Онъ создалъ-бы патриціевъ и плебеевъ, аристократовъ и пролетаріевъ, вельможъ и шляхту... Онъ положилъ-бы границы между первыми людьми. Но, создавъ Адама, Онъ сдѣлалъ его царемъ хлѣбопашцемъ, садовникомъ того дивнаго сада, который зовется эдемомъ, и господиномъ, властителемъ въ одно и то-же время.

— А по-моему, не то,—снова подняла голосъ Карская.—Есть люди, которые привыкли къ рабству и труду съ колыбели, и давать имъ новыя условія жизни, довольство, роскошь и нѣгу,—значило-бы выбить ихъ изъ колеи.

— О, какъ это безнравственно, что вы говорите, сестра!—раздался изъ угла голосъ до сихъ поръ молчавшей Зинаиды Владиміровны.—Если они родились въ нуждѣ, грязи и смрадѣ, въ отрепьяхъ и наготѣ, ихъ надо пичкать хлѣбомъ съ мякиной, по-вашему, и сдѣлать изъ нихъ бѣлыхъ невольниковъ, потому только, что они поставлены съ колыбели въ худшія условія?

— Но нужно-же кому-нибудь работать!—капризнымъ тономъ проговорила Марья Александровна.

— Работать нужно всѣмъ и наслаждаться жизнью всѣмъ надо тоже въ равной степени. Пусть трудъ и богатство будутъ ровнѣе распредѣлены между классами и тогда... тогда Россія будетъ идеаломъ европейскаго государства,—прозвучала мощная тирада съ порога комнаты.

— Сила Романовичъ!—вырвалось изъ груди присутствующихъ.

— Ты съума сошелъ? Въ день свадьбы женихъ показывается на глаза невѣстѣ!—въ патетическомъ ужасѣ произнесъ негодующимъ тономъ Анатоль.

— На минуточку-съ, ей Богу, на минуточку-съ,— растерянно произнесъ богатырь-Строгановъ,—у меня дѣльце есть до Лидіи Валентиновны,—и, смущенно сіяя своими добрыми глазами, онъ протянулъ Ликѣ небольшой конвертикъ.—Вотъ-съ мой свадебный подарокъ, Лидія Валентиновна,—произнесъ онъ, совершенно растерявшись,—благоволите принять-съ! А теперь исчезаю! —и, весь малиновый, Сила Романовичъ скрылся за дверью, успѣвъ всунуть въ руку Лики принесенный конвертъ.

— Что это такое? Банковый билетъ, кажется?—и, забывъ все свое аристократическое достоинство, Марья Александровна быстро вскочила со своего мѣста и съ легкостью дѣвочки подбѣжала къ Ликѣ.—Билетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ!

Лика вскрыла конвертъ и, вынувъ оттуда толстую синенькую книжку, быстро раскрыла ее.

— Ахъ!—вскрикнула она, всплеснувъ руками.—Милый, милый Сила!

— Но что это значитъ?—разочарованно протянула Марья Александровна, ожидавшая увидѣть въ конвертѣ какой-нибудь документъ громадной стоимости.

— А это значитъ, милая мама, что въ нашемъ губернскомъ городѣ повторяются частыя забастовки и Сила выстроилъ тамъ даровую столовую для безработныхъ и принесъ мнѣ книжку съ милліономъ даровыхъ обѣдовъ, которые я могу разсылать рабочимъ.

— А-а!.. — неопредѣленно протянула Марья Александровна.

— Признаюсь, я не видѣлъ болѣе страннаго брака,— проворчалъ себѣ подъ носъ Анатоль,—вмѣсто свадебной корзины со всякаго рода драгоцѣнностями, какія-то контрамарки съ обѣдами для этихъ грязнулей!

— Настоящій союзъ двухъ революціонеровъ!—попробовала улыбнуться Карская.

— Сознательный бракъ добрыхъ и честныхъ людей,—произнесла Бэтси, оживившись на минуту, и, подойдя къ Ликѣ, протянула ей руку.—Мнѣ кажется, что пора одѣваться!

— Да, да!—спохватилась молодая дѣвушка и вдругъ неожиданно наклонилась къ подурнѣвшему, одутловатому личику толстенькой женщины и крѣпко поцѣловала ее въ самыя губы.

XVIII.

Крошечная деревенская церковь была залита огнями, когда Лика Горная объ руку съ братомъ входили въ нее. Въ Красовкѣ не было церкви и пришлось вѣнчаться въ Колотаевкѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ фабрики.

Старенькій священникъ далъ знакъ на клиросъ, и хоръ красовскихъ фабричныхъ грянулъ концертъ въ честь невѣсты.

Это былъ сюрпризъ для Лики. Ея лучшіе друзья привѣтствовали ее первые при началѣ обряда. Она низко наклонила бѣлокурую головку, къ стриженымъ кудрямъ которой искусныя руки Бэтси едва сумѣли прикрѣпить бѣлый вуаль и нѣжный букетъ флеръ-д'оранжа. Потомъ глаза Лики отыскали такого-же дорогого друга, такого-же близкаго товарища ея сердцу.

Сила Романовичъ стоялъ недалеко отъ аналоя... Сшитый въ губернскомъ городѣ фракъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, высокіе воротнички рѣзали шею, ему было душно и неловко въ этомъ торжественномъ нарядѣ, но его милое лицо сіяло такимъ счастьемъ, а голубые глаза были съ такимъ чистымъ восторгомъ устремлены на входившую невѣсту, что все некрасивое и смѣшное исчезало въ немъ и только и видно было изъ всего богатырскаго существа Силы—что счастливое лицо и прекрасные глаза.

Старенькій священникъ взялъ руки жениха и невѣсты и подвелъ ихъ къ аналою. Анатолій, шаферъ Лики, и новый фабричный докторъ, шаферъ Силы, подняли золотые вѣнцы надъ головами брачущихся.

— Обручается раба Божія Лидія рабу Божію Силѣ!— продребезжалъ на всю церковь дряхлый голосъ, и Лика почувствовала прикосновеніе кольца къ своему горячему пальчику.

Церковныя двери широко распахнулись и цѣлая толпа фабричныхъ втиснулась въ церковь. Всѣмъ имъ любо было поглядѣть на обрядъ вѣнчанія ихъ „благодѣтелей“.

Лика не молилась. Она машинально вслушивалась во все, что читалось о. Георгіемъ и пѣлось на клиросѣ, и безотчетно отвѣтила „да“ на вопросъ священника о добровольномъ ея согласіи на бракъ, но молиться она не могла. Она отвыкла молиться съ тѣхъ поръ, какъ

судьба сыграла съ нею новую злую шутку въ лицѣ встрѣчи ея съ Гариным.

Къ тому-же она находилась точно во снѣ все послѣднее время и эта сонливая разсѣянность мѣшала ей долго сосредоточиваться на одной мысли.

Точно въ туманѣ, сознавала Лика, что вѣнчается она, Лидія Горная, а не кто-либо иная, что вѣнчается она по собственному желанію со своимъ давнишнимъ другомъ-пріятелемъ Силой, котораго любитъ всей душой, но что гдѣ-то, въ тайникахъ ея души, живетъ, дышитъ, копошится другое чувство, нудное и сверлящее, которое ядовито, тлетворно, странно и могуче въ одно и то-же время.

„Вздоръ! Я люблю Силу, милаго, добраго Силу!“ — твердилъ разсудокъ дѣвушки, а сердце, или, вѣрнѣе, одинъ уголокъ сердца, шепталъ иное: „Князя Гарина ты любишь. Любишь единственной, роковой любовью“...

„Единственной, роковой любовью,—вторилъ разсудокъ и тотчасъ-же добавлялъ настойчиво:—но ты его никогда не увидишь... Никогда! никогда! никогда!“

„Никогда“...—отвѣчало эхомъ сердце, и холодныя струйки потянулись отъ него, наводняя собою всѣ сокровенные уголки естества Лики.

— Никогда!—почти вслухъ прошептала она.

Ея взоръ упалъ на толпу приглашенныхъ.

Вонъ стоитъ ея мать, красивая, нарядная, возбуждающая невольное восхищеніе фабричныхъ, въ жизни своей не видавшихъ ничего подобнаго въ своемъ медвѣжьемъ углу, та самая мать, которая три года тому назадъ, когда съ нею случился тотъ ея страшный грѣхъ съ княземъ, не постѣснялась отпустить ее изъ дома потому только, что „свѣтъ“ не прощаетъ ничего подобнаго своимъ вѣрнымъ жрицамъ. И теперь эта мать пріѣзжала къ ней сюда, чуть-ли не за тысячу верстъ, и съ притворными слезами благословляла ее на бракъ съ Силой, потому только, что Сила—милльонеръ-капиталистъ, въ недалекомъ будущемъ владѣлецъ двухъ фабрикъ, а у petit papa, благодаря непроизводительнымъ тратамъ блестящей Мими Карской, накопилось до ста тысячъ долга.

И Анатоль, успѣвшій просадить въ три года приданое жены, уже закидывалъ Ликѣ удочку по поводу суммы, обѣщанной Силою на ея карманные расходы.

Взглядъ Лики упалъ на колѣнопреклоненную фигуру. Зинаида Владиміровна Горная горячо молилась за счастье племянницы, не замѣчая крупныхъ слезъ, катившихся по ея лицу.

„Тетя! Милая тетя!—умиленно произнесла дѣвушка въ своихъ мысляхъ.—Вотъ кто былъ мнѣ второю матерью, настоящей матерью, не погнушавшейся принять меня въ тѣ тяжелыя минуты... Ахъ, мама, мама! Зачѣмъ ты такая? зачѣмъ ты положила пропасть между нами?.. Зачѣмъ лицемѣріе, ложь, мама?... Ты никого не любишь, кромѣ себя, такъ имѣй-же мужество не прикрывать своего нравственнаго недочета. Вѣдь, они-же не скрываются, они кажутся такими, какіе есть“.

И Лика остановила свои глаза на достойной парѣ представителей фирмы „Строганова и сына“ и его супругѣ. Вся залитая брилльянтами, съ пухлыми пальцами, не сгибающимися отъ тѣсно нанизанныхъ на нихъ колецъ, эта живая витрина брилльянтовыхъ вещей, туго затянутая въ чуть-ли не парчевое платье, истово крестилась, не отнимая глазъ отъ иконостаса.

„Эта, по крайней мѣрѣ, не прикрывала ничѣмъ своего нравственнаго скудоумія,—продолжала анализировать Лика.—Эта попросту брякнула мнѣ въ первый-же день пріѣзда: „А и жидка-же ты, будущая доченька! И за чѣмъ это тетенька смотрѣла? откормить-бы тебя хорошенько... А то отъ такой худышки какого-же потомства ожидать можно?“

О, сколькихъ усилій стоило Ликѣ удержаться и, расхохотавшись въ лицо, не сказать этой брилльянтовой тумбѣ, что врядъ-ли они могутъ надѣяться на потомства отъ ея брака съ Силой и что не для потомства сошлись они съ обоюднаго согласія.

Но Лика опомнилась во-время: сказать—значило-бы подвергнуть непріятнымъ разговорамъ Силу, а Лика берегла этого большого ребенка, сдѣлавшаго ей столько добра, какъ можетъ только беречь любящая мать свое дѣтище. Они и такъ допекали его за то, что онъ вѣнчается здѣсь тихо и скромно, будто крадучись, а не задаетъ пышнаго свадебнаго пира въ Петербургѣ, на зависть всей купеческой братіи. И потомъ они будутъ должны уѣхать сегодня послѣ вѣнчанія, всѣ—и старики Строгановы, и мать, и Анатоль съ женою—уѣхать съ десятичасовымъ поѣздомъ въ ихъ сѣверный городъ

съ его сѣверными интересами, способными заморозить каждую живую душу. И пусть, пусть уѣзжаютъ!

Бэтси ей не жалко теперь...

Лика такъ увлеклась своими мыслями, что дребезжащій голосъ старичка-священника невольно заставилъ ее вздрогнуть, пробудиться отъ ея мыслей.

— Жена да убоится мужа! — продребезжалъ этотъ голосъ вмѣсто обычнаго раскатистаго баса дьякона, за неимѣніемъ его.

Лика невольно улыбнулась и посмотрѣла на Силу. Онъ отвѣтилъ ей ясной, довѣрчивой улыбкой.

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Имъ нечего бояться другъ друга. Они—равноправные союзники своего брака, они—два равные товарища по нравственной силѣ. Мысль о подчиненіи, страхѣ смѣшна и нелѣпа въ примѣненіи къ нимъ...

— Поцѣлуйтесь!—произнесъ снова священникъ и Лика довѣрчиво протянула къ мужу свое прелестное лицо.

Сила Романовичъ почти съ благоговѣніемъ прикоснулся къ ея щекѣ губами.

Обрядъ вѣнчанія былъ конченъ. Лидія Горная осталась гдѣ-то далеко, пустымъ и далекимъ призракомъ. На поприщѣ старой милой дѣятельности выступала Лидія Строганова, и, проходя отъ алтаря къ дверямъ церкви, молодая женщина ласково кивала сѣрой толпѣ, смотрѣвшей на нее съ довѣріемъ и лаской, и ея уста шептали чуть слышно:

— Друзья мои, милые мои, вамъ будетъ хорошо со мною!..

XIX.

Послѣдній колокольчикъ замеръ вдали. Отъ крыльца фабричнаго дома, отремонтированнаго заново, отъѣхала послѣдняя коляска. Старая тетя Горная долго крестила и цѣловала на прощанье свою дѣвочку и уѣхала отъ новобрачныхъ, взволнованная, какъ никогда.

Лика, проводивъ гостей, прошла въ свою комнату и изумленная остановилась на порогѣ. Въ этой прелестной комнаткѣ, превращенной стараніями Силы въ цѣлый эдемъ шелка, кружевъ, ковровъ и аромата, стояла нарядная, красивая, рослая дѣвушка съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ въ рукахъ.

Анна Бобрукова! — вырвался изъ груди Лики изумленный возгласъ.

— Я, Лидія Валентиновна,—почтительно кланяясь, произнесла та.—Меня прислали сюда къ вамъ наши фабричные поздравить съ законнымъ бракомъ и поднести вамъ эти цвѣты.

— Ахъ!—тихо и взволнованно проронила Лика и, схвативъ обѣими руками букетъ, погрузила въ него прелестное лицо.—Это—лучшій подарокъ, который мнѣ удалось получить когда-либо, подарокъ моихъ дорогихъ, любимыхъ друзей!—и, прижимая одною рукою букетъ къ сердцу, она другою обняла молодую дѣвушку и крѣпко поцѣловала ее въ ея румяное полное лицо.

И вдругъ высокая, Анна пошатнулась, какъ былинка, и, скользнувъ на полъ, обвила руками колѣна Лики.

— Не ласкайте меня! Не ласкайте! — лепетала она, едва удерживаясь отъ рыданія.—Я не стою вашего расположенія... Я оскорбляла васъ... и дурное думала о васъ, чистой, святой дѣвушкѣ... Помните, когда вы хотѣли вырвать негодяя Брауна изъ нашихъ рукъ и до этого, я указывала на васъ, какъ на его любовь....

— Молчите! Ради Бога, молчите!—вся блѣдная прошептала Горная.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не могу! Я дурная! Я гадкая... Я смѣла васъ облить грязью, васъ, святую, прекрасную... Я отъ зависти это... или ревности. Я видѣла, какими глазами глядѣлъ онъ на васъ, и ненавидѣла васъ и его... Вѣдь, я принадлежала ему, вѣдь, я его любила!—и она снова громко неудержимо зарыдала, прижимаясь головой къ колѣнамъ Лики.

— Вы? Вы принадлежали Гар... Брауну?—вырвалось изъ груди молодой женщины.

Анна только безмолвно кивнула головой, не отрывая лица отъ платья Горной.

— И вы любили его, а онъ васъ?—чуть слышно прошептала вопросъ новобрачная.

— О, что касается его—этотъ звѣрь не могъ полюбить, меня даже... Его сердце давно,—говорилъ онъ,—отдано кому-то. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не погнушался взять меня, какъ вещь, потому что у меня красивое лицо и здоровое тѣло... А я любила его и безъ разсужденія кинулась ему на шею... Я...—и снова тяжелое рыданье огласило розовую комнату новобрачныхъ.

Лика горько усмѣхнулась.

„Такъ вотъ онъ каковъ!.. Въ годы страданій онъ не измѣнился нисколько... Любя меня, Всеволодъ не стѣснялся срывать цвѣты наслажденій мимоходомъ... А я вѣрила ему... вѣрила, когда все его прошлое было полно жертвъ, подобныхъ Аннѣ!“

Обаятельный образъ князя снова выплылъ и всталъ предъ Ликою съ насмѣшливой улыбкой и сверкающимъ взоромъ недобрыхъ глазъ.

И странно! Ни гнѣва, ни ненависти не ощутила въ своемъ сердцѣ Лика. Прежнее жгучее чувство влеченія къ нему, къ этому безжалостному человѣку заговорило въ немъ. Острая боль захватила Лику. Ее душило почти физически мучительно-нестерпимымъ порывомъ любви, отчаянія, муки.

Анна совершенно иначе истолковала этотъ порывъ.

— Вы презираете меня! Вы не хотите простить меня, Лидія Валентиновна! Я, грязная, безнравственная дѣвушка, не смѣла подходить къ вамъ чистой, незапятнанной, прекрасной... Я уйду, сейчасъ уйду, Лидія Валентиновна, и постараюсь никогда, никогда больше не показываться вамъ на глаза!—и, быстро вскочивъ на ноги, она кинулась къ двери.

Лика преградила ей дорогу. Эта чужая и далеко несимпатичная дѣвушка стала вдругъ близкой и родной ея сердцу.

„Сестры по несчастью!“—мысленно произнесла Лика, и вдругъ ей показалось, что Анна Бобрукова олицетворяетъ собою живое звено, соединяющее ее съ княземъ, послѣднее звено ея съ нимъ. Она быстро взяла ея полныя, сильныя руки своими хрупкими, нѣжными пальцами и заговорила, задыхаясь:

— Нѣтъ, нѣтъ... Не то вы говорите! Вы не поняли меня. Ты не поняла меня, Анна... Ты должна остаться со мною... Мы должны быть неразлучны отнынѣ... Со мною тебѣ будетъ легче... Ты, какъ сестра моя, будешь, хочешь?

— Хочу-ли я? И она еще спрашиваетъ, этотъ Божій ангелъ. Чистая! святая!—прошептала глубоко потрясенная Бобрукова.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не смѣй называть меня такъ... Я не лучше тебя! Я хуже... Оставимъ это!.. Ты жалка и дорога мнѣ... Останься со мною! будь моей помощницей

въ близкомъ дѣлѣ! Помоги мнѣ, Анна, милая сестра моя!—въ экстазѣ шептала Лика.

— Лидія Валентиновна! Лидія!—прошептала Боброкова и крѣпко обняла новобрачную.—Вы несчастны?!

Шаги Силы прервали эту сцену.

Анна наскоро поцѣловала руку Лики и тѣнью выскользнула изъ комнаты.

Анна ушла. Но призракъ князя не ушелъ вмѣстѣ съ нею. Онъ стоялъ, какъ живой, предъ Ликой, стоялъ, тихо мерцая своими странными глазами.

Галлюцинація была настолько сильна, что Лика протянула руки, отталкивая странное видѣніе.

Сила появился на порогѣ какъ разъ въ эту минуту. Онъ успѣлъ перемѣнить фракъ на обычную вышитую рубашку-косоворотку. Его мощная грудь ходуномъ ходила подъ ея шелковой тканью.

Лика бросилась къ нему и спрятала голову на этой сильной груди, какъ-бы ища защиты.

— Сила! Сила!—шептали ея губы,—любите меня, берегите меня... Защитите меня отъ себя самой, Сила!

Послѣднія слова пропали, такъ они были беззвучны. Но зато первыя были хорошо услышаны Силою.

— Рабъ вашъ! Располагайте мною!—прошепталъ онъ, прижимая къ груди золотистую головку.

И вдругъ легкій крикъ вырвался изъ груди Лики. За плечами мужа она увидѣла другую фигуру, стройную, смѣлую. Глаза князя Гарина блеснули предъ нею.

Лика зажмурилась, спрятала лицо у сердца Силы, обвилась руками вокругъ его шеи, и, вся олицетвореніе муки, отчаянія и горя, прошептала:

— Твоя! Твоя! И ничья больше!

Строгановъ нѣжно, почти съ благоговѣніемъ поднялъ ее на руки и прижалъ къ груди.

XX.

Вѣтеръ бушевалъ, насвистывая въ трубы. Морозъ съ метелью и вьюгой грозилъ постоянными заносами. Было около восьми вечера, а казалось, что безпросвѣтная, мглистая ночь окутала окрестности.

Лика сидѣла у камина, зябко кутаясь въ платокъ, съ цѣлымъ ворохомъ газетъ на колѣнахъ. Ея лицо, блѣдное, худенькое и прежде, теперь похудѣло и осу-

нулось еще больше. Лишь огромные глаза стали еще красивѣе, еще лучше. Они одни жили въ этомъ лицѣ, принявшемъ отпечатокъ какой-то неземной скорби. Въ первую-же брачную ночь Лика поняла одно: она не любила Силы, не любила тою нѣжною, самоотверженной женскою любовью жены, которая замѣняетъ порою самое страсть и влюбленность. Поняла она и то, что князю Всеволоду принадлежитъ она каждымъ атомомъ, каждымъ фибромъ своего естества. До тѣхъ поръ, пока Сила былъ для нея милымъ братомъ, живымъ воплощеніемъ ея завѣтныхъ идей, она не ощущала боли въ сердцѣ, той мучительной боли любви, которую насильно вонзилъ въ ея душу Гаринъ. Но съ первою-же супружеской лаской мужа молодая Строганова поняла весь ужасъ своего положенія. Любя одного, она должна была принадлежать другому и, въ довершеніи всего, должна была скрывать это отъ Силы, котораго могло убить подобное отношеніе къ нему.

И Лика скрывала и таяла на глазахъ мужа съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Даже любимое дѣло не удовлетворяло ея попрежнему. Правда, она по-старому помогала доктору въ фабричной больницѣ, навѣщала красовскихъ, колотаевскихъ и рябовскихъ крестьянъ, выслушивая ихъ нужды и удовлетворяя ихъ матеріально и духовно, по-старому собирала рабочихъ въ артельной и читала имъ, знакомя ихъ наравнѣ съ соціальнымъ положеніемъ европейскаго пролетарія и съ русскими классиками по изящной словесности. Но во всемъ этомъ не проявлялась прежняя горячая, страстная натура Лики, а чувствовалась какая-то апатичная пришибленность. Наединѣ съ мужемъ Лика чувствовала себя какъ-то неловко, дико и всячески старалась замѣшать третье лицо въ ихъ недолгія свиданія во время отдыховъ Силы послѣ фабричнаго трудового дня.

Съ отъѣздомъ тети Зины за границу, куда та, наконецъ, отправилась по настоянію племянницы, Лика тѣсно подружилась съ Анной Бобруковой. Присутствіе Анны стало ей теперь рѣшительно необходимымъ. Эта простая, здоровая по существу и несчастная въ силу обстоятельствъ дѣвушка рѣшительно влекла къ себѣ Лику. Энергичная и смѣлая, она умѣла побороть свое горе и нести его съ гордо поднятой головой. Въ Аннѣ

было много несимпатичнаго, но ея молчаливая скорбь примиряла съ нею Лику, которая почти не замѣчала ея недостатковъ. Къ тому-же въ послѣдніе мѣсяцы постоянныхъ сношеній съ Горной Анна много усовершенствовалась. Она смягчилась душой, бросила свой умышленно ею принятый циничный тонъ, стала больше заниматься чтеніемъ и старательно занялась своей подготовкой на медицинскіе курсы.

Ея присутствія Лика, сама того не замѣчая, жаждала въ силу и другой причины. „Онъ“, странный, вредный и безжалостный человѣкъ, былъ когда-то близокъ Аннѣ и, цѣлуя Анну, Лика хотѣла ощутить на себѣ поцѣлуи, оставленные на этомъ красивомъ, но нѣсколько грубоватомъ лицѣ княземъ Всеволодомъ. Она не ощущала ни малѣйшей ревности къ Бобруковой; напротивъ, съ каждымъ появленіемъ послѣдней появлялся невидимый призракъ Гарина и Лика жила острымъ ощущеніемъ своихъ воспоминаній о немъ.

Вѣтеръ попрежнему завывалъ въ трубахъ. Молодая Строганова машинально слѣдила за печатными строчками газетъ. Гдѣ-то стукнула входная дверь.

— Это Сила! — произнесла Лика и вся какъ-то инстинктивно подобралась въ своемъ креслѣ.

Вмѣстѣ со струей свѣжаго, морознаго воздуха, вся запушенная снѣгомъ, вбѣжала Анна.

— Наши бастуютъ!—какъ отрѣзала, крикнула она своимъ звучнымъ голосомъ.—Съ завтрашняго дня рѣшили. Сила Романовичъ пошелъ уговаривать въ артельную. Сходка тамъ... по примѣру городскихъ... „Пока,— говорятъ,—не добьемся отмѣны смертной казни, никто пальцемъ не двинетъ“. Вся фабрика стала Красовскіе такъ прямо и говорятъ: „За тысячи верстъвъ столицѣ нашему брату пулеметами грозятъ, а мы со спокойной душой стой у станка... Дудки!“ Хозяинъ при мнѣ прошелъ. Встрѣтили на „ура“, качали... А все-же, говорятъ: „Сила Романовичъ, не погнѣвись, забастуемъ. Жаль намъ тебя сердешно, а не можемъ отъ товарищей отставать“... Имъ Кирюкъ, какъ въ городъ за бандеролями ѣздилъ, цѣлую пачку прокламацій привезъ. Вотъ они и взбутетенились такъ, что небу жарко.

— Ты прямо сюда со сходки?

— Да, Кирюкъ говорилъ. Ловко это онъ шельма приноровился... Такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ...

— А ты молчала, Анна?

— Молчала. Языкъ чесался, не скрою. Да, вѣдь, гадко это! Ты да Сила Романовичъ изъ кожи за насъ лѣзете, а я черной благодарностью отплачу? Дудки, не таковская! — задорно тряхнувъ головой, заключила Анна.—Свѣжія извѣстія?—послѣ минутной паузы спросила она, указывая глазами на газеты, разложенныя на колѣнахъ Лики.

— Все по-старому въ городѣ. Забастовки и угрозы. Угрозы и забастовки. Не сегодня, завтра губернаторъ пойдетъ на компромиссъ. Онъ, вѣдь, мягкій... хорошій... Кстати, получила разрѣшеніе на нашъ концертъ въ городской управѣ. Да теперь все это ни къ чему,—печально покачала головою Лика.

— Какъ ни къ чему? Не будетъ вечера въ пользу безработныхъ?—такъ и всколыхнулась Анна.

— Уѣхать нельзя отсюда намъ съ Силой въ такое время, когда фабрика бастуетъ... Нагонятъ сюда казаковъ безъ насъ, кто за васъ всѣхъ тогда постоитъ?

— Да хозяину и не надо ѣхать. Хозяинъ пусть остается. Неужели-же ты одна не сумѣешь устроить вечеръ и пропѣть свои неаполитанскія пѣсенки? Да, вѣдь, не барышня-же ты кисейная, Лидія Валентиновна. Чай, не разъ умѣла справиться сама!

— Правда, милая, — согласилась та, — поѣдемъ-ка мы съ тобою однѣ въ городъ. Не могу я бросить тѣхъ несчастныхъ оттого только, что собственное стадо ближе пастуху. А Сила здѣсь пока останется... Завтра-же поѣдемъ! Хочешь?

И, говоря это, Лика разомъ оживилась.

— А покончимъ съ концертомъ и айда сюда!—весело заключила Анна, сама разомъ повеселѣвъ при видѣ оживленія молодой хозяйки.

Только къ девяти часамъ вернулся изъ артельной Сила, усталый, но довольный.

— Уломали?—съ робкой надеждой въ голосѣ спросила Анна.

Сила только рукою махнулъ.

— Уломаешь ихъ, какъ-же!—улыбнулся онъ.—Нѣтъ, сросъ и окрѣпъ въ послѣднее время человѣкъ русскій. У него и понятіе о принципѣ вкоренилось. Бастуютъ тамъ въ силу принципа, будемъ бастовать и здѣсь. Славно!

— А терять тысченки тоже славно, Сила Романовичъ?

— Ахъ, Анна Дмитріевна, что такое тысячи въ сравненіи съ народнымъ благополучіемъ? Да я-бы милльонъ далъ потерять охотно, лишь-бы знать, что достигнетъ цѣли моя жертва... Вѣдь, какія у нихъ лица переконфуженныя были, когда Кирюкъ мнѣ резолюцію сходки вынесъ. Вѣдь, жалко смотрѣть было на нихъ! А старикъ Невдышевъ, тотъ прямо такъ и брякнулъ: „Не можемъ отстать отъ своихъ, хозяинъ, а чтобы тебѣ не обидно было, что мы, какъ свиньи, тебѣ за такую доброту платимъ, вели насъ всѣхъ перепороть. Отъ тебя безропотно и побои снесемъ“. Каково?

— Хорошо! Молодцы!—горячо вырвалось у Анны.— А мы, вѣдь, съ хозяйкой надумали въ городъ однѣ ѣхать и концертъ до конца довести въ пользу безработныхъ,— послѣ минутной паузы заключила она.

— Какъ такъ? Ты оставить меня хочешь, Лидушка?— испуганно вырвалось у Силы.

— На недѣлю, не больше, Сила. Я должна дать возможность свободно вздохнуть семьямъ безработныхъ; къ тому-же въ городѣ давно знаютъ, что я, тряхнувъ стариной, выступлю снова съ моими пѣсенками, и несчастные ждутъ не дождутся выручки съ концерта...

— Но, милая... это дѣлается проще простого... Возьми денегъ у меня, разошлемъ безработнымъ. Если я не предлагалъ тебѣ этого раньше, то только потому, что думалъ, что участіе въ твоемъ концертѣ развлечетъ тебя самое. Ты такая стала грустная, молчаливая. А теперь я не вижу надобности...

Сила съ умоляющимъ выраженіемъ остановилъ свой взоръ на красивомъ, задумчивомъ личикѣ жены. Та, въ свою очередь, взглянула на лицо мужа и ея глаза засвѣтились затаеннымъ укоромъ.

— Благотворить на чужой счетъ?—заговорила она.— Чувствовать на себѣ благодарные, сіяющіе счастьемъ взоры и принимать благословленія и хвалу изъ-за того только, что у собственнаго мужа туго набитъ бумажникъ и ты безконтрольно черпаешь изъ него для своихъ филантропическихъ дѣлъ? Ахъ, Сила, Сила, не думала я, что ты посовѣтуешь мнѣ это!

— Милая, милая, прости! Неужели я оскорбилъ тебя, Лидуша? Болванъ! Оселъ я!—и Сила Романовичъ

съ благоговѣйной лаской поднесъ къ губамъ нѣжную ручку жены.

Лицо молодой женщины просіяло разомъ.

— Анна!—весело крикнула Лика,—Сила согласился, и мы съ тобою ѣдемъ!

Исчезнувшая было при началѣ сцены Бобрукова появилась снова и съ явнымъ восхищеніемъ взглянула на молодую пару.

XX.

Еще далеко не старый, бодрый и красивый начальникъ губерніи взволнованными шагами измѣрялъ свой нарядный кабинетъ... Его аристократическая, узкая нога въ тонкой, изящной ботинкѣ тонула въ пушистыхъ коврахъ... На лицѣ отражалось самое явное, самое краснорѣчивое волненіе.

Начальникъ губерніи слылъ за гуманнѣйшаго человѣка съ замѣтной „краснинкой“, что очень подходило къ духу времени, но совсѣмъ не приходилось по вкусу въ высшихъ сферахъ. Пріятный собесѣдникъ, любитель философіи вообще и Шопенгауера въ частности, онъ казался часто встрѣчающимся типомъ никому не вредящаго малаго съ душой, старавшагося найти въ людяхъ много пріятнаго, какъ можно болѣе пріятнаго. Все шло, какъ по маслу, у него въ губерніи и онъ имѣлъ право гордиться этимъ. Въ то время, когда пожаръ народнаго движенія охватывалъ цѣлую Россію, въ то время, когда аграрные безпорядки наводили панику на помѣщиковъ, здѣсь у него было все тихо и спокойно, какъ въ дѣтской люлькѣ во время безмятежнаго сна младенца. И вдругъ теперь, сразу послѣ этого злосчастнаго приговора надъ тремя политическими гдѣ-то за тридевять земель въ Польшѣ, въ Варшавѣ фабрики забастовали, трамваи встали, лавки только самыя необходимыя торговали до шести часовъ. Народъ смутно роптался и по городу носился тотъ чуть слышный гулъ, который грозилъ перейти въ мятежъ.

Губернаторъ былъ врагомъ сильныхъ мѣропріятій и вступать въ открытую борьбу ему не хотѣлось. Больше того, онъ наружно сочувствовалъ этой борьбѣ, благо она не лишала его пріятнаго времяпрепровожденія въ кругу избранныхъ людей за партіей винта съ ароматичной сигарой во рту и присутствіемъ женщинъ.

Губернаторъ былъ холостъ и это способствовало его интересному положенію всѣми лелѣемаго холостяка.

Въ его домѣ вмѣсто хорошенькой, молоденькой губернаторши до поры до времени управляла хозяйствомъ его сестра, старая дѣва, окончившая когда-то за границей медицинскіе курсы и привезшая оттуда вмѣстѣ съ аттестатомъ на женщину-врача и заразительныя, какъ оспа, идеи о свободѣ и равенствѣ. Она сумѣла повліять на своего слабохарактернаго брата и весь губернаторскій домъ подъ ея искусной рукою принялъ тотъ неуловимый оттѣнокъ новшества, который былъ такъ къ лицу положенію начальника губерніи въ это смутное время. Однако, до сихъ поръ все шло отлично. Губернія была довольна своимъ шефомъ, а шефъ—губерніей.

И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, свалились эти забастовки, частичные митинги, тайное, заглушаемое до поры до времени броженіе, ежеминутно готовое перейти въ открытую демонстрацію.

Но со вчерашняго дня причинъ для волненія было болѣе, чѣмъ когда-либо. Вчера, какъ снѣгъ на голову, свалился къ нему его кузенъ изъ-за границы, человѣкъ, безцѣльно прожигающій свое время по европейскимъ столицамъ и курортамъ, имѣвшій до тысячи романовъ въ своей жизни и теперь, очевидно, пріѣвшійся ими.

Этотъ кузенъ, двоюродный братъ губернатора по женской линіи, сразу началъ съ нотацій... Онъ нашелъ, что губернія распущена, что онъ, какъ начальникъ края, ведетъ невѣрную тактику, что гуманностью и этикой ничего не подѣлаешь и что, привыкнувъ къ кулаку и плеткѣ, русскій человѣкъ инстинктивно, помимо собственнаго сознанія, жаждетъ послѣднихъ.

Разговоръ съ кузеномъ разстроилъ начальника края. Онъ болѣе всего въ мірѣ боялся потерять свой престижъ и показаться „ridicule“ *) тамъ, въ высшихъ сферахъ, а между тѣмъ...

Предъ лицомъ губернатора на письменномъ столѣ лежала пестрая афиша. Тамъ значилось о концертѣ, даваемомъ въ зданіи городской управы въ пользу безработныхъ. Самъ губернаторъ не находилъ въ этомъ концертѣ ровно ничего предосудительнаго.

---

*) Смѣшнымъ.

Правда, рабочіе городскихъ заводовъ являются какъ-бы ослушниками предъ закономъ. Но, съ другой стороны, чѣмъ виноваты ихъ семьи—эти бѣдныя женщины и дѣти, голодный писк которыхъ порою достигаетъ до гуманныхъ ушей „его превосходительства“. И потомъ устроительница концерта, она-же и участница его, лично пріѣзжала недѣли двѣ-три тому назадъ просить его объ разрѣшеніи, съ мужемъ.

Начальникъ губерніи уже не разъ слышалъ объ этой женщинѣ. Онъ слышалъ, что гдѣ-то далеко отъ города, въ самыхъ дебряхъ края, поселилась прелестная златокудрая волшебница, жившая исключительно для народа, что златокудрая волшебница побѣдила чувствительное сердце фабриканта Строганова и они поженились. Стоустая молва распространила цѣлую легенду о ней, и эта легенда, прикрашенная до баснословныхъ размѣровъ, долетѣла на своихъ фантастическихъ крыльяхъ и до дома губернатора. Онъ зналъ о Ликѣ еще до свиданія съ четою Строгановыхъ. Но, когда молодая женщина объ руку съ мужемъ явилась предъ нимъ, необыкновенно очаровательная, хрупкая, губернаторъ растаялъ. Болѣе прелестной женщины онъ не встрѣчалъ еще въ своей жизни. Маленькая Строганова захватила его...

— En voilá une femme á perdre la tête *)!—говорилъ онъ своему любимому чиновнику особыхъ порученій, съ которымъ усвоилъ себѣ игриво-интимный тонъ.

И ради прелестныхъ глазъ этой маленькой Строгановой онъ сдѣлалъ неловкій поступокъ по отношенію къ правительству, разрѣшивъ ей устроить концертъ въ пользу безработныхъ.

„„Тамъ“, конечно, это примутъ къ свѣдѣнію,—размышлялъ онъ, взволнованно измѣряя вдоль и поперекъ свой кабинетъ шагами. — А можетъ быть, и сойдетъ?“

И почему-бы не сойти? Ба! Вѣдь, деньги достанутся не смутьянамъ, а ихъ женамъ и дѣтямъ? А денегъ соберется не малая сумма, такъ какъ весь городъ не преминетъ явиться на этотъ концертъ. О маленькой Строгановой говорятъ всюду и много. Ея судьба украшена какимъ-то таинственнымъ ореоломъ. Какая-то романическая исторія въ прошломъ, и что-бы то ни

*) Вотъ женщина, изъ-за которой можно потерять голову.

было пріятно послушать хорошенькій голосокъ съ эстрады, распѣвающій, какъ гдѣ-то въ Италіи, у Пармы или въ Неаполѣ, поэтичныя, какъ весенній сонъ, рыбачьи пѣсенки... къ тому-же когда пѣвица обладаетъ подобнымъ личикомъ...

Начальникъ губерніи, пріятно улыбаясь и потирая руки, быстрѣе заходилъ по комнатѣ.

— Ба, наконецъ-то!—весь подъ впечатлѣніемъ игривыхъ мыслей воскликнулъ онъ, протягивая руки входившему въ элегантнѣйшемъ домашнемъ костюмѣ стройному съ блѣднымъ лицомъ человѣку.

Черные усталые глаза поднялись на генерала.

— Ну, какъ ты провелъ ночь въ нашей губернской трущобѣ? — обмѣниваясь сильнымъ рукопожатіемъ, освѣдомился губернаторъ.

— Ужасно! Только въ Россіи можетъ быть что-либо подобное... Я, признаться, отвыкъ въ эти три года моихъ скитаній отъ этой татарщины. Какіе-то свистки всю ночь, крики и еще что-то въ этомъ родѣ, — небрежнымъ тономъ отвѣчалъ вновь пришедшій.

— Но тебѣ не было причинъ безпокоиться! Это наши безработные собирались на митингъ въ городскомъ скверѣ. Я приказалъ принять мѣры...

— Какія, осмѣлюсь спросить тебя?—съ чуть замѣтной ироніей спросилъ собесѣдникъ губернатора.

— Ну... словомъ, я приказалъ не допускать ораторовъ, я велѣлъ оцѣпить скверъ полиціей... Полиціймейстеръ былъ у меня около двухъ часовъ съ докладомъ.

— И что-же, помогло?—спросилъ губернаторскій кузенъ и его глаза заискрились уже явной усмѣшкой.

— Но, Боже мой! они не демонстрировали по крайней мѣрѣ!—окончательно растерялся губернаторъ.

— А ты исповѣдуешь, оказывается, ту-же религію, что и прежде?—все еще насмѣшливо улыбаясь, произнесъ пріѣзжій. — Когда три года тому назадъ мы встрѣчались съ тобою, ты мечталъ о постѣ шефа губерніи, ты высказывалъ въ теоріи взгляды, исполненные гуманизма. Ты бредилъ Марксомъ и Лассалемъ и соглашался идти на всякій компромиссъ ради удобства этихъ господъ, которымъ міровая исторія дала громкую незаслуженную кличку „народнаго пролетаріата“. Но старушка исторія была не права... Пролетарій—это человѣкъ, сознательно продающій свой трудъ, а не стадо

барановъ, готовое бѣжать по первому призыву вожака на экспропріацію, бездѣлье и эксплоатацію каждаго маломальски въ лучшія рамки поставленнаго человѣка. Теорія Маркса въ основѣ: трудъ-капиталъ-трудъ. Но я не вижу здѣсь труда въ этомъ безсознательномъ стремленіи посредствомъ труда достичь силы... Они бранятъ буржуевъ, грозятъ интеллигенціи и требуютъ чисто политическихъ измѣненій. При чемъ-же тутъ соціальное положеніе рабочаго?.. И этимъ людямъ ты потакаешь? Этимъ людямъ ты, со свойственной тебѣ гуманностью, всовываешь въ руки Маркса и Лассаля, когда имъ нужны казацкая нагайка и хорошій зарядъ пулеметовъ?.. Я пріѣхалъ только вчера и уже слышу жалобы на застой промышленной жизни вслѣдствіе забастовокъ... Стоятъ фабрики, стоятъ трамваи, стоитъ почта... Не сегодня-завтра станетъ желѣзная дорога. Народъ, какъ мнѣ сообщилъ твой лакей, собирается за городомъ, и горожане не сегодня-завтра ждутъ рѣзни... А ты довольствуешься цѣпью городовыхъ и чуть-ли не домашнимъ арестомъ двухъ-трехъ явныхъ агитаторовъ...

— Но... кто-же зналъ, что это такъ серьезно?..—весь блѣднѣя, произнесъ начальникъ края.

— Это очень серьезно!—подхватилъ блѣдный человѣкъ со сверкающими теперь глазами. — Это очень серьезно и будь покоенъ, „тамъ“ по-своему оцѣнили твою гуманность. Твои враги не дремлютъ... Не сегодня-завтра, безъ сомнѣнія, настанетъ торжество реакціи! Слабыя мѣры здѣсь не при чемъ... Кто такой нашъ пролетарій? Продуктъ захудалой россійской деревушки. Онъ съ мѣсячнаго возраста ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, значитъ, можетъ его ѣсть и въ тридцать... Его бьютъ съ младенчества: бьетъ отецъ, бьетъ братъ, бьетъ сестра и староста лупитъ въ волости за каждую провинность въ зрѣлыхъ лѣтахъ. А если не бьетъ мать по излишней гумманности самочнаго инстинкта, то онъ самъ побьетъ ее, когда выростетъ и превратится въ сильнаго болвана. Будь покоенъ! И къ этимъ людямъ, привыкшимъ къ кулаку и розгѣ, ты приноравливаешь общечеловѣчныя мѣры?.. Нельзя, мой милый...

— Однако, въ моей губерніи было тихо и хорошо до этой поры.

— Но тѣмъ грознѣе, тѣмъ бурливѣе будетъ здѣсь „то“, на что ты, какъ ребенокъ на буку, зажмурива-

ешь глаза. И „тамъ“, будь покоенъ, уже давно ждутъ этого.

— Ты что-нибудь слышалъ? — произнесъ губернаторъ, замѣтно мѣняясь въ лицѣ.

— Не надо что-нибудь слышать, чтобы понять эту несложную комбинацію,—спокойно отвѣтилъ усталый голосъ.—Тебя сдѣлали смѣшнымъ эти мѣры гуманности, которыя теперь, если хочешь, даже не модны...

— Ты слышалъ что-нибудь о моемъ переводѣ?—и лицо начальника губерніи поблѣднѣло.

— Весма можетъ быть,—уклончиво возразилъ его собесѣдникъ.

— Но неужели они думаютъ?..—и генералъ такъ сильно стиснулъ пальцы, что они хрустнули по всѣмъ суставамъ.—Неужели они думаютъ, что я, монархистъ до кончиковъ ногтей и консерваторъ, мозгомъ и кровью убѣжденный консерваторъ, могу считаться съ этимъ народомъ, когда дѣло дойдетъ до... до... ты понялъ меня. Нѣтъ, я, какъ двуликій Янусъ, долженъ поворачиваться на обѣ стороны. Я зналъ тѣхъ, кто шелъ открыто противъ; ихъ угощали бомбою или заставляли покидать посты добровольно. Слуга покорный испытать и то, и другое.

— И ты предпочитаешь лавированіе между двумя непріятельскими суднами? — уже явно не скрывая насмѣшки, произнесъ родственникъ губернатора.

Генералъ весь такъ и всколыхнулся и возразилъ:

— Кто тебѣ сказалъ, что „тамъ“ мой непріятель? я и не думалъ ничего подобнаго... Я чуждъ по принципамъ этому народу... который безполезной шумихой хочетъ достичь своихъ правъ... Тѣ, конечно, они привыкли къ кулаку и плеткѣ и иное отношеніе къ нимъ имѣть нельзя...

— Тѣмъ лучше для тебя, что ты пришелъ къ этому сознанію, потому что только такой начальникъ края цѣнимъ въ данное время.

— Да? О, я и былъ такимъ всегда! — почему-то обрадовавшись, вскричалъ генералъ,—смѣю тебя увѣрить. Глупцы считали меня инымъ почему-то. Губернаторъ съ „краснинкой“... „розовый губернаторъ“,—прозвали меня такъ, но они увидятъ, какой я розовый... Нѣтъ, я буду алый, если это понадобится. Это великолѣпно сказано, не правда-ли?—И гуманный человѣкъ

разсмѣялся жирнымъ, пріятнымъ смѣхомъ, вполнѣ довольный своимъ неожиданнымъ каламбуромъ.—Увидишь, дорогой. Ты останешься доволенъ мною!.. Моя тактика выяснится окончательно въ рѣшительную минуту, и если я скрывалъ свою игру до поры до времени, то для того только, чтобы удачнѣе расчитать ходъ. Но, разумѣется, съ этимъ народомъ дѣйствительны только однѣ репрессіи... И вотъ такая исторія не должна быть допустима, какъ одна изъ поблажекъ этимъ бездѣльникамъ!—И „розовый“ губернаторъ, разомъ почувствовавшій себя монархистомъ, какихъ мало, при одномъ намекѣ на то, что „тамъ“ могутъ быть недовольны, взмахнулъ пестрой афишей.

— Что это?—спросилъ его кузенъ и на его усталомъ лицѣ появилось выраженіе любопытства.

— Это—концертъ въ „ихъ“ пользу... Не концертами, а пулеметами слѣдуетъ угощать этихъ бунтарей. Сегодня-же прикажу полиціймейстеру по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ запретить концертъ!—и красивымъ жестомъ, исполненнымъ благороднаго негодованія, губернаторъ швырнулъ афишу на столъ.

Блѣдный человѣкъ склонился надъ нею. И вдругъ его лицо поблѣднѣло еще болѣе, стало почти мѣловымъ. Вся кровь отхлынула къ сердцу. Легкій крикъ вырвался изъ груди.

На бумагѣ афиши среди прочихъ номеровъ значилось крупнымъ жирнымъ шрифтомъ: „Неполитанскія пѣсенки исполнитъ г-жа Строганова“. На эту крупную строчку сразу упалъ взглядъ блѣднаго кузена начальника губерніи.

Минуту-другую длилось молчаніе. Губернаторъ, съ ошеломленнымъ отъ удивленія лицомъ, смотрѣлъ прямо въ ротъ кузену, какъ-бы ожидая разъясненія всего происшедшаго.

Ждать пришлось не долго. Блѣдный человѣкъ сдѣлалъ надъ собою невѣроятное усиліе и произнесъ твердымъ, металлическимъ голосомъ:

— Концертъ долженъ состояться. Больше того, мы оба должны присутствовать на немъ... Ты обязанъ вести свою игру до конца, если хочешь выиграть ставку!—и, наградивъ своего недальновиднаго родственника уничтожающимъ взглядомъ презрѣнія, князь Всеволодъ Гаринъ вышелъ изъ генеральскаго кабинета.

XXII.

По всему зданію С-кой городской управы гулялъ свѣжій воздухъ, врывавшійся черезъ открытыя форточки въ просторные залы. Сторожа дезинфецировали комнаты какимъ-то душистымъ и острымъ снадобьемъ. Полицейскій приставъ, толстенькій человѣчекъ съ отросшимъ въ значительной мѣрѣ брюшкомъ, таилъ на своемъ лицѣ отраженіе не то вопроса, не то недоумѣнія. На эстрадѣ чахоточный настройщикъ торопливо доканчивалъ свою работу за роялемъ. Къ восьми часамъ всѣ приготовленія были закончены.

Публика собиралась медленно и степенно, какъ имѣетъ обыкновеніе собираться публика въ губернскихъ захолустьяхъ, отброшенныхъ за тысячу верстъ отъ центра. Сдержанный говоръ велся все на однѣ и тѣ-же темы, наболѣвшія въ достаточной мѣрѣ въ сердцахъ губернскихъ обывателей.

— Когда кончится забастовка? Когда станутъ на работу фабрики? Не слышно-ли о демонстраціяхъ? — слышалось кругомъ и наравнѣ съ этимъ раздавались болѣе субъективные вопросы: — будетъ-ли губернаторъ? Какъ онъ отнесся къ этому концерту? Вечеръ въ пользу безработныхъ въ городской управѣ! Это что-нибудь да значитъ, въ концѣ концовъ.

Въ залѣ засѣданія задвигались стулья, зашуршали платья. Запестрѣли дамскіе наряды.

Говорили о гвоздѣ вечера: о „Неаполитанскихъ пѣсенкахъ“ и ихъ исполнительницѣ. Имя Строгановой, окруженное фантастическимъ вымысломъ, то и дѣло появлялось на устахъ публики. Ее знали, какъ „неутомимую дѣятельницу“, и жаждали видѣть ее какъ можно скорѣе. Досужая фантазія дала огромный просторъ уму губернскихъ кумушекъ. Откуда-то выкопали пикантную исторію изъ прошлаго молодой женщины, нелѣпую исторію, не имѣющую ни капли правды, и носились съ нею, какъ съ писаной торбой, передавая ее съ нелѣпыми комментаріями.

Въ 9 часовъ пріѣхалъ губернаторъ. Онъ несъ съ особеннымъ достоинствомъ свою представительную фигуру... Его свѣжее, красивое лицо улыбалось. На немъ ясно значилось теперь никогда невиданное выраженіе: „Я добръ, гуманенъ и снисходителенъ; но, когда является

злоупотребленіе въ отвѣтъ на мой гуманизмъ, я способенъ на репрессіи... Пусть это запомнятъ всѣ".

— Что это съ шефомъ края?—недоумѣвая, обратился предсѣдатель управы къ полиціймейстеру,—точно милльонъ получилъ въ наслѣдство.

— Ну, не совсѣмъ такъ, мой милый! Отъ милльона люди мягчѣютъ поневолѣ, деньги способствуютъ добротѣ и гуманности. А мнѣ, между нами, даны такія инструкціи „на случай", какія въ нашемъ краю и не мерещились...

— Репрессивныя мѣры?—шепотомъ освѣдомился предсѣдатель.

— Ультра... Говорятъ, „нашимъ" недовольны въ высшихъ сферахъ и онъ подтягивается понемножку.

— Ага... понимаю! „Розовый" губернаторъ начинаетъ блѣднѣть со скоростью скоротечной немощи. Взялся за умъ.

— Ну, взяться-то не за что...—усмѣхнулся полиціймейстеръ,—такъ какъ умъ шефа губерніи сверкаетъ своимъ отсутствіемъ... Но, взгляни, что значитъ это движеніе? Смотри, смотри, какъ всколыхнулись наши дамы! Новое лицо въ городѣ!

— А! а! Вижу! Это—кузенъ губернатора, имѣющій на нашего умника потрясающее вліяніе... Отчаянный консерваторъ... Но тсс! Они идутъ сюда...

По направленію говорившихъ, дѣйствительно, приближался губернаторъ, а рядомъ съ нимъ медленно подвигался, возбуждая общее любопытство, князь Всеволодъ Гаринъ.

* * *

Въ маленькой курильной комнатѣ, превращенной временно въ дамскую уборную и тѣсно прилегающей къ залу засѣданія управы, сидѣла Лика.

Она порядочно была утомлена съ устройствомъ концерта въ послѣднее время и теперь рада была отдохнуть немного, сидя въ мягкомъ вольтеровскомъ креслѣ.

Вотъ уже недѣлю, какъ она съ Анной живетъ въ губернскомъ городѣ, и объ онѣ не живутъ, а вѣрнѣе мечутся. Помимо „неаполитанскихъ пѣсенокъ", имъ надо было составить другіе номера для концерта. Ликѣ удалось найти порядочнаго піаниста, недурного скрипача и совсѣмъ приличную эженю мѣстнаго театра,

обѣщавшую за корзину цвѣтовъ исполнить мелодекламацію подъ аккомпанименть арфы. И арфиста они отыскали, взявшагося, кстати, аккомпанировать и на мандолинѣ для итальянскихъ пѣсенокъ самой Лики. Все шло, какъ по маслу. За три дня до концерта на дверяхъ управы былъ вывѣшенъ аншлагъ, пріятно гласившій: „Всѣ билеты проданы".

Лика чувствовала себя лучше, чѣмъ когда-либо, среди всѣхъ этихъ хлопотъ. Анна Бобрукова шутливо увѣряла свою молодую хозяйку, что разлука съ мужемъ полезна Ликѣ.

И молодая женщина, оспаривая всѣми силами слова своего новаго друга, не могла не согласиться съ ихъ правотою. Между репетиціями съ аккомпаніаторомъ и совѣщаніями съ портнихой, между поѣздками по городу и выискиваніемъ участниковъ вечера Лика забывалась. У нея едва хватало времени, чтобы прочесть длинныя и нѣжныя письма мужа, оставлявшія послѣ себя слѣдъ морщинокъ на молодомъ худенькомъ личикѣ Строгановой. Да, какъ ни больно было это сознаніе въ душѣ Лики, но она не могла не сознаться, что ей легче не видѣть Силы, легче не подчиняться его благоговѣйнымъ, робкимъ ласкамъ, не слышать его застѣнчивыхъ признаній, на которыя она не могла отвѣчать. Лика, точно вырвавшійся на свободу школьникъ, праздновала свою недѣльную вакацію. Сегодня былъ ея послѣдній день.. Забастовка у нихъ на „спичечной", по письмамъ Силы, приходила къ концу, и завтра рано утромъ у гостиницы „Бристоль", гдѣ она остановилась съ Анной, прозвучитъ звонокъ и ея мужъ появится снова, чтобы увезти ее, какъ вещь, какъ собственность, отсюда на фабрику, гдѣ она искала счастья и не могла найти.

Да, даже фабрика, даже ея милые сѣрые друзья, для которыхъ она не задумываясь пожертвовала-бы жизнью, не могли замѣнить ей утрату въ лицѣ Гарина. Теперь она яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознавала это.

Завтра пріѣдетъ Сила. Но до завтра ей остается еще цѣлая ночь наединѣ съ Анной, которую она любитъ, которой она сказала все. Она не могла не сказать. Ея сердце разорвалось-бы подъ напоромъ этой тяжелой, мучительной тайны. Не выдавая Брауна-Гарина, Лика многое повѣдала ей изъ своего прошлаго.

Какъ съ хрупкимъ, больнымъ ребенкомъ, обходилась съ нею эта сильная, крѣпкая Анна, какъ нянька, ухаживая за ней. Сейчасъ предъ концертомъ она одѣвала Лику въ номерѣ гостиницы. По странному женскому капризу, Лика заказала себѣ точь въ точь такое-же платье, подобіе бѣлой одежды ангела, какое было у нея въ тотъ знаменательный вечеръ, когда она выступала впервые три года тому назадъ съ „неаполитанскими пѣсенками“ предъ строгой петербургской публикой. Вѣтка бѣлой магноліи, какъ и тогда, запуталась въ ея короткихъ золотыхъ кудряхъ. Сидя въ уборной и глядя на себя въ трюмо, въ которомъ отразилась вся ея прекрасная бѣлая фигура, Лика почувствовала себя тою-же юной и чистой Ликой Горной, какою было три года тому назадъ. Независимой и свободной вышла она тогда на эстраду, бѣлое видѣніе невинности и красоты... И тогда впервые, въ тотъ вечеръ, этотъ ужасный человѣкъ ворвался ей въ душу, истерзалъ, скомкалъ ее и оставилъ умирать одну.

Лика вздрогнула и поблѣднѣла. Тогда и теперь... Развѣ теперешняя Лика не похожа на ту?.. Развѣ ея душа испортилась и почернѣла въ тяжелые годы муки, страданія?

Она быстро встала, выпрямилась во весь ростъ, подошла къ трюмо и окинула всю себя долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

Блѣдное, худое, усталое личико глянуло на нее огромными лучистыми глазами. Цѣлая поэма страданій и красоты отразилась въ немъ, но это было не прежнее лицо Лики, юной, безпечной и свѣжей, а лицо вымученной красавицы Лики, ставшей въ сто кратъ прекраснѣе вслѣдствіе ихъ.

И все-же это было лицо и черты прежней Лики. То-же воздушное одѣяніе бѣлаго ангела, та-же вѣтка магноліи въ золотыхъ кудряхъ. Какъ-будто та-же уборная, тонувшая въ цвѣтахъ... та-же атмосфера праздника и возбужденія.

Лика прислушалась. Съ эстрады доносились заглушенные звуки, рвавшіеся изъ-подъ рукъ губернскаго піаниста... Точь въ точь какъ и тогда. Сейчасъ онъ кончитъ и она должна будетъ выдти на эстраду... Какъ жаль, что Анны нѣтъ съ нею... Но Анна, воспользовавшись свободнымъ вечеромъ, одѣвъ ее къ концерту,

пошла въ рабочій кварталъ убѣждать кое-кого изъ знакомыхъ, уговорить остальныхъ снова становиться за станки на работу. А Анна вернула-бы ее къ дѣйствительности, дала-бы почувствовать ей, что она—Лидія Валентиновна Строганова, жена богача-фабриканта, имѣющая свои обязанности, а не прежняя Лика, которою она чувствовала себя сейчасъ. Но Анны не было подлѣ и Лика погрузилась въ міръ фантазіи, снова завладѣвшій ею. Тѣхъ трехъ лѣтъ какъ не бывало... Она—снова Лика Горная, свѣтская дѣвушка, свободная и жаждущая счастья. Снова розовыя волны плещутъ вокругъ нея, снова удушливый ароматъ доходитъ до ея обонянія. Да, да, все прежнее, какъ и тогда.

Громъ аплодисментовъ доносится до ушей Лики. Это кончила свой номеръ губернская знаменитость и ей время выходить на эстраду. О, какъ сладко и жутко ей это мгновенье! Въ теченіе трехъ лѣтъ она не совершенствовалась въ пѣніи, не занималась имъ. Синьоръ Виталіо пришелъ-бы въ ужасъ отъ ея смѣлости выступать такъ послѣ огромнаго перерыва. Но милый маэстро далеко, тетя Зина тоже... Некому упрекать ее... некому удерживать. И потомъ она снова въ эту минуту прежняя смѣлая, самонадѣянная Лика. Она знаетъ, что тамъ, за эстрадой, ждутъ ее не чужіе холодные люди, не требовательная незнакомая публика, а ея друзья, которые отнесутся снисходительно и гуманно къ ея молодости, дарованію, красотѣ. И Ликѣ кажется, что она тамъ, въ Петербургѣ, что въ первомъ ряду сидятъ ея родные: ея нарядная красавица-мать, отчимъ, англизированная сестрица Иренъ, Анатоль со своей невѣстой Бэтси, обѣ княгини Дэви... и „онъ“—онъ, свѣтлый и радостный, блестящій и красивый, онъ, властитель ея сердца, „онъ, которому она готова снова отдать свою жизнь безъ конца...

И, нервно обдернувъ кисейное облако, носившее названіе платья, блѣдная и торжествующая Лика вышла на эстраду.

* * *

Мундиры мужчинъ, свѣтлыя платья женщинъ и головы, головы безъ конца, цѣлое море головъ... Цѣлое море... Но Лика чувствовала себя выше всѣхъ. Она стояла, какъ царица, посреди эстрады.

Все ея печальное прошлое, все мучительное и выстраданное исчезло съ первымъ звукомъ мандолины, съ первой перекатной волною одобрительнаго шепота, пронесшагося по залу при ея появленіи... Зазвенѣли, запѣли, запрыгали серебряными звуками быстрыя струны и вмѣстѣ съ ними зазвучалъ, то выростая, то тая, чудный, нѣжный женскій голосокъ. Златокудрая, стриженная, какъ мальчикъ, прелестная женщина пѣла о синемъ Адріатическомъ морѣ, о его теплой, нѣжащей ласкѣ, о бѣлыхъ и пурпуровыхъ, какъ хлопья, воздушныхъ магноліевыхъ цвѣтахъ; о вѣчной борьбѣ слабыхъ и торжествѣ сильныхъ звенѣла пѣснь смѣлая и гордая, какъ человѣческая душа. И мольба къ сильнымъ за слабыхъ просящими, скорбными звуками лилась изъ нея и томительно нѣжила слухъ, и блѣднила лица, а глаза слушателей зажигала кроткимъ, свѣтлымъ огнемъ... Лицо Лики розовѣло все больше и больше, уста безсознательно улыбались, какъ у сомнамбулы, и она гордо и смѣло выбрасывала прямо изъ души эти звуки, то нѣжные и хрупкіе, какъ мольба, то энергичные и сильные, какъ требованіе разсудка.

Она пѣла одну изъ тѣхъ соціальныхъ итальянскихъ пѣсенокъ, которыя вложилъ ей въ уста синьоръ Виталіо. И тѣ, кто не понялъ словъ, инстинктомъ угадалъ ея содержаніе. Жалобнымъ, скорбнымъ звукомъ на полуфразѣ оборвалась пѣснь... Мгновенная тишина воцарилась въ залѣ, такая тишина, что, казалось, полетъ мухи былъ-бы услышанъ сейчасъ. И вдругъ разомъ, какъ по командѣ, грянулъ залпъ оглушительныхъ, долго не смолкавшихъ апплодисментовъ.

Лика стояла посреди эстрады, молчаливая, потерянная, безъ малѣйшей улыбки въ лицѣ. Она попрежнему чувствовала себя восемнадцатилѣтней дѣвочкой Ликой, участницей петербургскаго концерта. Попрежнему свѣтлое, приподнятое настроеніе охватывало ее... Взоры ея лучистыхъ глазъ обѣгали ряды креселъ и фантазія подсказывала то, чего не находили ея взоры...

Вонъ сидитъ мама, въ ея зеленомъ платьѣ, загадочная, какъ русалка, красавица-мама... И Иренъ... А вонъ и чудесная старушка Циммервандъ! Милая барон...

И вдругъ глаза Лики, странные, безучастные глаза сомнамбулы, видѣвшіе то, чего не видѣли другіе, расширились и стали страшными, какъ сама смерть...

Залъ гремѣлъ. И подъ громъ и трескъ апплодисментовъ изъ кресла перваго ряда отдѣлился стройный, блѣдный человѣкъ съ темными горящими глазами. Онъ быстрой, увѣренной походкой приблизился къ эстрадѣ и, не отрывая отъ Лики своего упорнаго, тяжелаго взгляда, остановился внизу, въ трехъ шагахъ отъ нея.

Лика вперила въ него немигающій, разомъ прояснившійся взоръ и вдругъ инстинктивнымъ движеніемъ протянула впередъ руки. Ни удивленія, ни страха не было больше въ ея лицѣ. Первое впечатлѣніе неожиданности налетѣло, какъ вихрь, и, какъ вихрь-же, промчалось. Теперь она не нашла уже ничего удивительнаго въ томъ, что Гаринъ посѣтилъ концертъ, въ которомъ она была ближайшей участницей. Только ея сердце забилось, готовое вырваться изъ груди, и голова закружилась отъ сладкаго сознанія дѣйствительности.

Потомъ быстрое, какъ вихрь, сознаніе явилось къ ней. Она разомъ поняла все. Ея мысль прояснилась.

— Онъ здѣсь!—вырвалось изъ груди ея чуть слышнымъ стономъ, и какая-то волна вновь захватила ее.

Публика ревѣла, какъ реветъ публика, непривыкшая включать въ рамки приличія свои расходившіяся страсти.

Подъ ревъ этой публики князь Гаринъ вошелъ на эстраду, приблизился къ Ликѣ и подалъ ей руку, не сводя съ нея своихъ упорныхъ, сжигающихъ глазъ.

Она приняла его руку машинально, оперлась на нее и позволила свести себя по крытымъ ковромъ, пристроеннымъ сбоку эстрады, отлогимъ ступенямъ. Въ уборной князь не спѣша накинулъ теплую соболью ротонду на ея тонкія плечики, и, не говоря ни слова другъ съ другомъ, они прошли двое мимо разступившейся недоумѣвающей публики по залу, вышли въ вестибюль и, спустившись съ перрона, сѣли въ карету.

Лика не протестовала, не противилась. Дѣйствительность была утеряна для нея. Начиналась сказка, сказка безъ словъ, прекрасная и свѣтлая, какъ лучистое сіяніе солнца.

XXIII.

— Моя!—произнесъ князь Всеволодъ повелительно и сильно, и Лика почувствовала, что она всю жизнь принадлежала ему, только ему одному.

Она не знала, куда онъ привезъ ее и гдѣ они находились... Комната, вся устланная пушистыми восточными коврами, живо, явственно напомнила ей ту, въ которой она безъ ропота и слезъ отдалась этому человѣку. Голубой фонарь мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ заливалъ ее... И отъ этого свѣта лицо князя казалось еще блѣднѣе и красивѣе.

Онъ опустилъ поверхъ синихъ шторъ еще тяжелыя плюшевыя портьеры... Звуки съ улицы стали теперь едва доноситься до нихъ. Тяжелая малиновая ткань заслонила ихъ отъ всего міра.

— Моя!—повторилъ еще разъ Гаринъ,—теперь моя на всю жизнь! Только смерть разлучитъ насъ съ тобою!

— Да, смерть!—отвѣтила Лика и улыбнулась (это была дивная, робкая улыбка, которою улыбаются люди, очутившіеся у преддверія вѣчности) и протянула ему руки.

Красивое, блѣдное лицо князя очутилось подлѣ нея.

Душа Лики наполнилась блаженствомъ. Она чувствовала что-то новое и необъяснимое внутри себя. Женщина, влюбленная безъ границъ, безпомощный ребенокъ, обожающій свой кумиръ, исчезли въ ней... Она не чувствовала даже собственнаго тѣла и его инстинктовъ. Князь какъ-бы пересталъ быть для нея мужчиной, о которомъ она безсознательно для себя самой мечтала посреди долгихъ томительныхъ ночей. Все исчезло—и страсть, и муки, и плотское влеченіе, и страданія, и страхъ. Все кануло безслѣдно въ лету забвенія. Одна любовь расцвѣтала гигантски быстрымъ расцвѣтомъ и наполняла всѣ фибры ея ожившаго, точно вновь пробудившагося существа.

— Моя!—произнесъ еще разъ князь Гаринъ и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Да, твоя!—эхомъ отозвалась Лика.

Мужъ, совѣсть, долгъ, обязанность—все было забыто... Тамъ, за тяжелой малиновой портьерой, кипѣла и бурлила жизнь, но ей было все равно до всего міра, до всего огромнаго, клокочущаго и пѣнящаго міра, все равно до времени... до жизни, до людей... Въ этой восточной комнатѣ заключалось все ея счастье, ея утерянное и вновь обрѣтенное счастье... Въ ней жила ея жизнь... Внѣ этой комнаты не было существованія.

Теперь они молча, не говоря ни слова, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, сидѣли на широкой турецкой тахтѣ. Руки князя обвивали ее до боли крѣпко до боли сильно. Но она не противилась имъ. Эта боль была ей сладка, какъ наслажденіе. Сама смерть такъ, вмѣстѣ съ нимъ рядомъ, являлась для нея чудной, плѣнительной сказкой. Чѣмъ-то неземнымъ вѣяло на нихъ отъ этой случайной встрѣчи, отъ новаго внезапнаго ихъ соединенія.

Они не разспрашивали другъ друга, не говорили ни о чемъ. Часы бѣжали, а они сидѣли все такъ, тѣсно обнявшись, почти слившись въ одно цѣлое, потерявъ всякое представленіе о времени, о часахъ... Они были одни со своимъ чувствомъ и имъ было хорошо, какъ хорошо бываетъ лишь однимъ богамъ, побѣдившимъ безсмертіе.

— Я не чувствую тебя, — прошепталъ, наконецъ, князь, первый нарушивъ молчаніе послѣ долгой паузы, длившейся цѣлые часы,—ты должна принадлежать мнѣ, какъ прежде! А то я боюсь, что тебя вырвутъ отъ меня, какъ тогда, моя родная, счастье мое!

— Это невозможно! Мы умремъ съ тобою,—возразила Лика,—умремъ или преодолѣемъ все.

— Я хотѣлъ-бы улетѣть съ тобою... Какъ жаль, что у меня нѣтъ крыльевъ, счастье мое!—и онъ еще сильнѣе, еще тѣснѣе сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.—Теперь ты моя и ничья больше!—вырвалось у него сильно и мощно изъ груди.

— Твоя и ничья больше!—эхомъ отвѣтила Лика.

Что-то сильное, какъ волна, сильнѣе ея любви и страданій, нахлынуло на нее. Голова кружилась... Она хотѣла подняться, встать—и не могла; хотѣла сказать слово—и не могла... Поцѣлуи князя падали, какъ раскаленныя капли лавы, на ея лицо, шею и руки... Ея хрупкія, стройныя плечи вздрагивали подъ его горячими, какъ огонь, пальцами.

Лика сдѣлала невѣроятное усиліе, чтобы подняться и, неожиданно пошатнувшись, снова очутилась въ его сильныхъ рукахъ... Мысль закружилась, завертѣлась и потухла, какъ послѣдній лучъ солнечнаго заката...

Она хотѣла противиться и не могла. Раскаленные поцѣлуи сыпались на нее теперь, какъ дождь, огненный дождь, сжигающій до-тла все ея существо.

— Оставь! Оставь, милый!—шептала она, въ то время какъ все ея существо жаждало страстныхъ ласкъ князя, все тянулось къ нему навстрѣчу.

Глаза Лики широко раскрылись послѣднимъ молящимъ взглядомъ. Два страстные поцѣлуя огненной пеленою накрыли ихъ... Вымученная, страстная, молящая улыбка блѣдно заиграла на ея нѣжныхъ трепещущихъ губахъ. Но и ту быстро, какъ блескъ зарницы, стерла страстная ласка князя. Обезсиленная и покоренная Лика прижалась къ нему.

* *
*

Разсвѣтъ зимняго поздняго утра давно уже забрезжилъ, а они все еще сидѣли, словно околдованные силою невидимаго волшебника.

Лика полулежала въ объятіяхъ Гарина, вся завороженная имъ. Она не знала, не думала о томъ, что случится послѣ. Ея мысль не шла дальше того, что она любитъ его, единственнаго въ цѣломъ мірѣ. Правда, сквозь обрывки мыслей являлось смутное сознаніе того, что они должны уйти, уѣхать отсюда и какъ можно скорѣе.

Князь Всеволодъ точно угадалъ состояніе молодой женщины.

— Радость моя!—произнесъ онъ на-ухо Ликѣ,—ты видишь сама, борьба безполезна. Судьба бросила насъ снова въ объятія другъ друга. Мы отданы одинъ другому на всю жизнь...—Онъ взглянулъ на часы, слабо бѣлѣвшіеся въ полусвѣтѣ своимъ циферблатомъ.—Поѣздъ въ Москву отходитъ въ десять. Ты уѣдешь со мною сегодня-же туда, дорогая, а оттуда за границу.

— Да, да! Куда хочешь, милый

— Милая! Милая! Милая! Я дамъ тебѣ сказочное счастье!—и, упавъ къ ногамъ молодой женщины, гордый, высокомѣрный князь Гаринъ коснулся ея туфли губами.

— О!—Лика вздрогнула отъ счастья и закрыла лицо руками.

И вдругъ неожиданно и грозно прозвучалъ вблизи оглушительный залпъ нѣсколькихъ ружей. Стѣны восточной комнаты дрогнули какъ-бы отъ удара... Ужаснымъ эхомъ прокатился еще разъ этотъ звукъ.

— Что это?—сорвалось съ губъ Лики, и ея лиц

стало бѣлымъ, какъ бумага, а глаза расширились и остановились отъ ужаса; она стояла посреди комнаты, вся потрясенная, не понимая ничего, вся олицетвореніе живѣйшаго испуга.

— Да, что это?—произнесъ князь Гаринъ, и вдругъ его лицо приняло строгое, сосредоточенное выраженіе. Онъ приблизился къ Ликѣ и, обнявъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ, говоря: — оставь! Не наше это дѣло! Звѣздочка моя, Лика моя! Пусть волнуются люди, пусть кишитъ жизнь за нашими плечами, какое намъ дѣло до нея?.. Как...

Князь не договорилъ. Новый оглушительный залпъ потрясъ весь домъ до основанія.

— Но тамъ стрѣляютъ!—отчаяннымъ голосомъ прошептала Лика, и ея глаза снова округлились отъ ужаса.

— Такъ что-жъ...—началъ было князь и не докончилъ.

Лика подскочила къ окну, нервнымъ, спѣшнымъ движеніемъ отбросила тяжелую портьеру и, заглянувъ въ окно, съ громкимъ стономъ отступила въ глубь комнаты, ломая руки...

— Это они! Они! Ихъ убиваютъ!—кричала она, какъ безумная, и, снова бросившись къ окну, вскочила на широкій подоконникъ.

По улицѣ бѣжали люди вразсыпную, съ испуганными, изступленными лицами. Многіе изъ нихъ были ранены, на лицахъ многихъ виднѣлись слѣды крови. Шагъ за шагомъ, по пятамъ за бѣглецами спѣшили стройные ряды солдатъ... Вотъ они остановились, вотъ вытянулись въ одну сплошную сѣрую шеренгу. Маленькій, кущый офицеръ на лошади, въ сѣромъ пальто скомандовалъ что-то... Раздался новый залпъ и нѣсколько человѣкъ изъ бѣгущихъ остались на снѣгу, обагривъ его красной, какъ сиропъ, красивой и яркой кровью.

Вся бѣлая, какъ алебастръ, Лика кинулась къ князю, схватила его за руку и потащила къ окну.

— Ты видишь! видишь!—шептала она, сверкая обезумѣвшими отъ ужаса зрачками,—нашихъ бьютъ... рабочихъ бьютъ... Пусти меня къ нимъ! Я должна быть среди нихъ... я должна...

— Дитя! Дитя! Что съ тобою?—крикнулъ, въ свою очередь, князь и, схвативъ за обѣ руки бившуюся изо всѣхъ силъ Лику, прижалъ ее къ себѣ.—Пусть бьютъ однихъ другіе, болѣе правые и сильные. Какое намъ

дѣло до того? Мы любимъ другъ друга, Лика... И что намъ до всѣхъ остальныхъ?

— Ты ошибаешься! Я не могу оставаться спокойной и счастливой, когда... О, пусти меня! Пусти къ нимъ, скорѣе! Я должна быть среди нихъ!

И она сдѣлала усиліе вырваться изъ рукъ князя, сильно охватившихъ ея станъ.

— Не пущу!—крикнулъ онъ и вмигъ его лицо приняло то неумолимое и непреклонное выраженіе, которое и прежде наполняло холодомъ душу Лики.

Завязалась борьба. Строганова всѣми силами стремилась вырваться изъ объятій князя, онъ-же все сильнѣе и сильнѣе сжималъ ее въ нихъ. Его трепещущія губы шептали въ самыя уши молодой женщины:

— Лика, опомнись! Моя Лика! Вѣдь, ты моя! Мы закрѣпили нашу любовь новымъ союзомъ! Ты не должна рваться къ нимъ. Я не пущу тебя! Ты моя, моя!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Оставь меня! Пусти меня!—кричала Лика и, что было силъ, рвалась изъ сильныхъ рукъ князя.

Онъ осторожно, но энергично сжималъ ее, боясь причинить боль ея хрупкой, тоненькой фигуркѣ и въ то-же время чувствуя въ себѣ присутствіе всесокрушающаго, всепожирающаго звѣря, готоваго уничтожить всѣхъ и все, лишь-бы удержать ее.

Новый залпъ ружей заставилъ Лику, сдѣлавъ неимовѣрное усиліе, ринуться впередъ, выскользнуть изъ рукъ князя и со всѣхъ ногъ кинуться къ окошку.

— О, Боже мой! Смотри! Ихъ убиваютъ!—крикнула она дикимъ голосомъ, въ изступленномъ отчаяніи протягивая впередъ руки.

— Тѣмъ хуже для нихъ! Жаль, что губернаторъ не выставилъ пулеметовъ, послушавшись моего совѣта!—произнесъ, тяжело переводя дыханіе, Гаринъ, съ видомъ затравленнаго звѣря подходя къ Ликѣ.

— Твоего совѣта? Вы могли-бы посовѣтовать разстрѣливать.

— Больше того! Я нахожу, что это—слишкомъ почетная смерть для подобныхъ негодяевъ. Я велѣлъ-бы перевѣшать ихъ, какъ собакъ, въ назиданіе прочимъ!—и князь засмѣялся недобрымъ смѣхомъ, исказившимъ до неузнаваемости его красивое лицо.

Одну минуту Лика оставалась спокойна. Ея глаза

впились потемнѣвшимъ взглядомъ въ лицо Гарина. Минута молчанія протянулась за вѣчность. И вдругъ тонкій станъ молодой женщины вытянулся, какъ стрѣла. Она стала на цѣлую голову выше въ это мгновеніе. Ея губы побѣлѣли и, отстраняя отъ себя рукою приблизившагося къ ней князя, она вызывающе бросила ему въ лицо.

— Все кончено! Мнѣ жаль, что я непростительно забылась съ вами. Вы—врагъ моихъ друзей, слѣдовательно, и мнѣ врагъ, князь Всеволодъ... Мое мѣсто тамъ, на улицѣ. Дайте дорогу!..

— Это невозможно!—произнесъ Гаринъ и, быстро опустивъ руку въ карманъ, вынулъ изъ него блестящій, изящный, какъ дорогая бездѣлушка, револьверъ.— Есть послѣдній выходъ, Лика,—произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

— Вы хотите убить меня?—съ явной насмѣшкой спросила молодая женщина.

Прежняго покорнаго и страстнаго обожанія уже не замѣчалось въ ея лицѣ.

— Я хочу убить себя, Лика! — отвѣтилъ тѣмъ-же глухимъ, но твердымъ голосомъ князь,—и я убью себя, если ты пойдешь къ „тѣмъ“... Клянусь тебѣ въ этомъ моей любовью!

— Пустите меня! Я иду къ нимъ... Я не должна оставаться съ вами!

— Подумай, Лика, что ждетъ меня, если ты меня оставишь! — и трогательной, несвойственной ноткой отчаянія звучалъ голосъ князя.

— Я не могу остаться... Не просите! Я отдала свою жизнь народу и должна раздѣлить его участь... а вы... вы живите безъ меня или идите со мною къ нимъ...

И глаза Лики съ робкой мольбою поднялись на князя.

Наступила новая мучительная пауза. Князь первый нарушилъ молчаніе.

— Мнѣ поздно мѣняться,—произнесъ онъ, обдавая Лику гордымъ взглядомъ.—Ты должна остаться со мною и жить для меня, ты...

Страшные крики на улицѣ помѣшали ему докончить его фразу. Гулъ усилился; толпа скучилась у самаго дома, гдѣ находились Лика и Гаринъ, и глухо ревѣла, какъ разбушевавшійся потокъ.

Лика взглянула въ окно въ противоположную сторону и ея сердце захолодѣло отъ ужаса.

На подмогу сѣрымъ шинелямъ спѣшили новые съ ружьями наперевѣсъ, готовые дать залпъ по первому приказу. Стонъ, угрозы, проклятія, плачъ женщинъ поднялись въ толпѣ... Всѣ сбились въ кучу, какъ испуганное стадо, воя и давя другъ друга и грозя кому-то... И вдругъ взоръ Лики упалъ на огромную, мощную фигуру безъ шубы, въ кожаной тужуркѣ, безъ шапки, съ окровавленной полосою вдоль щеки. Онъ былъ на цѣлую голову выше толпы, этотъ человѣкъ, и казался вожакомъ ея.

— Сила!—отчаянно вырвалось изъ груди Лики,— Сила!—задыхаясь, еще разъ прокричала она.

Молодой Строгановъ не могъ слышать этотъ крикъ, но, руководимый инстинктомъ, онъ поднялъ голову кверху на окна дома и въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ Гарина и Лику...

Лицо молодого фабриканта судорожно перекосилось. Минуту онъ смотрѣлъ наверхъ не поддающимся описанію взглядомъ и вдругъ ринулся впередъ, прямо на протянутыя къ первымъ рядамъ толпы ружья солдатъ.

— О!—воплемъ вырвалось изъ груди Лики.—Мой мужъ тамъ... мой мужъ умираетъ!.. Пустите меня къ нимъ, къ нему... ко всѣмъ моимъ братьямъ!

По лицу князя Всеволода проскользнула чуть замѣтная улыбка. Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе, на его лбу выступили крупныя капли пота.

— Теперь я все понялъ, Лидія Валентиновна!—произнесъ онъ съ легкимъ поклономъ,—теперь я не стану удерживать васъ, вы—свободны!—и онъ широко распахнулъ двери предъ молодой женщиной.

Не помня себя, едва удерживая рвущіеся изъ груди вопли, Лика съ быстротою молніи бросилась вонъ изъ комнаты...

Гаринъ долго съ тою-же странной улыбкой смотрѣлъ ей вслѣдъ. Потомъ онъ вынулъ платокъ изъ кармана, тщательно отеръ потъ, проступившій на лбу, и, сѣвъ на ту самую тахту, на которой только что осыпалъ ласками Лику, приложилъ дуло револьвера къ виску. Предъ нимъ, короткое, какъ мигъ, пронеслось одно воспоминаніе: открытая могила у стараго бельведера и въ ней живые глаза мертвой Ханы. Князь улыбнулся

и спустилъ курокъ. Послышался сухой, короткій звукъ, напоминающій трескъ дровъ въ печи. Не переставшій улыбаться князь Всеволодъ мягко опустился на подушки тахты. Глаза Ханы еще разъ блеснули предъ нимъ и погасли. И его жизнь погасла вмѣстѣ съ ними

XXIV.

Мгла въ этотъ вечеръ стояла надъ городомъ въ видѣ сѣраго, скользкаго волнующагося тумана. Выстрѣлы давно затихли и только частые патрули попадались по улицамъ. Въ воздухѣ чувствовались еще отдаленные перекаты боевой грозы, еще не вполнѣ утихшей... Въ отдаленныхъ кварталахъ попадались люди, испуганные, пришибленные, съ блѣдными, какъ известь, лицами. Женщины, испуганныя, съ расширенными зрачками, скользили тѣнью, вглядываясь въ каждое проходящее лицо. Жены и матери искали своихъ пропавшихъ мужей и сыновей. Въ городскую больницу свезли много раненыхъ. Нѣсколько убитыхъ лежало въ покойницкой, не опознанныхъ еще родными.

По темному, узкому переулку, едва передвигая ноги, шла Лика. Болѣе шести часовъ прошло съ той минуты, когда она полуживая отъ ужаса вырвалась изъ номера гостиницы, куда ее привезъ князь Гаринъ, и всѣ эти шесть часовъ она провела на улицѣ.

Въ первую минуту послѣ новаго залпа, раздавшагося тотчасъ-же, лишь только она выскочила изъ дома, молодая женщина ничего не могла разобрать. Все свернулось въ одну бушующую, клокочущую пѣну изъ сѣрыхъ шинелей, дымящихся ружей и окровавленныхъ тѣлъ, распластанныхъ на окровавленномъ снѣгу...

Куцый офицерикъ съ саблей на-голо преградилъ ей дорогу. Лика замѣтила, что его губы тряслись и глаза стали стеклянными отъ ужаса.

— Сюда нельзя, сударыня! — кричалъ онъ ей во весь голосъ, точно она была глухая, — поворачивайте обратно!

Какъ разъ въ этотъ мигъ промчалась толпа. Увлекая другъ друга, неслись люди въ отчаянной паникѣ, въ смертельномъ страхѣ. Кричали что-то о новомъ залпѣ... Подхваченная этимъ живымъ потокомъ Лика понеслась за ними... Шуба, накинутая ей на плечи, сползла съ нихъ и волочилась сзади поверхъ смочен-

наго снѣгомъ платья, ея наряднаго воздушнаго платья, въ которомъ она пѣла вчера въ концертѣ. Открытыя плечи дрогли отъ холода. Но она ничего не замѣчала— ни усталости, ни стужи. Ея мысль горѣла однимъ желаніемъ, преслѣдовала одну цѣль: разыскать Силу живого или мертваго, найти его и искупить свою ужасную вину предъ нимъ или умереть подлѣ его трупа. И она вглядывалась въ лицо каждаго встрѣчнаго, вглядывалась съ мучительнымъ вопросомъ...

„Не онъ! не онъ!“—съ отчаяніемъ стонало ея сердце и грудь точно жгло раскаленными углями.

Ея ноги уже отказывались служить. Она путалась, какъ бездомная собака, по пустымъ закоулкамъ и улицамъ, не зная, куда идти.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ ея ногами; тяжелая шуба и смокшее платье тянулись за нею. Съ каждой минутой становилось невыносимѣе, силы падали... И вдругъ на поворотѣ какого-то переулка она грудь съ грудью столкнулась со знакомой фигурой.

— Анна!

— Лидія!

Онѣ обѣ однимъ движеніемъ ринулись въ объятія другъ друга и обѣ зарыдали. Казалось, сама улица рыдала вмѣстѣ съ этими двумя женщинами, одинокими и затерянными среди чужого города.

— Сила Романовичъ у отца... не безпокойся, онъ живъ... На время его скрыли!—быстро шепотомъ проговорила Анна,—я отведу тебя къ нему... Надо торопиться... Черезъ часъ-другой за нимъ придутъ... его арестуютъ.

— Арестуютъ?—эхомъ отозвалась Лика.

— Да... Онъ пріѣхалъ рано утромъ, узналъ, что ты не ночевала, и сразу понялъ все... Въ рабочемъ кварталѣ „это“ уже начиналось и, сказавъ мнѣ, чтобы я его не ждала, онъ помчался туда. Я послѣдовала за нимъ... Онъ говорилъ, убѣждалъ ихъ, говорилъ, что бюрократія создана для того, чтобы оскорблять и поносить низшіе классы, говорилъ, что надо отвоевать свои права во что-бы то ни стало... Его рѣчь была принята съ жаромъ... И потомъ всѣ они пошли, пошли къ губернаторскому дому съ требованіемъ улучшить немедленно права пролетаріата. И Сила Романовичъ пошелъ съ ними,.. кажется, онъ повелъ ихъ... я не знаю.

Послѣ перваго залпа я уже была на улицѣ и потомъ, позднѣе мнѣ удалось увлечь его въ квартиру къ моему отцу... Я проведу тебя къ нему. Онъ, какъ помѣшанный... Идемъ... скорѣе... За нимъ могутъ придти каждую минуту...—и, схвативъ за руку Лику, Анна увлекла ее вдоль темнаго переулка.

Онѣ шли долго, очень долго.

Сѣрое, грязное одноэтажное зданіе выглянуло на нихъ своимъ казарменнаго вида фасадомъ.

— Въ первый этажъ налѣво!—произнесла Бобрукова почему-то шепотомъ.—Отецъ снимаетъ здѣсь маленькую квартиру...—и, толкнувъ впередъ Лику, она позвонила у обитой старой клеенчатой низенькой двери.

Имъ пришлось ждать добрыхъ пять минутъ, если не больше. Наконецъ, послѣ тревожнаго оклика „кто тамъ?“ дверь растворилась и на ея порогѣ показалась сѣдая стриженая голова бывшаго управляющаго спичечной фабрики.

— Ты, дочка?—оглядывая Анну, произнесъ онъ.

— Я, отецъ... Съ Лидіей Валентиновной,—отвѣтила Анна шепотомъ и еще тише прибавила вслѣдъ за этимъ:—еще не приходили?

— Нѣтъ... Но за этимъ не постоитъ дѣло... У насъ полиція не изъ сонныхъ. Съ минуты на минуту ждемъ незванныхъ гостей. Пожалуйте, барынька милая!—обратился онъ къ Ликѣ,—проведу васъ къ супругу.

Съ какимъ-то болѣзненнымъ замираніемъ сердца Лика послѣдовала за нимъ. Онъ повелъ ее длиннымъ темнымъ корридоромъ и, подведя къ маленькой дверцѣ, распахнулъ ее. Свѣтъ отъ небольшой лампы больно рѣзнулъ по глазамъ Лику. Она невольно зажмурилась, и, когда снова подняла вѣки, предъ ней, уронивъ голову на руки, въ безнадежной позѣ все потерявшаго и обездоленнаго человѣка, сидѣлъ Сила.

XXV.

Невыразимое чувство боли, жалости и чего-то неизвѣданнаго, чистаго и родного наполнило разомъ сердце молодой женщины при видѣ этой убитой фигуры. Не помня себя, она упала на колѣна и ползкомъ, какъ побитая собака, приблизилась къ ногамъ Силы. Здѣсь, у этихъ ногъ, она прильнула къ нему

головою и, забившись вся, какъ подстрѣленная птица, прорыдала:

— Прости мнѣ, Сила! Прости!

Онъ задрожалъ всѣмъ своимъ богатырскимъ тѣломъ при первыхъ звукахъ любимаго голоса, поднявъ голову, встрѣтился взоромъ съ ея глазами и вдругъ... его свѣтлые, чистые, какъ у ребенка, глаза наполнились слезами. Губы дрогнули, судорога пробѣжала по лицу. Онъ положилъ свою огромную руку на золотистую головку и прошепталъ съ замѣтнымъ усиліемъ:

— Зачѣмъ? Не надо! не надо! Ты ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновата. Онъ лучше меня, онъ достойнѣе... Онъ—баринъ, аристократъ... а я... я—ничтожество, купецъ сѣрый... мужикъ сиволапый... И я еще смѣлъ тягаться за нимъ! Я надѣялся, что ты меня полюбишь... Прости ты меня, Лидуша, ангелъ Господень... Прости меня!..

Онъ сползъ на полъ съ кресла, въ которомъ сидѣлъ, и обнялъ ея маленькія измокшія ножки.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—съ отчаяніемъ и мукой простонала Лика.—Нѣтъ! Нѣтъ! Не говори такъ, Сила! Не рви мнѣ сердца! Оно изранено и такъ... Я не вынесу больше! Мнѣ не надо его! Мнѣ не надо! Я пришла къ тебѣ, пришла, чтобы навсегда забыть его и остаться съ тобою, если ты позволишь!

— Со мною?—сорвалось съ дрожащихъ устъ Силы робкимъ, какъ у ребенка, звукомъ и, не помня себя, онъ рванулся къ ней, обвилъ своими крупными руками ея золотистую головку и прошепталъ, задыхаясь:—остаться со мною? Ты... ты, милая!—Онъ вдругъ оттолкнулъ ее и упалъ обратно въ кресло.—Поздно, Лида! Поздно! Родная моя!—глухо вырвалось изъ его груди, и онъ въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

— Но почему?—скорѣе простонала, нежели проговорила, молодая женщина.

— За мною придутъ скоро, можетъ быть, сейчасъ, сію минуту... Меня ждутъ арестъ, Сибирь... ссылка... Я былъ съ ними, съ этими несчастными... Я велъ ихъ... Я вдругъ понялъ въ то время, что, если ихъ солнцу суждено встать когда-либо, оно встанетъ въ это утро, и если частичному пролетаріату суждено добиться своихъ правъ, онъ добьется его сегодня! Я былъ неправъ: я увлекся чисто субъективнымъ влеченіемъ

мести... и погубилъ все дѣло... Милая! простишь-ли ты мнѣ это?

И его глаза съ жалобною мольбою остановились на лицѣ жены.

Ликѣ хотѣлось закричать отъ жалости и боли. Онъ, онъ, этотъ великодушный человѣкъ, этотъ чистый большой ребенокъ молилъ ее о пощадѣ? онъ, ни единымъ фибромъ своего существа невиновный предъ нею? Дыханіе захватило въ груди Лики. Острая, болѣзненная жалость заставила ее замереть безъ силъ, безъ воли, безъ движенія. Жалость матери и мучительнѣйшая любовь ея къ больному, измученному существу заговорили въ ней...

Не помня себя, она ринулась на колѣна предъ мужемъ, отняла его руки отъ лица и, вся прильнувъ къ нему, пылко и взволнованно зашептала:

— Ты не ошибся, Сила! у нихъ будетъ болѣе свѣтлая доля! а мы съ тобой положимъ всю нашу жизнь, чтобы поддержать ихъ въ ихъ сѣрой, неприглядной жизни... Слышишь, Сила, мы должны поддержать ихъ, пока не встанетъ ихъ солнце! Братъ мой милый! единственный! Я пойду за тобою, я не оставлю тебя. Пусть тебя ждутъ тюрьма... каторга... ссылка... я буду съ тобою... всегда, всю жизнь... Я нужнѣе тамъ, чѣмъ здѣсь, и тебѣ, и „тѣмъ“, другимъ страдальцамъ. Я буду жить тамъ съ вами и поселю въ ихъ сердцахъ свѣтлую вѣру въ яркое солнце!

Лика кончила, вся задохнувшаяся, взволнованная... Въ ея груди выростало постепенно что-то огромное, могучее, что-то сильнѣйшее, нежели самое чувство жалости и скорби...

Это была любовь самоотверженная и прекрасная, любовь чистая и свѣтлая ко всѣмъ страдающимъ братьямъ. Не помня себя, она покрыла поцѣлуями руку одного изъ этихъ будущихъ страдальцевъ и, рыдая, прижалась къ нему. Плѣнительный образъ Гарина постепенно стушевывался, отходя отъ молодой женщины все дальше и дальше, и, наконецъ, исчезъ, какъ въ туманѣ.

Сила Романовичъ нѣжно прижалъ къ своему сердцу обновленную, преобразившуюся, вновь пріобрѣтенную Лику. Они сидѣли оба въ одномъ креслѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, готовые на все. Чувство

сознанія перенесенной муки сладко волновало ихъ обоихъ.

Что-то великое, всеобъемлющее и прекрасное наполняло до краевъ ихъ взволнованныя существа. И, когда въ передней дрогнулъ звонокъ, они не испугались, не встрепенулись; только чудная улыбка заиграла на обоихъ лицахъ, улыбка свѣтлая, какъ день.

По корридору послышались быстрые шаги... Дверь распахнулась, и взволнованная Анна появилась на порогѣ.

— Сила Романовичъ, приготовьтесь! „Они“ уже пришли за вами,—испуганнымъ шепотомъ произнесла дѣвушка.

— Мы готовы... готовы оба!—твердымъ голосомъ отвѣтила Лика и, вставъ подлѣ мужа, оперлась рукою на его плечо.

Ея лицо было блѣдно, безъ кровинки, но чудное спокойствіе воцарилось на немъ.

Роковые шаги послышались въ корридорѣ. Дверь широко распахнулась и, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, жандармскій офицеръ переступилъ порогъ комнаты.

КОНЕЦЪ.

Въ ближайшей книгѣ

„Собранія романовъ „РОДИНЫ“ 1907 г.

(романы русскихъ писателей, книга 2-я)

будетъ напечатанъ

историческій романъ Н. Н. Алексѣева

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

Предлагаемый нашимъ читателямъ историческій романъ Н. Н. Алексѣева весьма живо рисуетъ то время, когда Петръ, задумавшій свои реформы, прежде чѣмъ приступить къ нимъ, рѣшилъ посмотрѣть, какъ живутъ люди при порядкахъ, казавшихся ему идеальными. Съ обычной живостью рисуетъ талантливый авторъ людей этой эпохи, когда всякое новшество считалось чуть не преступленіемъ, а такое, какъ поѣздка царя за границу, не слыханнымъ никогда дѣломъ. Особенно удалось автору изображеніе яркихъ контрастовъ; отживающіе типы до-петровской Руси и нарождающіеся типы новыхъ людей. Романическая интрига придаетъ всему повѣствованію интересъ, не ослабѣвающій до конца.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Во всѣхъ случаяхъ, когда нужно по какому-либо вопросу обращаться въ контору Редакціи, какъ-то: при **высылкѣ денегъ**, при **перемѣнѣ адреса** и при прочихъ заявленіяхъ, гг. **иногородніе** подписчики благоволятъ прилагать адресъ, по которому получается журналъ, или, въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его письменно, а гг. **с.-петербургскіе** подписчики—предъявлять подписную квитанцію или сообщать ея номеръ.

2) Въ случаѣ **неполученія** какого-либо номера журнала или приложеній къ нему, контора проситъ **немедленно-же** по полученіи слѣдующаго номера письменно заявлять ей объ этомъ, для подачи жалобы въ с.-петербургскій почтамтъ, такъ какъ **болѣе позднія** заявленія не могутъ быть удовлетворены.

3) При **ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА** необходимо прилагать старый адресъ, по которому журналъ получался, и **28** коп. почтовыми марками на расходы по приготовленію новаго адреса; если старый адресъ и марки не будутъ приложены, перемѣна не можетъ быть сдѣлана.

Графическое заведеніе «Родина» (А. А. Каспари).
С.-Петербургъ. Лиговская улица, собственный домъ, № 114.

Безплатное приложеніе къ журналу „Родина“.

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ „РОДИНЫ“

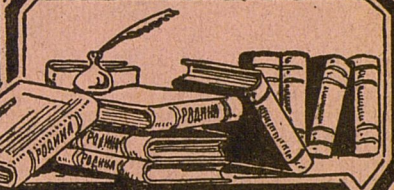
[ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ]

1907 г.—№ 2.

Н. Н. Алексѣевъ.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

Историческій романъ.



ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель А. Каспари. Редакторъ Н. Каспари.

Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

Историческій романъ.

Изданіе А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Царь-работникъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Бѣглецъ.

I.

Неподалеку отъ шведской границы, затерявшись среди новгородскихъ лѣсовъ и болотъ, находилось сельцо Безымянка. Вблизи его, на косогорѣ, лѣпились церковь и погостъ, а въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ храма, высилась усадьба съ групой службъ, окруженная крѣпкимъ тыномъ; рядомъ, за плетнемъ, тянулся полуогородъ, полусадъ. И усадьба, и сельцо принадлежали Артемію Андреевичу Симонову, но владѣлъ ими не онъ, а его отчимъ Степанъ Ильичъ Незамайкинъ. Въ духовной покойной матери Симонова было указано: „Усадьбу, что при Безымянкѣ, и сельцо это, и людишекъ въ емъ, и службы всѣ, и угодья, что есть, завѣщаю сыну моему Артемью, а за малолѣтствомъ его, пока не минетъ ему двадесяти лѣтъ, володѣть всѣмъ и править вмѣсто него, Артемья, мужу моему, окольничему Степану Ильичу Незамайкину, и надъ сыномъ моимъ, надъ Артеміемъ, имѣть ему попеченіе и любовь, какъ отцу“. Въ завѣщаніи не былъ забытъ и Незамайкинъ: ему былъ отказанъ выселокъ у самаго шведскаго рубежа.

Это наслѣдство не особенно утѣшало Степана Ильича, такъ какъ въ выселкѣ насчитывалось всего пять дворовъ, да и то разоренныхъ. Бо́льшимъ утѣшеніемъ слу-

жило право владѣнія Безымянкой за малолѣтствомъ пасынка. Артемію Андреевичу было всего девять лѣтъ, когда умерла его мать. Одиннадцать лѣтъ самостоятельнаго хозяйствованія казались Незамайкину не малымъ срокомъ и онъ не горевалъ.

Карманъ онъ свой набивалъ старательно, велъ хозяйство хищнически, но все-же мысль, что рано-ли, поздно-ли придется разстаться съ этою „благодатью", отравляла его существованіе.

И дѣйствительно, время шло, а маленькій пасынокъ превращался въ юношу.

— Вотъ скоро тебѣ и отдыхать отъ хозяйскихъ заботъ придется,—сказалъ однажды окольничему попъ Сергій, зайдя вечеркомъ побесѣдовать: — Артюша-то подрастаетъ.

— Н-да,—сумрачно отвѣтилъ Незамайкинъ и со вздохомъ добавилъ: — обидѣла меня покойница, что говорить!

— Можетъ, она такъ размышляла, что Артемью не выжить, слабенекъ былъ мальчикъ. А помри онъ, вѣдь, все твое. Своей-же рукой я въ духовной по ея приказу писалъ: „А коли, чего упаси, пошлетъ Богъ по душу его, Артемья,—въ животѣ-же и смерти Онъ, Господи, воленъ,—а двадесяти годовъ ему еще не будетъ, володѣть всѣмъ по гробъ мужу моему Степану Ильичу".

Въ глазахъ окольничаго блеснула искорка.

— А умеръ онъ? Щеки, что пузырь.

— Богатырь теперь, что говорить!

На этомъ бесѣда кончилась. Степанъ Ильичъ вернулъ себѣ свой обычный важный и самоувѣренный видъ и заговорилъ о чемъ-то другомъ, но съ этихъ поръ въ его мозгу неотвязно засѣло:

„Ахъ, если-бъ Господь его прибралъ!"

— Я, тятя, на лошади поѣзжу. Есть здѣсь одна, которую никто объѣздить не можетъ, хочу смирить,— говорилъ пасынокъ.

— Поѣзди, смири, — ласково разрѣшалъ отчимъ, а самъ думалъ:

„Кабы ты шею свернулъ!"

— Я, тятя, переплыть рѣчку хочу (по селу текла какая-то безымянная рѣчка быстрая и глубокая). Ребята деревенскіе боятся... Показать хочу, что можно.

— Переплыви, сынокъ, переплыви!—нѣжно отвѣчалъ ему окольничій, смекая:

„Быть ему на днѣ!“

Но выходило иное: пасынокъ усмирялъ коней, кидался въ омуты и здоровѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Настала зима 1695 года. Въ ноябрѣ Артемью минуло девятнадцать лѣтъ.

„Всего годикъ мнѣ властвовать, а тамъ“...—съ тяжелымъ вздохомъ подумалъ Степанъ Ильичъ въ этотъ день поутру, но нарочно поднялся раньше обыкновеннаго и самъ съ нѣжнѣйшей улыбкой поцѣловалъ пасынка и пожелалъ ему „расти и укрѣпляться“.

Въ прежнее время на Руси не было обыкновенія „справлять“ дни рожденія, преимущественно, праздновали именины, но Незамайкинъ отступилъ на этотъ разъ отъ обычая, созвалъ гостей и напекъ пироговъ.

— Я Артемія во какъ люблю! какъ сына!—признавался онъ гостямъ, поднимая чарку за здоровье пасынка.

Гости умиленно перешептывались:

— Вотъ тебѣ и вотчимъ! лучше отца родного!

„Надо про случай задабривать,—соображалъ, между тѣмъ, Незамайкинъ.—А то придетъ его пора, онъ покажетъ мнѣ. И неужели нельзя никакъ дѣло поправить? Неужели такъ-то вотъ ему и отдать все добро?“

Всю послѣдовавшую за пирушкою ночь окольничій провелъ безъ сна, поутру вышелъ изъ опочивальни блѣдный и хмурый, но съ пасынкомъ былъ привѣтливѣе, чѣмъ когда-либо.

— Погода пошла нынѣ хорошая,—замѣтилъ онъ въ разговорѣ, подойдя къ окну и смотря на блестяще бѣлую поляну и на окружавшій ее запорошенный, темный, задумчивый лѣсъ.—Надо-бъ намъ на травлю собраться. Намедни сказывали мнѣ, мужики совсѣмъ близехонько двѣ берлоги нашли.

— На травлю—доброе дѣло. Особливо если на медвѣдя,—отвѣтилъ Артемій.

— Опять-же и волковъ развелось видимо-невидимо. Что ни день—скотину рѣжутъ и по лѣсу ни прохода, ни проѣзда. Соберемся, какъ-нибудь на травлю-то?

— Я радъ ѣхать. А какъ думаешь, когда?

— Да хоть завтра, сборы не долги. Пока погода хороша, и ѣхать.

— Ладно! — согласился Артемій. — Я на медвѣдя люблю съ рогатиной ходить, занятно страсть!

— Такъ и бери рогатину, а я съ мушкетомъ. Тебѣ можно съ рогатиной—силы не занимать. Встала-бы твоя покойница-мать, похвалила-бы меня: сумѣлъ я богатыря выростить, а, вѣдь, мальчишкой ты былъ хиленькимъ.

Артемій Андреевичъ, дѣйствительно, смотрѣлъ богатыремъ особенно рядомъ съ малорослымъ и тщедушнымъ отчимомъ. Рослый, стройный, съ мощными плечами, онъ былъ при этомъ хорошъ лицомъ. Его подстриженные темно-русые волосы слегка вились, темный пушокъ надъ верхней губой придавалъ мужественный характеръ его лицу, взглядъ большихъ синихъ глазъ былъ открытъ и привѣтливъ, а черныя тонкія сабли-брови говорили о независимомъ, быть можетъ, гордомъ нравѣ. Вся наружность молодого человѣка показывала, что онъ никого и ничего не струситъ и сумѣетъ, когда нужно, постоять за себя.

Объ иномъ говорилъ видъ отчима. Небольшой ростомъ и худощавый, окольничій былъ довольно благообразенъ лицомъ; его окладистая, густая борода и коротко остриженные черные волосы были изрядно тронуты сѣдиною, густые кусты полусѣдыхъ бровей налѣзали на глаза; на губахъ обычно играла благодушная улыбка. Онъ казался добродушнымъ старѣющимся человѣкомъ. Глаза, маленькіе и впалые, онъ всегда точно пряталъ; они вѣчно бѣгали, а кому доводилось примѣчать ихъ хитрый, холодный и острый взглядъ, тотъ испытывалъ непріятное чувство не то смущенія, не то боязни.

Надлежащія приготовленія къ охотѣ были сдѣланы, и на слѣдующее утро въ усадьбѣ съ утра все пришло въ движеніе. Изъ Безымянки привалила ватага крестьянъ-загонщиковъ, было выяснено, гдѣ находятся берлоги, гдѣ кому стать, съ какой стороны начать гонъ.

Шумомъ и говоромъ наполнился вѣковой, дремучій лѣсъ. Солнце, пробившись сквозь вѣтви, разбросало сѣтчатыя тѣни и сверкающія пятна по снѣгу.

Бодро и весело чувствовалъ себя Артемій Андреевичъ, шагая съ отчимомъ по сугробамъ; за его плечо была перекинута острая и длинная рогатина, изъ-за кушака выглядывала рукоять крупнаго ножа.

Незамайкинъ старался казаться веселымъ, но по его лицу пробѣгали тѣни и углы губъ нервно вздрагивали. Онъ былъ вооруженъ мушкетомъ крупнаго калибра, у пояса болтались мѣшечки съ порохомъ и пулями.

Стараясь производить поменьше шума, чтобы не спугнуть звѣря раньше времени, подошли къ берлогамъ. Онѣ были расположены почти рядомъ.

— Тутъ-ли?—спросилъ окольничій.

— Тутъ. Навѣрно знаю,—отвѣтилъ мужиченка-рубщикъ, который дней пять назадъ набрелъ на берлогу.

— Ну, гайда, съ Богомъ.

Мужики-загонщики кругомъ разсыпались по лѣсу. Отчимъ и пасынокъ отошли на нѣсколько десятковъ саженъ отъ берлоги. Артемій Андреевичъ выбралъ ровное, малоснѣжное мѣсто, остановился, снялъ рогатину, перекрестился и сказалъ:

— Помоги Богъ. Ну, Мишенька, ужъ и угощу-же я тебя!

Окольничій сталъ въ кустахъ, въ сторонѣ отъ пасынка. Прочіе охотники, вооруженные ружьями, были размѣщены по лѣсу съ такимъ расчетомъ, чтобы не упустить звѣрей, да и не подстрѣлить другъ друга.

Лѣсъ, недавно полный людскаго говора, сталъ тихимъ и казался безлюднымъ.

Симоновъ напряженно прислушивался.

Вдругъ издали донесся приближающійся неистовый гамъ: это было какое-то дикое сочитаніе криковъ, стука, треска, колотушекъ, свиста. Среди этого шума отчетливо слышались трескъ ломающихся вѣтвей и сопѣніе.

„Подняли звѣря. Идетъ!“—подумалъ молодой человѣкъ, крѣпче сжимая рогатину.

За чащей еще не видно было звѣрей, но можно было догадаться, что ихъ нѣсколько: трескъ и сопѣнье раздавались въ разныхъ направленіяхъ; звѣри, очевидно, раздѣлились.

Прошло нѣсколько долгихъ минутъ. Саженяхъ въ полутора отъ Симонова кусты раздвинулись и крупный медвѣдь вылѣзъ изъ-за нихъ. Онъ потянулъ воздухъ, остановился, увидѣвъ высокую фигуру юноши, потомъ, глухо ворча, поднялся на заднія лапы и, переваливаяясь, пошелъ на дыбахъ на охотника.

Молодой человѣкъ наставилъ рогатину. Звѣрь былъ

совсѣмъ близко. Въ это мгновеніе его словно что-то потянуло посмотрѣть въ сторону, гдѣ стоялъ отчимъ. Онъ быстро оглянулся. Отчимъ стоялъ на одномъ колѣнѣ, положивъ мушкетъ на сошки, и цѣлился, но не въ медвѣдя, а... въ пасынка. Артемій Андреевичъ ясно видѣлъ направленное на себя зловѣщее, черное дуло и насмѣшливо-злобные глаза Незамайкина.

— Что ты! Окстись! — хотѣлъ онъ крикнуть и не успѣлъ—грянулъ выстрѣлъ.

Пуля просвистѣла мимо уха и расщепила деревцо.

— Подожди-жъ!—стиснувъ зубы, проворчалъ юноша и повернулся къ другому врагу, къ медвѣдю.

Звѣрь не мѣшкалъ. Его лапы почти касались конца рогатины. Симоновъ отступилъ, потомъ шагнулъ впередъ, и рогатина впилась въ мохнатую грудь. Оставалось не допустить медвѣдя раздробить рогатину ударомъ лапы. Озлобленный звѣрь подавался впередъ и самъ всаживалъ въ себя острое желѣзо.

— Промахнулся!—шепталъ отчимъ.—Ну, въ другой разъ не промахнусь.

Отъ недалекой заросли отдѣлилась гигантская, мощная фигура человѣка и побѣжала къ боярину.

Артемій Андреевичъ всадилъ ножъ въ медвѣдя. Не выдержалъ удара лѣсной богатырь, упалъ на снѣгъ и забился въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Теперь не промахнусь! — озлобленно зашепталъ окольничій, прилаживая мушкетъ на сошкахъ, но въ этотъ моментъ высокій человѣкъ—старый ключникъ Андронъ—одною рукою приподнялъ и потрясъ въ воздухѣ Незамайкина, а другою вырвалъ и отбросилъ его ружье.

— Не гоже, боринъ!—строго замѣтилъ онъ.

— Не смѣй, холопъ!

— Холопъ, да не душегубъ.

Покончивъ съ медвѣдемъ, юноша съ тѣмъ-же ножемъ кинулся къ отчиму, крича:

— Ну, теперь за тебя!

Андронъ загородилъ Незамайкина своимъ тѣломъ и промолвилъ:

— Не надо, господине. Ему заплатится тамъ,—онъ указалъ на небо. — Не проливай крови! Поблагодари Господа, что я во-время поспѣлъ. Сперва думалъ къ тебѣ на подмогу бѣжать, на случай если противъ мед-

вѣдя, а потомъ вижу, онъ цѣлитъ, да не въ звѣря, а въ тебя, потому звѣрь ужъ на землѣ, ну, и бросился на него...

— Что-же мнѣ съ нимъ сдѣлать? Такъ оставить?— внѣ себя говорилъ Симоновъ.

— Оставь! Богъ, говорю, заплатитъ.

Окольничій, стоявшій потупясь, поднялъ голову.

— Ты вотъ что,—проговорилъ онъ задыхаясь, съ искаженнымъ ненавистью лицомъ и трясясь всѣмъ тѣломъ.—Ты вотъ что: лучше убей меня, потому намъ двоимъ не житье... Прикончу я тебя... Яда подсыплю, изъ-за куста застрѣлю, соннаго зарѣжу... изведу! Либо ты, либо я.

— И теперь щадить?—спросилъ Андрона Самоновъ.

— И теперь. Отъ злодѣя оборонитъ Богъ, а крови не проливай,—промолвилъ ключникъ.

— А тебя, холопъ, я въ цѣпи велю заковать!—крикнулъ Незамайкинъ.

— Только посмѣй!—грозно сказалъ Симоновъ.

— На тебя посмотрю? Еще пока моя власть. Захочу, такъ и тебя съ нимъ вмѣстѣ.

Окольничій поднялъ мушкетъ и медленно пошелъ въ ту сторону, откуда доносились выстрѣлы; это другіе застрѣльщики били выгнанныхъ облавой медвѣдей.

— Сколько грѣха на свѣтѣ! — печально замѣтилъ Андронъ, и грустно было его лицо съ морщинистой, побурѣлой кожей, заросшее щетинистою сѣдою бородой.

— Кто думать могъ?!

— Эхъ! мое сердце чуяло. Надо намъ съ тобой потолковать, Артемій Андреевичъ. Добра тутъ ждать нечего. Одначе, вонъ охотнички идутъ и какъ-бы чего не запримѣтили...

Онъ отошелъ отъ Симонова.

Вся дворня была несказанно поражена, когда,по возвращеніи съ охоты, Незамайкинъ отдалъ приказъ связать ключника Андрона по рукамъ и ногамъ и посадить въ подклѣть подъ крѣпкій затворъ.

II.

Матвѣй, прозвищемъ Большерукъ, похаживалъ, похлопывалъ ладонями, смотрѣлъ на звѣздное небо, зѣвалъ и скучалъ.

„Звѣздъ-то экая уйма! Говорятъ, что ихъ, что и людей, и на каждаго человѣка одна. Можетъ, и глупости. Мало-ли что говорятъ? А-а-а!..—Онъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. — Глупое дѣло — сторожить поставили! И кто запертъ-то? Андронъ! Диви-бы душегубъ, а то Ан-дро-онъ,—размышлялъ онъ, — добрѣйшій человѣкъ. Убѣжитъ онъ, что-ли? Затворъ добрый, да и самъ онъ не таковскій, чтобы бѣжать. Если-бъ бѣжать было изъза чего. А что онъ убилъ? пограбилъ? Ни-ни. Боярскій гнѣвъ и больше ничего. Боярскій гнѣвъ остынетъ. Чего-жъ бѣжать-то? А тутъ ходи по морозу и сторожи! Съ нимъ, что-ль, поговорить?“

Онъ подошелъ къ крѣпкой, небольшой избѣ, чернѣвшей въ углу двора особнякомъ, и, постучавъ въ дверь, спросилъ:

— Спишь, Андронушка?

— Нѣтъ! А что?

— Ничего. Такъ я изъ себя.

— Сторожишь меня? Ну, инъ сторожь. Приказано—слушайся. Отъ моего замка ключи у тебя?

— Нѣтъ! У самого.

Наступило молчаніе.

— Андронъ!—снова заговорилъ сторожъ.—Скушно, чай, тебѣ?

— Нѣтъ, весело, небось.

— Не серчай. Я, вѣдь, отъ сердца. Чай, и холодно?

— Тепло, что на печи.

— Сердитый ты.

— Станешь сердитымъ. По голосу—Большерукъ?

— Я.

— Умный парень, а глупости спрашиваешь. Артемій Андреевичъ приходилъ?

— Былъ. Его за сажень до твоей избы подпускать не приказано. Я и не подпустилъ.

— Дуракъ. Кто твой законный господинъ?

— Онъ.

— Такъ какъ-же ты ему перечешь? Пройдетъ годъ, онъ самаго Степана Ильича помеломъ погонитъ. Ты ухато не жалѣй, прислони его къ двери.

— Ну?—припадая къ мерзлому дереву, спросилъ сторожевой холопъ.

— Сходи ты теперь-же къ молодому боярину,—тихо

заговорилъ заключенникъ, — и проси его придти сюда. Мнѣ съ нимъ поговорить надоть безпремѣнно. А ты, дурень, неужли на сторону стараго тянешь?

— Я къ Артемью Андреевичу всей душой.

— То-то. Приставай къ намъ! Хуже тебѣ не будетъ, а лучше станетъ. Прошлую ночь ты-же сторожилъ?

— Я. Приказано мнѣ бояриномъ: „По ночамъ сторожить ослушника Мотькѣ Большеруку". У тебя, чай, руки-ноги отъ веревокъ затекли?

— Стану въ нихъ сидѣть! Ну, слетай за Артемьемъ Андреевичемъ. Да шума не надѣлай!..

— Живой рукой.

Толкнулся Большерукъ въ сѣни — заперты. Тогда онъ прошелъ въ подклѣть, переполненную спящими холопами, и изъ нея пробрался темными переходами къ господскимъ горницамъ.

Комнату Артемія Андреевича Матвѣй нашелъ безъ труда. Дверь ея была заперта изнутри. Онъ тихо постучалъ. Юноша, очевидно, еще не спалъ, потому что почти тотчасъ вслѣдъ за стукомъ послышался шепотъ и голосъ Симонова спросилъ:

— Кто тутъ?

— Я-съ, Мотька Большерукъ, — тихо отвѣтилъ холопъ. — Отъ Андрона къ тебѣ посланъ, просить, чтобы ты пришелъ. Ежели я тебя давеча не подпустилъ, такъ, вѣдь, боязно, прости! Наше дѣло подневольное.

— Подожди. Я сейчасъ.

Черезъ минуту Артемій вышелъ одѣтымъ, а еще черезъ минуту они уже стояли у избы, гдѣ былъ запертъ ключникъ.

— Андронъ!

— Ты, Артемій Андреевичъ? Хотѣлъ я тебѣ сказать вотъ что: уйди ты изъ этого дома. Не долго до грѣха— изведетъ тебя вотчимъ. Поди, гдѣ-нибудь у сосѣдей поживи малость, годикъ перебейся, а тамъ ты самъ хозяинъ. Не страшенъ тебѣ будетъ вотчимъ.

— А ты останешься?

— Мнѣ что! Я все вытерплю. Тебя жаль. Уйди, въ самомъ дѣлѣ, уйди!—сказалъ Андронъ.

— Безъ тебя не уйду. Ну, да я ужъ кое-что надумалъ. По сосѣдямъ мыкаться мнѣ не рука. Уходить, такъ уходить. Далеко уйду! Послѣ потолкуемъ. На

завтра будь готовъ. Пока что, ужъ потерпи, голубчикъ. Все устроится.

Артемій потрогалъ замокъ и задвижку двери и подумалъ: „Неважные, выломать можно!“— а потомъ сказалъ:

— Прощай, Андронъ. Свидимся — наговоримся. Теперь некогда... какъ-бы не хватились. А надо еще съ Мотькой потолковать.

— Со мной?—удивленно спросилъ Большерукъ.

— Да. Слушай! Что тебѣ любо такъ-то вотъ въ рабской долѣ жить, побои принимать и иное?..

— Любо не любо, а такъ ужъ на роду написано...

— Хочешь быть царскимъ служивымъ, а не боярскимъ холопомъ?

— Отчего не хотѣть?

— Ладно. Будемъ знать. Завтра, когда стемнѣетъ да всѣ угомонятся, отбей затворъ у антиповой избы. Потомъ осѣдлаешь съ нимъ трехъ коней да выведешь за огородъ.

— Тэ-экъ-съ. Это для кого-же?

— Для него, тебя и меня. Не забудь заранѣе пособрать, что надо въ дорогу, ну, и хлѣба тоже, и прочаго. Укатимъ мы.

— Куда-жъ мы поскачемъ?

— Далеко—въ Москву, къ самому царю. Такъ помни, что я сказывалъ. А теперь сторожи хорошенько! — молодой человѣкъ пошелъ къ дому и по пути крикнулъ: —только, смотри, языкъ за зубами держи.

— Ужъ какъ не держать! — проворчалъ Большерукъ,—эдакое дѣло.

* *
*

Матвѣй лежалъ въ подклѣти среди другихъ улегшихся на ночлегъ холопей Незамайкина и мурлыкалъ:

«Какъ во лѣсикѣ дремучѣ-нмъ,
Тутъ хо-о-дитъ красна дѣвица,
Кра-асна дѣвица, душа Ма-а-шенька»

— Полно тебѣ ныть-то! — раздраженно проворчалъ сосѣдъ Большерука, толкая его въ бокъ.

— Тебѣ хочется спать, такъ спи. И мнѣ, можетъ, спать охота, да какъ сторожить сейчасъ идти, такъ я сонъ разгуливаю. Не замай!— отвѣтилъ сосѣду Больше

рукъ и вновь замурлыкалъ высокимъ фальцетомъ свою пѣсню.

Въ подклѣть ввалился мужикъ — дневной сторожъ Андрона.

— Что-жъ меня смѣнять нейдешь? Я жду, а онъ пѣсни распѣваетъ,—заоралъ онъ на Матвѣя.—Ишь, чертъ!

— Не лайся! Придетъ время—пойду.

— Давно пора. Что я за тебя ночь стоять буду! Дудки!

Безъ дальнѣйшихъ разсужденій дневной сторожъ подостлалъ тулупъ и улегся.

Матвѣй полежалъ нѣкоторое время и поднялся.

— Вотъ наказанье!—ворчалъ онъ.—И скоро-ль съ этимъ Андрономъ Богъ развяжетъ?

— Скоро. Сегодня бояринъ кричалъ ему: „Завтра повеземъ тебя, душегуба, на расправу“.

— Посплю тогда, отведу душу. О-охъ! доля наша горемычная!

Онъ тепло одѣлся и вышелъ ворча.

Стояла морозная лунная ночь. Господскій домъ былъ теменъ, только изъ окна комнаты Симонова лился слабый свѣтъ.

„Не спитъ, сердешный!“—подумалъ Большерукъ и, подойдя къ мѣсту заточенія Андрона, тихо стукнулъ.

— Мотька?—спросилъ ключникъ.

— Я. Скоро, скоро, братъ!—тихо отвѣтилъ Матвѣй и зашагалъ по двору, потоптывая, похлопывая.

„Котомку-бы мою тамъ не растормошили али не украли,—тревожно думалъ онъ:—шутка сказать—въ Москву бѣжимъ! Э! была не была! Чего и тутъ-то ждать? А скривитъ завтра рожу Степанъ Ильичъ! устерожилъ я! Надежнаго стража выбралъ бояринъ! Такъ-то все это скоро обернулось! Такъ-то все это чудно! Третьева дня мнѣ сказалъ-бы кто этакое, что я—Мотька Большерукъ—въ бѣга ударюсь да еще среди зимы студеной, такъ я-бы того дуракомъ обозвалъ. Одначе, засыпали-бы наши черти скорѣе. Бѣжать такъ бѣжать, а то еще помѣшаютъ“.

Его разбирало нетерпѣніе. Онъ забѣжалъ въ подклѣть подъ предлогомъ взять краюху хлѣба, пожевать со скуки. Въ подклѣти стоялъ дружный храпъ.

— Пусть разоспятся еще малость, и тогда можно.

Черезъ нѣсколько времени Матвѣй снова сбѣгалъ въ подклѣть, прислушался, присмотрѣлся, вытащилъ свой скарбъ, заранѣе сложенный въ укромномъ мѣстѣ и состоящій изъ очень небольшой котомки, круга хлѣба, долото и молотокъ, сложилъ все въ одну груду извнѣ, снялъ шапку и перекрестился.

— Теперь примемся.

Онъ подошелъ къ мѣсту заключенія Андрона и сорвалъ затворъ.

Затворъ упалъ.

Дверь скрипнула, и огромная фигура каючника согнувшись выбралась на освѣщенный луной дворъ.

— Слава Тебѣ, Господи!

— Намъ, Андронъ,мѣшкатьнечего,—обратился къ нему Большерукъ.—Молодой бояринъ приказалъ вывести трехъ лошадей и за садомъ ждать. Живѣй пойдемъ.

— Постой. Всѣ трое бѣжать, что-ль, будемъ?

— А какъ-же! Въ Москву, къ самому царю

Андронъ хлопнулъ о полы.

— Н-ну! Надумалъ-же Артемій Андреевичъ! Поведемъ лошадей.

Осѣдлали коней, вывели.

— Ты вотъ что Мотька, сторожи коней, а я живой рукой!—сказалъ Андронъ.

— Почему не я?

— Оба вы молоды. Въ головѣ вѣтеръ. Въ этакій путь сбираетесь, а главное позабудете. Ножикъ-то припасъ?

— Ножикъ? Ахъ, ты! вѣдь, и не припасъ!

— То-то, дура! Сторожи коней!

И Андронъ направился къ боярскому дому.

— Слышь! иди прямо въ сѣни,—донесся до него сдержанный возгласъ Большерука.—Боярину обѣщалъ открыть, какъ всѣ спать улягутся.

— Ладно,—буркнулъ, не оборачиваясь, ключникъ и зашагалъ еще крупнѣе.

* * *

Затихъ господскій домъ. Старикъ-бояринъ угомонился въ своей опочивальнѣ. Артемій Андреевичъ приподнялся на постели, прислушался.

Тихо. Въ окно смотритъ лунная ночь.

Юноша одѣлся, вздулъ огня и при трепетномъ свѣтѣ огарка окинулъ свою коморку.

Защемило сердечко.

„Приходится все покидать. Книжекъ жаль. Онъ ихъ, чай, сожжетъ со злости... Охъ! что-то будетъ, что-то будетъ!“—подумалъ онъ.

Онъ сѣлъ къ столу и поникъ головой.

„Приходится бѣжать изъ своего дома. Матушка! родная моя! кабы встала ты изъ гроба да посмотрѣла, что творится, кровью-бы изошло твое сердце!“

Лицо матери, какъ живое, встало предъ Артеміемъ, доброе, измученное, съ кроткимъ взглядомъ, а рядомъ поднялось другое, блѣдное, злобное лицо отчима. Симонову казалось, что онъ слышитъ его шипящій голосъ: „Намъ двоимъ не житье. Прикончу тебя... Яда подсыплю, изъ-за куста застрѣлю, соннаго зарѣжу“...

Что-то загорѣлось въ груди юноши при этомъ воспоминаніи.

„Ладно! Пока еще твоя полоса, я уйду отъ грѣха. Но послѣ, послѣ смотри!—съ угрозой подумалъ онъ.—Теперь скоро. Надо тебѣ еще памятку оставить.“

Онъ досталъ чернила, отточенное перо и полоску бумаги. Скоро листокъ запестрѣлъ полууставными буквами.

Чуть скрипнула дверь. Выставилась косматая голова Андрона.

— Пора!

— А! это ты. Выбрался изъ заточенья? Я сейчасъ... Только пару словъ...

— Кони ужъ за садомъ,—шепталъ ключникъ.

— Хорошо...

Артемій Андреевичъ отбросилъ перо, поднялся и закрестился:

— Господи, помоги!

— Его святая воля. Гдѣ твой тулупчикъ? Мѣшкать нечего.

Молодой человѣкъ одѣлся, потушилъ свѣчу.

— Идемъ!

Тихо прошли они сѣни, выбрались на дворъ. У воротъ гулко храпѣлъ сторожъ. Затѣмъ они вступили въ садъ. Деревья недвижныя, заиндевѣвшія, стояли, какъ колонны; прихотливою сѣтью раскидывались бѣ-

лыя вѣтви, алмазныя искры сверкали на нихъ въ лучахъ луны. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами.

— Морозно,—промолвилъ ключникъ.

— Да, крѣпкій морозъ.

Въ душѣ Артемій Андреевичъ дивился на себя и на своего сопутника.

„Всю жизнь ломаемъ; можетъ, на погибель идемъ, а говоримъ такъ, словно погулять вышли да сейчасъ и домой повернемъ“...

За садомъ ждалъ Матвѣй. Онъ сидѣлъ верхомъ на лошади, а двухъ коней держалъ за поводъ.

Симоновъ легко вспрыгнулъ на сѣдло и спросилъ:

— Это что за ларецъ привязанъ?

— Это я кое-что изъ припасцевъ, — пробурчалъ ключникъ, грузно опустившись на сѣдло.

— Сейчасъ мы въ перерѣзъ поля и тамъ черезъ лѣсъ окольнымъ путемъ,—промолвилъ бояринъ.

Тронулись ходкою рысью.

— Стой!—приказалъ Артемій Андреевичъ, когда въѣхали на невысокій пригорокъ близъ лѣса.—Взглянемъ въ послѣдній разъ.—Онъ повернулся лицомъ къ усадьбѣ и прошепталъ:—прощай, кровъ родимый! Возвращусь-ли? Увижу-ли тебя когда-нибудь?

Тихимъ, мирнымъ пристанищемъ казалась озаренная луною усадьба, съ высокимъ господскимъ домомъ, съ разбросавшимися въ безпорядкѣ службами, съ побурѣлыми соломенными крышами, съ темнымъ пятномъ сада... А тамъ, за лѣсомъ—былъ невѣдомый, чуждый, шумный міръ.

Андронъ и Большерукъ были серьезны. Для нихъ, холоповъ - рабовъ, усадьба была только обширною тюрьмою, а міръ несъ свободу. Казалось-бы, о чемъ жалѣть? Но тоска щемила сердце: тутъ ихъ родина! и, что-бы ни сулила, что-бы ни дала чужая сторона, все нѣтъ-нѣтъ, да перелетитъ тоскливая дума сюда, къ этому полю, къ этому лѣсу, къ усадьбѣ, къ селу, что вотъ блеститъ крестомъ колокольни; сюда, гдѣ мать слышала ихъ первый крикъ, гдѣ мирно отдыхаютъ въ землѣ усталыя кости отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ...

— Ну, гайда!—крикнулъ Артемій Андреевичъ, круто повернулъ коня и въ карьеръ понесся къ лѣсу.

Холопы поскакали за нимъ.

— Когда ты успѣлъ ларецъ взять?—спросилъ наскаку Андрона Симоновъ.

— А какъ меня освободилъ Мотька, я въ домъ прошелъ и пошарилъ. Нельзя! оба вы—молодые парни, вѣтеръ въ головѣ, рады въ эдакій путь безъ всего тронуться. Ну, я и пособралъ, что надо...

— Я мушкетъ взялъ, пару пистолей, пороха да свинца,—возразилъ Симоновъ.—УМатвѣя кругъ хлѣба... Чего намъ еще?

— Какъ чего! А бѣльишка не надоть? А одеженки? Ну, не позаботься я, что-бы было? Я всего пособралъ, что надо... Даже иголки да нитокъ не забылъ, холста кусокъ сунулъ... Тутъ-же твой кафтанчикъ на бѣлкѣ... Водки взялъ, чтобы въ дорогѣ грѣться, и твою чарку сюда-же положилъ... Все пригодится. Боялся я, какъ-бы боярина со своими сборами не переполопить, но Богъ отнесъ. Вѣдь, въ самой спальнѣ Степана Ильича былъ!

— Зачѣмъ тебя туда понесло?

— Денегъ взять. Нешто безъ гроша въ путь пускаться? У тебя, чай, нѣтъ?

— Алтынъ десять есть.

— Далеко съ ними уѣдешь! Хорошо, что я взялъ. Не сразу нашелъ. Изъ-подъ подушки боярина кошель полнешенькій вытащилъ да живой рукой въ ларецъ.

— Да, вѣдь, это-жъ—его деньги!

— Его! У тебя-же накралъ.

— А все-таки я-бы...

— Э, господине!—перебилъ его ключникъ.—Я—тертый калачъ, знаю деньгамъ цѣну. Съ ними весь свѣтъ пройдешь, а безъ нихъ со двора не съѣдешь... Не о себѣ пекусь. Мнѣ что! я ужъ и жизнь больше, какъ наполовину, прожилъ. О тебѣ забота. Какъ сказалъ мнѣ Матвѣй, что ты въ Москву задумалъ ѣхать, я смекнулъ, что ты сгоряча налегкѣ отправишься, коли не позабочусь я. А путь дальній, трудный, пора студеная... Ну, вотъ...

Большерукъ, ѣхавшій нѣсколько позади, сравнялся съ ними и, хлопнувъ Андрона по плечу, воскликнулъ:

— Молодчина, Андронъ! Безъ тебя-бы мы и впрямь ничего не взяли-бы. А пуще всего мнѣ любо, что ты кошель изъ-подъ подушки у боярина вытащилъ.

— Говорю—не для себя... Помню я, какъ Серафима Петровна, помирая, говорила: „помру—береги, Андронъ, Артемія... Малъ онъ, несмышленочекъ, коли понадобится вѣрный человѣкъ—не оставь его". Побожился я ей предъ иконой... и вотъ те крестъ святой, съ тѣхъ поръ, какъ умерла боярыня, и ложился, и вставалъ я съ думой о тебѣ, Артемій Андреевичъ. Чуялъ я, что вотчимъ недоброе затаилъ. Сердце у меня трепыхалось. Слава Богу, что освободился ты отъ него.

— Освободился-ли? Еще нагнать можетъ!—произнесъ Артемій.

— Никто, какъ Господь. Сидючи взаперти, ломалъ я голову, какъ горю помочь, а какъ узналъ я, что хочешь ты въ Москву ѣхать, я понялъ, что Богъ тебѣ эту мысль вложилъ. Онъ-же и поможетъ.

— Здорово кони бѣгутъ, словно чуютъ, что надо до свѣта далече ускакать!—произнесъ молодой бояринъ.

— Пожалуй, даже и черезчуръ что-то прытко скачутъ,—замѣтилъ Матвѣй, косясь на чащу.

Ключникъ поднялъ голову и нахмурился.

— Сдается мнѣ, что кони волковъ слышатъ,—сказалъ бояринъ.

— Какъ и не слышать? Гляньте въ сторону, вонъ туда, въ просвѣтъ межъ деревьями, — проговорилъ Большерукъ.

Тамъ мелькали неслышно, какъ призраки, темныя небольшія фигуры. Порою среди кустовъ алчнымъ блескомъ свѣтились глаза.

— Да, да! Вонъ волки,—промолвилъ Симоновъ.

— Лютые они теперь страсть,—сказалъ Матвѣй.

— Да, плохо имъ на зубы попасться,—замѣтилъ бояринъ.

По мѣрѣ того, какъ путники углублялись въ лѣсъ, темные силуэты звѣрей мелькали все чаще.

Ѣхали молча. Всѣмъ было жутко въ мертвой лѣсной тишинѣ, подъ взглядомъ жадныхъ глазъ хищниковъ.

Матерый волкъ перебѣжалъ дорогу и сѣлъ съ края ея. Когда всадники поровнялись съ нимъ, онъ не шелохнулся и горящимъ взглядомъ смотрѣлъ на коней. Слышно было, какъ онъ щелкалъ зубами.

— Ишь, чертъ!—посмотрѣвъ на звѣря, съ сердцемъ промолвилъ Большерукъ.

— Не замай его!—замѣтилъ ключникъ.

— Чего замать? Онъ самъ тронетъ.

Но этотъ не тронулъ.

Дальше по дорогѣ встрѣтился и второй, и третій, и четвертый волкъ. Стали попадаться группами.

Коней не подгоняли: они сами бѣжали во всю прыть.

Андронъ все больше хмурился, Матвѣй бранился, Артемій Андреевичъ посвистывалъ.

— У-у!—раздалось въ глубинѣ лѣса.

— У-у!—отозвалось со всѣхъ сторонъ.

Точно сонмъ злыхъ духовъ перекликался по лѣсу. Число волчьихъ голосовъ возрастало и слышались они ближе. Группы въ два—пять волковъ попадались на каждомъ шагу.

— Хоть и злые звѣри, а насъ не тронутъ,—успокаивалъ сопутниковъ Андронъ,—побоятся. Они больше на тѣхъ, кто въ одиночку...

Едва успѣлъ онъ договорить, какъ сидѣвшій на краю пути волкъ сорвался съ мѣста и ринулся къ лошади Артемія Андреевича, мѣтя вцѣпиться ей въ горло. Конь всталъ на дыбы, увернулся отъ страшныхъ зубовъ. Волкъ попалъ подъ копыта и, полураздавленный, страшно завылъ.

Громкій яростный вой отвѣтилъ ему; гурьба волковъ вынеслась на дорогу, растерзала его и, раздраженная запахомъ и вкусомъ свѣжей крови, кинулась за лошадями.

— Спаси насъ, Господи! — прошепталъ, крестясь, Андронъ.

Началась бѣшеная скачка.

Симоновъ далъ спутникамъ по пистолету, а самъ стрѣлялъ изъ мушкета. Стрѣляли и они. Но цѣлить на скаку было невозможно. Рѣдкая пуля попадала. Заряжать оружіе—оружіе тѣхъ временъ, когда пулю загоняли въ дуло ударами молотка по шомполу—было трудно и стоило много времени. Выстрѣлы не были часты и мало пугали обезумѣвшихъ звѣрей. Когда шальная пуля попадала и волкъ падалъ убитымъ или раненымъ, его голодные товарищи мигомъ растерзывали его и вновь неслись въ погоню, скаля окровавленныя морды.

Съ коней клоками падало мыло. А пустынная дорога вилась, вилась, попрежнему сливаясь съ дали

III.

Степанъ Ильичъ проснулся, когда въ окно уже брезжилъ поздній разсвѣтъ зимняго утра. Онъ зѣвнулъ, потянулся и почувствовалъ, что на душѣ смутно.

— Съ чего? Сегодня увеземъ Андрона къ воеводѣ— попляшетъ холопишка на дыбѣ! на своего господина руку поднялъ, убить хотѣлъ: вѣдь, не ему-жъ повѣрятъ, а мнѣ, тамъ онъ болтай, что хочетъ... Отдѣлаюсь отъ одного злодѣя, примусь за Артемья. Ужъ изведу! Быть вотчинкѣ моею!.. Ничего такого нѣтъ, съ чего-бы кручиниться, а на сердцѣ тоска. Али совѣсть это бродитъ? Совѣсть! Совѣсть—глупость одна, съ совѣстью не проживешь. Помирать буду—покаюсь, на поминъ души дамъ, а пока что... Нѣтъ, тутъ что-то иное... Можетъ, просто недужится? И спалъ неспокойно, грезилась эдакая чушь... Да чего я раздумываю! да это сонъ тоску навѣялъ... Глупый сонъ!

И бояринъ вспомнилъ свое сновидѣніе, тяжелое, кошмарное. Грезилось, будто кто-то шаритъ по его опочивальнѣ, мелькало насмѣшливо улыбающееся лицо пасынка, чья-то рука будто-бы тянула изъ-подъ подушки кошель, а деньги такъ и звенятъ, и звенятъ...

„Пригрезится-же иной разъ такое несуразное!—подумалъ онъ.—А все оттого, что каши больно наѣлся на ночь, опять-же пирога съ рыбой... Вставать, что-ли? Кажись, время“...

Онъ повернулся. Рука случайно попала подъ подушку и инстинктивно, по привычкѣ, пошарила кошеля. Его не оказывалось. Бояринъ вскочилъ, какъ ужаленный. Холодный потъ выступилъ на его лбу.

„Что-же это?! Украли?!—подумалъ онъ и замѣтилъ, что кое-что въ комнатѣ перерыто, кое-что сдвинуто съ мѣста,—а затѣмъ снова сталъ искать кошель.—Были воры! Обокрали! обокрали! все унесли, что накопилъ!“

Онъ упалъ лицомъ въ подушку, грызъ ее, рыдалъ и рвалъ волосы.

— Кто воръ? На днѣ морскомъ найду! Убью! Измучу!—забормоталъ онъ, вскочивъ и бѣгая со сжатыми кулаками по спальнѣ,—кожу съ живого сдеру, огнемъ его спалю! Проклятый! Про-о-клятый!

Онъ скрежеталъ зубами отъ злости, а затѣмъ, какъ былъ въ бѣльѣ, метнулся въ дверь и заоралъ:

— Эй! люди! черти! сюда!

Прибѣжали челядинцы.

— Хамы! такъ-то смотрите, стережите! Обокрали! Ограбили! Гдѣ? Кто? Зап-по-рю!

Окольничій бранился, дрался. Холопы не успѣвали возражать. Наконецъ, онъ опустился въ изнеможеніи на скамью.

Кузьма, плюгавый старичишка, боярскій приспѣшникъ, врагъ Андрона и его замѣститель въ качествѣ ключника, бухнулъ въ ноги господину.

— Дозволь слово молвить, милостивецъ! Такое стряслось... Охъ!—причиталъ онъ.—Не иначе, какъ колдовствомъ глаза отвели... Избу сломали, коней выводили—никто не слыхалъ... О-охъ! горе горькое!

— Что?!—встрепенулся бояринъ.—Какую избу? Какихъ коней?

— Андронъ убѣгъ, батюшка бояринъ!—объяснилъ Кузьма.—Замокъ сломанъ... Трехъ коней нѣтъ... Большерукъ Матюшка пропалъ... и... и,—ужъ какъ и сказать не знаю!—не видать и Артемья Андреича.

— Такъ вотъ что! Такъ вотъ что! Это онъ, онъ! Не кто иной... А, можетъ, онъ спитъ?..

— Комнатка пуста. Вещи поразбросаны. На столикѣ грамотка!—произнесъ Кузьма.

Степанъ Ильичъ сорвался съ мѣста и чуть не бѣгомъ пустился въ каморку пасынка. Тамъ царилъ безпорядокъ; по срединѣ стола лежала записка. Незамайкинъ такъ и впился въ нее глазами.

„Отчиму Степану Ильичу отъ пасынка,—стояло въ запискѣ.—Ушелъ я изъ родного дома, чтобы грѣха не было. Искать меня не ищи—все равно не найдешь. Самъ я приду, когда время наступитъ, и тогда будетъ у насъ съ тобой знатный расчетъ. А пока что—здравъ будь да помятуй, что, хоть въ землю свой грѣхъ зарой, будетъ мзда за него на небесахъ, и отвѣтъ за все придется дать Господу“.

Первою мыслью Степана Ильича было, во что-бы то ни стало, догнать пасынка. Мало того, что Симоновъ ушелъ изъ его рукъ, вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ Андронъ, свидѣтель покушенія Незамайкина на жизнь юноши. Кромѣ того, съ ними, съ бѣглецами, находились „кровныя“ деньги его, Степана Ильича.

— Сѣдлай коней!—приказалъ окольничій.—Всѣ въ погоню за ворами!

Разсмотрѣли, куда ведутъ слѣды: отпечатки конскихъ ногъ шли въ перерѣзъ поля и сворачивали въ лѣсъ, на тропку.

— Сюда поѣхали, не иначе... Гайда, въ погоню за ворами!—сказалъ Незамайкинъ.

Ватага изъ добраго десятка вооруженныхъ кто чѣмъ холоповъ на лучшихъ коняхъ помчалась, во главѣ съ самымъ господиномъ, по той дорогѣ, по которой ночью проѣхали бѣглецы.

Злоба Степана Ильича не только не остывала, но все возрастала и принимала колоссальные размѣры. Было морозно, но окольничій не чувствовалъ стужи, кровь клокотала, била въ виски. Его лицо багровѣло, бѣлки глазъ покраснѣли.

— Живѣй, черти!—хрипѣлъ онъ,—хлещи коней!—и гналъ своего такъ, что конь чуть не стлался по землѣ.

Попадались волки и испуганно порскали въ чащу, испуганные многолюдствомъ и шумомъ.

Скакали уже нѣсколько часовъ. Степанъ Ильичъ не спускалъ взгляда съ дороги, наблюдая слѣды.

— Здѣсь, здѣсь ѣхали! — ворчалъ онъ.—Охъ, догнать-бы! только-бы догнать! Тогда...—и онъ замиралъ отъ кровожаднаго желанія мучить своихъ враговъ.

Одинъ изъ всадниковъ вдругъ круто осадилъ лошадь, спрыгнулъ съ сѣдла и что-то поднялъ.

Это былъ гребень.

Когда челядинецъ принесъ его своему господину, Незамайкинъ узналъ гребень пасынка.

— Ага! стало быть, вѣрно ѣдемъ!—сказалъ онъ и еще пуще пустилъ коня.

Къ слѣдамъ коней стали постепенно примѣшиваться слѣды волковъ, сперва рѣдкіе, потомъ болѣе многочисленные. Это не укрылось отъ вниманія Незамайкина.

„Ужъ не волки-ль за ними гнались? Кабы попались они звѣрью на зубы!“—подумалъ онъ, сообразивъ, что волки могутъ съѣсть и людей, и коней, но денегъ не съѣдятъ и онъ найдетъ нетронутымъ свой кошель.

Въ одномъ мѣстѣ на снѣгу выдѣлилось небольшое

кровавое пятно; тутъ-же валялись нѣсколько начисто обглоданныхъ костей и клочья волчьей шерсти.

„Это волки своего заѣли. Не иначе, какъ былъ раненъ. На кровь кинулось звѣрье“,—соображалъ окольничій.

Послѣ этого мѣста волчьи слѣды сплошь покрывали всю дорогу.

— Ага-га-га! Гнались, гнались!

Кровяныя пятна и брызги стали попадаться очень часто. Подлѣ одного изъ нихъ Степанъ Ильичъ замѣтилъ обгорѣлый пыжъ.

— Палили, черти!

Среди бѣшеной скачки конь Незамайкина, попрежнему скакавшаго впереди всѣхъ, вдругъ всталъ на дыбы и остановился такъ круто, что окольничій едва не выпалъ изъ сѣдла. Испугъ лошади вызвало громадное, перерѣзавшее поперекъ всю дорогу, кровавое пятно. Снѣгъ былъ сильно истоптанъ, вѣтви ближнихъ кустовъ поломаны. Несомнѣнно, здѣсь происходила борьба между волками и кѣмъ-то, павшимъ ихъ жертвой. Всадники остановились.

— Лошадь волки здѣсь зарѣзали, — проговорилъ одинъ изъ холоповъ.

Дѣйствительно, на окровавленномъ снѣгу лежалъ остовъ конской головы, валялись крупныя кости.

— Можетъ, и человѣка сгрызли? Можетъ, тутъ оброненo что? Надо пошарить,—рѣшилъ старикъ-боярин и, спрыгнувъ съ сѣдла, тщательно осмотрѣлъ мѣсто волчьей пирушки.

Онъ жаднымъ взглядомъ впивался въ каждую кость, разглядывая, не человѣчья-ли, зорко смотрѣлъ, не валяется-ли гдѣ завѣтный кошель. Однако, ни людскихъ костей, ни кошеля не находилось.

„Только коня съѣли, только коня. Ахъ, жаль! А они что? Неужели спаслись, ускакали?—думалъ Незамайкинъ и готовъ былъ на себѣ волосы рвать съ досады. — Найти мертвыми либо живыми. Догнать! Вѣдь, должны-же были ихъ кони притомиться“,—размышлялъ онъ.

Онъ вскочилъ на коня и поскакалъ, крича:

— За мной!

Скачка возобновилась.

Съ окольничимъ дѣлалось что-то странное. Онъ, повидимому, хотѣлъ загнать своего коня, до того хлесталъ его. Холопы старались не отставать отъ господина, насколько позволяла прыть ихъ лошадей, но Степанъ Ильичъ осыпалъ ихъ ругательствами за то, что они будто-бы медленно скачутъ.

Несмотря на морозъ, онъ разстегнулъ, вѣрнѣе разорвалъ, воротъ кафтана, и все-же ему было жарко. Онъ тяжело дышалъ, и лицо багровѣло.

Дорога круто повернула, стала шире; лѣсъ мельчалъ. Незамайкинъ зналъ, что путь идетъ къ концу; еще немного — и дорога должна выбѣжать въ поле, за которымъ ютятся деревенька и усадьба.

„Заѣду въ усадьбу... Разспрошу мужиковъ, — рѣшилъ онъ.—Не иначе, гдѣ-нибудь здѣсь укрылись... Я ихъ найду, найду!“

За лѣсомъ конскіе слѣды потянулись напрямикъ къ усадьбѣ.

„Ага! Тамъ! Они тамъ укрылись!“—радостно подумалъ окольничій, и, привставъ на стременахъ, замолотилъ ногайкой по бокамъ коня.

— Живѣй! За мной, черти! Не отставать!..—крикнулъ онъ, оборачиваясь къ холопамъ:—я васъ! Зап-пор-рю!

Но вдругъ, неестественно взмахнувъ въ воздухѣ руками, онъ тяжело упалъ на сѣдло, и его тѣло стало медленно клониться на бокъ. Поводья повисли. Конь забился, сталъ на дыбы. Степанъ Ильичъ висѣлъ внизъ головой, запутавшись въ стременахъ.

Удивленные челядинцы кинулись къ нему на помощь. Ихъ господинъ лежалъ недвижный, одеревенѣлый; его лицо было сине, глаза затекли кровью. Изъ его устъ вырывались хриплое дыханіе и несвязные звуки.

— Съ бояриномъ не ладно. Надо везти его домой, не дальше-же съ нимъ ѣхать. Эдакъ и помретъ по дорогѣ.

Рѣшили повернуть обратно. Окольничій что-то свирѣпо мычалъ, но никто не могъ понять, чего онъ хочетъ, и всѣ спѣшили къ дому. А непонятое никѣмъ желаніе Незамайкина было ѣхать въ виднѣвшуюся вдали усадьбу, въ которой, какъ онъ думалъ, укры-

лись бѣглецы. Его желанію не суждено было исполниться, а, между тѣмъ, онъ сообразилъ вѣрно: дѣйствительно, бѣглецы находились въ усадьбѣ.

IV.

Говорятъ, что смерть—зло. Это не совсѣмъ вѣрно. Смерть—и зло, и благо. На смерти зиждется жизнь. Каждымъ вздохомъ своимъ мы убиваемъ милліарды микроскопическихъ живыхъ существъ; каждый кусокъ, которымъ мы подкрѣпляемъ свои силы, данъ намъ смертью животнаго или растенія; наша обувь, а частью и одежда,—результаты смерти „низшихъ организмовъ“. Смѣло можно сказать, что мы живемъ смертью. Смерть—благо, но благо для человѣчества въ цѣломъ; для отдѣльныхъ же людей она—страшное, неотвратимое зло.

Семь лѣтъ, семь долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Анфиса Петровна Леонтьева лишилась мужа, а она все оставалась неутѣшной. Не было дня, чтобы его имя не сорвалось съ ея губъ, и часто ея взглядъ съ укоризненнымъ вопросомъ обращался къ небу:

— Боже мой! зачѣмъ Ты отнялъ его у меня?

Еще не минуло перваго года со дня ихъ свадьбы, когда разразилось страшное несчастіе. Молодой, сильный мужъ Анфисы Петровны любилъ дикихъ, горячихъ коней. Онъ былъ ловкій наѣздникъ, но однажды сплошалъ: конь сбросилъ его. Онъ упалъ на камень и переломилъ спинной хребетъ. Его страданія были невыносимы, и смерть явилась благодѣяніемъ для него. Молодая вдова не помнила себя отъ горя. Ей казалось, что больше незачѣмъ жить, что жизнь разбита. Она затворилась въ своемъ домѣ, какъ въ монастырѣ, жила отшельницей. Къ ней наѣзжали сосѣди, она приказывала ключницѣ угощать ихъ, но къ нимъ не выходила, яко-бы „по нездоровью“. Поѣздили да и перестали. Она радовалась этому, и всецѣло отдалась своей печали, молитвѣ и уединенію. Крѣпостные называли ее „наша святая боярынька“, чуть не молились на нее. Она облагодѣтельствовала своихъ крестьянъ. Но ея благотворительность, какъ и уединеніе, сосѣди-помѣщики ставили ей въ вину.

— Что такое, въ самомъ дѣлѣ, корчитъ изъ себя. Фря заморская!—говаривали о ней на бесѣдахъ.

— Тронувшись она, вотъ что. Ее на цѣпь надо-бы.

Однако, толки сосѣдей не заботили Анфисы Петровны, и она продолжала вести прежнюю жизнь. Только въ послѣднее время все чаще стала шевелиться мысль:

„Не уйти-ли совсѣмъ отъ міра, гдѣ скорбь и тлѣнъ? Затвориться въ тихую дальнюю обитель?“

Но что-то заставляло Анфису Петровну медлить привести это въ исполненіе. Быть можетъ, еще шевелилась слабая надежда, что еще мелькнетъ ей лучъ счастья? Чего-то просило ея сердце. Чего?—она сама не могла понять. Но это „что-то“ придавало поэтическій оттѣнокъ ея скорби.

Анфиса Петровна была еще очень молода. Когда она выходила замужъ, ей было всего четырнадцать лѣтъ; ко времени нашего повѣствованія — двадцать одинъ годъ. Она была красива. Пожелай она снова выдти замужъ, отъ жениховъ не было-бы отбоя. Но она не хотѣла и думать объ этомъ. Однако, ея молодое тѣло было полно здоровья и силъ, и кровь жарко вращалась въ немъ. Ни посты, ни молитвы, ни проведенныя безъ сна ночи не могли заставить медленнѣе биться сердце, отогнать тѣ грезы, которыя посѣщали боярыню. Часто, очень часто она видѣла во снѣ своего мужа, осыпала его поцѣлуями и ласками. Просыпалась она трепещущая и въ страхѣ кидалась къ иконѣ съ мольбою:

— Отгони, Господи, навожденье лукаваго!

Сама глубина скорби Анфисы Петровны доказывала, что въ ея грудь вложены сильныя страсти: ея печаль была та-же любовь, но любовь къ мертвецу. Рано или поздно, эта любовь и могла, и должна была замѣниться живою любовью. Быть можетъ, даже, чтобы раздуть пожаръ, достаточно было маленькой искры.

Однажды, поутру, ключница доложила Анфисѣ Петровнѣ:

— Матушка-боярынька, ночью къ намъ постояльцы наѣхали.

Боярыня вспомнила, что среди ночной тишины она слышала какой-то шумъ.

— Да?—спросила она.—То-то говоръ былъ слышенъ. Кто такіе?

— Одинъ изъ господъ, а двое—его людишки. Не

хотѣли пускать, да нельзя: отъ волковъ, сказываютъ, спасались. У одного рана страшенная, и трое на двухъ коняхъ пріѣхали.

— Вотъ какъ. Ну, что-же, пусть поживутъ! Боярина въ домѣ устрой, людей его—съ челядью.

— Такъ я и сдѣлала. Одного холопа онъ отпустилъ отъ себя: „Устройте, говоритъ, какъ удобнѣй“, а другого, раненаго, то есть, не пускаетъ: „гдѣ онъ,—говоритъ,—тамъ и я... Онъ нашу жизнь спасъ, да такъ бросить! какъ можно!“. Пришлось ихъ двоихъ въ дому помѣстить.

— И хорошо сдѣлала. Давать все постояльцамъ, какъ мнѣ. Не обижать ни въ чемъ. У насъ, чай, хватитъ.

Прошло нѣсколько дней. Постояльцы ничѣмъ не напоминали о себѣ. Хозяйка почти забыла о присутствіи въ ея усадьбѣ чужихъ людей и только изрѣдка спрашивала ключницу:

— Ну, что наши гости?

— Старикъ все недужится.

— Богъ дастъ, оправится. Пусть себѣ живутъ.

Быть можетъ, молодой вдовѣ такъ и не удалось-бы познакомиться со своимъ гостемъ-бояриномъ, если-бы этому не помогъ случай.

* * *

Въ усадьбѣ все спало. Только въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ больной постоялецъ, свѣтился огонь: это Артемій Андреевичъ всталъ и, затепливъ свѣчу, подошелъ къ постели больного Андрона. Молодого человѣка пробудилъ стонъ старика. Симоновъ съ безпокойствомъ вглядывался въ осунувшееся и пожелтѣвшее лицо своего вѣрнаго холопа. Андронъ былъ въ забытьѣ и стоналъ, сквозь сонъ. Свѣтъ пробудилъ его. Онъ не сразу узналъ своего господина и, приподнявъ голову, испуганно спросилъ:

— Что такое? Тебѣ что?

— Не узналъ, Андронушка?

— Ты, касатикъ? Спросонья сразу не узналъ... Что-жь не спишь?

— Ты стоналъ что-то. Очень нога болитъ?

— Стоналъ? Нога не болитъ, такъ маленько!—отвѣтилъ Андронъ и при этомъ поморщился отъ боли.—Ты,

родной, лягъ! Экій я оглашенный, тебѣ покоя не даю. Померещилось что-то во снѣ, я и завылъ. Я всегда во снѣ этакій неспокойный... Ты лягъ, лягъ, себя-то пожалѣй. Экій я дуракъ, прости Господи!

— Полно себя ругать, — съ улыбкой проговорилъ Артемій Андреевичъ. — Лягу, лягу. И ты спи съ Богомъ.

Онъ потушилъ свѣчу и легъ, но не спалъ. Нѣкоторое время длилась тишина. Потомъ больной, очевидно, заснувъ, снова началъ стонать.

Молодой человѣкъ вглядывался сквозь темноту въ ту сторону, гдѣ находился больной, и его сердце переполнялось любовью и жалостью къ холопу.

„Бѣдный! Милый!—думалъ онъ.—Радъ-бы я помочь тебѣ да какъ поможешь? Али завтра знахаря позвать? Пока сыщешь, да и гдѣ искать? Кабы мы ужъ въ Москвѣ были, нѣмца-лекаря позвалъ-бы, всѣ-бы деньги отдалъ, только вылечи его... Чего-бъ не сдѣлалъ для Андронушки! Не онъ—такъ лежать-бы теперь въ лѣсу... Какое! пожалуй, и костей не оставило-бы звѣрье... Себя чуть не погубилъ, а насъ спасъ!“

Юношѣ вспомнилась ужасная ночь: пустынный лѣсъ; впереди безконечная лента бѣлоснѣжной дороги; позади—темная, страшная масса голодныхъ, обезумѣвшихъ волковъ. Вздрогнулъ Симоновъ.

„Брр! Не онъ—пропали-бы мы... Къ этому шло!“

Дѣло было такъ: несмотря на выстрѣлы, уносившіе жертвы, хотя и рѣдкія, изъ стаи хищниковъ, волки не оставляли преслѣдованія, и число ихъ возрастало. Кони выбивались изъ силъ. Несмотря на понуканья, несмотря на страхъ предъ волками, они бѣжали все тише. Наступалъ критическій моментъ. Большерукъ дрожащимъ шепотомъ читалъ молитвы, Артемій Андреевичъ, блѣдный, смотрѣлъ въ даль, стиснувъ зубы. На лицѣ Андрона выражалось отчаяніе.

„Я—всему вина,—проносилось у него въ головѣ.—Я, старый чертъ, юношу младого загубилъ. Не зналъ я нешто, что волковъ нынѣ страсть много, что по лѣсу и днемъ съ опаской надо ѣхать, а ночью такъ прямо на смерть... Зналъ, зналъ дурень я косматый! И гдѣ голова была? Одурѣлъ? Радъ, что на волю вырвался, такъ и голову потерялъ? Злодѣй я проклятый!“

Онъ готовъ былъ прибить себя.

Его лошадь стала „приставать“ больше другихъ. Это навело его на мысль.

— Братцы!—крикнулъ онъ,—отъ волковъ такъ не отдѣлаться. Еще немного—и насъ съѣдятъ. Отдадимъ лучше имъ коня на растерзанье. Мой хуже всѣхъ, ему и погибать. Выручите меня—спасибо, нѣтъ—помолитесь за грѣшную душу...

Съ этими словами Андронъ вложилъ дуло „пистоли“ въ ухо коню и выстрѣлилъ. Конь грохнулъ на снѣгъ. Гурьба волковъ наскочила, и темною кучей слилась надъ павшей лошадью. Андронъ стоялъ среди звѣрей и отбивался ножомъ.

Артемій Андреевичъ повернулъ упиравшагося коня и помчался на выручку.

— Андронъ! Что ты сдѣлалъ? Садись на лошадь позади меня! — кричалъ онъ, подскакивая къ кучѣ волковъ.

— Спасибо! — прохрипѣлъ холопъ, подвигаясь къ нему и продолжая отбиваться.

Подъѣхалъ и Большерукъ, но держался поодаль отъ волковъ и подбодрялъ Андрона криками.

Андронъ уже добрался до коня Симонова, схватился рукой, готовясь вспрыгнуть, когда матерый волкъ вцѣпился ему въ ногу. Андронъ стряхнулъ звѣря, вскочилъ на коня. Поскакали въ дальнѣйшій путь. Занятые надъ лошадью волки оставили преслѣдованіе; два-три погнались, но вернулись.

Такъ бѣглецы добрались до усадьбы Анфисы Петровны Леонтьевой. Здѣсь осмотрѣли рану Андрона: нога была прокушена до кости. Намѣревались отдохнуть сутки и отправиться дальше, но рана холопа разболѣлась, и онъ слегъ. Пришлось загоститься въ усадьбѣ.

„Да, его храбростью да умомъ спаслись, — продолжалъ думать Артемій Андреевичъ. — Не холопъ онъ мнѣ, а другъ. Жаль его, что души. Слава Богу еще, что попали къ добрымъ людямъ: тутъ ему и тепло, и покой. Спасибо хозяйкѣ за доброту ея“.

Невольно мысль Симонова перенеслась къ личности владѣлицы усадьбы. Онъ еще прежде слышалъ о „боярынѣ, которая свихнувшись“. Его отчимъ, по крайней мѣрѣ, никогда иначе не отзывался о ней.

– Полудурья! Ее выпороть-бы али-бы за косы,—говаривалъ Степанъ Ильичъ. — Подумаешь, святая: людишекъ своихъ пирогами кормитъ!

„Неужели она и впрямь того, умомъ тронувшись?—размышлялъ Симоновъ, вспоминая слова отчима.—Все можетъ быть. А только добра она несказанно. Ежели-бы всѣ тронувшіеся были такими, такъ, пожалуй, лучше было-бы, если-бъ всѣ люди свихнулись: зло на свѣтѣ перевелось-бы. Говорятъ молодая она и красавица. Жаль, что повидаться съ нею не приходится: ея словно и въ домѣ нѣтъ“.

Андронъ протяжно застоналъ.

„Ишь, мучается, бѣдняга. Нѣтъ, лучше вздуть огонька да посидѣть,—рѣшилъ Симоновъ:—и не спится, да и ему, можетъ, испить захочется, а, вѣдь, онъ не спроситъ: подумаетъ—сплю, не станетъ тревожить“.

Онъ всталъ, чтобы взять свѣчку, и случайно глянулъ на стѣну: на ней лежала розовая полоса свѣта.

„Что-бы это такое?“—подумалъ онъ съ удивленіемъ.

Онъ посмотрѣлъ въ противоположное стѣнѣ окно и ахнулъ: на одномъ изъ строеній, въ которомъ ютились семейные челядинцы, пылала крыша.

Усадьба была тиха, дворъ безлюденъ. Все спало.

Артемій Андреевичъ поспѣшно одѣлся, побѣжалъ къ пожару и скоро по двору пронесся его звучный возгласъ:

— Э-гей! Пожаръ! Э-гей! Проснись! Го-о-римъ!

Потомъ Симоновъ бросился въ горящій домъ будить спящихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все въ усадьбѣ пришло въ движеніе. Дворъ наполнился кричащимъ, смятеннымъ народомъ. Кто спасалъ скорбъ, кто стоялъ съ растерянным видомъ, сложа руки и что-то бормоча; нѣсколько человѣкъ обносили вокругъ двора образъ Неопалимой Купины; кто-то предлагалъ перекинуть черезъ горящій домъ яйцо: „безпремѣнно тогда, значитъ, пожаръ потухнетъ“...

Среди этой сумятицы огонь дѣлалъ свое: строеніе уже все было охвачено огнемъ, пожаръ угрожалъ сосѣднимъ постройкамъ, на соломенныя крыши которыхъ сыпался дождь искръ.

„Все однимъ костромъ станетъ,—въ смятеніи думалъ

Артемій Андреевичъ: — всѣ головы потеряли, стоятъ, сложа руки".

И вдругъ онъ крикнулъ:

— Чего глядите! Гдѣ ведра, ушаты? Тащи сюда! Рукъ жалѣете, что-ли? Гдѣ близко вода?

— Сейчасъ тутъ прудъ въ саду, — отвѣтилъ кто-то.

— Ну, живѣй! пошевеливайся! Чего глядишь? Тащи ведро! — накинулся бояринъ на перваго подвернувшагося ему мужика.—И вы тоже. Живо, такіе-сякіе! Или всему горѣть?

Его голосъ прокатился по притихшей толпѣ и произвелъ магическое дѣйствіе. Откуда-то явились ведра, ушаты; притащили топоры, ломы.

— Цѣпью стать отъ пруда къ пожару, — приказалъ Симоновъ. — Передавай ведра, да не зѣвай!

Ведра пошли по рукамъ. Наполненныя водой они быстро достигали пожара и, опорожненныя, тѣмъ-же путемъ возвращались къ пруду.

Артемій Андреевичъ съ Матвѣемъ влѣзъ на крышу ближайшаго къ горѣвшему дому строенія и, среди дождя искръ, поливалъ водою крышу, уже начинавшую дымиться.

Отъ этой работы оторвалъ его дикій, нечеловѣческій вопль, покрывшій и шумъ пожарища, и говоръ толпы:

— Анютка! Анютка тамъ... горитъ! Ой, лишечко!

На дворѣ въ рукахъ двухъ дюжихъ мужиковъ билась баба, простоволосая, съ искаженнымъ лицомъ.

— Ой, пустите! пустите! — кричала она. — Анютка тамъ! дочка моя! О-охъ!

— Поливай! — приказалъ Большеруку Симоновъ, а самъ, спустившись къ бабѣ, крикнулъ ей: — гдѣ твоя Анютка?

— Тамотка!.. О-охъ! вишь окошко. Въ люлечкѣ она... Ой, пустите! Дѣвунька моя!

Мужъ вопившей бабы, молодой малый, почти мальчикъ, стоялъ рядомъ, блѣдный, растерянный и смаргивалъ слезы.

Что-то дрогнуло въ сердцѣ Артемія Андреевича отъ материнскаго вопля. Онъ снялъ свой кафтанъ, обмакнулъ его въ ушатъ съ водой, закрылъ имъ голову и часть лица и быстро вошелъ въ объятыя огнемъ сѣни.

— Куда ты? Сгоришь! Аль не въ умѣ!—кричали ему.

Но Симоновъ не слушалъ и вскорѣ скрылся въ дыму и пламени.

Толпа притихла. Всѣ взоры были устремлены на сѣни, казавшіяся пастью раскаленной печки. Гробовая тишина нарушалась только шумомъ пожарища.

Прошло нѣсколько томительно-долгихъ минутъ.

— Погибъ малый! — промолвилъ кто-то вполголоса.

„Сгорѣлъ, сгорѣлъ!“—тревожно думали всѣ.

И вдругъ единодушный и радостный крикъ потрясъ толпу: на фонѣ пламени вырисовалась статная фигура Артемія Андреевича. Его одежда дымилась; полой кафтана онъ прикрывалъ Анютку.

— Вотъ твоя дочка. Она дыма наглоталась, такъ малость обмерла, но это ничего, сейчасъ очнется,— сказалъ онъ, подойдя къ не помнившей себя отъ счастья матери ребенка.

Молодого человѣка окружила ликующая толпа.

— Ангелъ! Зачтется на небѣ. Истинно святой!

Симоновъ смущенно слушалъ эти похвалы.

— Полноте! Что вы?—бормоталъ онъ.

Анюткина мать, плача радостными слезами, покрывала поцѣлуями его руки, отецъ Анютки стоялъ безъ шапки на колѣнахъ и кланялся, обнимая его ноги.

— Да оставьте! Да зачѣмъ-же?—бормоталъ, все больше смущаясь, Артемій Андреевичъ.

— Благодарю! — раздался за его спиной звучный женскій голосъ.—Спасибо тебѣ великое! Богъ наградитъ!

Симоновъ оглянулся. На него съ восхищеніемъ смотрѣли полныя слезъ, глубокія черныя очи молодой, красивой женщины.

— Истинно Богъ наградитъ, боярынька!—подхватила мать спасенной.

„Такъ вотъ она, боярыня-то,—подумалъ Симоновъ.—Ай, да и красива-жъ!“—и вдругъ отвернулся, вспыхнувъ и бормоча:

— Спасибствовать за что-же?.. И всякъ-бы сдѣлалъ. Однако, за работу надо...

Симоновъ поспѣшно отошелъ, а черезъ минуту уже снова стоялъ на крышѣ отстаиваемаго строенія съ ведеркомъ въ рукѣ.

Но работа менѣе спорилась, чѣмъ раньше: ему казалось, что изъ толпы слѣдятъ за нимъ смутившія его

прекрасныя очи. И они, эти очи, дѣйствительно, были устремлены на него.

Къ утру пожаръ прекратился. Усилія Артемія Андреевича увѣнчались успѣхомъ: сосѣднія строенія удалось отстоять. Утомленный многочасовой работой и пережитыми волненіями, молодой человѣкъ едва держался на ногахъ отъ усталости. Онъ прошелъ къ себѣ, перекинулся нѣсколькими словами съ Андрономъ, бросился на постель и заснулъ, какъ убитый. Проснулся онъ около полудня и не мало былъ удивленъ, когда Андронъ передалъ ему, что отъ хозяйки недавно приходилъ челядинецъ, сказавшій, что боярыня „милости проситъ боярина откушать къ ней обѣда“.

V.

Впервые со дня смерти мужа Анфиса Петровна рѣшилась скинуть темное „смирное“ (траурное) платье.

Старуха-прислужница, выростившая боярыню на своихъ рукахъ, крестилась, доставая голубой съ серебряными узорами сарафанъ изъ „байберека“, въ теченіе многихъ лѣтъ не появлявшійся изъ сундука на свѣтъ Божій.

— Господи благослови!—шептала она, и ея руки дрожали. — Можетъ, оправится боярынька сердешная отъ темной тоски.

Леонтьева волновалась.

„Коля! Колечка!—мысленно обращалась она къ мужу.—Можетъ, гнѣваешься ты на меня? Аль не мѣнять смирнаго платья? Аль уйти отъ мірскихъ соблазновъ?“

Она въ глубокомъ раздумьѣ сжала руками голову. Скорбная, тихая жизнь, день, какъ другой—долгій, безрадостный, ночи тягучія, безсонныя... И такъ до гроба... Молодая женщина вздрогнула. Точно холодомъ смерти обдало ея сердце. Тьма, мракъ неисходный.

И вдругъ точно живительный лучъ прорѣзалъ мракъ, и тепломъ повѣяло, и грудь вздохнула глубже, и кровь заиграла на блѣдныхъ щекахъ. Выплыло, словно въ сіяньѣ, молодое, красивое, смѣлое лицо... Очи—что звѣзды, манятъ, зовутъ... Какъ трепетно сердце забилось! Жаромъ пышетъ грудь.

— Грѣхъ, грѣхъ. Мірскія прелести,—шепчетъ боярыня, а у самой глаза сіяютъ.

„Почему мнѣ теперь покидать свою уединенность? Раньше наѣзжали знакомцы, именитые люди, ни къ кому глазъ не показывала, а теперь вдругъ“...—размышляла она.

А тайный голосъ шепталъ:

„Именитые, да не такіе!..“

И статный обликъ юноши со спасеннымъ ребенкомъ на рукахъ мелькалъ предъ нею на фонѣ пламени.

— Серебрецо малость потемнѣло, а только все-жъ сарафанчикъ—заглядѣнье,—сказала старая Макарьевна, подходя къ боярынѣ съ вычищеннымъ и встряхнутымъ сарафанчикомъ.

Сарафанъ былъ надѣтъ. Добыты были много лѣтъ не надѣванные парадная кика „съ изумруды и яхонты“ и чоботы красно-сафьянные съ золотымъ шитьемъ.

— Давно не видала я тебя, родимушка, въ эдакомъ нарядѣ, красоточка ты моя!—умиленно говорила Макарьевна.

— А хорошо-ль, что я къ молодому гостю выду?—спросила боярыня.

— Да нешто ты—дѣвица? Вдова—вольный казакъ. Нонѣ, вонъ, говорятъ, и дѣвушки въ Москвѣ къ гостямъ выходятъ.

Это было послѣднее колебаніе молодой женщины. Послали челядинца просить Артемья Андреевича на обѣдъ.

Молодой человѣкъ одѣлся въ прихваченный запасливымъ Андрономъ кафтанъ алаго „венецейскаго“ бархата, бѣлые атласные шаровары, красные сафьяновые сапоги и не безъ волненія отправился на обѣдъ къ „боярынькѣ-невидимкѣ“, какъ звалъ онъ прежде хозяйку дома.

Боярыня, смущенная, раскраснѣвшаяся, встрѣтила его низкимъ поклономъ.

— Добро пожаловать, хлѣба-соли моей отвѣдать,—нѣсколько нараспѣвъ сказала она.

— Благодарствую, боярыня Анфиса Петровна. Мы и то, безстыжіе, сколько день ужъ твой хлѣбъ-соль ѣдимъ.

— И-и, полно! Садись, милости прошу. Пирожка съ бѣлорыбицей, не обезсудь, отвѣдай.

— Пирогъ и по виду куда хорошъ, а вкусъ его, должно, преотмѣнный, особливо если соблаговолишь положить мнѣ на тарель кусочекъ своими бѣлыми, сахарными ручками.

Молодая женщина вспыхнула еще больше и смущенно произнесла:

— Экій ты любезникъ!

— Правду истинную молвилъ.

Обѣдъ прошелъ среди незначительныхъ фразъ. Хозяйка и гость приглядывались другъ къ другу.

„Ай, красота!—думалъ Артемій Андреевичъ.—Эдакія очи! Смотришь—и дна въ нихъ нѣтъ, темная глубь. Бровки поистинѣ соболиныя. Лицо—что молочное, румянецъ—что на яблочкѣ наливномъ... Чай, эдакія губки, коли поцѣлуютъ, словно обожгутъ... И ума ей не занимать. Господи! вѣдь, пустятъ-же эдакую молву люди! выдумали, что она—полоумка. Всѣмъ-бы быть такими!“

Думы боярыни относительно Симонова сводились къ слѣдующему: пригожъ, уменъ, сущій соколъ.

Невольная симпатія влекла ихъ другъ къ другу.

Въ концѣ обѣда Анфиса Петровна сказала:

— Самъ Господь тебя въ мою усадьбу привелъ: не ты-бы, сгорѣла-бъ Анюта. Вѣкъ не забыть: жизни своей ты не жалѣлъ.

— Э! боярыня! другой нашелся-бы. А жизнь жалѣть я не пріобыкъ, смертушка не разъ грозила,—отвѣтилъ Симоновъ.

— Сидишь ты у меня гостемъ и вижу я, что ты—добрый человѣкъ и подвигъ свершилъ не малый, а все-жъ до сихъ поръ не вѣдомо мнѣ, кто ты и отколѣ. Не прогнѣвишься, коли спрошу? Нельзя, такъ не отвѣчай.

Молодой бояринъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и проговорилъ:

— Предъ тобой-ли мнѣ, Анфиса Петровна, таиться? Ты насъ, можно сказать, отъ погибели спасла: дала пищу, кровъ. Тебѣ я все разскажу.

И онъ передалъ ей о покушеніи отчима на его жизнь, о побѣгѣ, о преслѣдованіи волками, о своемъ намѣреніи уѣхать въ Москву.

Когда онъ упомянулъ о Москвѣ, по лицу боярыни словно скользнула дымка.

— Зачѣмъ-же такъ далеко, въ Москву? И здѣсь можно переждать время!—сказала она.

— Дальше отъ отчима — дальше отъ грѣха. Да и свѣтъ хочется посмотрѣть, царю послужить.

— И скоро думаешь?

— Вотъ, какъ Андронъ оправится,—отвѣтилъ боярин и поднялся, благодаря за угощенье.

— Ты-бы, боярин, попросту, безъ зова приходилъ обѣдать,—промолвила при разставаньѣ хозяйка.

Плохо спала въ ночь, наступившую за этимъ днемъ, Анфиса Петровна. Когда она просыпалась, она молилась за „раба Божья Николая“, старалась наполнить свой мозгъ думой объ умершемъ мужѣ, но, едва она забывалась тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ, ей грезилось красивое лицо гостя, ее жгли смѣлые, лучистые глаза.

Прошло болѣе недѣли. Андронъ оправился. Можно было пуститься въ дальнѣйшій путь, но Симоновъ, казалось, и думать забылъ о Москвѣ. Онъ ежедневно ходилъ обѣдать къ боярынѣ и возвращался съ этихъ обѣдовъ, когда пора была ложиться спать.

Андронъ пытливо смотрѣлъ на него. Артемій Андреевичъ словно избѣгалъ его взгляда.

Макарьевна, молясь по вечерамъ, шептала благодарность Богу, что Онъ „ослобонилъ боярыньку отъ лютой тоски“. Въ разговорахъ со своими пріятельницами она съ лукавой улыбкой намекала, что вотъ „мы, дескать, скоро, можетъ быть, и на свадебкѣ пировать будемъ“.

Боярыня ходила веселая и—чему прежде подивились-бы всѣ челядинцы—часто напѣвала пѣсенку.

Макарьевна, хотя и была туга на ухо, однако, подойдя, однажды, къ двери „столовой избы“, гдѣ обѣдали гость и хозяйка, разслышала страстный шепотъ и звуки поцѣлуевъ. Старуха отошла на цыпочкахъ и, крестясь, думала:

„Устроилъ-бы ихъ Господь!“

* *
*

Смеркалось. Слуга подалъ сбитень и удалился. Въ комнатѣ стоялъ полумракъ зимнихъ сумерекъ.

Артемій Андреевичъ вглядывался въ смутно виднѣвшееся лицо Анфисы Петровны, и его сердце было полно тихаго счастья: онъ любилъ и зналъ, что любимъ.

„Сердце сердцу вѣсть подаетъ“, молодые люди безъ словъ поняли, что любятъ другъ друга. Между ними не было ни долгихъ объясненій, ни жаркихъ клятвъ и обѣщаній; все сказали взгляды, тихія пожатья, въ унисонъ бившіяся сердца. Первый поцѣлуй рѣшилъ дѣло.

Симоновъ съ тѣхъ поръ, какъ любовь закралась въ его грудь, жилъ странною жизнью. Онъ не хотѣлъ вспоминать о прошломъ, не хотѣлъ заглядывать въ будущее; онъ жилъ только свѣтлымъ настоящимъ. Въ Москву его перестало тянуть; его манила тихая жизнь рядомъ съ любимою женщиною.

— Родной! — не разъ говорила ему боярыня.—Зачѣмъ намъ разлучаться? Много-ли времени переждать, и тебѣ никакой отчимъ не страшенъ, самъ потянешь его къ отвѣту.

— Радъ, голубка, а какъ отчимъ узнаетъ, гдѣ я скрываюсь? И тебѣ бѣды не избыть, и мнѣ. Я не отчима боюсь — я боюсь того, что тутъ много грѣха будетъ. Онъ не уступитъ, и я не смирюсь. Вѣдь, онъ прежде всего захочетъ за Андрона приняться, къ воеводѣ его потащитъ. А развѣ могу я отдать на муку и заточенье вѣрнаго раба? На все рѣшусь, а этому не бывать. Отсюда-то и грѣхъ пойдетъ. А Москва, что говоритъ, и мнѣ самому постыла. Я-бы вѣкъ радъ быть подлѣ тебя да цѣловать твои глазынки... вотъ такъ! вотъ такъ!—и онъ осыпалъ молодую женщину поцѣлуями.

— Не узнаетъ онъ, сердце, не узнаетъ!—отвѣчала она.

— И давай Богъ!

Шли дни. Оба они почти привыкли къ мысли, что бояринъ въ Москву не поѣдетъ, и лелѣяли надежду, что отчиму не узнать о мѣстонахожденіи пасынка.

Въ тотъ тихій зимній вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, было окончательно рѣшено, что Симоновъ остается въ усадьбѣ пережидать срока.

— Время пробѣжитъ—не оглянешься. А тамъ, что Богъ дастъ,—замѣтила боярыня.

— Пусть одно мнѣ Господь дастъ, чтобы красоточка-боярынька Анфиса Петровна стала милой женушкой моей,—съ улыбкой промолвилъ Артемій Андреевичъ.

— Будетъ жива боярыня да будешь любить ее, какъ

теперь, такъ это и станется,—въ тонъ ему отвѣтила молодая вдова.

— Небось, Артемій ее разлюбитъ? Ой-ли? Она-бъ его не разлюбила-бъ да помеломъ не погнала-бъ.

— А за такія рѣчи возьму да и разсержусь.

— Не серчай. Дай рученьку поцѣловать.

— Анъ нѣтъ.

— А я-жъ поцѣлую.

— Какъ-бы не такъ!

Анфиса Петровна со смѣхомъ отбѣжала, Симоновъ послѣдовалъ за ней. Кровь молодая кипѣла; хотѣлось рѣзвиться, какъ дѣтямъ.

— Попалась! — смѣясь воскликнулъ онъ, заключая боярыню въ объятія и покрывая ея лицо поцѣлуями.

На дворѣ послышался громкій говоръ.

Симоновъ и Анфиса Петровна подбѣжали къ окну. Въ сгустившемся сумракѣ можно было смутно различить фигуры людей и коней.

— Пріѣхалъ кто-то?

Послышались шаги въ сѣняхъ.

— Надо боярынѣ доложить!— слышно было, какъ проговорилъ челядинецъ.

— Чего тамъ докладывать! — возразилъ басистый голосъ,—чай, не погонитъ сосѣда. Веди! Сюда, что-ль?

Дверь отворилась. Высокая тучная фигура грузно шагнула въ комнату и тотчасъ раздался возгласъ:

— Эка тьма! Ничего и не видать. Что-й-то ты, боярынька, сумерничаешь? Да тутъ и парень какой-то мерещится? Сродственникъ? али... хе-хе! Что-жъ, твое вдовье дѣло. Хе-хе!.. Прости, что чуть не силкомъ вломился: заплутался, кони заморились, ну, и... Охъ-хо! Одначе, и путь мы сломали. Уморился!—и гость, не дожидаясь приглашенія, опустился на лавку.

Хозяйка приказала подать свѣчи.

Симоновъ готовъ былъ крикнуть, чтобы этого не дѣлали; голосъ гостя показался ему знакомымъ.

„Попались! Узнаетъ меня, скажетъ отчиму!“—въ смятеніи подумалъ онъ.

Черезъ минуту слуга внесъ свѣчи.

„Такъ и есть! знакомый. Не разъ видалъ меня!“—промелькнуло въ головѣ Артемія Андреевича, едва онъ взглянулъ на прибывшаго.

Гость былъ тучный пожилой мужчина, съ красноватымъ добродушнымъ лицомъ, съ широкою, косматою бородою и взлохмаченными темными съ просѣдью волосами. Онъ съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на молодого бояриня и закивалъ ему головою.

— А! вотъ тутъ кто!—воскликнулъ онъ,—не ожидалъ!.. Ты здѣсь какими судьбами?

— Мимоѣздомъ, тоже заплутался, какъ и ты,—пробурчалъ, хмурясь, Симоновъ.

— Такъ, такъ!—пробормоталъ гость, окидывая взглядомъ домашній нарядъ Артемья Андреевича,—видать, ты тутъ совсѣмъ свой человѣкъ... Мимоѣздомъ такъ мимоѣздомъ. А я къ твоему отчиму и пробираюсь... Хозяюшка! дозволь шубу скинуть.

— Сдѣлай милость!

Гость скинулъ шубу на руки подоспѣвшаго холопа и сказалъ, потирая уши и щеки:

— Ну, и морозъ, доложу тебѣ. Моя-ли шуба не тепла, а и то прохватывало.

— Сбитеньку горяченькаго?—предложила Леонтьева.

— И очень даже можно. А ты, чай, меня, боярынька, не признала? Да гдѣ-же! ты меня видала, когда твоего мужа хоронили, стало быть, годовъ тому семь али восемь. Послѣ я наѣзжалъ, да ты меня до своихъ ясныхъ очей не допускала. Все время ты, что затворница, жила; ужъ тутъ чего не говорили... Про Евстафья Лукича Ѳомичева, можетъ, слыхивала? Вотъ онъ самый предъ тобою. Сосѣди съ тобой. Моя усадьбишка отселѣ рукой подать. Одначе, сбитеньку хватить теперь знатно хорошо.—Пододвинувъ къ себѣ поданную кружку съ горячимъ сбитнемъ, онъ жадно хлебнулъ изъ нея и спросилъ, обращаясь къ Симонову:—что Степанъ Ильичъ въ добромъ-ли здравіи?

— Ничего. Что ему сдѣлается?

— Всѣ подъ Богомъ. Пробираюсь я къ нему да и къ другимъ, надо потолковать. Слышно, къ веснѣ опять въ походъ сбираться, такъ вотъ объ этомъ самомъ. Заранѣе столковаться надобно. Тяжелыя нынѣ времена пришли: тяготы такія, что просто бѣда. Только походъ отбыли, на новую начинай. Оно и то сказать: молодъ царь, силы не занимать, голова свѣтлая, ну, и не охота ему сидѣть, сложа руки.

Воспользовавшись тѣмъ, что Ѳомичевъ занялся разговоромъ, Артемій Андреевичъ незамѣтно удалился.

— Что съ тобою, боярынъ?—спросилъ Андронъ, взглянувъ на его пасмурное лицо.

— Эхъ, Андронушка! плохо, братъ, дѣло! Ужъ подлинно: не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Снаряжайся къ пути, скажи и Большеруку... Завтра ѣдемъ въ Москву.

— Что-жъ такъ спѣшно?

— Послѣ узнаешь. Теперь не до того, Андронушка...

Онъ бросился на постель, лицомъ въ подушку и одна мысль жгла ему мозгъ:

„Минуло счастье!“

На его душѣ было смутно и тяжело.

Евстафій Лукичъ говорилъ безъ умолка. Онъ переходилъ съ предмета на предметъ: говорилъ о минувшемъ и будущемъ урожаѣ, о царѣ, о войнѣ, о московской волокитѣ.

Анфиса Петровна разсѣянно слушала его. Она была сумрачна и блѣдна. Она сознавала, что случилось нѣчто, которое грозитъ разрушить отвоеванное у жизни тихое счастье. Этотъ нежданный наѣздъ Ѳомичева казался прямо роковымъ, ударомъ грома съ безоблачнаго неба.

Гость, наконецъ, замѣтилъ ея разстроенный видъ.

— Можетъ, я въ самомъ дѣлѣ не въ пору?—сказалъ онъ,—такъ гони меня помеломъ.

— Нѣтъ, ничего...—отвѣтила хозяйка.

Ѳомичевъ сдѣлалъ серьезное лицо и произнесъ:

— Можетъ, ты насчетъ того... Такъ я, боярынька, не пересудчикъ... А онъ—парень хорошій, не чета своему отчиму—тотъ-то зелье! Ты-же—вдова, вольный человѣкъ...

— Ахъ, не то, не то!—почти крикнула боярыня.—Ты не погнѣвайся: я уйду; мнѣ недужится,—добавила она, вставая. — Тебѣ постелю изготовятъ и насчетъ ужина я распоряжусь... Покушай съ устатку. А я пойду, лягу... Ужъ прости!...

Она удалилась почти въ отчаяньѣ, пришла къ себѣ, сѣла, заломила руки и застыла такъ, какъ олицетворенная скорбь.

Макарьевна кинулась къ ней, съ крикомъ:

— Что съ тобой, родненькая?

— Ахъ, Макарьевна! ахъ, родимая!—шептала молодая женщина, припавъ къ плечу старухи.

— Дитятко! родное! Боже Ты мой!—бормотала ключница, чуть не плача.

— Вотъ что, голубушка, миленькая,—промолвила боярыня, поднимая заплаканное лицо,—какъ всѣ угомонятся, проберись къ постояльцамъ... позови... позови Артемья Андреевича... Надо поговорить...

— Инъ ладно-жъ, касаточка. Слезки-то вытри... Господь съ тобой! И что стряслось?

— А то, что было счастье, да и минуло,—отвѣтила Анфиса Петровна, рыдая.

Макарьевна умѣло исполнила просьбу своей госпожи: кромѣ Андрона, никто не замѣтилъ, какъ прошелъ Симоновъ на половину боярыни.

— Артемушка! неужели счастью нашему конецъ наступилъ? — такимъ возгласомъ встрѣтила его Лесть-ева.

— Видать, что такъ, родная,—печально отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Покинешь меня?

— Судьба!—со вздохомъ промолвилъ Артемій Андреевичъ.—Ласточка моя! я-ль-бы не радъ здѣсь остаться?

— Ахъ, можно-же устроить!

— Нельзя. Ѳомичевъ скажетъ отчиму, тотъ нагрянетъ. Я тебѣ говорилъ: не за себя страшусь я — жаль моихъ хлоповъ.

— Ихъ можно услать. Да и самъ ты куда-нибудь на время укройся.

— Да некуда-жъ. Ты правду сказала: истинно, конецъ нашему счастью пришелъ. Такъ Богъ судилъ. Я говорю, что я не отчима боюсь, а боюсь грѣха. Онъ не уймется, и... и одному изъ насъ тогда въ живыхъ не быть. Загорится сердце, не стерплю и... и прихлопну его. Уйти, уйти надо далеко, въ Москву, на край свѣта.

— И опять я одна... Только съ горемъ-злосчастьемъ мнѣ и дни коротать... О-охъ, безчастная я! Былъ соколикъ, расправилъ крылья и улетѣлъ,—шептала Анфиса Петровна, понурясь.

— Родная! или такъ у тебя: съ глазъ долой и изъ сердца прочь?

— У меня?—медленно проговорила она, поднимая на него потухшій взглядъ,—у меня?.. Да слезами вся изойду, изведусь, а забыть не забуду. Если-бы и захотѣла, такъ не смогла-бы. Соколъ мой ясный! Сердце! Радость моя!

Она обнимала Симонова, осыпала поцѣлуями и плакала.

— А мнѣ ты не вѣришь? — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Вѣрю, свѣтикъ, вѣрю, но... много соблазна будетъ, а силенъ бѣсъ. Я опять затворюсь, буду одна, а ты вонъ въ Москву ѣдешь, мало-ль тамъ красотокъ...

— Никогда, никогда я тебя не забуду, не разлюблю.. ни на кого не промѣняю. Жди! Пріѣду! Жди хоть десятокъ лѣтъ... Дряхлымъ старикомъ стану и то приплетусь.

Анфиса Петровна выпрямилась и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Не давай зарока, Артемьюшка!—сказала она.

— Вотъ тебѣ крестъ святой! — воскликнулъ онъ, крестясь,—Богъ мнѣ свидѣтель: никогда не разлюблю тебя, вернусь къ тебѣ.

Она глубоко вздохнула и вытерла слезы, и сказала:

— Ласковый мой! желанный! Ты снялъ половину горя съ меня. Буду я ждать-поджидать моего сокола: рано-ль, поздно-ль прилетитъ онъ ко мнѣ хоть съ края свѣта. Такъ пріѣдешь?

— Богомъ клялся.

Лицо Анфисы Петровны вдругъ стало серьезно, искорка сверкнула въ глазахъ.

— Только помни, Артемій!—проговорила она:—не неволила я тебя клятву давать, по доброй волѣ поклялся ты. Сдержи-жъ обѣтъ. Не сдержишь—либо я себя съ горя убью, либо... тебя... Я на все тогда махну рукой, потому—мнѣ ужъ въ жизни ничего жалѣть не останется. Ну, да будетъ объ этомъ и говорить. Вотъ что: у тебя въ Москвѣ есть знакомые?

— Никого.

— Въ Москвѣ живетъ моего мужа крестный отецъ. Онъ—окольничій и, слышала я, къ царю близокъ. Я къ нему тебѣ дамъ письмо. Можетъ, онъ тебѣ въ чемъ и пособитъ. Завтра поутру позову пономаря Кузьму,

онъ посланіе отъ меня напишетъ... А теперь—теперь мы напослѣдокъ, вѣдь, вмѣстѣ — теперь цѣлуй, ласкай меня послѣдніе часочки, милый, любый, ласковый мой! Свѣтикъ! Сердце!

— Я-ль тебя не приласкаю, я-ль тебя не расцѣлую! Касаточка! Солнышко!—воскликнулъ Симоновъ.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, Ѳомичевъ собрался и уѣхалъ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда поднялись и всѣ въ усадьбѣ: вѣсть уже разнеслась, что постояльцы уѣзжаютъ.

Было послано за пономаремъ Кузьмой. Онъ явился трезвый,—что бывало рѣдко, — но осипшій. Его руки тряслись, и, когда онъ взялъ перо, оно выдѣлывало на бумагѣ замысловатые крючки, но отнюдь не буквы.

— Мнѣ-бы, боярынька, полынненькой али просто водки,—просипѣлъ онъ.

Ему поднесли уемистую чару.

Онъ выпилъ, крякнулъ, закусилъ и, прохрипѣвъ: „Теперь благословясь, приступимъ“, вывелъ на бумагѣ нестолько подъ диктовку боярыни, сколько передѣлывая подъ свой „красный“ слогъ:

„Вседражайшему и приснопамятному, любезнѣйшему мужа моего воспріемнику отъ купели и цареву велѣмилостивѣйшему окольничему Алексѣю Прокопьеву сыну Соковнину Анфиса Петрова дочь Леонтьева земно кланяется и, чтобъ многихъ лѣтъ быть здоровымъ съ чады и домочадцы и въ благочестіи, аки нынѣ, преуспѣвать и тѣмъ не токмо свой животъ, но и ближнихъ и сродниковъ ихъ по пути спасенія уготовлять, отъ сокровеннѣйшихъ сердца помысловъ желаетъ“.

Далѣе въ грамоткѣ боярыня посылала еще обильные „низкіе поклоны“ разнымъ тетушкамъ и дядюшкамъ, жаловалась на свое „вдовье сиротство“ и въ заключеніе переходила къ просьбѣ „не оставить милостью своею и мудрымъ наставленіемъ грамотки сей подателя, добраго сосѣда, Артемья Андреева сына Симонова, потому онъ—дѣтина молодой и въ стольномъ градѣ Москвѣ, что въ лѣсу будетъ, знакомыхъ-же у него и сродниковъ тамотка нѣту“.

— Далеконько, сударь, изволишь ѣхать,—проговорилъ пономарь, окончивъ посланіе и закладывая перо за ухо.—Не ближній свѣтъ... Н-да...

Онъ потеръ руки и выжидательно посмотрѣлъ на боярыню. Та поняла его взглядъ и вручила надлежащую „мзду“.

— Твоя вотчинка отселѣ не больно далеко, кажись?— спросилъ Кузьма Симонова, готовясь уходить.

— Ну, изрядно: если гнать коней, такъ и то въ день еле-еле доѣдешь,—отвѣтилъ Артемій Андреевичъ и подумалъ:

„Ѳомичевъ знаетъ, что я здѣсь, этому вѣдомо, что я въ Москву ѣду... Захочетъ отчимъ узнать, все узнаетъ. Э! да пусть! теперь ужъ все равно!“

Кузьма ушелъ, послѣдніе сборы закончились. Кони были уже запряжены, и Большерукъ уже сидѣлъ на облучкѣ саней. Андронъ вынесъ и уложилъ въ сани послѣдніе остатки дорожнаго скарба, вернулся и сталъ въ ожиданіи на порогѣ свѣтлицы.

Старуха Макарьевна скромно жалась въ уголку; ея взглядъ былъ невеселъ.

„Прочили свадьбу—вотъ и свадьба!“—думала она.

— Сѣсть надо предъ дорогой,—прошептала боярыня и тотчасъ сѣла сама и приказала Андрону и ключницѣ:— и вы сядьте.

Анфиса Петровна была блѣдна и едва сдерживала слезы. Молодой бояринъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

„Когда вернусь? Когда снова доведется увидѣть милыя очи?“

И ему страстно захотѣлось побыть еще хоть день здѣсь, въ усадебкѣ, рядомъ съ дорогою его сердцу женщиною.

На дворѣ звякнулъ прицѣпленный къ дугѣ колокольчикъ.

„Нѣтъ, рѣшено такъ рѣшено“,—подумалъ Симоновъ и поднялся.

— Уже?—спросила Леонтьева.

Это слово прозвучало, какъ стонъ.

— Пора!

Присутствіе Андрона и Макарьевны стѣсняло; приходилось прощаться сдержанно.

— За хлѣбъ, за соль, за пріютъ благодарствую, Анфиса Петровна. Лихомъ не поминай. Твоего добра вѣкъ не забыть.

Боярыня ничего не отвѣтила, боясь разрыдаться.

Прошли сѣни.

У крыльца темной стѣной стояли челядинцы. Едва показался Артемій Андреевичъ, всѣ скинули шапки. Послышались пожеланія.

Пробралась впередъ анюткина мать.

— Бояринъ! милостивецъ! дозволь ручку поцѣловать!—воскликнула она, ловя руку направлявшагося къ санямъ Симонова.—Ничего у меня нѣтъ—молитва одна... Вѣкъ за тебя молиться стану и Анюткѣ прикажу...

— Спасибо, милая,—отвѣтилъ растроганный бояринъ.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ сани, въ которыхъ бокомъ примостился Андронъ, снялъ шапку, перекрестился, кинулъ послѣдній взглядъ къ крыльцу, гдѣ стояла съ искаженнымъ отъ душевной боли Анфиса Петровна, сказалъ окружавшимъ мужичкамъ: „Прощайте, братцы!“—и дрогнувшимъ голосомъ приказалъ Большеруку:

— Трогай!

Заголосилъ колокольчикъ, сани вынеслись на снѣжную гладь дороги.

Артемій Андреевичъ закрылъ рукавомъ глаза не то отъ яркаго свѣта солнца, не то чтобы скрыть слезы.

Анфиса Петровна вернулась въ горницы, дождавшись, когда сани скрылись за ближайшимъ пригоркомъ. Пусто, тоскливо. Странно молчатъ комнаты, гдѣ только что раздавался милый голосъ. Поглядѣла боярыня въ окно—саней не видно. Поднялась она наверхъ, въ нежилые, нетопленные покои, и жадно прильнула къ обмерзлому оконцу: не видать-ли?

Вдали смутно темнѣетъ маленькое пятно. Еще минута, и оно скрылось.

— Конецъ,—прошептала боярыня. — Теперь—ждать, ждать... Пошли силы, Господи!

На другой день Анфиса Петровна была очень удивлена неожиданнымъ пріѣздомъ Ѳомичева. Гость казался взволнованнымъ. Еще съ порога, не поздоровавшись, онъ завопилъ своимъ трубнымъ голосомъ:

— Гдѣ этотъ-то, ну, Артемій? Чего онъ вчера наплелъ, что здравъ отчимъ? Лежитъ, что колода... безъ рукъ, безъ ногъ да и безъ языка-съ... Всѣмъ хозяйствомъ ключникъ заправляетъ...

— Онъ уѣхалъ... онъ не зналъ...—залепетала въ вол-

нeніи боярыня.—Ахъ, Боже мой! Надо въ догонъ послать.

Отрядили нѣсколькихъ холоповъ скакать, коней не жалѣя, и догнать Симонова.

Холопы цѣлыя сутки пропадали, однако, вернулись безъ Артемія Андреевича.

VI.

— Эй, милый человѣкъ!

Переходившій дорогу стрѣлецъ, къ которому относился этотъ возгласъ, обернулся.

— Чего?—спросилъ онъ, подходя къ санямъ, откуда его звали и дѣлали призывные знаки.

— Не знаешь-ли, землячекъ, гдѣ-бъ намъ тутъ на постой стать?—спросилъ стрѣльца молодой человѣкъ, согрѣвая похлопываньемъ окоченѣвшія руки.

— Не здѣшніе, стало быть?—спросилъ стрѣлецъ.

— Да вѣстимо-жъ!—съ досадой проговорилъ широкоплечій пожилой мужчина, бочкомъ примостившійся рядомъ съ первымъ сѣдокомъ. — Были-бы здѣшніе, развѣ стали-бы спрашивать? Поѣдемъ, бояринъ, дальше. Ну, его! Только зря на морозѣ болтаемся. Спросимъ другого кого-нибудь!

— Ишь, ты, боярскій указчикъ какой!—окрысился на говорившаго стрѣлецъ.—Не знаетъ бояринъ съ твое-то? И холопишки-жъ поиѣ!.. Коли не прочь, бояринъ,—продолжалъ онъ, измѣнивъ тонъ и снявъ форменную стрѣлецкую шапку съ мѣховой обшивкой и конусообразной тульей,—такъ можно и у меня остановиться... У меня изба въ три свѣтлицы...

— У тебя такъ у тебя. Далеко?

— Рукой подать. Вертай, молодчикъ, сюда!—обратился стрѣлецъ къ возницѣ—Матвѣю Большеруку, показывая на узкій проулокъ.

Сани двинулись. Стрѣлецъ прицѣпился на краю саней и окидывалъ критическимъ взглядомъ и боярина съ его холопами, и коней, и поклажу.

„Шубы на нихъ ничего себѣ, кони тоже, только заморены, и скарбишка есть... Я, чай, расплатиться хватитъ чѣмъ“,—соображалъ онъ.

— Издалече вы?—повелъ онъ разспросы.

— Изъ-подъ Новагорода!—отвѣтилъ пріѣзжій

— Не ближній свѣтъ. Вотчинка у тебя тамъ?

— Да.

— Чай, въ Москву на побывку?

— Нѣтъ. Служить царю хочу... Не знаешь-ли ты, братецъ, гдѣ въ Москвѣ проживаетъ окольничій Соковнинъ?

— Алексѣй Прокопьевичъ? Какъ не знать! Когда прикажешь, тогда и покажу его домъ. А вотъ и моя хата,—закончилъ стрѣлецъ.

Онъ спрыгнулъ и застучалъ въ ворота. Черезъ минуту ихъ отворила пожилая женщина въ наскоро накинутой кацавейкѣ.

— Постояльцевъ привелъ я, Катерина. Двѣ свѣтлички пріуготовь боярину, а холоповъ помѣстимъ, гдѣ онъ повелитъ!—сказалъ стрѣлецъ, а затѣмъ взялъ коней подъ уздцы и ввелъ во дворъ.

Артемій Андреевичъ уже сталъ подниматься на крыльцо, когда стрѣлецъ его окликнулъ:

— Одно только, бояринъ: чуръ, зелья табашнаго не курп.

— Я не курю.

— Вотъ это ладно. А то нонѣ всѣ дымятъ, переняли у нехристей еретицкій обычай, никоніанцы поганые. Милости прошу, бояринъ!

Когда они входили въ сѣни, изъ дверей свѣтлицы выглянуло и скрылось блѣдное, худощавое, миловидное молодое женское лицо и мелькнула прядь золотистыхъ волосъ.

— Дочка твоя?—спросилъ Симоновъ.

— Нѣтъ, падчерица. Ядъ-дѣвка—ни лаской съ ней, ни таской! Сидитъ на шеѣ, дармоѣдка.

Артемій Андреевичъ покосился на хозяина и подумалъ:

„Э, братъ! ты, я вижу,—гусь“.

Была внесена поклажа. Андронъ быстро распаковалъ, что требовалось. Вымылись, переодѣлись; поѣли горячихъ щей, попили сбитня и почувствовали себя счастливыми, зная, что они въ тепломъ, покойномъ углу и имъ не предстоитъ безконечныхъ переѣздовъ въ стужу по запорошеннымъ снѣгомъ дорогамъ.

Одну свѣтелку Симоновъ занялъ самъ, другую отвелъ для Андрона и Большерука. Бывшій хлопотунъ-

ключникъ приготовилъ постели. Артемій Андреевичъ съ наслажденіемъ легъ на свое ложе. Мягкая перина словно убаюкивала. Молодой человѣкъ покорился сладкой дремѣ и заснулъ, какъ убитый. Андронъ послѣдовалъ его примѣру, а Матвѣй пошелъ было побродить, но вскорѣ вернулся.

— Ну, Москва! не нашей деревнѣ чета: тутъ улица, тамъ проулокъ, два шага пройдешь—заплутаешься,— сказалъ онъ хозяину.—И хороша-жъ, я тебѣ скажу! Церквей-отъ что! На иную колокольню посмотришь—шапка съ головы свалится.

— Церквей много, да благочестія мало. Пестра вѣра стала, прежней святости нѣтъ. Завелись ереси иноземныя, латинскому крыжу молятся, щепотью крестятся... Грѣхъ ходитъ!—сумрачно сказалъ хозяинъ, угрюмый, дюжій, обросшій бородою стрѣлецъ.

— Н-да. Ты въ стрѣльцахъ служишь?—спросилъ Матвѣй.

— Да. Плоха нынѣ наша служба. Только походъ отломали, опять въ новый гонятъ. Приказано весной выступать. При Софьѣ Алексѣевнѣ стрѣльцы въ чести были, всякъ стрѣльца уважалъ, а нынѣ...—онъ махнулъ рукой и продолжалъ:—ты—господскій человѣкъ?

— Да.

— Поди, бояринъ-то изобижаетъ?

— Нѣтъ. У насъ бояринъ добрый, хорошій бояринъ.

Стрѣлецъ засыпалъ Большерука вопросами: кто его господинъ? богатъ-ли? гдѣ вотчина? какъ его звать? и многими другими.

Матвѣй на все отвѣчалъ обстоятельно, но съ раздумьемъ, соображая:

„Этихъ московскихъ людей не разберешь. Не очень-то имъ палецъ въ ротъ клади!“

Послѣ бесѣды съ хозяиномъ парень еще больше укрѣпился въ этомъ мнѣніи.

— Ишь, чертъ!—ворчалъ онъ, вернувшись въ свою свѣтелку:—ему все подай да положь, а самъ про себя не очень-то... Только и сказалъ всего, что звать Филипповымъ.

Артемій Андреевичъ проснулся отъ стука въ дверь его комнаты.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ соннымъ голосомъ.

— Дозволь, боярин, войти,—сказалъ голосъ хозяина.

— Войди!

Стрѣлецъ вошелъ, но не одинъ. Въ сумеркахъ Симоновъ смутно различилъ позади его высокую фигуру.

— Темненько у тебя. Дай-ка-сь, я сейчасъ огарышъ принесу,—проговорилъ Филипповъ.

Онъ вышелъ и вскорѣ вернулся съ зажженной свѣчей. При ея свѣтѣ молодой человѣкъ разглядѣлъ незнакомца.

Это былъ долговязый, жидкій парень, съ веснусчатымъ лицомъ, впалыми тусклыми глазами и сладенькой улыбочкой.

— Гостя привелъ я къ тебѣ, а вѣрнѣй—хе-хе!—онъ самъ напросился. Дѣло у него есть до тебя,—сказалъ стрѣлецъ.

— До меня дѣло?

— Да, Артемій Андреевичъ, до тебя,—проговорилъ неизвѣстный, выступая впередъ.

— Почему ты меня знаешь?—съ удивленіемъ воскликнулъ Симоновъ.

— Слухомъ земля полнится. Дозволишь присѣсть?

—Сдѣлай милость,—отвѣтилъ Артемій Андреевичъ, пододвигая ему скамью.

— Вѣрнѣй, у меня не то, чтобы дѣло къ тебѣ, а больше я тебя жалѣючи,—сказалъ пришлецъ, усѣвшись на скамьѣ и безцеремонно разглядывая Симонова.

— Меня жалѣючи?!

— Да, да. Слыхалъ я, что ты изъ дальнихъ мѣстъ впервой въ Москву пріѣхалъ и знакомыхъ тутъ у тебя ни души... А самъ знаешь, какой здѣсь народъ. Захотѣлось мнѣ помочь тебѣ. Ты, говорятъ, хочешь, повидать окольничаго Соковнина?

— Да. Но скажи, пожалуйста, самъ-то ты кто?—спросилъ Артемій Андреевичъ, котораго начали раздражать разспросы и навязчивость посѣтителя.

— Я-то? Я окольничему Алексѣю Прокопьевичу—не чужакъ, а можно сказать, очень даже свой... Звать меня Ермиломъ Кузьмичемъ, прозвищемъ Федюшкинъ *)...

*) См. романъ Н. Н. Алексѣева. „На зарѣ новыхъ дней“.

— Такъ. Ну, и что-же тебѣ?

— А то, что коли ты самъ-одинъ пойдешь къ моему... дяденькѣ, такъ тебя, можетъ, и до его очей не допустятъ.

— У меня письмо къ нему!—произнесъ Симоновъ.

— Письмо?—встрепенулся Федюшкинъ.—Отъ кого?

— Да тутъ отъ одного человѣка...

Въ глазкахъ Ермила Кузьмича сверкнула злая искорка, но онъ спокойно произнесъ:

— Не хочешь говорить, какъ хочешь. А только я тебѣ всей душой помочь радъ. Вотъ что,—добавилъ онъ, помолчавъ и хлопая Симонова по колѣну,—такъ и быть, хоть ты и волкомъ смотришь на меня, а не пущу тебя одного къ моему дядѣ: пойдемъ со мной хоть завтра, много лучше тебѣ будетъ.

— Ну, инъ ладно!—согласился Симоновъ.

Федюшкинъ поднялся и, стоя, перемпнался. Артемій Андреевичъ не удерживалъ его.

— Ты что-же, Артемій Андреевичъ, будешь дѣлать? Небось, опять спать?—спросилъ Ермилъ Кузьмичъ.

Въ голосѣ его звучало что-то похожее на уныніе.

„Неужли такъ ничѣмъ отъ него и не придется попользоваться? А деньги у него есть!“—мелькало у него въ головѣ.

— А что-же больше дѣлать?

— Эхъ, ты! пріѣхалъ въ Москву затѣмъ, чтобы спать. Вотъ что, пойдемъ-ка въ Нѣмецкую Слободу... Есть тамъ у меня пріятель... Весело будетъ... Людей посмотришь...

— Ужъ какое съ нѣмцемъ веселье!—угрюмо проворчалъ все время молчавшій Филипповъ и вышелъ изъ комнаты.

Воспользовавшись отсутствіемъ хозяина, Федюшкинъ торопливо заговорилъ:

— Можно будетъ табачку покурить—хорошій кнастеръ...

— Не курю.

— Когда-нибудь надо привыкать. Можно будетъ въ кости поиграть... Поплясать, попѣть. Ну, малую толику деньженокъ тебѣ прихватить придется... Что такъ на меня смотришь? Не бойся! я, чай, не ограблю, не воръ я, не разбойникъ... Выпьемъ тамъ малехонько! пойдемъ! А?

Спать Артемью Андреевичу не хотѣлось. Вечеръ представлялся безконечно долгимъ.

„Развѣ пойти?“—подумалъ онъ.

— Да будетъ тебѣ раздумывать!—воскликнулъ Федюшкинъ.—Пойдемъ!

— Что-жъ, пожалуй.

Сборы были не долги. Вскорѣ новые знакомцы уже шагали по притихшимъ, малолюднымъ улицамъ готовившейся къ ночному покою Москвы.

— Ночь-то какая! Въ эдакую-ль ночь да дома сидѣть!—сказалъ Ермилъ Кузьмичъ.

Ночь была тихая, морозная и лунная.

— Погода благодать. Далеко намъ идти?—спросилъ Симоновъ.

— Такъ себѣ.

— Это мы, стало быть, въ Нѣмецкую Слободу?

— Да, на Кокуй, такъ Нѣмецкая Слобода прозывается. Вотъ сейчасъ мы за Покровскія ворота, потомъ Яузой. Скоро дойдемъ. Конечно, ногъ-то очень жалѣть не надо.

Миновали нѣсколько длинныхъ, извилистыхъ улицъ, прошли нѣсколько переулковъ, узкихъ, похожихъ на щели, выбрались за Покровскія ворота и пошли вдоль праваго берега Яузы.

Стали попадаться небольшіе домики, окруженные садами; заиндевѣвшія вѣтви, недвижныя, бѣлыя, какъ прихотливая сѣть, рисовались на фонѣ темныхъ стѣнъ.

— Вотъ и Кокуй,—сказалъ Федюшкинъ.—А должно быть, уже порядочно поздно — огня въ окнахъ мало видно.

Дѣйствительно, большинство домовъ были темны.

— Не всѣ такіе полуночники, какъ мы,—усмѣхаясь, проговорилъ Симоновъ.

— Не всѣ, а многіе. Посмотри, сколько будетъ народа тамъ, куда мы идемъ.

— Вотъ тутъ тоже не спятъ,—промолвилъ Артемій Андреевичъ, указывая на освѣщенный довольно большой домъ, мимо котораго они проходили и въ которомъ слышались глухой говоръ, тихіе звуки скрипки.

— Это — домъ Виніуса, почтмейстера, — объяснилъ Федюшкинъ.—У него часто гости... У него и самъ царь бываетъ...

— Вотъ какъ! Такъ-таки запросто? Скажи, пожалуйста!—съ удивленіемъ пробормоталъ молодой человѣкъ, покачивая головой.

Онъ пріостановился и сталъ вглядываться въ затянутыя морозными узорами, освѣщенныя окна.

Въ комнатѣ сидѣло и ходило довольно много народа. Вниманіе Симонова привлекла широкоплечая фигура молодого человѣка, сидѣвшаго въ кружкѣ нѣкоторыхъ другихъ и курившаго трубочку. Его лицо невольно останавливало на себѣ вниманіе, красивое, нѣсколько смуглое, съ крупными чертами, съ черными, живыми глазами. Что-то гордое, но не надменное сказывалось въ немъ. Темные волосы вились надъ умнымъ лбомъ, маленькіе того-же цвѣта подстриженные усы не закрывали полныхъ, чувственныхъ губъ.

— Кто этотъ?—спросилъ своего спутника Симоновъ.

Ермилъ Кузьмичъ вглядѣлся и ахнулъ:

— Батюшки! да, вѣдь, это—самъ царь!—сказалъ онъ и дернулъ Симонова за рукавъ. — Пойдемъ,пойдемъ!.. Еще эдакъ въ бѣду попадемъ!

— Въ бѣду, что на царя-батюшку смотримъ?—удивился Симоновъ.

— Мало-ль что. Пойдемъ-же!—дрожащимъ голосомъ сталъ просить Федюшкинъ.

— Ну, пойдемъ!—согласился молодой бояринъ.

Предстоящее развлеченіе переставало его интересовать. Всѣ его мысли вертѣлись около личности царя.

„Сидитъ себѣ, смѣется и трубочку покуриваетъ... Ай, Боже мой! Ну, словно простой человѣкъ!“—думалъ онъ съ умиленіемъ.

Ермилъ Кузьмичъ, видимо, спѣшилъ поскорѣе „убраться“ отъ дома Виніуса. Когда они удалились на значительное разстояніе, Федюшкинъ облегченно вздохнулъ и заговорилъ пугливымъ шепотомъ:

— Ты, братъ,—человѣкъ новый, нашихъ порядковъ не знаешь. Могли мы въ бѣду влопаться, ужъ это вѣрно говорю. Смотримъ, а почему смотримъ? Разные люди смотрятъ. Скажутъ, за царемъ подглядываемъ... Ну, и пожалуй въ застѣнокъ.

— Глупости!—съ досадой проворчалъ его спутникъ.- Просто ты—трусишка, ну, а у страха глаза велики.

Ермилъ Кузьмичъ промолчалъ, но подумалъ:

„Погоди! зачтется это тебѣ! Припомню!“

Далѣе пошли молча, но вскорѣ остановились. Въ этомъ мѣстѣ дорога была очень узка и невдалекѣ дѣлала поворотъ. Послышались быстро приближавшіеся крики. Кричали: „Держи!“.

Изъ-за поворота вынеслась пара бѣшено несшихся коней. Кучеръ, блѣдный, безъ шапки тянулъ, что было силы возжи и кричалъ: „Держи!“. Сѣдокъ, закутанный въ шубу, метался то въ ту, то въ другую сторону. Очевидно, кони несли.

Симоновъ, когда взбѣсившіяся лошади поравнялись съ нимъ, скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, схватилъ лошадей за челку и повисъ на ней. Кони круто повернули, затоптались и остановились. Это было во-время—впереди зіялъ крутой обрывъ берега.

Кучеръ выскочилъ, подбѣжалъ къ лошадямъ: онѣ уже стояли смирныя, какъ овцы; только дрожь да падавшая клоками пѣна напоминали о недавнемъ ихъ бѣшенствѣ.

— Истинно чудомъ спаслись!—шепталъ, осѣняя себя крестомъ, кучеръ, косясь на откосъ.

Сѣдокъ вышелъ изъ саней.

— Быть-бы на томъ свѣтѣ,—подошедши сказалъ онъ, съ едва замѣтнымъ акцентомъ,—если-бъ не чудо, а вѣрнѣй—этотъ добрый молодецъ. Спасибо, большое спасибо. Кто ты, голубчикъ?

— Боярскій сынъ Артемій Андреевъ Симоновъ.

— Спасибо, спасибо!—говорилъ спасенный, пожимая руку ему. —Завтра приди ко мнѣ... Я тебя не забуду. Приди, приди. Лошади спокойны стали?

— Смирнехоньки, сударь,—отвѣтилъ кучеръ.

— Вертай, некогда!.. Царь дожидается... Ѣдемъ!—сказалъ сѣдокъ и пошелъ къ санямъ.

Ермилъ Кузьмичъ сталъ поддерживать его подъ руки и сладкимъ голосомъ говорилъ:

— Стоимъ это мы и вдругъ видимъ мы—бѣшеные кони. Стало быть, люди въ бѣдѣ... Ну, мы сейчасъ...

Незнакомецъ мелькомъ взглянулъ на него и сѣлъ въ сани.

— Ну, трогай, трогай! А ты приди завтра. Пожалуйста, приди,—сказалъ онъ Симонову.

— Ну, братъ, привалило тебѣ счастье! — обращаясь

къ молодому человѣку, воскликнулъ съ искаженнымъ завистью лицомъ Федюшкинъ, когда сани отъѣхали.

— Истинно счастье,—произнесъ Симоновъ,—второй разъ Господь помогаетъ спасти людей отъ лютой смерти. Недавно дѣвочку изъ пожара, теперь...

— Да не то совсѣмъ! Знаешь ты, кого спасъ? Лефорта! Франца Ле-фор-та! Понимаешь? Перваго друга государева!

— Ну, тѣмъ лучше. Хоть этимъ царю послужилъ,— вымолвилъ довольно хладнокровно Артемій Андреевичъ.—Однако, пойдемъ.

„Что онъ дурачекъ, что-ли, или прикидывается?— думалъ, между тѣмъ, Федюшкинъ, крупно шагая.— Кабы мнѣ эдакое счастье привалило, такъ я-бы прыгалъ, а ему хоть-бы что!“

Черезъ нѣсколько времени Федюшкинъ свернулъ въ распахнутыя настежь ворота и направился къ крыльцу ярко освѣщеннаго дома.

— Ты не думай,—сказалъ онъ Симонову, когда они проходили сѣни,—что хозяинъ—важная птица: онъ— просто кузнецъ и справляетъ сегодня свое рожденье. Звать его Герритъ Кистъ. Народища, однако, набралось страсть: видѣлъ, что саней-то на дворѣ?

Хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ входившихъ.

— А! камрадъ! — сказалъ онъ, здороваясь съ Федюшкинымъ и посматривая на Симонова,—что поздно? Мы ждали.

— Такъ позамѣшкался. Зато знакомца привелъ, Артемья Андреевича.

— Очень радъ, очень радъ, добро пожаловать... По чарочкѣ опрокинемъ, гости дорогіе?—сказалъ хозяинъ, коверкая русскую рѣчь.

Большинство гостей были иностранцы различныхъ національностей. Костюмы ихъ самихъ и ихъ женъ представляли живописную и пеструю смѣсь; рядомъ съ чистенькимъ прилизаннымъ нѣмчикомъ въ темномъ длинномъ кафтанѣ сидѣлъ шотландецъ-горецъ въ своемъ легкомъ и красивомъ нарядѣ, съ чопорнымъ англичаниномъ болталъ живой французъ; виднѣлись поляки въ нарядныхъ кафтанахъ, греки въ пестрыхъ фустанелахъ, чернолицые сыны Востока въ длинныхъ тяжелыхъ одеждахъ, служилые иностранцы въ разно-

образныхъ форменныхъ кафтанахъ. Было не мало русскихъ, но только мужчинъ. Въ одной изъ комнатъ слышались звуки скрипки и мелькали фигуры танцующихъ, въ другой стояли столы съ закусками и питіями и шла игра въ „зернь“, т. е., кости, а подъ шумокъ и въ запретныя карты.

Ермилъ Кузьмичъ оказалъ должную честь хозяйскимъ питьямъ и яствамъ, потомъ алчными глазами сталъ слѣдить за играющими. По натурѣ игрокъ и, какъ мы сказали-бы теперь, кутила, онъ былъ невѣроятно скупъ и, имѣя деньгу, скорѣе разстался-бы съ жизнью, чѣмъ рискнулъ-бы своей копейкой. Зато поѣсть, попить на чужой счетъ и вытянуть у другого малую толику деньженокъ онъ былъ всегда готовъ.

— Вотъ досада меня беретъ,—сказалъ онъ Артемію Андреевичу, дѣлая печальное лицо,—забылъ прихватить денегъ. Тебѣ напоминалъ, а самъ забылъ... Хоть-бы алтынъ! А поиграть хочется смерть. Будь другомъ, выручи: дай мнѣ малую толику.

— Сколько?

— Ну, рублей эдакъ пять! нѣтъ, лучше ужъ семь, а то восемь... Я тебѣ отдамъ. Деньги есть, да вотъ забылъ. За мной не пропадетъ, ужъ будь спокоенъ,— говорилъ Федюшкинъ, жаднымъ взглядомъ слѣдя за рукою Симонова, достававшаго кошель.

— Столько у меня и денегъ нѣтъ съ собой!—отвѣтилъ тотъ.—Дай посчитаемъ. Половину тебѣ отсыплю...

Сосчитали тогдашнюю единственную ходячую монету — серебряныя копейки. Оказалось — четыре рубля, двадцать одинъ алтынъ и двѣ „деньги“ *).

Получивъ половину, Федюшкинъ всыпалъ въ карманъ монеты и, поспѣшилъ къ играющимъ.

Къ Артемію Андреевичу подсѣлъ было хозяинъ. Это былъ типичный голландецъ, не ладно скроенный, но

*) Въ обращеніи въ началѣ царствованія Петра Великаго имѣлись серебряныя копейки и «деньги», равныя полукопейкѣ, но послѣднихъ было настолько мало, что онѣ замѣнялись перерубленными, на двѣ-три части копейками или даже кожаными знаками. Несмотря на отсутствіе иныхъ чеканныхъ монетъ, расчеты производились на рубли и алтыны; такъ, напримѣръ, 464 коп. составляли 4 рубл. 20 алт. и 2 деньги, сумма для того времени далеко не столь ничтожная, какъ нынѣ.

крѣпко сшитый, съ добродушнымъ, круглымъ лицомъ, съ обритыми усами и бородой на второмъ подбородкѣ. Онъ былъ нѣсколько навеселѣ.

— Трубочку, камрадъ, — предложилъ онъ Симонову ломаннымъ русскимъ языкомъ.

— Благодарствую, не привыченъ! — отвѣтилъ послѣдній.

— Жаль! кнастеръ — первый сортъ. Надо привыкать,—сказалъ Герритъ, раскуривая трубочку и пуская синеватыя струйки и ртомъ, и носомъ.—Это—хорошая штука. Самъ царь куритъ. Хорошій у васъ царь! И народъ вашъ хорошій, очень хорошій, а только ему надо головой шевелить... больше думать, ну, и работать больше. А работать вы можете-е! — кузнецъ вскинулъ бровями и приподнялъ палецъ. — Только выучиться, и тогда такъ станете работать, такъ работать... Ты, господинъ, здѣшній?

— Нѣтъ. Я изъ-подъ Новагорода. Хочу царю послужить.

— Доброе дѣло, камрадъ! — воскликнулъ Киетъ и хлопнулъ собесѣдника по колѣну.—Это хорошо.. Царю надо служить. Хорошій у васъ царь, свѣтлая голова... Онъ много сдѣлаетъ, о! Самъ работаетъ, самъ, я видалъ. Да, да! И топоромъ, и молоткомъ. Хорошій. И на Москвѣ у васъ хорошо, а все-таки я скоро къ себѣ въ Голландію.

— Что-жъ такъ?—спросилъ Симоновъ.

— На спокой въ свою землю, въ Саардамъ. Слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Есть Амстердамъ, большой, большой городъ... А недалеко Саардамъ... Тамъ корабли строятъ, большіе корабли... Деньженокъ у меня принакоплено, куплю домикъ, стану по морю ѣздить рыбу ловить... О, хорошо по морю ѣздить! Вѣтеръ шумитъ, лодка летитъ, волны кипятъ... Славно! Послѣднее рожденье свое здѣсь справилъ: весна настанетъ — и я домой. Пріѣзжай ко мнѣ въ Саардамъ.

— Гдѣ-же!—съ улыбкой промолвилъ гость.

— А чего-жъ? Соберись и пріѣзжай. Сперва на Архангельскъ, тамъ есть наши, голландскіе, корабли... Сядешь и поплывешь до Амстердама, а тамъ на Саардамъ. Пріѣзжай!

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Артемій Андреевичъ, чтобы утѣшить добродушнаго, захмелѣвшаго голландца.

— Пріѣдешь? Молодецъ, камрадъ! — воскликнулъ тотъ, соскакивая,—по этому случаю пойдемъ выпьемъ.

Онъ потащилъ Симонова къ столу.

Выпили. Подвернулись еще компаньоны; Кистъ занялся съ ними, а Симоновъ пошелъ бродить въ толпѣ гостей. Онъ полюбовался на танцующихъ, послушалъ музыку. Сперва его занимали новизна зрѣлища шумной, пестрой толпы, невиданные танцы, разноязычный говоръ, потомъ онъ почувствовалъ себя одинокимъ среди этихъ чужихъ людей. Ему стало скучно.

„Если-бы мою Анфисушку сюда!“—подумалъ онъ, и въ его воображеніи, какъ живое, пронеслось знакомое, милое лицо, темная комната, тихій свѣтъ лампады, и она, печальная, одинокая.

Симонову стало тяжело среди окружавшаго его шума и разгула.

— Пойдемъ домой,—сказалъ онъ, подойдя къ Федюшкину.

— Что ты домой!—возразилъ тотъ.—Только играть я началъ... Ступай одинъ...

— Дороги не знаю.

— А мнѣ что!—отвѣтилъ Ермилъ Кузьмичъ, думая: „Хоть-бы ушелъ, а то выиграю, такъ захочетъ свои деньги получить“.

Раздосадованный Артемій Андреевичъ махнулъ рукой и отошелъ. Онъ отыскалъ свою шапку, шубу, выбрался на улицу и побрелъ, вспоминая дорогу. Луна попрежнему сіяла во всемъ блескѣ. Симоновъ добрался до Покровскихъ воротъ и разспросилъ караульныхъ стрѣльцовъ; кто-то изъ нихъ зналъ домъ Филиппова и объяснилъ дальнѣйшій путь.

Стояла глубокая ночь, когда Симоновъ постучалъ въ ворота. Ему отворила падчерица хозяина. Она пропустила постояльца въ калитку, защелкнула затворъ и убѣжала, какъ легкая газель. Артемій Андреевичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ:

„Сдается мнѣ, что плохо живется ей“.

Онъ пробрался въ свою комнату, гдѣ проснувшійся Андронъ помогъ ему раздѣться.

— А я ужъ того, забезпокоился,—промолвилъ ключникъ.—Хорошо-ли погулялъ?

— Погулялъ такъ себѣ, а зато царя видѣлъ. Ну, завтра потолкуемъ, а теперь спать.

Онъ легъ и крѣпко заснулъ, утомленный пережитыми впечатлѣніями.

VII.

Есть люди, какъ-будто самою судьбою обреченные на страданье. Покорные, привычные къ своей злой долѣ, они терпѣливо несутъ свой крестъ, межъ тѣмъ какъ надъ ихъ головою копятся все новыя и новыя тучи. Если такой человѣкъ возропщетъ, наконецъ, и запротестуетъ, то онъ часто вступаетъ въ ожесточенную неравную борьбу и съ судьбою, и съ людьми;то гда онъ становится страшенъ въ своей злобѣ—злобѣ отчаянія и, быть можетъ, въ этомъ ожесточеніи, въ этомъ отмщеніи всему и всѣмъ за свои страданія онъ находитъ мгновенія безумнаго, дикаго счастья.

Анюта, падчерица стрѣльца Филиппова, и Антонъ Кукушкинъ были именно такими людьми.

Анютѣ шелъ шестнадцатый годъ. Природа подарила ей хрупкое, стройное сложеніе, блѣдное личико съ глубокими голубыми глазами—неизмѣнная тихая скорбь и покорность выражались въ нихъ. Она росла подъ вѣчнымъ страхомъ тяжелыхъ наказаній за несуществовавшія вины, она почти не видѣла ласки. Ей былъ годъ, когда мать, овдовѣвъ, вышла замужъ за Филиппова.

Катерина—забитое, безвольное существо —не заступалась за дочь, когда отчимъ истязалъ Анюту. Только разъ она остановила его руку, когда онъ, разсвирѣпѣвъ, схватилъ шестилѣтнюю въ то время падчерицу за ноги и хотѣлъ размозжить черепъ ребенка о дверной косякъ. Извергъ все-таки исполнилъ свое намѣренье, но ударъ получился ослабленный; мягкая дѣтская кость вдалась, но не треснула и у Анюты на всю жизнь осталась впадина на лбу на мѣстѣ ушиба. Отчимъ относился къ падчерицѣ съ безпричинной, жгучей ненавистью. Онъ не могъ выносить ея видъ, слышать ея рѣчи. Въ его присутствіи дѣвушка превращалась въ безмолвную машину, всѣ его прихоти исполняла безъ замедленія, но

его ненависть все возрастала. Всѣ черныя работы по хозяйству были возложены на нее, ею держался весь домъ, и все-таки отчимъ звалъ ее дармоѣдкой. Отъ непрерывной брани, упрековъ и побоевъ Анюта отдыхала только тогда, когда Филиппова угоняли въ походъ или онъ куда-нибудь уѣзжалъ по своимъ торговымъ дѣламъ, которыми занимался, какъ большинство стрѣльцовъ.

Въ дѣтствѣ для нея, сравнительно, счастливой порой бывало лѣто. Съ краюхой хлѣба за пазухой она, чуть свѣтъ блеснетъ, украдкой выбиралась изъ дома и уходила за нѣсколько верстъ, куда-нибудь въ рощу, въ лѣсъ. Тамъ она рѣзвилась, бѣгала, какъ дикій звѣрекъ, или, уставъ, садилась, плела вѣнокъ и пѣла, вторя птицамъ, сама свободная въ эти мгновенія, какъ вольная птица.

Во время одной такой прогулки она познакомилась съ Антономъ Кукушкинымъ. Ей было тогда всего лѣтъ девять. Избитая наканунѣ отчимомъ, она промаялась ночь, чувствуя, что все ея тѣло ноетъ и болитъ, и, при первомъ блескѣ зари, тайкомъ, какъ всегда, ушла искать отдыха и покоя въ дальнюю, безлюдную, давно знакомую ей рощу. Придя туда, усталая и больная, она нашла свѣтлый ручей и жадно припала къ студеной водѣ. Вдругъ гдѣ-то вблизи грубый голосъ крикнулъ:

— Эй! чего мою воду пьешь, дѣвченка!

Анюта въ испугѣ подняла голову. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя она увидѣла мальчика лѣтъ тринадцати, до нельзя оборваннаго и грязнаго, съ лохматой рыжеватой головой. Онъ стоялъ, опираясь на толстую палку, нахмуривъ брови и сердито ворочая глазами. Онъ сдѣлалъ шагъ къ Анютѣ. Она вскочила и побѣжала. Мальчикъ догналъ ее и сталъ вертѣть страшной палкой надъ ея головой. Анюта вдругъ остановилась и заплакала, прикрывъ лицо восковыми пальцами.

— Бей!—шептала она.—Всѣ бьютъ... Злые! противные!

„Разбойникъ“, какимъ въ ея воображеніи представлялся мальчикъ, не ударялъ ея, а она продолжала плакать. Не отнимая рукъ отъ лица, дѣвочка опустилась на траву. Ея худенькія плечи вздрагивали отъ рыданій, ея дѣтское сердце было полно отчаяніемъ. Даже здѣсь, въ этой рощѣ, ее ждали побои; быть можетъ, она плакала, что лишилась тихаго пристанища:

и здѣсь были люди, а гдѣ они—тамъ, какъ знала она, и брань, и побои. Быть можетъ, впервые въ ея мозгу мелькнуло сознаніе ея обездоленности, беззащитности и безпомощности.

Мальчикъ куда-то убѣжалъ и вскорѣ вернулся, неся вороненка.

— Ну, чего плачешь?.. — сказалъ онъ своимъ грубымъ голосомъ. — Я пошутилъ... На, поиграй... Ишь, желторотый...

Анюта отняла руки отъ глазъ и посмотрѣла сквозь слезы на мальчика и на птенца.

— Возьми, подарю... Я ихъ, сколько хошь, достану,— сказалъ мальчикъ и положилъ вороненка къ ней на руки.

Анюта взяла испуганно бившуюся птицу и, еще всхлипывая, стала гладить ее.

— Все ревешь? Эхъ, ты!—продолжалъ „разбойникъ“.— У тебя глаза на мокромъ мѣстѣ, знать. Я вотъ никогда не плачу.

Дѣвочка съ удивленіемъ посмотрѣла на человѣка, который никогда не плакалъ, и нашла, что грознаго въ немъ ничего нѣтъ и что его сѣрые глаза смотрятъ ласково.

— А ты умѣешь такъ?—спросилъ онъ и вдругъ упершись руками въ траву, взметнулъ ногами въ воздухѣ и перекувыркнулся.

Со свойственнымъ дѣтямъ переходомъ отъ слезъ къ смѣху и обратно, дѣвочка улыбнулась, хотя слезы еще дрожали на рѣсницахъ. А рыжій „разбойникъ“ сталъ продѣлывать удивительныя штуки: то онъ уморительно кривилъ лицо, то ходилъ на рукахъ, то кувыркался. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка уже хохотала. Мальчикъ вытеръ рукавомъ вспотѣвшее лицо и, замѣтивъ краюху, выглядывавшую изъ-за пазухи Анюты, жаднымъ взглядомъ уставился на хлѣбъ, спрашивая ее:

— Это что-же у тебя? хлѣбъ?

— Хлѣбъ!—отвѣтила Анюта и вынула краюху.— Хошь? Ломай.

„Разбойникъ“ сѣлъ рядомъ, отломилъ кусокъ и сталъ съ жадностью ѣсть. Корки такъ и трещали подъ его крѣпкими зубами.

— Ты откуда?—спросилъ онъ Анюту.

— Со Стрѣлецкой Слободы.
— Какъ звать?
— Анюткой. А тебя?
— Алешкой. У отца живешь?
— У отчима.
— Поди, бьетъ?
— Бьетъ.
— А матка жива?—продолжалъ „разбойникъ“ разспросы.
— Жива. А у тебя?
— У меня нѣтъ ни матки, ни батьки.
— Померли?
— Не было ихъ у меня. Меня кукушка принесла. Меня и прозываютъ Лешка Кукушка, либо Кукушкинъ.
— Гдѣ-жъ ты живешь?
— А гдѣ приведется. Лѣтомъ вотъ такъ болтаюсь по лѣсамъ, по деревнямъ, въ монастыряхъ бываю, а зимою то тамъ, то здѣсь околачиваюсь. Ты не думай, я, вѣдь, ученый. Я грамотѣ лучше дьячка знаю.
— Скажи, пожалуйста! Ишь, ты какой!
— Я всегда хлѣбъ заработаю. А только смерть не люблю подъ началомъ быть, потому сейчасъ колотушки... Ну, а я не могу безъ того, чтобы тумака тоже тогда не дать. Я злой! Меня тутъ поколотилъ одинъ стрѣлецъ, здоровенный эдакій, такъ я его три ночи кряду поджидалъ съ ножомъ наготовѣ. Не выходилъ: сказали ему. Убилъ-бы я, кабы вышелъ... Меня боятся!—закончилъ онъ не безъ гордости.

Анютѣ было и жутко, и пріятно сидѣть рядомъ съ такимъ человѣкомъ, котораго боятся.

Такъ состоялось первое знакомство Алешки Кукушки и Анюты. Съ этихъ поръ дѣти стали видѣться часто. Ихъ сдружила тяжкая доля обиженныхъ судьбою.

Шло время. Алешка превратился въ высокаго рыжаго очень сильнаго парня, съ лицомъ грубоватымъ, но не лишеннымъ пріятности. Изъ него вышелъ хорошій плотникъ, не менѣе искусный рѣзчикъ и грамотей. Гдѣ онъ выучился всѣмъ этимъ искусствамъ, онъ и самъ хорошо не зналъ: такъ какъ-то, само пришло, здѣсь посмотрѣлъ, тамъ поглядѣлъ.

— Золотыя у него руки, и голова съ мозгами, а только нравный,—отзывались о немъ.

Онъ сохранилъ свой прежній неуступчивый характеръ. Давать спуска не любилъ никому.

Алешка съ годами сталъ зваться Алексѣемъ и своими трудами сколотилъ себѣ кое-какой достатокъ, обзавелся избушкой въ глухомъ Замосковорѣцкомъ переулкѣ. Онъ жилъ бобылемъ и мечталъ взять въ жены Анюту. Прежняя дѣтская дружба давно замѣнилась любовью съ той и съ другой сторонъ, но состояться ихъ браку помѣшалъ отчимъ. Ярый старовѣръ, коснѣвшій въ расколѣ капитоновой секты, Филипповъ и слышать не хотѣлъ, чтобы падчерица вышла замужъ за „никоніанца-табашника“.

Напрасно Кукушкинъ и просилъ, и грозилъ; кончилось тѣмъ, что стрѣлецъ „заказалъ“ ему „и носъ свой въ дому показывать“. При послѣднемъ разставаньѣ, Алексѣй поднесъ къ лицу Филиппова кулакъ, предложилъ ему „понюхать, чѣмъ пахнетъ“, и пообѣщалъ, что этотъ кулакъ пройдется по ребрамъ „старовѣришки“.

— А если Анну за другого поневолишь, или иное что сдѣлаешь ей на зло, ножъ тебѣ въ бокъ воткну,— сказалъ Кукушкинъ, уходя.

Но стрѣлецъ былъ не робкаго десятка и „нравенъ“ не меньше жениха падчерицы. Онъ не испугался угрозъ Алексѣя, билъ и тиранилъ Анюту, напропалую, превращая ея жизнь въ непрерывную муку.

Помогалъ ему отравлять существованіе падчерицы не кто иной, какъ Ермилъ Кузьмичъ Федюшкинъ. Сперва онъ явился подъ личиной ея друга. Попалъ онъ въ домъ Филиппова случайно по какому-то дѣлу— Ефимъ Кузьмичъ былъ дѣлецъ на всѣ руки,—увидѣлъ Анюту, пошутилъ, поговорилъ съ нею и послѣ этого сталъ захаживать къ Филиппову очень часто. Онъ давалъ чувствовать стрѣльцу, „что они—не ровня другъ другу, что ихъ раздѣляетъ на общественной лѣстницѣ значительное разстояніе, но, тѣмъ не менѣе, сталъ съ отчимомъ дѣвушки на дружескую ногу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался яко-бы и другомъ Анюты. Часто, въ отсутствіе хозяина, онъ со вздохомъ говаривалъ:

— Н-да, извергъ онъ. Тебѣ не житье, а сущій адъ. Надо тебя освободить, надо что-нибудь придумать...

Отъ Филиппова онъ узналъ о сватовствѣ Антона и послѣ этого сказалъ при случаѣ несчастной невѣстѣ:

— Хочетъ тебя Алешка за себя брать? Онъ—парень хорошій, знаю его, золотыя руки... Что говорить, съ нимъ-бы жизнь твоя пошла по-иному... Жаль мнѣ тебя страсть. Нѣтъ, надо что-нибудь придумать.

И онъ придумалъ.

Однажды онъ подсѣлъ къ Анютѣ и повелъ такой разговоръ:

— Вызволить тебя отселѣ надо, что говорить. И, что могу сдѣлать, я радъ.—Онъ подвинулся къ ней поближе и взялъ ее за локоть.—Ишь, хе-хе!.. локоточекъ-то какой! вкусный! Мнѣ, видишь-ли, ключница нужна... Прежняя стара стала... молодую хочу... вотъ въ родѣ тебя... славненькую эдакую...

Дѣвушка все еще недоумѣвала, къ чему клонится рѣчь, и потому просто спросила:

— Ну, и что-же, зачѣмъ дѣло ста?

— За тобой!.. Я тебѣ только добра желаю, вотъ хоть разрази меня громъ... А ты, вѣдь, я чай, на дыбы...

— Да о чемъ ты говоришь?

— Поступай ко мнѣ ключницей. Все хозяйство будетъ на твоихъ рукахъ... Боярыней будешь жить... Ну, а тамъ, когда поживешь, попріобыкнешь, можно и съ Алешкой окрутить.

Анюта сидѣла блѣдная, уронивъ руки.

— Такъ это... такъ это, стало быть, къ тебѣ въ сударушки?—прошептала она.

— Въ ключницы... по кабальной записи... Сарафанъ я тебѣ новый сошью...—вкрадчиво произнесъ Федюшкинъ.

Дѣвушка вскочила и отбѣжала отъ него.

— Грѣхъ тебѣ... Грѣхъ!—проговорила она, глотая слезы.— Богъ тебѣ судья...

— Ну, вотъ! я такъ и зналъ! Я къ ней съ лаской, а она съ таской. Лучше уйти!—и Федюшкинъ, дѣйствительно, ушелъ.

Съ этихъ поръ онъ началъ волкомъ смотрѣть на Анюту и всецѣло сталъ на сторону жестокаго отчима, котораго сумѣлъ расположить къ своему плану. Онъ сумѣлъ сыграть на двухъ слабыхъ стрункахъ стрѣльца: на его ненависти къ падчерицѣ и на его алчности. Злобное сердце Филиппова замирало отъ радости при

мысли, что падчерица, свободная, такъ какъ ея умершій отецъ былъ стрѣльцомъ, станетъ кабальною рабой и еще „сударушкой“ Ермила Кузьмича, а, кромѣ того, его соблазняла перспектива получить пять рублей съ алтыномъ, если дѣло устроится. Какъ отчимъ, къ которому перешли всѣ права отца надъ Анютой, онъ могъ отдать ее въ кабалу по своей собственной волѣ, но все-же хотѣлъ лучше ее „уломать“, чтобы „не поднимать шума“.

— Ты, Ермилъ Кузьмичъ, будь спокоенъ, — говорилъ онъ Федюшкину, — не уломаемъ—своей властью продамъ.

Однако, „уламыванье“ плохо ладилось: всегда покорная падчерица отвѣчала рѣшительнымъ „нѣтъ“; на этотъ разъ она твердо рѣшила:

„Этому не быть. Лучше въ петлю“...

Порою разыгрывались дикія сцены въ домѣ Филиппова. При „уламываньѣ“ стрѣлецъ доходилъ до бѣшенства. Съ пѣной у рта нападалъ онъ на падчерицу, срывалъ съ нея одежду и нещадно билъ Анюту кнутомъ, въ который была вплетена проволока, по обнаженной спинѣ и плечамъ. Съ каждымъ ударомъ протягивался кровавый рубецъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ брызгала кровь.

Федюшкинъ, обыкновенно, присутствовавшій при этихъ сценахъ, потиралъ руки и съ улыбочкой говорилъ:

— Такъ, такъ! жарь ее! дуй! Будетъ впередъ старшихъ слушать.

VIII.

На другой день послѣ пріѣзда Симонова въ Москву, Федюшкинъ прибѣжалъ утромъ къ нему принаряженный.

— Что-жъ, ѣдемъ къ Алексѣй Прокопьевичу?—спросилъ онъ.

— Да я, пожалуй, одинъ, — поморщившись при видѣ Ермила Кузьмича, сказалъ Артемій Андреевичъ.

— Какъ можно одному! Да развѣ я тебя пущу? Я всегда радъ помочь, чѣмъ могу... Ты, можетъ, за вчерашнее серчаешь?

— Чего-жъ серчать? А только зачѣмъ мнѣ на помочахъ ходить? Я могу одинъ.

— Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ, можетъ, злишься? А только я ничѣмъ не виноватъ. Играю я въ зернь, мнѣ такъ и везетъ, такъ и везетъ, а тутъ ты: „идемъ домой!“. Ну, кто-жъ пошелъ-бы?

— Много выигралъ?

— Гм. Нѣтъ... Выигралъ было, а потомъ все проигралъ, все,—отвѣтилъ Федюшкинъ, принимая печальный видъ. —и Ну, ѣдемъ скорѣе... Велѣть твоимъ людямъ лошадей закладывать? — добавилъ онъ и поспѣшилъ убраться.

На этотъ разъ Артемій Андреевичъ въ гости отправлялся не по-вчерашнему: одѣлся въ лучшій кафтанъ, сани покрылъ ковромъ. За кучера сѣлъ Матвѣй Большерукъ, а Андронъ долженъ былъ исполнять обязанности выѣздного холопа. Ѣхали лучшими улицами. День былъ ясный и морозный. Купола церквей свѣтились на солнцѣ матовымъ золотомъ сквозь серебристый налетъ инея. Алмазная пыль, едва зримая, дрожала въ воздухѣ. Кремлевскія стѣны, тоже одѣтыя бѣлымъ налетомъ, вздымались грозно-величественно, смотря на городъ жерлами пушекъ.

— Какъ хорошо! — повторялъ Симоновъ, любуясь городомъ.

Федюшкинъ называлъ ему улицы, церкви, палаты именитыхъ людей.

По мѣрѣ приближенія къ дому Соковнина Ермилъ Кузьмичъ становился молчаливѣе, а когда сани, свернувъ въ широко распахнувшіяся ворота двора дома Алексѣя Прокопьевича, остановились у крыльца, на его лицѣ выражалось безпокойство.

Не выходя изъ саней, Артемій Андреевичъ приказалъ доложить, что, молъ, пріѣхалъ сынъ боярскій имя рекъ и привезъ окольничему письмо и поклонъ отъ Анфисы Петровны Леонтьевой.

Холопъ вскорѣ вернулся.

— Приказано просить,—сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ направился въ комнаты, а слѣдомъ за нимъ, словно прячась за его плечами, поплелся Федюшкинъ.

Алексѣй Прокопьевичъ Соковнинъ, хмурый старикъ, ждалъ въ свѣтлицѣ.

Когда Симоновъ, войдя, отвѣсилъ ему низкій поклонъ, Соковнинъ указалъ рукой на многочисленныя иконы и промолвилъ:

— Прежде Божьему Милосердію, а потомъ людямъ.

Симоновъ перекрестился. Онъ не былъ старообрядцемъ, но, по усвоенной съ дѣтства привычкѣ, крестился двуперстіемъ. Это не ускользнуло отъ вниманія хозяина, и тѣнь удовольствія скользнула по его лицу.

— Садись... Артемій Андреевичъ, — сказалъ онъ значительно ласковѣе, а потомъ скосилъ глаза въ сторону Федюшкина, жавшагося у порога, и спросилъ:— тебя зачѣмъ принесло?

— Да какъ-же... давно не видались... Захотѣлось повидаться, дяденька!.

— Сказано было тебѣ, чтобъ дяденькой меня не звалъ. Какой я тебѣ дяденька?.. Нашелся племянничекъ *)! Липнетъ, что муха къ меду. И видаться намъ незачѣмъ. Говорено было, чтобъ подальше отъ меня. Ну, чего стоишь? Вороти оглобли. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Проваливай!

Федюшкинъ потоптался у дверей и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

— Племянничекъ! Много такихъ найдется: въ Москвѣ народа не мало. Присталъ, какъ листъ банный, со своимъ родствомъ,—ворчалъ Соковнинъ по его уходѣ.

Онъ помолчалъ, а затѣмъ спросилъ:

— Анфиса Петровна здорова-ль?

— Бога благодаря, здорова,—отвѣтилъ Симоновъ.

— Давненько я ея не видалъ: съ ея свадьбы. Прибралъ Господь Николая-то. Молодецъ былъ, богатырь, а съ коня хлопнулся и готовъ. Жизнь человѣчья—тлѣнъ.

— Много и низко кланяться тебѣ боярыня наказывала,—произнесъ Симоновъ.

— За поклоны и память спасибо. А ты какъ съ ней знакомъ?

— Моя вотчина недалеко отъ ея, — заговорилъ Симоновъ.—Прослышала она, что въ Москву ѣду, дала

*) См. романъ Н. Н. Алексѣева «На зарѣ новыхъ дней».

письмо: ея мужъ дружень былъ съ моимъ отчимомъ.. Ну, такъ, стало быть, она по доброте своей хотѣла мнѣ помощь оказать, знала, что у меня въ Москва-то никого,—какъ умѣлъ, сочинялъ Симоновъ, смущаясь и краснѣя.—Добра она—страсть.. Мужики на нее чуть не молятся... Вотъ письмо...

— Баба! избаловала мужичье,—промолвилъ окольничій, принимая письмо.—Ѳомка, очки подай!

Холопъ принесъ большія круглыя очки въ роговой оправѣ. Окольничій протеръ стекла и посмотрѣлъ сквозь нихъ.

— Ну, да! еще царапина!—ворчалъ онъ. — Вещь заморская, какихъ денегъ стоитъ, а развѣ они станутъ беречь господское. Черти!

Наконецъ, старикъ медленно надѣлъ очки и сталъ читать письмо громкимъ шепотомъ, смакуя каждое слово.

— Шлетъ поклоны тетушкамъ Авдотьѣ да Ѳедосьѣ,—оторвался онъ отъ чтенія и повернулся къ гостю, смотря на него поверхъ очковъ,—а онѣ померши, обѣ въ ангельскомъ чинѣ преставились въ Боровскомъ островѣ. Я съ братомъ Федоромъ ужъ и камень на могилѣ ихъ положили и изсѣкли письмены, кто подъ камнемъ покоится. Для памяти это внукамъ и правнукамъ, потому что любезныя сестры мои мученицами за вѣру древлеблагочестивую животъ положили. Мученицами!—наставительно закончилъ Алексѣй Прокопьевичъ.

Онъ покачалъ головой, принялся снова за письмо и окончилъ чтеніе безъ перерывовъ.

— Проситъ Анфиса Петровна,—заговорилъ онъ, снимая очки,—чтобы я тебѣ помощь оказалъ... А какую-же я тебѣ помощь могу оказать, милый человѣкъ? Ты зачѣмъ-же по-настоящему-то въ Москву пріѣхалъ? Такъ, поглазѣть, пошататься? Денегъ много въ мошнѣ завелось? хе-хе!

— Хочу царю послужить!—произнесъ Симоновъ.

— Служить? Плоха нынѣ, братецъ, служба стала. Нынѣ нѣмецъ въ чести. Балуетъ царь нехристей, все съ ними—и работаетъ, и пируетъ. Кое-что ужъ и передѣлываться начинаетъ на нѣмецкій ладъ. Говорятъ,—тутъ Соковнинъ наклонился поближе къ гостю и понизилъ голосъ,—говорятъ, нѣмцы его въ свою вѣру заманиваютъ и онъ будто-бы склоняется къ тому.

— Не можетъ быть!

— Анъ, можетъ! Нынѣ все можетъ быть. Ты, братъ, молоденекъ еще. Поживи съ мое да погляди, тогда иное скажешь. Ужъ и то вѣра-то какая стала? Пестрая вѣра. Одно званіе, что православная вѣра, а на самомъ дѣлѣ латино-никоніанская. Нынѣ надъ вѣрой-то смѣются! У царя дьякъ есть, въ родѣ шута, первѣйшій пьяница, такъ его на пирушкахъ патріархомъ величаютъ. Вотъ до чего! „Всешутѣйшій, — говорятъ, — всепьянѣйшій патріархъ“. Па-трі-архъ! подумать только, надъ кѣмъ смѣются!

Соковнинъ говорилъ желчно, его глаза блестѣли.

— А табачища-то этого проклятаго сосутъ!—воскликнулъ онъ,—смотрѣть противно. И старъ, и малъ!—а затѣмъ, помолчавъ, заговорилъ другимъ тономъ: — напрямикъ тебѣ скажу: помочь тебѣ поступить на службу я не могу, потому что нынѣ старые царевы слуги, какъ я, не въ почетѣ. Да и что тебѣ за охота? Или нѣмцемъ стать хочешь? Скоро, братъ, всѣхъ въ нѣмцевъ обратятъ.

И онъ опять повелъ рѣчь о ненавистныхъ ему новшествахъ.

Артемію Андреевичу надоѣло слушать стараго изувѣра. Онъ поднялся и произнесъ:

— Прощенья прошу, Алексѣй Прокопьевичъ, что потревожилъ.

— Тревога не велика, а сдѣлать для тебя и радъ-бы, да не могу,—отозвался Соковнинъ.—Ужъ что дѣлать, не попеняй! Захаживай ко мнѣ по праздникамъ пирога кушать.

— Благодарствую за ласку.

— А съ этимъ-то, съ Ермишкой, давно ты знакомъ?—спросилъ старикъ, провожая гостя къ крыльцу.

— Со вчерашняго дня!—отвѣтилъ Симоновъ.—Сказалъ онъ мнѣ, будто онъ—твой родственникъ, и захотѣлъ со мной ѣхать.

— Взашей гнать такихъ родственниковъ. Ты съ нимъ, того, не очень дружи, да держи ухо востро: онъ—парень дрянь. Ну, прощай! Такъ, слышь, по праздникамъ пирога отвѣдать заглядывай.

Симоновъ поблагодарилъ и сѣлъ въ сани. Федюшкина не было видно, но едва отъѣхали отъ вороть нѣ-

сколько сажень, онъ выскочилъ изъ-за угла какого-то переулка и сталъ махать и кричать, чтобы его подождали.

— Подгони, Матвѣй,—приказалъ Артемій Андреевичъ, дѣлая видъ, что не видитъ Ермила Кузьмича, который становился положительно противенъ ему.

Федюшкинъ нѣкоторое время бѣжалъ, продолжая кричать, но потомъ, понявъ, что его намѣренно не замѣчаютъ, остановился и злобно посмотрѣлъ вслѣдъ санямъ.

— Подожди ты, счастливчикъ! я тебѣ все припомню, за все отдарю,—прошепталъ онъ.

— Надо намъ теперь, Матвѣй, пробраться въ Нѣмецкую Слободу,—сказалъ Симоновъ Большеруку.

— Вотъ, бояринъ, загнулъ ты мнѣ загадку! Тутъ улица, тамъ улица, здѣсь переулочекъ, впоперекъ ему другой. Куда ѣхать? Ничего не остается, какъ поразспросить.

Стали разспрашивать встрѣчныхъ и кое-какъ добрались до Кукуя. Найти тамъ домъ Лефорта было уже не трудно: его указалъ первый встрѣчный мальчикъ. Этотъ домъ, построенный царемъ Петромъ для своего любимца, стоялъ на берегу Яузы. По своей величинѣ и обширности онъ рѣзко выдѣлялся среди остальныхъ слободскихъ построекъ; недаромъ народъ и называлъ его „дворцомъ“*).

---

*) «Лефортовскій дворецъ» находится рядомъ съ Императорскимъ техническимъ училищемъ, на Лефортовской улицѣ (Коровій бродъ). Въ концѣ царствованія Петра I этотъ домъ принадлежалъ князю Меньшикову, который его значительно увеличилъ и украсилъ. Въ 1702 году въ этомъ зданіи въ одной изъ палатъ былъ даже устроенъ «комедійный театрумъ и хоры». Позже въ лефортовскомъ дворцѣ имѣлъ кратковременное пребываніе юный императоръ Петръ II, гдѣ онъ и скончался въ ночь на 19-е января 1730 года. Этотъ домъ подвергся пожару, потомъ былъ возстановленъ и сталъ служить для временной остановки посланниковъ. Въ 1771 году, во время чумы, л. дворецъ былъ обращенъ въ карантинъ, съ 1812 по 1820 г. онъ оставался необитаемымъ и служилъ пріютомъ для «темнаго» люда, грабившаго по вечерамъ и ночамъ прохожихъ; онъ въ это время частью обратился въ развалины, поросшія деревьями. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка л. дворецъ получилъ свой нынѣшній видъ. Въ настоящее время въ немъ помѣщается московское отдѣленіе архива главнаго штаба.

* *
*

Когда сани остановились у крыльца и Артемій Андреевичъ назвалъ себя выбѣжавшему челядинцу, тотъ отвѣтилъ:

— Приказано просить немѣшкотно,—и провелъ его въ палаты.

Лефортъ уже ждалъ его.

— А! мой другъ, здорово! Радъ, что пріѣхалъ,— воскликнулъ онъ, идя навстрѣчу входившему въ комнату молодому человѣку, а затѣмъ обнялъ и троекратно расцѣловался.

— Садись, пожалуйста, будь какъ дома! Чѣмъ угощать велишь? Будемъ вино пить, — оживленно заговорилъ Францъ Яковлевичъ, со своимъ обычнымъ акцентомъ и ломая рѣчь.—Эй, бургундскаго!

Онъ засыпалъ гостя вопросами, откуда онъ родомъ, зачѣмъ прибылъ въ Москву, и множествомъ другихъ.

Артемія Андреевича смущала чуждая, роскошная обстановка палаты. Картины, зеркала, органъ, гобелены и золоченые стулья—все это было совершенно непохоже на обычное убранство боярскихъ покоевъ, какъ не былъ похожъ на русскаго именитаго человѣка и самъ хозяинъ: стройный, гладко выбритый красавецъ, одѣтый въ кафтанъ нѣмецкаго кроя, узкія панталоны, чулки и башмаки съ пряжками. Но Лефортъ былъ такъ веселъ, такъ оживленъ, такъ добродушно похлопывалъ по плечу юношу, что мало-по-малу Симоновъ оправился отъ смущенія. Душистое, многолѣтнее вино разливало пріятную теплоту въ жилахъ, воздухъ былъ наполненъ ароматомъ какого-то куренья, кресло, въ которомъ сидѣлъ Артемій Андреевичъ, было покойно и мягко, глаза ласкалъ видъ чудныхъ картинъ, бѣлоснѣжныхъ статуй. Быть можетъ, впервые юношѣ пришлось извѣдать всю прелесть настоящаго комфорта. Онъ оживился и бесѣда пошла неумолчная. Онъ разсказывалъ Францу Яковлевичу о своемъ дѣтствѣ, о своей вотчинѣ, о покушеніи отчима на его жизнь, о бѣгствѣ изъ родного дома и о дорожномъ приключеніи.

Когда молодой человѣкъ упомянулъ въ своемъ разсказѣ о красавицѣ боярынѣ Леонтьевой, Лефортъ воскликнулъ:

— Ну, объ закладъ бьюсь, мой юный другъ потерялъ свое сердце. Вѣдь, такъ?—и, замѣтивъ яркую краску на лицѣ гостя, одобрительно закивалъ головой. —Это хорошо. Всѣмъ людямъ надо любить, а особенно молодымъ людямъ. А злодѣя-отчима твоего мы въ бараній рогъ согнемъ, — добавилъ онъ серьезнымъ тономъ. — Хочешь?

— Богъ съ нимъ. Что ужъ теперь?Если-бы раньше.

— Но чѣмъ-же я тебя вознагражу?

— Попроси царя принять меня на службу.

— Это можно. Царю люди, вѣрные слуги нужны, онъ приметъ, — и Францъ Яковлевичъ заговорилъ о намѣреніяхъ и планахъ Петра Алексѣевича.

Онъ говорилъ, что если грандіозные замыслы царя осуществятся, то Россія станетъ великою державою, скинетъ цѣпи темнаго варварства, которыми она окована много вѣковъ.

— Русь для меня — вторая родина, — говорилъ Лефортъ.—Я люблю ее, какъ свою родную Женеву. Я Бога молю, чтобы Онъ далъ силы царю исполнить то, что онъ замыслилъ. И царь сдѣлаетъ, свершитъ, свершитъ! Я вѣрю.

Его глаза сіяли, въ голосѣ слышалась глубокая надежда.

Одушевленіе Лефорта отразилось и на Симоновѣ.

— О, Боже мой!—порывисто воскликнулъ онъ. —И послѣ этого не служить царю?! Служба ему — счастье.

— Истинная правда: счастье помогать ему. Оттого-то и я счастливъ, какъ никогда не былъ у себя на родинѣ. Я не очень ученъ, я не многимъ могу служить государю... Но я могу подать хорошій совѣтъ, могу развеселить его веселой шуткой и разогнать его тяжелыя думы; могу словомъ утѣшенія ободрить его, когда онъ тоскуетъ, когда боится, что не хватитъ силъ у него свершить великое дѣло. Вотъ въ этомъ моя помощь, моя служба...

Вбѣжалъ челядинецъ и крикнулъ:

— Царь пріѣхалъ!

Лефортъ вскочилъ, чтобы идти навстрѣчу государю, но уже въ сѣняхъ слышались быстрые, грузные шаги. Дверь распахнулась, и вошелъ царь.

При своемъ гигантскомъ ростѣ, Петръ держался

нѣсколько сутуло. Взглядъ его черныхъ глазъ былъ очень быстръ — казалось, онъ разомъ оглядѣлъ всю обширную комнату — и горячъ; обыкновеннымъ смертнымъ трудно было не опустить своихъ глазъ, когда на нихъ смотрѣли его очи. Одѣтъ государь былъ въ азямъ—родъ кафтана на хребтовомъ бѣличьемъ мѣху. Кафтанъ былъ разстегнутъ на груди и позволялъ видѣть короткую куртку-бострокъ съ серебряными пуговицами.

— Однако-жъ, и морозно сегодня!—сказалъ Петръ Алексѣевичъ, потирая руки.—Вели-ка, Францъ, подать водки да закусить. Прозябъ я. Это у васъ бургундское?

— Да, государь.

— Хлопнемъ маленькую! — произнесъ Петръ, самъ налилъ въ кубокъ Лефорта и опросталъ его духомъ.— Славно! Огонекъ по крови побѣжалъ,— сказалъ онъ и сѣлъ, пододвинувъ стулъ къ столу.

Артемій Андреевичъ стоялъ, точно прилипнувъ къ стѣнѣ, и пожиралъ царя глазами.

— Я къ тебѣ съ дѣломъ, — сказалъ государь Лефорту, пока подавали закуску. — Знаешь ты, что я корабли готовлю подъ Азовъ?

— Еще-бы не знать, государь!—произнесъ Францъ Яковлевичъ.

— Ну, такъ я тебя назначилъ адмираломъ морского каравана плавнаго пути. Любо-ли?

— Конечно, любо, государь,—отвѣтилъ Лефортъ.— А только какой я адмиралъ? Если ты меня въ совѣтахъ не оставишь, тогда...

— За совѣтами „шкипера Питера“ дѣло не станетъ. Для морского регимента записалъ я четыре тысячи солдатъ. Охъ, поспѣть-бы къ веснѣ! Что-то Гришка Титовъ въ воронежскихъ лѣсахъ дѣлаетъ?.. А вотъ и закусочка. Ну-ка, братцы, хлопнемъ: я одинъ не буду, люблю „кумпанію“. Молодчикъ, присаживайся!—сказалъ царь Симонову.

Тотъ робко сѣлъ на край стула.

— Знакомецъ твой?—спросилъ царь Лефорта.

— Спаситель жизни моей. Вчера у Виніуса мнѣ не довелось разсказать, — отвѣтилъ Лефортъ и передалъ вчерашній трагическій эпизодъ.

— Ай, молодецъ! — воскликнулъ государь, выслу-

шавъ разсказъ.—Какъ звать тебя?—спросилъ онъ Симонова.

— Артемьемъ!—робко отвѣтилъ тотъ.

— За твое здоровье!—и царь опросталъ чарку.

— На службу къ тебѣ, государь, просится, — замѣтилъ Лефортъ. — Думается мнѣ, что онъ будетъ хорошимъ служивымъ.

— На службу? Отлично! Только, братъ, — опять повернулся Петръ Алексѣевичъ къ Симонову, — у меня служба тяжелая. Не боишься?

— Не боюсь.

— Ты кто?

— Боярскій сынъ.

— У меня всѣ начинаютъ съ малаго. Походи съ мушкетомъ, поработай топорикомъ, тогда и видно будетъ. И этого не боишься?

— И этого не боюсь! — твердо сказалъ Симоновъ.

— Ну, инъ ладно. Беру тебя на службу.

Потомъ государь занялся бесѣдой съ Лефортомъ о предстоящемъ походѣ подъ Азовъ, о будущемъ флотѣ, который долженъ преградить путь туркамъ къ Азову со стороны моря.

Прошло съ часъ времени.

— Мнѣ пора. Хочу у брата Ивана побывать, — промолвилъ царь, вставая,—и еще кое у кого. Такъ вотъ что, братецъ,—замѣтилъ онъ, повернувшись къ Артемью Андреевичу,—я тебѣ службу надумалъ: поѣзжай ты на Воронежъ. Тамъ въ порѣчныхъ лѣсахъ стольникъ Григорій Титовъ лѣсъ валитъ для нашихъ галеръ. Помоги ему. При случаѣ и самъ топоромъ поработай, не бойся ручекъ своихъ замарать. Тебѣ сборы, чай, не долги?

— Не долги, государь.

— Такъ даю тебѣ день на сборы. Сегодня у насъ понедѣльникъ, въ среду выѣзжай. Зайди въ приказъ, я прикажу для тебя бумагу изготовить... Ну, получишь малую толику денегъ. А можетъ, у тебя свои есть?

— Пока есть.

— Такъ тебѣ, значитъ, денегъ не нужно. Казну беречь надо—пригодится. Я на себя алтына даромъ не истрачу. Такъ, стало быть, въ среду ѣдешь. Прощай, работай, и я тебя не забуду. Прощай, Францъ!

И такъ-же быстро, какъ вошелъ, царь удалился.

IX.

Послѣ тщетной погони за санями Симонова, озлобленный неудачей Ермилъ Кузьмичъ нѣкоторое время стоялъ въ раздумьѣ.

„Куда идти? Домой? Тощища смертная. Къ пріятелямъ? небось, всѣ дѣломъ заняты теперь. Развѣ къ Филиппову? Пойду къ нему“.

На этомъ рѣшеніи Федюшкинъ и остановился. Ему хотѣлось сорвать на комъ-либо накопившуюся злобу, а лучше для этой цѣли, чѣмъ стрѣлецкая падчерица, не было никого. Однако, его ожидало маленькое разочарованіе: стрѣльца онъ не засталъ дома. Впрочемъ, это его мало раздосадовало.

„Придетъ, подождемъ!—рѣшилъ онъ,—а пока одинъ надъ Анюткой поиздѣваюсь“.

Федюшкинъ подсѣлъ къ дѣвушкѣ, занятой надъ пряжей, и началъ сладенькимъ голосомъ:

— Не устали-ль твои рученьки, дѣвонька? Чай, устали, сахарныя? Бѣдная ты моя работница! Никто-то тебя не приголубитъ. Жаль, жа-аль мнѣ тебя, сердешная, стра-асть!—но, сказавъ это, вдругъ сурово оборвалъ рѣчь.—Чего, паскудница, брови морщишь, когда я тебѣ говорю? Смотри у меня!

Онъ толкнулъ дѣвушку локтемъ въ бокъ. Анюта отодвинулась, Федюшкинъ придвинулся снова и продолжалъ:

— Не нравится? То-ли еще будетъ, когда ко мнѣ въ кабалу попадешь. Не хотѣла добромъ, такъ теперь узнаешь Ермила Кузьмича! Чего губы дуешь?

И онъ снова толкнулъ несчастную дѣвушку.

— Оставь ты меня! Оставь!—промолвила Анюта.

— Те-те-те! Не ты-ль мнѣ прикажешь? Какая сердитая! Ты меня, пожалуй, бить станешь, когда ко мнѣ въ кабалу попадешь? Станешь бить? А?

— Не буду я у тебя въ кабалѣ.

— Ну, ужъ это погоди. Быть-то будешь безпремѣнно. И твой женишекъ не поможетъ. Женишекъ—хе-хе! Лаптей не на что ему купить, а туда-жъ жениться. Знаешь, ты присовѣтовала-бы ему на большой дорогѣ съ дубиной ночью промышлять: и денегъ-бы нажилъ. и подъ стать ему такое рукомесло.

Вѣдь, онъ—сущій разбойникъ. Сколько онъ людей зарѣзалъ? скажи дружбы для, съ извѣтомъ не пойду.

— Пока Богъ миловалъ его отъ этого, а вотъ тебя онъ зарѣжетъ!—сурово возразила Анюта.

Федюшкина передернуло.

— Да какъ ты смѣешь говорить со мной такъ!—крикнулъ онъ и его голосъ зазвенѣлъ отъ злости.—Ты кто такая и знаешь-ли, кто я? Я тебя пришибу сейчасъ на мѣстѣ.

Онъ размахнулся и ударилъ дѣвушку по щекѣ.

— Батюшка, Ермилъ Кузьмичъ, почто бьешь сироту?—вступилась было за дочь Катерина.

— Ну ты еще сунься, старая карга! Хочешь, видно, чтобы тебѣ по горбу попало? Убирайся!

Онъ пнулъ старуху ногой, потомъ опять принялся за Аннушку, говоря:

— Вотъ разсердила, вотъ и попало, сама виновата. И впередъ такъ-же будетъ. Я добрый, очень добрый, а разозлюсь—бѣда. Ты видѣла, чай, какой я добренькій? хе-хе! Я тебя любить буду, холить буду. Стану плеточкой хлестать, немножечко: только разковъ десятокъ въ день! хе-хе! Плеточку закажу мягенькую. славненькую: хлестану—кровь брызнетъ.

— Какъ-бы изъ тебя кровь не брызнула.

— Ты опять за свое?—воскликнулъ Федюшкинъ, и раздалась новая пощечина.

Анюта встала и хотѣла уйти, но Ермилъ Кузьмичъ загородилъ ей дорогу и закричалъ:

— Врешь! не пущу. Больно прыткая: какъ отчима нѣтъ дома, такъ и отъ дѣла отлынивать? Эдакъ не годится.

Онъ закинулъ руки дѣвушки ей за спину, перегнулъ назадъ ея станъ и держалъ такъ, съ злобнымъ наслажденіемъ смотря, какъ наливалось кровью ея лицо, исказившееся отъ боли.

— Не пустимъ-съ, милая, не пустимъ-съ!—бормоталъ онъ, выворачивая ей суставы.

— Ой! Да пусти-же, пусти! Злодѣй! Иродъ!

Но Федюшкинъ сталъ еще сильнѣе жать ея руки.

Въ этотъ моментъ пришелъ Филипповъ.

— Вотъ кстати!—воскликнулъ Федюшкинъ.—Поучика свою дочку, чтобы не больно брыкалась. Помилуй!

ругается напропалую: и злодѣй-то я, и продъ, грозитъ что меня Антошка убьетъ... совсѣмъ словно бѣлены объѣлась. Въ кабалу, говоритъ, не пойдетъ. Съ перцемъ у тебя дѣвка. Мало, видно, учишь ее.

— Мало? Такъ надо поучить!—злобно воскликнулъ стрѣлецъ и съ налившимися кровью глазами досталъ изъ-за печки кнутъ.

Анюта стояла блѣдная, какъ полотно, готовясь къ мукамъ. Ея глаза выражали ужасъ. А стрѣлецъ въ это время крикнулъ:

— Держи, Ермилъ Кузьмичъ, ее за косу.

Федюшкинъ, хихикая, исполнилъ приказъ.

Отчимъ сорвалъ съ падчерицы одежду, и удары градомъ посыпались на нее.

Анюта упала на полъ, извиваясь, какъ змѣя, у ногъ своихъ палачей, а отчимъ хлесталъ, хлесталъ, свирѣпѣя все больше съ каждымъ взмахомъ кнута

* * *

— Ну, братцы,—сказалъ Артемій Андреевичъ своимъ слугамъ, когда кони мчали сани обратно къ дому Филиппова,—поступилъ я на царскую службу.

Андронъ снялъ шапку и, перекрестившись, воскликнулъ:

— Слава Те, Господи! При дворѣ государевомъ или въ полкъ?

— Ни то, ни другое. Пока бревна тесать.

— Что?!—въ одинъ голосъ спросили Андронъ и Большерукъ.—Шутить изволишь?—ухмыляясь, сказалъ бывшій ключникъ.

— Ничуть не шучу: въ среду ѣду на Воронежъ помогать стольнику Титову валить тамошніе лѣса. Придется и топорикомъ поработать.

— Пустое говоришь, бояринъ!—съ неудовольствіемъ проворчалъ Андронъ. — Какая-жъ это служба? Развѣ можно?

— Я тебѣ говорю, что такъ. Да почему-жъ намъ не работать, коли самъ царь работаетъ? Онъ своихъ державныхъ рукъ не жалѣетъ для черныхъ работъ, такъ намъ-ли жалѣть? Ну, и ѣду я на Воронежъ. А теперь надо, братцы, рѣшить, какъ вамъ устроиться,—продолжалъ Артемій Андреевичъ, смѣясь въ душѣ надъ

недовольствомъ Андрона, — станете въ солдаты поступать?

— Слыхалъ я, — почесывая затылокъ, промолвилъ Матвѣй,—что въ солдатахъ бьютъ больно. Да и правду сказать, мнѣ въ солдаты поступать теперь что-то ужъ и не хочется... Коли ты не прогонишь, я-бъ лучше при тебѣ остался.

— А ты, Андронушка?—спросилъ Симоновъ.

— Неужли тебя оставлю? Ты — лѣса валить и мы станемъ.

— Мы можемъ пильщиками али рубщиками стать,— замѣтилъ Большерукъ!

— Такъ и ладно! — согласился Симоновъ. — И мнѣ жаль было-бы съ вами разлучаться. Значитъ, въ среду всѣ вмѣстѣ въ путь. Э-э, Матвѣй! ты чуть было воротъ не проѣхалъ.

— И впрямь! все оттого, что въ головѣ толчея!— отвѣтилъ тотъ и свернулъ въ ворота.

Большерукъ остался на дворѣ выпрягать лошадей, а боярин съ Андрономъ поднялись на крыльцо.

Уже изъ сѣней стали слышны стоны и крики.

— Бьютъ тамъ кого-то,—сказалъ ключникъ.

— Сдается мнѣ, что это падчерицу! — проговорилъ Симоновъ и, вмѣсто своихъ комнатъ, направился на хозяйскую половину.

Когда онъ распахнулъ дверь, Анюта полунагая стеная билась на полу; Федюшкинъ держалъ ее за косу и весело хохоталъ, отчимъ съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ съ плеча хлесталъ падчерицу. Кровавые рубцы покрывали кожу дѣвушки, кровяныя пятна виднѣлись на бѣломъ, некрашенномъ полу. Катерина рыдала, упавъ лицомъ внизъ на лавку.

— Что ты дѣлаешь?! Не смѣй! — въ негодованіи крикнулъ Артемій Андреевичъ, схвативъ хозяина за плечо.

Тотъ взглянулъ на него налитыми кровью глазами и, въ свою очередь, крикнулъ:

— А тебѣ что? Моя воля! хочу бить—и буду бить.

— Ты что за защитникъ? Чего носъ не въ свое дѣло суешь? Заважничалъ, загордился больно... Какъ же! у Лефорта въ гостяхъ былъ! Фря заморская, молокососишка!—воскликалъ Ермилъ Кузьмичъ, злоба

котораго на Симонова вновь вспыхнула. — Брысь на свою половину, мальченка! Хозяинъ! гони-ка ты его взашей.

— Вотъ какъ! вотъ какъ! — блѣднѣя, пробормоталъ Артемій Андреевичъ и, выпустивъ плечо хозяина, шагнулъ къ Федюшкину.

— Ну, ну!—угрожающе закричалъ тотъ, пятясь.

— Я тебѣ покажу ну-ну! — отвѣтилъ Симоновъ и, схвативъ одною рукою Ермила Кузьмича за горло, другою — за поясъ, приподнялъ своего врага, потрясъ въ воздухѣ, донесъ до дверей и выбросилъ въ сѣни.— Остынь на холодкѣ,— промолвилъ онъ, запирая двери, а потомъ повернулся къ стрѣльцу, озадаченному разыгравшейся сценой, и приказалъ:—брось кнутъ!

— Я—не холопъ твой! Что на меня кричишь!—попробовалъ было возразить Филипповъ.

— Ладно. Бросай, что-ль, не то худо будетъ.

— Это вѣрно... только для тебя!—и Филипповъ замахнулся кнутомъ на своего постояльца.

Въ ту-же минуту онъ шарикомъ откатился въ противоположный уголъ отъ могучаго удара Андрона. Внѣ себя отъ ярости стрѣлецъ хотѣлъ встать, но сильный, какъ медвѣдь, ключникъ насѣлъ на него, говоря:

— Врешь, братъ. Давай прежде кнутъ!

Холопъ вырвалъ кнутъ, всталъ и, подавъ его боярину, сказалъ:

— Теперь кнутикомъ-бы этого самаго молодчика, какъ онъ раньше дѣвку.

— Чертъ съ нимъ!—отвѣтилъ Симоновъ, опустившись на скамью.

Стрѣлецъ медленно поднялся.

— Теперь скажи, за что ты ее бьешь? — спросилъ Артемій Андреевичъ.

— А ужъ это мнѣ знать,— угрюмо отвѣтилъ хозяинъ.—Ну, проваливайте къ себѣ, да и изъ дома моего пора-бы тебѣ съѣхать... За постой только денегъ не забудь заплатить, а то иной эдакъ вотъ кочевряжится, кочевряжится, а у самого ни алтына въ карманѣ. Знаемъ мы васъ!

— Ну, братъ, сѣдины твоей только жаль, а то вспалъ-бы я тебѣ!—крикнулъ ему Симоновъ.—Да слышь,

если ты ее еще хоть пальцемъ тронешь, расправлюсь я съ тобой. Пойдемъ, Андронъ!

Анюта, присѣвшая на скамьѣ, бросилась къ Артемію Андреевичу.

— Бояринъ! Голубчикъ! Освободи! Они тутъ изрѣжутъ меня, исщиплютъ... Бога для, куда-нибудь укрой отъ нихъ,—воскликнула она, плача.

— Куда-же, милая? къ намъ въ покои?

— Хоть къ вамъ.

Они вышли въ сѣни.

Федюшкинъ, стоявшій прижавшись къ стѣнкѣ, увидя съ ними Анюту, противно захихикалъ и сказалъ:

— Анютка! куда? тамотка, вѣдь, трое ихъ.

Артемій Андреевичъ вспыхнулъ. Кнутъ свистнулъ въ воздухѣ, и Ермилъ Кузьмичъ, охнувъ, схватился за лицо, перерѣзанное кровавымъ рубцомъ отъ виска до подбородка.

— Памятка, чтобъ впередъ тебѣ не повадно было!— сказалъ съ жесткой усмѣшкой Симоновъ, а когда они пришли въ свои горницы, спросилъ дѣвушку:—за что это отчимъ тебя такъ истязалъ?

— Такъ, ни съ чего... Придрался къ тому, что Ермилъ Кузьмичъ наболталъ.

— Не любитъ отчимъ тебя?

— Страсть не любитъ. И за что? Хочетъ сбыть меня съ рукъ, а замужъ не пускаетъ... въ кабалу идти неволитъ,—говорила Анюта, глотая слезы,—къ Ермилу Кузьмичу.

Молодой человѣкъ всплеснулъ руками отъ удивленія и воскликнулъ:

— Къ нему?! То-то онъ тутъ и толчется.

— Много мнѣ и безъ него мукъ было,—продолжала Анюта,—а только какъ Федюшкинъ къ намъ сталъ ходить, вдвое муки прибавилось. Да я тебѣ все разскажу, батюшка-бояринъ, ни въ чемъ не потаюсь. Суди послѣ, коли въ чемъ повинна.

И она передала, какъ умѣла, о своемъ безрадостномъ дѣтствѣ, о своемъ знакомствѣ съ Антономъ Кукушкинымъ, о поведеніи Федюшкина и его намѣреніяхъ.

— Да, не весела твоя доля!—со вздохомъ сказалъ Артемій Андреевичъ.—И какъ помочь?

— А я на ея мѣстѣ взялъ, да и убѣжалъ-бы— замѣтилъ Большерукъ, стоявшій тутъ-же у двери и слышавшій весь разсказъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на злодѣя, что-ли?— буркнулъ ключникъ, бывшій очень не въ духѣ.

— Слышишь, что люди говорятъ?—спросилъ Анюту Симоновъ.

— Какъ мать кинуть одну съ нимъ?—уныло отвѣтила дѣвушка.

— Вышла-бы замужъ, все равно-бы мать оставила.

— Такъ-то оно такъ, бояринъ... Я-ль не хотѣла-бы вырваться изъ ада кромѣшнаго. Да какъ вырвешься? куда укроешься?

— А Антонъ твой на что?

— Что-же онъ можетъ сдѣлать? Говорили ужъ мы съ нимъ. Онъ прирѣзать готовъ обоихъ злодѣевъ моихъ, да нешто этимъ поможешь? У насъ нищета сиротская, а у нихъ и сила, и деньги. Убѣгу я къ Антонушкѣ: дня не пройдетъ—явится отчимъ съ приказными, силкомъ назадъ уведутъ. Кабы намъ окрутиться, тогда иной сказъ. А гдѣ денегъ взять? Мы по полденежкамъ на свадьбу-то копимъ. Видно, ужъ такая судьбина моя злая—мученья терпѣть.

— А какъ отчимъ въ кабалу продастъ? Тогда что?

— Тогда? Тогда освободитъ меня на вѣчную волю петелька веревочная или рѣченька быстрая!—отвѣтила Анюта и ея взглядъ выразилъ такую мрачную рѣшимость, что Симоновъ вздрогнулъ.

— Полно! Эдакъ мямлить негоже. Пока мы здѣсь, онъ не тронетъ, а потомъ что? Кабала либо петля, либо истязанья. А долго-ль намъ здѣсь быть? Еще завтра побудемъ, а тамъ и слѣдъ простылъ. Надо, не мѣшкая, сегодня все обдѣлать... Далеко твой Антонъ живетъ?

— Близехонько. Какъ на улицу выдти, такъ направо пятыя ворота. Лачуженка махонькая.

— Ладно. Вы тутъ ея въ обиду не дайте, коли что!—сказалъ Симоновъ слугамъ, надѣлъ шубу, взялъ шапку, опустилъ въ карманъ кошель и вышелъ.

Вернулся онъ только и очень веселымъ.

— Ну, радуйся, Анна! Дѣло слажено! — заявилъ онъ.—Завтра вотъ въ эту пору юркни за ворота; тамъ

тебя санки ужъ будутъ ждать, и прямо къ антоновой теткѣ Меланьѣ.

— Господи! да можетъ-ли быть, бояринъ?—радостно вскрикнула дѣвушка.

— Послѣ и окрутитесь: далъ я тамъ Антону малую толику деньжатъ.

— Боже мой! оглянулся Ты на меня! — шептала, крестясь, Анюта.—Бояринъ! да не ангелъ-ли ты, Богомъ посланный?

— Побывали мы съ твоимъ Антошкой и у тетки Меланьи, — продолжалъ Симоновъ.—И санки добыли, и лошадку... Ну, словомъ, теперь только Богу молись.

— Я-ль не буду молиться! Мамкѣ-бы сказать, чтобъ не тосковала.

— Матвѣй улучитъ время, шепнетъ; не скажетъ какъ и что, а только, что быть тебѣ на волѣ и за Антономъ. Ну, теперь и за ужинъ можно.

Въ эту ночь, быть можетъ, впервые въ жизни Анюта засыпала, чувствуя себя счастливой, несмотря на то, что ея тѣло болѣло отъ побоевъ, а ложемъ служилъ голый полъ въ сѣняхъ предъ дверью на половину дома, занятую Симоновымъ: она сама пожелала здѣсь лечь.

Ея мать, Катерина, долго ворочалась на своей убогой постели. Ея думы были и тревожны, и радостны. Сердце замирало при мысли о томъ, что оглянулся Господь на несчастную Анюту, послалъ ей счастье: Большерукъ уже успѣлъ шепнуть Катеринѣ, что ея „дочкѣ счастье привалило; бояринъ не только изъ бѣды ее вызволитъ, а и съ Антономъ устроитъ, и ждать-то не много, не мало, всего ночь съ днемъ“. Съ другой стороны, ее тревожило совѣщанье Федюшкина съ ея мужемъ послѣ расправы съ ними Артемія Андреевича. Она подслушала отрывокъ разговора:

— Нечего въ долгій ящикъ откладывать,—говорилъ Ермилъ Кузьмичъ,—вершимъ завтра, да и все. Чай, эти треклятые не все-жъ будутъ за хвостъ дѣвку держать. Разомъ конецъ сдѣлаемъ.

— Что-жъ можно!—согласился сгрѣлецъ—А только, вѣдь, надо послуховъ *) найти.

---

*) Послухъ—свидѣтель.

— Э! долго-ль!—замѣтилъ Федюшкинъ.—Я тебѣ сегодня хоть десятерыхъ найду.

„Что они задумали, окаянные?—думала несчастная мать.—Что затѣваютъ завтра?“

И она заснула съ мыслью, что завтрашній день не будетъ похожъ на другіе, что онъ готовитъ что-то роковое.

X.

Долгая зимняя ночь минула.

Первымъ проснулся Федюшкинъ, оставшійся ночевать у Филиппова. Первою мыслью его было:

„Ага-га! сегодня они запляшутъ“.

Онъ одѣлся, походилъ, заглянулъ въ сѣни. Тамъ, свернувшись клубочкомъ, сладко спала Анюта, подложивъ руку подъ голову. На щекѣ игралъ румянецъ, на губахъ—полуулыбка.

„Веселое что-нибудь видитъ,—подумалъ Ермилъ Кузьмичъ.—Спи, спи! ужо увидишь наяву такое, что и не снилось“.

Злоба зажглась въ его сердцѣ. Онъ пнулъ дѣвушку ногой.

— Вставай! чего развалилась, прохода нѣтъ!—грубо крикнулъ онъ.

Анюта открыла глаза и, еще не стряхнувъ остатковъ сна, посмотрѣла удивленно. Потомъ ея лицо выразило испугъ. Она вскочила и прижалась къ стѣнѣ.

Федюшкинъ хотѣлъ что-то сказать, но покосился на дверь въ комнату Симонова, махнулъ рукой и ушелъ.

Дѣвушка сѣла на полу, думая:

„Вставали-бы мои касатики. Подлинно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Ангелы! Сегодня судьбы рѣшенье. Поскорѣй-бы! Цѣлый день еще томиться. Что-жъ! зато послѣдній денекъ... А потомъ“...

Она зажмурилась, не находя словъ, чтобы выразить счастье грядущаго „потомъ“.

Встали и постояльцы. Домъ ожилъ

И за сбитнемъ, и послѣ Федюшкинъ волновался. Онъ то садился, то вскакивалъ и принимался шагать. Время тянулось для него невыносимо медленно.

— Тьфу, черти! да уѣдутъ-ли они еще сегодня?—воскликнулъ Ермилъ Кузьмичъ, остановясь противъ Филиппова.

Тотъ только пожалъ плечами. Его угрюмое лицо было въ этотъ день еще сумрачнѣе.

— А надо-бы въ Холопій приказъ поспѣть до обѣда,—промолвилъ Федюшкинъ.—У меня тамъ есть поддьякъ знакомый, живо-бы сварганили. А послѣ обѣда, пока еще приказные сберутся, да и народа найдетъ тьма, да и знакомецъ мой пьянъ будетъ.

— Н-да, надо-бы, — процѣдилъ стрѣлецъ. — Такъ пять рублей и три алтына?

— Развѣ!—воскликнулъ Федюшкинъ. — Три, голубчикъ, и четыре алтына.

— Пять. Такъ тому и быть.

— Аль я запамятовалъ? Да, да! вспомнилъ: четыре.

— Пять и три алтына. Иначе и съ мѣста не встану.

— Хоть-бы алтыны снять.

— Какъ сказано и ни копеечки! — замѣтилъ стрѣлецъ.—Уговоръ — дороже денегъ.

— Ужъ, ладно, что съ тобой подѣлаешь.

На крыльцѣ застучали.

— Вонъ ужъ послухи идутъ. Ахъ, скоро-ль уберутся черти наши!

Катерина, блѣдная, какъ смерть, пошла открывать. Въ сѣняхъ она постояла, поджидая, не выйдетъ-ли дочь, но Анюта была на постояльческой половинѣ.

„Упредить-бы ее надо, что ироцы дѣлать хотятъ“,— въ смятеніи думала мать.

Въ двери просто ломились. Выставилась голова мужа.

— Ты чего здѣсь копаешься? — крикнулъ онъ.— Пойди, отопри

Катерина побѣжала къ двери.

Пришли послухи—стрѣлецъ и торговецъ суконной сотни.

— Малость обождать надо, — сказалъ Федюшкинъ и, взглянувъ въ окно, воскликнулъ:—а! пошелъ холопишка лошадей закладывать!

По двору, дѣйствительно, шелъ Большерукъ, неся уздечки.

Артемій Андреевичъ долженъ былъ съѣздить въ Розрядъ *) за полученіемъ надлежащей бумаги.

---

*) «Розрядъ»—одинъ изъ московскихъ приказовъ, соотвѣтствовалъ отчасти нынѣшнему военному министерству.

— Не боишься одна остаться? — спросилъ Анюту Симоновъ.

— Ничего. Стану здѣсь сидѣть, туда не пойду. Не убьютъ-же, въ самомъ дѣлѣ.

— Мы недолго проѣздимъ. А то хочешь, оставлю съ тобой Андрона?—предложилъ Симоновъ.

— Нѣтъ! Поѣзжайте съ Богомъ!

Вошелъ Матвѣй и доложилъ, что лошади заложены.

Федюшкинъ жаднымъ взглядомъ слѣдилъ въ окно за ихъ отъѣздомъ.

— Наконецъ-то! — сказалъ онъ.—Уфъ! отъ сердца отлегло.

Анюта, по уходѣ постояльцевъ, осталась на ихъ половинѣ и отъ нечего дѣлать стала приводить въ порядокъ комнаты. Она была въ прекрасномъ расположеніи духа и напѣвала пѣсенку.

Въ сѣняхъ послышался топотъ. Дверь распахнулась; на порогѣ появились язвительно улыбающійся Ермилъ Кузьмичъ, за нимъ отчимъ и „послухи“.

— Попалась, птичка! Хе-хе!—воскликнулъ Федюшкинъ, направляясь къ Анютѣ.—Теперь, матушка, никто не защититъ. Покличь твоихъ-то, покличь!

Отчимъ кинулъ ей шубку и платокъ и приказалъ:

— Одѣвайся!

— Зачѣмъ?—пролепетала дѣвушка.

— А затѣмъ. Ну, живо!

— Господи! что вамъ надо?

— Да что смотрѣть на нее! Ермилъ Кузьмичъ, напяливай ей шубку!

— Послужу пока моей рабѣ,—замѣтилъ, улыбаясь, Федюшкинъ, — а ужъ зато послѣ-то ты мнѣ послужишь!

Дѣвушка все поняла.

— Не хочу! Не пойду! — закричала она, стараясь вырваться.

— Спросятъ твоего хотѣнья!—промолвилъ отчимъ.— Не артачься—свяжемъ.

Анюта отчаянно сопротивлялась.

— Ишь, ты, проклятая! Руки оторву!—яростно говорилъ Филипповъ, встряхивая падавшую на полъ падчерицу.—Одѣвай ее, одѣвай!

Несмотря на сопротивленья, Анну одѣли и, схвативъ подъ руки, потащили изъ горницы.

Въ сѣняхъ встрѣтилась рыдающая Катерина.

— Солнышко! Дитятко! Касаточка моя!—причитала она, припавъ къ дочкѣ.—Ахъ, я, горемычная! Что дѣлать мнѣ? Куда горе сбыть? Ой, горюшко мое!

— Ну, ладно. Полно выть!—сказалъ мужъ, отталкивая ее свободной рукой.

Катерина отстранилась, ломая руки. Анюта продолжала вырываться и дико кричать.

На дворѣ ждали сани. Федюшкинъ и Филипповъ сѣли въ нихъ, не выпуская дѣвушки. Сѣли и послухи, одинъ изъ которыхъ взялъ возжи.

Въ послѣдній разъ мать съ плачемъ припала къ дочери. У распахнутыхъ воротъ собралась кучка любопытныхъ, привлеченныхъ криками.

— Нѣтъ, надо ей ротъ заткнуть,—сказалъ отчимъ, запихивая падчерицѣ въ ротъ свой кушакъ.

Чуть не задыхаясь, Анюта смолкла.

Мать продолжала причитать.

— Да брысь ты, окаянная!—отталкивая жену, воскликнулъ стрѣлецъ и приказалъ: — трогай! Да гони во-всю

„Послухъ“ неистово захлесталъ лошадь, которая оказалась, однако, сущей клячей и едва волокла сани.

— Ну, и лошаденка! Дуй ее и въ хвостъ, и въ гриву!

Заработали въ два кнута. Кое-какъ убогій конь прибавилъ прыти.

Катерина въ одномъ изорванномъ сарафанѣ, простоволосая, бѣжала сперва рядомъ, потомъ за санями, продолжая то причитать, то осыпать мужа ругательствами. Когда, наконецъ, сани скрылись изъ вида, она, обезсилѣвъ, упала на снѣгъ, уже не крича, съ потемнѣлымъ, страшнымъ лицомъ. Потомъ она поднялась и поплелась къ дому, не отвѣчая на разспросы встрѣчныхъ, можетъ быть, не сознавая ничего, кромѣ страшнаго, сверхсильнаго горя.

— Куда это дѣвку-то повезли? — спрашивали въ „глазѣвшей“ толпѣ.

— Въ Холопій приказъ, въ кабалу ее продаютъ.

— Дѣвкѣ-то куда, видно, не охота.

— Еще-бъ охота! Думала замужъ выходить, а ее въ кабалу.

— Побѣжать Антону сказать.

— На стѣну полѣзетъ парень.

* *
*

Антонъ Кукушкинъ, ничего не подозрѣвая, работалъ рубанкомъ надъ какой-то доской, когда къ нему прибѣжали мальчишки съ вѣстью:

— Анютку въ кабалу продавать повезли!

Антонъ дико поглядѣлъ на говорившихъ и схватился за голову, потомъ накинулъ тулупъ, нахлобучилъ шапку, сунулъ за голенище ножъ и выбѣжалъ изъ избы. Онъ стремглавъ понесся кратчайшимъ путемъ, разными проходными дворами и непроѣзжими переулками къ Холопьему приказу.

„Либо отобью, либо ножомъ прирѣжу и ее, и всѣхъ, и себя“,—думалъ онъ.

— Ну, матушка! попалась теперь ты мнѣ въ лапы,—шепталъ Федюшкинъ на-ухо дѣвушкѣ. — Ужо за все тебя вознагражу—и за ласку былую, и за это. — Онъ указалъ на кровяной рубецъ, перерѣзавшій лицо.—За все расквитаемся,—продолжалъ онъ.—Ужъ я для тебя измыслю мукъ такихъ, какія и во снѣ тебѣ не снились. На цѣпи тебя буду голую держать, паклей кожу подпаливать, голодомъ морить. Въ ногахъ будешь ползать у меня, землю, гдѣ я ступалъ, цѣловать. Вышколю!

Онъ задыхался отъ злобы.

— Наши постояльцы, чай, удивятся, — сказалъ, ухмыляясь, стрѣлецъ, когда пріѣдутъ: хвать-похвать, сгинула дѣвка.

— Погонятся, пожалуй, когда узнаютъ.

— А пусть гонятся. Нешто они мнѣ указъ? Кто ихъ послушаетъ? Да и не догнать: до приказа теперь рукой подать.

Въ этотъ моментъ изъ переулка вынырнула мужская фигура и бросилась наперерѣзъ ѣдущимъ.

— Стой!—угрожающе крикнулъ голосъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильная рука схватила лошадь подъ уздцы и остановила.—Подайте, злодѣи, мою нѣвессту!

Это былъ Антонъ.

Артемія Андреевича ожидала въ Розрядѣ маленькая непріятность.

— Указъ государевъ мы получили,—важно сказалъ сѣдобородый поддьякъ, смотря на Симонова поверхъ очковъ,—а только бумага еще не готова.

— Когда-же?

— А вотъ приходи послѣ обѣда!—сказалъ поддьякъ, а затѣмъ наклонился къ столу и заскрипѣлъ перомъ.

„Смазки хочетъ, да нѣтъ, шалишь, не дамъ!“—подумалъ Артемій Андреевичъ и произнесъ:

— Ладно, приду послѣ обѣда, только запомни: не будетъ бумага готова—прямо отъ тебя я къ моему знакомцу Францу Яковлевичу. Такъ и знай!.. Прощай пока. Вотъ это ужъ волокита проклятая московская, — ворчалъ онъ, выходя изъ приказа.—У царя все скоро, а у нихъ канитель. Лѣнтяи, корыстники, приказное сѣмя! Послѣ обѣда опять надо сюда,—съ досадой сказалъ онъ Андрону, садясь въ сани. — Пока что, благо время есть, съѣзжу къ Соковнину попрощаться. Вертай, Матвѣй, сюда!

Сани мѣрно заколыхались по московскимъ сугробамъ, а Симоновъ, сидя въ нихъ, думалъ:

„Завтра въ путь, еще дальше отъ моей сударушки. Что-то она тамъ? Поди, тоскуетъ, убивается. Когда-то свидимся? Да и свидимся-ли когда-нибудь? Можетъ, навѣки судьба разлучила? Нѣтъ! выжду срокъ—пріѣду къ ней и женюсь, а потомъ опять на службу“.

— Бояринъ, глянь! Да, вѣдь, это, кажись,—стрѣлецкая падчерица въ саняхъ-то!—воскликнулъ Большерукъ, сдерживая лошадей.

Впереди виднѣлась небольшая толпа народа. Рыжеволосый парень, въ которомъ Симоновъ узналъ Антона Кукушку, держалъ лошадь подъ уздцы, не позволяя ей, несмотря на хлестанье возницы, двинуться впередъ, и громко говорилъ:

— Ратуйте, православные! не дайте сироты въ обиду: въ кабалу везетъ мою невѣсту отчимъ ейный... отъ тому ироду везетъ продавать: онъ ее въ полюбовницы себѣ прочитъ. Помогите, православные, вызволить изъ бѣды!

Въ отвѣтъ толпа только перешептывалась, топталась на мѣстѣ да глазѣла.

— Отпустите, ироды! отпустите, окаянные, ее!—неистово завопилъ парень:—прирѣжу всѣхъ!

— Не слушайте его, добрые люди!—закричалъ Федюшкинъ.—Пустое онъ мелетъ съ пьяныхъ глазъ. Отгоните его.

— По шеѣ ему накостыляйте!—воскликнулъ Филипповъ.—Жаль, мнѣ дѣвку отпустить нельзя, а то-бъ я наложилъ. Братцы! хоть-бы вы ему, — добавилъ онъ, обращаясь къ „послухамъ".

Но тѣ, повидимому, не изъявляли желанія мѣшаться „въ кашу".

Артемій Андреевичъ и Антонъ выскочили изъ саней и протискались сквозь толпу.

— Въ самомъ дѣлѣ, что такое! среди бѣлаго дня отчимъ при народѣ падчерицу мучитъ, — крикнулъ Симоновъ.—Глядите—дѣвка, вѣдь, почитай задохлась.

— Это вѣрно. Эдакъ не годится,—сочувственно заговорили въ толпѣ.

Увидѣвъ боярина, Антонъ просіялъ: у него блеснула надежда.

— Ты—мнѣ не начальникъ,—сказалъ стрѣлецъ Артемію Андреевичу,—хочу продать ее въ кабалу и продамъ. Моя власть!

— А мучить ее кто далъ тебѣ власть? Мучить, братъ, нельзя. Такъ, вѣдь?—обернулся къ толпѣ Симоновъ.—То-то и есть. Зачѣмъ кушакъ запихалъ ей въ ротъ? Зачѣмъ руки крутите?

Онъ быстро освободилъ дѣвушку отъ кушака.

— Спасите!—крикнула Анюта.

— Не жми ей рукъ! Пусти!—приказалъ Федюшкину Артемій Андреевичъ, мигая Антону.

Ефимъ Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, видя предъ собой грозное лицо молодого боярина, ругаясь повиновался.

— Андронъ!—тихо сказалъ Симоновъ, кивая на Филиппова.

Тотъ понялъ.

— И ты ей рукъ не ломай! — промолвилъ ключникъ, вырывая дѣвушку изъ медвѣжьихъ лапъ стрѣльца.

— Да это—сущій разбой!—яростно воскликнулъ Филипповъ.

Анюта скрылась въ толпѣ. Къ ней подбѣжалъ Антонъ.

— Садитесь въ мои сани и гайда къ теткѣ Меланьѣ,—шепнулъ, пробираясь за ними, бояринъ.

Большерукъ хлестнулъ коней, и они понеслись. Симоновъ вернулся къ Андрону.

— Держи!—завопилъ Федюшкинъ.

— Догонимъ ихъ! — воскликнулъ стрѣлецъ, взявъ возжи, но, какъ ни гналъ лошадь, та плохо бѣжала.

— Ищи вѣтра въ полѣ!—улыбаясь замѣтилъ молодой бояринъ.

— Не догнать! — опуская возжи, сказалъ стрѣлецъ, смотря, какъ исчезаютъ вдали сани постояльца.

— Гдѣ догонишь! Что-же дѣлать теперь?—спросилъ Ермилъ Кузьмичъ.

— Жалобу на нихъ подамъ,—отвѣтилъ Филипповъ, поворачивая къ дому.—А Анютку поздно искать.

XI.

Перенесемся опять въ тѣ края, куда такъ часто обращалась мысль Артемія Андреевича: въ новгородское воеводство. Посмотримъ, какія тайныя и явныя драмы разыгрывались въ этомъ тихомъ уголкѣ.

Верстахъ въ двадцати отъ усадьбы Анфисы Петровны раскидывалось сельцо „Незамайкино“, принадлежавшее Евстафію Лукичу Ѳомичеву. Село было невелико, но имѣло двѣ церкви — старую, съ покосившеюся, почернѣлою колокольней, высившуюся среди могилъ и крестовъ погоста, кольцомъ окружавшаго ее, и новую, еще не освященную, выстроенную по обѣту хозяиномъ села, стоявшую на холмѣ и издали сверкавшую прорѣзнымъ золоченымъ крестомъ. Если взглянуть съ ея колокольни, то невдалекѣ, вправо, четыреугольникомъ чернѣла усадьба, а отъ нея взглядъ упирался въ небольшой, штукатуренный, бѣленый домикъ, въ которомъ жилъ пока только священникъ одной старой церкви съ пухлою попадьей и румяной, веселой, чернобровой и черноглазой дочкой.

Отецъ Никифоръ старался держать дочь въ строгости, говоря съ ней, принималъ важный и даже сердитый видъ, но, въ сущности, баловалъ напропалую. „Матушка-попадья“ Іулита, или, какъ звали ее крестьяне, Улита Сергѣевна, не уступала мужу въ баловствѣ „единственной дщери“.

Глаша—„поповская дочь“—была рослой, миловидной, восемнадцатилѣтней дѣвушкой.

— Скоро тебя, Глашка, окрутить надо,—говаривалъ иногда отецъ.—Пора, пора! Годы идутъ.

— Пусть ихъ идутъ, да я-то на мѣстѣ,—смѣясь отвѣчала дочь.

Цѣлыми днями Глаша сидѣла за пяльцами, помогала матери по хозяйству; но къ вечеру работа забрасывалась и она принаряжалась: вплетала алую ленту въ темную косу, надѣвала кокошникъ, смѣняла домашній сарафанъ на другой, поновѣе, и садилась къ окну ждать гостя. Этотъ гость былъ всегда одинъ тотъ-же—другъ дѣтства, сынъ владѣльца села и усадьбы Николай Евстафьевичъ. Онъ приходилъ каждый вечеръ съ книжкой почитать и „покалякать“. Богъ вѣсть, откуда онъ добывалъ книги! Онъ считался „ученымъ“: могъ говорить о „планидахъ“, зналъ нѣсколько латинскихъ фразъ и былъ знакомъ съ математикой. Его обучилъ „нѣмецъ“,—авѣрнѣе, польскій еврей,—неизвѣстно, какъ попавшій въ отцовскую усадьбу на ночлегъ и ночевавшій въ ней ровно пять лѣтъ. Глаша была тоже грамотная, кое-что читала, поэтому мнила себя тоже не совсѣмъ-то неученой и отваживалась пускаться со своимъ другомъ дѣтства въ споры.

Отецъ Никифоръ, бывало, слушая ихъ споры, говаривалъ:

— Совсѣмъ иначе стало нонѣ на свѣтѣ: дѣвка съ парнемъ сидитъ и о планидахъ споритъ! Ей-бы и на глаза-то не слѣдъ показываться парню-то, не токмо разговаривать. Такъ и водится у людей. А у насъ все навыворотъ. Самъ я и виноватъ — распустилъ Глашку. Вашу сестру взаперти надо держать да въ строгости. И зачѣмъ я тебя, длинноволосую, грамотѣ обучилъ? На что дѣвкамъ грамота? Ой-ой, примусь скоро я за тебя, за ученую!

Однако, онъ не „принимался“, и споры молодыхъ людей продолжались.

По воскресеньямъ и праздникамъ Николай Евстафьевичъ являлся не съ книгой, а съ балалайкой. Онъ „трынкалъ“ на ней, и подъ ея звонъ распѣвались псалмы и церковныя пѣсни—иныхъ батюшка въ своемъ домѣ не дозволялъ.

Въ тотъ моментъ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Глаша стояла у окна, внимательно смотрѣла сквозь сгустившійся сумракъ на дорогу, вившуюся отъ боярской усадьбы, и съ грустью думала:

„Сегодня, пожалуй, и совсѣмъ не придетъ“.

Дѣло въ томъ, что вотъ уже болѣе двухъ недѣль молодой Ѳомичевъ сталъ не тѣмъ, какъ прежде. Приходилъ онъ съ каждымъ днемъ позже, а уходилъ все раньше, говорилъ мало, былъ задумчивъ, почти угрюмъ. Когда „поповна“ что-нибудь разсказывала, онъ слушалъ со скучающимъ видомъ и зѣвалъ.

„Очень просто, что и не придетъ. Прискучило къ намъ ходить... Что-жъ! пусть не ходитъ!“—съ досадой думала она, а самой хотѣлось плакать.

Вскорѣ на дорогѣ показалась медленно приближающаяся фигура человѣка.

— Онъ!—воскликнула поповна и ея досады какъ не бывало.

Николай Евстафьевичъ, какъ всегда, пришелъ съ книгой, но, едва поздоровался, заявилъ:

— Я чуть-чуть посижу.

Лицо Глаши потемнѣло.

— Что-жъ такъ?—спросила она.

— Усталъ я, ѣздилъ сегодня въ вотчинку тутъ одну,— уклончиво отвѣтилъ молодой человѣкъ, видимо, стараясь избѣгать взгляда поповны.

Сердце ея сжалось.

„Опять въ вотчинку!—подумала она, съ этой вотчинки и началось“.

— Почитаемъ?—спросилъ Николай Евстафьевичъ и, раскрывъ книгу, началъ читать какое-то скучное сказаніе.

Глаша во время чтенія не спускала съ него взора.

„И тотъ онъ, и какъ-будто не тотъ,—проносилось въ ея головѣ.—И лицо—то, и голосъ—тотъ, а вотъ словно чего-то не достаетъ, словно подмѣнили его. Прежній былъ настоящій, а нынѣшній—поддѣльный“.

Молодой человѣкъ почувствовалъ на себѣ ея взглядъ, вспыхнулъ и спросилъ:

— Что ты такъ смотришь?

— Я-то? Да такъ!—равнодушно отвѣтила Глаша.

Онъ закрылъ книгу и пропѣнесъ:

— Будетъ на сегодня. Я, знаешь, пойду.

— Уже? Подожди, батюшка отъ вечерни придетъ... Матушка сбитень готовитъ.

— Нѣтъ, я пойду. Въ другой разъ посижу подольше, а сегодня пойду!—стоялъ на своемъ молодой человѣкъ и, несмотря ни на какія уговариванія, ушелъ.

„Завтра-то онъ, навѣрно, не придетъ,—рѣшила Глаша по его уходѣ.—Видно по немъ. Что съ нимъ сдѣлалось? Съ тѣхъ самыхъ поръ не тѣмъ сталъ, какъ съѣздилъ къ этой—какъ ее? — Леонтьевой. Да чего это я? Ни сватъ онъ мнѣ, ни братъ... Стоитъ печалиться!“

Она бодрилась, а сердце давило чувство, похожее на чувство обиды.

Николай Евстафьевичъ не пришелъ ни завтра, ни послѣзавтра. Минула недѣля и еще, а онъ не появлялся въ поповскомъ домикѣ.

— Что это Николая Евстафьевича не видать?—какъ-то при Глашѣ спросила ея мать отца Никифора.

Тотъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Онъ теперь все у Анфисы Петровны въ вотчинѣ... Дѣла тамъ какія-то, не знаю.

Глаша казалась на видъ спокойной, но часто блѣдный утренній разсвѣтъ заставалъ ее скорбною и молящеюся.

* * *

Послѣ отъѣзда Артемія Андреевича Анфиса Петровна повела было прежнюю затворническую жизнь, но ей помѣшалъ въ этомъ Евстафій Лукичъ Ѳомичевъ. Безцеремонный и добродушный, онъ врывался въ усадьбу, незванный и непрошенный.

— Боярыня жалится, что принять не можетъ,—говорилъ ему съ поклономъ холопъ.

— Принять не можетъ? Меня-то?—трубилъ бояринъ.—А что она? больна?

— Нѣтъ.. то есть, да.

— Ну, такъ о чемъ и разговоры! — возражалъ Ѳомичевъ и, отстранивъ холопа, входилъ въ комнаты и появлялся предъ растерявшеюся хозяйкой.—Ты, матушка, это что-жъ? Меня пускать не велишь? Кажись, не чужіе, а сосѣди,—укоризненно замѣчалъ онъ.

Леонтьева извинялась, какъ могла, и волей-неволей вступала въ роль хозяйки.

— Ты, сосѣдка, не за прежнее-ль приняться хочешь?—говаривалъ Евстафій Лукичъ въ бесѣдахъ съ нею,—опять эдакъ монахиней затвориться? Шалишь! Дудочки! На то и сосѣдъ у тебя Ѳомичевъ Евстафій, чтобъ этого не допустить. Ни-ни! не дозволю! Самъ наскучу—сына пришлю. Можетъ, со мной, съ сивымъ, прискучитъ бесѣду вести, такъ онъ на замѣну. Онъ-то молодой да пригожій.. Онъ у меня ученый, у нѣмца обучался. Онъ тебя развеселитъ.

Старикъ говорилъ полусерьезно-полушутя, но постепенно самъ входилъ въ роль исправителя Леонтьевой. Много значило въ этомъ и то обстоятельство, что ея усадьба была ближайшей къ нему и что вдовому и почти одинокому старику, такъ какъ сынъ цѣлыми днями бывалъ внѣ дома, хотѣлось отвести душу бесѣдой съ живымъ человѣкомъ.

Случилось Анфисѣ Петровнѣ познакомиться и съ молодымъ Ѳомичевымъ.

Однажды со старикомъ приключилось нездоровье. Захотѣлось ему выпить сбитня изъ шалфея съ имбиремъ—что, по его мнѣнію, было вѣрнѣйшимъ лекарственнымъ средствомъ,—но, къ его досадѣ, шалфея нашлось въ усадьбѣ очень немного, а имбиря вовсе не оказалось. Въ такой бѣдѣ Евстафій Лукичъ и обратился къ сыну, который, къ счастью, случился дома, чтобъ съѣздилъ онъ къ Анфисѣ Петровнѣ, низко кланялся отъ него, болящаго, и попросилъ имбирю, буде найдется.

Сынъ съѣздилъ, и съ этихъ поръ... съ этихъ поръ началось мученье бѣдной Глаши: ея другъ дѣтства сталъ не прежнимъ.

Молодой человѣкъ самъ мучился не меньше „поповны“, но не могъ совладать съ собою. Онъ испытывалъ что-то въ родѣ угрызеній совѣсти, когда подмѣчалъ тоскливый взглядъ своей подруги; онъ боялся смотрѣть ей въ глаза. Почему онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ нею, онъ не хотѣлъ даже самому себѣ признаться. Съ нѣкоторыхъ поръ, едва переступалъ онъ порогъ уютнаго поповскаго домика, имъ стала овладѣвать непреодолимая скука. Его не занимали ни чтеніе, ни споры съ Глашей; онъ скучалъ и скучалъ. И подруга его дѣтства, которая недавно ка-

залась ему миловидной, веселыми глазками которой онъ, бывало, восхищался въ глубинѣ души, точно вся какъ-то потускнѣла... быть можетъ, потому, что рядомъ съ ея фигурой въ его воображеніи возставалъ иной обликъ, прекрасный и манящій, обликъ боярыни Леонтьевой.

Во время болѣзни отца молодой Ѳомичевъ напросился еще разъ съѣздить въ сосѣднюю вотчину. Затѣмъ поѣхалъ такъ, безъ всякаго предлога, и зачастилъ, зачастилъ.

„Мой-то втюрился во вдовушку,—смекнулъ Евстафій Лукичъ.—Только гдѣ ему, теляти, да волка поймати! У ней есть соколъ, хоть и въ отлетѣ, а онъ-то—словно мокрая курица“.

Въ размышленіяхъ отца была примѣсь огорченія: втайнѣ онъ желалъ брака сына съ Анфисой Петровной—она была богата и не имѣла родни,—а огорчало его то, что сынъ, тотъ самый, котораго онъ рекомендовалъ красивой вдовушкѣ и веселымъ-то, и ученымъ-то, держалъ себя въ присутствіи Леонтьевой, дѣйствительно, мокрой курицей: краснѣлъ, смущался да пыхтѣлъ, и его ученость куда-то испарялась.

Онъ сталъ проводить въ сосѣдской усадьбѣ цѣлые дни. Молодая вдова сперва радушно принимала его потомъ начала тяготиться его пріѣздами, послѣ привыкла и... зачастую забывала о его присутствіи. Она уходила на свою половину, онъ оставался въ свѣтлицѣ и цѣлыми часами сидѣлъ въ одиночествѣ, угрюмый и тоскующій, весь полный одною мыслью:

„Скоро-ль ее увижу?“

И, когда боярыня появлялась въ комнатѣ, въ его глазахъ зажигалась радостная искорка, онъ вспыхивалъ и не зналъ, куда дѣваться отъ смущенія.

Ѳомичевы были единственными посѣтителями Анфисы Петровны. Съ другими окрестными помѣщиками она попрежнему не вела знакомства, сама никуда не выѣзжала. Ею опять овладѣла, какъ и до знакомства съ Симоновымъ, прежняя тоскливая апатія. Единственно, что оживляло молодую женщину, — ожиданіе. Опять она молилась по цѣлымъ ночамъ, но уже не „по душу“ покойнаго мужа,—моленья о которомъ становились все короче, все холоднѣе — не о томъ,

чтобы Богъ отогналъ ея тоску, а чтобы „поскорѣй помогъ увидѣться съ голубчикомъ“. Ея душа, ея мысли были съ отсутствующимъ Артеміемъ Андреевичемъ. Однако, экстазъ проходилъ и наступала душевная вялость.

Дни тянулись сѣрые, уныло-однообразные. Подошло Рождество.

— Мать моя! неужели ты и на праздникахъ никуда?—какъ-то спросилъ ее старый Ѳомичевъ.

— Да куда-же? Въ нашу церковку схожу помолиться.

— Что-жъ въ свою церковку? этого мало. Не попеняй—ты просто, сударыня, заживо себя погребаешь. Это ужъ даже и грѣхъ. Неужели ты и на освященьѣ моей церкви на третій день праздниковъ не будешь?

— На освященье, пожалуй, пріѣду.

Она сдержала слово: пріѣхала.

* * *

Въ Незамайкино, благодаря торжеству, народа съѣхалось множество. Евстафій Лукичъ и сіялъ, и не помнилъ ногъ отъ усталости. То онъ встрѣчалъ прибывшаго владыку, то того или другого изъ пріѣзжихъ.

— А-а!—привѣтствовалъ онъ Анфису Петровну,—вотъ и ты, голубушка! Слава Богу! выбралась изъ своей кельи.. Дай я тебя проведу.. Народа, я тебѣ скажу, столько..

Онъ провелъ ее впередъ, въ ряды почетнѣйшихъ гостей, и ушелъ. Вскорѣ подлѣ Леонтьевой очутился Николай Евстафьевичъ. Сперва ее смущало непривычное многолюдство, потомъ она отдалась молитвѣ. Торжественная величавость архіерейскаго богослуженія, простыя и глубокія слова молитвословій, проникающія въ душу пѣснопѣнія вознесли ея духъ; она не видѣла ни этой нарядной толпы, ни взглядовъ, устремленныхъ на нее.

Земная суета вмѣстѣ съ народомъ ворвалась даже сюда, въ обитель Бога. Она сказывалась въ блескѣ драгоцѣнныхъ камней, усыпавшихъ наряды молившихся, въ парчѣ и въ золотѣ кафтановъ и сарафановъ, въ завистливыхъ улыбкахъ, въ желчныхъ думахъ мелочнаго самолюбія—что „вотъ того, а не его поставили

на первое мѣсто", въ насмѣшливыхъ взглядахъ и шепотѣ.

— Это—та, знаешь, головой скорбная, Леонтьева.

— А я думалъ кто. По мнѣ, она просто не въ мѣру спесива. А сарафанчикъ на ней не изъ важныхъ.

— Старенькій. Поди, не бабушка-ль еще носила.

— Въ храмѣ-то не смѣши. Ѳомичевъ сына къ ней приставилъ.

— Чуетъ старый песъ жирный кусъ.

— Какъ ей не стыдно глаза людямъ казать: ни съ кѣмъ знаться не хотѣла, чуралась и вдругъ на...

— Нынче развѣ есть стыдъ? Былъ, да вышелъ.

— Вѣрно. Нынче дѣвокъ къ гостямъ выводятъ, чего чище.

— Мало того, скажу я тебѣ: нынче такъ даже дѣлаютъ, что допрежъ свадьбы жениха съ невѣстой пускаютъ видаться и цѣловаться.

— Басурманы, прости, Господи, мое великое согрѣшеніе!

У притвора, въ сѣрой „сборной" толпѣ люда, стояла Глаша съ матерью. Попадья безпрерывно оглядывалась и иногда заискивающе кланялась пробиравшимся сквозь народъ именитымъ гостямъ, причемъ все ея лицо расплывалось въ улыбку, на что ей отвѣчали небрежнымъ кивкомъ.

— Это давеча кого проводилъ Евстафій Лукичъ?— шепотомъ спросила невдалекѣ отъ „поповны" стоявшая старушенка другую.

— Эта-то? Развѣ не знаешь? Леонтьева боярыня богатая. Ея вотчина тутъ...

— Которая, говорятъ, ума рѣшившись?

— Она. А только это пустое съ зависти болтаютъ. Опять-же она не со всѣми водитъ хлѣбъ-соль. Мужикамъ ея житье...

„Такъ вотъ кто эта красавица!—подумала, разслышавъ шепотъ, Глаша.—Такъ вотъ кто!"

Она старалась разглядѣть Анфису Петровну, но изъ-за толпы богомольцевъ она съ трудомъ могла различить ее. Она видѣла пына плечи, часть лица, гордую бровь.

„Красавица... Сарафанъ-то одинъ... Богатая!.."—думала дѣвушка и вдругъ опять разслышала:

— Говорятъ, будто Евстафій Лукичъ хочетъ на ней женить сына.

— Вотъ какъ?

— Да. Она-то не знаю какъ, а Николай-то каждый день въ ея вотчину ѣздитъ. Она—вдова, можетъ, и слюбятся. Раньше Николай-то все къ поповнѣ хаживалъ, а теперь бросилъ.

— Еще-бъ! не равняться-жъ поповской дочкѣ съ боярыней. А только чего отецъ Никифоръ смотрѣлъ?

— Они сызмальства были дружны, опять-же не погонишь боярскаго сына.

— Матушка! я домой пойду... Не могу!—сказала Глаша матери.—Душно мнѣ... обомру...

— Ахъ, Боже мой! Что такое? Ну, иди, иди!

Шатаясь, дѣвушка добрела до дома и съ плачемъ упала на постель. Чувство одиночества, сиротливости наполняло ея душу.

„Что-жъ это? неужели за то, что я—„поповна“, я никому не нужна ужъ и не человѣкъ?“—думала она.

Послѣ службы у Евстафія Лукича былъ большой пиръ. От. Никифоръ вернулся домой навеселѣ и даже цѣловался съ попадьей, которая тоже хлебнула наливки.

Заснули въ эту ночь всѣ крѣпко. Не спала только Глаша: она сидѣла, склонясь съ перомъ въ рукѣ надъ листкомъ бумаги, набросала письмо, сложила и спрятала у себя на груди.

„Посылать-ли?.. Аганка утречкомъ снесетъ... Стыдъ, срамъ-то какой!—думала она, краснѣя.—Нѣтъ, подожду: можетъ, еще онъ придетъ“.

Миновала недѣля, а „онъ“ не шелъ.

Николай Евстафьевичъ переживалъ мучительное время.

— Что я за тряпка сталъ?—злился онъ на себя,—совсѣмъ раскисъ. Какъ никакъ, а Анфиса Петровна—все-же баба, а из-ъза бабы-ль голову терять! Была охота! Возьму да завтра и не поѣду.

На завтра, вѣрный своему рѣшенію, онъ не ѣхалъ, крѣпился и послѣзавтра, но на третій день, едва поднимался съ постели, приказывалъ сѣдлать коня. Въ карьеръ несясь къ завѣтной усадьбѣ, онъ съ безпокойствомъ думалъ:

„Не замѣтила-бы, что я дулся, не осерчала-бы!“

Но красавица ничего не замѣчала и не гнѣвалась. Послѣ такой поѣздки молодой Ѳомичевъ возвращался домой огорченнымъ.

„Хоть-бы побранила,—думалъ онъ,—хоть-бы посѣтовала, что я не былъ, или спросила, почему. Ни словечка. Тамъ-ли я, нѣтъ-ли меня,—ей все равно. Нѣтъ, надобно положить этому конецъ,—продолжалъ онъ размышлять.—Что-жъ эдакъ все киснуть? Прямо скажу ей: выходи за меня замужъ, Анфиса Петровна. Такъ и скажу, чего въ самомъ-то дѣлѣ!“

Когда онъ былъ дома, онъ храбрился:

„Что-жъ она такая за особенная, что съ ней нельзя говорить, какъ со всѣми? Непремѣнно скажу. А почему ей за меня не выдти? Уродъ я?—нѣтъ. Нищій?—есть достатокъ; худородный?—вовсе нѣтъ. Скажу!“

Но, когда онъ пріѣзжалъ въ леонтьевскую усадьбу, слова не шли съ языка.

Признаніе онъ сдѣлалъ именно тогда, когда менѣе всего думалъ объ этомъ.

Однажды вечеромъ, собираясь уѣзжать, онъ пошелъ проститься съ боярыней и засталъ ее въ слезахъ.

— Ты плачешь? О чемъ?—спросилъ онъ молодую вдову.

— Такъ... Тоска!..—отвѣтила она.

— Тоска? Вотъ и мнѣ все тоскливо, — произнесъ Ѳомичевъ. — А все оттого, что не подобаетъ человѣку быти едину. Тебѣ-бы замужъ выдти.

Она молчала.

— Право, Анфиса Петровна!—продолжалъ молодой человѣкъ и вдругъ, даже для себя неожиданно, добавилъ:—вотъ выйди за меня.

Леонтьева отняла платокъ отъ глазъ и посмотрѣла на Николая Евстафьевича. На ея лицѣ выразилось непритворное изумленіе, и она спросила:

— За тебя?

— Да,—робко отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ. Что ты!

— Но почему-же? Развѣ я—уродъ? Развѣ я—дурной человѣкъ?—почти крикнулъ онъ и страстно продолжалъ:—я.. Ты не знаешь, какъ люба ты мнѣ... Днемъ и ночной порой только о тебѣ моя дума... За взглядъ

твой ласковый все-бы отдалъ. Позвала-бы ты меня на край свѣта бѣжать, я все кинулъ-бы и пошелъ-бы за тобой. Никого и ничего мнѣ не было-бъ жаль... Ты люба мнѣ больше всего на свѣтѣ. Слово твое одно—для меня приказъ. Прикажи мнѣ послѣднимъ холопомъ твоимъ быть—стану; на злодѣйство пошли—пойду... Я—рабъ твой! Я—холопъ твой... Солнышко! Родная! Ласточка моя! За что-жъ я-то тебѣ противенъ?

Леонтьева смотрѣла на его невысокую, стройную фигуру, на его смуглое, взволнованное лицо, горячіе черные глаза, покорно склоненную темную курчавую голову и думала:

„И статенъ, и красивъ—да не тотъ, не мой... И слова какія говоритъ, да не берутъ за сердце“.

— Противенъ?—промолвила она:—нѣтъ! Зачѣмъ-же такъ? Не противенъ ты, а только сердцу не прикажешь. Вѣдь, не прикажешь? Или по своей волѣ ты любишь иль не любишь? Нѣтъ, вѣдь? За тебя замужъ я не пойду, не могу пойти. Только одинъ есть, за кого я пошла-бы. Онъ далеко, но онъ вернется, пріѣдетъ. О! за него, за голубчика, я-бы и жизнь отдала! Ты вотъ говоришь, что моимъ рабомъ сталъ-бы, а я готова хоть сейчасъ его рабыней стать... слѣды ногъ его цѣловать готова!

Глаза вдовы страстно загорѣлись, грудь задышала нервно.

Глухая ревность шевельнулась въ сердцѣ юноши.

— А почему онъ-то, твой соколъ, бросилъ тебя да уѣхалъ? Нешто такъ любятъ?—угрюмо промолвилъ онъ.

— Судьба. Не по своей волѣ оставилъ онъ меня.

— Какая тамъ судьба! Знать, не любилъ тебя крѣпко, какъ слѣдуетъ.

— Только я одна знаю, какъ онъ меня любитъ.

— Куда онъ уѣхалъ?

— Въ Москву.

— Фью! не ближній свѣтъ. И боярышенъ да боярынь тамъ не мало. Пожалуй, и приглянется какая.

— Полно? Быть этого не можетъ!—воскликнула Леонтьева.

— Почему? Сама сказала: сердцу не прикажешь.

— Злоба въ тебѣ кипитъ!—остановила его боярыня.—хочу тебя слушать.

— Прости. Голова у меня кругомъ идетъ!—извинился Ѳомичевъ.—Вотъ что: утѣшь, обѣщай мнѣ одно! Обѣщай: коли онъ разлюбитъ тебя, тогда за меня выйдешь.

— Зачѣмъ и обѣщать, если быть этого не можетъ?

— Ну, все-таки обѣщай.

— Ну, ладно, обѣщаю!—согласилась Леонтьева.—Только, вѣдь, напрасно.

— Мнѣ все-жъ, хоть какая ни есть, надежда. Прощай, боярынька. Прошу тебя: не гони меня со своихъ ясныхъ очей, дозволь попрежнему наѣзжать.

— Сдѣлай милость. Развѣ я гоню?

Домой Николай Евстафьевичъ вернулся странно-спокойнымъ. Онъ самъ дивился, что въ его душѣ нѣтъ жгучей тоски. Напротивъ, въ ней копошилась какая-то смутная надежда.

— Тебѣ, бояринъ, письмо поповская Агапка принесла,—доложили ему по пріѣздѣ

Письмо было отъ Глаши. Она писала въ немъ:

„Коли ты, Николай Евстафьичъ, серчаешь на меня, такъ, видитъ Богъ, ни въ чемъ я не провинилась. А кручина теперь меня гложетъ: за что по что осерчалъ ты? Али стыдно тебѣ съ поповой дочкой знаться? Нонѣ цѣлыми вечерами плачу, вспоминая красные денечки, когда ты ѣзжалъ къ намъ. И такъ-то это было хорошо! и такъ-то было славно! Тебя я завсегда соколикомъ привыкла звать. Думаю, бывало: прилетитъ-ли мой соколикъ? И прилеталъ онъ. А теперь жду-пожду, инда очи высмотрѣла,—нѣтъ его и нѣтъ. И такъ-то горько мнѣ, покинутой, Чѣмъ, думаю, моего сокола разобидѣла? Почто осерчалъ? И вины не вижу за собою, окромя развѣ той, что всѣ думушки мои о тебѣ. Ты прости, не серчай за слова мои и за письмо не стыди: больно ужъ мнѣ тяжко, больно ужъ мнѣ горько! Вотъ разутѣшилъ-бы меня милый, кабы завтра вечеркомъ по прежнему обыку заглянулъ. Рада была-бы я, глупая, радешенька... Приди, соколикъ, ждать будетъ тебя твоя постылая Глашка“.

Любовь и горе сквозили въ каждой строкѣ этого письма. Что-то похожее на нѣжность наполнило душу молодого Ѳомичева.

„Бѣдная Глаша!—подумалъ онъ.—Она предо мной все

равно, что я предъ Анфисой Петровной. Почему-бы мнѣ Глашу не полюбить? Дѣвушка славная, росли вмѣстѣ... А вотъ явилась чужая, незнаемая и заполонила сердце мое. Судьба! Господь по-Своему устрояетъ. Надо завтра собраться къ бѣдняжечкѣ".

На завтра „поповна" крѣпко поджидала Николая Ефстафьевича. Она пріодѣлась, сѣла у окна, наблюдая, не мелькнетъ-ли дорогая тѣнь.

Палъ сумракъ, совсѣмъ стемнѣло, но Ѳомичева не было.

* * *

Ѳомичевъ въ этотъ день не пришелъ, такъ какъ засидѣлся у Анфисы Петровны.

„Завтра схожу къ Глашѣ, нарочно пораньше вернусь",—думалъ онъ.

Но случилось то-же самое, что и вчера.

Какъ-то Анфисѣ Петровнѣ доложили:

— Тебя спрашиваетъ тамъ... какъ-будто поповская дочь изъ Незамайкина.

Боярыня приказала впустить пришедшую.

Вошла Глаша. Ея лицо пылало, руки дрожали.

— Боярыня!—начала она, едва переступивъ порогъ.—Не грѣхъ тебѣ? Зачѣмъ околдовала его?

— Не могу понять, что ты говоришь, голубушка!—возразила Леонтьева.

— Ѣзжалъ онъ къ намъ изо дня въ день. Читали мы книжки... А теперь и не глядитъ онъ въ нашу сторону... Конечно, я—поповская дочь, а ты—боярыня... Но все-жъ не гоже...

— Да о комъ ты?

— О немъ, о Николаѣ Евстафьевичѣ.

— Я-то причемъ?—воскликнула боярыня.—Полюбилось ему сюда ѣздить.

— То-то и бѣда, что полюбилось. Боярынька! родная!—съ крикомъ бросилась въ ноги Леонтьевой Глаша:—освободи его! Отпусти! Вѣкъ за тебя буду Бога молить.

— Опомнись, голубушка. Ты внѣ себя. Встань! Сядемъ рядышкомъ, поговоримъ! Кресту-то ты вѣришь?

— Вѣстимо-же,—плача, говорила поповская дочь, садясь рядомъ съ Леонтьевой.

— Ну, такъ вотъ тебѣ крестъ—видишь, крещусь?— продолжала послѣдняя.—Твоего милаго я не неволила и не неволю сюда пріѣзжать. Онъ самъ такъ хочетъ. И мнѣ самой все равно—ѣздитъ онъ, нѣтъ-ли... А!— воскликнула она, взглянувъ въ окно,—и онъ самъ тутъ.

Глаша поднялась и торопливо сказала:

— Укрой меня. Мнѣ стыдно. Куда-бы убѣжать?

Но молодой Ѳомичевъ уже входилъ.

При видѣ поповны его лицо выразило сперва удивленіе, потомъ досаду.

— Ты какъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Меня навѣстить пришла. Мы съ ней давно знакомы,—промолвила Леонтьева.

— Николай Евстафьевичъ! что къ намъ не заглянешь?—сказала Глаша.

— Некогда,—сухо отвѣтилъ онъ.

— А сюда есть время?

— Есть. Ѣзжу, куда хочу. У тебя спрашиваться?

— Зачѣмъ у меня!—возразила Глаша.—Ужъ какая я тебѣ запретчица или указчица? А только о насъ совсѣмъ забылъ.

— Нешто у васъ что оставилъ? Ты мнѣ вотъ что скажи: зачѣмъ ты сюда притащилась? Просто срамъ: то письма пишетъ, то...

Дѣвушка стояла предъ нимъ негодующая, блѣдная.

— Нехорошій! Скверный! Богъ заплатитъ!—крикнула она и бросилась вонъ изъ комнаты, на-бѣгу сказавъ:— прощай и прости, боярынька!

— За что ты ее обидѣлъ?—спросила по уходѣ поповны Анфиса Петровна.

— Да что она лѣзетъ!—произнесъ Ѳомичевъ.

— А ты ко мнѣ не лѣзешь? Такъ и тебя я гнать стану.

— Ахъ, я не знаю! Я другимъ сдѣлался, какимъ-то каменнымъ. У меня ни къ кому нѣтъ жалости, ни къ кому! Себя и то не жалѣю. Вина всему ты.

— Еще-бъ не я!—воскликнула боярыня.—Ты еще поешь и то, и се! А ты—не мужчина, такъ, тряпица какая-то. Ну, я пойду отдохнуть.

Она ушла. Юноша остался одинъ, сѣлъ въ уголъ и сумрачно думалъ:

„Вѣрно! тряпица я. А что я сдѣлаю?“

Онъ злобился и на себя, и на боярыню, и на Глашу, и на весь міръ.

Когда поповна вернулась въ отцовскій домъ, она почувствовала, что входитъ въ него не тою, какою вышла. Что-то умерло въ ея душѣ. Ей теперь было все равно, что-бы ни готовило будущее. Пропалъ интересъ къ жизни. Она даже не испытывала злобы къ молодому Ѳомичеву; ею владѣла холодная апатія.

Черезъ нѣсколько дней мать, сіяя, сказала ей:

— Ну, Глашка, дождались: на-дняхъ твоя свадьба. Отца въ новую церковь перемѣщаютъ, въ старую присланъ другой. Владыка приказалъ закрѣпить мѣсто. Обвѣнчаемъ васъ, потому его въ дьяконы, а въ скорости въ попы. Вотъ и дочь у меня—попадья. Слава Христу: дождалась!

— Все-равно: попадья, такъ попадья.

— Ты неживая какая-то,—съ неудовольствіемъ промолвила мать.

Присланный владыкой ставленникъ, сынъ новгородскаго попа, еле грамотный, долговязый, тощій и бѣлобрысый малый, едва-ли могъ плѣнить Глашу, но она не возражала противъ брака съ нимъ. Ихъ повѣнчали. Глаша не была дурной женой. Мужъ не жаловался, но и не любилъ ея. День проходилъ, какъ другой; тянулась скучная, мертвая жизнь.

— Время-то летитъ какъ! На-дняхъ ужъ и въ путь-дорогу,—сказалъ Евстафій Лукичъ въ разговорѣ съ Леонтьевой.

— Куда?

— А про походъ-то подъ Азовъ забыла? Давно говорено. Къ двадцатому мартія безпремѣнно надобно быть на сборномъ мѣстѣ въ Тамбовѣ. Тащись въ ростопель. Чего не придумаютъ! Я ужъ былъ въ походахъ, мнѣ что, а вотъ Николашка впервой идетъ. Поскрипитъ онъ отъ тяготъ!

— До срока еще далеко. Чего спѣшишь?

— А думаю еще въ Москву завернуть.

— Въ Москву?—заволновалась Анфиса Петровна.— Можетъ, встрѣтишь Артемья Андреевича, поклонъ передай низкій, пренизкій.

— Какъ не передать!—съ усмѣшкой замѣтилъ Ѳо-

мичевъ.—Надо порадовать парня. А знаешь,—добавилъ онъ, помолчавъ:—отчего тебѣ самой въ Москву не съѣздить?

— Гдѣ мнѣ одной?—отвѣтила боярыня, но эта мысль невольно улыбалась ей.

— Зачѣмъ одной?—возразилъ Ѳомичевъ.—До Москвы мы тебя проводимъ. Тамъ у тебя знакомые есть?

— Есть.

— Ну, такъ чего-же? Прихвати деньжатъ, да и въ путь.

„Пріѣду въ Москву, разыщу Артему,—подумала Леонтьева, и ея сердце радостно забилось.—Развѣ съѣздить? И чего раньше не догадалась!“

— Анфиса Петровна, въ самомъ дѣлѣ, поѣдемъ въ Москву,—поддержалъ отца молодой Ѳомичевъ.

— Ну, вѣстимо-жъ, поѣдемъ! Людей посмотришь! Не вѣкъ-же взаперти сидѣть,—сказалъ Евстафій Лукичъ.

— Будь по-вашему! Ѣду. Когда въ путь?

— Черезъ два дня.

— Не мѣшкая надо сбираться!—согласилась Леонтьева.—Сегодня-жъ начну.

Черезъ два дня по дорожнымъ сугробамъ колыхалась кибитка, а подлѣ, позади и впереди ея ѣхали всадники: это отправлялись въ Москву Анфиса Петровна и Евстафій Лукичъ съ сыномъ и холопами.

XII.

Въ домѣ Ермила Кузьмича шли сборы: хозяинъ снаряжался въ походъ.

Федюшкинъ ходилъ по комнатамъ, въ которыхъ царилъ безпорядокъ, и покрикивалъ на слугъ, а часто даже пускалъ въ ходъ и кулаки. Однако, дѣло было не въ томъ, что холопы провинились, а въ томъ, что надо было на комъ-нибудь сорвать сердце.

„Боже мой! Ѣхать на войну! Да что я тамъ стану дѣлать? Шлепнетъ пуля и уложитъ. Былъ Ермилъ Кузьмичъ и нѣтъ Ермила Кузьмича. А то ядро ногу оторветъ. Брр!.. И, вѣдь, никакъ не отвертишься: хочешь не хочешь, подставляй лобъ подъ пулю. Ой, судьбина злая!“

Такъ раздумывалъ „храбрецъ“.

— Бояринъ! Къ тебѣ пріѣхали. Госпожа, видать боярыня и молодой съ ней бояринъ, —заявилъ слуга.

— Гости? Во-время принесло! Ну, да зови, чертъ съ ними!

Черезъ нѣсколько минутъ Федюшкинъ уже бесѣдовалъ съ гостями, сидя въ свѣтлицѣ.

Прибывшіе были Леонтьева и юный Ѳомичевъ.

— Ты прости, что эдакъ нагрянули незванные. Можетъ, не въ пору?—сказала Анфиса Петровна послѣ того, какъ назвала себя и спутника.

— Да нельзя сказать, чтобы... Я въ походъ сбираюсь... Завтра ѣду,—буркнулъ хозяинъ.

— Такъ и есть, не въ пору,—покраснѣвъ, продолжала вдовушка.—Но мы недолго станемъ надоѣдать тебѣ. Видишь-ли, насъ къ тебѣ послалъ Соковнинъ, Алексѣй Прокопьевичъ.

— Соковнинъ? Ко мнѣ?—не вѣря ушамъ, воскликнулъ Федюшкинъ.

— Да... Видишь-ли, онъ сказалъ, что ты знаешь, гдѣ живетъ Симоновъ... Артемій Андреевичъ.

— Симоновъ? Тэксъ-съ!.. Гм... Ты—ему сродственница?

— Нѣтъ... Я такъ... знакомая... Вотчины у насъ по сосѣдству,—отвѣтила боярыня, смущаясь.

— Смекаемъ, — промолвилъ, подмигивая, Ермилъ Кузьмичъ.—Я-бы тебѣ сказалъ, гдѣ онъ живетъ, если-бы самъ зналъ. Раньше-то, конечно, я зналъ его берлогу, пока онъ въ Москвѣ былъ; да онъ здѣсь прожилъ нѣсколько дней—у стрѣльца Филиппова на постоѣ былъ—и уѣхалъ на царскую службу въ Воронежъ. А теперь, я чай, его ужъ и тамъ нѣтъ.

—. Вотъ какъ! Такъ его нѣтъ здѣсь!—печально проговорила Анфиса Петровна.—Ахъ, какая досада!

По ея вдругъ ставшему сумрачнымъ лицу Федюшкинъ заключилъ, что онъ не ошибся въ догадкѣ, кто была Симонову Анфиса Петровна.

„Толкуй, матушка, что ты—просто сосѣдка! Знаемъ мы, тоже съ мозгами. Экъ тебя карежитъ!“—думалъ онъ.

— Въ какой онъ полкъ поступилъ?—спросилъ до сихъ поръ не проронившій ни слова Николай Евстафьевичъ.

— Не въ полкъ пока, а лѣсъ рубить по царскому

приказу поѣхалъ, что-ли, не знаю хорошо. Слышалъ что-то. Самъ-то онъ мнѣ не говорилъ: мы съ нимъ не въ ладахъ стали подъ конецъ.

— Что-жъ такъ?—спросилъ Ѳомичевъ.

— Да развѣ можно съ эдакимъ дружбу водить?—продолжалъ Федюшкинъ.—Непутевый парень, скверный, бражникъ, буянъ...

— Господи! Онъ-то?!—удивленно воскликнула Леонтьева.

— Да. Я-же его съ господиномъ Лефортомъ познакомилъ,—беззастѣнчиво лгалъ Федюшкинъ,—черезъ меня онъ на службу попалъ, и что-жъ ты думаешь: предъ отъѣздомъ напился пьянъ и на меня-же съ кулаками полѣзъ. Отблагодарилъ! А путаникъ-то какой! сказать срамъ.

— Путаникъ?—едва шевеля поблѣднѣвшими губами, промолвила боярыня.

— Да, путаникъ. Ты—вдова, не дѣвица, тебѣ можно сказать!—злорадно продолжалъ Федюшкинъ.—Чего онъ тутъ не творилъ! Со стрѣльчихами хмельными гулялъ, со слободскими нѣмками хороводился... А потомъ—это совсѣмъ нехорошо—Анютку, падчерицу хозяина своего, соблазнилъ на нехорошее дѣло, чуть-ли не съ нею и уѣхалъ. Филипповъ-то бѣдный горевалъ страсть!

— Не можетъ этого быть!—задыхаясь, воскликнула боярыня.

— Да зачѣмъ мнѣ врать? Корысть-то какая? Истинную правду сказалъ; пусть меня турецкая пуля прихлопнетъ, коли совралъ.

— Гдѣ этотъ Филипповъ живетъ?—спросила, вставая, боярыня.

— Нѣтъ его теперь здѣсь, въ походъ ушелъ, и домъ стоитъ заколоченъ. Что торопишься уходить?

— Пора. У тебя вонъ сборы... Спасибо, что повѣдалъ все!..—поблагодарила боярыня и вышла, не помня себя отъ волненія.

У Николая Евстафьевича былъ торжествующій и радостный видъ.

„Неужели, правда то, что онъ сказалъ? Но, вѣдь, это—ужасъ, ужасъ!—въ смятеніи думала боярыня.—Онъ, мой Артемій, и вдругъ такое... Господи! Нѣтъ, не вѣрю, не вѣрю!“

Весь путь отъ Федюшкина до дома вдовы торговаго человѣка, давнишней знакомой стараго Ѳомичева, гдѣ, по его совѣту, Леонтьева наняла помѣщеніе, проѣхали молча.

— Дозволишь зайти? А то я послѣ приду?—сказалъ Николай Евстафьевичъ, когда сани остановились предъ жилищемъ Анфисы Петровны.

— Я не знаю... Зайди... Нѣтъ, лучше послѣ,—пробормотала боярыня.

Молодой Ѳомичевъ вышелъ и побрелъ къ себѣ, т. е., къ тѣмъ знакомымъ, у которыхъ онъ съ отцомъ остановился погостить нѣсколько дней до отъѣзда на войну.

„Ну, Анфиса Петровна, придется тебѣ исполнять зарокъ!“—радостно думалъ онъ, потирая руки.

Это-же высказалъ онъ и ей, когда пришелъ вечеромъ того-же дня. Но Леонтьева отрицательно покачала головой и возразила:

— Нѣтъ, я не вѣрю... Ермилъ Кузьмичъ навралъ... Пока я сама всего не разузнаю, не повѣрю.

— Да зачѣмъ ему было врать? Сама посуди!—продолжалъ Ѳомичевъ.

— Я не знаю зачѣмъ. Можетъ быть, со злости.

— Ты просто не хочешь вѣрить. Такъ мнѣ опять ждать?—уныло спросилъ онъ.

— Жди. Если все это—правда, тогда... тогда, можетъ, я за тебя замужъ, можетъ, въ омутъ головой.

Въ день отъѣзда къ войску, когда оба Ѳомичева зашли къ ней проститься, Леонтьева попросила Николая Евстафьевича набросать записку. Рука юноши дрожала, а лицо шло пятнами, когда онъ низалъ буква къ буквѣ на узкой полоскѣ бумаги. Письмо было полно любви и безконечной вѣры; предназначалось оно Симонову.

— Возьми письмо. Быть можетъ, тамъ, подъ Азовомъ, встрѣтитесь съ нимъ!—сказала боярыня.

— Гдѣ-же, матушка!—возразилъ Ѳомичевъ,—мало-ли тамъ народа!

— Все-равно. На случай... Если встрѣтишься—отдай. И скажи, что я люблю его попрежнему, никакимъ наговорамъ не вѣрю и жду его, жду...

Молодой Ѳомичевъ слушалъ, и его лицо темнѣло.

XIII.

Между тѣмъ, пока разыгрывались эти событія, Артемій Андреевичъ былъ занятъ тяжелымъ трудомъ. Въ уѣздахъ Козловскомъ, Сокольскомъ, Добринскомъ, Воронежскомъ рубились дубовыя, ясневыя, буковыя отборныя деревья, распиливались по извѣстнымъ размѣрамъ въ доски, брусья, пластины, бруски, „для галеаснаго, галернаго, каторжнаго и брандернаго дѣла“; съ окрестныхъ жителей собирали смолу, конопать, вытребовали съ Романовскихъ желѣзныхъ заводовъ скобы, крючья, гвозди и все это отправлялось на складъ подъ Воронежемъ—на Луговую, или Ногайскую сторону. Здѣсь задумалъ царь устроить верфь—первую русскую верфь.

Работы было много. То приходилось пробираться по дремучимъ лѣсамъ по-поясъ въ снѣгу, то мчаться въ метель и морозы по безконечнымъ дорогамъ, то брать топоръ или пилу и самому вырубать или выпиливать особенно сложныя корабельныя части. Артемій Андреевичъ трудился и былъ веселъ. Его лицо обвѣтрилось, руки загрубѣли, но онъ чувствовалъ себя здоровымъ, какъ никогда прежде, возмужалъ и окрѣпъ.

Къ первымъ числамъ февраля 1696 года болѣе 7.000 деревьевъ было срублено, распилено и свезено на складъ. Изготовленъ былъ и остальной матерьялъ. Стали ждать пріѣзда государя.

Царь прибылъ въ концѣ февраля. Симоновъ нашелъ въ немъ большую перемѣну: онъ похудѣлъ, шелъ прихрамывая, такъ какъ только что оправился отъ тяжкой болѣзни ногъ. Но взглядъ царя былъ попрежнему зорокъ, быстръ, привѣтливъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грозенъ.

Едва отдохнувъ съ пути, царь пошелъ осматривать запасенныя снасти. Онъ самъ разглядывалъ чуть не каждую, одно хвалилъ, другое хаялъ, но, въ концѣ концовъ, остался доволенъ результатомъ дѣятельности Титова.

— Молодецъ, Григорій,—похвалилъ онъ его,—постарался. А! и ты здѣсь! — добавилъ царь, замѣтивъ стоявшаго позади Титова Симонова.—Ну, что сказать нашему пріятелю, Францу? Похвалить тебя или пору-

гать? Гриша! что ты о немъ скажешь? — обратился Петръ къ Титову.

— Большую помощь онъ мнѣ оказалъ, — съ поклономъ отвѣтилъ стольникъ — только хвалить и можно.

— Вотъ это хорошо! Францъ тебя-бы расцѣловалъ,— сказалъ государь Артемію Андреевичу,—да нѣтъ его здѣсь, такъ давай вмѣсто него я тебя расцѣлую.

Царь обнялъ и поцѣловалъ взволнованнаго юношу.

— А только не думай, — продолжалъ послѣ этого Петръ Алексѣевичъ, — поцѣловаться-то съ тобой мы поцѣловались, а поведешь себя дальше худо, дубинки моей не миновать. Завтра ко мнѣ на верфь приходи работать!

Закипѣла подъ Воронежемъ работа. Самъ царь цѣлыми днями бывалъ на верфи то съ циркулемъ, то съ топоромъ въ рукахъ. Лучшую галеру „Principium“ онъ соорудилъ собственноручно.

Стукъ топоровъ, визгъ пилъ наполняли воздухъ: нарождался первый русскій флотъ. Болѣе 30 военныхъ судовъ были спущены на воду, когда вскрылись рѣки. Для перевозки войскъ, военныхъ и другихъ запасовъ прибыло къ Воронежу 1.300 струговъ.

„Теперь мы турку сцапаемъ“, — радостно думалъ царь, смотря на свою флотилію.

Грозная сила шла на Азовъ: „Морской региментъ“, въ числѣ 4.000 человѣкъ, въ которомъ государь числился капитаномъ 3-ей роты; ратные люди московскаго чина, коннаго строя, стольники, стряпчіе, дворяне въ числѣ 3.500 человѣкъ; 30 полковъ солдатскихъ—38.800 человѣкъ; 13 полковъ стрѣлецкихъ— 9.597 ч.; 6 полковъ малороссійскихъ — 15.000 ч.; Войска Донского казаковъ конныхъ и пѣшихъ — 5.000; калмыковъ — 3.000; низовыхъ конныхъ стрѣльцовъ и яицкихъ казаковъ—500; всего до 75.000 человѣкъ.

27-го мая 1696 года—день, памятный въ лѣтописяхъ русскаго флота: въ этотъ день впервые морскіе валы закачали русскіе военные корабли. Русскія суда, въ числѣ 22 галеръ, рѣками Каланчею и Кутерьмою двинулись къ морю и раннимъ, тихимъ утромъ съ пушечною пальбою вышли въ море. Ночью русскіе моряки съ честью выдержали жестокую бурю, и русская

флотилія, подкрѣпленная семью галерами, приведенными вице-адмираломъ Лимою, преградила турецкому флоту путь къ Азову.

Съ суши къ нему грозно подступило наше сухопутное войско.

Началась вторая осада Азова, въ которой пришлось принять участіе обоимъ Ѳомичевымъ, Федюшкину—въ рядахъ людей московскаго чина, и Артемію Андреевичу съ Матвѣемъ Большерукомъ—въ рядахъ Преображенскаго полка.

Симоновъ попалъ въ этотъ полкъ слѣдующимъ образомъ.

Уже вся флотилія качалась на волнахъ рѣки Воронежа, только адмиральская галера не была спущена: царь ожидалъ пріѣзда своего любимца Лефорта. Онъ прибылъ только 16-го апрѣля, а 17-го галера сошла со стапелей и Лефортъ, поднявъ на ней адмиральскій флагъ, угостилъ „мастера“ веселымъ пиромъ. На этомъ пиру былъ и Артемій Андреевичъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ себя не весело. Работа по заготовкѣ матерьяловъ, по постройкѣ флота была закончена, всѣ шли въ походъ, а онъ, Симоновъ, не получивъ никакого назначенія, долженъ былъ оставаться не у дѣлъ. Онъ стоялъ на палубѣ галеры и задумчиво смотрѣлъ на сверкавшую при солнцѣ рѣку.

„Пташка моя!—думалъ онъ.—Если-бы къ тебѣ улетѣть, тогда и горюшка мало, а вотъ эдакъ-то сидѣть, ни къ тебѣ не поѣхать, ни дѣла не дѣлать, куда скучно. Развѣ опять Франца Яковлевича просить?“

— Чего задумался? Чего не бражничаешь? — раздался за нимъ голосъ, — послѣ трудовъ не грѣхъ и повеселиться.

Симоновъ быстро обернулся. Предъ нимъ стоялъ царь.

— Радъ-бы веселиться,—сказалъ, слегка смущаясь юноша,—да скучно мнѣ.

— Скучно, когда эдакая радость: послѣдняя галера на водѣ?—промолвилъ государь, хмурясь.

— Этому я радуюсь, да не радуюсь на себя.

— А что-жъ у тебя такое?

— Да не у дѣлъ я остаюсь. У каждаго дѣло есть—кто въ походъ идетъ, кто при иномъ дѣлѣ, а мнѣ нечего дѣлать...

— Вотъ что!—улыбаясь, промолвилъ царь.—Ну, и тебѣ будетъ дѣло. Зачислю я тебя въ Преображенскій полкъ... пока солдатомъ для узнанія ратнаго строя, а черезъ мѣсяцъ будешь сержантомъ: это—награда тебѣ за прежнюю службу. Доволенъ?

— Ужъ такъ-то доволенъ, государь!—воскликнулъ, просіявъ, Симоновъ.

Большерукъ попалъ въ солдаты инымъ образомъ.

Узнавъ о поступленіи своего господина въ Преображенскій полкъ, Матвѣй заскучалъ.

— Что-жъ я-то буду дѣлать?—сказалъ онъ. — Ну, Андронъ съ тобой будетъ, въ родѣ какъ дядька... въ обозѣ гдѣ-нибудь прилѣпится, а я-то какъ? двоихъ, чай, и взять не позволятъ. Ахъ, я, горемыка!

Артемій Андреевичъ утѣшалъ его, какъ могъ, но малый затаилъ думу. Онъ явился къ начальнику дивизіи Головину и повелъ рѣчь такого характера:

— Потому ежели мой господинъ въ солдатахъ, то и мнѣ скушно. Да и чего-жъ зря болтаться? Яви Божескую милость, въ солдатство прими.

Головинъ разспросилъ Большерука, кто его господинъ, въ какомъ полку. Генералъ зналъ, что Симоновъ зачисленъ самимъ царемъ, что онъ — солдатъ только пока, а въ сущности находится на положеніи сержанта, и рѣшилъ: „зачислить Матюшку Большерука денщикомъ къ Симонову“.

XIV.

Только что отбили аттаку Нурадинъ-султана. Неутомимый татарскій наѣздникъ налеталъ врасплохъ на безпечныхъ русскихъ, рубилъ ихъ, захватывалъ плѣнныхъ и исчезалъ. За нимъ всегда гнались, но не всегда удачно.

Въ этотъ день, 3-го іюля, нападеніе было особенно жестоко. Орда нахлынула въ количествѣ несравненно большемъ, чѣмъ прежде, подъ предводительствомъ Нурадина-султана, Кубека-мурзы и Муртузы-паши.

Имъ дали жестокій отпоръ. Пѣхотное войско встрѣтило ихъ щетиною багинетовъ, и дикая конница разбилась, какъ волна о скалу, о твердость русскихъ колоннъ. Непріятель разсѣялся, конница бросилась преслѣдовать бѣгущихъ.

Преображенцы отдыхали. Прапоръ Василій Касьяновичъ Богатенковъ сидѣлъ у бруствера и говорилъ со своимъ новымъ сержантомъ Артеміемъ Андреевичемъ Симоновымъ.

— Много тяготы въ военной службѣ, но много и хорошаго. Чего не потерпишь? Чего не переживешь? Нынѣшній походъ — что! Прошлый былъ куда жарче.

— На приступъ ни раза не ходили нынѣ.

— И едва-ли пойдемъ. Помню я прошлогодніе приступы. Надо стѣны взорвать, а такъ только зря народъ уложишь. А развѣ ихъ взорвешь? Вотъ заморскіе розмыслы *) пріѣдутъ, тогда иное дѣло.

— Мнѣ сказали, что ты былъ въ плѣну у турокъ?— спросилъ Симоновъ.

— Не у турокъ, а у одного турка, у Краснаго Аги **).

---

*) Инженеры.

**) Сынъ богатаго паши, ага Юсуфъ, „Красный Ага“, годовалымъ ребенкомъ попалъ въ руки казаковъ и былъ увезенъ въ Россію. Здѣсь онъ воспитывался у казака Михаила, впослѣдствіи образовавшаго раскольничій скитъ и ставшаго подъ именемъ отъ. Мисаила его настоятелемъ. Въ этомъ скиту выросъ и „Красный ага“, носившій въ качествѣ послушника имя Данилы. Въ скитъ отца Мисаила была привезена дочь богатаго боярина Богатенкова, Елизавета, сосланная туда отцомъ за неповиновеніе, выразившееся въ преступной, по мнѣнію боярина, любви и желаніи выдти замужъ за бѣднаго сосѣда-помѣщика Артамонова. Послѣдній узналъ о мѣстопребываніи своей возлюбленной и сумѣлъ добиться у Петра I разрѣшенія разорить раскольничій скитъ, куда и отправился во главѣ отряда стрѣльцовъ. Раскольники, увидѣвъ приближающійся отрядъ, рѣшили принести великую жертву—сжечь себя вмѣстѣ со скитомъ, а не отдаться въ руки стрѣльцовъ. Не погибли тогда въ огнѣ лишь Данила и Елизавета. Данила, безъ ума полюбившій сосланную дѣвушку, вынесъ ее изъ огня и сумѣлъ выбраться изъ скита, миновавъ руки стрѣльцовъ. При этомъ онъ захватилъ богатую скитскую казну и при помощи денегъ пробрался въ Турцію и поселился въ Азовѣ. Ему удалось уговорить ѣхать съ нимъ и Елизавету. Своей преданностью и мощью натуры Данила заставилъ Елизавету полюбить его и та, забывъ оставшагося на Руси жениха Артамонова вышла замужъ за Данилу. Богатства, захваченныя Данилой изъ скита, личная доблесть и отвага быстро создали Данилѣ почетное положеніе въ Азовѣ и онъ, принявъ мусульманство, былъ зачисленъ въ ряды янычаръ агою. Своею храбростью новый ага стяжалъ себѣ громкую извѣстность и вскорѣ всѣ знали „Краснаго Агу“, какъ его стали звать по цвѣту носимаго имъ всегда платья, и трепетали предъ его силою и отвагою. (См. ром. того-же автора „На зарѣ новыхъ дней“, изд. А. А. Каспари).

— У самого Краснаго Аги?—воскликнулъ сержантъ, видѣвшій въ бою этого военачальника.—Чай, мучилъ?

— Нѣтъ. Онъ мнѣ—не чужакъ, станетъ-ли мучить.

— Какъ не чужакъ?

— Онъ—мужъ моей сестры.

Артемій Андреевичъ посмотрѣлъ на Богатенкова, размышляя, смѣется-ли надъ нимъ его собесѣдникъ или немножко рехнулся. А тотъ спокойно обратился къ нему со словами:

— Что смотришь? Думаешь, мозги въ порядкѣ-ли? Я тебѣ правду сказалъ: моя сестра—жена Краснаго Аги. Видишь-ли...—началъ онъ и остановился.

Вдали послышался шумъ. Скакали всадники, выбѣгали солдаты. Молодой всадникъ, подскакавъ къ прапору, закричалъ:

— Идите на помощь! Татары окружили нашихъ, отрѣзали отъ другихъ... бьютъ. Много ихъ...

— Симоновъ!—крикнулъ Богатенковъ, вскочивъ:—строй мой плутонгъ и веди... А я къ полковнику побѣгу извѣстить...

— Симоновъ! Симоновъ!—прошепталъ всадникъ съ волненіемъ.—Вотъ онъ!

— Гдѣ ваши?—спросилъ Артемій Андреевичъ.

— А вотъ строй своихъ, я поведу,—отвѣтилъ молодой Ѳомичевъ (это былъ онъ), недружелюбно смотря на сержанта.

„Вотъ онъ, красавчикъ! Вотъ онъ, ворогъ мой!“—проносилось въ его головѣ.

— Разбирай мушкетъ. Стройся! Примкни багинетъ! Бѣг-лымъ ша-гомъ ступ-пай!—скомандовалъ Симоновъ.

Николай Евстафьевичъ скакалъ впереди.

Со всѣхъ сторонъ спѣшно подвигались пѣхотныя колонны по ротамъ и плутонгамъ.

— Вонъ они!—указалъ саблей впередъ Ѳомичевъ.

Тамъ, куда онъ указывалъ, волновалась большая группа татарскихъ всадниковъ. Изрѣдка сквозь ихъ ряды виднѣлись кафтаны русскихъ. Неслись крики, слышались залпы, лязгъ сабель.

— Впередъ! впередъ!—кричалъ сержантъ, а потомъ скомандовалъ:—стой! Первая шеренга—стрѣляй! Первая на колѣна! Заряжай! Вторая стрѣ-ляй!

— Фу! насилу догналъ!—сказалъ, подбѣгая къ своей части, прапорщикъ Богатенковъ.—Сержантъ, на мѣсто! Первая стрѣляй! Заряжай! Мушкетъ на руку. Бѣгомъ... Въ багинеты!..

Пѣхота пошла въ аттаку на кавалерію и врѣзалась въ ея ряды, прокладывая путь багинетами. Съ другихъ сторонъ также тѣснили. Прискакала часть разсѣявшейся московской конницы. Татары не выдержали и бросились вразсыпную, отстрѣливаясь на-скаку.

Василій Касьяновичъ со своимъ отрядомъ кинулся наперерѣзъ нѣкоторымъ бѣглецамъ. Ряды солдатъ немного сбились, кое-кто выдѣлился, кое-кто поотсталъ. Сержантъ Симоновъ бѣжалъ нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ, спѣша отрѣзать путь лихо мчавшемуся на бѣломъ аргамакѣ татарину, судя по богатству одежды и чепраку коня, принадлежавшему не къ числу рядовыхъ бойцовъ.

„Достанетъ-ли пуля?—соображалъ сержантъ, измѣряя глазомъ разстояніе.—Теперь достанетъ. Постой, я тебѣ удружу, голубчикъ!“

Онъ прицѣлился и уже готовъ былъ приложить фитиль, когда услышалъ позади себя быстро приближающійся топотъ бѣшенно скачущей лошади. Артемій Андреевичъ оглянулся и едва успѣлъ отскочить въ сторону, чтобы не попасть подъ копыта коня мчавшагося прямо на него всадника.

— Что ты, никакъ ошалѣлъ!—съ сердцемъ крикнулъ сержантъ, узнавъ въ наѣздникѣ того самаго молодого человѣка, который пріѣзжалъ звать пѣхоту на помощь.

— Чего на пути стоишь?—грубо крикнулъ Ѳомичевъ и, взглянувъ на своего счастливаго соперника, умчался съ быстротою вѣтра.

— Шалый!—пробормоталъ Симоновъ, посмотрѣвъ ему вслѣдъ, и вновь поднялъ мушкетъ, ища глазами своего татарина.

Но того уже и слѣдъ простылъ.

Сѣтуя на неудачу, Артемій Андреевичъ присоединился къ своему плутонгу.

* *
*

Вечерѣло. Солдаты вернулись въ лагерь и расположились было на отдыхъ, но пришлось не долго „раз-

минать кости“: чуть стемнѣло, пришелъ приказъ: „На работу!“.

Впервые во все время Симоновъ посѣтовалъ на тяготу военной службы: въ убогой землянкѣ было тепло, травяная постель — мягка, хотѣлось побаловать себя, понѣжиться послѣ дневной сутолоки и томительной жары. Но дѣлать нечего, приходилось повиноваться и идти работать.

Работа, надъ которой каждую ночь трудились до пятнадцати тысячъ человѣкъ, была грандіозная: насыпали валъ, который долженъ-бы превысить валъ непріятельской крѣпости. Его думали привалить къ турецкому валу и, засыпавъ ровъ, ворваться въ неприступную твердыню.

Работы велись ночью, чтобы избѣжать выстрѣловъ зоркихъ и мѣткихъ турецкихъ стрѣлковъ, но тѣ и ночью не дремали и, нѣтъ-нѣтъ, раздавался выстрѣлъ и шлепалась пуля, пущенная на свѣтъ фонаря.

Работали поочередно всѣ: солдаты, стрѣльцы и люди московскаго строя. Въ эту ночь попалъ на работу и Ѳомичевъ.

Тяжело и смутно было на душѣ Николая Евстафьевича съ той минуты, когда онъ днемъ встрѣтился съ Артемьемъ Андреевичемъ. Онъ и проклиналъ судьбу, злобился и отчаивался.

„Какъ на зло столкнулся съ нимъ! — размышлялъ онъ.—Полковымъ сержантомъ онъ оказывается, а я-то тѣшилъ себѣ, что онъ тамъ рубитъ себѣ деревья и на войнѣ его нѣтъ. Отдать письмо? Если да, то придется сказать, что боярыня въ Москвѣ? Нѣтъ, силушки не хватитъ смотрѣть, какъ онъ зарадуется: такъ и захочется съѣздить по его смазливой рожѣ“.

Ѳомичевъ лежалъ въ одной общей землянкѣ съ отцомъ; старику сладко дремалось. Зато сынъ не смыкалъ глазъ.

„Пусть еще полежитъ письмецо. Можетъ, красавчика еще и прихлопнетъ вражеская пуля,—продолжалъ онъ раздумывать.—Эхъ, если-бы прихлопнула! Развязалъ-бы руки. Хотѣлось мнѣ его сегодня конемъ растоптать, будто ненарокомъ, да увернулся... Господи! что со мной? И что у меня за думы? словно у убійцы! Нечистый мной овладѣлъ!..“

— Да будетъ тебѣ ворочаться!—недовольно проворчалъ отецъ,—спать не даешь. Хоть-бы тебя работать погнали, что-ли.

Самъ старый Ѳомичевъ на работы не посылался, ввиду преклонныхъ лѣтъ и довольно высокаго чина стольника. Работали люди нижняго воинскаго званія и молодежь малыхъ чиновъ.

Желаніе Евстафія Лукича исполнилось, какъ по щучьему велѣнью: едва онъ успѣлъ договорить, какъ въ землянку просунулась голова Федюшкина, который близко познакомился въ походѣ съ молодымъ Ѳомичевымъ и землянка котораго была рядомъ.

— На работу, Николай Евстафьевичъ,—сказалъ Ермилъ Кузьмичъ.

Молодой человѣкъ нехотя поднялся, опоясался саблей, заткнулъ за поясъ пару заряженныхъ пистолетовъ, взялъ стоявшую въ углу лопату и вышелъ.

Ночь стояла не темная, а тусклая; шагахъ въ двухъ можно было различить предметы, дальше—тьма. Было вѣтрено; обрывки облаковъ ползли по небу; изрѣдка, крадучись, проскальзывалъ мутный лучъ луны и снова скрывался. Несмотря на вѣтеръ, было жарко, вѣрнѣе, душно.

— Дышать тяжело,—промолвилъ Ѳомичевъ, шагая позади Федюшкина, который несъ фонарь.

— Да! И вѣтеръ не какъ у насъ: дуетъ, а прохлады нѣтъ. Басурманскій вѣтеръ.

Справа и слѣва двигались свѣтлыя точки: ратники шли на работу.

Грянулъ выстрѣлъ съ крѣпости.

— Эдакъ фонарь выбьютъ, — робко сказалъ, пріостанавливаясь, Ермилъ Кузьмичъ.

— Авось, нашъ валъ помѣшаетъ!—отозвался Ѳомичевъ.—Ничего, иди!

У нашего вала уже копошились солдаты, превратившіеся въ землекоповъ. Тамъ и сямъ блестѣли, какъ волчій глазъ, огни фонарей.

— До нашего участка не такъ ужъ близко,—нетвердо шагая и озираясь въ сторону крѣпости, пробормоталъ Федюшкинъ.

— Близко,—отвѣтилъ его спутникъ и замедлилъ шаги.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него мелькнуло, скрылось и опять мелькнуло ненавистное красивое лицо сержанта Симонова. Онъ остановился. Федюшкинъ продолжалъ идти.

„Отдать ему письмо? Отдать?—вихремъ проносилось въ головѣ Николая Евстафьевича, и рука нащупывала лежавшее въ карманѣ свернутое столбикомъ письмо.—Да развѣ можно отдать? Да развѣ хватитъ силы?“

И злоба шепнула:

„Зачѣмъ онъ на моей дорогѣ? Проклятый! Безъ него быть-бы счастью“.

Онъ весь похолодѣлъ отъ мелькнувшей мысли:

„Пустить-бы пулю!“

Его сердце колотилось въ грудную клѣтку; духъ захватывало. Ермилъ Кузьмичъ былъ далеко. Рука потянулась къ пистолету.

„Да, вѣдь, глупо! Увидятъ и схватятъ“,—сообразилъ онъ, а затѣмъ выпрямился, тряхнулъ головой и шагнулъ къ Симонову, работавшему лопатой.

— Вѣсточку надо передать отъ Анфисы Петровны,—глухо сказалъ Ѳомичевъ на-ухо Артемію Андреевичу.

Сержантъ отъ неожиданности выронилъ лопату.

— Отъ Анфисы?!—пробормоталъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, выпрямившись и стараясь разглядѣть сквозь тьму лицо говорившаго.

Онъ видѣлъ только блѣдное лицо и глаза, въ которыхъ словно дрожали искорки. Недавняго своего непріятеля, „шалаго“ всадника, онъ не узналъ.

— Отъ Анфисушки, говоришь?—возбужденно продолжалъ онъ, схвативъ незнакомца за руку.

— Да, да,—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Ѳомичевъ.—Отойдемъ!.. Здѣсь много народа... Отойдемъ дальше... Уйдемъ за валъ.

— Уйдемъ, куда хочешь, только не томи,—сказалъ Артемій Андреевичъ.

Ѳомичевъ двинулся впередъ, не выпуская руки Симонова. Они быстро прошли мимо ближайшихъ рабочихъ, поднялись на валъ и юркнули за него.

— Анфиса Петровна сказать тебѣ велѣла, что она тебя, какъ прежде, любитъ,—зашепталъ Ѳомичевъ, становясь противъ своего соперника.—Что она ждетъ тебя, не дождется..

— Ангелъ!—умиленно проговорилъ Симоновъ.

— Ты радъ?

— Радъ! Еще-бы не радоваться!..

— Ну, и я радъ!—воскликнулъ Николай Евстафьевичъ, выхватывая пистолетъ.

— И ты радъ?—въ недоумѣніи спросилъ сержантъ.

— Да! Вотъ чему!

Щелкнулъ выстрѣлъ. Артемій Андреевичъ грузно упалъ.

— Опять турка балуется,—замѣтилъ одинъ изъ работавшихъ, разслышавъ слабый звукъ выстрѣла.

— Показалось мнѣ, будто это отъ насъ,—отвѣтилъ другой.

— А можетъ, и отъ насъ: не все-жъ одному турку палить.

Николай Евстафьевичъ разыскалъ Федюшкина и принялся за работу. Его руки едва могли держать лопату, губы вздрагивали, какъ отъ холода. Ермилъ Кузьмичъ съ нимъ заговаривалъ, онъ отмалчивался.

— Что съ тобой?—наконецъ, спросилъ Федюшкинъ.

Ѳомичевъ дико взглянулъ на него и хрипло проговорилъ:

— Что? Сатанѣ я душу продалъ!

Трусливый пріятель дрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что ты брешешь!—прошепталъ онъ, едва шевеля языкомъ отъ ужаса.

Товарищъ не отвѣчалъ ему, съ ожесточеніемъ вонзая лопатку въ черную твердую землю.

* *
*

Проглянула луна. Ея лучъ вырвалъ изъ мрака безконечное множество темныхъ фигуръ русскихъ работниковъ, озарилъ насыпь и лежавшаго подлѣ нея, раскинувъ руки, Артемія Андреевича, валъ и стѣны турецкой твердыни съ тамъ и сямъ разсыпавшимися турецкими стрѣлками, заигралъ на быстринѣ рѣки, поглядѣлъ въ морскую гладь, скользнулъ вдали по крупнымъ линейнымъ непріятельскимъ кораблямъ, освѣтилъ стоявшую на якоряхъ предъ крѣпостью русскую флотилію и царскую галеру „Principium“, гдѣ сквозь полуоткрытую дверь виднѣлся слабый свѣтъ.

Тамъ сидѣлъ неустанный труженикъ—русскій царь.

Все спало, кромѣ него и вахтенныхъ. Тихо плескалось море о борта галеры. Задумался царь подъ плескъ волнъ.

„Боже мой!—думалъ онъ, подперевъ рукою державную голову и уставившись на пламя быстро нагаравшей сальной свѣчи:—Боже мой! Хватитъ-ли у меня силы свершить то, что задумалъ я? Не очень-ли много? Не паду-ли самъ я подъ бременемъ неодолимымъ? На Тебя Одного, Создатель, надежда, Ты—мое прибѣжище и сила. Мало корабли построить, мало воинство создать крѣпкое. Есть сила, которая и корабли наши потопитъ, и солдатъ разгонитъ. Эта сила—тьма русская, неисходная. Удастся-ли вырвать матушку-Русь изъ когтей погибельныхъ? Удастся-ли свѣтомъ мракъ прогнать? Да и не ослѣпитъ-ли этотъ свѣтъ слабыхъ очей? О, Господи! Господи! подкрѣпи духъ мой, но да будетъ по волѣ Твоей. Пойду по пути своему неустанно, а тамъ—Твоя святая воля. Одинъ я... Помощники мои—вѣтки вѣтромъ колеблемыя. Шатость въ нихъ великая. И назадъ какъ-будто не хочется, и впередъ имъ идти боязно. Держитъ старинушка вѣковая. Изъ иноземцевъ есть кое-кто... Такъ, вѣдь, иноземецъ все-жъ имъ и останется, не свой братъ, не русакъ. Учиться-то у иноземца учись, и ласкай ихъ, вѣрить-же погоди, а пуще всего не давай власть имъ забирать. Въ этомъ тоже погибель русской землѣ. Одинъ я пока... Можетъ, послѣ найдутся. Меншиковъ какъ-будто годенъ. Не изъ бояръ онъ; да это и лучше... А только корыстенъ, ходила за это по немъ моя дубинка и еще будетъ ходить... Помощниковъ почти нѣтъ, друзей—мало, а враговъ-то—ухъ! Боярство на меня ярится, раскольники смуту въ народѣ пускаютъ. Только безродные, въ родѣ Меншикова, за меня. Ну, да ничего! Уйму!“

Царь выпрямился и стукнулъ кулакомъ по столу. Его взглядъ былъ грозенъ, лицевые мускулы двигались. Черезъ мгновеніе его лицо приняло обычное выраженіе. Онъ потеръ рукою лобъ.

— Полно! Что думами себя растравлять? Будемъ дѣло дѣлать. Отъ пустого раздумья прока мало. Что мнѣ на сегодня еще осталось? Да, письмо „кесарю“.

Петръ отдѣлилъ листокъ отъ кипы лежащихъ на столѣ, очинилъ свѣжее перо, обмакнулъ въ чернильницу

ницу, нѣсколько подумалъ и вывелъ своимъ крупнымъ характернымъ почеркомъ:

„Государю генералиссимусу князю Ѳедору Юрьевичу“.

„Min Her Kenih.

„Письмо ваше государское, іюня 17-го дня писанное, мнѣ отдано; за которое вашу государскую милость благодарствую.

„А о здѣшнемъ возвѣщаю, что валъ валятъ близко и три мина зачали. Пріѣзжіе бранденбуржцы съ нашими непрестанно труждаются въ бросаніи бомбовъ. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни съ нашими бьются; только, слава Богу (кромѣ одного бою, гдѣ прогнавшись наши, по прадѣдовскимъ обычаямъ, не принявъ себѣ оборонителя воинскаго строю, нѣсколько потеряли, но когда справились, паки ихъ прогнали), всегда прогнаны отъ нашихъ бываютъ. Турночи-баша еще стоитъ на морѣ и канунъ Петрова дни былъ отъ нихъ подъѣздъ въ 24 судахъ, и какъ близко подъѣхали, и наши якори вынимать стали, чтобъ на нихъ ударить, и они, то видя, тотчасъ парусы поднявъ, побѣжали.

iv Daheleix knech *) Piter Kamondor“.

„Съ галеры „Принципіумъ“, іюля 3-го д.“.

Окончивъ письмо, царь всталъ и потянулся.

— Поздно. Пора на покой.

Онъ потушилъ свѣчу и, не зовя денщиковъ, самъ раздѣлся и легъ на узкое жесткое ложе.

* *
*

Утро стояло во всемъ блескѣ, когда денщикъ Большерукъ осторожно пробирался въ землянку Артемія Андреевича, чтобы взять котелокъ и вскипятить воду для сбитня. Онъ вползъ на колѣнахъ, боясь разбудить усталаго барина, который, какъ онъ полагалъ, долженъ былъ крѣпко спать „съ устатка“. Къ удивленію денщика, его господина не оказалось на постели.

— Что за притча?—пробормоталъ Матвѣй.—Вышелъ онъ или еще на работѣ? Да, вѣдь, всѣ вернулись. Ну, подождемъ!

Онъ взялъ котелокъ, вернулся къ своей землянкѣ,

---

*) Т. е., Yw daqelijksch knecht—вашъ всегдашній слуга.

развелъ костеръ и подвѣсилъ надъ нимъ котелокъ на трехъ скрещенныхъ палкахъ.

И вода успѣла вскипѣть, и сбитень Большерукъ успѣлъ приготовить, а Симоновъ все еще не возвращался.

Матвѣй недоумѣвалъ. Онъ побродилъ по лагерю, поразспросилъ. Ему отвѣчали, что видѣли Артемія Андреевича на работѣ, а послѣ онъ куда-то, кажется, ушелъ.

— Да что-жъ это такое? Голубчики мои! Что-жъ это такое?—въ горѣ бормоталъ денщикъ.—На что станетъ мой сбитень похожъ? И куда Артемій Андреевичъ сгинулъ?

Онъ пошелъ къ валу. Тамъ было тихо и безлюдно.

Матвѣя замѣтили съ крѣпости. Прогремѣло нѣсколько выстрѣловъ, но онъ и ухомъ не повелъ, продолжая розыски своего боярина. Въ одномъ мѣстѣ онъ набрелъ на брошенную лопату и фонарь съ догорѣвшей свѣчкой.

— Ишь, какой-то ротозѣй забылъ!—съ сердцемъ замѣтилъ онъ, поднимая лопату, но, взглянувъ на фонарь, ахнулъ:—да, вѣдь, это—бариновъ фонарь!..—а потомъ добавилъ въ раздумьѣ:—фу, Боже мой! Что-же это значитъ? Куда баринъ дѣвался?

Онъ озирался, какъ-будто ожидая увидѣть Симонова. Его вниманіе привлекли глубокіе слѣды по мягкой свѣжей насыпи. Слѣды тянулись къ верху вала. Матвѣй направился по слѣдамъ.

Когда онъ поднялся на вершину насыпи, вокругъ него пули зажужжали, какъ пчелы. Онъ не замѣчалъ ихъ и быстро спускался по внѣшней сторонѣ вала, шепча:

— Вотъ онъ! Господи!

Подъ насыпью лежалъ Артемій Андреевичъ. Изрѣдка онъ приподнимался на локтяхъ и дѣлалъ попытки встать, но снова падалъ навзничь.

— Боже мой! Поранили его. Бояринъ! Голубчикъ!—воскликнулъ Матвѣй.

Симоновъ приподнялъ голову, узналъ денщика и прошепталъ:

— Пить!

— Сейчасъ, родной, добудемъ воды, дай только тебя отсюда вызволить,—отозвался Большерукъ.—По-

пробуй встать!.. Вотъ такъ, такъ... Теперь я тебя подъ локотки поддержу. Только-бы окаянные еще пули не залѣпили въ тебя. Ахъ, Боже! что за бѣда стряслась!

Большерукъ, напрягая всѣ силы, почти несъ своего господина вверхъ. Съ крѣпости ихъ осыпали пулями; только чудомъ ни одна не задѣла.

По пути къ землянкѣ Матвѣя останавливали разспросами, но онъ только отмахивался да бурчалъ:

— Ранили его.

Между прочимъ, онъ натолкнулся на какого-то воина изъ людей московскаго чина. Это былъ Ѳомичевъ. Увидя Артемія Андреевича, хотя и слабымъ, но живымъ, Николай Евстафьевичъ поблѣднѣлъ и затрепеталъ. Крадучись, пробрался онъ къ себѣ; ему казалось, что на немъ лежитъ пятно Каина и первый встрѣчный укажетъ пальцемъ на него, какъ на убійцу.

Добравшись со своимъ господиномъ до землянки, Большерукъ заботливо уложилъ его, далъ „испить“ и промылъ рану. Артемій Андреевичъ заснулъ и, проснувшись, почувствовалъ себя значительно бодрѣе. Онъ самъ внимательно осмотрѣлъ рану. Она была не опасной: пуля прошла черезъ мякоть предплечья, не задѣвъ кости. Потеря силъ и обморокъ объяснялись, съ одной стороны, тѣмъ, что сержантъ при паденіи ударился головою о камень, а съ другой—сильною потерей крови. Черезъ день Симоновъ былъ уже на ногахъ, хотя еще чувствовалъ себя слабымъ. Одна мысль жгла его мозгъ:

„Кто былъ убійца и почему онъ зналъ объ Анфисѣ?“

Мстительное чувство поднималось въ груди молодого человѣка.

— Встрѣчу—не быть пощадѣ!—рѣшилъ онъ.

XV.

Гремѣвшая съ разсвѣта канонада къ полудню стала затихать. Первыми прекратили пальбу турки, затѣмъ постепенно начали умолкать и наши орудія, дѣйствія которыхъ для Азова были крайне тяжелы: почти не было ни одного дома, не поврежденнаго русскими бомбами. Въ будущемъ осажденнымъ грозили еще большія бѣды: валъ росъ не по днямъ, а по часамъ и все ближе пододвигался къ крѣпости.

Было томительно жарко. Русскіе воины, отобѣдавъ, залегли подремать въ шалашахъ, землянкахъ и палаткахъ. Лагерь казался-бы пустымъ, если-бы не тамъ и сямъ разбросанныя фигуры часовыхъ, тоже истомленныхъ удушливымъ зноемъ.

Большой отрядъ янычаръ, пестрѣя тюрбанами, сверкая сталью обнаженныхъ ятагановъ, появился на крѣпостномъ валу и сталъ неслышно спускаться въ полузасыпанный русскими ровъ. Черезъ нѣсколько минутъ чалмы мусульманскихъ воиновъ показались надъ хребтомъ русской насыпи.

Какъ пятно крови, выдѣлилась среди другихъ янычаръ стройная и мощная фигура одѣтаго во все красное красавца-аги.

„Красный Ага“—это имя заставляло вздрагивать даже не робкихъ русскихъ: турокъ по происхожденію, но выросшій въ Россіи и даже бывшій послушникомъ въ раскольничьемъ скитѣ, онъ измѣнилъ христіанству для вѣры своихъ отцовъ, и, страстно полюбивъ и взявъ въ жены русскую дѣвушку, убѣжалъ съ нею къ туркамъ и сталъ преданнѣйшимъ слугою падишаха; ничто не могло устоять противъ дикой храбрости аги и его отборнаго отряда храбрецовъ.

Янычары уже стали спускаться въ лагерь, когда ихъ замѣтили часовые. Загремѣли выстрѣлы. Тревожный крикъ: „вылазка!“—всколыхнулъ лагерь.

Съ крикомъ: „Ал-ла-ла!“ — янычары кинулись впередъ, рубя встрѣчныхъ. Растерянные солдаты, стрѣльцы, люди московскаго чина выбирались изъ землянокъ и шалашей, на бѣгу вынимая изъ ноженъ саблю или заряжая ружье. А турки все углублялись въ русскій станъ, сѣя смерть.

Ермилъ Кузьмичъ выбѣжалъ изъ землянки, разбуженный шумомъ. Когда онъ увидѣлъ какихъ-то странныхъ людей съ чалмами на головѣ и сообразилъ положеніе, то похолодѣлъ отъ ужаса:

„Батюшки! янычары“!

Прямо на него шелъ, размахивая окровавленнымъ ятаганомъ, богатырь-турокъ въ ярко-красной одеждѣ. Сильная рука схватила Федюшкина за воротъ, надъ головой блеснулъ ятаганъ.

У Ермила Кузьмича ноги подкосились отъ страха.

— Ой! не трожь! не убивай!—завопилъ онъ.

Ятаганъ не опустился на него.

— Намъ „языка“ нужно... Взять этого!—пробормоталъ по-русски Красный Ага и передалъ перетрусившаго Федюшкина двумъ ближнимъ янычарамъ, что-то сказавъ имъ по-турецки.

Тѣ быстро скрутили кушаками ему руки и потащили съ собой.

Солдатская пѣхота быстро строилась. Послышалась команда: „Въ багинеты!“. Сомкнутыя колонны двинулись на янычаръ неудержимымъ и грознымъ стремленіемъ. Лязгнули ятаганы о встрѣчные багинеты, впивавшіеся въ турецкую грудь. Страшное желѣзное кольцо русской пѣхоты готово было сомкнуться. Еще мигъ, и янычары погибли-бы.

Это понялъ Красный Ага. Онъ скомандовалъ, и его воины стали отступать; они быстро взобрались на насыпь, спустились въ ровъ, взбѣжали на крѣпостной валъ. Здѣсь они дали послѣдній жестокій отпоръ русскимъ и ушли въ городъ, уводя съ собою и Федюшкина.

Ермилъ Кузьмичъ плохо понималъ, что съ нимъ происходитъ; онъ сознавалъ только, что его куда-то тащатъ и что онъ находится въ смертельной опасности. Его привели или, вѣрнѣе, приволокли въ каменный замокъ *) и заперли въ какой-то клѣтушкѣ. Тутъ онъ нѣсколько пришелъ въ себя.

„Ай, матушки мои! да, вѣдь, это я въ плѣну,—думалъ онъ, косясь на узкое оконце-бойницу и прислушиваясь къ грохоту русскихъ пушекъ, опять начавшихъ свою губительную работу.—Боже! да, вѣдь, басурмане замучатъ меня. Ой, горющко! что мнѣ дѣлать безсчастному?—Пользуясь тѣмъ, что руки его были развязаны, онъ сталъ истово креститься.—Господи, Ісусе Христе!—причиталъ онъ,—вызволи! ослобони! Праведникомъ заживу и свѣчу поставлю въ пудъ вѣсомъ. Угодниче Ермиле! заступись за меня горемычнаго... Святую жизнь поведу, бѣднымъ помогать стану, а тебѣ, угодниче, молебны прикажу пѣть... Ой-ой! горюшко мое!“

*) Напомнимъ, что Азовъ представлялъ собою каменную крѣпость въ видѣ четыреугольника съ бастіонами и отдѣльнымъ внутри замкомъ; вокругъ крѣпости тянулись валъ и ровъ.

За дверью послышались шаги. Вошли двое янычаръ и сдѣлали плѣнному знакъ слѣдовать съ ними. Онъ пошелъ, ни живъ, ни мертвъ.

Его провели въ обширную и свѣтлую комнату, уставленную диванами и устланную коврами. Въ ней сидѣли десять турокъ, повидимому, военачальниковъ. Среди нихъ былъ и Красный Ага. У дверей стояла стража съ обнаженными ятаганами, а въ сторонѣ отъ другихъ, поджавъ по-турецки ноги, сидѣлъ какой-то янычаръ, бѣлобрысый, съ безпокойнымъ взглядомъ блеклыхъ голубыхъ глазъ.

Федюшкина поставили посрединѣ комнаты. Сидѣвшій въ центрѣ важнаго вида турокъ, по предположенію плѣнника, самъ начальникъ крѣпости, бей-Гассанъ Арасланов, что-то сказалъ янычару, сидѣвшему въ сторонкѣ. Тотъ, обращаясь къ плѣннику, промолвилъ по-русски съ замѣтнымъ акцентомъ:

— Бей-Гассанъ спрашиваетъ тебя, гяуръ, много-ли у васъ пѣшаго войска?

— Много, много... тридцать полковъ солдатскихъ...— и Ермилъ Кузьмичъ сталъ перечислять части русской рати.

Далѣе пошли разспросы о количествѣ конницы, о числѣ орудій, о боевыхъ запасахъ, о предполагавшихся осадныхъ работахъ. Плѣнникъ на все отвѣчалъ съ полной готовностью.

Переводчикъ что-то неправильно передалъ по-турецки.

— Не такъ, Янсенъ,—замѣтилъ ему Красный-Ага,—надо было сказать...

И онъ произнесъ фразу на турецкомъ языкѣ.

„Янсенъ?! такъ это и есть тотъ перебѣжчикъ“,—подумалъ Ермилъ Кузьмичъ, быстро взглядывая на переводчика.

Онъ зналъ, какъ и всѣ, о томъ голландскомъ матросѣ, Яковѣ Янсенѣ, который былъ принятъ царемъ на службу, обласканъ имъ и потомъ измѣнилъ государю, передался туркамъ и выдалъ имъ многія важныя тайны.

— Ну, гяуръ, чего таращишь глаза? Тебя спрашиваютъ, ты и отвѣчай,—сказалъ ренегатъ.

— Да я... Спрашивай... Я скажу... Я не слышалъ...

Опять пошли вопросы. Наконецъ, бей-Гассанъ прекратилъ разспросы, тихо поговорилъ со своими совѣтниками и сдѣлалъ знакъ дежурившимъ у входа янычарамъ. Они приблизились и положили руки на плечи плѣнника. Тотъ растерянно оглянулся.

— Теперь что? Теперь куда?—пробормоталъ онъ дрожа.

Одинъ изъ янычаръ, догадавшись, о чемъ онъ спрашиваетъ, усмѣхаясь отвѣтилъ, махнувъ ятаганомъ:

— Сѣкимъ башкамъ.

— Ай, голубчики! ай, миленькіе!—завопилъ несчастный плѣнникъ.—Ой, пощадите, помилуйте! За что-же голову рубить? Эй, ты! Какъ тебя? Янсенъ! и ты, Ага, скажите имъ, чтобъ мнѣ головы не рубили... Я все скажу...

— Теперь больше уже нечего тебѣ говорить—все сказалъ, — отвѣтилъ ему Янсенъ. — Магометову вѣру принять хочешь?

— Да отчего-же, голубчикъ, не принять?—воскликнулъ Ермилъ Кузьмичъ.—Вѣра хорошая, славная вѣра... Я и допрежъ къ ней склонялся... Зовите своихъ поповъ и крестите, а потомъ я въ янычары.

Красный Ага улыбнулся и промолвилъ:

— Плохой ты будешь янычаръ! Ну, да, впрочемъ; мы тебя впередъ въ бою испытаемъ, послѣ того и рѣшимъ, быть-ли тебѣ янычаромъ...

Ага переговорилъ съ бей-Гассаномъ, потомъ приказалъ что-то стражникамъ и сказалъ Федюшкину:

— Иди съ ними! До случая пока посиди подъ замкомъ!

Федюшкина отвели въ прежнюю каморку и тамъ заперли. Тамъ-же пришлось и ночевать на кинутомъ ему кулѣ съ сѣномъ.

Поутру пришелъ мулла и что-то долго говорилъ ему по-турецки. Плѣнникъ слушалъ его, кивалъ головой, дѣлалъ серьезное или умиленное лицо и вдругъ прервалъ муллу фразой:

— А ты-бы, попе, приказалъ дать мнѣ пожрать чего-нибудь,—и пояснилъ свои слова знаками.

Мулла посмотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза, всталъ и вышелъ съ недовольнымъ видомъ. Однако, ѣда была плѣнному прислана.

„Когда-жъ они меня въ свое мухоѣданство крестить будуть?—размышлялъ Федюшкинъ.—И какъ-же это? мнѣ съ Москвой-то придется совсѣмъ распроститься? А помѣстье мое? а домишко? а людишки? Они должны за все меня наградить. Даромъ, что-ли, буду я поганое мухоѣданство принимать? Еще-бы! Нашли дурака! Нѣтъ! какъ они меня крестить, такъ я и выговорю.

Вошли Красный Ага и нѣсколько янычаръ.

— Ну, братъ, сегодня тебѣ испытанье. Одѣвайся!— сказалъ Ага.

Федюшкину подали полный костюмъ янычара. Онъ одѣлся, опоясался ятаганомъ, хотя въ смятеніи думалъ: „Въ бой да еще супротивъ своихъ! Ай, угодниче!"— однако, шелъ, стараясь казаться бодрымъ.

Подготовлялась вылазка въ большихъ размѣрахъ. На валу и у крѣпостныхъ воротъ колыхались густые ряды янычаръ. Съ крѣпостныхъ стѣнъ грохотали пушки. Шипя проносились отвѣтныя русскія бомбы.

Красный Ага построилъ своихъ воиновъ, поставилъ рядомъ съ собой Ермила Кузьмича и повелъ свой отрядъ въ бой.

Русскіе ждали. Густые ряды ихъ темнѣли на насыпи. Едва отрядъ выступилъ на азовскій валъ, пули зажужжали, какъ шмели. Плѣнникъ, онъ-же янычаръ, глядѣлъ на русское войско и не слышалъ свиста пуль.

— Свои!.. Наши!.. И я на нихъ, на голубчиковъ!— шепталъ онъ.

— Вынь ятаганъ!—приказалъ ему Красный Ага.

Федюшкинъ извлекъ ятаганъ изъ ноженъ и спросилъ:

— А какъ имъ рубить? Остріе не сабельное, а какъ у серпа, изнутри.

— Съ оттяжкой, круговымъ махомъ. Сейчасъ испробуешь.

„На нашихъ-то?"—ужаснулся Ермилъ Кузьмичъ и его сердце защемило. Быть можетъ, впервые въ жизни его душу наполнило благородное чувство и захватило его цѣликомъ.

Янычары быстро наступали. Все ближе недвижные, грозные ряды русскихъ. Видны загорѣлыя, угрюмо-суровыя лица солдатъ и стрѣльцовъ.

„Не могу! Пусть хоть шкуру сдираютъ!“ — думалъ Федюшкинъ, помахивая ятаганомъ.

Ага что-то скомандовалъ. Янычары издали дикій крикъ и кинулись впередъ.

— Что-же ты? Иди!—грозно проговорилъ Красный Ага, подталкивая плѣнника.

Что-то огромное, свѣтлое объяло мрачную душу Ермила Кузьмича.

— На своихъ? Нѣтъ!—воскликнулъ онъ и, взмахнувъ ятаганомъ, ударилъ имъ Агу по шеѣ.

Неуязвимый Красный Ага упалъ съ почти отрубленной головой.

— Я къ вамъ, мои голубчики! Къ вамъ, братцы!— въ свѣтломъ самозабвеніи кричалъ Федюшкинъ, порываясь впередъ.

За его спиной раздалось крѣпкое турецкое ругательство. Щелкнулъ пистолетный выстрѣлъ.

— Я къ вамъ!—успѣлъ еще промолвить недавній плѣнникъ и упалъ мертвымъ.

XVI.

Съ тѣхъ поръ, какъ Николай Евстафьевичъ завѣтнымъ именемъ заманилъ Артемія Андреевича въ западню и пустилъ въ него пулю, для молодого Ѳомичева жизнь окуталась черной дымкой. Но его тоска усугубилась—какъ это ни странно—тогда, когда онъ увидѣлъ Симонова живымъ. Онъ мучился, что убилъ беззащитнаго человѣка, а увидѣвъ свою жертву живою, пожалѣлъ, зачѣмъ она не погибла. Ѳомичева стало мучить не самое преступленіе, сколько безполезность его. А какъ послѣ совершеннаго предстать предъ Леонтьевой? Развѣ хватитъ духа явиться къ ней на глаза? Она для него потеряна навѣки — рано-ли, поздно-ли, правда выплыветъ на свѣтъ Божій,—грядущая жизнь омрачена зловѣщимъ пятномъ на совѣсти. Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь. И онъ звалъ смерть, но никогда не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ, сильнымъ физически, какъ теперь. Во время вылазокъ непріятеля онъ кидался въ первые ряды отражающихъ, самъ лѣзъ на ятаганы янычаръ, но смерть точно сторонилась отъ него.

Когда онъ узналъ, что запорожцы съ гетманомъ Лизогубомъ и донскіе казаки съ атаманомъ Миняевымъ

Въ ближайшей книгѣ

„Собранія романовъ „РОДИНЫ“ 1907 г.

(романы русскихъ писателей, книга 3-я)

будетъ напечатано

окончаніе историческаго романа Н. Н. Алексѣева

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своего повѣствованія авторъ со все болѣе и болѣе увлекающей читателя живостью передаетъ въ интересной романической формѣ событія изъ молодости Петра Великаго. Въ переживаемое нами время великихъ реформъ и переустройства на новый ладъ всего общественнаго строя вспомнить жизнь перваго и великаго преобразователя Россіи необходимо для каждаго русскаго человѣка. Предложенное повѣствованіе обнимаетъ періодъ, предшествовавшій реформамъ, такъ сказать, породившій ихъ, и мы увѣрены, что наши читатели прочтутъ и окончаніе этого произведенія съ такимъ-же интересомъ, какъ и его начальныя главы.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Во всѣхъ случаяхъ, когда нужно по какому-либо вопросу обращаться въ контору Редакціи, какъ-то: при высылкѣ денегъ, при перемѣнѣ адреса и при прочихъ заявленіяхъ, гг. иногородніе подписчики благоволятъ прилагать адресъ, по которому получается журналъ, или, въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его письменно, а гг. с.-петербургскіе подписчики—предъявлять подписную квитанцію или сообщать ея номеръ.

2) Въ случаѣ неполученія какого-либо номера журнала или приложеній къ нему, контора проситъ немедленно-же по полученіи слѣдующаго номера письменно заявлять ей объ этомъ, для подачи жалобы въ с.-петербургскій почтамтъ, такъ какъ болѣе поздніе заявленія не могутъ быть удовлетворены.

3) При ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать старый адресъ, по которому журналъ получался, и 28 коп. почтовыми марками на расходы по приготовленію новаго адреса; если старый адресъ и марки не будутъ приложены, перемѣна не можетъ быть сдѣлана.

Графическое заведеніе «Родина» (А. А. Каспари).
С.-Петербургъ, Лиговская улица, собственный домъ № 114.

Безплатное приложеніе къ журналу „Родина".

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ „РОДИНЫ"

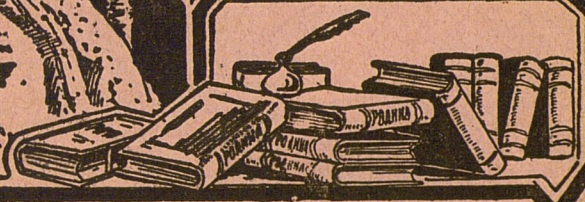
[ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ]

1907 г.—№ 3.

Н. Н. Алексѣевъ.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

Историческій романъ.
(Окончаніе. Стр. 129—248.)



ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель А. Каспари. Редакторъ Н. Каспари.

собираются на свой страхъ штурмовать Азовъ, онъ возликовалъ:

— О! теперь-то я сложу голову. Пойду съ ними крѣпость брать.

И онъ просилъ атамана донцовъ принять его въ число казаковъ на этотъ только, конечно, разъ, и атаманъ согласился, впрочемъ, нехотя.

Казаки затѣвали безумную попытку, дерзкое по своей смѣлости дѣло: въ числѣ 2.000 человѣкъ они собирались овладѣть крѣпостью, которую не могли взять много десятковъ войска.

Уходя на бой, Николай Евстафьевичъ особенно горячо простился съ отцомъ.

— Прощай, батюшка, благослови! Лихомъ не помяни меня, коли что... — прошепталъ онъ, крѣпко обнимая отца, и почувствовалъ, что слезы тѣснымъ кольцомъ сжимаютъ горло.

— Сынокъ! зачѣмъ ты это затѣялъ?—съ укоризной проговорилъ печальный отецъ.—Вѣдь, говорилъ я—не надо.

— Надо, батя: я—воинъ, а не баба! — мужественно возразилъ Николай Евстафьевичъ.

— А какъ убьютъ? Легко мнѣ будетъ?

— Богъ облегчитъ тебѣ скорбь. За душу мою помолись.

Казаки повели штурмъ безъ особыхъ приготовленій. Они собрались, построились и, во главѣ съ гетманомъ и атаманомъ, взобрались на непріятельскій валъ, съ гикомъ спустились во внутрь крѣпости и погнали ошеломленныхъ турокъ къ каменному замку.

Здѣсь нападающіе были встрѣчены жестокимъ огнемъ. За неимѣніемъ свинца, турки стрѣляли разрубленными монетами. Отчаявшись взять замокъ, казаки вернулись на валъ и тутъ засѣли.

Увидѣвъ, что непріятель отступилъ, турки опомнились.

У янычаръ уже не было ихъ безумно смѣлаго вождя Краснаго Аги, но зато нашлись другіе, которые повели ихъ въ бой. Съ дикою храбростью кинулись янычары на казаковъ. Завязался отчаянный бой грудь на грудь.

Въ русскомъ станѣ затрещали барабаны и темно-зеленые ряды солдатской пѣхоты, какъ волны, понеслись на подмогу казакамъ.

Ѳомичевъ бился точно въ самозабвеніи. Имъ овладѣла какая-то неистовая радость при видѣ крови и смертельной опасности, грозившей на каждомъ шагу.

Даже казаковъ онъ изумлялъ своею храбростью. Онъ точно смѣялся надъ смертью, бросался туда, гдѣ она дышала особенно яростно. Десятки ятагановъ поднимались надъ его головой, но ни одинъ не коснулся даже тульи его шапки; сотни пуль прорѣзали воздухъ вокругъ него, но ни одна не задѣла даже края его одежды.

Пришла пѣхота. Стальная стѣна багинетовъ надвинулась на янычаръ, послышалась команда, загремѣлъ залпъ за залпомъ, меча губительный потокъ свинца навстрѣчу сынамъ Пророка.

Со своей стороны, турки напрягли усилья, метнули въ русскихъ огнемъ и свинцомъ, съ крикомъ: „алла!“ со страшнымъ натискомъ клиномъ врѣзались въ ихъ желѣзную стѣну.

Рукопашный бой закипѣлъ съ новою яростью. Ѳомичевъ намѣтилъ янычара въ богатомъ нарядѣ, повидимому, военачальника, и пробирался къ нему. Онъ уже видѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя его искаженное злобой бородатое лицо, уже предвкушалъ жестокое удовольствіе взмахомъ сабли разсѣчь его голову, когда случайно оглянулся и замеръ. Выраженіе величайшаго ужаса появилось на лицѣ Николая Евстафьевича: онъ вдругъ увидѣлъ почти рядомъ съ собой отчаянно отбивавшагося отъ кучки насѣдавшихъ турокъ Симонова.

— Онъ, онъ! И здѣсь онъ!..—прошепталъ Ѳомичевъ, забывъ все окружающее.

Его толкали, пуля задѣла его плечо. Но онъ продолжалъ стоять и его взглядъ былъ прикованъ къ лицу счастливаго соперника.

Артемій Андреевичъ поднялъ голову и взглянулъ ему прямо въ глаза.

Николай Евстафьевичъ вдругъ дрогнулъ, всѣмъ тѣломъ, какъ отъ удара, дикій крикъ вырвался изъ его груди.

Онъ поднялъ руки и, какъ-будто умоляя, простеръ ихъ къ сержанту Симонову.

Но въ этотъ моментъ янычаръ, тотъ самый, къ которому онъ пробирался, налетѣлъ на него и ударилъ ятаганомъ

Николай Евстафьевичъ упалъ.

Шесть часовъ длился бой, наконецъ, турки отступили.

Казаки остались почевать на турецкомъ крѣпостномъ валу, остальныя войска ушли въ лагерь. Была послана команда подобрать раненыхъ.

На слѣдующій день, по приказу государя, былъ назначенъ общій штурмъ Азова.

Войска дѣятельно готовились къ предстоящему жестокому бою.

„Сегодня пуля миновала, завтра, можетъ, не минуетъ,— думалъ Симоновъ, лежа въ своей землянкѣ.— Придется плакать моей Анѳисушкѣ. Э! что объ этомъ загадывать: чему быть, того не миновать. А вотъ кто этотъ подлый, который меня ея именемъ тогда манилъ? Неужли такъ-таки я никогда и не узнаю? Темно было, лица его не видѣлъ. Развѣ по голосу узнаю, на это только и надежда. Ну, да за меня Господь заплатитъ. Отъ Божьяго суда не уйдетъ. Ой, не уйдетъ!“

Въ землянку вползъ Матвѣй.

Онъ слезливымъ голосомъ обратился къ Симонову:

— Бояринъ! выйди, сдѣлай милость! Пришелъ тутъ какой-то незнакомый, сержанта Симонова спрашиваетъ. Я и то и се—не уходитъ. Помираетъ,—говоритъ, тутъ одинъ человѣкъ и хочетъ предъ смертью непремѣнно тебя видѣть.

Когда Артемій Андреевичъ выбрался изъ землянки, его встрѣтилъ низкими поклонами какой-то неизвѣстный холопъ.

— Помираетъ мой бояринъ, хочетъ тебя повидать,— сказалъ онъ,—просить тебя приказано.

— Какъ звать боярина?

— Ѳомичевъ...

— Ѳомичевъ, Евстафій Лукичъ?!—воскликнулъ сержантъ.

— Нѣтъ, помираетъ сынъ его, Николай Евстафьевичъ.

— Того я не знаю!—возразилъ Артемій Андревичъ, но все-таки, подумавъ немного, сказалъ: — ну, пойдемъ.

Сумерки уже сгустились, а пробираться приходилось на другой конецъ лагеря. Прошло не мало времени, пока холопъ остановился у землянки Ѳомичевыхъ и сказалъ:

— Здѣсь. Входи, твоя милость.

Въ землянкѣ лежалъ, разметавшись на убогомъ ложѣ, въ полузабытьѣ Николай Евстафьевичъ. Отецъ сидѣлъ въ ногахъ постели; слезы медленно катились по морщинистымъ щекамъ старика. Онъ узналъ Симонова.

— Гдѣ встрѣтились! Вотъ горе-то, горе!..—промолвилъ онъ и махнулъ рукой, такъ какъ его рѣчь прервали слезы.

Умирающій открылъ глаза, взглянулъ на Артемья Андреевича и на мигъ оживился.

— Отецъ... въ кафтанѣ... письмо... Дай...—тихо проговорилъ онъ.

Сержантъ вздрогнулъ при звукѣ этого голоса: онъ напомнилъ ему голосъ того „незнаемаго“ злодѣя, который покушался на его жизнь.

Евстафій Лукичъ порылся въ карманѣ окровавленнаго кафтана Николая Евстафьевича, досталъ свернутое столбикомъ письмо и подалъ сыну.

Умирающій сдѣлалъ знакъ Артемію Андреевичу, чтобы тотъ наклонился къ нему.

— Отъ Анѳисы Петровны... Съ ея словъ писалъ... Вотъ, возьми... И прости, прости меня!..—напряженно прошепталъ онъ, судорожно схватывая сержанта за руку, а потомъ сталъ шептать на-ухо ему что-то тихо-тихо.

Лицо Симонова выражало смѣсь разнообразныхъ ощущеній: сперва на немъ мелькнулъ гнѣвъ, потомъ состраданіе, потомъ умиленіе.

— Прощаешь-ли?—громче, чѣмъ прежде, спросилъ его раненый.

— Прощаю.

— Спасибо! Прости, отецъ... молитесь!..—чуть слышно произнесъ Николай Евстафьевичъ и откинулся на подушку. На его лицѣ лежало свѣтлое выраженіе.—Мо-

литесь!—снова прошепталъ онъ, но вдругъ закрылъ глаза и вытянулся.

— Отходитъ,—сдерживая рыданія, замѣтилъ старый Ѳомичевъ.

Когда Артемій Андреевичъ вернулся къ себѣ, на его душѣ было и грустно, и радостно. Конечно, за нѣсколько часовъ предъ этимъ онъ ни за что не повѣрилъ-бы, что ему будетъ грустно вслѣдствіе смерти его „незнаемаго злодѣя", а вышло именно такъ. Кончина Николая Евстафьевича и растрогала, и помирила съ нимъ Симонова Онъ даже чувствовалъ къ нему благодарность за тѣ слова о любви къ нему Аѳинсы Петровны, за переданное письмо, полное выраженій любви.

Сержантъ читалъ и перечитывалъ письмо, все время ласково шепча:

— Милушка! Родная! Ждетъ, тоскуетъ!

XVII.

Грустная тишина царила въ домѣ Краснаго Аги съ тѣхъ поръ, какъ храбрый вождь янычаръ сложилъ голову на полѣ брани. Молодая ханымъ (жена) была неутѣшной, сидѣла запершись въ своей комнатѣ и молилась, „своему христіанскому Богу", какъ говорили ея слуги-турки.

Какъ-то вошла къ ней служанка и сказала:

— Бей-Гассанъ вступилъ съ урусами въ переговоры.

Ея госпожа равнодушно посмотрѣла на и нее ничѣмъ не отозвалась на это сообщеніе.

— Можетъ быть, городъ отдадутъ урусамъ!—продолжала служанка, но ханымъ опять ничего не отвѣтила.

„Словно каменная стала!"—съ досадой подумала служанка, удаляясь.

Подъ вечеръ этого-же дня въ домѣ поднялся переполохъ: пріѣхалъ важный гость, Нуррадинъ-паша, любимецъ падишаха.

Ханымъ отговаривалась горемъ и болѣзнью, но паша настаивалъ, чтобы его приняли, и пришлось покориться его желанію.

— Пышная роза печально клонитъ прекрасную го-

лову... Я вижу росинки слезъ на ней; Азраилъ нагналъ эти слезы, чистыя, какъ алмазы. Привѣтъ тебѣ, пышная роза!—привѣтствовалъ гость хозяйку.

Вдова Краснаго Аги, выслушавъ эти слова, произнесла:

— Спасибо за ласку, мудрый паша! Прости, что не видишь улыбки на моемъ лицѣ: я отвыкла улыбаться съ той поры, какъ умеръ мужъ!

Паша былъ по происхожденію русскій, изъ раскольниковъ; онъ бѣжалъ въ Турцію, перешелъ въ магометанство, сталъ туркомъ и по облику, и по привычкамъ, но русской рѣчи еще не забылъ; поэтому разговоръ велся по-русски.

— Для меня и то великое счастье, что я вижу лицо твое, не прикрытое чадрой!—произнесъ паша.

— Зачѣмъ мнѣ чадра?—отозвалась ханымъ.—Христіанки не носятъ ея.

— Ты до сихъ поръ христіанка?

— Да.

Паша нѣсколько помолчалъ, а затѣмъ продолжалъ:

— Завтра московцы войдутъ въ городъ: сегодня онъ сданъ имъ.

Но, видимо, на вдову Краснаго Аги это не произвело впечатлѣнія, такъ какъ она лишь коротко промолвила:

— Пусть.

— Въ прекрасномъ Стамбулѣ ты забудешь свою печаль!—продолжалъ паша.

— Я не поѣду отсюда.

— Что?! Нѣтъ? ты погоди!..—воскликнулъ паша.—Ты прежде послушай меня... Я тебѣ пришелъ оказать помощь. Ты—теперь одинокая, беззащитная женщина... Тебѣ нельзя жить одной. Я сдѣлаю такъ, что на тебя никто не посмѣетъ кинуть косого взгляда. Ты будешь жить въ неслыханномъ богатствѣ... У тебя будутъ тысячи прислужницъ и евнуховъ. Ради забавы ты будешь горстями кидать алмазы въ фонтанъ... У тебя будетъ все, что только можно имѣть на землѣ... Я страшно богатъ и у меня огромная власть. Самъ падишахъ слушаетъ мое слово...

— Зачѣмъ ты это говоришь?

— Зачѣмъ?—спросилъ старикъ, вставъ съ дивана и

подходя къ ней,—затѣмъ, красавица, что я уже давно таю думу въ моей душѣ. Мнѣ нечего было желать, а я желалъ того, что, какъ думалось мнѣ, свершиться не могло... Я тебя увидѣлъ случайно... Твой мужъ позволялъ тебѣ не закрывать лица... Можно-ли дѣлать такую глупость, не прятать отъ всѣхъ такой жемчужины?! Съ той поры я не зналъ покоя... Я вездѣ видѣлъ твои очи, но ни богатствомъ, ни силой я не могъ ихъ добыть. Красный Ага сумѣлъ-бы защитить тебя! И вотъ онъ погибъ. Какъ я радовался! У меня едва достало силы, чтобы не побѣжать къ тебѣ. Но я пересилилъ себя, я выждалъ время, далъ улечься скорби твоей. Теперь я пришелъ и говорю: „Прекрасная гурія! хочешь-ли быть первой женой въ гаремѣ любимца падишаха, Нуррадина-паши?“.

— Нѣтъ!—рѣзко отвѣтила молодая женщина, вставая,—нѣтъ! и не смѣй мнѣ это говорить. Я не буду ничьей женою.

— Такъ я и повѣрилъ!

— Я дождусь русскихъ и уйду съ ними. На Руси много монастырей, одинъ изъ нихъ укроетъ меня! — продолжала ханымъ.

Нуррадынъ былъ блѣденъ отъ злости.

— Ты не хочешь быть моей женой?—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ? Тогда я прикажу увезти тебя силой или убить. Завтра русскіе вступятъ въ городъ, а мы всѣ уходимъ. Завтра я приду за тобою,—проговорилъ паша, отходя къ двери,—а для того, чтобъ ты не ускользнула, добрый отрядъ янычаръ будетъ стоять вокругъ твоего дома.

Ханымъ вынула изъ-за пояса маленькій кинжалъ и воскликнула:

— Лучше я его вонжу себѣ въ грудь, а къ тебѣ не пойду.

— Мое слово неизмѣнно. На завтра будь готова!— рѣзко сказалъ и паша удалился гордой и медленной походкой.

Взятіе казаками азовской валовой стѣны оказало на турокъ рѣшительное дѣйствіе. Предполагавшемуся на другой день послѣ этого, 18-го іюля 1696 г., штурму не пришлось состояться: едва въ полдень открылся огонь съ нашихъ баттарей, изъ Азова вышелъ, махая

шапкой, старикъ Мустафа Тарыбердѣевъ съ письмомъ къ генералиссимусу Шеину: азовцы предлагали сдаться, если имъ съ семействами обѣщаютъ свободу. Обѣщаніе было дано. Черезъ часъ явился въ русскій станъ и самъ бей Гассанъ Арасланов для окончательныхъ переговоровъ. Условія сдачи были льготныя и почетныя для обѣихъ сторонъ: русскіе получали Азовъ со всѣми снарядами и оружіями, турки могли удалиться изъ города въ полномъ вооруженіи и со своими семействами; кромѣ того, турки освобождали всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и рабовъ, а также выдавали тѣхъ измѣнниковъ—русскихъ раскольниковъ-охреянъ, которые не приняли магометанства. О Яковѣ Янсенѣ, ставшемъ уже мусульманиномъ и янычаромъ, долго спорили, но принуждены были уступить. Измѣнника притащили связаннымъ въ русскій лагерь.

Сдача города русскимъ была назначена на слѣдующій день.

Въ ясное утро восемь русскихъ полковъ выстроились въ двѣ шеренги отъ береговыхъ азовскихъ воротъ до рѣки Дона, гдѣ качались приготовленные для перевозки турокъ, согласно условію, 30 струговъ и 2 галеры.

Ворота открылись. Безпорядочной пестрой гурьбой выбѣжали вооруженные съ ногъ до головы турки; чинно прошелъ со своей свитою бей Арасланов.

Турецкія знамена, завѣявъ, склонились предъ русскимъ генералиссимусомъ, бей вручилъ ему городскіе ключи.

Побѣжденные сѣли на суда, а русскія войска черезъ валъ и ворота вошли въ Азовъ.

Запорожцы разсѣялись по городу грабить, но брать мало что находилось.

Помимо грабежа, городъ, сколокъ турецкаго востока, привлекалъ любопытство.

Сержантъ Симоновъ и Василій Касьяновичъ Богатенковъ, прапоръ, оба весело настроенные, бродили по городу и иногда заходили въ дома, особенно привлекшіе ихъ вниманіе. Большинство домовъ было наполовину разрушено русскими бомбами.

— Гдѣ домъ Краснаго Аги, не могу я вспомнить,— сказалъ прапоръ.—Вотъ этотъ будто, а можетъ, и нѣтъ.

Больно ужъ наши пушкари постарались изрѣшетить его... Впрочемъ, жить въ немъ еще было можно... Зайдемъ, взглянемъ!

Въ домѣ уже хозяйничали запорожцы.

— Ой, я-жъ вамъ и покажу, паны, кладъ здѣсь!— сказалъ имъ одинъ казакъ, бывшій навеселѣ.—Ходите за мной!

Онъ провелъ ихъ въ одну очень отдаленную комнату и сказалъ:

— Гляньте, тутъ и кладъ!

На широкомъ диванѣ лежала полуобнаженная, съ распущенными волосами мертвая красавица. Ея рука закостенѣла на рукояти глубоко вонзеннаго въ грудь кинжала.

— Боже мой! сестра моя Лиза!—воскликнулъ Богатенковъ, кидаясь къ трупу.

XVIII.

30 сентября 1696 года вся Москва спѣшила къ Серпуховскимъ воротамъ и на Каменный мостъ. Готовилось невиданное зрѣлище: торжественное вступленіе русскихъ побѣдоносныхъ войскъ.

При въѣздѣ изъ Замоскворѣчья на Каменный мостъ высились тріумфальныя ворота. Верхъ ихъ увѣнчивалъ двуглавый орелъ съ тремя коронами; его окружали знамена, копья, а подъ нимъ были нарисованы пушки, ядра, бомбы и морскія суда. „Богъ съ нами, никто-же на ны. Никогда-же бываемое“, значилось на фронтонѣ. Парящая Слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣнецъ, въ другой—масличную вѣтвь; стояла надпись: „Достоинъ дѣятель мзды своея“. Въ серединѣ воротъ висѣлъ зеленый вѣнокъ, отъ котораго спускались златотканыя шпалеры съ надписью на одной: „Возвратъ съ побѣды царя Константина“ и на другой: „Побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ“. Фронтонъ подпирали двѣ колоссальныя статуи: одна изображала богатыря съ палицею въ правой рукѣ и зеленою вѣтвью въ лѣвой; другая—воина въ полномъ вооруженіи и съ обнаженнымъ мечемъ. Подъ первымъ стояла надпись: „Геркулесовою крѣпостью“, а ниже виднѣлось изображеніе азовскаго паши и двухъ скованныхъ турокъ; подъ вторымъ было

написано: „Марсовою храбростью“, и изображался татарскій мурза съ двумя скованными татарами. Надъ нашею было начертано:

«Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тѣмъ бѣдство себѣ достали»,

а надъ мурзой:

«Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ-же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались»

Подлѣ Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитыя зелеными гирляндами. Одна изъ нихъ была воздвигнута, какъ гласила надпись, „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ“, а другая: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ“.

Пространство между пирамидами и увѣшанными персидскими коврами перилами моста заполняли двѣ картины, изображавшія бой на морѣ и приступъ къ Азову; на „морской“ картинѣ, кромѣ того, былъ изображенъ Нептунъ, плывущій на морскомъ чудовищѣ и привѣтствовавшій побѣдителей: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь“.

Знать и простой народъ смѣшались въ необозримой, торжествующей толпѣ.

Домъ, гдѣ обитала въ Москвѣ Леонтьева, выходилъ своимъ дворомъ и садомъ на путь шествія. Хозяйка и Анфиса Петровна смотрѣли изъ-за забора, приставивъ лѣстницу.

— Радостный сегодня день,—сказала хозяйка, обращаясь къ Анфисѣ Петровнѣ.

— Да, сегодня, можно сказать, праздникъ,—отвѣтила боярыня и вздохнула, подумавъ:

„Только для меня будни. Кабы хоть знать, гдѣ онъ!, мой милый!“

Народныя волны, насколько глазъ объять могъ, колыхнулись и замерли: отъ Серпуховскихъ воротъ донеслись звуки трубъ, зурнъ, набатовъ.

Потянулось пестрое, блестящее шествіе: прошли 18 человѣкъ конюшеннаго чина, конюшій съ пищалью, загромыхала запряженная шестью вороными конями карета съ дьякомъ Никитою Моисеевичемъ Зотовымъ, держащимъ въ одной рукѣ саблю, въ другой—щитъ; потомъ пошли дьяки, пѣвчіе; карета о шести возникахъ, въ которой сидѣли боярынъ Головинъ и кравчій

Нарышкинъ; провели 14 верховыхъ лошадей и двѣ коляски Лефорта, а далѣе показался и самъ адмиралъ Францъ Яковлевичъ въ золотыхъ государевыхъ саняхъ, запряженныхъ шестью темно-сѣрыми лошадьми и окруженныхъ копейщиками; прослѣдовали солдаты морского каравана со значками и знаменемъ; значекъ боярина Шеина, литаврщики, трубачи; 30 вершниковъ въ панцыряхъ, карета и подлѣ нея два карлика; зурны, набаты, роты трубачей, большое царское знамя и у него стольникъ и воевода князь Львовъ; священники съ полковыми образами, ближній бояринъ и воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, окруженный шестью палашниками; завоеводчики, дьяки.

Толпа наблюдала за всѣмъ и обмѣнивалась впечатлѣніями.

— Гляди, ихъ стяги волокутъ!

— Прямо по грязи!—раздалось въ толпѣ.

Волокли 16 турецкихъ знаменъ, за ними вели плѣннаго татарина Аталыка.

Далѣе за всѣмъ этимъ шли завоеводчики и Преображенскій полкъ.

Загорѣлые, въ наскоро подновленныхъ мундирахъ стройно шли любимые царскіе воины. Мѣрно колыхались ихъ зеленые ряды, блестя наконечниками копей и дулами мушкетовъ.

Безучастно скользила взглядомъ Анфиса Петровна по лицамъ преображенцевъ, и вдругъ вздрогнула и сжала руку хозяйки.

„Онъ! Онъ! Или показалось?“—молніей пронеслось въ ея головѣ.

— Что ты, боярынька?—спросила хозяйка.

— Такъ... Я... Тамъ вонъ .. Занятно...

Сержантъ Симоновъ, усталый отъ труднаго перехода, который пришлось выдержать его полку, сумрачно шагалъ въ строю.

„Вотъ и въ Москвѣ я, и, можетъ быть, мимо дома ея пройду, да ея-то не увижу,—думалъ онъ.—На покой бы въ Преображенскомъ, а завтра на розыски“.

Вдругъ онъ поднялъ взоръ вверхъ, будто его что потянуло... и встрѣтился со взглядомъ своей милой.

Онъ даже пріостановился.

— Въ ногу!—сурово шепнулъ ему другъ—внѣ строя,

но въ строю—начальникъ, не любившій поблажекъ, прапоръ Богатенковъ.

Сержантъ опустилъ голову и зашагалъ, соображая: „Она или не она?“

Но этотъ теплый, лучистый взглядъ, проникшій въ самое сердце? У кого, кромѣ нея, онъ можетъ быть?

— Она!

Симоновъ сталъ шагать твердо и побѣдоносно поднялъ голову. Усталости, какъ не бывало.

„Онъ? Да онъ-же, онъ!“—думала въ то-же время Леонтьева.

— Смотри, родимая, везутъ! Это, баятъ, набольшій измѣнникъ,—воскликнула хозяйка.

Везли Якова Янсена. Онъ сидѣлъ съ чалмою на головѣ въ телѣгѣ, запряженной четырьмя лошадьми, окруженный орудіями пытки; подлѣ него стояли два палача, надъ нимъ высилась висѣлица, петля лежала на его шеѣ. „Злодѣй“ было написано на его груди. „Перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть турокъ; христіанамъ злодѣй“—была надпись на перекладинѣ висѣлицы.

Анфиса Петровна перестала интересоваться зрѣлищемъ, а, между тѣмъ, полюбоваться было чѣмъ: шли стрѣлецкіе полки, плѣнные турки въ бѣлыхъ одеждахъ, Семеновскій полкъ, иностранные инженеры, иноземные корабельные плотники.

— Я домой... Что-то скучно!—сказала Леонтьева и ушла.

Вернувшись въ домъ, она зашагала въ волненіи, полная одною мыслью:

„Узналъ онъ меня или нѣтъ?“

Поздней ночью застучали въ ворота. Ворчливая спросонья хозяйка пошла отворять въ сердцахъ и спросила далеко не ласково:

— Чего приспичило? Кого надоть?

— Отворяй! Старые знакомцы,—сказалъ голосъ Евстафія Лукича.

Хозяйка отворила и, признавъ пріѣхавшихъ, разсыпалась въ извиненіяхъ.

— Жилица спитъ? Буди ее!—приказалъ старикъ.

Хозяйка побѣжала будить. Это не стоило ей большого труда: едва она шепнула: „Старый Ѳомичевъ и съ

нимъ преображенецъ“,—какъ Анфиса Петровна была уже на ногахъ.

Радость встрѣчи не описать.

— Анфисушка!.. Анфисушка.... Петровна,!—бормоталъ въ конецъ растерявшійся сержантъ, стараясь не „зарваться“ при людяхъ.

— Тема!.. Артемій Андреевичъ.... Вотъ не ждала! хозяюшка! сбитеньку либо чаю, что припасенъ... И Евстафій Лукичъ... Ахъ, радости-то!—лепетала Леонтьева, стараясь не выдать себя при чужихъ.

—Да, вотъ старый Евстаѳка здѣсь, а молодой Миколка крѣпко спитъ въ сырой землѣ,—взволнованно промолвилъ Ѳомичевъ.

Наступило молчаніе.

— Хозяюшка! похлопочи для дорогихъ гостей!—первая прервала молчаніе Леонтьева.—Садитесь да разоблачитесь прежде. Экіе! Ну, разсказывайте-жъ!

— Я тебѣ послѣ разскажу, безъ иныхъ,—шепнулъ Артемій Андреевичъ, цѣлуя край ея уха.

Черезъ двѣ недѣли была свадьба Артемія Андреевича съ Анфисой Петровной. Посаженнымъ отцомъ былъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ.

Въ разгаръ свадебнаго пира у крыльца послышался шумъ. Молодой пошелъ было узнавать, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ въ комнату вошелъ царь.

— Не ждали гостя?—громко смѣясь, сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—Пріѣзжаю къ Францу—слышуна свадьбѣ. Гдѣ? У сержанта Симонова. Ахъ, думаю, такой-сякой, меня обошелъ. Взялъ да и пріѣхалъ. Гдѣ-жъ молодые? А! вотъ! Хороша, всѣмъ взяла! Только мой совѣтъ: держи ее въ ежовыхъ рукавицахъ—забалуется. Выпьемъ за ваше здоровье! Только горько. Ну-ка!

Молодые поцѣловались.

— Смачно, самому захочется!—произнесъ царь. — Артемій! Вели музыкѣ играть, поспѣшу.

Петръ Алексѣевичъ сѣлъ запросто въ кругу гостей. Быть можетъ, государю понравилось, что свадьба была не на церемонный русскій ладъ, а скорѣй на иноземный, и что въ числѣ гостей было не мало иностранцевъ. Царь весело побалагурилъ, осушилъ пару кубковъ и уѣхалъ, ласково попрощавшись съ новобрачными.

Послѣ свадьбы сержантъ выпросился въ отпускъ. Онъ съѣздилъ въ имѣнья свое и жены, вмѣстѣ съ нею конечно. Съ ними былъ и Ѳомичевъ.

Старикъ грустилъ.

— Посмотрю я на ваше счастье и такъ-то тяжело становится,—сказалъ онъ однажды,—что я? Бобыль!

— А ты-бы насъ, Евстафій Лукичъ, за своихъ дѣтей считалъ, вотъ и не бобыльствовалъ-бы,—замѣтилъ ему Артемій Андреевичъ.

— А вы-то согласны дѣтьми моими стать?

— Съ великою радостью!

— Такъ и ладно. Будьте дѣточки мои, а я вашъ отецъ. Приласкаю—отвѣтьте на ласку, пожурю—не пеняйте: по-отцовски, любя.

Такимъ образомъ, былъ заключенъ новый семейный союзъ.

Вотчину свою Симоновъ нашелъ чрезвычайно запущенной: хозяйство велось спустя рукава, а вѣрнѣе—никакъ не велось: тащилъ, кто могъ. Отчимъ былъ рабомъ своихъ прислужниковъ и превратился въ запуганное существо. Онъ былъ такъ жалокъ, что всякое „сердце“ къ нему у Артемія Андреевича прошло. Онъ отдѣлилъ ему особую половину въ своемъ домѣ, приставилъ новыхъ слугъ и приказалъ „не забижать болящаго“.

Такъ какъ служба не позволяла ему жить въ вотчинѣ, то онъ поставилъ „править“ и своимъ, и женинымъ имѣніемъ Андрона.

Нашлась „тихая пристань“ и еще для двухъ не избалованныхъ судьбою людей—для Антона Кукушкина и Анны, которые уже давно успѣли стать мужемъ и женой: имъ далъ „въ управу“ свою вотчину Ѳомичевъ, по совѣту и просьбѣ Симонова, причемъ, наказалъ:

— Хозяйство править—править, и взыскать, гдѣ слѣдъ, но чтобы не воровать.

Антонъ и Анюта зажили припѣваючи. Для старика Ѳомичева пребываніе въ его вотчинѣ, гдѣ все напоминала сына, было невыносимымъ и онъ рѣшилъ бросить ее и не разлучаться со „своими дѣтьми“—съ „Анфисушкой и Артемушкой“.

Царь-работникъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Державный плотникъ.

I.

Иванъ Осиповичъ Звѣревъ, именитый торговый человѣкъ, имѣвшій въ Москвѣ нѣсколько лавокъ, ѣхалъ по узкой, запорошенной снѣгомъ улицѣ, самъ правя бойкою, выкормленною лошадкой. Изъ-за угла вынеслись широкія сани, крытыя пестрымъ ковромъ, и запряженныя парою коней.

— Э-эй! право!—крикнулъ возница купцу.

— Стой, стой!—закричалъ, махая руками, Звѣревъ.— Сани опрокинешь, изломаешь. Куда прешь? Не видишь, лѣшій?

— Ой-ой, Иванъ Осиповичъ! не обижай моего холопишки!—улыбаясь, сказалъ сидѣвшій въ саняхъ старикъ.

Купецъ узналъ въ немъ своего давнишняго и крупнаго покупателя, князя Андрея Ѳомича Шйдякова.

— Прости, князь-боярнъ,—сказалъ онъ.—Чуть, вѣдь, на меня онъ не налетѣлъ. Можно-ль такъ на поворотѣ коней пускать? Въ добромъ-ли здоровьѣ, княже?

— Помаленечку скрипимъ.

— Далеко-ль путь держишь?

— Да намъ теперь одинъ путь: въ Посольскій при-

казъ. Узнать хочу, не гонятъ-ли и моего Левку. Слыхалъ, чай, что за море-то угоняютъ?

— Какъ не слыхать? Слыхалъ! Да, постой, мнѣ намедни кто-то и про твоего сынка говорилъ. Не припомню сейчасъ, а только сказывалъ кто-то, что и Льва Андреевича въ заморскіе края отправляютъ.

— Да что ты? Ахти-хти! Неужли? Митька! Трогай! Прощай, Иванъ Осиповичъ—узнавать поѣду. Вотъ бѣда!

Сани разъѣхались.

Въ Посольскомъ приказѣ извѣстный князю мелкій подъячій Микитка Фролкинъ показалъ старому Шейдякову за одинъ алтынъ списки.

— „Списокъ стольникамъ, которымъ быть для наученія морского дѣла,—сталъ читать князь,—а съ ними солдатомъ. А кто имены и гдѣ быть, и то писано ниже сего. Въ Италіи...“ Ишь, куда гонятъ, Господи, Боже мой!—со вздохомъ замѣтилъ старикъ, покачавъ головой, и продолжалъ:—„Князь Борисъ Куракинъ, съ нимъ сержантъ Іевъ Сушковъ; князь Иванъ Гагинъ... Князь Долгорукій, съ нимъ солдатъ Матвѣй Мухлениновъ“... Все самая, что ни на есть, знать!.. Вонъ: Голицины, Хилковы, Репнинъ, Урусовъ... двое Соковниныхъ... Гмм... Много, много. А гдѣ мой? Кажись, нѣтъ; слава Богу... А вотъ тутъ дальше еще другой списокъ: „Въ Англіи и Ам... Амстер-да-мѣ“. Языкъ сломаешь, пока выговоришь. И гдѣ такая земля? Кого-жъ туда усылаютъ? Все знакомыя имена, все знакомыя. Ай-ай! и онъ, онъ, „князь Левъ Шейдяковъ, съ нимъ солдатъ Карпъ Соколовъ“... Гонятъ, гонятъ родимаго! Ахъ, напасть!

Вернувшись домой, старикъ съ дрожью въ голосѣ сказалъ женѣ:

— Ну, мать, снаряжай сынка въ дорогу! Назначенъ.

Анна Марковна, сырая, пухлая женщина, всплеснула руками и воскликнула:

— Андрей Ѳомичъ! Да неужли? Ой, горюшко! ой, лишечко! ой, сыночекъ мой!

Князь опустился на лавку и съ грустью промолвилъ:

— Дожили мы съ тобой, старуха, до черныхъ дней. Гдѣ Лева?

— Ушелъ куда-то.

— Ему все дома не сидится!—не безъ досады сказалъ Андрей Ѳомичъ.

Семья была „старозавѣтная“, отецъ „въ строгости“ держалъ дѣтей, которыхъ у него было двое: сынъ и дочь.

— Пусть погуляетъ послѣдніе денечки,—жалостливо замѣтила мать.

— Да я ничего... Пусть ужъ. Богъ съ нимъ!

— Думали свадьбу играть, вотъ тебѣ и свадьба... Лучше-бы своими руками въ гробъ уложить,—замѣтила княгиня.

— Ну, ужъ ты и скажешь тоже.

— Да развѣ легче знать, что онъ одинъ одинешенекъ въ еретическихъ странахъ, посреди басурмановъ? Охъ, горе наше!

Ввиду грозящей долгой и насильственной разлуки съ сыномъ родителями было забыто, сколько огорченій доставлялъ имъ этотъ сынъ своимъ „непутевымъ“, по ихъ мнѣнію, поведеніемъ. „Непутевость“ Льва Андреевича, какъ звали его чужіе, или Левки, какъ звалъ его отецъ, сказывалась въ томъ, что молодой человѣкъ велъ себя „не какъ подобало“: водилъ дружбу съ „нѣмцами“, не гнушался компаніей людей, гораздо ниже его стоящихъ на общественной лѣстницѣ. Съ точки зрѣнія отца, такое поведеніе было „зазорно“. Онъ журилъ сына, но это не помогало, и Андрей Ѳомичъ надѣялся на одно, что сына исправитъ женитьба.

— Женить его надо, мать, женить. Женится—перемѣнится,—говаривалъ старикъ.

Анна Марковна со своей стороны принимала мѣры въ этомъ направленіи. Стали появляться какія-то женщины съ постными лицами и бойкою рѣчью, куда-то ѣздилъ отецъ, куда-то ѣздила мать, и въ одинъ прекрасный день старый князь объявилъ сыну:

— Ну, Левка, женю я тебя. Пора! Будетъ зря болтаться.

Повидимому, Льву Андреевичу это извѣстіе не доставило особеннаго удовольствія—тѣнь прошла по его лицу и странно дрогнули губы, но онъ ничего не возразилъ, понимая, что возражать безполезно: что отецъ рѣшалъ, то было безповоротно. Онъ только вздохнулъ и молча поклонился.

Послѣ ему „показали“ невѣсту. Это была крупчатая,

дебелая, вялая, красивая дѣвушка, дочь родовитаго боярина, такого-же любителя старинки, какъ и князь Шейдяковъ. Свадьбу рѣшили сыграть сейчасъ послѣ Рождества.

Отправленіе Льва Андреевича заграницу разстраивало всѣ планы. Это немало подбавляло огорченія старикамъ.

Послѣ разговора съ мужемъ княгиня поднялась въ теремъ, т. е., въ верхнія комнаты: домъ былъ выстроенъ на старинный ладъ, исконный русскій; чисто русскаго характера была и обстановка комнатъ, съ ихъ поставцами, укладочками, расписными печами, библейскимъ письмомъ на стѣнахъ, „лазурью“ на потолкахъ. По всему было видно, что здѣсь жили люди стараго закала. „По старинѣ“ устроилъ князь Андрей Ѳомичъ и свою семью: онъ былъ истиннымъ домовладыкой и подчасъ изрядно суровымъ, домочадцевъ—жену, сына и дочь—держалъ „въ любви и страхѣ“—послѣдняго было побольше. Дочь воспитывалась такъ, какъ искони воспитывались боярышни: цѣлые дни она проводила въ теремѣ за пяльцами; однообразіе ея жизни нарушалось только выѣздами въ церковь. На развитіе ея ума обращалось мало вниманія, зато много дѣлалось для упитыванія тѣла. Однако, вопреки волѣ родителей, въ боярышнѣ сказался духъ времени: она страстно стремилась къ знанію. Въ этомъ пришелъ ей на помощь братъ Левушка, самъ учившійся тайкомъ отъ родителей и дѣлившійся съ Вѣрой своими скудными свѣдѣніями. Ни отецъ, ни мать не знали, что ихъ дочь грамотна, а если-бы провѣдали объ этомъ, то не только безмѣрно изумились-бы, но, пожалуй, огорчились-бы.

Когда княгиня вошла въ комнату дочери, она увидѣла картину, которая испоконъ вѣка была присуща терему: русоволосая, полная, краснощекая и бѣлолицая боярышня сидѣла за пяльцами и шила шелками.

Вѣра, взглянувъ на мать, замѣтила, что ея глаза заплаканы.

— Что ты, матушка?—съ тревогой спросила она,—плакала?

— Еще-бъ не плакать! Левку за море гонятъ, въ еретицкія земли, къ басурманамъ, матросскому рукомеслу обучаться.

— Да что ты! Да кто-жъ велитъ?

— По царскому приказу.

— Вотъ дивныя дѣла! Бѣдный Левушка! — Вѣра вздохнула, и ея лицо опечалилось при мысли о разлукѣ съ любимымъ братомъ.—Ахъ, Господи, Господи! —добавила она:—Вотъ бѣда пришла нежданно, негаданно! А какъ съ левушкиной свадьбой?

— Либо отложимъ, либо совсѣмъ разойдется. Не окручивать-же его наспѣхъ да прямо изъ-подъ вѣнца въ путь дорогу и жену молодую бросить. Ужъ такая-то напасть!

И княгиня долго еще причитала и кляла судьбу.

Боярышня вышивала и, подъ причитанія матери, раздумывала:

„Бѣдный-ли Лева, что его за море усылаютъ, или не бѣдный? Да, бѣдный потому, что надолго, можетъ, на многіе годы, съ отцомъ, съ матерью, со всѣми надо разлучаться, жить придется среди чужихъ людей, не нашей вѣры и языка... Бѣдный-то бѣдный, а и счастливый: сколько диковинокъ повидаетъ, чего-чего не посмотритъ, чему не научится!.. Какъ-же не счастливый? А я вотъ день деньской въ четырехъ стѣнахъ. Ужъ такая-то тоска! А поѣхала-бы я, коли-бъ мнѣ нужно было? Поѣхала-бы. Нѣтъ, не поѣхала-бы! Ни за что не поѣхала-бы!“

Вѣра даже и мысленно не называла причины, почему не пустилась-бы за море, но въ ея воображеніи возставало красивое, молодое лицо, со смѣлыми сѣрыми глазами, статная, сильная фигура въ темно-зеленомъ форменномъ кафтанѣ.

Княгиня устала причитать, посидѣла молча и вышла.

Въ комнату юркнула шустрая, быстроглазая, молодая холопка.

— Лоскуточковъ сколько у тебя на полу, боярышня!—заговорила она, наклонясь,—аленькіе, пестренькіе. Чай, шила, что-нибудь?—и, не дожидаясь отвѣта, она добавила тише:—а онъ по-утру заходилъ.

Вѣра какъ-будто не слышала, но вся вспыхнула.

— Поклонъ велѣлъ передать,—бормотала бабенка.—Ай, какіе лоскуточки!.. И вотъ эту самую вѣсточку прочти! Отвѣтъ просилъ,—торопливо шепнула она.

У р укѣ Вѣры очутился клочекъ бумаги. Она бы-

стро прочитала нѣсколько строкъ, видимо, поспѣшно набросанныхъ: „Будешь-ли, голубка, въ воскресенье въ Микольской церкви? Смилуйся! будь! Отвѣтъ, свѣтикъ, съ Устиньей дай".

Записка быстро исчезла въ складкахъ сарафана.

— Что сказать?—прошептала Устинья.

— Скажи... скажи, что буду,—чуть слышно отвѣтила Вѣра, ниже наклонясь къ пяльцамъ.

— Пожалуй, боярышня! дай лоскуточковъ. Красивенькіе больно!—снова заговорила Устинья и, взявъ нѣсколько пестрыхъ кусочковъ, ушла; вслѣдъ затѣмъ за дверью послышался ея звонкій голосъ, хвастливо говорившій:—боярышня добренькая мнѣ лоскуточковъ дала, шелковые. Ишь, какіе!

Вѣра, между тѣмъ, поспѣшно вынула тѣльникъ, висѣвшій на серебряной цѣпочкѣ, и, обмотавъ записку шелковинкой, привязала ее къ цѣпи и снова запрятала на груди.

Когда молодой князь вернулся домой и ему сообщили о предстоящемъ путѣшествіи за море, онъ сказалъ:

— Что-жъ дѣлать!

Онъ вздохнулъ, а въ глазахъ сверкнула словно радостная искорка.

II.

Вечеромъ того-же дня, который вызвалъ столько волненій въ семьѣ Шейдяковыхъ, въ Преображенскомъ, въ скромномъ домикѣ, гдѣ поселился Артемій Андреевичъ Симоновъ со своей женой, сидѣла небольшая компанія. Пили чай, напитокъ уже очень любимый русскими, но, сравнительно, дорогой. Компанія состояла изъ хозяина дома, хозяйки, князя Льва Андреевича Шейдякова, преображенскаго бомбардира Осипа Ивановича Звѣрева и молоденькой дѣвушки Нины Михайловны Леонтьевой—родственницы покойнаго перваго мужа Анфисы Петровны; она незадолго предъ этимъ осталась круглой сиротой и была взята Симоновой на свое попеченіе.

Бомбардиръ Звѣревъ, плечистый, сильнаго сложенія молодой человѣкъ, съ красивымъ, нѣсколько загрубѣлымъ лицомъ, сказалъ, прихлебывая чай:

— Истинно, мы что во тьмѣ бродимъ рядомъ съ

иноземцами. У нихъ—свѣтъ, а у насъ—тьма. А, вѣдь, не глупѣе-жъ мы ихъ, въ самомъ-то дѣлѣ.

— Разумомъ-умомъ Богъ Господь русскихъ не обидѣлъ,—проговорилъ Артемій Андреевичъ:—только неучены мы больно. Вотъ въ чемъ горе наше! Пока мы съ татарами да съ ляхами дрались, нѣмцы учились да учились. А мы-бъ и хотѣли учиться, да не у кого и негдѣ было и некогда.

— Только наши московцы и облѣнились-же!—замѣтилъ Шейдяковъ.—Шагъ ступить лѣнь. Чуть что не по обыку—крикъ и шумъ. И все-то у насъ грѣхъ: табакъ курить—грѣхъ, съ нѣмцами дружить—грѣхъ. Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ, что меня за море посылаютъ! Вотъ гдѣ свѣтъ увижу! Вотъ гдѣ поучусь!

На его молодомъ лицѣ, съ тонкими чертами, лежало радостное выраженіе, глаза смотрѣли мечтательно. Онъ почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ, повернулся и увидѣлъ, что на него смотритъ Нина. Дѣвушка тотчасъ-же отвела взоры, но князь успѣлъ уловить въ ея взглядѣ выраженіе мучительной тоски.

Боярышня отодвинула пустую кружку и вышла изъза стола.

— Выпей еще,—сказала Анфиса Петровна.

— Спасибо, тетя, будетъ,—отвѣтила она и сѣла въ уголку, куда слабо достигалъ свѣтъ свѣчи.

— Я-бы тоже не прочь и свѣтъ повидать, и поучиться, — проговорилъ Звѣревъ. — Только и тяжело было-бы съ родиной разставаться.

— Не на вѣкъ-же,—промолвилъ Левъ Андреевичъ.

— Не на вѣкъ, да и не на малый срокъ. А въ это время много воды можетъ утечь. Мало-ль что можетъ быть. Опять-же есть люди, которыхъ кинуть жаль.

— Что-жъ дѣлать! Такъ ужъ Богомъ устроено, что всегда радость съ горемъ мѣшается. А если сиднемъ сидѣть, такъ ничего и не высидишь.

— Счастье счастью рознь. По мнѣ, счастье вотъ—тихій уголокъ, тихая бесѣдушка... Артема подлѣ меня. Чего-жъ еще? Бога благодарить надо,—промолвила Симонова.

— Каждый своего счастья ищетъ. Однако, хорошо съ вами говорить, да пора и по домамъ,—сказалъ Шейдяковъ, вставая.

— Я тоже иду,—сказалъ Звѣревъ.—Мнѣ сегодня еще въ Москву надо: побываю у отца—давно къ нему не заглядывалъ. Кстати, Левъ Андреевичъ, ты меня и подвезешь.

— Ѣдемъ. Мнѣ-же веселѣе съ тобой.

Несмотря на уговоры хозяевъ, гости стали прощаться.

— Все торопишься. И напослѣдокъ посидѣть подольше не можешь,—тихо замѣтила князю Нина, покраснѣвъ.

Молодому человѣку въ ея голосѣ почудился словно упрекъ.

— Пора, Нина Михайловна. Да вотъ и ты что-то грустна, не веселишь гостей,—шутливо отвѣтилъ онъ.

— Грустна? Нѣтъ. Я всегда такая. Почему грустна? Вовсе не грустна!—произнесла Нина и ея голосъ дрожалъ, будто отъ подступавшихъ слезъ.

Когда Левъ Андреевичъ уже ѣхалъ вмѣстѣ съ бомбардиромъ въ саняхъ, онъ сказалъ:

— Удивительная она, эта Нина Михайловна: то она весела страсть какъ, то чуть не плачетъ.

— Удивительная? Замужъ ей пора!—возразилъ Звѣревъ.—Вѣрно слово: замужъ выйдетъ, все это какъ рукой сниметъ. А она славная.

— Да, и умокъ есть.

Они помолчали.

Было морозно, сіяла полная луна. Дорога шла прямой, широкой, бѣло-сверкающей лентой. Тихо поскрипывали полозья саней.

Тишина располагала къ мечтамъ и размышленью, нагоняла сладко-щемящее чувство.

— У каждаго человѣка есть свое горе,—сказалъ, вѣрнѣе, подумалъ вслухъ Осипъ Ивановичъ.

— У меня вотъ теперь нѣтъ. Да и у тебя, чай. Не видать что-то по тебѣ,—возразилъ князь.

— У меня? Зналъ-бы ты! Есть у меня радость такая, что слова для нея не найдешь, и черезъ эту радость мое горе великое!—сказалъ Звѣревъ.

— Что-то мудреное, братъ.

— Мудреное и есть. Э-эхъ, судьба судьбинушка! Вертитъ она, играетъ людьми-человѣками.

— Это вѣрно. Думалъ-ли, къ примѣру, я быть за

моремъ? А вотъ выпало побывать тамъ,—замѣтилъ князь.

— Отъ судьбы не уйдешь. Расчитываешь такъ, анъ выходитъ совсѣмъ иное!—сказалъ Звѣревъ и крикнулъ кучеру:—держи правѣй: прямо на насъ несутся.

Мимо пріятелей пронеслась горячая тройка коней, запряженныхъ въ широкія сани. Мелькнули закутанныя въ шубы фигуры сѣдоковъ; между ними выдѣлилась одна мощная, одѣтая только въ кафтанъ и невысокую шапку.

— Царь проѣхалъ!—воскликнулъ бомбардиръ.

— Онъ, онъ. Сразу и я узналъ,—отвѣтилъ его спутникъ.—И тутъ не такъ, какъ другіе: тѣ прячутъ головы въ воротники, а онъ сидитъ себѣ и горя мало, словно-бы не морозъ, а весеннее тепло. Ахъ, молодецъ онъ! Ахъ, соколъ ясный!—и юный князь долгимъ, любящимъ взглядомъ посмотрѣлъ вслѣдъ государю.

Миновали заставу. Свернули въ одну улицу, въ другую и Левъ Андреевичъ остановилъ коня, сказавъ:

— Вотъ я и дома.

— Спасибо, что подвезъ,—сказалъ Звѣревъ, выпрыгнувъ изъ саней.

Пріятели разстались.

Бомбардиръ отошелъ за ближайшій поворотъ и остановился тамъ, осторожно выглядывая. Когда сани князя въѣхали во дворъ и ворота захлопнулись, Осипъ Ивановичъ снова пошелъ обратно и сталъ шагать по противоположной дому Шейдякова сторонѣ, посматривая на тускло освѣщенныя окна терема.

Прошло съ полчаса, утомительно долгихъ. Наконецъ, скрипнула калитка.

— Устинья!—тихо окликнулъ Звѣревъ.

Юркая бабенка быстро перебѣжала дорогу, кутаясь въ тѣлогрѣю, и торопливо зашептала:

— Два раза уже выбѣгала. Что долго не шелъ? А въ церкви она будетъ.

— Спасибо, Устиньюшка, за службу!—радостно воскликнулъ молодой человѣкъ.—Впередъ послужи! На тебѣ!—и онъ отсыпалъ ей горсточку монетъ.

— Всегда рада послужить. Благодарствую. Бѣжать надо,—хватятся.

Черезъ секунду Устинья юркнула въ калитку, а

Звѣревъ бодро зашагалъ по сугробамъ, поднявъ голову и мурлыча веселую пѣсенку.

III.

Едва разсвѣтало, но царь Петръ Алексѣевичъ былъ уже на ногахъ и работалъ. Бѣлесоватый свѣтъ зимняго утра мѣшался съ желтымъ пламенемъ свѣчи, стоявшей на столѣ, на которомъ лежали груды бумагъ. Царь набрасывалъ чертежъ корабля и обмѣнивался фразами съ начальникомъ Посольскаго приказа Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ.

— Поднялъ я тебя чуть свѣтъ, Левушка, и къ себѣ велѣлъ прибыть потому, что порѣшилъ я свершить давно задуманное,—промолвилъ царь.

Государь былъ одѣтъ въ замасленный и заплатанный солдатскій кафтанъ. Бѣдность его одежды выдѣлялась особенно рѣзко рядомъ съ богатою ферезью Нарышкина, сидѣвшаго тутъ-же у стола.

— Всегда радъ предстать предъ свѣтлыя очи твои, государь,—съ поклономъ отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— Радъ, радъ, а спать, вѣдь, хотѣлось?—съ усмѣшкой промолвилъ Петръ Алексѣевичъ. — Что дѣлать, братъ! Приходится намъ теперь пободрствовать: больно ужъ отцы наши да дѣды, да пращуры крѣпко да сладко высыпались. Пора проснуться, братъ! Пора, пока сосѣдушки не разбудили насъ по-свойски да всю Русь не забрали, пока мы глаза станемъ протирать. Скажи-ка, дружище, чтобы хозяиномъ быть хорошимъ, нужно-ли хозяйство знать?

— Нужно, государь.

— Я тоже такъ думаю; плохо дѣло, если онъ косы отъ серпа не отличитъ; путнаго мало выйдетъ. Русь, чай, тоже хозяйства требуетъ, и многое нужно знать, чтобы быть добрымъ хозяиномъ. Хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ: свой глазъ—алмазъ, чужой—стеклышко. И рѣшилъ я, братъ, поучиться.

— Ты, государь, и такъ ученъ на рѣдкость.

— Ой-ли? ученъ? Не ученъ я, милый, а кое-чего понаслышанъ. Вишь, вотъ, чертежъ дѣлаю; знаю, плохъ онъ, а какъ сдѣлать лучше—не умѣю. Учиться мнѣ надо. Вотъ отправляемъ мы стольниковъ за море учиться; вернутся они, спросишь ихъ, какъ на кораблѣ ту иль

другую снасть сдѣлать,—скажутъ-то скажутъ, а только правду, аль ложь, какъ мнѣ понять, если я самъ въ этомъ ничего не понимаю? Надобно мнѣ выучиться, какъ и имъ, или даже лучше ихъ. Рѣшилъ я поѣхать за море, учиться, какъ простой человѣкъ.

— Ой, что ты, государь!—воскликнулъ Нарышкинъ, всплеснувъ руками.—Можно-ли тебѣ?!

— Да развѣ я—не человѣкъ? Отчего другіе могутъ учиться, а я не могу?

— Шума много будетъ.

По лицу царя пробѣжала судорога — признакъ гнѣва, и онъ рѣзко воскликнулъ:

— Кто станетъ шумѣть? Я, чай, воленъ дѣлать, что хочу. Кто мнѣ указъ? Шумѣть станутъ! Да, знаю, заропщутъ во мракѣ пребывающіе, сирѣчь, люди тьмы. Они и теперь ропщутъ: все, что ново, имъ не по сердцу. Они пользы своей не видятъ, рады Русь погубить, только-бы прадѣдовскихъ обычаевъ не нарушить.—Государь съ шумомъ отодвинулъ кресло, всталъ и прошелся по комнатѣ.—Знаю ихъ, знаю! Не по сердцу имъ все, что я дѣлаю. Скудоумы! Да, вѣдь, не побоюсь-же я ихъ. Я-ль побоюсь? Смирю непокорныхъ, если они пользы своей не видятъ, а все, что дѣлаю я и буду дѣлать, — Богъ свидѣтель, — только ради блага Руси. Хочу на свѣтъ ее вывести изъ тьмы.

Царь молча прошелся.

— Ужъ и то сколько говора, что стольниковъ за море учиться шлешь. Бѣда! У меня въ приказѣ стономъ стонъ стоялъ, какъ списки вѣдомы учинились!—сказалъ Нарышкинъ.

— Что-жъ они супротивъ моей воли посмѣютъ пойти, что-ль?—замѣтилъ царь.—Вотъ что, Левушка: порѣшилъ я снарядить за море великое посольство къ государямъ и самъ съ послами поѣду, только въ тайности. Такъ мнѣ посвободнѣй. Пусть князья-короли пословъ угощаютъ да чествуютъ, а я тѣмъ временемъ поучусь, поработаю, поприсмотрю. При послахъ думаю я снарядить особыхъ людей, валентеровъ, сирѣчь охотниковъ, изъ бомбардировъ моихъ и прочихъ, для наученья въ краяхъ заморскихъ. Съ этими молодцами и я буду, какъ простой валентеръ. И не именовать меня иначе, какъ Петромъ Михайловымъ. О томъ, что я—царь, поза-

быть надо.—Царь снова сѣлъ и склонился надъ чертежемъ.—Вотъ Левушка, о семъ я и хотѣлъ тебѣ сказать. Ты пообдумай, кого въ послы лучше, и прочее... Я тоже подумаю... Вечеркомъ пріѣзжай къ Францу, тамъ еще кое-кто соберется, все пообсудимъ. Ну, ступай съ Богомъ.

Нарышкинъ, низко поклонившись, вышелъ.

Петръ Алексѣевичъ нѣкоторое время поработалъ, потомъ потушилъ свѣчу, такъ какъ сильно посвѣтлѣло, прошелся по комнатѣ и остановился у окна. Безлюднымъ, соннымъ казалось Преображенское съ полузанесенными снѣгомъ домами.

Прозвучала „побудка“. Замелькали тамъ и сямъ фигуры солдатъ въ темно-зеленыхъ кафтанахъ, зазвякало оружіе, послышался шумъ. Струйки дыма завились надъ крышами. Село проснулось, ожило.

„Вотъ она, Русь, новая Русь,—думалъ государь, провожая взглядомъ стройно и бодро шагавшій отрядъ солдатъ.—Давно-ли были мужичьемъ, увальнями, а теперь кто ихъ узнаетъ? Только побудка замолкла, а ужъ они идутъ, шагаютъ... Эхъ, кабы на всю Русь побудку найти! Какъ встряхнуть, разбудить ее отъ сна вѣковѣчнаго? Ученьемъ, ученьемъ, только имъ. Помози мнѣ, Боже, укрѣпи меня, грѣшнаго!“

Задумался царь; вереницей вились великія думы. Отблескъ утренней зари проникъ въ окно и розовымъ свѣтомъ залилъ вдохновенное, прекрасное лицо государя.

* *
*

6-го декабря 1696 года думный дьякъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ:

„Государь указалъ, для своихъ великихъ государственныхъ дѣлъ, послать въ окрестныя государства, къ кесарю, къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ Голландскимъ штатамъ, къ курфюрсту бранденбургскому и въ Венецію, великихъ и полномочныхъ пословъ: генерала и адмирала, намѣстника новгородскаго, Франца Яковлевича Лефорта, генерала воинскаго комиссарія, намѣстника сибирскаго, Федора Алексѣевича Головина, и думнаго дьяка, намѣстника болховскаго, Прокофія Богдановича Возницына,

съ вѣрющими полномочными грамотами, для подтвержденія древней дружбы и любви, для общихъ всему христіанству дѣлъ, къ ослабленію враговъ Креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ, и къ вящшему приращенію государей христіанскихъ".

Въ посольскую свиту были назначены до двадцати дворянъ и особо отъ нихъ болѣе тридцати „валентеровъ", подъ главнымъ начальствомъ „комендора" князя Андрея Михайловича Черкасскаго. „Валентеры" раздѣлялись на десятки; во второмъ изъ нихъ десятникомъ былъ Петръ Михайловъ, названный въ проѣзжей „грамотѣ", т. е., въ заграничномъ паспортѣ, „преображенскаго полка урядникомъ". Это былъ царь.

IV.

Какъ-то въ концѣ января 1697 года князь Левъ Андреевичъ Шейдяковъ, придя къ Симоновымъ, сказалъ:

— Пришелъ навѣстить въ послѣдній разокъ: послѣзавтра ѣду въ дальніе края.

— Уже ѣдешь? Такъ скоро! — воскликнула Нина.

— Какое скоро, Нина Михайловна! Многіе ужъ уѣхали. Я только позамѣшкался.

Дѣвушка не промолвила ни слова, но поблѣднѣла, и ея губы задрожали.

Эта „послѣдняя" бесѣда плохо клеилась. Артемію Андреевичу разнедужилось, и онъ былъ, какъ говорится, „не въ своей тарелкѣ", хозяйка, видя недомоганье мужа, была невесело настроена, Нина Михайловна какъ-то безучастно относилась къ разговору, а Осипъ Ивановичъ Звѣревъ, неразлучный товарищъ Шейдякова, уже нѣсколько недѣль ходилъ пасмурнымъ; такимъ-же онъ былъ и въ это время. Бесѣду оживлялъ и поддерживалъ одинъ князь, который былъ веселъ, какъ всегда.

Во время одной изъ наступившей паузъ бомбардиръ, съ угрюмымъ видомъ ероша волосы, промолвилъ:

— Вотъ и я скоро въ дальніе края.

— Ты?! Какъ? Да развѣ?—воскликнули всѣ присутствующіе, кромѣ князя Шейдякова, который молчалъ, опустивъ взоры.

— Да, ѣду! Напросился я къ государю въ „валентеры“,—пояснилъ попрежнему угрюмо Осипъ Ивановичъ.

— Ты, вѣдь, какъ-то говорилъ, что по доброй волѣ за море не поѣхалъ-бы,—сказалъ Артемій Андреевичъ.—А теперь ѣдешь?

— А теперь ѣду. Самъ попросился.

— Чудно! Почему-же?

— Такъ. Захотѣлось дивы заморскія посмотрѣть!—отвѣтилъ Звѣревъ.

— А раньше не хотѣлось?

— Раньше было одно, а теперь другое. То, что было раньше, то прошло, а нынѣ новое зачинается. Э-эхъ! поживемъ по-новому! Поживемъ, Левушка!

Онъ хотѣлъ сказать это съ удалью, а вышло страдальчески. У всѣхъ шевельнулось тяжелое чувство.

Звѣревъ замѣтилъ произведенное его словами впечатлѣніе и, чтобы скрыть свою неловкость, поднялся, сказавъ:

— Что, Левушка, не по домамъ-ли?

— И то пора,—отвѣтилъ князь.—Мнѣ, вѣдь, еще сборовъ-то сколько, а времени одинъ день.

— Значитъ, теперь ужъ и не свидимся, пока изъ аглицкой земли не вернешься?—сказалъ хозяинъ.

— Смотри! изъ-за моря себѣ невѣсту не вывези,—шутливо сказала Анфиса Петровна.

— Зачѣмъ? Развѣ мало на Руси красавицъ?—отвѣтилъ князь и сталъ прощаться.

Нины Михайловны въ это время не было видно въ комнатѣ.

— Осипушка, а ты-то, чай, еще придешь?—спросилъ Артемій Андреевичъ бомбардира.

— Я-то приду. Я, вѣдь, еще не скоро въ путь: когда царь поѣдетъ, тогда „валентеры“.

Когда гости проходили по темному двору, Льва Андреевича окликнулъ голосъ Нины Михайловны:

— Князь! а со мной и не попрощался?

Молодой человѣкъ пріостановился. Изъ мрака на него смотрѣло блѣдное личико дѣвушки.

— Прости, Нина Михайловна! тебя тамъ не было. Прощай, всякаго тебѣ счастья,—промолвилъ Шейдяковъ и вдругъ почувствовалъ на лицѣ горячій поцѣлуй и нервно дрожащій голосокъ прошепталъ:

— Прощай, радость! Богъ тебя благослови.

Нина, сказавъ это, скрылась, какъ видѣнье, только мерзлый снѣгъ слегка скрипнулъ подъ ея ногами.

Князь постоялъ мгновенье и пошелъ къ воротамъ. Въ его душѣ шевелилось чувство умиленія.

— Милая! Славная!—прошепталъ онъ.

За воротами, подлѣ саней, его поджидалъ Звѣревъ.

— Осипъ! со мной? А?—спросилъ Шейдяковъ, совладавъ съ волненіемъ.

— Нѣтъ. Самъ знаешь, что мнѣ теперь въ Москвѣ дѣлать?—грустно проговорилъ бомбардиръ.—Прощай! Можетъ, за моремъ свидимся.

— Ахъ, ты, бѣдный, бѣдный!—съ чувствомъ промолвилъ князь.

— Зато ты, Левушка,—счастливецъ и не упускай своего счастья: она любитъ тебя, давно я это примѣтилъ, а сегодня тѣмъ болѣе. Прощай!—и, круто повернувшись, Звѣревъ удалился.

„Совсѣмъ другимъ онъ сталъ,—подумалъ князь, посмотрѣвъ вслѣдъ Осипу Ивановичу.—„Горе измѣнило. Правда, и пало оно на него, какъ громъ".

Да, у веселаго, удалого бомбардира было великое горе, но не многіе знали объ этомъ.

V.

Сладко спала княжна Вѣра Андреевна. Щеки ея разгорѣлись, полуулыбка играла на лицѣ. Горячи и сладостны были ея юныя грезы. Она разметалась по постели, одѣяло сползло, и обнажилась дѣвственная, высокая, жарко дышащая грудь.

— Эхъ, спитъ боярышня неспокойно, вся открылась, эдакъ и простудится,— проворчала, проснувшись подъ утро, Анна Марковна. Она встала и, шаркая туфлями, подошла къ кровати дочери.—Молодость-то что значитъ. Ишь, спитъ какъ крѣпко, хоть унеси. Кабы мнѣ такъ спалось!—прошептала княгиня, укрывая дочь одѣяломъ.

Вѣра повернулась на бокъ. Изъ-подъ сорочки выскользнула цѣпочка съ тѣльникомъ. Мать случайно взглянула на него и задумалась:

„Чтой-то у ней у креста-то? Никакъ ладонка новая привѣшена? Откуда взяла и отчего мнѣ не сказала?"

Машинально княгиня протянула руку къ тѣльнику.

„Ахти-хти! какая-то бумага. Совсѣмъ не ладонка. Чай, зелье какое завернуто? Привязана красной ниткой. Дай посмотрю“...

Анна Марковна оборвала нитку, прикрѣплявшую бумагу къ цѣпочкѣ, и стала осторожно разворачивать мнимую ладонку. Она развернула—ничего не высыпалось. Бумага была пуста.

— Что за притча? Ничего, ровнешенько ничего. Гм... Что-то будто-бы написано. Да, да...

Княгиня была неграмотна и смыслъ „литеръ“ оставался для нея теменъ.

— Непремѣнно надо показать Андрею Ѳомичу: пусть прочтетъ, что тутъ такое прописано.

Старая Шейдякова вернулась къ себѣ на постель и сунула бумагу подъ подушку. Однако, въ эту ночь она не сомкнула глазъ: мысль о таинственномъ листкѣ не давала ей покоя, и къ утреннему сбитню—въ семьѣ Шейдяковыхъ пили сбитень по старо-русской привычкѣ, а не чай—Анна Марковна вышла съ вытянутымъ лицомъ.

Вѣра Андреевна, проснувшись довольно поздно, стала быстро одѣваться, чтобы мать не разсердилась, и вдругъ, дотронувшись до тѣльника, замерла отъ ужаса: завѣтнаго листочка не было! Она встряхнула простыню, одѣяло, перебрала подушки—нѣтъ и нѣтъ. Посмотрѣла она на полу—листка тамъ тоже не было.

— Боже мой! Зачѣмъ я его не изорвала! Ну, какъ найдутъ его? Бѣда!—въ волненіи шептала княжна.

Несмотря на поиски, письмо не находилось. Приходилось покориться судьбѣ и утѣшаться, что авось листка не найдутъ.

— Что ты сегодня блѣдная такая?—спросила мать, подозрительно уставившись на Вѣру, когда та сидѣла за питьемъ сбитня.

— Такъ.. что-то голова болитъ!—отвѣтила княгиня.

— Съ чего это головѣ болѣть вздумалось?—ворчливымъ тономъ продолжала княгиня.

— Почему-же я знаю?

Анна Марковна замолчала. О найденномъ листкѣ она ни словомъ не обмолвилась, но, улучивъ время, когда осталась глазъ-на-глазъ съ мужемъ, она сказала ему:

— Андрей Ѳомичъ! не погнѣвайся, просьбишка до

тебя. Богъ тебя грамотой просвѣтилъ,—разбери, что тутъ прописано.

— Откуда это у тебя?—спросилъ князь, принимая листокъ.

— У Вѣрки рядомъ съ тѣльникомъ былъ привязанъ. Можетъ, тутъ какое заклятье.

— Дура-дѣвка, чего не придумаетъ: всякую дрянь къ святому кресту вѣшать. Прочтемъ, что такое прописано. Погоди, я очковъ пошарю.

Шейдяковъ прошелъ въ передній уголъ, гдѣ рядомъ съ многочисленными образами ютились божественныя книги на устроенныхъ для этой цѣли полкахъ. Тутъ подлѣ Библіи хранились и очки князя. Онъ взялъ ихъ, вернулся къ столу, не спѣша надѣлъ ихъ, расправилъ листокъ и началъ медленно читать:

— „Бу-дешь-ли, го-луб-ка“... Ну, мать! не иначе, какъ заклинанье,—промолвилъ онъ, посмотрѣвъ на жену, поверхъ очковъ.

— Эдакій грѣхъ! И откуда она достала!

— Достанетъ! Хорошаго люди не достанутъ, а худого-то сколько хочешь. „Будешь-ли, голубка,—снова сталъ читать старикъ,—въ во-скре-сень-е въ Ми-кольской церкви?..“ Гмм...—пробормоталъ онъ,—что-то несуразное.—Онъ вскинулъ бровями, побарабанилъ пальцами по столу и добавилъ:—это не заклятье. Это, мать, кое-что похуже. Ну, дальше что. „Сми-луй-ся! будь! От-вѣтъ, свѣ-тикъ, съ Устинь-ей дай“.

Лицо князя побагровѣло.

— Понимаешь-ли ты, что это значитъ?—воскликнулъ онъ, отшвырнувъ записку и вставъ.—Проглядѣла дочку-то ты, старая ворона!

— Да что ты! Господь съ тобой!

— За твоей спиной дочка любовныя вѣсточки получаетъ, а ты не видишь. Ужо я тебѣ косы-то поправлю за твое нерадѣнье.

— Любовныя вѣсточки? Да нешто это...

— А что? иное?—сердито произнесъ онъ и, взявъ листокъ, перечелъ связно:—„Будешь-ли, голубка, въ воскресенье въ Микольской церкви? Смилуйся! будь! Отвѣтъ, свѣтикъ, съ Устиньей дай“. Ну-ка, мать, что это, по-твоему?

— Ахти, Господи, Боже мой! И какъ это мнѣ глаза

отвели? То-то Устинья все шмыгается. И кто челъ Вѣркѣ посланья-то?

— Стало быть, нашла, кто и челъ. Позови Устинью ко мнѣ.

Вскорѣ полумертвая отъ страха Устинья предстала предъ грознымъ бояриномъ.

Повелся суровый допросъ. Какъ ни клялась, какъ ни отнѣкивалась шустрая баба, что знать ничего не знаетъ, что никакихъ записокъ и въ глаза не видывала, князь заставилъ ее признаться, въ концѣ концовъ.

— Ты говоришь, бомбардиръ Осипъ Звѣревъ... Это— сынъ Ивана Осиповича?

— Онъ самый. Пріятель онъ князя Льва Андреевича.

— Сынка моего на это взять: со всякой шушерой возится. Проваливай, негодная! Да смотри! языкъ держи за зубами. А накажу я тебя примѣрно. Ну, съ глазъ моихъ вонъ!—закричалъ Шейдяковъ.—Вѣрку ко мнѣ позвать!

Княжну позвали. Увидѣвъ гнѣвное лицо отца, заплаканные глаза матери и роковую записку на столѣ, она поняла все. Блѣдная, какъ смерть, предстала она предъ отцомъ.

Князь нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нее.

— Ты это что,—заговорилъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:—на какія дѣла пускаешься? Съ худородомъ, съ солдатомъ, съ негоднымъ парнемъ милуешься за спиной отца съ матерью? А?

— Онъ не негодный.

— Что?!—крикнулъ князь, не вѣря своимъ ушамъ.— Что ты сказала? Такъ ты еще вонъ какія рѣчи! Мало того, что отца съ матерью позоришь, такъ вотъ... Чѣмъ негодный! А тѣмъ, что отъ него отецъ отказался, сказалъ: „Коли ты въ солдаты пошелъ—не сынъ ты мнѣ“. Вотъ что-съ! Давно, матушка, по тебѣ плеть не гуляла, такъ погуляетъ. Кто тебѣ записки его читалъ?

— Я сама.

— Не ври. Не могла сама, если грамотѣ не знаешь.

— Я знаю грамотѣ.

— Эй, Вѣрка! ври, да знай мѣру. Да это мы сейчасъ узнаемъ.—Князь досталъ Евангеліе и, раскрывъ его наугадъ, приказалъ дочери:—читай!

— „Будите убо милосерди,—начала читать Вѣра

голосомъ полнымъ слезъ:—яко-же и Отецъ вашъ милосердъ есть. И не судите и не судятъ вамъ: не осуждайте, да не осуждени будете: отпущайте и отпустятъ вамъ".

— Довольно!—сказалъ отецъ, причемъ его лицо выражало изумленіе.—Вижу, лучше меня читаешь. Кто тебя выучилъ?

— Братъ.

— Одного съ тобой поля ягода!

Подѣйствовали-ли на старика святыя слова, призывавшія къ прощенію, или въ его душѣ шевельнулось чувство уваженія къ дочери, которая оказалась ученѣе его, только его гнѣвъ смягчился.

— Иди,—сказалъ онъ ей,—теперь мать тебя съ глазъ не спуститъ и, если случится еще что-нибудь въ родѣ этого, влетитъ и ей, и тебѣ. Слышишь, Анна? То-то. Ну, убирайтесь обѣ! А чтобъ Звѣрева этого отвадить, сегодня-же я съѣзжу къ его отцу.

Князь, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Старикъ Звѣревъ былъ очень польщенъ пріѣздомъ къ нему князя Шейдякова, принялъ его съ распростертыми объятіями, не зналъ, куда усадить. Но Андрею Ѳомичу было не до его любезностей.

— Однако, и озорникъ у тебя сынокъ-то, Иванъ Осиповичъ,—сказалъ онъ, какъ только отмолился на иконы. Скверныя дѣла онъ творитъ: хочетъ сбить съ пути честныхъ дѣвушекъ.

— Какъ, то-есть?—спросилъ Звѣревъ.

— А такъ: къ моей Вѣркѣ грамотки подсылаетъ. Подкупилъ онъ, значитъ, холопку и черезъ нее. Извѣстно, дочка у меня въ благочестіи воспитана и грамотой просвѣщена. Не на ту онъ напалъ. Прочла она записку—читаетъ Вѣрка, скажу не хвалясь, не хуже любого дьяка—и прямо къ матери. Такъ и такъ, молъ, уймите молодца, вонъ онъ какія записки подсылаетъ. И сама плачетъ: конечно, обидно. Такъ вотъ, милый мой, какія дѣла.

— Что-жъ я сдѣлаю?—недоумѣвающе спросилъ Звѣревъ.

— Какъ что? Ты—отецъ. Острастку дай!

— Откоснулся я отъ него. Онъ—отрѣзанный ломоть.

— Къ тебѣ, чай, заходитъ онъ?—спросилъ князь.

— Заходитъ, да я съ нимъ и не говорю.

— А теперь поговори, потому я этого озорства стерпѣть не могу. Не уймется онъ, такъ найду я ходъ. И тогда не попеняй, можетъ, и тебѣ придется не сладко. Коли все по-хорошему, такъ и я хорошъ, а коли худо—ну, тогда держись. Такъ-то. Ну, я пошелъ!—и князь уѣхалъ, оставивъ Ивана Осиповича мрачнѣе тучи.

Молодой бомбардиръ былъ очень удивленъ, что ему уже два раза случилось напрасно поджидать у завѣтныхъ воротъ вѣстницу Устинью.

— Почему она глазъ не кажетъ?—недоумѣвалъ онъ.

Въ третій разъ ему довелось дождаться ее, но, едва онъ окликнулъ Устинью, она шмыгнула обратно за калитку.

„Что такое случилось?“—тревожно размышлялъ Звѣревъ.

Въ этотъ вечеръ онъ зашелъ къ отцу. Въ домѣ отца его встрѣтила настоящая буря.

— Эй ты, солдатъ безпутный!—увидавъ его, сказалъ Иванъ Осиповичъ.—Слушай мой сказъ хорошенько: мало тебѣ, что ты мой честной купеческій родъ опозорилъ, въ солдаты пошелъ, такъ ты еще и срама прибавить хочешь?

— Никакого позора нѣтъ, что я царю захотѣлъ служить; объ этомъ ужъ было у насъ говорено!—возразилъ бомбардиръ.—А о какомъ такомъ новомъ срамѣ рѣчь ведешь, не могу понять, батюшка.

— Какой? А такой, что не слѣдъ честныхъ дѣвушекъ съ пути сбивать. Князь Андрей Ѳомичъ на тебя жаловался мнѣ, что ты къ его дочкѣ грамотки подсылаешь.

Бомбардиръ поблѣднѣлъ, сразу подумавъ:

„Стало быть, все узнали! Неужели Устинья выдала?“

Но онъ не выдалъ своихъ мыслей, а спокойно спросилъ:

— Самъ князь говорилъ?

— Самъ, нарочно ко мнѣ пріѣхалъ. Дочка сама ему твою вѣсточку показала.

— Не можетъ быть!—съ жаромъ воскликнулъ Осипъ Иванович.

— Вотъ тебѣ и не можетъ. Вотъ что: ты эту дурь

выбрось изъ головы: не для тебя княжескія дочки. Чтобъ у дома князя Шейдякова нога твоя не была. Слышь!

Молодой человѣкъ молчалъ, опустивъ голову.

„Все пропало, — грустно думалъ онъ. — И какъ открылось? Вѣра, Вѣра! Птичка моя!“

— Чего молчишь?—распалялся старикъ,—или ужъ отцовскій приказъ для тебя ничего? Слушай: хотѣлъ я изъ тебя сдѣлать добраго торговаго человѣка, а вмѣсто того ты въ солдаты сбѣжалъ. Отстранился я отъ тебя, видѣть тебя не хотѣлъ послѣ этого. Такъ и до сихъ поръ. Ну, а если теперь не послушаешь меня — будетъ хуже! — со злобой закончилъ онъ. — Знай, прокляну тебя!

Бомбардиръ вздрогнулъ и спросилъ:

— Чего-же ты отъ меня хочешь?

— Я хочу,—заговорилъ старикъ, вставъ,—чтобы ты близко не подходилъ къ воротамъ князя Шейдякова, чтобы всякую блажь изъ головы выкинулъ, чтобы о дочкѣ его и думать забылъ.

— У дома Шейдякова никто больше меня не увидитъ, вотъ тебѣ святой крестъ! — произнесъ бомбардиръ,—но забыть княжну не могу.

— Не можешь?—свирѣпо спросилъ отецъ.

— Не могу.

— Такъ будь-же ты проклятъ, окаянный. Проклятъ! Проклятъ, ослушникъ, басурманъ, негодяй! Чтобы нога твоя не переступала моего дома, чтобы ты меня отцомъ звать не смѣлъ!

Мать Осипа, блѣдная, чахлая, забитая женщина, прибѣжала на крикъ мужа и съ плачемъ кинулась къ нему:

— Иванъ Осиповичъ! Побойся Бога!

— Проклинаю!

— Батюшка! опомнись!

— Быть, какъ сказано: проклятъ!

Глаза бомбардира сверкнули.

— Проклинай! Не боюсь!—крикнулъ онъ, гордо поднявъ голову.—Ты отрекся отъ меня и я отъ тебя отрекаюсь: чужіе мы теперь съ тобой!.. — Потомъ онъ, повернувшись къ матери спросилъ:—матушка! а ты меня не проклянешь?

— Я? Нѣтъ! Благослови тебя Господь, бѣдный, безсчастный сынокъ!

— Спасибо, спасибо, — промолвилъ Осипъ Ивановичъ, со слезами припавъ къ груди матери,—спасибо, родная.

— Вонъ убирайся!—крикнулъ отецъ.

Въ послѣдній разъ поцѣловавъ мать, бомбардиръ молча вышелъ.

„Что мнѣ дѣлать? Куда скрыться отъ моей тоски, отъ моего горя. Нѣтъ отца, нѣтъ Вѣры, — размышлялъ молодой Звѣревъ, шагая по охваченнымъ за меня ковскимъ улицамъ.—Какъ забыться? Чѣмъ заглушить? А я-то надѣялся: стану прапоромъ, выдадутъ за меня Вѣрочку. Теперь все пропало. Ну, что мнѣ дѣлать? Вѣдь, не могу, вѣдь, силъ не хватитъ вырвать изъ сердца то, что въ немъ затаилось. И она, бѣдная, мучается. Коли любитъ—мучается. А развѣ не любитъ? Развѣ не вспыхивала, какъ зорька, когда меня видѣла? Развѣ не пересылала съ Устиньей: „да! любъ!“? Голубка! птичка моя!“

И при воспоминаніи о прежнемъ счастьѣ, еще сильнѣе закипала горечь въ сердцѣ Звѣрева.

Цѣлую ночь бродилъ онъ по пустыннымъ улицамъ, размышлялъ и пришелъ къ одному рѣшенію:

— Надо покинуть Москву, уѣхать, уѣхать далеко. Среди новыхъ людей, за новой работой, на новыхъ мѣстахъ легче будетъ съ горемъ совладать. И ей, пташкѣ, будетъ полегче, когда не стану показываться ей на глаза, когда она будетъ знать, что я далеко, что назадъ возврата нѣтъ. Можетъ, разлюбитъ она? Горько это, но пусть Господь устроитъ, какъ лучше.

Дождавшись утра, бомбардиръ направился въ Посольскій приказъ и тамъ попросилъ записать его въ волонтеры при снаряжаемомъ посольствѣ.

О немъ было доложено царю. Государь, какъ-то дѣлая смотръ бомбардирской ротѣ, вызвалъ его изъ строя:

— Звѣревъ, ты просился въ валентеры. Знаю тебя, ты—парень дѣльный. Почему хочешь ѣхать?

— Хочу, царское величество, поучиться за моремъ уму-разуму.

— Учиться хочешь? Добро! Принимаю тебя.

Такимъ образомъ Звѣревъ попалъ въ „валентеры“.

VI.

Прощальный пиръ у великаго и полномочнаго посла „новгородскаго намѣстника“ Франца Яковлевича Лефорта, удался на славу. Его палаты были залиты огнями. Гремѣла музыка, кружились пары въ иноземной пляскѣ, плавно плыли въ менуэтѣ или порою лихо откалывали русскую.

Шуточный „патріархъ Кукуйскій“, Никита Моисеевичъ Зотовъ, какъ всегда, избралъ себѣ занятіе по сердцу: онъ помѣстился за заставленнымъ питіями и яствами столомъ и приглашалъ всѣхъ и каждаго опрокинуть чарочку за успѣхъ великаго посольства или за здоровье царскаго величества. Гости пили волей-неволей, и все шумнѣе, все веселѣе становилось въ чертогахъ царскаго любимца.

Царь былъ веселъ. Онъ шутилъ, смѣялся, опрокидывалъ чару вмѣстѣ съ другими гостями, ходилъ среди танцующихъ или сидѣлъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей и подтрунивалъ надъ тѣмъ или другимъ, и самъ-же хвалилъ ихъ, если ему остро отрѣзали въ отвѣтъ.

— Государь! — сказала красавица Анна Ивановна Монсъ, остановясь предъ царемъ.—Смотри, какъ здѣсь у тебя на Руси, весело живется. Зачѣмъ тебѣ ѣхать за море, если здѣсь такъ хорошо?

— Не все, Анна Ивановна, веселиться: дѣлу время—потѣхѣ часъ. Послѣ работы—веселье слаще. Надо поучиться, посмотрѣть, какъ люди за моремъ живутъ. Намъ вотъ весело, а инымъ—инымъ ой, какъ скучно! У насъ—эва яствъ, а у другихъ сухого хлѣба нѣтъ. Ну, вотъ и надо устроить такъ, чтобъ всѣмъ было весело, чтобъ всякій могъ, поработавъ, и повеселиться. А для этого надо поучиться: взять хорошее чужое, вмѣсто худого своего. А пока что, чтобъ намъ еще веселѣе стало, выпьемъ съ тобой чарочку вонъ того винца, что Зотовъ Рамодановскому наливаетъ.

— А если голова заболитъ? — улыбаясь спросила Монсъ.

— Не смѣетъ! Скажи ей: царь не велѣлъ.

Красавица разсмѣялась и протянула руку за кубкомъ.

— Ты всегда, царь, сумѣешь на своемъ поставить!—воскликнула она.

— На то я и царь.

Едва успѣлъ Петръ Алексѣевичъ осушить свою чарку, какъ къ нему подошелъ Лефортъ и тихо доложилъ:

— Тамъ пришли какихъ-то двое стрѣльцовъ и просятся предъ твои пресвѣтлыя очи.

— Что имъ надо? — съ легкимъ неудовольствіемъ спросилъ государь.

— Спрашивалъ я. Говорятъ, что дѣло важное и одному тебѣ скажутъ.

— Ну, дѣлать нечего, веди меня къ нимъ.

Лефортъ провелъ государя въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ дома, гдѣ его дожидались стрѣльцы. При входѣ царя, они упали ницъ и закричали:

— Помилуй, царь-батюшка! Дозволь правду молвить.

— Встаньте! — приказалъ Петръ Алексѣевичъ, не любившій земныхъ поклоновъ. — Кто вы такіе и что у васъ за дѣло?

— Я—пятисотенный Стремяннаго стрѣлецкаго полка Ларіонъ Елизарьевъ,—заговорилъ одинъ изъ стрѣльцовъ,—а онъ—пятидесятникъ того-жъ полка Силинъ, Гришутка. А дѣло, по коему мы пришли, столь страшное, что и вымолвить не знаемъ какъ.

— Злоумышленье на твою жизнь, государь-царь!—воскликнулъ пятидесятникъ.

— Да вы правду говорите? Не хотите обнести кого-нибудь по злобѣ?—спросилъ Петръ.

— Какъ предъ Истиннымъ говоримъ!—воскликнулъ Елизарьевъ.—Думный дворянинъ Иванъ Цикперъ подговаривалъ насъ и иныхъ изъ нашей братьи.

— Злодѣй теперь собралъ у себя кой-кого. Прикажи, царь, взять злодѣя!—прибавилъ Силинъ.

— Хорошо, все устрою,—произнесъ царь.—Сказали вы правду — будетъ вамъ большое спасибо, небылицу выдумали — ну, тогда не погнѣвайтесь. Ждите меня тутъ.

Государь снова прошелъ въ комнаты, сказалъ Лефорту, настолько громко, чтобы его могли слышать и другіе, что онъ ненадолго отлучится и чтобъ безъ него не прерывали пирушки, и удалился съ немногими своими приближенными.

Черезъ нѣсколько минутъ государь, въ сопутствіи

ихъ и стрѣльцовъ Силина и Елизарьева, уже несся на бойкой тройкѣ къ дому Циклера.

Въ домѣ Лефорта попрежнему гремѣла музыка и слышались веселые возгласы и смѣхъ пирующихъ.

* *
*

Стрѣльцы сказали правду: противъ государя, дѣйствительно, былъ злодѣйскій заговоръ, созрѣвшій, съ одной стороны, на почвѣ фанатической приверженности къ старинѣ, съ другой — на желаніи вернуть то своевольство, которое существовало во время правленія царевны Софіи Алексѣевны. Правдой оказалось и то, что заговорщики собрались въ домѣ Циклера.

Государь явилъ себя героемъ: онъ безстрашно вошелъ въ комнату, гдѣ совѣщались заговорщики, арестовалъ Циклера и увезъ въ Преображенское.

На допросѣ злодѣй сознался и выдалъ соумышленниковъ. Это были: окольничій Алексѣй Соковнинъ, его зять Федоръ Пушкинъ, казакъ Лукьяновъ, стрѣльцы Рожинъ и Филипповъ, свирѣпый вотчимъ Анюты: злоба и честолюбіе довели его до страшнаго дѣла.

4-го марта 1697 года состоялась въ Преображенскомъ лютая казнь „государевыхъ злодѣевъ“.

VII.

По первоначальному плану путешествія, великое посольство должно было прежде всего посѣтить Вѣну. Въ „цесарскую“ землю обыкновенно ѣздили или черезъ Кіевъ и Краковъ, или черезъ Смоленскъ, Вильну и Бреславль; однако, ни однимъ изъ этихъ путей посольство не могло направиться, такъ какъ при этомъ необходимо было пересѣчь Польшу, которая вся была охвачена волненіемъ вслѣдствіе выборовъ новаго короля на свободный, за смертью Яна III, польскій престолъ. Ѣхать въ такое время черезъ Польшу было не безопасно; потому представлялось болѣе удобнымъ объѣхать владѣнія Рѣчи Посполитой, и царь назначилъ путь на Псковъ, Ригу, Кенигсбергъ и Дрезденъ.

Послы выѣхали изъ Москвы на сборный пунктъ—село Никольское—9-го марта; на слѣдующій день покинулъ „стольный градъ“ и царь—отнынѣ превращавшійся въ простого дворянина Петра Михайлова. Государь хотѣлъ

соблюсти строжайшее инкогнито; посольской свитѣ было строго запрещено говорить о присутствіи среди нея царя; письма къ государю должны были адресоваться просто „Господину Петру Михайлову“; въ своихъ донесеніяхъ бояре и ближніе люди не смѣли упоминать царскій титулъ; царскія письма, присылаемыя изъ-за границы, снабжались обыкновенно сургучною печатью, на которой имѣлись изображеніе молодого плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями, и надпись: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую“. Число участниковъ посольства простиралось до двухсотъ пятидесяти.

22-го марта послы прибыли въ Псковъ черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ и Новгородъ, 25-го марта переѣхали шведскій рубежъ и только черезъ пять дней добрались до Риги; медленность происходила по винѣ шведскаго губернатора Далберга, который, несмотря на то, что былъ своевременно извѣщенъ о предстоящемъ прибытіи посольства, не позаботился приготовить ни подводъ, ни кормовъ.

Первая торжественная встрѣча, которою было почтено за моремъ великое посольство, была именно при въѣздѣ въ Ригу, но особенной пышностью не отличалась.

Государь остался доволенъ встрѣчею, но пребываніе въ этомъ городѣ вообще ему было очень тягостно вслѣдствіе подозрительности и недружелюбія шведскаго губернатора, который не только не старался доставить какое-либо удовольствіе высокому гостю (что въ числѣ свиты находится царь, объ этомъ онъ прекрасно зналъ), но, напротивъ, причинялъ непріятности.

Царь охотно покинулъ-бы Ригу, но, къ сожалѣнію, былъ задержанъ вскрытіемъ рѣки Двины. Когда государь захотѣлъ осмотрѣть крѣпость, шведскіе солдаты не пустили его.

— Ладно!—грозно промолвилъ на это Петръ Алексѣевичъ:—ужо осмотрю я ее и безъ вашей воли.

Русскіе оказались въ этомъ негостепріимномъ городѣ почти въ положеніи плѣнниковъ. Далбергъ запретилъ осматривать городскія укрѣпленія даже издали, въ зрительныя трубы. О томъ, какъ плохо жилось посольству въ Ригѣ, свидѣтельствуетъ письмо государя къ Виніусу, отправленное въ день переѣзда въ Митаву:

„Нет Vinius. Сегодня поѣхали отсель въ Митаву; а жили за рѣкою, которая вскрылась въ самый день Пасхи. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими, какъ стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся; а продаютъ втрое. Вѣстей иныхъ никакихъ нѣтъ. За симъ, предавъ васъ въ сохраненіе Богу, просимъ знакомымъ и однокумпанцамъ должное отдати поклоненіе. Piter.

„Изъ Риги апрѣля въ 8 день“.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ царь припомнилъ нанесенныя ему въ Ригѣ оскорбленія и непріятности, когда, осадивъ городъ, самъ кинулъ въ него три первыя бомбы; въ то время онъ написалъ князю Меньшикову: „Тако Господь Богъ сподобилъ намъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту“.

Совсѣмъ иначе принято было великое посольство въ Митавѣ. Владѣтель небольшой и небогатой Курляндіи встрѣтилъ гостей со всею пышностью, которыя позволяли ему средства, старался занять царя, чѣмъ и какъ могъ. Переѣхавъ изъ Митавы въ Либаву, царь отдѣлился отъ посольства: посламъ онъ приказалъ ѣхать въ Кенигсбергъ, къ курфюрсту бранденбургскому, сухимъ путемъ, а для себя съ волонтерами и 70 солдатами нанялъ купеческій корабль „Св. Георгій“, намѣреваясь отправиться на немъ туда-же, куда ѣхало и все посольство: царя манило грозное и бурное море Варяжское (Балтійское).

Противные вѣтры задержали корабль съ недѣлю въ Либавѣ. Здѣсь государь пересмотрѣлъ все, что могъ пересмотрѣть; онъ интересовался каждою мелочью, хоть нѣсколько заслуживающею вниманія. Такъ, напримѣръ, посѣтивъ аптеку, онъ увидѣлъ саламандру въ банкѣ со спиртомъ и вотъ что писалъ по этому поводу Виніусу:

*) Саламандрѣ приписывалось много чудесныхъ свойствъ; напримѣръ, несгораемость и свойство тушить огонь; многіе считали самое существованіе ея вымысломъ. «Саламандра,—пишетъ Памва Берында въ своемъ лексиконѣ:—«бестійка велика якъ ящорка, такъ зминна, же огнемъ жіетъ и пламень гаситъ».

„Здѣся я видѣлъ диковинку, что у насъ называютъ ложью: у нѣкотораго человѣка въ аптекѣ сулемандра, въ скляницѣ, въ спирту; я вынималъ его и въ рукахъ держалъ; слово въ слово таковъ, какъ пишутъ“*).

Наконецъ, 2-го мая „Св. Георгій“ вышелъ въ море и на другой день вечеромъ бросилъ якорь у прусской крѣпости Пилау, при входѣ въ Фришгафъ. Отсюда государь извѣстилъ курфюрста бранденбургскаго Фридриха III о своемъ прибытіи, изъявляя желаніе видѣться съ нимъ запросто. По приглашенію курфюрста, царь переѣхалъ въ Кенигсбергъ и остановился въ приготовленныхъ для него двухъ домахъ, въ лучшей части города, въ Кнейпгофѣ, на островѣ Прегеля. Камеръ-юнкеру фонъ Принцу, прикомандированному къ царю, было приказано Фридрихомъ заботиться, чтобы „московскій оберъ-командоръ“, какъ называли Петра Алексѣевича въ Кенигсбергѣ, ни въ чемъ не имѣлъ недостатка.

Послы прибыли въ Кенигсбергъ, недѣли полторы спустя послѣ государя.

Что-же дѣлалъ державный „валентеръ“, поджидая прибытія посольства? Чѣмъ онъ развлекался? Онъ учился: бралъ уроки артиллеріи у главнаго инженера прусскихъ крѣпостей, подполковника Штейтнера-фонъ-Штернфельда.

Волонтеръ Осипъ Звѣревъ, бродя отъ нечего дѣлать по городу, какъ-то зашелъ на его дальнюю окраину. Среди обширной пустоши онъ увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ въ военныхъ мундирахъ. Эти люди стояли у небольшой пушки, и одинъ изъ нихъ что-то объяснялъ другимъ. Бомбардиръ заинтересовался, подошелъ ближе и съ удивленіемъ различилъ въ группѣ царя Петра Алексѣевича. Замѣтивъ преображенца, государь сдѣлалъ ему знакъ подойти и, когда Звѣревъ приблизился, приказалъ:

— Ну-ка, Осипъ, наведи пушку вонъ на ту штуку.

Вдали виднѣлась небольшая мишень.

— Радъ стараться, — проговорилъ бомбардиръ, навелъ пушку на глазомѣръ и приложилъ фитиль.

Грянулъ выстрѣлъ. Ядро описало дугу въ воздухѣ и упало, взрывъ землю, не долетѣвъ до цѣли.

— Плохо, братъ. Вотъ что значитъ, не ученъ!—произнесъ Петръ.—Дай-ка я!

Онъ взялъ банникъ *). Ему хотѣли помочь заряжать, но онъ остановилъ:

— Нѣтъ, я самъ.

Собственноручно всыпалъ царь порохъ въ дуло орудія, самъ досталъ ядро изъ тачки, стоявшей тутъ-же, и забилъ зарядъ.

— Ну, теперь попробуемъ, благословясь. Въ прокъ-ли мнѣ пошло обученье, увидимъ,—промолвилъ царь, наводя пушку.

Высокій, бритый человѣкъ съ худощавымъ лицомъ, наблюдалъ за нимъ и шепталъ:

— Такъ! такъ! Хорошо!

Государь выстрѣлилъ. Ядро угодило въ самый центръ мишени.

— Прекрасно! Великолѣпный ученикъ!—воскликнулъ подполковникъ Штейтнеръ-фонъ-Штернфельдъ, въ восхищеніи хлопая по плечу державнаго артиллериста.

— Видѣлъ, какъ я наводилъ? — сказалъ государь бомбардиру.—Попробуй теперь снова!

Нѣсколько часовъ подрядъ длилось ученье. Царь, казалось, не зналъ устали; закоптѣлый отъ дыма, съ почернѣвшими отъ пороха руками, онъ терпѣливо выслушивалъ длинныя объясненія бранденбургскаго подполковника и больше догадывался о смыслѣ его рѣчей, чѣмъ понималъ ихъ, такъ какъ онѣ состояли изъ цѣлаго набора нѣмецкихъ, голландскихъ и латинскихъ словъ. Несмотря на это, уроки шли успѣшно и нѣмецъ былъ въ восхищеніи отъ понятливости и способностей своего великаго ученика. Въ государственномъ архивѣ хранятся собственноручныя замѣтки Петра Алексѣевича о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какъ попадать ядромъ въ данную точку: онѣ свидѣтельствуютъ, съ какимъ усердіемъ учился царь Петръ Алексѣевичъ.

О томъ, насколько былъ доволенъ учитель своимъ ученикомъ и какіе успѣхи онъ оказалъ, говоритъ „аттестатъ“, выданный государю. Приводимъ этотъ документъ дословно:

„Я, Генрихъ Штейтнеръ-фонъ-Штернфельдъ, Свя-

*) Банникомъ забивался зарядъ въ пушку у орудій стараго образца; его роль была та-же, что у ружейнаго шомпола.

щенной Римской имперіи благородный дворянинъ, его пресвѣтлости курфюрста Бранденбургскаго надъ главною и полевою артиллеріею благоучрежденный подполковникъ, надъ всѣми крѣпостями Прусскаго княжества верховный инженеръ, свидѣтельствую, что предъявитель сего, московскій кавалеръ, именемъ господинъ Петръ Михайловъ, въ минувшемъ году бывъ здѣсь, въ Кенигсбергѣ, благоизволилъ дать мнѣ знать, что желаетъ онъ изучить огнестрѣльнсе искусство, въ особенности метаніе бомбъ, каркасбвъ и гранатъ, подъ моимъ руководствомъ и наставленіемъ. Я тѣмъ охотнѣе согласился удовлетворить его желаніе, что видѣлъ въ немъ высокопохвальное рвеніе къ столь необходимому искусству, которымъ опытный офицеръ можетъ заслужить благосклонность высокихъ монарховъ, и при первомъ разговорѣ съ немалымъ удивленіемъ замѣтилъ, какая понятливая особа ищетъ моего содѣйствія. Начало предвѣщало доброе исполненіе, и я тѣмъ ревностнѣе, безъ потери времени, какъ здѣсь, въ Кенигсбергѣ, такъ и въ приморской крѣпости Пилау, ежедневно благоупомянутаго господина Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но и на практикѣ, частыми работами собственныхъ рукъ его, обучалъ и упражнялъ; въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ непродолжительное время, къ общему изумленію, онъ такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ; въ чемъ симъ свидѣтельствомъ явственно и непреложно удостовѣряю. Посему ко всѣмъ высшаго и низшаго званія, всякаго чина и состоянія лицамъ обращаю мое покорнѣйшее, подданнѣйшее, послушнѣйшее служебное и пріятное прошеніе, того прежде помянутаго господина Петра Михайлова признавать и почитать за совершеннаго, въ метаніи бомбъ осторожнаго и искуснаго огнестрѣльнаго художника, и ему, во вниманіе къ его отличнымъ свѣдѣніямъ, оказывать всевозможное вспоможеніе и пріятную благосклонность; за что я, со своей стороны, буду признателенъ. Для подлиннаго удостовѣренія сіе свидѣтельство я подписалъ собственною рукою и наивящше укрѣпилъ своею фамильною шляхетною вис-

лою печатью. Дано въ Кенигсбергѣ, въ Пруссахъ, 2-го сентября 1698 года"*)

* * *

18-го мая состоялся торжественный въѣздъ великаго посольства въ Кенигсбергъ. Встрѣча посламъ была приготовлена пышная.

Еще за милю до Кенигсберга встрѣтили привѣтствіемъ посольство генералъ кригсъ-комиссаръ Данкельманъ и церемоніймейстеръ Бессеръ и предложили посламъ пересѣсть въ карету курфюрста. По всѣмъ улицамъ, по пути слѣдованія пословъ, отъ Закгейма до Кнейпгофа, были разставлены въ два ряда войска.

Шествіе открывалъ придворный конюшій, за которымъ вели девять верховыхъ лошадей подъ дорогими чепраками; далѣе слѣдовали: три роты конной лейбъ-гвардіи, съ трубачами и литаврщиками, подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Теттау; двадцать девять придворныхъ, министерскихъ и городскихъ экипажей; придворные берейторы вели семнадцать англійскихъ лошадей подъ попонами, шитыми серебромъ и золотомъ; двѣнадцать прусскихъ пажей со своимъ гофмейстеромъ, верхомъ, имѣя на шляпахъ бѣлыя перья; верхомъ-же шесть посольскихъ пажей въ красныхъ нѣмецкихъ кафтанахъ; шесть посольскихъ калмыковъ съ луками и колчанами со стрѣлами; сорокъ царскихъ солдатъ въ зеленыхъ русскихъ мундирахъ; съ солдатами шли шесть трубачей; тридцать посольскихъ волонтеровъ верхомъ, въ зеленыхъ кафтанахъ русскаго кроя, съ серебряными нашивками; восемнадцать прусскихъ трубачей и литаврщиковъ; кавалеры бранденбургскаго двора верхомъ; посольскіе служители въ красныхъ нѣмецкихъ кафтанахъ съ серебряными галунами; двѣнадцать московскихъ гайдуковъ въ красныхъ венгерскихъ кафтанахъ, съ кованными изъ серебра на груди гербами; въ рукахъ они несли серебряные „обухи"; двадцать четыре придворныхъ лакея въ голубыхъ ливреяхъ съ кружевами.

---

*) Подлинникъ написанъ на пергаментѣ, на нѣмецкомъ зыкѣ, красивымъ почеркомъ, за подписью: H. Steitner von Sternfeld. Этотъ аттестатъ былъ присланъ государю, когда онъ вернулся въ Москву.

Наконецъ, въ каретѣ курфюрста ѣхали послы; одѣты они были въ русскіе кафтаны и высокія шапки съ брилліантовыми двуглавыми орлами; по обѣимъ сторонамъ кареты шли двѣнадцать драбантовъ съ вызолоченными алебардами.

Шествіе заключали въ десяти придворныхъ экипажахъ посольскіе дворяне и четыре карла.

Едва послы показались въ воротахъ Закгейма, грянулъ троекратный пушечный залпъ съ городскихъ валовъ и съ крѣпости Фридрихсбурга.

Войска и вооруженные граждане, выстроенные по пути, отдавали честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ.

День былъ ясный; солнце тысячами искръ разсыпалось на золотомъ и серебряномъ шитьѣ, на самоцвѣтныхъ камняхъ. Толпы народа покрывали улицы, крыши домовъ. Всѣ любовались великолѣпнымъ зрѣлищемъ, и никто не обращалъ вниманія на высокаго молодого человѣка, одѣтаго въ простой нѣмецкій кафтанъ, стоявшаго въ толпѣ рядомъ съ подполковникомъ фонъ-Штернфельдомъ и смотрѣвшаго на шествіе изъ-за спины солдатъ бранденбургской пѣхоты, отдававшей честь посламъ. Никому и въ голову не могло придти, что это—не кто иной, какъ самъ великій царь „всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси“.

Въ этотъ-же день, вечеромъ, пословъ чествовали великолѣпнымъ ужиномъ, а черезъ два дня они были приняты въ аудіенціи курфюрстомъ Фридрихомъ III.

Ауділнція была обставлена не менѣе пышно, чѣмъ въѣздъ посольства въ городъ. Послы, облачившись въ парчевые русскіе кафтаны, унизанные жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, съ брилліантовыми пуговицами, и въ „горлатныя“ шапки съ алмазными двуглавыми орлами, отправились во дворецъ въ парадной каретѣ курфюрста. Впереди ѣхали верхомъ посольскіе калмыки, за ними сорокъ московскихъ солдатъ, по два въ рядъ, несли царскіе „любительскіе поминки“: 10 сороковъ и 12 паръ „соболей добрыхъ“, 30 косяковъ китайской камки, 5 кусковъ золотой и серебряной парчи персидской, 2 горностаевыхъ мѣха. За солдатами слѣдовали сорокъ московскихъ волонтеровъ, со своимъ командоромъ княземъ Черкасскимъ во главѣ; далѣе 14 экипажей съ посольскими дворянами и бранденбургскими

кавалерами. За ними ѣхали верхомъ секретарь посольства Петръ Лефортъ съ царскою „вѣрющею“ грамотою въ красной тафтѣ, и послы съ двумя переводчиками въ каретѣ, окруженной гайдуками.

Курфюрстъ ждалъ пословъ, сидя на тронѣ подъ балдахиномъ. Онъ былъ одѣтъ въ красную бархатную одежду и шляпу съ рыцарскимъ знакомъ. Нарядъ курфюрста сверкалъ тысячами брилліантовъ. По правую руку Фридриха III, близъ трона, стояли маркграфъ Альбрехтъ и герцогъ Голштинскій, немного далѣе—фельдмаршалъ Барфусъ; по лѣвую—оберъ-президентъ баронъ Данкельманъ; сзади министры и вельможи; впереди по обѣимъ сторонамъ зала—придворные чины.

При входѣ пословъ курфюрстъ всталъ съ трона и снялъ шляпу; они поклонились ему „рядовымъ поклономъ“. Лефортъ началъ на русскомъ языкѣ рѣчь, исчисляя полный царскій титулъ. Его голосъ звучалъ торжественно среди глубокаго молчанія присутствующихъ; курфюрстъ внимательно слушалъ, слегка склонивъ голову.

Солнце косыми лучами проникало въ великолѣпный аудіенцъ-залъ, золотило стѣны и бросало отсвѣтъ на курфюрста, заставляя сіять его брилліанты; Фридрихъ казался могущественнымъ, великолѣпнымъ полубогомъ.

А въ это время другой владыка, одно воеводство котораго могло вмѣстить нѣсколько курфюрствъ Бранденбургскихъ, одиноко сидѣлъ у стола, заваленнаго бумагами и книгами, и записывалъ по памяти наставленія своего учителя.

Государь учился, но еще не считалъ своихъ занятій серьезными: онъ думалъ о большемъ; не для того онъ пустился въ далекое странствованіе, чтобы изучить метаніе бомбъ, составъ пороха и т. п.: это онъ могъ узнать и въ Москвѣ, выписавъ изъ-за моря опытнаго учителя. Иной науки хотѣлъ онъ: хотѣлъ знанія корабельнаго дѣла. Его сердце горѣло нетерпѣніемъ приняться за работу, за трудную, но полезную, и все чаще и чаще его мысль обращалась къ Голландіи, къ этой колыбели славныхъ корабельныхъ мастеровъ.

Среди пиршествъ и увеселеній, которыми курфюрстъ чествовалъ и развлекалъ высокаго гостя, царь съ тоскою думалъ, сколько еще предстоитъ такихъ пировъ

и забавъ, прежде чѣмъ ему доведется отдаться труду и ученью.

„Если курфюрстъ можетъ меня такъ угощать да веселить, стало быть, цесарь и тѣмъ паче,—думалъ Петръ Алексѣевичъ.—Не лучше-ль веселье-то на послѣ отложить, а теперь поскорѣй за работку?“

Подъ вліяніемъ такихъ размышленій созрѣло крутое рѣшенье царя: отложить поѣздку въ цесарскую землю и напрямикъ отправиться въ Голландію.

Вслѣдствіе такого рѣшенія къ Нидерландскимъ штатамъ была послана оповѣстительная грамота объ отправленіи къ нимъ, „по древней дружбѣ“, великихъ и полномочныхъ пословъ россійскихъ.

Покинувъ 10-го іюня Кенигсбергъ вмѣстѣ съ послами, царь проѣхалъ съ ними до города Люнена, на рѣкѣ Липпе, въ графствѣ Маркъ; здѣсь онъ съ немногими волонтерами (въ числѣ ихъ былъ и Звѣревъ) отдѣлился отъ посольства и поспѣшилъ къ предѣламъ завѣтной Голландіи.

Вскорѣ по Нидерландамъ, а потомъ по всему цивилизованному міру пронеслась поразительная вѣсть: въ числѣ корабельныхъ плотниковъ на голландскихъ верфяхъ находится царь Московіи!

VIII.

На сѣверо-западъ отъ Амстердама, за заливомъ Эй, лежали мѣстечки Саардамъ или, по нынѣшнему произношенію, Зандамъ*), Кога, Остъ-и Заненъ, Зандигъ, славившіяся въ концѣ XVII столѣтія обширнымъ кораблестроеніемъ. Тамъ было не менѣе пятидесяти верфей, на которыхъ работы производились и днемъ, и ночью. Здѣсь строились преимущественно китоловныя суда и небольшія купеческія, суда-же болѣе крупныя и военныя строились на верфяхъ въ самомъ Амстердамѣ.

На одной изъ саардамскихъ верфей нашелъ себѣ работу и нашъ старый знакомецъ, кузнецъ Герритъ Кистъ, приведшій въ исполненіе свое намѣреніе переселиться изъ Московіи обратно на родину. Онъ жилъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ всего

*) Saandam.

изъ двухъ комнатъ, одну изъ которыхъ занималъ самъ съ женою, а другую сдавалъ внаемъ вдовѣ поденщика.

8-го августа 1697 года, несмотря на то, что день былъ воскресный и на работу идти не было надобности Герритъ поднялся рано.

— Чего ты?—спросила жена.

— Пойду рыбу ловить... Угри идутъ. А ты, Ниль, подготовь чего-нибудь закусить къ моему возвращенію.

Онъ собралъ снасти, закурилъ трубку и ушелъ. Вскорѣ его лодочка уже качалась на волнахъ близъ Форзана, въ Керкеракѣ.

Утро было ясное, тихое. Волны едва колыхались, сверкая серебромъ подъ лучами солнца.

„Ловъ будетъ хорошъ!"—подумалъ Кистъ.

Однако, его ожиданія не оправдались: ловля шла вяло, и по мѣрѣ того, какъ проходило время, кузнецъ становился все сумрачнѣе.

„Эхъ,—думалъ онъ:—и тутъ неудача. Думалъ наловить, продать... Нужны деньги, ой, какъ нужны! Бѣдность совсѣмъ заѣла. Зачѣмъ уѣхалъ я изъ Московіи? Бить меня мало! Жилось хорошо, царь меня ласкалъ... Вздумалось-же вернуться сюда. Родина-то родина, да живется на ней плохо. Эхъ-эхъ! "

Онъ выколотилъ и снова набилъ трубочку и сталъ ее раскуривать, вглядываясь въ даль. Прямо на него шелъ, погоняемый ровнымъ легкимъ вѣтромъ, небольшой ботъ.

„Изъ Амстердама идетъ... Вѣрно, ночью вышелъ. Почему такая спѣшка?" — подумалъ Кистъ, но вскорѣ пересталъ интересоваться ботомъ—мало-ли по заливу плаваетъ судовъ—и вновь принялся за ловитву.

Ботъ, между тѣмъ, приблизился и съ него раздался возгласъ:

— Кистъ! Герритъ Кистъ!

Кузнецъ поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на ботъ. А оттуда снова послышался звучный окликъ на плохомъ голландскомъ языкѣ:

— Кистъ! Камрадъ! Развѣ не узнаешь?

Герритъ увидѣлъ высокаго мужчину, одѣтаго, какъ вообще одѣвались голландскіе плотники, въ бѣлыя холстинныя шаровары, красную фризовую куртку, лакированную шляпу.

— Не узнаешь?—спросилъ мужчина.

Кузнецъ узналъ, но не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Его лицо выражало величайшее изумленіе, онъ буквально онѣмѣлъ: этотъ плотникъ былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ не на кого другого, какъ на самого московскаго царя.

— Приставай къ боту да лѣзь сюда, старый пріятель!—предложилъ Петръ.

Герритъ машинально повиновался и вскорѣ уже стоялъ предъ царемъ на палубѣ бота, все еще сомнѣваясь, не во снѣ-ли онъ видитъ это. И, только когда царь похлопалъ его по плечу и крѣпко пожалъ мозолистую руку, Кисть вернулъ себѣ даръ слова и воскликнулъ:

— Боже мой! Ты... ты, царь московскій! въ такой одеждѣ, здѣсь...

— Тсс! Это нельзя говорить!—промолвилъ государь, погрозивъ ему.—Никто это не долженъ знать. Я хочу работать, какъ простой корабельный плотникъ... Что я—царь, объ этомъ никто не долженъ знать. Ты гдѣ живешь?

— Въ Саардамѣ, на Кримпѣ *).

— Отлично. Я у тебя и поселюсь! — произнесъ Петръ.

— У меня! Ваше величество!.. У меня бѣдность. Развѣ можно тебѣ у меня? У меня и домикъ невеликъ, и мѣста нѣтъ. Половину дома жилицѣ сдаю.

— Скажи, чтобы выѣхала!—сказалъ Петръ.

— Деньги съ нея получены.

— Верни ихъ. Я заплачу, сколько она захочетъ.

Ботъ, между тѣмъ, приставалъ къ берегу.

— Ужъ, право, не знаю. Даже и подумать страшно: великій царь — въ моей каморкѣ! — воскликнулъ кузнецъ.

— Ты опять за свое!—съ неудовольствіемъ промолвилъ Петръ Алексѣевичъ. — Сказано, держи языкъ за зубами. Ну, бѣги къ своей жилицѣ да пусть она поскорѣй съѣзжаетъ.

Судно причалило. Герритъ съ такою прытью, на ка-

*) Одно изъ наиболѣе глухихъ мѣстъ города, въ западной его части.

кую былъ способенъ, бросился бѣгомъ къ себѣ, забывъ и про лодку, и про наловленныхъ угрей, а московскій царь со своими сопутниками зашелъ въ ближайшій „гербергъ“—трактиръ, носившій названіе „Выдра“.

Присѣвъ перекусить со своими спутниками, царь спокойно дожидался возвращенія кузнеца. Кистъ не замедлилъ вернуться сіяющимъ.

— Уступила комнату за семь гульденовъ отступного,—доложилъ онъ.

— Семь гульденовъ, такъ семь, дадимъ ей! — сказалъ царь-плотникъ. —Пойдемъ къ тебѣ. Надо вотъ и моихъ товарищей гдѣ-нибудь размѣстить.

— Найдемъ и для нихъ!—произнесъ Кистъ.

— Ну, идемъ къ тебѣ!

Когда они выходили, предъ входомъ герберга уже стояла порядочная толпа.

Дѣло въ томъ, что хотя царь былъ одѣтъ, какъ голландскій плотникъ, зато его сопутники оставались въ національныхъ русскихъ нарядахъ; они-то и привлекли вниманіе голландцевъ.

— Чего имъ надо?—спросилъ государь Геррита.

— Дивятся, что за незнаемые люди.

— Скажи имъ, что мы—простые русскіе плотники, пріѣхавшіе искать заработковъ.

Вдова поденщика, получивъ условленную плату, незамедлила очистить помѣщеніе, и въ задней части дома Киста, гдѣ ранѣе жила она, поселился „державный плотникъ“, царь Петръ Алексѣевичъ *).

---

*) Домикъ, въ которомъ жилъ въ Саардамѣ царь Петръ Алексѣевичъ существуетъ до сихъ поръ. Долгое время онъ былъ въ запущеніи; голландцы забыли, жилищемъ кого служила эта хижина; напр., въ подробномъ описаніи Амстердама и его окрестностей, изданныхъ Вагенаромъ въ 1760—1767 гг. (Amsterdam in zyne opkomst, aanwas, geschiedenissen) о домикѣ Петра Великаго вовсе не упоминается. Только въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія вспомнили о жилищѣ державнаго плотника. Въ это время его посѣтили и осматривали императоръ австрійскій Іосифъ II, король шведскій Густавъ III, великій князь Павелъ Петровичъ. Въ 1811 году его посѣтилъ императоръ Наполеонъ съ Маріею-Луизою; черезъ три года побывалъ въ знаменитомъ домикѣ побѣдитель Наполеона, императоръ Александръ Павловичъ: онъ собственными руками вставилъ въ стѣну надъ очагомъ мраморную доску съ надписью «Petro Magno Alexander, 1814» и тогда-же положилъ первый

На слѣдующій день, рано утромъ въ понедѣльникъ, царь купилъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничьи инструменты и записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге въ Бейтензанѣ. Съ этихъ поръ онъ ежедневно отправлялся съ восходомъ солнца на работу, и, вдоволь потрудившись, заходилъ въ какой-нибудь гербергъ перекусить, а иногда навѣщалъ семейства плотниковъ, уѣхавшихъ на работы въ Москву.

Какъ-то зайдя мимоходомъ въ убогой домикъ Маріи Гитмансъ, царь сказалъ хозяйкѣ:

— Я тебѣ поклонъ привезъ изъ Москвы отъ твоего сына Томаса.

— Да что ты! Здоровъ-ли онъ?

— Здоровъ и хорошо работаетъ. Мы съ нимъ пріятели.

— Пріятель моего сына. Куда-же ты, мастеръ? Посиди!

— Тороплюсь еще сегодня поработать.

— Ахъ Боже мой! такъ хоть выпей стаканчикъ джина.

— Позволь!

Царь осушилъ стаканъ за здоровье хозяйки и удалился, оставивъ ее недоумѣвать, кто былъ онъ, этотъ русскій плотникъ, не похожій на другихъ людей.

Между тѣмъ, слухи, что высокій московитъ—вовсе не простой плотникъ, за котораго себя выдаетъ, уже начинали усиленно распространяться. Государь разсѣивалъ ихъ, насколько могъ.

— Московитъ!—спросила его какъ-то Анта Метье,—не видалъ-ли ты въ Московіи моего мужа?

кирпичъ при закладкѣ каменнаго навѣса надъ домикомъ, который сооружался великою княгинею Анною Павловною, королевою нидерландскою. 17-го апрѣля 1839 года жилище державнаго плотника посѣтилъ императоръ Александръ II, въ то время бывшій еще государемъ цесаревичемъ. При этомъ посѣщеніи Жуковскій написалъ на стѣнѣ карандашемъ слѣдующіе стихи, послѣ покрытые стекломъ:

«Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей.
Здѣсь родилась великая Россія».

— Какъ-же! Я хорошо знакомъ съ нимъ. Онъ—добрый мастеръ; я рядомъ съ нимъ строилъ корабль.

— Будто-бы и ты — плотникъ, въ самомъ дѣлѣ? — замѣтила голландка, недовѣрчиво покачавъ головой.

— Конечно, плотникъ, а то кто-же? — отвѣтилъ государь.

Чаще другихъ посѣщалъ Петръ Алексѣевичъ вдову искуснаго мастера Класа Мунна, умершаго въ Москвѣ.

Незадолго передъ прибытіемъ государя въ Саардамъ она получила отъ имени русскаго царя пятьсотъ гульденовъ въ подарокъ за полезную службу мужа. При первомъ посѣщеніи державнымъ плотникомъ ея жилища она, вѣря, подобно многимъ, что онъ—„знатный московскій господинъ“, а, можетъ быть —о чемъ толковали все усиленнѣе—и самъ царь, просила его, по возвращеніи въ Московію, передать при случаѣ Царскому Величеству ея горячую благодарность. Государь съ удовольствіемъ согласился передать ея слова московскому царю и охотно принялъ ея предложеніе отобѣдать у ней.

Кромѣ посѣщеній семействъ знакомыхъ плотниковъ, свободное отъ работъ время царь отдавалъ прогулкамъ по заливу на пріобрѣтенномъ имъ яликѣ, а позже на буерѣ, или осматривалъ различные саардамскіе заводы и фабрики. Вездѣ онъ внимательно осматривалъ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровъ, нерѣдко ставилъ ихъ втупикъ своими вопросами и не оскорблялся, получая отъ нихъ иногда грубые отвѣты. Иногда царь самъ принимался за дѣло и тогда обнаруживалъ свои геніальныя способности.

Какъ-то онъ заглянулъ на бумажную мельницу, подъ вывѣской „Поваръ“. Нѣкоторое время онъ внимательно приглядывался къ работѣ мастера, потомъ попросилъ у него формы, черпнулъ изъ чана, наполненнаго бумажною массою, и выкинулъ листъ, превосходившій по своему совершенству издѣлія самого мастера.

Петръ ничего не оставлялъ безъ своего вниманія: онъ осматривалъ лѣсопильни и маслобойни, бумагопрядильни и сукновальни. Никакою работою онъ не брезгалъ: такъ, въ Зандикѣ онъ помогалъ рабочимъ въ постройкѣ крупчатки купца Кальфа.

IX.

Богатый амстердамскій купецъ Максъ Керрингъ, пріѣхавъ въ домъ своей сестры Марты, жены крупнаго коммерсанта Яна Ренсенаса, въ Амстердамѣ, торжественно объявилъ:

— Ну, и сообщу-же я вамъ новость!

— Какая новость? Да говори скорѣй, дяденька! — воскликнула его хорошенькая бѣлокурая, голубоглазая племянница Іоганна, нетерпѣливо топнувъ ножкой.

— Въ самомъ дѣлѣ, что такое?—спросилъ Янъ.

— А вотъ сейчасъ скажу.

Керрингъ медленно прошелъ въ комнату, флегматично набилъ трубочку, сѣлъ въ кресло, закурилъ и, изобразивъ на кругломъ, гладко бритомъ, добродушномъ лицѣ хитрую улыбку, произнесъ:

— Угадайте-ка! Ну-ка, Іоганна, ты, вѣдь, больно шустрая.

— У! дядя, нехорошій!

На этотъ разъ къ Іоаннѣ присоединилась и ея сестра, Гертруда — высокая, полная, красивая дѣвушка.

— Дядя! говори-же!

Ее поддержалъ женихъ Томъ Риксенъ—молодой человѣкъ, съ довольно заурядным лицомъ и медленными движеніями,—сказавъ:

— Ну, мастеръ Керрингъ, чего вы тянете!

Максъ пыхнулъ трубочкой и сказалъ:

— Вы всѣ, конечно, слышали, что въ Саардамѣ работаетъ на верфяхъ, какъ простой плотникъ, какой-то знатный московитъ? Да? Ну, такъ я вамъ говорю, что это—не иной кто, какъ самъ государь московскій.

— Да что вы?! Быть не можетъ! Пустяки болтаютъ!— раздались возгласы.

— А что это такъ-же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Керрингомъ, я вамъ это докажу, — продолжалъ купецъ.—Я разскажу все толкомъ, по порядку. Во-первыхъ... Іоганна! загни палецъ.

— Во-первыхъ, дядя...

— Случилось такое происшествіе. Этотъ „знатный московитъ“, какъ вы его называете, поработавъ, по своему обыкновенію, на верфи Линста Рогге, пошелъ

домой, по дорогѣ купилъ себѣ сливъ и кушалъ на-ходу. Къ нему пристали мальчишки: „Дай сливъ, дя-денька!“. Онъ кому далъ, а кого поддразнилъ... Разо-зленные мальчишки стали кидать камнями и грязью, къ нимъ пристали и многіе рабочіе — а вы знаете, какой это буйный народъ! — и, не разобравъ, въ чемъ дѣло, а слыша только жалобы мальчугановъ, что мо-сковитъ ихъ обидѣлъ, тоже стали бросать камнями... Кидали издали, потому что поближе подойти къ раз-серженному московиту было не безопасно: онъ силы непомѣрной.

— Пока мы еще не видимъ, что это — московскій царь,—замѣтилъ Янъ.

— А вотъ слушай дальше. Ну-съ, дѣло кончилось тѣмъ, что отъ града камней и грязи московиту при-шлось укрыться въ гербергѣ „Трехъ Лебедей“. Онъ сѣлъ тамъ пить чай и велѣлъ позвать къ себѣ бургомистра. Слыхали-ль вы, чтобы простые плотники могли требо-вать къ себѣ бургомистра? А? Услышалъ народъ объ этомъ и струхнулъ. „Ай!—подумали,—это—не простой плотникъ!“. А тутъ еще кто-то сказалъ, что, можетъ, это—самъ царь московскій; замѣчу мимоходомъ, что слухъ объ этомъ ужъ ходилъ. Буяны и совсѣмъ стру-сили. Между тѣмъ, нашелся шкиперъ, бывавшій въ городѣ Архангельскѣ и тамъ видавшій московскаго государя. Шкиперъ зашелъ въ гербергъ, взглянулъ на московита и вернулся перепуганный! „Точно,—ска-залъ онъ,—это—самъ царь; я хорошо знаю его въ лицо“.

Максъ Керрингъ помолчалъ, раскурилъ трубку, об-велъ присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ и продолжалъ:

— Вотъ-съ вамъ во-первыхъ. А теперь во-вторыхъ.. Загни второй палецъ, Іоганна! Бургомистръ поспѣшно пріѣхалъ, разспросилъ, въ чемъ дѣло... Ну-съ, и по-слѣ сего городская управа издала такое объявленіе: вотъ, читайте.

Онъ досталъ листокъ бумаги. Томъ Риксенъ взялъ ее и прочелъ:

— „Бургомистръ, съ прискорбіемъ узнавъ, что дерз-кіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и каменьями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ быть здѣсь

неизвѣстными, строжайше воспрещаетъ подобное своевольство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ослушники будутъ отсылаемы къ благородному господину бальи. О чемъ объявляется всѣмъ и каждому, въ предостереженіе отъ наказанія и стыда".

— Тутъ говорится объ иноземцахъ, а не объ одномъ, —сказала Марта.

— Это вѣрно, сестра,—отвѣтилъ Янъ,— объявленіе ничего не доказывало-бы, если-бъ послѣ этого вблизи дома, гдѣ живетъ тотъ московитъ, не была поставлена стража для охраны отъ назойливыхъ любопытныхъ. Теперь, въ третьихъ. Одинъ саардамскій плотникъ, работающій нынѣ въ Москвѣ, прислалъ своему отцу въ Саардамъ письмо, въ которомъ сообщаетъ, что въ Голландію отправилось великое московское посольство, въ свитѣ котораго скрывается самъ царь, а узнать его легко по высокому росту, по легкому трясенію головы, по размахиванію правой рукой и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ плотника прочелъ это своему пріятелю, цырульнику Помпу, а черезъ нѣкоторое время послѣ сего въ цырульню Помпа зашли московскіе плотники подстричься и у одного изъ нихъ оказались всѣ описанныя примѣты. Вамъ еще мало? У меня есть въ запасѣ кое-что еще получше, подостовѣрнѣе. Вы, вѣдь, всѣ знакомы съ Адольфомъ Гоутманомъ? Да? Ну, а я, Янъ и Томъ хорошо знаемъ и его главнаго приказчика Якова Избрандеса. Надо замѣтить, что у Гоутмана въ Архангельскѣ есть свой домъ, въ которомъ онъ имѣлъ честь принимать московскаго царя. Тамъ-же видѣлъ государя и Яковъ. Ну-съ, когда пошли слухи, что въ Саардамѣ скрывается подъ видомъ плотника царь, Адольфъ пожелалъ ихъ провѣрить и приказалъ Избрандесу съѣздить взглянуть на московскаго плотника. Приказчикъ съѣздилъ и вернулся въ Амстердамъ съ извѣстіемъ, что плотникъ—несомнѣнно, царь московскій. Тогда въ Саардамъ поспѣшилъ самъ Гоутманъ съ другомъ своимъ Іонгомъ. Они встрѣтили московца одѣтымъ въ простую матросскую куртку и мастерившимъ бугшпритъ у буэра. „Вы-ли это, ваше величество?!"—воскликнули они.—„Вы сами видите",—отвѣтилъ царь, а потомъ позвалъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ. Ну, вотъ вамъ. Теперь повѣрите?

— Невѣроятно, но надо вѣрить,—сказалъ Янъ.

— Это похоже на сказку. Просто чудеса творятся!—воскликнулъ Ренсенасъ, измѣнивъ на время своему обычному хладнокровію.

— Какъ хотѣла-бы я посмотрѣть на этого царственнаго плотника!—мечтательно проговорила Іоганна.

— Я-бы тоже хотѣла,—сказала Гертруда.

— Ну, племянницы!—смѣясь, воскликнулъ Максъ Керрингъ:—вы должны будете расцѣловать вашего стараго дядю. Знаете-ли, зачѣмъ я пріѣхалъ? Я хочу просить вашего отца отпустить васъ со мною въ Саардамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Янъ. Видишь-ли, я собираюсь ѣхать туда: мой пріятель Крафтъ построилъ тамъ корабль, послѣзавтра судно будутъ перетаскивать изъ Биннезана въ Форзанъ *); народа соберется много, вѣрно, и московскій царь прибудетъ посмотрѣть на невиданное зрѣлище. Пусти со мной Іоганну и Гертруду!

Марта запротестовала.

— Ой! нѣтъ!—воскликнула она,—безъ себя боюсь дочекъ пустить.

— Пусть лучше дома остаются,—сказалъ Янъ.

— И что интереснаго? Я-бы такъ не поѣхалъ,—вяло замѣтилъ Томъ Риксенъ.

— Тебя и не зовутъ,—холодно промолвила его невѣста и добавила:—папа! Мама! пустите!

Іоганна тоже стала упрашивать.

— Марта, неужели ты со мной боишься пустить дочекъ?—спросилъ Максъ.

— Я вообще боюсь. Мало-ли что можетъ случиться въ пути!—отвѣтила Марта.

---

*) Заландскія мѣстечки, гдѣ строились суда, были ограждены какъ и вся Голландія, отъ морскихъ волнъ плотиною вышиною въ 7 футовъ и шириною въ 150; въ этой плотинѣ были устроены шлюзы для прохода судовъ изъ такъ называемаго «внутренняго зана» (Биннезана) во «внѣшній зань» (Форзанъ), откуда они и направлялись въ заливъ. Однако, эти шлюзы не были достаточно широки и глубоки для прохода крупныхъ судовъ; поэтому построенные на Заландскихъ верфяхъ корабли большого размѣра приходилось поднимать на плотину, перетаскивать черезъ нее по особо устроенной деревянной настилкѣ и спускать въ Форзанъ. Этимъ дѣломъ занималась особая компанія.

— Помилуй! да, вѣдь, до Саардама близехонько, переѣздъ нѣсколькихъ часовъ. А имъ будетъ большое развлеченье. Ну, старики, сдавайтесь!

— Да, пожалуй, пусть ѣдутъ,—проговорилъ Янъ.

Іоганна захлопала въ ладоши и бросилась цѣловать родителей и дядю; на лицѣ Гертруды выразилось удовольствіе. Рикксенъ пожалъ плечами и надулся.

— Завтра мы часиковъ въ двѣнадцать отправимся. Былъ-бы только вѣтеръ попутный,—сказалъ Керрингъ.

— Ой! завтра пятница—тяжелый день,—замѣтила Марта.

— Э! у Бога всѣ дни равны,—сказалъ братъ.

На другой день, въ пятницу, 13-го августа по старому стилю, или 23-го по новому *) Максъ Керрингъ съ племянницами отправились въ путь.

Судно, на которомъ они плыли, принадлежало Керрингу и было очень невелико; для управленія имъ было вполнѣ достаточно рукъ самого хозяина и двухъ матросовъ—старика Питера и его сына Ганса.

Вѣтеръ былъ попутный, ровный. Судно быстро скользило по водѣ. Максъ съ довольнымъ видомъ потиралъ руки и говорилъ:

— Ну, племянницы, радуйтесь! Если дѣло пойдетъ такъ дальше, то черезъ четыре часика мы будемъ въ Саардамѣ.

Однако, дальше дѣло пошло не такъ. Небо стало хмуриться, вѣтеръ крѣпчалъ. По водѣ забѣгали „барашки“—бѣлые гребни волнъ. Керрингъ сталъ сумрачнѣе.

— Что, Питеръ,—спросилъ онъ матроса,—пожалуй, придется выдержать бурю.

Питеръ, приземистый старикъ съ угрюмымъ лицомъ, поглядѣлъ на воду, на небо и отвѣтилъ:

— Трепка будетъ хорошая.

Іоганна и Гертруда удалились въ каютку, а Максъ остался на палубѣ, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ усиливавшемуся шуму вѣтра въ снастяхъ. Вѣтеръ сдѣлался порывистымъ, стало изрядно покидывать.

Рулемъ правилъ Питеръ. Максъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Пусти-ка меня! Я самъ буду править.

---

*) Въ XVII столѣтіи разница была равна только 10 дней.

— Что-же, мнѣ не довѣряешь?—спросилъ старикъ съ угрюмой улыбкой.

— Жизнь племянницъ никому не довѣрю, кромѣ себя.

— Оно и лучше: случится что — не на кого будетъ пенять.

— Богъ дастъ, не случится!—сказалъ Керрингъ.

Питеръ отошелъ ворча.

Между старымъ матросомъ и хозяиномъ давно существовала вражда. Вѣрнѣе, она была только со стороны Питера, Керрингъ-же только холодно относился къ матросу; онъ давно-бы расчиталъ Питера, если-бы не цѣнилъ его знаній, какъ морехода. Что-же касается стараго „морского волка“, то онъ не могъ забыть обиду, которую нанесъ ему хозяинъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Угрюмый, злопамятный и мстительный старикъ терпѣливо выжидалъ случая отплатить.

Налетѣлъ шквалъ. Море закипѣло. Мачта согнулась и затрещала.

— Убрать скорѣй паруса!—закричалъ Керрингъ.

— Поди самъ убирай,—проворчалъ Питеръ, однако, позвалъ Ганса и сталъ возиться около парусовъ, но ни тотъ, ни другой, повидимому, не изъявляли охоты лѣзть на мачту.

— Скорѣе, скорѣе! Ради Бога!—кричалъ Керрингъ.

Сорванный вѣтромъ парусъ улетѣлъ, какъ громадная бѣлая птица.

— Вотъ и снимать не надо,—съ усмѣшкой проворчалъ старый матросъ.

Судно, подгоняемое шкваломъ, неслось, какъ бѣшеное.

Вдругъ раздался сильный толчокъ. Бугшпритъ высоко поднялся, корма осѣла. Судно остановилось, мачта съ трескомъ рухнула, веревки и канаты порвались, какъ нити. Волны захлестывали палубу.

— Мель!—въ ужасѣ воскликнулъ Максъ.

— Что? Направилъ?—съ язвительной улыбкой спросилъ Питеръ.

Іоганна и Гертруда блѣдныя выбѣжали на палубу.

— Дядя! мы тонемъ? Что съ кораблемъ, дядя?—со страхомъ спросили онѣ.

— Мои бѣдныя голубки!—воскликнулъ Керрингъ.—

Ахъ, я, старый дуракъ! какъ могъ я васъ подвергнуть опасности.

Онъ въ отчаяньѣ рвалъ на себѣ волосы.

Іоганна была близка къ обмороку, Гертруда была блѣдна, но не потеряла хладнокровія.

— Тамъ берегъ, дядя! — сказала она, показывая на темную полосу земли невдалекѣ.—Доберемся на лодкѣ.

— Да, да! на лодку!—сказалъ купецъ.—Быть можетъ, доберемся. Питеръ! Гансъ! спускайте лодку!

Но матросы и безъ хозяйскаго приказа уже спустили ее на воду, кинули весла; потомъ въ нее вскочилъ Гансъ, за нимъ Питеръ.

— Эй! что-же вы?—крикнулъ Керрингъ, видя, что старый матросъ багромъ отталкиваетъ лодку отъ судна.

Волна подхватила лодку и отбросила на нѣсколько футовъ.

— Ты сладко пожилъ, хозяинъ, я — плохо; тебѣ можно помирать, а мнѣ надо пожить, свое наверстать,— послышался голосъ Питера.

— Питеръ! Питеръ! Смилуйся хоть надъ этими бѣдными голубками!—воскликнулъ Керрингъ.

— Лодка мала. Возьмемъ ихъ — себя погубимъ. Прощай, хозяинъ! Не слѣдовало тебѣ обижать стараго Питера!—злобно крикнулъ старый матросъ, и черезъ нѣсколько минутъ лодка скрылась за волнами.

Валы били судно. Оно трещало по всѣмъ швамъ.

Керрингъ обнялъ племянницъ. Іоганна безсильно припала къ его плечу, обезумѣвшимъ взглядомъ смотря на бушующее море; Гертруда стояла выпрямившись; она была блѣдна, ея губы были сжаты, но во взглядѣ не было ужаса. Максъ стоялъ, прижимая ихъ къ сердцу. Отчаянье было написано на его лицѣ; длинные сѣдые волосы развѣвались по вѣтру, глаза были устремлены къ небу, губы беззвучно шевелились.

— Дядя! мы умремъ? Потонемъ? Дядя? О, дядя!— воскликнула Іоганна.

— Дитя! молись! Богъ, одинъ Богъ можетъ насъ спасти. Молись не за меня грѣшнаго, молись за себя. Ты чиста, твоей молитвѣ внемлетъ Господь, — прошепталъ Максъ.

Налетѣлъ новый бурный порывъ вѣтра. Громадный валъ поднялся и понесся къ судну.

— Боже! спаси ихъ!—воскликнулъ Керрингъ.

Валъ набѣжалъ, сорвалъ судно съ мели и снова опустилъ со страшною силою. Что-то треснуло. Слышно было, какъ въ трюмѣ забурлила вода.

— Пробоина... Конецъ, конецъ! О, мои бѣдныя пташки!—шепталъ несчастный купецъ.

Въ это время, какъ чудная музыка, прозвучалъ для нихъ полузаглушенный ревомъ бури голосъ, сказавшій на ломанномъ голландскомъ языкѣ:

— Крѣпитесь!.. Я сейчасъ...

Съ кормовой части судна къ нимъ приближалась лодка, ныряя въ волнахъ. Въ ней сидѣлъ только одинъ человѣкъ.

X.

Съ тѣхъ поръ, какъ была раскрыта тайна любви Осипа Ивановича Звѣрева къ княжнѣ Вѣрѣ, молодой бомбардиръ, этотъ жизнерадостный, бурно-веселый юноша сталъ неузнаваемъ. Какая-то струнка оборвалась въ его душѣ и весь міръ для него подернулся сѣренькой тѣнью. Онъ, человѣкъ XVII вѣка, обладалъ желѣзными нервами, желѣзною волею; онъ не сталъ рыдать, не сталъ покушаться на свою жизнь, какъ, быть можетъ, поступилъ-бы нашъ слабонервный современникъ; сломить этого богатыря, пожалуй, ничто не могло; несчастье и не сломило его, но поселило тихую, мучительно-безпрерывную тоску въ его сердцѣ. „Есть сумерки души“—и вотъ этими-то сумерками одѣлась его душа.

Звѣревъ сталъ равнодушенъ ко всему, ничто его не влекло, ничто не занимало. Чудеса европейской цивилизаціи, которыя видѣлъ онъ—сынъ темной Руси того времени,—не поражали его, равнодушнымъ взглядомъ онъ скользилъ по нимъ. Онъ работалъ до упада, старался „отводить душу“ въ „молодецкихъ“ пирушкахъ, но всюду, какъ змѣя у сердца, шевелилась дума объ утраченномъ счастьѣ.

Звѣревъ сознался, наконецъ, что ничто окружающее не можетъ отвлечь его отъ „змѣи-тоски,“ и пересталъ пытаться бороться съ нею. Онъ отдался ей и—странно устроена человѣческая натура!—сталъ находить наслажденіе въ томъ, чтобы бередить свою болящую рану.

Онъ вспоминалъ Вѣру, ея смѣхъ, голосъ, обрывки фразъ; его сердце рвалось отъ мукъ, а онъ нарочно продолжалъ усиленно вызывать въ своемъ воспоминаніи каждую мелочь, еще болѣе усиливающую его душевную муку.

Юноша сталъ избѣгать пріятелей и полюбилъ уединеніе. Познакомившись съ моремъ, онъ полюбилъ бурную водную стихію. Прибывъ въ Саардамъ, онъ на другой-же день купилъ яликъ и, чуть у него выдавалось свободное время, выбирался въ заливъ и носился по его простору.

Онъ не боялся бури, и, когда вокругъ него начинали закипать валы, его взглядъ прояснялся, мозолистыя, сильныя руки налегали на весла, и ялъ вихремъ летѣлъ въ перерѣзъ волнѣ. Въ ясную погоду на него умиротворяюще дѣйствовали баюканье тихихъ волнъ, ровный плескъ ихъ навѣвалъ сладко-грустное чувство, замѣнявшее щемящую тоску.

13-го августа, въ пятницу, рано управившись съ работой, Звѣревъ отпросился у своего „десятника“, т. е., у царя, „на волю“.

— Небось съ Хмельницкимъ баловаться станешь? —спросилъ государь.

— Нѣтъ. На лодочкѣ поплавать хочется!—отвѣтилъ Звѣревъ.

— Ну, это — доброе дѣло. Ступай! Только смотри: погода хмурится,—замѣтилъ Петръ.

— Не бѣда!—спокойно возразилъ бомбардиръ.

Когда Осипъ Ивановичъ выбрался въ заливъ, уже порядочно засвѣжѣло. Солнце скрылось. Повсюду, куда хваталъ глазъ, волны бѣлѣли. Бомбардиръ этимъ не смущался и размѣренными взмахами веселъ быстро удалялся отъ берега.

Подъ шумъ волнъ, подъ ровное покачиванье яла, подъ мѣрное постукиваніе веселъ объ уключины, неслись думы:

„Не угадаешь судьбы. Думалъ-ли я носиться вотъ эдакъ по морю, плотничать въ иновѣрной землѣ? И вотъ, пришлось. И гдѣ она теперь, Москва-то, гдѣ она, бѣлокаменная? И Москва далеко, и отчій домъ далекъ... А дальше всѣхъ—Вѣра. Въ Москву, Богъ дастъ, вернусь; можетъ, вернусь и въ отчій домъ, хоть и опа-

лился на меня отецъ, а вотъ ужъ къ Вѣрѣ, къ любимой моей, къ касаточкѣ не воротиться. Тутъ ужъ кончено. Не для меня—купеческаго сына, простого бомбардира—княжая дочь. Поди, выдадутъ тамъ ее за другого... Погорюетъ она да и привыкнетъ... А я, а я, что буду дѣлать, безсчастный? И какъ думать я могъ о ней, о княжей дочери? Зачѣмъ въ сердце доступъ далъ злой любви? Ишь вѣтеръ какъ покрѣпчалъ, пѣной такъ и кидаетъ. Ну, да пусть его крѣпнетъ: расходится непогода, такъ оно занятнѣе. Быть работѣ, такъ пока надо силъ пожалѣть".

Звѣревъ сложилъ весла и легъ на дно ялика.

„Въ тучахъ небо,—думалъ онъ, смотря на сѣрое небо.—Облака такъ и спѣшатъ. Куда? А куда судьба тянетъ. И у нихъ своя судьба: овому—пролиться дождемъ надъ полемъ, овому—разсыпаться надъ моремъ-окіяномъ, овому — растаять въ солнечномъ теплѣ. Судьба! И бѣгутъ облака, куда ихъ гонитъ, и нѣтъ имъ дѣла до насъ, и всѣ мы—ровня предъ ними... И надъ нами, и надъ ними—единъ Богъ. И въ Его рукахъ и наша, и ихъ судьба, и никто не перейдетъ Его законовъ. Стало быть, такъ надо было, чтобы быть мнѣ простымъ бомбардиромъ, а Вѣрѣ—княжеской дочерью. А вотъ не надо мнѣ было любить ее. Взялъ высоко, ну, крылья и осѣклись. Да развѣ сердцу прикажешь? И есть-ли вина на мнѣ?.. Можетъ, и есть, можетъ—и нѣтъ. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ высоко взялъ? Или судьба? А разумъ на что Господь далъ? Э-эхъ!".

Онъ прослѣдилъ за облакомъ.

„Бѣжитъ оно, не кручинится, съ судьбой не споритъ. А у меня отъ думъ голову ломитъ. Стало быть, разность есть между облакомъ-то и человѣкомъ. То-то и оно-то. А славно качаетъ, славно... Развѣ пѣсней горе размыкать?".

И онъ запѣлъ:

Что за думушка,
За кручинушка
Лежитъ на сердцѣ
У молодчика?
А и дума та,
И кручина та—
О лебедушкѣ
Красной дѣвицѣ.

Въ терему рѣзномъ,
За затворами—
За затворами
За нѣмецкими,—
За дверями-то
За дубовыми
Бережетъ ее
Князь-батюшка,

Стережетъ ее
Княгиня-матушка.
Не высоко-ль взял
Ты, дѣтинушка?
Высоконько взмылъ
По-сокольему.
Не чета тебѣ
Дочь боярская,
Не подстать щеглу
Соколиный лет!
Ужъ тебѣ-ли, щеглу
Брать лебедушекъ,
Малой птахѣ—
Птицу царскую?

Налетѣвшій шквалъ подхватилъ, закружилъ лодку, метнулъ ее на гребень вала, кинулъ въ пропасть. Волны стали заливать ялъ.

— Э! зѣвать не надо!—проговорилъ бомбардиръ, поспѣшно схвативъ весла.

Онъ направилъ лодку вразрѣзъ набѣгавшимъ валамъ. Желаніе борьбы загоралось въ его груди, глаза заблестѣли.

— Поборемся, поборемся!—шепталъ онъ, налегая на весла.—Эхъ-ма! Разъ-два! Ну-ка, лодочка! ну-ка, маленькая!

И, словно чудомъ, ялъ невредимо скользилъ среди пѣнныхъ громадъ.

Не разъ сердитый валъ стеклянною стѣною возставалъ рядомъ съ нимъ, грозя рухнуть и погребсти его, но ялъ взлеталъ на его хребетъ, перескакивалъ на другой и несся, несся, гонимый и силою вихря и ударами веселъ.

Прошло съ добрый часъ. Буря не утихала, а Осипъ Ивановичъ, казалось, не зналъ устали. Правда, его лицо раскраснѣлось и покрылось испариной, но руки попрежнему бодро работали и глаза попрежнему блестѣли.

— Ой-ой! все не утихаешь!—иронически шепталъ иногда съ улыбкой онъ по адресу бури.—Ска-а-жи, пожалуйста, какая страшная! Пожалуй, перепугаешь! Ай-ай! Пугай, милая, кого другого, да не бомбардира преображенскаго. Мы видывали виды.

Всюду была изрытая волнами бушующая водная поверхность. Внезапно среди волнъ Звѣревъ различилъ невдалекѣ черную точку. Онъ вглядѣлся и рѣшилъ, что это—лодка, но вскорѣ убѣдился, что хотя это и лодка, да плыветъ она не какъ слѣдуетъ, а килемъ вверхъ.

„Эге! перевернулась. Можетъ, люди тонутъ“,—подумалъ юноша.

Онъ направилъ яликъ къ гибнущей лодкѣ. Прибли-

жаясь, онъ замѣтилъ старика, судорожно ухватившагося за край лодки.

— Сейчасъ!—крикнулъ ему Звѣревъ.

Ярость волнъ мѣшала двигаться съ быстротой. Когда бомбардиръ былъ отъ потерпѣвшаго аварію челна всего въ нѣсколькихъ футахъ, старикъ, дико вскрикнувъ, выпустилъ край лодки и скрылся въ пучинѣ.

Такъ утонулъ Питеръ—матросъ Керрнига; Гансъ погибъ еще въ началѣ аваріи.

„И радъ-бы помочь, да ничего не подѣлаешь“,—подумалъ Звѣревъ и вновь отдался борьбѣ съ бурей.

Нѣсколько времени спустя, онъ ясно различилъ впереди себя судно. Оно сотрясалось отъ ударовъ волнъ, но не двигалось съ мѣста. Его мачта была сломана. Пока Осипъ Ивановичъ приближался къ судну, оно замѣтно накренилось.

— Вѣрно, пробоина въ немъ, и на мели затерло,—разсуждалъ бомбардиръ.

Всматриваясь, онъ замѣтилъ на палубѣ группу людей. Это были старикъ и двѣ женщины. Ихъ поза и выраженіе лицъ выражали отчаянье.

„Надо попытаться спасти. Мало времени пройдетъ—судно перевернется, и тогда аминь!“—рѣшилъ Звѣревъ и изо всѣхъ силъ принялся грести къ боту.

Достаточно приблизившись, онъ сложилъ руки рупоромъ и крикнулъ, какъ умѣлъ, по-голландски:

— Крѣпитесь! Я сейчасъ.

Его-то голосъ и слышали Керрингъ съ племянницами.

Услышавъ окрикъ, старикъ встрепенулся.

— Радуйтесь, милыя! Помощь намъ! Помощь свыше! О, Боже, благодарю!—крикнулъ, не помня себя отъ радости, Максъ.

Онъ оставилъ полубезчувственную Іоганну на попеченія ея сестры и кинулся къ кормѣ. Схвативъ обрывокъ каната, онъ бросилъ его Осипу Ивановичу, подтянулъ лодку къ борту и крикнулъ:

— Іоганна! Гертруда! Сюда! Бога ради скорѣе!

Старшая сестра почти повлекла младшую. Звѣревъ принялъ съ рукъ на руки Іоганну, Гертруда тоже спустилась въ лодку, ухватившись за канатъ, а послѣднимъ прыгнулъ старикъ.

Звѣревъ заработалъ веслами. Теперь работа была куда труднѣе, чѣмъ раньше. Грузъ былъ тяжелъ для небольшой лодки, она осѣла, чуть не черпая бортами воду. Волны то и дѣло ее захлестывали. Требовалось смотрѣть въ оба. Было не до разговоровъ. Бомбардиръ усиленно гребъ, Керрингъ вычерпывалъ воду.

Прошло не мало времени, пока добрались до берега.

Очутившись на твердой землѣ, купецъ разсыпался въ благодарностяхъ и, между прочимъ, сказалъ:

— Какъ отблагодарить тебя, нашъ спаситель? Кто ты? Скажи свое имя, чтобы мы могли молиться за тебя.

— Я—русскій плотникъ,—отвѣтилъ Звѣревъ.

— Русскій?! Московитъ?! Недаромъ говорятъ, что вы—удивительный народъ. Но твое имя?—настаивалъ купецъ.

— Зовутъ меня Осипомъ... Да что я такого сдѣлалъ?—смущенно сказалъ Звѣревъ.

— Что сдѣлалъ?! Намъ спасъ жизнь. Требуй какой хочешь услуги отъ купца Макса Керринга изъ Амстердама—онъ все исполнитъ. Домъ мой и ихъ отца—Яна Ренсенаса—считай, какъ домъ твоихъ родныхъ. Іоганна! Гертруда! да благодарите-же! Благодарите мастера Осипа.

Младшая племянница что-то смущенно и несвязно пробормотала, Гертруда крѣпко, по-мужски пожала руку бомбардира и сказала только одно слово: „Спасибо!“—но ея взглядъ, устремленный на преображенца, выражалъ восхищеніе. Помимо благодарности, она восхищалась этимъ красивымъ, смѣлымъ богатыремъ-московитомъ. Невольно промелькнуло въ ея умѣ сравненіе его съ Томомъ Риксеномъ, и какимъ жалкимъ, ничтожнымъ показался ей ея флегматичный женихъ!

— Завтра, завтра приди вотъ въ этотъ гербергъ, гдѣ мы теперь остановимся, добрый, хорошій мастеръ московитъ!—говорилъ, между тѣмъ, Керрингъ.—О, пожалуйста, приди! Завтра мы будемъ смотрѣть вашего царя... Жизнью играли, чтобы его увидѣть...

Они стояли у входа въ гербергъ.

Преображенецъ едва улавливалъ половину того, что ему говорили, но, услышавъ слово „царь“, счелъ своимъ долгомъ замѣтить:

— Царя нѣтъ. Царь въ Москвѣ.

Керрингъ хитро улыбнулся и возразилъ:

— Не хочешь говорить, какъ хочешь. Завтра потолкуемъ. Пожалуйста, приди! Ну, племянницы! Теперь переодѣться да отдохнуть.

Онъ готовился перешагнуть порогъ герберга.

Въ это время по улицѣ тянулись толпы рабочихъ съ верфей. Многіе останавливались, съ любопытствомъ глядя на измученныя лица и мокрое платье потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Между другими шла группа рабочихъ, одѣтыхъ въ иноземное платье. Раздавались возгласы:

— Московиты. Смотрите! московиты. А гдѣ царь ихъ? Говорятъ, онъ здѣсь. Вонъ высокій... Плотникомъ одѣтъ.

Керрингъ замедлилъ на порогѣ.

Государь шелъ вмѣстѣ съ другими. Замѣтивъ Звѣрева, онъ пріостановился и спросилъ:

— Что, Осипъ, порядочно потрепало?

— Былы дѣло, ца... господинъ Петръ Михайловичъ.

— Я-жъ говорилъ тебѣ, что быть бурѣ. Ну, да цѣлъ вернулся, такъ и ладно!—сказалъ Петръ Алексѣевичъ и прошелъ дальше.

— Вѣдь, это — царь? Да? — прошепталъ Керрингъ, схвативъ бомбардира за плечо.

Тотъ молчалъ.

— Онъ, онъ!—продолжалъ купецъ.—Видѣли, племянницы? Слава Богу! довелось посмотрѣть, не даромъ пріѣхали. Мастеръ Осипъ! завтра-то будь нашимъ гостемъ! Ждемъ. Сдѣлай милость!

XI.

Если-бы счастье не улыбнулось Керрингу съ племянницами, то ни ему, ни имъ такъ и не довелось-бы увидѣть царя въ Саардамѣ. Виною этого были саардамскіе жители, не въ мѣру любопытные.

Наканунѣ дня, назначеннаго для перевода корабля Крафта изъ Биннезана въ Форзанъ, мѣстное начальство просило царя Петра Алексѣвича прибыть посмотрѣть на интересное зрѣлище и приэтомъ предупреждало, что для него и для свиты приготовлено особое мѣсто, окруженное рѣшеткой и охраняемое городскою стражею. Присутствовавшій тутъ-же хозяинъ корабля

присоединилъ отъ себя просьбу пообѣдать у него по окончаніи торжества. Присутствовать на спускѣ судна государь охотно согласился, но приглашенія на обѣдъ не принялъ.

Въ субботу, 14-го августа, въ день, назначенный для спуска, собралось на Кримпѣ столь много народа, что городская стража, охранявшая отведенное для высокаго гостя мѣсто, не въ силахъ была сдержать напоръ толпы и была смята ею; рѣшетка была сломана и волны народа разлились по всему Кримпу, не оставивъ свободнымъ ни одного фута. Не только улицы, но даже кровли домовъ были покрыты любопытными.

Эти несмѣтныя толпы привлекло, разумѣется, не привычное для большинства зрѣлище спуска корабля въ Форзанъ, а желаніе увидѣть московскаго царя. Всюду только и было разговоровъ:

— Будетъ онъ?

— Будетъ.

— А я думаю—нѣтъ: народа много.

— Думаешь, не захочетъ показаться? Нѣтъ, онъ будетъ: далъ согласіе. Да глядите, пошли его звать. Смотрите!

Въ скромной домикъ Геррита Киста, дѣйствительно, вошли бургомистры, бальи, члены совѣта. Они упрашивали государя пройти на отведенное ему мѣсто задними воротами.

Царь было согласился и сталъ одѣваться, говоря: „сейчасъ! сейчасъ!“—но потомъ, взглянувъ въ окно и увидѣвъ множество любопытныхъ, рѣшительно заявилъ:

— Не пойду. Слишкомъ много народа.

„Начальству“ пришлось удалиться ни съ чѣмъ. Царь заперся въ домикѣ и не выходилъ цѣлый день.

На другой день у жилища Геррита собралось еще больше народа, чѣмъ наканунѣ, посмотрѣть на державнаго плотника. Государь досадовалъ:

— Что имъ надо? Чего глазѣютъ? Что я—чудо морское, что-ли?

Скопище толпы было тѣмъ непріятнѣе, что оно преграждало путь къ государеву буеру, на которомъ онъ намѣревался отправиться въ Амстердамъ, куда на другой день должно было торжественно въѣхать московское посольство.

Напрасно государь ждалъ, что стража разгонитъ народъ: она оказывалась безсильною противъ многолюдства. Напрасно царь ждалъ, что любопытнымъ надоѣстъ ждать и они разойдутся: толпа упорно ждала, бурля, какъ море.

Наконецъ, царь потерялъ терпѣніе. Онъ вышелъ изъ дома. Толпа колыхнулась и сомкнулась вокругъ него.

— Дайте пройти! — сталъ просить Петръ Алексѣевичъ.

Его не слушали. Кругомъ раздавались восклицанія: „Царь московскій! Великій царь! Царь-плотникъ. Хоть однимъ глазкомъ взглянуть!“

Государь и его приближенные стали энергично прокладывать путь въ толпѣ. Съ большимъ трудомъ удалось добраться Петру Алексѣевичу до шлюза Горна, гдѣ качался на волнахъ его буеръ.

— Развѣ можно ѣхать въ такую погоду?.. Поднимается буря. Идти на вѣрную смерть!? — послышались совѣты.

Но для государя буря на морѣ была пріятнѣе, чѣмъ назойливость любопытныхъ. Не слушая просьбъ и совѣтовъ, царь поднялъ парусъ и умчался изъ Саардама на крыльяхъ не въ шутку разыгрывающейся бури. Черезъ три часа онъ уже благополучно прибылъ въ Амстердамъ.

Осипъ Ивановичъ исполнилъ просьбу стараго купца, пришелъ къ нему въ гербергъ въ субботу вечеромъ. Первымъ вопросомъ Керринга было:

— Почему царь не присутствовалъ на спускѣ?

— Я не знаю. Да и какой царь?—сказалъ Звѣревъ.

Максъ понялъ, что разспросы непріятны бомбардиру, и потому сказалъ ему:

— Не сердись, не буду спрашивать! Давай покушаемъ. Племянницы! угощайте дорогого гостя.

Звѣревъ, въ началѣ смущавшійся отъ непривычнаго вниманія къ нему, потомъ оправился и оживился. На него повѣяло мирной домашней обстановкой, онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на привѣтливыя, хорошенькія личики молодыхъ голландокъ и охотно отвѣчалъ, какъ могъ и умѣлъ, на ихъ разспросы. А дѣвушки, сперва дичившіяся его, постепенно стали раз-

вязнѣе и засыпали его вопросами. Въ особенности говорлива была Іоганна.

„Какъ птичка, щебечетъ!“ — думалъ, глядя на нее бомбардиръ.

Наружностью она нѣсколько напоминала ему Вѣру Шейдякову, и это еще болѣе усиливало его симпатію къ веселой „щебетуньѣ“.

Гертруда была болѣе сдержанна, но вопросы, которые она задавала, были серьезнѣе, болѣе дѣльные.

„Эта совсѣмъ иного сорта,—думалъ про нее бомбардиръ, — не защебечетъ, какъ сестра, да зато и не заплачетъ. Сила въ ней есть скрытая“.

Когда Осипъ Ивановичъ, вдоволь удовлетворивъ любопытству дѣвушекъ своими разсказами и о Москвѣ и о темныхъ лѣсахъ своей родины, и о необозримыхъ поляхъ ея, и о глубокихъ рѣкахъ, и о вѣрѣ православной, и объ обычаяхъ русскихъ,—собрался уходить, ему не хотѣлось разставаться съ этимъ уютнымъ, привѣтнымъ уголкомъ.

— Завтра я въ Амстердамъ перебираюсь,—сказалъ онъ при прощаньѣ.

— А! Вотъ хорошо! Приходи къ намъ въ городѣ,— воскликнула Іоганна, а въ то-же время и на лицѣ Гертруды выразилось непритворное удовольствіе.

— Ты будешь жить въ Амстердамѣ? Отлично! Заходи, пожалуйста, заходи почаще и ко мнѣ и къ Ренсенасу. Будешь самый желанный гость! — сказалъ Керрингъ. — Мы тоже завтра утромъ въ путь.

„Зачѣмъ судьба меня свела съ этими людьми?— думалъ Звѣревъ, шагая по тихимъ, темнымъ улицамъ мѣстечка къ своей хибаркѣ.—На счастье? На несчастье или такъ себѣ? Кто знаетъ? Поживемъ — увидимъ. А они славные. Въ Амстердамѣ побываю у нихъ“.

XII.

Нидерландскіе штаты не пожалѣли издержекъ для пріема россійскаго посольства. Было набавлено 100.000 гульденовъ сверхъ суммы, обыкновенно отпускаемой для посольскаго пріема.

16-го августа 1697 послы торжественно въѣхали въ Амстердамъ. На другой день они, а съ ними и государь, продолжавшій соблюдать инкогнито, въ со-

провожденіи бургомистровъ осматривали ратушу, а вечеромъ были въ театрѣ, гдѣ были исполнены балетъ „Очарованія Армиды“ и комедія „Притворный адвокатъ“.

Царь внимательно смотрѣлъ представленіе, но въ его умѣ проносилось:

„Это—игрушки. Намъ еще работать надобно. Когда дѣло будетъ исполнено, игрушки сами придутъ“.

Вскорѣ послѣ этого, въ разговорѣ съ бургомистромъ Витсеномъ, государь сказалъ:

— Ваши голландцы, что въ Москвѣ плотничаютъ, немножко поднадули меня.

— Чѣмъ?—спросилъ бургомистръ.

— Наговорили они мнѣ, Богъ знаетъ чего, про Сардамъ, а оказывается, что на тамошнихъ верфяхъ только мелкія суда дѣлаются. Не стоило поступать туда на работы. Надо было прямо на здѣшнія верфи ѣхать. Я-бы хотѣлъ здѣсь продолжать учиться.

— Если прикажешь, то я сыщу дѣло на верфяхъ Остъ-индской компаніи,—предложилъ Витсенъ.

— Буду очень радъ.

Нѣсколько сутокъ продолжались празднества по случаю прибытія русскаго посольства. Они закончились грандіознымъ примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ въ заливѣ Эй, подъ руководствомъ адмирала Схея. Всѣ парусныя суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, предъ Схелингвудомъ.

Государь, въ сопровожденіи пословъ и бургомистровъ, прибылъ на богато украшенной яхтѣ Остъ-индской компаніи. Загремѣлъ салютъ со всѣхъ судовъ и вслѣдъ затѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Въ бою принимали участіе и береговыя баттареи, и непрерывная кононада съ нихъ и съ судовъ производила оглушительный громъ, а дымныя облака закрыли солнце. Царь перешелъ съ яхты на военный корабль и принималъ дѣятельное участіе въ битвѣ, направляя корабль туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

Витсенъ исполнилъ данное имъ царю обѣщаніе. 19-го августа состоялось слѣдующее опредѣленіе директоровъ Остъ-индской компаніи:

„Лейтенантъ фонъ деръ Гулстъ, введенный въ собраніе, объявилъ отъ имени великаго посольства московскаго, что знатная особа, пребывающая здѣсь инкогнито, желала-бы провести нѣкоторое время на верфи компаніи при сооруженіи судовъ и при другихъ работахъ; вслѣдствіе чего просилъ приготовить для жительства ея домъ канатнаго мастера и заложить новый фрегатъ, въ удовольствіе высокоупомянутой особы. По совѣщаніи благопризнано изъявить на то полное согласіе; о закладкѣ-же и постройкѣ фрегата отписать строительнымъ камерамъ, поручивъ господину Витсену спросить высокоименованную особу, въ какомъ размѣрѣ желательно ей видѣть строеніе фрегата—на 130 или 100 футахъ; и если для нея все равно, то компанія признаетъ за лучшее заложить фрегатъ въ 100 футовъ длиною“.

Государь присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ посольству городомъ Амстердамомъ, когда ему сообщили о рѣшеніи Остъ-индской компаніи.

Нетерпѣніе царя приняться за работу было столь велико, что онъ едва не оставилъ обѣда. Его съ трудомъ уговорили остаться и дождаться приготовленнаго въ честь него фейерверка. Однако, едва взвилась послѣдняя ракета, государь объявилъ, что ѣдетъ въ Саардамъ за своими инструментами, оставленными у Геррита Киста. Послы и бургомистры упрашивали Петра Алексѣевича дождаться утра.

— Можно-ли ночью пускаться въ плаванье?—сказали ему.

— Отчего-же? я ѣздилъ не разъ!—отвѣтилъ царь.

— Не все-ли равно утромъ? Много-ли подождать? зФрацъ Яковлевичъ! упроси хоть ты.

Лефортъ попытался уговорить царя.

— Нѣтъ, Францъ!—отвѣтилъ великій работникъ земли русской,—каждый часъ дорогъ. Мы не у себя, мы на чужбинѣ. Я пріѣхалъ не пиршествовать, а учиться и работать. Время не терпитъ. Ѣду. Завтра рано по утру буду уже на работѣ.

Послали въ ратушу за ключами отъ портовой заставы, опустили подъемный мостъ, отперли заставу и въ 11 часовъ ночи Петръ Алексѣевичъ выбрался на восемъ буеръ въ заливъ.

Едва мерцали вдали огни противоположнаго берега. Вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ. Темныя волны бурлили. буера. Царь держалъ руль и правилъ къ Саардаму.

Рѣзокъ былъ переходъ отъ ярко освѣщеннаго зала, изъ-за стола, уставленнаго яствами, отъ веселой и шумной бесѣды въ сырую тьму, на просторъ залива, подъ свистъ вѣтра и говоръ неспокойныхъ волнъ.

Сопутствовавшій царю бомбардиръ Александръ Меньшиковъ стоялъ на кораблѣ, смотрѣлъ, какъ быстро удалялись прибрежные огни, кутался въ плащъ отъ прохлады и сырости и вздыхалъ.

— Что вздыхаешь, Данилычъ?—спросилъ государь.

— Такъ, государь.

— Такъ ничего на свѣтѣ не бываетъ. Жаль, что пирушку пришлось оставить?

— Пожалуй, государь. Пиръ былъ на славу.

— Эхъ ты!—съ укоромъ воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ.—Я царство для работы да ученья оставилъ, а тебѣ пирушки жаль. Слаще ученья ничего на свѣтѣ нѣтъ, а вотъ отучимся, тогда попируемъ. Свѣтъ намъ ученье дастъ, а чѣмъ свѣтъ ярче, тѣмъ пиръ веселѣе.

Царь замолчалъ и задумался.

Въ часъ ночи онъ прибылъ въ Саардамъ, взялъ свои инструменты и рано утромъ вернулся въ Амстердамъ, прямо къ Остенбургу, гдѣ находилась верфь Остъ-индской компаніи и гдѣ на взморьѣ былъ приготовленъ для государя домъ канатнаго мастера.

Въ тотъ-же день Петръ Алексѣевичъ поступилъ плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту Класу Полю и распредѣлилъ по работамъ своихъ „валентеровъ“: кого оставилъ при себѣ для изученія корабельнаго дѣла, кого опредѣлилъ къ ботовому, кого—къ парусному, кого—къ мачтовому, къ блочному дѣлу; нѣкоторыхъ опредѣлилъ матросами по разнымъ кораблямъ; царевича Александра Имеретійскаго онъ послалъ въ Гаагу учиться артиллеріи.

— Учитесь, работайте,—говорилъ каждому царь,—изучите хорошо дѣло—не забуду милостью, а станете лѣниться да лодырничать—задамъ перца.

Заставляя другихъ работать, государь подавалъ при-

мѣръ прилежанія и послушанія. Недаромъ затѣмъ еще долгое время, отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ переходили среди амстердамцевъ разсказы о трудолюбіи, о прилежаніи и смиреніи державнаго плотника.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ работалъ государь, какъ простой плотникъ, на верфяхъ Остъ-индской компаніи. Здѣсь-то, въ сущности, а не въ Саардамѣ, дѣйствительно, онъ изучилъ искусство кораблестроенія.

Онъ работалъ съ утра до вечера; иногда, утомленный, садился на бревно, опускалъ топоръ къ ногамъ и бесѣдовалъ, какъ равный, со своими товарищами. Онъ разговаривалъ и съ посторонними посѣтителями, если они не титуловали его царемъ, а просто называли: Pitter timmerman (Питеръ тиммерманъ) *).

Однажды какой-то знатный англичанинъ нарочно пріѣхалъ изъ Ло, чтобы посмотрѣть на царя-работника. Желая обратить вниманіе гостя на царя, мастеръ крикнулъ Петру Алексѣевичу, смотрѣвшему, какъ нѣсколько плотниковъ несли тяжелое бревно:

— Питеръ тиммерманъ саардамскій! что-же ты не пособишь своимъ товарищамъ?

Государь молча отбросилъ топоръ, подставилъ свое державное, могучее плечо подъ бревно и зашагалъ вмѣстѣ съ другими.

XIII.

— Гертруда! Гертруда! Что тебѣ?

— Ты и взглянуть на меня не хочешь?

— Развѣ я не гляжу?

— Глядишь, но какъ?!—Томъ Риксенъ припалъ съ поцѣлуемъ къ рукѣ невѣсты, а затѣмъ продолжалъ:—Гертруда! скажи, отчего ты стала такая?

— Не понимаю тебя!—пожавъ плечами, отозвалась дѣвушка.

— Ты совсѣмъ, совсѣмъ не та. Я тебѣ противенъ?—продолжалъ Риксенъ.—Что сдѣлось съ тобой? Ты всегда была такая милая, привѣтливая.

— А теперь?—задала вопросъ Гертруда.

— Теперь отъ тебя не услышишь добраго слова.

---

*) Петръ плотникъ.

Гертруда вдругъ повернула къ своему жениху Риксену разсерженное лицо и произнесла:

— Виноватъ въ этомъ ты самъ.

— Я!! Нѣтъ, ты ошибаешься! Я тотъ-же, что и былъ.

— Въ этомъ-то и бѣда!—возразила дѣвушка.—Сто лѣтъ пройдетъ—ты будешь тотъ-же. Да, впрочемъ, гдѣ тебѣ понять!

Помолчали, но это молчаніе вскорѣ нарушилъ Риксенъ, сказавъ:

— И не одинъ я замѣчаю въ тебѣ перемѣну. Мнѣ говорилъ и твой отецъ. „Гертруда,—говоритъ,—стала другая".

— Ты говоришь неправду!—возразила дѣвушка.

— Поклянусь, чѣмъ хочешь. „Она,—говорилъ твой отецъ,—словно больна". Дѣйствительно, ты похудѣла. Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ больна?

— Можетъ быть.

— Отчего-же ты не лечишься?

— Такъ.

Опять помолчали. Гертруда смотрѣла въ окно.

— Гертруда!—снова произнесъ Риксенъ.—Ты не разсердишься?

— Что тебѣ?

— Знаешь, что я тебѣ скажу...

— Я... Мнѣ показалось... Можетъ быть, я ошибаюсь. Ты не сердись... Мнѣ показалось, что ты сдѣлалась не та съ тѣхъ поръ, какъ появился въ домѣ этотъ москвитянинъ.

Лицо дѣвушки покрылось яркой краской.

— Чего ты пристальъ ко мнѣ? Что за разспросы?—съ гнѣвомъ воскликнула она.—Ты еще не мужъ... И... и... я видѣть тебя не могу! Ты мнѣ противенъ!.. Гадкій, бѣлый, вялый!.. Да, противенъ!.. Я... я тебѣ говорю, что не буду твоей женой. Слышишь? Не хочу, не могу!

Она закрыла лицо руками и убѣжала.

Оставшись одинъ, Томъ Риксенъ развелъ руками.

— Прогнала. За что? Нѣтъ, я прежде, чѣмъ уйти, поговорю съ ея отцомъ.

Онъ засталъ Яна Ренсенаса за работой: купецъ провѣрялъ счета за недѣлю.

— Мастеръ Ренсенасъ! я пришелъ поговорить съ тобой о важномъ дѣлѣ!—сказалъ Риксенъ.

Старый голландецъ молча указалъ молодому на кресло, молча досчиталъ, сложилъ счета въ ларчикъ, заперъ его, уложилъ ключъ въ карманъ и только тогда повернулся къ терпѣливо ожидавшему.

— Я слушаю, Томъ!—сказалъ онъ.

— Мастеръ Ренсенасъ! Твоя дочь, Гертруда... Я не знаю, что сдѣлалось съ нею. Да. Она... Чѣмъ я ее обидѣлъ? Она... не хочетъ быть моей невѣстой. Она сама эта сказала. „Ты,—говоритъ,—мнѣ противенъ“. Она больна, мастеръ Ренсенасъ.

— Конечно, больна!—отозвался старикъ.—Она могла это сказать только въ горячечномъ бреду. Если-бы это сказала Іоганна, я не сталъ-бы удивляться: вотъ эта, такъ, дѣйствительно, больна. Какъ страдала она опять сегодня ночью!

— Улучшенія нѣтъ?

— Какое! Все хуже.

— Но что-же лекаря?

— Только пожимаютъ плечами.

— Бѣдная! Можетъ быть, Гертруда заразилась отъ нея,—замѣтилъ Томъ.—Право, я боюсь. Она страшная. И похудѣла какъ!

— Я тоже замѣтилъ это и даже говорилъ тебѣ!—произнесъ Ренсенасъ.—Но все-таки ея поступокъ... Надо съ нею поговорить. Пойдемъ!

Убѣжавъ отъ жениха, Гертруда направилась въ свою комнату и остановилась тамъ у окна, слѣдя за полетомъ снѣжинокъ: былъ уже декабрь и шелъ снѣгъ.

Со времени ея знакомства съ Осипомъ Ивановичемъ прошло около четырехъ мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени дѣвушка поразительно измѣнилась. Она стала блѣднѣе, похудѣла. Складочка около губъ, придававшая прежде выраженіе рѣшимости, сдѣлалась глубже, въ лицѣ появилось что-то жестокое. Глаза свѣтились лихорадочнымъ огонькомъ.

„Вялый, гадкій, противный тюлень!—думала она о Риксенѣ.—И это—женихъ! И съ этимъ человѣкомъ я буду вѣковать жизнь! О, Боже! нѣтъ и нѣтъ! Или тотъ, или никто“.

Тотъ! Одна мысль о немъ наполнила ее трепетомъ. Могучій красавецъ, смѣлый, живой.

„Зачѣмъ я съ нимъ встрѣтилась? Зачѣмъ полюбила?

А полюбила, чего ужъ таиться. Полюбила, такъ никому не уступлю. Онъ—мой!"—рѣшила дѣвушка, и жестокая складочка на ея лицѣ стала глубже.

Есть громадная разница въ страстяхъ между южанами и сѣверянами. Южане болѣе пылки, они быстро влюбляются, но быстро и остываютъ; подъемъ страсти у южанъ болѣе силенъ, въ минуту ослѣпленія страстью южане и легко пойдутъ на смерть, и сами ее принесутъ, но, уже нѣсколько часовъ спустя, они становятся холодны. Не таковы жители сѣвера. Не легко западаетъ страсть въ ихъ грудь; она зрѣетъ медленно, но, разъ созрѣвъ, навѣки останется въ сердцѣ. Страсть сѣверянъ менѣе пылка, но зато постоянна. Тамъ, гдѣ южанинъ полѣзетъ на ножъ, сѣверянинъ только улыбнется, но зато, если нужно будетъ убрать съ дороги противника, сѣверянинъ ни предъ чѣмъ не остановится. Медленно, но вѣрно онъ пойдетъ къ своей цѣли и будетъ неумолимъ и безпощаденъ.

Гертруда была типичная сѣверянка: въ ея жилахъ текла голландская кровь, не легко загорающаяся. Дѣвушка полюбила Звѣрева, но полюбила не сразу; она боролась съ собою со всею энергіею, на какую была способна, и, только сознавъ безполезность борьбы, отдалась своему чувству.

Осипъ Звѣревъ явился въ ея семью съ ореоломъ героя. Мать и отецъ чуть не молились на него. Онъ былъ сынъ малоизвѣстнаго, чуждаго, страннаго и великаго народа и самъ былъ страненъ: вѣчная дума лежала на его лицѣ; когда онъ улыбался, его взглядъ былъ грустенъ, но что-то могучее сказывалось въ немъ. Онъ не былъ похожъ ни на кого изъ людей, какихъ до сихъ поръ встрѣчала Гертруда. Въ сравненіи съ ними, онъ казался полубогомъ. Удивительно-ли, что молодая дѣвушка полюбила его.

А любилъ-ли ее Звѣревъ?

Онъ былъ съ нею ласковъ и привѣтливъ, но... съ Іоганной привѣтливѣе и ласковѣе. Когда онъ приходилъ къ Ренсенасамъ, а это случалось почти ежедневно, то въ болтовнѣ съ младшей дочерью Ренсенаса проводилъ цѣлые часы. Гертруда сидѣла обыкновенно тутъ-же молчаливая и, повидимому, спокойная, но въ ея душѣ бушевалъ цѣлый адъ. Впрочемъ, бывали вечера,

которые Звѣревъ цѣликомъ проводилъ съ Гертрудой, и тогда дѣвушка не помнила себя отъ счастья. Она ловила его грустно-ласковые взгляды и думала: „Любитъ! Любитъ!“—но слѣдующій-же день приносилъ разочарованіе.

Когда женихъ и отецъ вошли въ комнату, Гертруда не обратила на нихъ вниманія.

— Я хочу поговорить съ тобою, дочка!—сказалъ старикъ.

— О чемъ?—спросила она, устремивъ на отца равнодушный взглядъ.

— Ты обидѣла Тома!—продолжалъ Ренсенасъ.—Ты его прогнала. Помиритесь!

— Мы не ссорились. Зачѣмъ намъ мириться?—возразила дѣвушка.

— Какъ?! Развѣ не ты назвала меня противнымъ, гадкимъ?—крикнулъ Риксенъ.

— Я. Хочешь, повторю и теперь!—спокойно отозвалась Гертруда.—Я сказала тебѣ правду: ты мнѣ противенъ. Замужъ я за тебя не пойду.

— Дочка!-опомнись.

— Гертруда! За что ты меня возненавидѣла?

— Я тебя не ненавижу. Просто не хочу быть твоей женой.

— Но я этого не позволю!—воскликнулъ Янъ Ренсенасъ.

— Я не хочу идти за него замужъ, отецъ!—съ упорствомъ произнесла Гертруда.—Если ты меня станешь приневоливать, я убѣгу изъ дома.

Ренсенасъ развелъ руками.

— Что подѣлаешь съ бѣшеной дѣвкой!—воскликнулъ онъ.—Пусть съ нею еще мать потолкуетъ.

— Напрасно будетъ толковать: я рѣшила,—отозвалась дѣвушка.—Кстати, ты мнѣ напомнилъ, пойду смѣню ее у постели Іоганны!—и, сказавъ это, она медленно вышла.

Подлѣ больной она пробыла до вечера, пока не пришелъ. Звѣревъ. Она вышла къ нему спокойная. Ни одна черточка въ лицѣ не выдала ея волненія. Цѣлый вечеръ она поддерживала разговоръ съ нимъ. Онъ попечалился о болѣзни Іоганны, она вздохнула съ соболѣзнованіемъ.

Чуть теплился камин. Дѣвушка чувствовала близость любимаго человѣка, вглядывалась въ его глаза и бесѣда лилась плавная и тихая.

Уйдя отъ Ренсенаса, бомбардиръ думалъ:

„А славная эта Гертруда! Іоганна—та птичка-щебетунья, а эта умомъ взяла, ну, и красива. Да что мнѣ до дѣвичьей красы? Одна у меня краса—Вѣра, да бѣда въ томъ, что она-то вотъ и не для меня. Почему это, какъ побываю я у Ренсенасовъ, у меня словно сильнѣе сердце щемитъ? Надо за работу поусерднѣй приняться. Упрошу государя, чтобы дѣло потруднѣе далъ, такъ какъ старое я уже изучилъ".

По уходѣ бомбардира, Гертруда вернулась къ больной сестрѣ и осталась на ночь подлѣ ея постели. Она проводила съ сестрой всѣ ночи, несмотря на уговоры матери пожалѣть себя.

— Я, мама, молода, у меня хватитъ силъ. А ты старенькая, тебѣ покой нуженъ,—съ улыбкой отвѣчала она.

Была полночь, когда больная безпокойно зашевелилась на постели. Гертруда, подремывавшая въ креслѣ, поспѣшно нашла стаканъ питья и капнула въ него двѣ капли изъ неизвѣстно откуда явившагося у ней миніатюрнаго флакончика.

— Іоганна! хочешь пить?—спросила она.

— Да,—прошептала больная сестра.

Со свѣчей и стаканомъ въ рукахъ Гертруда подошла къ постели и протянула сестрѣ питье.

Блѣдная, исхудалая рука Іоганны дрожала, напрасно силясь взять стаканъ.

— Я тебѣ помогу. Пей на здоровье!—сказала Гертруда.

Пока больная жадно глотала питье, сестра глядѣла на нее жесткимъ холоднымъ взглядомъ.

На другой день Іоаннѣ стало хуже.

XIV.

Осипъ Ивановичъ, какъ хотѣлъ, такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ на слѣдующій день онъ пришелъ на взморье, къ дому канатнаго мастера и робко постучался. Ему отворилъ дверь Александръ Меньшиковъ, стройный, молодой мужчина съ худощавымъ лицомъ и плутоватымъ взглядомъ.

— Что надо?—спросилъ онъ бомбардира

— Допусти поговорить съ государемъ.

— Его царское величество занять: московскую почту читаетъ. Ужъ не знаю...

— Хотѣлъ я его на верфи повидать,—сталъ объяснять Звѣревъ,—да тамъ ему не досугъ и народа разнаго много. Ужъ сдѣлай милость, доложи!

— Право, какъ и сказать... Ну, попытаюсь!—сказалъ Меньшиковъ и тотчасъ-же удалился, но черезъ минуту вернулся.—Иди къ государю,—сказалъ онъ.

Когда бомбардиръ вошелъ въ комнату, государь читалъ бумагу, сидя у стола, на которомъ лежала груда писемъ, частью уже вскрытыхъ, частью не распечатанныхъ.

— Что скажешь?—спросилъ онъ, продолжая читать.

— Ваше царское величество! прошу тебя, дай мнѣ другую работу!—произнесъ Звѣревъ.

Петръ Алексѣевичъ слегка нахмурился.

— Это почему? Али трудна?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, государь, не то. Изучилъ я дѣло и теперь скучно зады повторять. Потруднѣй работы прошу, дай новую.

— Вотъ что!—воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ, посмотрѣвъ на Звѣрева.—Эта просьба мнѣ по сердцу. Ты первый объ этомъ просишь. Ты теперь на ботовомъ дѣлѣ?

— Да.

— Какое-жъ бы тебѣ дать? Времени у насъ немного: мы здѣсь теперь долго не пробудемъ—недѣлю-другую. Развѣ къ мачтовому дѣлу тебя поставить?

— Все равно! Какую прикажешь!

— Такъ и ладно. Завтра приди ко мнѣ во время работъ, я тебя и передамъ кому слѣдуетъ. Прощай!

Ласково кивнувъ, государь отпустилъ бомбардира.

Поставленный на новое дѣло Звѣревъ съ жадностью отдался изученію его. Ему стало не до хожденій въ гости; съ утра до вечера онъ работалъ, а вернувшись домой усталымъ, наскоро закусывалъ и засыпалъ, какъ убитый.

Прошло съ недѣлю — онъ не показывался въ домѣ Ренсенаса. Въ теченіе этого времени положеніе боль-

ной Іоганны сдѣлалось почти безнадежнымъ, а Гертруда бродила по комнатѣ, какъ тѣнь.

„Какъ она печалится о болѣзни сестры!“ — съ соболѣзнованіемъ говорили о ней знакомые.

Между тѣмъ, дѣвушка вся была полна одно мыслью: „Что значитъ, что онъ не идетъ?“.

Однажды вечеромъ Гертруда незамѣтно для домашнихъ вышла изъ дома и побѣжала по темнымъ улицамъ Амстердама, къ той части его, гдѣ находился Остенбургъ: тамъ, она знала, живетъ Осипъ Ивановичъ Звѣревъ въ домѣ плотника Матиссена.

Бомбардиръ былъ несказанно изумленъ, когда, возвратившись съ работы, засталъ въ своей каморкѣ Гертруду, поджидающую его возвращенія.

— Ты здѣсь?! Какими судьбами?—воскликнулъ онъ.

Дѣвушка была блѣдна, но улыбалась и спокойно сказала:

— Пришла оттого, что ты къ намъ не идешь. А отчего не приходишь?

— Некогда. Работы много.

— Просто не хочешь. Мы тебѣ противны?

— Какъ это тебѣ могло придти въ голову!—съ укоромъ сказалъ Звѣревъ.

— Ты знаешь, Іоганна очень плоха. Даже лекаря не знаютъ, что у нея за болѣзнь. Вѣрно, умретъ.

— Бѣдная пташка! Вотъ жаль ее! Она такая славная, она такъ похожа на мою...

— На кого?—спросила Гертруда, насторожившись.

— На... на мою невѣсту.

— У тебя есть невѣста? Тамъ, въ Москвѣ?

— Была. Теперь нѣтъ! — печально сказалъ Звѣревъ.

— Мастеръ Осипъ! скажи все, не таись!—стала просить Гертруда. — Мастеръ Осипъ! Богомъ заклинаю, скажи. Ты думать не можешь, какъ это важно... Можетъ быть, жизнь... О, скажи! Бога ради, скажи все!

Голосъ дѣвушки прерывался, щеки пылали, на глазахъ сверкали слезы. Она умоляюще простирала къ Звѣреву дрожащія руки. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и, наконецъ, спросилъ:

— Что съ тобой? Успокойся! Не понимаю, отчего ты внѣ себя.

— Ахъ, Боже мой! Я сама не знаю, что со мной. Я больна, больна... Но говори, говори все, не таись!

— Тайны никакой нѣтъ!—произнесъ Звѣревъ и въ немногихъ словахъ передалъ ей исторію своей любви къ Вѣрѣ.

— Значитъ, она для тебя навѣки потеряна? — спросила дѣвушка, когда бомбардиръ закончилъ разсказъ.

— Думаю, что такъ.

— Придетъ время, полюбишь другую?

— Нѣтъ, никого никогда не полюблю. Я не на вѣтеръ говорю это, я знаю себя!—сказалъ Звѣревъ.

— Никого, никогда?—медленно переспросила дѣвушка, тяжело дыша.—Значитъ, если-бы тебя полюбила дѣвушка, она напрасно ждала-бы отвѣта съ твоей стороны?

— Напрасно!—твердо отвѣтилъ Звѣревъ.

Гертруда быстро поднялась и пошла къ двери.

— Постой! Куда-же ты? Дай я тебя провожу. На улицахъ темно и пусто,—воскликнулъ Звѣревъ.

— Не надо. Я одна...—пролепетала Гертруда и уже взялась за ручку двери, но вдругъ остановилась, повернулась и прошептала:—прощай!.. Ахъ, прощай, мой ангелъ, мой богъ!—а затѣмъ быстро открыла дверь и вышла.

Звѣревъ только развелъ въ недоумѣніи руками.

На другой день бомбардиръ, улучивъ время, зашелъ къ Ренсенасу. Тамъ его встрѣтили съ заплаканными лицами. Увидѣвъ это, онъ спросилъ:

— Несчастье? Что случилось?

— Моя дочь, моя дочь... умерла!..—съ плачемъ отвѣтила Марта.

— Іоганна?—спросилъ Звѣревъ.—Господи Боже...

— Нѣтъ, Іоаннѣ лучше... старшая скончалась.

Гертруду нашли утромъ въ ея спальнѣ мертвою; рядомъ съ нею лежалъ пустой маленькій хрустальный пузырекъ. На столѣ была брошена записка: „Спасайте Іоанну! Молитесь за меня“.

XV.

9-го сентября 1697 года царь Петръ Алексѣевичъ заложилъ, подъ руководствомъ Геррита Класа Поля,

фрегатъ въ 100 футовъ длиною, во имя апостоловъ Петра и Павла, а на другой день послѣ закладки сообщалъ въ Москву патріарху:

„Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся: что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ свободителями, благодатію его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану".

Въ девять недѣль фрегатъ былъ отстроенъ и 16-го ноября, въ присутствіи пословъ, спущенъ на воду. Расчетливые нидерландскіе купцы не догадались поднести въ даръ государю корабль, на который онъ положилъ столько трудовъ: фрегатъ остался собственностью Остъ-индской компаніи.

Царь изучилъ кораблестроеніе, насколько его можно было изучить на амстердамскихъ верфяхъ; его влекло въ Англію, гдѣ искусство кораблестроенія достигло еще большаго совершенства, но государя удерживали во Голландіи иного рода дѣла. Главною мыслью, главною заботою Петра Алексѣевича былъ флотъ: въ немъ видѣлъ онъ залогъ могущества Россіи и ея развитія и процвѣтанія.

Основанныя государемъ для постройки судовъ „кумпанства" дѣятельно работали. Окольничій Протасьевъ извѣщалъ царя, что суда безостановочно сооружаются на Воронежѣ, на Дону и на Хопрѣ, что суда строятся различныхъ размѣровъ: одни по голландскимъ образцамъ, другія—по датскимъ, третьи—по венеціанскимъ, что къ веснѣ слѣдующаго 1698 года „кумпанскіе" баркалоны, галеры и шпиъ-бомбардиры будутъ непремѣнно готовы. Не мало порадовала государя присылка шведскимъ королемъ въ даръ трехсотъ пушекъ: этихъ орудій могло хватить для вооруженія большей части кораблей новосозданнаго флота.

Но, чтобы флотъ, дѣйствительно, могъ получить то значеніе, которое придавалъ ему царь, оставалось еще много сдѣлать: въ Россіи не находилось ни капитановъ, ни знающихъ матросовъ для многочисленныхъ

судовъ, не хватало матеріаловъ для оснащенія и вооруженія судовъ: полотно для парусовъ, канаты, якоря, множество иныхъ мелкихъ предметовъ надо было пріобрѣтать за границей, что требовало большихъ затратъ, а финансы Россіи были крайне скудны и ихъ едва хватало на необходимое. Ввиду такого печальнаго положенія вещей, государь рѣшился просить поддержки у дружественной намъ Голландіи; съ этой цѣлью великіе послы отправились въ Гаагу для переговоровъ съ „высокомочными“ Штатами. Приняты были послы торжественно, но... этимъ все и ограничилось.

На четырехъ конференціяхъ послы доказывали, что, ведя войну съ Турціей, Россія имѣетъ въ виду не только свое благо, но и благо всего христіанскаго міра; что ради этого надо помочь русскимъ въ борьбѣ съ невѣрными, хотя-бы не деньгами—ихъ послы не просили,—такъ опытными моряками, оружіемъ, снарядами. Купцы—правители щедро сыпали ласковыми словами, увѣряли въ дружбѣ Нидерландскихъ Штатовъ къ Россіи, но не исполнили ни одной просьбы; причиною этого была боязнь разсердить султана и вслѣдствіе этого лишиться выгодъ торговли на Востокѣ, а предлогомъ было выставлено истощеніе средствъ Голландіи вслѣдствіе только что окончившейся войны съ Франціей. Впрочемъ, Штаты не препятствовали царю нанимать моряковъ, покупать оружіе и разные припасы, и государь пользовался этою возможностью, насколько позволяли скудныя средства.

Если Нидерландскіе Штаты не догадались или поскупились подарить царю Петру Алексѣевичу построенный имъ фрегатъ „Петръ и Павелъ“, то оплошность или нелюбезность ихъ въ этомъ отношеніи загладилъ король англійскій Вильгельмъ III, бывшій въ то-же время и штатгальтеромъ Нидерландскимъ. Познакомившись лично съ царемъ въ Гаагѣ, король оцѣнилъ рвеніе московскаго государя къ кораблестроенію и, желая сдѣлать пріятное ему, отдалъ, по возвращеніи въ Лондонъ, приказъ лорду Кармартену: свою новую лучшую яхту „Transport royal“, построенную по послѣднему слову науки кораблестроенія того времени, легкую на ходу, красивую, вооруженную двадцатью мѣдными пушками, приготовить въ даръ царю. Вскорѣ

послѣ спуска фрегата „Петръ и Павелъ“, государь получилъ увѣдомленіе отъ лорда Кармартена о подаркѣ англійскаго короля и просилъ отъ имени послѣдняго принять яхту. Петръ съ удовольствіемъ принялъ этотъ подарокъ и отправилъ къ Вильгельму III маіора Вейде, изъявляя благодарность и поручивъ посланному также сообщить, что государь „намѣренъ посѣтить Англію незнатнымъ лицомъ, чтобы видѣть кораблп и морское поведеніе, съ просьбою оказать въ томъ со стороны короля благосклонное содѣйствіе“.

Много повидалъ прекраснаго государь въ Нидерландахъ, многому научился, но сильно разочаровался въ искусствѣ голландцевъ строить корабли. Онъ убѣдился, что „корабельная архитектура“ стоитъ въ Голландіи не на должной высотѣ. „Въ Голландіи,—собственноручно написалъ государь въ предисловіи къ морскому регламенту,—нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее-же съ долговременной практики“. Царь хотѣлъ еще учиться, а научить его большему голландскіе мастера были не въ силахъ. И вотъ, чтобы дополнить свои познанія, государь рѣшилъ продолжать ученіе въ новой странѣ—въ Англіи. Онъ выѣхалъ изъ Амстердама 7-го января 1698 года.

XVI.

Большой купеческій корабль шелъ полнымъ ходомъ, когда послышался возгласъ на англійскомъ языкѣ:

— Человѣкъ за бортомъ!

Выяснилось, что упалъ матросъ Джонъ Дей. Вѣтеръ былъ довольно сильный, море бурлило. Упавшій боролся съ волнами, его голова то показывалось надъ водой, то скрывалась. Судно продолжало идти попрежнему, и его разстояніе отъ утопавшаго увеличивалось; стали торопливо приготовлять къ спуску шлюпку.

— А, вѣдь, бѣдняга потонетъ,—сказалъ кто-то.

— Пока еще шлюпку спустятъ, пока она доплыветъ до него, онъ выбьется изъ силъ. Дей не изъ важныхъ пловцевъ.

— Смотрите! онъ ужъ чуть-ли не захлебывается.

— Э! была не была!—воскликнулъ голосъ по-русски.— Господи, благослови!—И, широко осѣнивъ себя право-

славнымъ крестомъ, боцманъ корабля „Анна-Марія“, князь Левъ Андреевичъ Шейдяковъ, прыгнулъ въ море.

— Вотъ смѣльчакъ! Какъ-бы самъ не утонулъ. Онъ прекрасно плаваетъ,—переговаривались англичане.

Шейдяковъ смѣло плылъ, разсѣкая волны.

— Держись, Джонъ!—крикнулъ онъ матросу.

Но утопавшій уже выбился изъ силъ. Онъ сдѣлалъ еще два-три взмаха, потомъ простеръ вверхъ руки и скрылся подъ водой. Боцманъ былъ уже подлѣ него. Онъ нырнулъ и вытащилъ Дея за широкій воротникъ матросской куртки.

Дружное „ура“ послышалось съ корабля. Шлюпка шла уже навстрѣчу и вскорѣ приняла измученныхъ спасеннаго и спасшаго.

— Вѣкъ не забуду твоей услуги!—бормоталъ Джонъ, крѣпко пожимая руку князя.

— Э, братъ! полно благодарить, а что не забудешь, хочу тебѣ вѣрить, да сдается мнѣ, что все на свѣтѣ забывается.

— Нѣтъ, я не изъ такихъ.

— Вѣрю, вѣрю.

Когда они вступили на палубу корабля, капитанъ Гарри, старый морской волкъ, потрепалъ Шейдякова по плечу и сказалъ:

— Жаль, что ты—не заправскій матросъ, а только учишься морскому дѣлу: никогда-бы я тебя не отпустилъ отъ себя. Зато, какъ только кинемъ якорь въ Лондонѣ, аттестатъ напишу тебѣ такой, что любо-дорого. Тобой останется твой государь доволенъ.—Сказавъ это, капитанъ обратился къ другимъ матросамъ и проговорилъ:—а вы что? только глазѣть мастера? Не найдись храбраго москвитянина, дали-бы товарищу утонуть, трусишки! Тебя-же, Джонъ, надо-бы линьками покормить, чтобы впередъ смотрѣлъ въ оба. Да ужъ довольно съ тебя, пожалуй, и морской ванны.

Джонъ, блѣдный отъ испуга и холода, поблѣднѣлъ еще больше, и выраженіе злобы скользнуло по его лицу.

Вскорѣ миновали крѣпость Орфордъ. До Лондона оставался суточный переходъ. Приближалось время окончанія ученья Шейдякова.

Прибывъ изъ Москвы въ Англію со своимъ неиз-

мѣннымъ спутникомъ солдатомъ Карпомъ Соколовымъ, молодой князь, помня царскій наказъ не возвращаться въ Россію, не получивъ аттестата въ совершенномъ знаніи „ремесла матросскаго“, поспѣшилъ поступить въ число матросовъ на уходившій въ далекое плаванье купеческій корабль „Анна-Марія“. Началъ онъ службу простымъ юнгой, а возвращался боцманомъ послѣ десятимѣсячнаго плаванья и въ этотъ періодъ успѣлъ не только основательно изучить „ремесло матросское“, но выучился управлять ходомъ корабля, обращенію съ компасомъ и сталъ довольно бѣгло говорить по-англійски. Капитанъ Гарри очень цѣнилъ его способности и знанія и довѣрялъ ему болѣе, нежели своему опытному подшкиперу.

Перенесенные труды и бури заставили юношу возмужать, научили его терпѣнію, хладнокровію и выработали привычку спокойно встрѣчать опасность.

Съ легкимъ сердцемъ уѣзжавшій изъ Москвы и безъ особенной горечи разставшійся съ родными и знакомыми, Шейдяковъ испыталъ гнетущую тоску по родинѣ, когда очутился отрѣзаннымъ отъ отечества многими тысячами верстъ. Корабль побывалъ во многихъ гаваняхъ, юный князь имѣлъ возможность ознакомиться съ чудесами западной цивилизаціи—съ такими чудесами, о которыхъ и понятія не имѣли русскіе люди той эпохи,—и тѣмъ тяжелѣе становилось на сердцѣ князя, тѣмъ болѣе любилъ онъ свою родную, раздольную, но темную Русь. Часто, лежа ночью въ койкѣ и прислушиваясь къ мѣрнымъ ударамъ волнъ о борты корабля, князь мечталъ, какъ заживетъ онъ, вернувшись въ Россію. Его сердце горѣло желаніемъ послужить родинѣ, отдать на пользу ея свои скудныя знанія. Ему рисовалась его будущая энергичная дѣятельность, рисовался и тихій домашній кругъ. Въ воображеніи проносились лица родителей, друзей, и лицо его будущей жены.

Странно! но будущую жену воображеніе рисовало ему все чаще и чаще въ образѣ Нины Михайловны. Вначалѣ онъ думалъ о ней: „она славная“, потомъ присоединились эпитеты: „милая“, „хорошая“, „птичка“, и, наконецъ, онъ сталъ называть ее въ мысляхъ не иначе, какъ: „ангельчикъ мой!“.

Образъ этой дѣвушки пріобрѣлъ для князя таинственную прелесть. Онъ полюбилъ Нину Михайловну заочно, а когда она была съ нимъ, онъ едва удостаивалъ ее своимъ вниманіемъ. Много тайнъ имѣетъ человѣческое сердце!

Корабль „Анна-Марія“ 12-го января бросилъ якорь у мѣстечка св. Екатерины, вблизи Лондона. Въ этотъ же день князь получилъ отъ капитана Гарри аттестатъ, удостовѣряющій, что Шейдяковъ обладаетъ въ совершенствѣ знаніемъ ремесла матросскаго. Къ этому почтенный капитанъ присоединилъ просьбу:

— А захотите, сэръ, еще служить: пожалуйте, сдѣлайте милость, ко мнѣ на корабль.

Часъ спустя послѣ разлуки съ капитаномъ, Карпъ Соколовъ уже распаковывалъ несложный багажъ князя въ маленькой комнатѣ небогатой гостиницы.

— А что, Карпъ, радъ ты, что попалъ на твердую землю?—спросилъ Левъ Андреевичъ, смотря на толпы снующаго подъ окномъ народа и на Темзу, покрытую многочисленными, снующими вверхъ и внизъ по теченію, мелкими судами.

—Н-и, какъ радъ, батюшка!—отозвался солдатъ.

— Надоѣло море?

— Не токмо па доѣло, а просто страсть одна. Да посуди самъ, князь! Наверху—вѣтеръ: ша-ша! внизу—вода: бульбуль! Хорошо, нечего сказать! а подъ кораблемъ—пропасть бездонная. Ни за что-бы больше не поѣхалъ.

— А царь прикажетъ?

— Ну, если царь прикажетъ, такъ, значитъ, исполняй приказъ и никакихъ, тутъ ужъ нечего растабарнвать. Я говорю, коли ежели-бы по своей волѣ.

— Что это сегодня народъ около Темзы все толпится?

— Можетъ, послы наши катаются. Мнѣ тутъ прислужникъ сказывалъ, что, наше посольство прибыло, и сказываетъ—да, чай, вретъ—будто-бы и самъ царь прибылъ.

Левъ Андреевичъ продолжалъ смотрѣть въ окно и вдругъ опрометью бросился къ двери изъ комнаты. Соколовъ взглянулъ на него и испугался: на лицѣ юнаго князя лежало странное выраженіе, глаза сіяли, онъ радостно улыбался и что-то бормоталъ.

— Что съ тобой, княже?

— Царь! Нашъ царь... Тамъ ѣдетъ.

Черезъ мгновеніе князь былъ уже на улицѣ слѣдомъ за нимъ летѣлъ Соколовъ.

По Темзѣ плыла богато украшенная лодка. Въ ней сидѣли два англичанина — Митчель и Кармартенъ, а на рулѣ сидѣлъ не кто иной, какъ царь.

Лондонцы кричали „ура“. Но среди ихъ бурныхъ кликовъ все-же выдѣлилось неистовое:

— Здравія желаемъ, царское величе-е-ство!

Это рявкнулъ Карпъ Соколовъ.

Быть можетъ, государь слышалъ этотъ возгласъ, потому что посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Карпъ, слегка кивнулъ головой и улыбнулся.

Въ толпѣ спрашивали солдата, чего онъ такъ закричалъ.

— Да это — царь нашъ! Понимаете-ли, олухи, самъ нашъ батюшка пресвѣтлый,—бормоталъ имъ въ отвѣтъ по-русски Соколовъ.

Что-то сжимало горло и застилало зрѣніе молодому князю. Карпъ тоже всхлипывалъ за его спиной.

XVII.

Весь этотъ день Левъ Андреевичъ бродилъ по городу, осматривая достопримѣчательности (а въ Лондонѣ есть, что посмотрѣть) и надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ русскихъ, изъ числа-ли пріѣхавшихъ съ государемъ „валентеровъ“, или изъ числа стольниковъ, командированныхъ, какъ и онъ, заграницу для изученія „матросскаго ремесла“. Однако, встрѣтить ему никого изъ соотечественниковъ не удалось.

Когда смерклось, князь, чтобы скоротать время, направился въ шинокъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, собирались матросы съ корабля „Анна-Марія“ и другихъ судовъ. Въ шинкѣ, къ своему величайшему изумленію и удовольствію, онъ нашелъ Осипа Ивановича Звѣрева.

— Друже! съ царемъ прибылъ? — задалъ послѣднему вопросъ князь послѣ первыхъ привѣтствій.

— Да. А ты давно здѣсь?—спросилъ Звѣревъ.

— Сегодня съ корабля. Кончилъ науку.

Друзья обнялись и расцѣловались.

— Вотъ, слава Богу, что я зашелъ сюда, — промолвилъ Звѣревъ.

— Да. Иначе, пожалуй, и не свидѣться-бы. Я сегодня цѣлый день бродилъ, искалъ земляковъ, да никого не встрѣтилъ. По стаканчику джина? А?

— Можно.

За стаканомъ джина потянулась дружеская бесѣда. Каждому было, что поразсказать.

— А не спрыснуть-ли намъ встрѣчу?—предложилъ бомбардиръ, когда вдоволь наговорились.

— Я не прочь! — согласился князь.

Потребовали эля, закусокъ, потомъ пунша, однимъ словомъ, устроили маленькій кутежъ.

Подавала яства и напитки хорошенькая служанка Мэри. Развеселившійся и немного подкутившій Шейдяковъ ущипнулъ ее за розовую щеку. Мэри захихикала.

Но вдругъ у стола, какъ изъ земли, выросъ Джонъ Дей.

— Мэри моя и трогать ее не слѣдъ,—сказалъ онъ наставительно.

Князь нахмурился и многозначительно спросилъ:

— Что?!

Мэри сдѣлала гримасу и закричала Дею:

— Вотъ непрошенный заступникъ! „Моя“, говоритъ. Когда я была твоей?

Джонъ, замѣтивъ гнѣвъ Шейдякова и получивъ острастку отъ Мэри, измѣнилъ тонъ.

— Ну, не сердись, я, вѣдь, шучу!.. Да и развѣ я сталъ-бы грозить тому, кто мнѣ спасъ жизнь?—сказалъ онъ служанкѣ и добавилъ, обращаясь къ князю: Лео! не сыграемъ-ли въ кости? Вѣдь, вмѣстѣ служили.

— Это—другое дѣло!—воскликнулъ князь.—Осипъ, ты не прочь?

— Отчего-же!—охотно согласился тоже подкутившій Звѣревъ;—только они лопочутъ не по-человѣчьему: иэсъ, сэръ... Тарабарщина! Нѣтъ-ли кого, кто хоть по-голландски маракуетъ?

Среди бывшихъ въ таверны матросовъ нашлось нѣсколько голландцевъ, знавшихъ англійскій языкъ. Они взялись быть переводчиками для Звѣрева.

Столы сдвинулись вмѣстѣ. Началась игра, въ которой приняли потомъ участіе всѣ присутствовавшіе.

Джонъ въ началѣ игры проигрывалъ, послѣ-же счастье повернулось къ нему лицомъ, и онъ сталъ со смѣхомъ прятать въ карманы горсти серебряныхъ, а часто и золотыхъ монетъ. Была метать очередь Дея.

— Ну, чего-же? Мечи!—сказалъ Джону угрюмый, рослый матросъ, съ длинной, тронутой сѣдиною бородой у горла: подбородокъ, по-голландски, былъ чисто выбритъ.

Джонъ кинулъ кости.

— Стой!—крикнулъ бородатый матросъ,—кости поддѣльныя, ты ихъ изъ рукава вынулъ.

— Да что ты!.. Да я...—залепеталъ костеметъ, блѣднѣя.

— А вотъ взгляните.

Кости даже при поверхностномъ осмотрѣ оказались фальшивыми.

Матросъ-уличитель молча всталъ среди яростныхъ возгласовъ по адресу шуллера, схватилъ Джона за воротъ, приподнялъ, донесъ до двери, выбросилъ за двери и, захлопывая дверь, крикнулъ:

— Да не смѣй впредь носа въ игру совать, негодяй!

Послѣ этой исторіи игра пошла своимъ чередомъ, причемъ уничтожалось и доброе количество виски, джина и эля.

Было уже бѣлое утро, когда пріятели, бывшіе сильно на-веселѣ, выбрались изъ таверны. Звѣревъ заночевалъ у князя.

Выспавшись, они условились каждый день сходиться въ той-же тавернѣ, носившей названіе „Соколъ“.

— Тебя-ли что днемъ задержитъ, меня-ли, а вечеромъ все-же тамъ свидимся,—сказалъ Звѣревъ.

— Отлично!

Вечеромъ, дѣйствительно, они оба встрѣтились въ тавернѣ, на слѣдующій день тоже и такъ продолжалось съ недѣлю.

Однажды Осипъ Ивановичъ, задержанный чѣмъ-то, не пришелъ, а явившись на слѣдующій день, не нашелъ князя.

— Вчера онъ былъ?—спросилъ онъ служанку.

— Былъ,—отвѣтила Мэри.

Звѣревъ подождалъ, но князь не явился.

На слѣдующій, на третій, на четвертый вечеръ повторилось то-же.

„Что такое? Неужели разсердился?“—недоумѣвалъ Звѣревъ и пошелъ къ князю въ гостиницу.

Тамъ его встрѣтилъ чуть не плачущій Карпъ Соколовъ, который спросилъ бомбардира:

— Не видалъ-ли моего князиньки?

— Да я самъ къ тебѣ за тѣмъ!—воскликнулъ Звѣревъ.—Куда онъ дѣлся?

— Вотъ ужъ недѣля, какъ глазъ не кажетъ. Ей-Богу.

Послѣ этого минуло около мѣсяца. Шейдяковъ не показывался.

„Что съ нимъ сдѣлалось?“—ломалъ голову Звѣревъ.

Каждый вечеръ онъ, по обыкновенію, заходилъ въ таверну „Соколъ,“ но не находилъ тамъ своего друга. зато всегда встрѣчалъ Джона Дея.

Матросъ старался дѣлать видъ, что не узнаетъ его, и отворачивался. У Джона почему-то водились деньги, и Мэри была съ нимъ любезна.

Какъ-то бомбардиръ мигнулъ ей. Она присѣла къ нему.

— Мэри, ты — хорошая дѣвушка, — сказалъ онъ, мѣшая англійскія слова съ голландскими.—Зачѣмъ ты дружишь съ Деемъ?

Быть можетъ, изо всей рѣчи она поняла только одно слово: Дей.

— Дей, Джонъ—фу!—воскликнула она и сдѣлала гримасу.

— А все-же ты съ нимъ водишься!—произнесъ Звѣревъ.—Откуда у него деньги?

Слово „деньги“ Мэри, вѣроятно, понимала на всѣхъ языкахъ; это, должно быть, было, именно такъ, потому что она тотчасъ-же отвѣтила:

— Не знаю. Можетъ быть, онъ убилъ кого-нибудь. Онъ—разбойникъ.

Послѣднее слово Осипъ Ивановичъ, много исколесившій по свѣту съ царемъ и безъ него по дебрямъ Руси, отлично понималъ.

— Разбойникъ?—переспросилъ онъ.

— Да. Сущій разбойникъ. Посмотрите, мистеръ, на его глаза!—предложила Мэри.

У Джона были глаза косые,—это еще не бѣда, мало-ли людей имѣютъ этотъ недостатокъ вслѣдствіе болѣзни,—но они вѣчно бѣгали—признакъ вора или вообще злодѣя.

— Такъ что-же, онъ убилъ кого, что-ли?—спросилъ Звѣревъ.

Это слово Мэри отлично знала. При ней разыгрывалось много драмъ и „убилъ," „убью" „убиваетъ", звучало по-англійски, по-голландски, по-испански, по-итальянски. Мэри даже знала его по-польски, но, слыша его, она всегда не могла побѣдить нервную дрожь.

— Убилъ? Фуй! зачѣмъ такое!—сказала она.

— Но гдѣ-же мой пріятель?

— Не знаю!—отвѣтила Мэри и вдругъ крикнула:— Джонъ! гдѣ спасшій тебя?

Взглянувъ въ это время на матроса, мы сказали-бы, что по нему словно пробѣжалъ электрическій токъ.

— Кто? Кто?—дико воскликнулъ Дей,—какой спасшій? Не говори, Мэри, глупостей!

— Ты его убилъ?—поддразнивала его дѣвушка.

— Сумасшедшая!—крикнулъ Джонъ и вдругъ поднялся, кинулъ на столикъ плату за выпитое имъ и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

Изъ таверны „Соколъ" Звѣревъ удалился на этотъ разъ въ сильномъ раздумьѣ. Ему сдавалось, что съ Шейдяковымъ случилось несчастье, и, быть можетъ, предчувствіе не обмануло его.

XVIII.

Го, что произошло съ княземъ Шейдяковымъ, равно подходило и подъ понятіе несчастья, и несчастнаго приключенія.

Какъ-то онъ пришелъ въ „Соколъ", велѣлъ подать грогъ и, потягивая душистый, горячій и крѣпкій напитокъ, терпѣливо поджидалъ друга.

Время проходило, а Осипъ Ивановичъ не появлялся. Въ ожиданіи его, Левъ Андреевичъ успѣлъ опростать уже пять стакановъ дурманнаго, вкуснаго напитка. Немножко ударило въ голову.

„Чего-жъ онъ не идетъ?“—подумалъ молодой князь, и, поймавъ взглядъ Мэри, скользнувшій по его почти пустому стакану, сказалъ ей шутливо:—Мэричка, куда ты дѣла моего товарища?

— А куда-же мнѣ его дѣть, мистеръ?—отвѣтила та, засмѣявшись.

Въ это время князь почувствовалъ на себѣ злой взглядъ Джона Дея.

Въ Львѣ Андреевичѣ вдругъ шевельнулось мальчишеское чувство желанія поддразнить ревнивца.

— Мэри! какая ты сегодня хорошенькая!—воскликнулъ онъ.—Ты всегда хороша, но сегодня лучше, чѣмъ когда-бы то ни было! Дай мнѣ да возьми и себѣ еще стаканчикъ грога!.. Или ты, можетъ быть, хочешь пуншику? возьми его, все равно—и присаживайся ко мнѣ!

Хорошенькая служанка не заставила себя просить и, присѣвъ у столика Шейдякова, тараторила безъ умолка.

— Правда-ли, что у васъ, въ Московіи, женщину на цѣпи держатъ?—спросила она.

— На цѣпи? Нѣтъ!—отвѣтилъ князь.—Но по кабачкамъ ихъ не пускаютъ бѣгать. Хе-хе! хотя ваши кабачки тѣмъ и хороши. Пила ты нашу русскую водку?

— Нѣтъ!—отвѣтила Мэри.

— То-то! Тогда-бы ты поняла, почему у насъ въ кабакахъ, или въ тавернахъ бываютъ только мужчины. Русь—удивительная страна: не только ее не всякому понять, но даже и ея напитки не всякому пить вмоготу. Смотри, какими злыми глазами на насъ глядитъ Джонъ.

— А пусть его!—безпечно сказала Мэри.

— Задастъ онъ тебѣ перца!—пригрозилъ князь.

— Мнѣ?! Пусть попробуетъ.

— Эй, Джонъ! чего ты сегодня такой скучный?—крикнулъ матросу князь.

Вмѣсто отвѣта Дей отвернулся и залпомъ осушилъ стаканъ виски.

— Злится,—сказала Мэри.—Да когда онъ не злится? Да, впрочемъ, онъ не то что злой: онъ—злодѣй.

— Напрасно, значитъ, я его спасалъ!—сказалъ князь.

— Напрасно!—подтвердила Мэри.—Чѣмъ меньше такихъ, тѣмъ лучше.

— Посмотримъ, что съ нимъ будетъ. Давай разговаривать!

И они разговаривали битыхъ два часа подрядъ. Иногда Шейдяковъ наклонялся и что-то шепталъ на ухо Мэри, иногда она наклонялась очень близко къ нему.

Оба они наблюдали за Джономъ. Блѣдныя щеки матроса покрылись багровыми пятнами, злобная судорога коверкала лицо.

Наконецъ, князю надоѣло сидѣть въ тавернѣ да и спать захотѣлось. Онъ расплатился, дружески простился съ хорошенькой прислужницей и вышелъ. Однако, не отошелъ онъ и сотни шаговъ, какъ его окликнули. Князь остановился. Его нагонялъ Дей.

— Тебѣ туда идти?—спросилъ матросъ.

— Да!—спокойно отвѣтилъ князь.

— Нѣтъ. Пойдемъ туда.

— Зачѣмъ я пойду? Я хочу домой.

— Ты боишься?—спросилъ матросъ, и по его лицу скользнула насмѣшливая улыбка.

Это задѣло князя и онъ смѣло крикнулъ:

— Я ничего не боюсь. Пойдемъ, если хочешь!

Они направились въ сторону Лондона, противоположную той, гдѣ находилась гостиница, въ которой жилъ князь.

— Видишь-ли, мнѣ надо съ тобой поговорить,—началъ Джонъ, когда они достаточно удалились отъ шинка.—Ты меня ненавидишь?

— Я? тебя?!—изумленно спросилъ князь.—За что-же я тебя буду ненавидѣть?

— Но ты меня не любишь! — упорствовалъ Джонъ.

— За что я тебя буду любить? Но и не ненавижу.

— Меня никто не любитъ. Товарищи меня терпѣть не могутъ.

— Еще-бы, если ты ихъ обыгрываешь въ поддѣльныя кости!—возразилъ ему князь.

— И до этого не любили, — продолжалъ Джонъ. — Родныхъ у меня нѣтъ, кромѣ вотчима, но онъ меня прогналъ, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Я не зналъ матери: мнѣ былъ годъ, когда она скончалась. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я выросъ...—Онъ помолчалъ, потомъ

снова заговорилъ:—я хочу, чтобы меня кто-нибудь полюбилъ. Я думалъ, что меня полюбитъ Мэри... Она—хорошая дѣвушка.

— Да. Она хорошая.

Эти слова Шейдяковъ сказалъ безъ всякой цѣли, но его спутникъ вздрогнулъ.

— Но и она меня не любитъ... Почему?—продолжалъ Джонъ.

— Любятъ того, кто приглянется.

— У меня ее отбиваютъ, вотъ почему,—словно прошипѣлъ на-ухо князю матросъ.

— Кто?

— Ты.

— Я? Ты съума сошелъ. Да, впрочемъ, если-бы я и отбивалъ, такъ это—мое дѣло.

— Нѣтъ, мое!—настойчиво произнесъ Джонъ.—Мнѣ некого любить и никого я не люблю, кромѣ нея, и ту отъ меня отнимаютъ.

— Ты самъ ее отъ себя отнимаешь своею злостью!—возразилъ князь.—Тебя и она, и другіе не любятъ потому, что въ тебѣ самомъ любви настоящей нѣтъ. У тебя злое сердце и черная душа. Прощай! Больше не о чемъ намъ говорить.

Левъ Андреевичъ повернулся и зашагалъ отъ него.

— Нѣтъ, постой! Ты отъ меня такъ не уйдешь,—въ бѣшенствѣ крикнулъ Дей, догоняя его.

— Что тебѣ надо?—холодно спросилъ его князь, остановившись.

— Расчета.

Они стояли въ пустыннѣйшей части Лондона. Вокругъ нихъ были тьма и нѣмая тишь. Князь не видѣлъ лица своего врага, не видѣлъ и его оружія.

— Какого расчета?—спросилъ онъ.

— За Мэри.

— Я думалъ—за то, что я тебѣ спасъ жизнь.

— Ты будешь мнѣ вѣчно напоминать объ этомъ?—со злостью крикнулъ Джонъ.

— Зачѣмъ-же вѣчно? Мы съ тобой, надѣюсь, больше не встрѣтимся.

— Надѣюсь и я!—крикнулъ Джонъ—и князь почувствовалъ ударъ и жгучую боль въ боку.

Инстинктивно онъ схватилъ Дея за горло, сжалъ

врага въ объятіяхъ, потомъ оттолкнулъ отъ себя, крикнувъ:

— Задушу тебя, какъ собаку.

Онъ повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Вдругъ его голова закружилась, онъ упалъ. Въ боку чувствовалась сильная боль. Шейдяковъ приложилъ руку къ тому мѣсту, гдѣ испытывалъ боль и отдернулъ.

— Что это? кровь? Я раненъ?

Мысли его путались.

Ему показалось, что его кто-то поднимаетъ, куда-то несетъ. Откуда-то изъ мрака выступило лицо отца. Молодому князю казалось, что онъ шепчетъ послѣднему:

— А! батюшка! вотъ и я, Лева... Вернулся... я... я...

Послѣ все погрузилось словно во тьму. Исчезло самое сознаніе жизни.

XIX.

Когда Левъ Андреевичъ очнулся, онъ увидѣлъ, что лежитъ въ комнатѣ, слабо освѣщенной свѣчой, которую держалъ мужчина съ гладко выбритымъ лицомъ, уже слегка тронутымъ морщинами, съ участіемъ смотрѣвшій на него изъ-подъ большихъ очковъ, сползшихъ на кончикъ остраго, длиннаго носа.

— Ага! пришелъ въ себя!—пробормоталъ неизвѣстный.—Лежите, мистеръ, спокойно! Не тратьте напрасно силъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ раненому.

— Почему мнѣ лежать спокойно? — хотѣлъ спросить князь, не чувствуя никакой боли и считая себя здоровымъ.

Однако, его губы беззвучно шевельнулись и не издали ни звука. Потомъ онъ повернулся на бокъ, его голова склонилась, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснувшись, князь увидѣлъ, что былъ день. Тотъ же самый мужчина сидѣлъ у стола и что-то записывалъ. Комната была свѣтла и обширна, но въ ней царилъ изрядный безпорядокъ. Сказывалось отсутствіе женской хозяйской руки.

Почувствовавъ на себѣ взглядъ, сидѣвшій обернулся къ князю и произнесъ:

— Проснулся? Отлично! Теперь, мистеръ, вамъ надо подкрѣпиться.

Онъ удалился въ смежную комнату, но вскорѣ вернулся со стаканомъ вина и бисквитомъ и сказалъ больному:

— Выпейте, покушайте и, если можете, опять засните. Потомъ я осмотрю вашу рану.

Нѣсколько дней молодой князь былъ между жизнью и смертью. Когда онъ, по истеченіи двухъ недѣль, всталъ съ постели, его качало отъ слабости. Однако, онъ хотѣлъ вернуться къ себѣ въ гостиницу, но хозяинъ удержалъ его, сказавъ:

— Полноте, мистеръ, оставайтесь! Вы меня нисколько не стѣсняете, а уходъ я вамъ окажу лучшій, чѣмъ какой-нибудь неучъ-солдатъ Карпъ.

Имя сердобольнаго англичанина было Андрей Фергарсонъ. Онъ, поздно возвращаясь домой, нашелъ Шейдякова лежащимъ въ крови и безъ чувствъ у крыльца своего дома.

— Да, слава Богу, что мнѣ удалось скоро подать помощь; безъ этого мы, пожалуй, съ вами не бесѣдовали-бы,—говаривалъ Фергарсонъ.

Рана, нанесенная Джономъ, была широка и глубока ножъ убійцы только на одну линію не дошелъ до легкихъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Левъ Андреевичъ почти совершенно оправился и рѣшительно собрался покинуть гостепріимный кровъ.

— Вы мнѣ говорили, мистеръ Лео, что въ Англіи вы учились ремеслу матроса?—спросилъ хозяинъ.

— Да. И уже имѣю аттестатъ!—отвѣтилъ князь.

— Этотъ аттестатъ надо представить вашему государю?

— Конечно. Но, когда это придется сдѣлать, не знаю. Вѣроятно, уже въ Москвѣ!

— Однако, чѣмъ скорѣе, тѣмъ было-бы лучше, не правда-ли? — снова спросилъ сердобольный англичанинъ.

— О, да! Я и милость государя заслужилъ-бы, и былъ-бы спокоенъ, что мое ученье кончено вполнѣ,— отвѣтилъ князь. — А то опаска беретъ: ну, какъ въ Москвѣ государь меня поразспроситъ да останется моимъ обученьемъ не доволенъ? Что тогда? Тогда снова поѣзжай за море.

— Вѣрно, вѣрно. Я знаю особу, которая могла-бы васъ провести къ государю. Хотите, познакомлю?

— Очень буду радъ.

— Такъ ѣдемте, не теряя времени.

— Развѣ вашъ знакомый не въ Лондонѣ?

— Теперь нѣтъ. Онъ сейчасъ въ Дептфордѣ. Это будетъ недалеко отъ Лондона.

Во время пути мистеръ Андрей лукаво посматривалъ на князя изъ-подъ очковъ и загадочно улыбался.

Черезъ полчаса ѣзды они подъѣхали къ длинному, странному зданію.

— Да это—верфь!—воскликнулъ Шейдяковъ.

— Верфь, и, пожалуй, лучшая въ мірѣ!—подтвердилъ англичанинъ.

— Тутъ и находится вашъ знакомый?

— Тутъ. Пойдемте.

Когда они входили въ верфь, работа кипѣла на ней во-всю. Строилось большое военное судно. Всюду виднѣлись рабочіе; тутъ плотники обтесывали мачты, здѣсь кузнецы пластали желѣзо; скрипѣли пилы, стучали молотки, топоры.

Въ глубинѣ верфи, въ уголку, въ сторонѣ отъ шума, помѣщался столъ, заваленный чертежами. За нимъ сидѣлъ молодой человѣкъ богатырскаго сложенія. Тутъ-же стояли съ почтительнымъ видомъ трое другихъ людей: одинъ въ придворномъ расшитомъ золотомъ кафтанѣ, другой—въ военномъ мундирѣ и третій—въ скромной темной одеждѣ. Господинъ въ черномъ что-то объяснялъ сидѣвшему, военный переводилъ его рѣчь съ англійскаго на голландскій языкъ.

По мѣрѣ того, какъ мистеръ Андрей и князь приближались къ столу, Шейдяковъ чувствовалъ, что его охватываетъ сильнѣйшая робость — сидѣвшій за столомъ мужчина напоминалъ ему государя. Наконецъ, князь не выдержалъ.

— Стойте, мистеръ,—прошепталъ онъ,—это... это—нашъ царь?

Фергарсонъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Быть можетъ. Да пойдемте-же!

Черезъ мгновеніе Шейдяковъ, блѣдный, какъ полотно, стоялъ предъ царемъ.

— А, профессоръ! привели вашего раненаго?—обратился царь черезъ переводчика, вице-адмирала Митчеля, къ мистеру Андрею, а потомъ повернулся къ Льву Андреевичу и спросилъ:—Шейдяковъ?

— Вѣрный рабъ вашего величества Левка Шейдяковъ.

— Что такое съ тобой приключилось?

— Ножомъ меня пырнули!—отвѣтилъ князь.

— А ты-бъ подъ ножъ не попадался. Какъ было дѣло?

Молодой князь разсказалъ все подробно, передавъ и случай на морѣ.

— Людская благодарность извѣстна,—промолвилъ царь.—Ну, а какъ ты учился?

— Ничего учился, ваше величество!—смѣло отвѣтилъ Шейдяковъ.—Началъ юнгой, кончилъ — боцманомъ. Вотъ свидѣтельство.

Государь взялъ отъ него и передалъ аттестатъ Митчелю, прося его перевести. Вице-адмиралъ прочелъ бумагу капитана Гарри по-голландски.

— Написано-то хорошо, а только бумагѣ не всегда можно вѣру давать!—замѣтилъ Петръ Алексѣевичъ,—увидимъ, какъ на дѣлѣ себя покажешь. Кумпасъ изучалъ?

— Какъ-же, государь!

— А вотъ возьми этотъ и объясни.

Князь взялъ со стола компасъ и подробно объяснилъ его устройство, движеніе стрѣлки.

— Ладно. Это знаешь!—съ удовольствіемъ сказалъ царь.—Теперь испытаемъ тебя въ томъ, какой ты мореходъ. Обожди немного: мнѣ нужно тутъ маленькій расчетецъ докончить.

Государь продолжалъ занятія, а Шейдяковъ, отойдя въ сторону, съ замираніемъ сердца ждалъ предстоящаго экзамена.

Спустя полчаса, царь, Фергарсонъ, Шейдяковъ, Митчель и Кармартенъ неслись въ яхтѣ по Темзѣ. Государь командовалъ, князь-стольникъ исполнялъ роль матроса.

Всѣ приказанія царя Шейдяковъ исполнялъ быстро, съ полнымъ знаніемъ дѣла и при видѣ этого на лицѣ Петра Алексѣевича играла довольная улыбка.

— Хорошо! Причаливай къ берегу!—крикнулъ онъ князю.—Вижу, не даромъ ты время потратилъ. Можешь возвращаться къ родителямъ да старику-отцу отъ меня поклонъ передай. Ты мнѣ еще послужишь, и я тебя не забуду. Хочешь, прямо въ Москву поѣзжай, хочешь — пристань къ посольству, какъ знаешь.

Откланявшись государю, Левъ Андреевичъ съ чувствомъ пожалъ руку Фергарсону.

— Спасибо, за все спасибо!—радостно сказалъ онъ.

— За что? Вмѣстѣ въ Москвѣ служить будемъ; я сдѣлалъ для тебя, какъ для товарища,—отвѣтилъ мистеръ Андрей.

— Развѣ и ты ѣдешь въ Москву? — спросилъ князь.

— Да. Меня нанялъ царь. Я—профессоръ математики. Ему нужны ученые для навигаторской школы, которую онъ открываетъ въ Москѣ. Я радъ послужить такому государю, какъ умѣю и могу. А ты, признайся, перетрусилъ порядочно?

— Еще-бы! развѣ я думалъ встрѣтить царя на верфи?

— Онъ учится тамъ. Въ Нидерландахъ онъ учился съ топоромъ въ рукѣ, здѣсь—съ циркулемъ. Великій умъ! Великій царь! Чему онъ не учился? чего не знаетъ? Онъ — великолѣпный морякъ, превосходный артиллеристъ, теперь уже хорошій корабельный инженеръ... Кромѣ того, онъ въ совершенствѣ обладаетъ знаніемъ четырнадцати ремесловъ... Подумай: четырнадцати! Поразительно!

Въ этотъ-же день князь Шейдяковъ свидѣлся въ тавернѣ „Сокола“ со Звѣревымъ и Мэри.

Дѣвушка чуть не упала въ обморокъ при видѣ его: она думала, что предъ нею выходецъ съ того свѣта, такъ какъ Джонъ Дей по секрету шепнулъ ей, что видѣлъ князя мертвымъ. Осипъ Ивановичъ обрадовался чрезвычайно.

— Голубчикъ! Дорогой! Да что съ тобой было?—забросалъ онъ князя вопросами. — Разсказывай, разсказывай! А если-бъ ты зналъ, какъ твой Карпъ горюетъ! Хотѣлъ ужъ панихиды служить.

Къ концу разсказа Шейдякова о своихъ приклю-

ченіяхъ въ таверну вошелъ Джонъ. Матросъ не сразу замѣтилъ князя. Онъ сѣлъ за столикъ, потребовалъ виски и хотѣлъ отпустить Мэри плоскую остроту, но вдругъ замеръ съ открытымъ ртомъ, устремивъ полный ужаса взглядъ на Льва Андреевича.

— Что? Не ожидалъ видѣть меня въ живыхъ?— глухо промолвилъ князь.—Я тебѣ оказалъ хорошую услугу и ты мнѣ за нее добромъ заплатилъ. Пожалуй, надо-бы намъ теперь новый расчетецъ сдѣлать? А?

Дей сидѣлъ, какъ истуканъ. Его лицо было искажено страхомъ.

— Надо-бы расчитаться съ тобой за твою благодарность, да не хочу рукъ марать о такую гадину!—гнѣвно продолжалъ князь.—А теперь—брысь съ глазъ моихъ и впередъ мнѣ не попадайся. Ну! живѣй!

Джонъ опрометью кинулся за дверь.

Звѣревъ не стерпѣлъ.

— Ты, Лева, какъ хочешь, а я такъ не могу... Поучить этого негодника надо!—сказалъ онъ, вставая, и бросился вдогонку за матросомъ.

Вернулся Осипъ Ивановичъ черезъ полчаса, запыхавшись.

— Попомнитъ матросишка, каковы русскія кулаки!— промолвилъ онъ, снова сѣвъ за столикъ, и тотчасъ-же, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ разговоръ и, обращаясь къ князю, спросилъ:—ты какъ, Лева, прямо въ Москву или съ нами?

— Думаю, съ вами!—отвѣтилъ князь.

— Отлично, хотя и помѣшкотнѣй. Мы отсюда къ цесарю, а отъ него въ Венецейскую землю.

— Посмотрю страны заморскія,—живо заговорилъ князь,—и въ Москву вмѣстѣ вернемся.

— Для меня въ Москвѣ одна тоска,—грустно промолвилъ Звѣревъ.

— Никто, какъ Богъ, Осипъ! На Него надѣйся!— старался утѣшить друга Шейдяковъ.

* * *

Пышно и радушно принятый англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III Петръ Алексѣевичъ не забылъ въ вихрѣ развлеченій главной цѣли своего пріѣзда въ Лондонъ. Этой цѣлью было довершить изученіе ко-

раблестроенія. Осмотрѣвъ городскія достопримѣчательности, побывавъ въ театрахъ, попировавъ, государь удалился отъ пировъ и забавъ въ Дептфордъ, городокъ, лежащій въ трехъ верстахъ отъ Лондона, на берегу Темзы, рядомъ съ Гринвичемъ. Тамъ государь нанялъ домъ Эвелина, прилегавшій къ королевской верфи, такъ что царь могъ выходить изъ него прямо на работу, и около двухъ мѣсяцевъ провелъ за усернымъ изученіемъ корабельнаго искусства по всѣмъ правиламъ науки.

Отъ своихъ занятій онъ иногда отрывался для поѣздокъ въ Вульвичъ, гдѣ бралъ уроки морской артиллеріи и упражнялся въ метаніи бомбъ, и для осмотра знаменитаго литейнаго завода, находящагося тамъ-же. Онъ посѣщалъ также монетный дворъ въ Турѣ, очевидно, уже имѣя намѣреніе передѣлать безобразныя русскія деньги того времени. Побывалъ царь и въ парламентѣ, въ оксфордскомъ университетѣ, въ обществѣ квакеровъ, состязался въ преніяхъ съ англиканскими епископами, которыхъ поразилъ своею твердостью въ православной вѣрѣ.

Учась непрестанно, видя чудеса цивилизаціи, царь все больше убѣждался, насколько отстали во всемъ русскіе отъ иноземцевъ. Часто, очень часто сумрачныя тѣни бродили по его своеобразно-прекрасному лицу, когда онъ мысленно оглядывался на далекую, горячо имъ любимую Русь. Просвѣтить ее, просвѣтить, во что-бы то ни стало, сдѣлалось его завѣтною мыслью. Его не пугала грандіозность задачи; онъ вѣрилъ, что справится съ нею. Нужны были только надежные помощники. И царь искалъ ихъ, жадно искалъ среди окружающихъ русскихъ и иностранцевъ. Происхожденіе или общественное положеніе человѣка не играли роли въ его глазахъ: онъ равно приближалъ къ себѣ и простолюдиновъ, и знатныхъ; отъ нихъ требовалось одно: чтобы они были людьми способными.

Изъ Англіи царь, дружески разставшись съ королемъ Вильгельмомъ, съѣздилъ ненадолго снова въ Голландію, а оттуда отправился въ Вѣну.

Въ столицу „цесаря“ Петра Алексѣевича влекла необходимость покончить переговоры относительно борьбы съ турками. Быть можетъ, эта работа—работа

дипломатическая — была еще труднѣе той, которую царь испыталъ въ Нидерландахъ и Англіи, но государь и въ ней явилъ себя не менѣе великимъ, чѣмъ на другихъ поприщахъ.

Изъ Вѣны царь намѣревался ѣхать въ Венецію для изученія галернаго дѣла, но осуществить это намѣреніе помѣшали дошедшія до него тревожныя вѣсти изъ Руси.

XX.

По Москвѣ пронесся тревожный слухъ: царя за моремъ не стало!

Объ этомъ говорили въ мирной домашней бесѣдѣ, толковали на базарахъ. И у большинства при этомъ возникалъ вопросъ:

— А если, спаси Господи, правда это, тогда кому царствомъ править? Царевичъ Алексѣй Петровичъ— малолѣтокъ. А ежели-же начнутъ, за его малолѣтствомъ, бояре править, такъ отъ этого оборони Богъ!

У многихъ взоры обращались къ Новодѣвичьему монастырю, гдѣ въ кельѣ томилась бывшая правительница Софія Алексѣевна, и возникала мысль, равнявшаяся уже твердо опредѣленному рѣшенію:

„Быть ей на царствѣ“.

Люди стараго закала радовались, полагая, что опять наступаетъ пора ихъ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, люди, любившіе половить рыбку въ темной водѣ, распускали слухи одинъ другого зловѣщѣе. Не упускала случая дѣйствовать и монастырская затворница, царевна Софія. Среди стрѣльцовъ шло броженіе.

— Ну, мать, на-дняхъ жди свахъ,—сказалъ какъ-то въ началѣ іюня 1698 года князь Андрей Ѳомичъ Шейдяковъ своей женѣ Аннѣ Марковнѣ.—Женихъ за Вѣрку сватается.

— Не погнѣвайся, скажи, кто такой? — спросила жена.

Старый князь помолчалъ, словно раздумывая, говорить женѣ или нѣтъ, потомъ промолвилъ:

— Про Гаврила Сидоровича Веревкина слышала?

— И слышала, и видѣла! Длинный эдакій, корявый.

— Такъ вотъ его сынъ.

— Что-жъ, давай Богъ, чтобы сладилось,—прогово-

рила княгиня,—если малый хорошій... А только извини—конечно, люди часто и зря болтаютъ—говорили мнѣ, будто у Веревкина достатокъ не ахти какой, да и у царя онъ въ опалѣ.

— Было, да сплыло. Инымъ, мать, теперь вѣтромъ дуетъ!—воскликнулъ князь, а потомъ, наклонясь къ женѣ, сказалъ тише:—слышала, какіе толки идутъ?

— Да я, чай, глупости толкуютъ. Говорятъ, будто царя-государя не стало.

— Глупости-ль, нѣтъ, про то время скажетъ. А пока смута идетъ большая и перемѣнамъ быть великимъ. Хотятъ царевну Софію Алексѣевну на царство звать.

Эти слова князь проговорилъ почти шепотомъ.

— Что ты?!—изумленно воскликнула Анна Марковна.

— Да. Ну, а если царевна-матушка будетъ на царствѣ, то всѣ, кто былъ въ опалѣ, станутъ въ чести. Веревкинъ тогда большую силу заберетъ!.. Впрочемъ, оно, конечно, что Богъ дастъ, какъ что еще повернется. Можетъ, и слухъ облыженъ; можетъ, и стрѣльцовъ, что теперь шумятъ, перехватаютъ да казнятъ, только и всего...

— А сильно шумятъ?—поинтересовалась княгиня.

— И-и, какъ! Не дай Богъ! Что будетъ,—поживемъ—увидимъ. На случай, быть въ дружбѣ съ Веревкинымъ на руку, а только и со свадьбой спѣшить нечего. Примѣчай.

— Потому ежели все сущими пустяками окажется, такъ намъ съ Гаврилой Сидоровичемъ родниться вовсе не сласть.

— Оно, конечно: что въ немъ тогда?

— Истинно! Пока-же будемъ ждать. Завтра онъ ко мнѣ обѣдать пріѣдетъ съ сыномъ: въ грязь лицомъ не ударь.

— Постараюсь!—спокойно произнесла княгиня.

— Можетъ, женихъ до сватовства невѣсту захочетъ посмотрѣть!—замѣтилъ Андрей Ѳомичъ.

— Вотъ ужъ это не хорошо. Да что не хорошо! даже очень худо. Какіе тамъ смотры!—съ неудовольствіемъ проговорила княгиня.

— Теперь это въ обыкѣ. Что подѣлаешь? Такъ къ завтрему готова будь. Вѣркѣ пока ничего не говори.

— Не скажу.

Княгиня, дѣйствительно, ничего не сказала дочери, но проговорилась любимой ключницѣ, та, въ свою очередь, сообщила о новости кой-кому, и вечеромъ, когда боярышня отходила почивать, Устинья шепнула ей:

— Женихъ за тебя сватается.

Дѣвушка встрепенулась и съ живостью спросила:

— Женихъ? Ахъ, Боже мой! Кто?

— Доподлинно не знаю,—отвѣтила Устинья,—еще свахи не пріѣзжали, а такъ князь съ княгиней говорили промежъ себя.

— Вотъ напасть!—чуть не плача, сказала княгиня.

— Что говорить! Кому любо идти за немилаго.

Молясь въ этотъ вечеръ, княжна прибавила къ своимъ обычнымъ прошеніямъ:

— Помози, Господи, чтобы съ женихомъ этимъ дѣло не сладилось!

Всю ночь женихъ ей снился въ видѣ чудовища; но одновременно снился ей и Осипъ Ивановичъ, однако, не веселый и радостный, а скучный и больной; княжнѣ казалось, что онъ все манилъ и звалъ ее за собою. Когда княжна проснулась по утру, она замѣтила, что ея подушка была мокра отъ слезъ.

Отобѣдали въ этотъ день мать съ дочерью отдѣльно отъ князя.

— У него гости,—пояснила княгиня.

Дѣйствительно, изъ свѣтлицы доносился говоръ.

Было далеко за полдень. Вѣра сидѣла за своей обычной работой, когда внезапно вошла мать и приказала:

— Вѣра! переодѣнься! къ гостямъ пойдемъ.

— Ахти!—воскликнула Вѣра, но все-же послушно стала обряжаться.

Княжну одѣли въ новый сарафанъ, пріодѣлась и княгиня. Потомъ обѣ онѣ спустились внизъ; у дверей свѣтлицы, изъ-за которыхъ слышался несвязный говоръ, уже ждали челядинцы съ наполненными кубками, поставленными на серебряные подносы.

За столомъ, въ безпорядкѣ установленномъ яствами, сидѣли князь, рябой Гаврила Сидорычъ и его сынъ—нескладный малый, бѣлобрысый и тоже, какъ его отецъ, рябоватый.

„Неужели это—женихъ?“—въ ужасѣ подумала Вѣра

Было замѣтно, что сидѣвшіе за столомъ были изрядно навеселѣ.

— П... по-дойдите! — приказалъ князь!—уг-гости-те гостей.

— Выкушай!—съ низкимъ поклономъ предложила старшему гостю хозяйка.

— При-гу-била-бъ!—заплетающимъ языкомъ попросилъ тотъ.

Княгиня отхлебнула отъ кубка, послѣ чего гость залпомъ осушилъ его и облобызался съ хозяйкой, которая затѣмъ перешла къ молодому гостю.

Вѣра, машинально, какъ сквозь сонъ, продѣлывала то-же, что и мать. Когда она опять очутилась въ своей свѣтелкѣ, отъ свиданія съ гостями у ней осталось воспоминаніе чего-то тяжелаго, какъ кошмаръ: къ ней наклонялись бородатыя лица, ее цѣловали мокрыя, противныя губы... Душа княжны была полна жгучею тоскою.

XXI.

Жарко, душно въ кельѣ Софьи Алексѣевны. Постельницы царевны поусердствовали: приказали истопить печь, когда на дворѣ теплынь и ростепель. Не спится царевнѣ. Голова тяжела, кровь бьетъ въ виски.

„Съ чего это сна нѣтъ? Отъ духоты либо отъ думъ?—задала себѣ вопросъ царевна.—Вонъ ужъ бѣлый свѣтъ глядитъ въ окно, ужъ монастырскіе колокола начали перекликаться... Много, много думушекъ! Голову тѣснятъ онѣ, вьются, мелькаютъ, какъ птахи. Да какъ и не быть думамъ? Если удастся! если только удастся! Постой, братику! мы еще потягаемся, мы еще тряхнемъ. Что я теперь? Узница! За ворота шага нельзя сдѣлать... Мы тебя, Петрушенька, вокругъ пальца обведемъ. Ну, и держись-же тогда! Сладости тебѣ будетъ мало, а горькаго много познаешь. Дай только дорваться!“

У Софьи Алексѣевны даже духъ захватило отъ злобнаго волненія.

Она сѣла на постели. А мысли неустанной вереницей неслись въ ея мозгѣ.

„Свѣтъ глаза рѣжетъ, голова, какъ въ дурманѣ... Ну, ночка была!.. Да, братанъ, посмотримъ еще, чья

возьметъ. Ты думалъ, что ужъ похоронилъ меня, прикончилъ, анъ я и воскресну, и какъ еще воскресну-то! Сама судьба мнѣ на помощь идетъ. Я не добивалась, жила тихо... Стрѣльцы сами обо мнѣ вспомнили. Я тутъ не виновата. Какъ мнѣ намедни сестра Марѳа прислала вѣсточку, что стрѣльцы въ Москву пришли, изъ полковъ бѣжали, то я поняла, что недаромъ они явились, что, значитъ, судьбинушка моя будетъ иная,— не въ кельѣ мнѣ жизнь кончать, а царицей русской. Иначе зачѣмъ стрѣльцамъ и въ Москвѣ объявляться? Зря головами захотѣлось поиграть? Чуетъ мое сердце, что звать меня на царство они хотятъ. Позовутъ—ну, не судьба-ли? А только и судьбѣ надо помочь... Ужъ устроимъ! Пришла горсточка стрѣльцовъ, а черезъ нихъ колыхнемъ все стрѣлецкое войско... Пока нашъ братецъ за моремъ гоститъ, мы тутъ все подстроимъ, а послѣ—милости просимъ. Встрѣтимъ—ха-ха!—по-свойски! Въ помощникахъ у меня опять будетъ Васенька... Милый, желанный! Мнѣ-то здѣсь еще полгоря, а тебѣ-то каково, родненькій!“

И въ ея воображеніи мелькнула бѣдная деревушка, курная изба и въ ней онъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, ея душевный другъ, грустный, исхудалый.

„Первымъ дѣломъ тебя верну,—продолжала думать царевна.—Настрадался ты, будетъ! За братнюю къ тебѣ немилость тройной милостью я награжу тебя... Только-бъ стрѣльцы не тянули, не мямлили. Знаю я ихъ повадку! Вставать, что-ли? Какое ужъ спанье! Весь монастырь на ногахъ!“

Рѣшивъ такъ, Софья Алексѣевна крикнула:

— Вѣра!

Вошла ея постельница, Васютинская.

— Утра добраго, царевна!—заговорила она.—Заспалась сегодня ты.

— Какое! Всю ночь глазъ не сомкнула, такъ валялась... только измаялась. Дай-ка-сь сарафанъ.

Вѣра помогла царевнѣ одѣться, дала помыться, причесала. Софья Алексѣевна помолилась и сѣла за сбитень.

Васютинская стала у двери, скрестивъ руки.

— Солнце бьетъ въ окно. Времени не мало,—сказала царевна, прихлебывая съ блюдечка.

— Ранняя обѣдня отходитъ!—отозвалась постельница.

Помолчали. Первая заговорила Васютинская:

— Чуть свѣтъ прибѣжала эта карлица...

— Авдотья?!—спросила царевна.

— Да. А я думаю, чего царевну будить.

Блюдечко чуть не выпало изъ руки Софьи Алексѣевны.

— Дура!—крикнула она.—Зови ее сейчасъ!

— Да, вѣдь, я-жъ думала...

— Зови, говорятъ!

Васютинская вышла, ворча:

— Почемъ я знала, что ты не спишь? Да и что она за птица? Подождетъ!

Черезъ минуту въ келью вошло, быстро сѣмяня ножками, существо, имѣвшее ростъ восьмилѣтней дѣвочки и лицо старухи.

— Здравствуй, матушка-царевна!—заговорила карлица.—Марѳа Алексѣевна поклонъ тебѣ шлетъ и вотъ стряпню *) просила передать.

— Дай, дай!—сказала Софья Алексѣевна и тотчасъ-же махнула рукой постельницѣ и карлицѣ промолвивъ: вы уйдите! Одна хочу побыть.

Обѣ женщины вышли, а царевна развернула стряпню, изъ которой выпалъ столбикъ бумаги.

— Письмо! ну, что-то?..—проговорила Софья Алексѣевна и принялась за чтеніе.

По мѣрѣ того, какъ она читала, ея лицо принимало довольное выраженіе.

— Наконецъ-то!—пробормотала она.—Теперь руки развязаны. Зовутъ на царство...

Царевнѣ шелъ сорокъ второй годъ. Она никогда не отличалась красотой, но было что-то покоряющее въ ея суровомъ взглядѣ, въ гордомъ разлетѣ бровей. Когда она дочитала письмо и положила его на столѣ, ея глаза зажглись торжествомъ, румянецъ вспыхнулъ на смугломъ лицѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, и зубы сверкнули при улыбкѣ, и выпрямился нѣсколько полный станъ, и голова горделиво закинулась. Въ этотъ моментъ она казалась почти красавицей и чѣмъ-то сильнымъ, властнымъ повѣяло отъ ея тучной и крупной фигуры.

Съ полочки, которая была прибита къ стѣнѣ рядомъ съ иконами и на которой хранились святыя книги и

принадлежности письма, царевна взяла чернильницу, перо и полоски бумаги. На одномъ листкѣ она быстро набросала нѣсколько строкъ и свернула бумагу въ столбикъ. Затѣмъ она взяла другую полоску и задумалась, держа перо въ рукѣ.

— Какъ-бы написать получше? Вотъ Васи нѣтъ, онъ-бы посовѣтовалъ,—прошептала она.

Послѣ этого Софья Алексѣевна встала, пропилась по кельѣ, а потомъ рѣшительно взялась за перо, прошептавъ:

— Напишу, какъ Богъ на душу положитъ!

Изъ-подъ пера посыпались крупныя, четкія буквы, словно накиданныя не женской рукой.

Окончивъ письмо, царевна свернула въ столбецъ, завернула оба письма въ „стряпню“ и позвала:

— Дуняша!

Карлица вкатилась въ келью и царевна сказала ей:

— Сестрицѣ Маѳѣ Алексѣевнѣ мой поклонъ передай! Скажи, что ея стряпня очень мнѣ понравилась, а только тутъ малость недокончено... додѣлать надо. Да она поймета... Оттого и работу я назадъ пересылаю. Смотри! стряпню крѣпче и поосторожнѣй держи—не развертывай, не оброни: спаси Богъ, замараешь. Работа такая, что за ней недѣль пять просидишь. Иди съ Богомъ! Да, слышь, скажи сестрицѣ моей, что я большое спасибо говорю за хлопоты да за память.

Одно письмо было къ царевнѣ Маѳѣ Алексѣевнѣ, другое—посланіе къ стрѣлецкому войску. Въ первомъ царевна Софья просила сестру передать ей, вѣдомымъ путемъ, письмо стрѣльцамъ и позаботиться, чтобъ „молвь по Москвѣ пошла такая, что намъ на руку“, во второмъ—она дала надлежащій совѣтъ стрѣльцамъ.

„Молвь“ вскорѣ была пущена.

XXII.

Въ семьѣ Симоновыхъ въ протекшій періодъ времени произошло важное событіе: родился первенецъ. И мать, и отецъ души не чаяли въ этомъ крохотномъ, капризномъ существѣ. Когда Симоновъ возвращался со службы, первымъ его словомъ всегда бывало:

---

*) Рукодѣліе.

— А что Колюша?

И Анфиса Петровна неизмѣнно отвѣчала:

— Кричитъ, тятьку ждетъ.

Симоновъ бралъ сына на руки, качалъ, цѣловалъ, и его глаза свѣтились тихимъ счастьемъ.

Въ общемъ жизнь текла мирная и спокойная. Оба супруга любили свой скромный уголокъ и отдавались тихому счастью.

Нина Михайловна наружно оставалась прежняя, своею грустью она не хотѣла нарушать царившій въ домѣ душевный миръ, никому не выдала своей тайны и только Богъ да ночная тишь знали, какъ мучилась она.

Однажды Артемій Андреевичъ вернулся домой сумрачнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Что ты не веселъ?—спросила его жена.

— Пообѣдаемъ, тогда скажу. Да ты не тревожься, ничего особеннаго не случилось!—произнесъ онъ и постарался сдѣлать веселое лицо.

Обѣдъ прошелъ спокойно. Почему-то своего Колюшу молодой преображенецъ ласкалъ еще болѣе горячо, чѣмъ всегда.

— Ну, что-же ты хотѣлъ сказать?—промолвила Анфиса Петровна.

— Слышала? Стрѣльцы подняли мятежъ.

— Да? Ну, что-же?—спросила Симонова.

— Они идутъ теперь на Москву.

— Ахъ, Боже мой! Много ихъ?

— Четыре полка. На ослушниковъ выступаетъ воевода Шеинъ.

— И твой полкъ?—съ безпокойствомъ воскликнула Анфиса Петровна.

— Да. Изъ нашего полка и иныхъ изъ по пяти сотенъ назначено. Я тоже иду.

— Да, вѣдь, это все равно, что въ походъ.

— Пальба будетъ. У стрѣльцовъ есть ружья и пушки.

— Отговорись чѣмъ-нибудь!—посовѣтовала молодая женщина.

Симоновъ вспыхнулъ гнѣвомъ при этихъ словахъ и воскликнулъ:

— Подумай, что говоришь! Что-же я служить царю-

то буду только, когда миръ? Креста-то развѣ я ему не цѣловалъ?

Анфиса Петровна покраснѣла.

— Да я... И вотъ Колюша,—залепетала она.

— Служба требуетъ, такъ тутъ надо обо всемъ забыть—вѣско произнесъ Симоновъ.

У молодой женщины на глазахъ блестѣли слезы. Такимъ сердитымъ она еще никогда не видала мужа. Въ теченіе всего времени ихъ совмѣстной жизни это была первая размолвка.

Артемію Андреевичу стало жаль жену.

— Я знаю, женушка,—ласково сказалъ онъ, — что ты отъ любви ко мнѣ сказала это. Ну, помиримся!

Онъ привлекъ къ себѣ жену. Она прильнула лицомъ къ его плечу и заплакала. На ея душѣ было странное, сладко-щемящее чувство.

— Полно, женушка, полно, родная!—шепталъ молодой мужъ, гладя ее по головѣ, какъ ребенка.

* * *

Бой со стрѣльцами обѣщалъ быть грознымъ, а вышелъ почти безвредной шумихой. Регулярное войско, созданное геніемъ Петра, доказало здѣсь свое превосходство.

Мятежники сошлись съ царскими войсками подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Ни на какіе уговоры бунтовщики не подались. Тогда генералъ Гордонъ приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ, хотя и ядрами, но мѣтя выше головъ мятежниковъ.

Грянулъ залпъ изъ двадцатипяти орудій, земля задрожала отъ гула, но стрѣльцы, увидѣвъ безвредность выстрѣловъ, продолжали стоять противъ царскихъ войскъ.

— Сергіевъ! Сергіевъ!—закричали они условный сигналъ.

Ихъ знамена распустились; затрещали ружейные выстрѣлы съ ихъ стороны, загремѣли пушки. Среди солдатъ оказались раненые.

Тогда Гордонъ отдалъ приказъ стрѣлять уже не для одного страха. Полковникъ Граге понизилъ орудія. Грянулъ залпъ — и губительный чугунъ полетѣлъ въ мятежниковъ, повергая ихъ ранеными и убитыми.

Бунтовщики замялись. Нѣсколько ротъ кинулось въ сторону, но всѣ онѣ были встрѣчены огнемъ Лефортова и Бутырскаго полковъ.

Между тѣмъ, грянулъ третій пушечный залпъ. Стрѣльцы съ копьями наруку ожесточенно бросились на царскую пѣхоту, крича:

— Впередъ! Грудью напроломъ!

Однако, четвертый залпъ разсѣялъ ихъ въ ужасѣ.

Бой былъ конченъ. Мятежные стяги преклонились предъ царскими вѣрными войсками. Дѣло продолжалось не болѣе часа. Всѣ бунтовщики сложили оружіе. Начался допросъ.

Когда Артемій Андреевичъ вернулся домой послѣ боя, онъ сказалъ радостно встрѣтившей его женѣ:

— Видишь, голубка, и совѣсть спокойна, и радость у насъ большая. Не пойди я на бой, не было-бы радости теперь. Тамъ, въ бою, было, можетъ быть, и горько, да зато теперь сладко. Горемъ зачастую радость подготовляется.

Въ этотъ-же самый день къ князю Андрею Ѳомичу Шейдякову пріѣхалъ испуганный Веревкинъ и сообщилъ:

— Бѣда, княже!

— Что такое, Гаврилъ Сидоровичъ? — спросилъ князь.

— Стрѣльцы побиты.

Что-то мелькнуло на лицѣ князя.

— Что-же за бѣда, понять не могу,— сухо промолвилъ онъ. — Радоваться надо, что Богъ далъ побѣду надъ мятежниками. А ты—„бѣда“! Тебѣ, можетъ, оно, конечно... Ты что-же, назадъ въ деревеньку свою?

— Да... Не знаю... Вотъ какъ со сватовствомъ...— пролепеталъ смущаясь Веревкинъ.

— Со сва-тов-ствомъ?—протянулъ князь.—Ай, я и забылъ тебѣ сказать, что я Вѣру раздумалъ замужъ выдавать. Пусть погуляетъ она на волѣ: молода еще.

Веревкинъ помялся и собрался уходить. Шейдяковъ его не удерживалъ.

XXIII.

Семья князя Шейдякова сидѣла за обѣдомъ, когда въ комнату вбѣжалъ холопъ, крича:

— Молодой князь пріѣхалъ!

— Что?!—воскликнулъ Андрей Ѳомичъ, не вѣря ушамъ.

— Лева?! — крикнула княгиня, поднимаясь изъ-за стола.

Вѣра, забывъ почтеніе къ отцу и матери, побѣжала къ двери... и очутилась въ объятіяхъ брата.

Поцѣлуямъ, возгласамъ конца не было. Анна Марковна всплакнула, отецъ моргалъ глазами, Вѣра имѣла взволнованный видъ.

— Покушай, свѣтикъ. Покушай пирожка, чай, за моремъ-то наѣлся всякой мерзости, мой сердешный!—говорила мать.

— А ты, того, перемѣнился, да... Ишь, усы какіе... и окрѣпъ,—бормоталъ старикъ, любуясь красивымъ сыномъ и съ нѣкоторой досадой замѣчая, что онъ, отецъ, испытываетъ предъ нимъ словно смущеніе.—Ты теперь ученый, всякія науки произошелъ,—продолжалъ старикъ.

— Гдѣ-же, батюшка, всѣ!—отозвался молодой князь.—Такъ кое-что.

— Предъ нами, стариками, гордиться станешь.

— Что ты, дорогой тятя!

— Толкуй! И государь изволилъ прибыть?—спросилъ князь Андрей Ѳомичъ.

— Завтра прибудетъ онъ въ Бѣлокаменную. Мы пораньше успѣли.

— Это ты съ кѣмъ-же?—спросила мать.

— Со Звѣревымъ Осипомъ Ивановичемъ.

— Развѣ и онъ за моремъ былъ? Это Ивана Звѣрева, торговаго человѣка, сынъ, вѣдь?—хмурясь, спросилъ князь.

— Онъ самый. Какъ-же, былъ онъ за моремъ! Царскую любовь заслужилъ. Царь его прапоромъ Преображенскаго полка пожаловалъ.

— Ска-а-жи, пожалуйста! Купецкаго сына!—изумленно произнесъ старый князь.

— Государь на это не смотритъ: ему былъ-бы человѣкъ хорошій. Сдается мнѣ, что Звѣревъ и генераломъ будетъ, — высказалъ свое предположеніе Левъ Андреевичъ.

— Анераломъ? Гмм... Да, новые порядки пошли!—пробормоталъ старикъ и задумался.

Говоря съ отцомъ о Звѣревѣ, Левъ Андреевичъ наблюдалъ за сестрой и видѣлъ, что Вѣра едва находитъ силы, чтобы справиться съ овладѣвшимъ ею сильнымъ волненіемъ.

— Ну, разскажи, сынокъ, что за моремъ хорошаго повидалъ?—промолвила княгиня:

— Много тамъ чудесъ, матушка!—отвѣтилъ Левъ Андреевичъ и сталъ разсказывать различные эпизоды изъ своего пребыванія заграницей.

Отецъ слушалъ его и думалъ съ легкой тоской:

„Да, новыя, новыя времена настаютъ! Вонъ мы, старики, сидимъ и слушаемъ эдакаго молокососишку, и разсказываетъ онъ намъ такія чудеса, какія намъ и во снѣ не снились. И молодъ онъ, да послушаешь, потому—ученъ“.

Вдоволь послушавъ сына, старый князь промолвилъ:

— Ну, Лева...—онъ хотѣлъ было назвать его по-прежнему „Левкой“, да языкъ не повернулся,—ну, Лева, теперь ты и ученъ, и у царя въ чести, и въ лѣтахъ настоящихъ; пора тебя женить.

— Женить?—улыбнувшись, сказалъ сынъ.—Коли я себѣ невѣсту найду, перечить не станешь, батюшка?

— Прежде отцы для дѣтей подыскивали,—промолвилъ старикъ хмуро.

— Да, вѣдь, ты самъ говоришь, что нынѣ новые порядки завелись,—возразилъ Левъ Андреевичъ,—такъ дозволь и мнѣ по-новому.

— Ну, будь по-твоему! валяй по-новому!—уже улыбаясь, отвѣтилъ старикъ.

Въ тотъ-же день молодой князь побывалъ у Симоновыхъ. Тамъ его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Только Нина Михайловна, увидѣвъ его, убѣжала.

Предъ прощаньемъ вечеромъ съ гостепріимными хозяевами, Левъ Андреевичъ что-то долго шепталъ Анфисѣ Петровнѣ. Слышались слова: „пожалуйста!“, „будь добренькая“, на что Анфиса Петровна, съ легкимъ смѣхомъ отвѣчала:

— Да ужъ ладно, ладно! устрою!

И, дѣйствительно, устроила: Нина Михайловна стала невѣстой молодого князя.

XXIV.

Съ княземъ Андреемъ Ѳомичемъ случилось происшествіе, въ высшей степени для него непріятное, неожиданное и немножко смѣшное. Произошло это тамъ, гдѣ ожидать нельзя было: въ Преображенскомъ дворцѣ государевомъ.

26-го августа старый князь, нарядившись въ лучшую одежду, отправился на лучшемъ конѣ, съ пышною толпою челядинцевъ во дворецъ на поклонъ возвратившемуся изъ-за границы царю.

„Какъ-то встрѣтитъ меня, нашъ батюшка? Пожалуетъ-ли своею милостью? Сына такъ обласкалъ, неужли-же меня, старика, нѣтъ?“—думалъ князь, проѣзжая Покровской дорогой, по которой двигались вереницы экипажей и всадниковъ по одному направленію: къ селу Преображенскому.

Сойти съ коня пришлось Андрею Ѳомичу довольно далеко отъ дворцоваго крыльца и пробираться пѣшью. Встрѣтились знакомые, такіе-же сановитые, важные бояре, какъ и онъ. Степенно разговаривая, поднялся князь съ ними во дворецъ.

Обширныя палаты были переполнены людьми всякихъ чиновъ, ожидавшими царскаго выхода. Государь появился предъ присутствовавшими неожиданно для нихъ; онъ былъ очень просто одѣтъ, шелъ безъ свиты, съ однимъ только Францемъ Лефортомъ. Позади царя, приплясывая, бѣжалъ его шутъ Тургеневъ съ большими ножницами. Царь пошелъ по рядамъ безмолвно кланявшихся царедворцевъ, перекидывался съ ними ласковыми словами и вдругъ, остановившись и заговоривъ съ густобородымъ генераллисимусомъ Шеинымъ, взялъ у подошедшаго Тургенева ножницы и отстригъ Шеину полбороды. Генераллисимусъ остолбенѣлъ. Поражены были и всѣ присутствовавшіе, а царь, какъ-будто не замѣчая всеобщаго изумленія, продолжалъ разговаривать, переходя отъ одного къ другому. То и дѣло звякали ножницы и клочья бородъ падали на полъ.

Наконецъ, Петръ Алексѣевичъ достигъ и князя Шейдякова.

— А! князь Андрей! ну, какъ поживаешь, старина?—

ласково сказалъ ему царь.—У тебя сынъ—молодецъ. Я имъ доволенъ, очень доволенъ...

Шейдяковъ хотѣлъ отвѣчать, но онѣмѣлъ, видя, что роковыя ножницы поднялись. А черезъ мгновеніе полбороды Андрея Ѳомича не существовало.

Государь пошелъ дальше, промолвивъ изумленному князю:

— Сыну поклонъ передай!

Добираясь до своего дома, князь Шейдяковъ не зналъ, куда дѣться отъ стыда. Его мозгъ мучила одна неотступная мысль:

„Срамота! Безъ бороды! Люди смотрятъ!“

Жена встрѣтила его ахами.

— Ай, Боже мой! что съ твоей бородой! Ахъ, Царица Небесная!

— Аханьемъ не поможешь, — угрюмо отвѣтилъ ей мужъ.—Ты лучше того... пошли на Кокуй за брадобреемъ...

Къ вечеру старый князь былъ выбритъ гладко, какъ нѣмецъ.

Свои великія преобразованія царь Петръ Алексѣевичъ началъ съ малаго: съ уничтоженія бородъ—этого знака отличія русскихъ отъ бритыхъ иноземцевъ, этого знамени приверженцевъ старины.

XXV.

Прошло немного времени, и однажды князь Левъ Андреевичъ обратился къ отцу со слѣдующими словами:

— Батюшка! дозволилъ ты мнѣ самому невѣсту найти... ну, и я нашелъ!

— Кто такая?—спросилъ Андрей Ѳомичъ.

— Нина Михайловна Симонова.

— Не слыхалъ. Отецъ ея кто?

— Бояринъ былъ. Онъ давно умеръ!—отвѣтилъ молодой князь.

— Гмм... Небось безприданница?

— А ужъ этого не знаю!—безпечно произнесъ Левъ Андреевичъ.

— Ну, и видать, что ты—дуракъ-мальчишка, хоть и за моремъ учился. Приданое—первое дѣло.

— Не съ приданымъ жить, а съ женою по сердцу!—возразилъ молодой князь. — Такъ благословляешь, батюшка?

— Что съ тобой подѣлать? — воскликнулъ Андрей Ѳомичъ.—Далъ я слово, такъ держать надо. А все-жъ невѣсту твою мнѣ посмотрѣть охота.

— Да поѣдемъ хоть сей-часъ.

— Экая прыть! Какъ это живо! Тяпъ-ляпъ да карабъ, такъ вотъ на и поѣзжай. Гдѣ-бы все исподволь, съ умкомъ, съ толкомъ, по-маленечку, по-легонечку. Чего торопиться? Али убѣжитъ?—сердито произнесъ старый князь.

— Нѣтъ, но...

— То-то „но", скороспѣлый!

Левъ Андреевичъ смущенно замолчалъ, но черезъ минуту снова заговорилъ:

— А я еще хочу кое-что сказать!

— Что еще?

— Отчего это ты, батюшка, Вѣру нашу замужъ не выдаешь?

Старый князь насупился и рѣзко сказалъ:

— А тебѣ какое дѣло? Носъ суешь, куда не слѣдуетъ.

— Я потому дѣлаю это, батюшка,—отвѣтилъ Левъ Андреевичъ,—что хочу быть передъ тобой сватомъ.

— Что-о? Что за чертъ! Просто даже смѣхъ беретъ! — закативши смѣхомъ, произнесъ старикъ.— Чудно, ей Богу! Ну, говори, коли на то пошло, какого королевича заморскаго для Вѣры нашелъ?

— Прапора Звѣрева...—отвѣтилъ князь Левъ.

— Звѣрева?! Ни-ни! и думать не моги! Прощалыга, безродный, купецкій сынъ... — замѣтно раздражаясь, промолвилъ Андрей Ѳомичъ.

— Чего-же ругать его? Онъ—не купецкій сынъ,— попробовалъ защитить своего друга молодой князь.

— Сынъ онъ торговаго человѣка Ивана Звѣрева!— не сдавался старикъ.—Знаю я отца его. Самъ, вѣдь, ругаться-то ѣздилъ.

— Теперь онъ свой чинъ имѣетъ и до торгашества отцовскаго ему дѣла нѣтъ. Онъ—Преображенскаго полка прапоръ.

— Шишка какая!—замѣтилъ Шейдяковъ.

— И царь его любитъ!—не смущаясь продолжалъ Левъ Андреевичъ.—Сегодня онъ прапоръ, а завтра, можетъ, и генералъ.

— Пойди ты со своимъ анеральствомъ! Сказано: нѣтъ!

— Царь его жалуетъ, а ты, батюшка, не жалуешь.

— Не жалую.. гмм.. Да знаешь, вѣдь, за что—за продерзость его..

— Такъ-ли это, батюшка? Кажись, не жалуешь ты его больше за то, что онъ безродный?

— Ну, да.. Ну!.. — ужъ совсѣмъ разсердился старикъ.—Чего ты присталъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Онъ—славный парень. А ужъ любитъ Вѣру!

— Срамъ говорить такое! Побойся Бога-то!—крикнулъ старый князь.

— Чего-же срамъ? И она его любитъ,—проговорилъ Левъ Андреевичъ и крикнулъ:—Вѣра, поди сюда!

Княжна, предупрежденная братомъ, слушала за дверью разговоръ, притаивъ дыханіе. Она вошла.

— Батюшки свѣты!—развелъ руками старикъ.—И эта сорока прилетѣла! Сговорились противъ меня!

Онъ не зналъ, сердиться или смѣяться.

— Вѣрочка! вѣдь, ты любишь Оспина? — спросилъ Левъ Андреевичъ,

— Люблю,—потупясь, отвѣтила дѣвушка.

— Стыдись!—крикнулъ отецъ.

Въ комнату вошла Анна Марковна и спросила.

— Что у васъ тутъ?

— Да вотъ этотъ заморскій ученый-то жениха своей сестрѣ сватаетъ—Звѣрева того самаго...

— Матушка! Звѣревъ теперь—офицеръ!—обратившись къ матери, произнесъ Левъ Андреевичъ.—Онъ —хорошій человѣкъ... со своимъ отцомъ теперь помирился...

— Развѣ помирился? Что-же я-то не слыхалъ?—недовѣрчиво сказалъ старикъ.

— Вмѣстѣ съ нимъ былъ я у его отца въ гостяхъ!—объяснилъ Левъ Андреевичъ.—Отецъ въ немъ теперь души не слышитъ. Такъ вотъ, говорю, матушка, почему-бы Вѣры не устроить за него? У его-же отца и достатокъ не малый...

Вѣра, стоявшая все время потупясь, вдругъ упала въ ноги отцу.

— Батюшка! Родной! Дозвольте за него выдти... Безъ него жизни нѣтъ!—воскликнула она, плача.

— Вѣра! что ты?—крикнула мать.

— Встань!—приказалъ отецъ.

— Дозвольте!..—снова пролепетала княжна и, несмотря на приказаніе отца, осталась стоять на колѣнахъ.

— Что тутъ дѣлать?—проговорилъ старикъ, разводя руками.

— Какъ что? благословить на бракъ!—сказалъ сынъ.

— Больно ты скоръ!

— Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтила Анна Марковна,—если онъ—парень хорошій да любятъ они другъ друга...

— Ну, и ты туда-же!—произнесъ старикъ.

Вѣра продолжала плакать у ногъ отца.

— Встань-же!—вновь крикнулъ князь.

— Дозвольте... Благословите!..

— Да, вѣдь, это—сущее наказаніе!—воскликнулъ старый Шейдяковъ.

— Право, Андрей Ѳомичъ,—заговорила княгиня.—Ну, что дѣвка убивается? Благословимъ!

Князь поднялся.

— Я подумаю... Такъ нельзя... Тяпъ да ляпъ!..—сказалъ онъ.

— Чего-же, батюшка, тянуть?—промолвилъ Левъ Андреевичъ.

— Знаю, что дѣлаю!—возразилъ старый князь.—Мы съ матерью потолкуемъ, подумаемъ... Завтра отвѣть дамъ.

— Завтра?

— Я такъ не сопротивлюсь!..—проговорила княгиня.

— Всѣ заодно,—протянулъ Андрей Ѳомичъ,—какъ быть? Ну... ну... Вѣра, встань: благословляю!

Дѣвушка кинулась обнимать отца и мать.

„Все по-новому, все по-новому... И дѣти нынѣ стали не тѣ, да какъ-будто и мы, старики, новыми сдѣлались“, —думалъ старый князь, гладя бритый подбородокъ.

Ле II Д- 11390

конецъ.

Гос. Публичная Б-ка

Въ ближайшей книгѣ
„Собранія романовъ „РОДИНЫ“ 1907 г.

(романы русскихъ писателей, книга 4-я)

будутъ напечатаны 1) повѣсть М. Ф. Караулова

„Всемірная императрица“

и 2) повѣсть Г. Ольшанскаго.

„ЖЕНИТЬБА ЧИНОВНИКА ДЯДЮШИ“.

Въ первомъ изъ предлагаемыхъ произведеній талантливый авторъ воскресаетъ типъ теперь позабытый, но какъ нельзя болѣе подходящій къ данному моменту, когда всѣ взоры, всѣ думы прикованы къ землѣ. Легкое изложеніе, съ оттѣнкомъ незлобиваго юмора, вѣрность бытовыхъ деталей являются несомнѣнными достоинствами этого произведенія интереснаго русскаго беллетриста. Въ повѣсти г. Ольшанскаго, автора, также хорошо знакомаго читателямъ «Родины», описывается далекая-далекая окраина. Русскіе люди тамъ попали въ чуждую имъ среду, но, тѣмъ не менѣе, они живутъ, сохранивъ и среди чужаковъ всѣ свои бытовыя особенности.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Во всѣхъ случаяхъ, когда нужно по какому-либо вопросу обращаться въ контору Редакціи, какъ-то: при высылкѣ денегъ, при перемѣнѣ адреса и при прочихъ заявленіяхъ, гг. иногородніе подписчики благоволятъ прилагать адресъ, по которому получается журналъ, или, въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его письменно, а гг. с.-петербургскіе подписчики—предъявлять подписную квитанцію или сообщать ея номеръ.

2) Въ случаѣ неполученія какого-либо номера журнала или приложеній къ нему, контора проситъ немедленно-же по полученіи слѣдующаго номера письменно заявлять ей объ этомъ, для подачи жалобы въ с.-петербургскій почтамтъ, такъ какъ болѣе поздніе заявленія не могутъ быть удовлетворены.

3) При ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать старый адресъ, по которому журналъ получался, и 28 коп. почтовыми марками на расходы по приготовленію новаго адреса; если старый адресъ и марки не будутъ приложены, перемѣна не можетъ быть сдѣлана.

Графическое заведеніе «Родина» (А. А. Каспари).
С.-Петербургъ, Лиговская улица, собственный домъ, № 114.

2
1459
1907
N1-3